

V 555
2
m.4122

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Русского Библиографического Института Гранат.

СЕДЬМОЕ ИЗДАНИЕ

до 33-го тома под редакцией

проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского, проф. С. А. Муромцева и проф. К. А. Тимирязева.

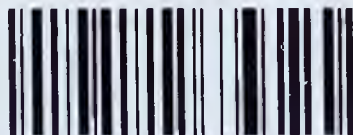
Том сорок первый—часть II.

Союз Советских Социалистических
Республик.

Lexicographis secundus post Herculem labor
(Скалпер).

Редакция „Русского Библиографического Института Гранат“:
Москва, Тверской бульвар, 25.

71264 0

2015147694

В виду обширности цикла статей „Союз Советских Социалистических Республик“ 41-й том подразделен на несколько самостоятельных томов, которые будут именоваться соответствующими частями 41-го тома.

Статьи, помещенные в ХLI томе II части.

Стлб.

Союз Советских Социалистических Республик (цикл статей):

(Продолжение).

IV. Сельское хозяйство СССР—проф. А. В. Чапанова 1

Содержание статьи:

- I. Естественно-исторические, демографические и экономич. условия развития сельского хозяйства СССР 1
- II. Место сельского хозяйства в системе народн. хозяйства СССР 9
 - 1. Земледелие 10
 - 2. Животноводство 25
- III. Хозяйственная организация земледелия СССР 33

V. Сельско-хозяйственное районирование и сельско-хозяйств. районы СССР—проф. А. Н. Челинцева 41

Содержание статьи:

- 1. Понятие и задачи районирования 41
- 2. Признаки районирования 43
- 3. Сельско-хозяйств. районы до революции и теперь в СССР 49
- 4. Динамика сельского хозяйства по районам 66

VI. Промышленность и торговля СССР—проф. А. М. Гинзбург (Наумова). 133

Содержание статьи:

- 1. Характер торгово-промышленной системы 133
- 2. Организация промышленности 151
- 3. Организация внутренней торговли 165
 - 1. Синдикаты 166
 - 2. Торги 170
 - 3. Комиссариатская организация 173
- 4. Состояние промышленности и торговли 177
 - 1. Размер производства 177
 - 2. Электрификация 187
 - 3. Финансовое положение промышленности 189
- 5. Издержки производства и производительность труда 197
- 6. Движение цен 206
- 7. Рост торговли и ее характер 214
- 8. Внешняя торговля 228
- 9. Частная промышленность 232

VII. Труд в СССР—проф. В. Я. Яроцкого 249

Содержание статьи:

- 1. После-революц. общественн. отношения и рабочий класс 249
- 2. Рабочий класс в период военного коммунизма 253
- 3. Рабочий класс при новой экономич. политике 269
- 4. Рост фабр.-заводск. пролетариата и его удельного веса 275
- 5. Рабочий день 280
- 6. Заработная плата 284
- 7. Бюджеты рабочих 304
- 8. Профессиональные союзы 313
- 9. Коллективные договоры 323
- 10. Безработица 336
- 11. Социальное страхование 340
- 12. Трудовое законодательство 346
 - а) Декреты Октября 346
 - б) Кодекс законов о труде 1918 г. 353
 - в) Кодекс законов о труде 1922 г. 360

VIII. Земельное законодательство СССР—проф. Н. П. Рудина 369

Содержание статьи:

- 1. Главные этапы советского землеустройства 369

(см. на обороте).

2. Основы земельн. законодательства СССР	376
3. Право трудового землепользования	381
4. Субъекты права трудового землепользования	383
5. Порядки трудового землепользования	391
6. Городские земли	398
7. Государств. земельные имущества	400
8. Землеустройство	402
9. Рассмотрение земельных споров	429
10. Государств. запись землепользований	432
11. Переселение и расселение	435
12. Органы земельного управления	438
13. Финансирование земельных мероприятий	441
14. Особенности зем. закон. автономн. и союзных республ. СССР	443
15. Политика в области земельного устройства	447

IX. Финансы СССР—проф. Л. Н. Юровского 451

Содержание статьи:

1. Ф. России накануне войны	451
2. Ф. России во время войны и при Временн. Правит.	476
3. Фин. хозяйство после Октябрьск. революции. Эпоха военного коммунизма.	483
4. Фин. хозяйство эпохи новой эконом. политики	491
5. Современн. финанс. система СССР	501

Приложения к циклу статей „Союз Советских Социалистических Республик“:

1. 25 картсграмм к ст. „Сельское хозяйство СССР“ к стлб. 119
2. 3 картограммы к ст. „Сельско-хоз. районирование и сельско-хоз. районы СССР“ к стлб. 159, 100
3. Деятели СССР и Октябрьской революции—II часть.

Автобиографии и авторизованные биографии свода:]

Мартынов, А. С. (Пикер)	1	Осинский, Н. (Оболенский, В. В.)	89
Махаралдзе, Ф. И.	20	Павлович, М. Л. (Вельтман).	98
Мельничанский, Г. Н.	27	Пестковский, С. С.	110
Мешеряков, Н. Л.	33	Петровский, Г. И.	114
Милютин, Н. А.	38	Преображенский, Е. А.	120
Мицкевич-Капсукас, В. С.	42	Пятаков, Г. Л.	133
Мицкевич, С. И.	44	Радек, К. Б.	138
Молотов, В. М.	57	Раковский, Х. Г.	169
Муралов, Н. И.	65	Раскольников, Ф. Ф.	187
Мясников, А. Ф.	67	Рейснер, М. А.	197
Нариманов, Н. Н.	69	Розмирович, Е. Ф.	206
Невский, В. И.	74	Рудзутак, Я. Э.	213
Ольминский, М. С.	82	Рыков, А. И.	223
Орахелашвили, М. Д.	85	Ряппо Я. П.	232
Орджоникидзе, Г. К.	86		

С О Ю З СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ).

IV. Сельское хозяйство СССР.

Г. Естественно-исторические, демографические и экономические условия развития сельского хозяйства СССР. Описание сельского хозяйства Союза Советских Республик представляет собою весьма сложную и трудную задачу. Советское государство включает в свои границы огромные пространства двух материков, насчитывающие многие тысячи верст протяжения и настолько разнообразные в климатическом, почвенном, демографическом, бытовом и хозяйственном отношении, что только, пожалуй, одна Англия, взятая вместе со всеми своими колониями, может дать столь же пеструю и своеобразную картину сочетания самых различных стран, начиная от густо населенных промышленных областей до необъятных пустынь и степей и лесных массивов тайги.

В хозяйственном отношении все эти пространства, за исключением небольшого числа промышленных районов, представляют собою сельскохозяйственную страну, постепенно выходящую из полунатурального хозяйственного уклада и быстро и энергично перестраивающую организацию своего хозяйства в формы товарного производства.

Исключительное разнообразие естественных условий, весьма неравномерное распределение населения, исторически сложившееся еще в эпоху нату-

рального и полунатурального строя, и, наконец, малое развитие путей сообщения и внутреннего рынка и преобладающий крестьянский характер самого производства делают сельское хозяйство СССР крайне своеобразным, мало похожим на сельское хозяйство других стран Европы и Америки и в высшей степени интересным для научного изучения.

К сожалению, несмотря на большие статистические работы конца XIX и начала XX века, ныне уже устаревшие, наше сельское хозяйство следует считать мало изученным и мало анализированным, особенно в отношении азиатских областей. Сообразно чему и наш очерк будет носить только общий ориентировочный характер, в надежде, что исследования ближайших лет дадут нам вскоре полную возможность более глубокого познания наших сельскохозяйственных пространств.

Начнем мы наш анализ с общего очерка естественных условий, являющихся отправным моментом для организации земледелия. Если мы откроем атлас физической географии, то легко увидим, что наибольшая часть пространства СССР состоит из широких обширных равнин, пересеченных густою сетью речных систем, т. е. рельефа, наиболее удобного для полевых культур.

Правда, значительная часть этих пространств на севере мало пригодна для сельского хозяйства по своим кли-

матическим условиям и занята тундрами и тайгой, особенно развитыми в Сибири. Однако, и за вычетом этих пространств, в которых полевое хозяйство носит оазисный характер, мы видим достаточную площадь для развития равнинного земледелия. Горные массивы, требующие альпийских методов хозяйства, сосредоточены, за исключением Урала, Кавказа и Крыма, гл. обр., в азиатской части страны.

В почвенном отношении вся доступная сельскохозяйственной культуре поверхность принадлежит в большинстве случаев к достаточно плодородным почвенным категориям, как видно из прилагаемой почвенной карты (№ 7).

Так как северные суглинки в подзолистой зоне не уступают по своей урожайности, как это отметил еще А. Ф. Фортунатов, обычным черноземам, то мы можем отметить, что большая часть СССР в почвенном отношении весьма благоприятствует развитию земледелия. Гораздо тяжелее складываются климатические условия. Мы уже отметили северную, мертвую для сельского хозяйства полосу, в которой низкие температуры и чрезмерная влажность создали тундру и тайгу, почти не допускающие никакой возможности для сельского хозяйства. В ряде южных районов мы встречаемся с обратным положением вещей, при котором недостаток влаги и высокая температура летних месяцев также почти убивает всякую возможность земледельческой культуры и превращает земную поверхность в полупустыню.

Прилагаемые карты изотерм июля (№ 1) и средних годовых осадков (№ 2) с большой наглядностью дают нам характеристику климатических условий различных частей СССР в отношении температуры и влажности.

Как видно из прилагаемых карт, пространство, имеющее менее 300 мм осадков, охватывает в наших юго-восточных и азиатских районах огромную площадь. Для того, чтобы характеризовать ее в сельскохозяйственном отношении, достаточно сказать, что по американским понятиям в местностях с годовой суммой осадков ниже

300 мм. земледелие считается невыполнимым, и районы эти причисляются к району абсолютного скотоводческого.

Однако, в наших условиях именно этот неблагоприятный сухой район явился в значительной своей части целью колонизации крестьянских масс, и, несмотря на трудность земледелия в нем, во многих своих частях значительно распахан.

Помимо отметок средней влажности и температуры, для земледелия весьма значительный интерес представляет продолжительность того времени года, в течение которого возможен вообще сельскохозяйственная культура — говоря иначе, продолжительность возможного вегетационного периода, которая колеблется от 150 дней на севере до 250 и более на юге. Граница изолинии 170 теплых дней в году идет в 100—200 верстах севернее Срегенска, Читы, Иркутска, Енисейска, Перми и Вологды. Зона, лежащая южнее этой линии, доступна планомерному земледелию.

Такова в общих чертах естественно-историческая характеристика необъятных пространств СССР.

Различные авторы, начиная с 1870-х годов, пытались синтезировать все отмеченные нами факторы и выявить их путем деления на районы, гл. обр., территории бывшей Европейской России. В этом отношении особенно интересны работы Рихтера, Скворцова и последняя работа Винера, которая дает нам наиболее общую характеристику районов Евр. России по им свойственным условиям сельскохозяйственной культуры. Остановимся на рассмотрении районов Винера (№ 3), построенном не по метеорологической, а скорее биологической основе.

Классификация Винера, как мы видим, построена по данным о растительном покрове и о почвах. Он прежде всего выделяет лесные пространства севера и леса Кавказа, разделяя его на внеземледельческий крайний север. хвойный массив и смешанные западные пространства. Особняком стоит кавказский горный лесной район, затем им выделена лесостепь, распадающаяся на нечерноземную и черноземную, степная область черноземная и кашта-

новая и, наконец, глинисто-солонцовые и песчаные пустоши.

К сожалению, Винер упустил из виду размер осадков и их устойчивость, благодаря чему Самара и Киев оказались у него в одном районе. Разделив 5-й, 6-й и 7-й районы Винера на более влажные и более сухие, мы сможем получить весьма выпуклое деление европейской части СССР в отношении основных естественно-исторических предпосылок сельского хозяйства.

Однако, мы должны принять во внимание, что на образование сельскохозяйственной культуры, помимо естественно-исторических условий, большое влияние имеют густота населения и рынок.

Различные теоретики придают каждому из этих факторов различное значение. В общем, для страны с развитыми рыночными отношениями, главнейшие рыночные цены которой определяются мировым рынком, влияние этих факторов будет выражаться следующим образом. Сообразно отдаленности различных районов от центральных определяющих рынков, в них по различному сложатся уровни и соотношения местных цен, а следовательно, и наиболее выгодные системы хозяйства и направления земледелия, как это в свое время показал еще П. Тюнен. Каждая из этих разнообразных систем хозяйства, в зависимости от степени своей трудозатенности, требует для своей реализации некоторого определенного количества труда, особого для каждой системы. Сообразно этим нормам запросов на труд, при разных системах хозяйства будет им соответствовать и различная степень, так сказать, нормальной плотности населения, т.е. той оптимальной плотности населения, при которой не будет ни недостатка, ни избытка рабочей силы для реализации наиболее выгодной системы хозяйства. Таков механизм, с помощью которого рынок и его система цен определяет собою местную оптимальную плотность населения, к которой естественно при помощи миграций всякого рода будет подгоняться и реальная плотность населения.

Однако, принимая изложенную стройную систему образования с.-х. куль-

туры, следует признать, что рыночные конъюнктуры и вытекающие из них оптимальные системы хозяйства видоизменяются гораздо более легко и скоро, чем местная плотность населения, несмотря на самое широкое развитие миграций.

Сообразно этому, даже в странах, в которых заселение началось и все время велось при развитом товарном хозяйстве, т.е. с самого начала сообразовалось с местными системами товарного хозяйства, даже в этих странах всегда возможны резкие несоответствия между реальной и оптимальной населенностью. Перед нами появятся явления аграрного недонаселения и аграрного перенаселения. Естественно, что это несоответствие будет еще более резко в странах, в которых первоначальное расселение шло в условиях натурального или почти натурального строя, а к таковому в значительной части принадлежит и СССР. В этом случае населенность страны к моменту развития товарного хозяйства оказывается данной и чаще всего мало соответствующей тому типу населенности, которая требовалась сообразно оптимальным, рынком определяемым, ступеням густоты населения.

В таком положении оказалась как раз большая часть СССР со своими огромными недонаселенными и перенаселенными пространствами, которые до сего времени не сглажены многочисленными миграционными потоками, и благодаря которым у нас демографический момент в определении системы хозяйства имеет самостоятельное и часто не меньшее значение, чем рынок.

Картограммы (№ 4 и № 5) показывают нам современное расселение масс населения на площади СССР. Населенность каждой губернии выражена числом точек в ней расположенных, при чем каждая точка обозначает 20.000 жителей; названия же областей, границы которых показаны на карте, выделены нами в особую пояснительную картограмму, являющуюся экспликацией вообще для всех последующих графиков.

Постараемся сопоставить этот тип расселения с тем, который явился-бы

оптимальным в отношении требования рынка. Связь различных районов с центральными рынками, при малой развитости в СССР морской береговой линии и неудобном течении рек—определяется развитием железнодорожной сети, которое представлено на следующей картограмме. Эта сеть, связывая места производства и потребления, определяет собою и местные цены.

Картограмма № 6 дает нам так наз. *изотимы зерновых хлебов*—т.е. линии, соединяющие собою точки поверхности с одинаковыми ценами на 1 пуд зернового хлеба (пшеница+рожь).

Мы видим, что потребительские рынки, притягивающие хлеба и оплачивающие их высокими ценами, имеют четыре района наибольшего напряжения: 1) промышленный центр и балтийские порты, 2) порты Черного моря, 3) Среднюю Азию и 4) Дальний Восток. Район же наиболее низких цен фиксируется в Средней Сибири.

Мы не имеем возможности в краткой статье исчислить те системы хозяйства и ту соответствующую им плотность населения, которая должна быть свойственна каждой изотиме. Однако, несомненно, что чем выше цена, тем более интенсивно земледелие, тем плотнее должно быть население. Простое сопоставление течения изотим с густотой населения показывает нам крайнее несоответствие реальной и вероятной оптимальной плотности.

Отмеченное несоответствие порождает тяжелое в народнохозяйственном отношении явление перенаселенности, охватывающее, как мы видим из карты № 8—огромные районы СССР.

Как показал ряд исследований, аграрное перенаселение, т.е. наличие на территории населения более густого, чем это требуется местными рыночными отношениями, порождает собою целый ряд народнохозяйственных последствий. В перенаселенных районах: 1) повышаются арендные платы, 2) падают заработные платы, 3) развиваются на избыточном труде внеземледельческие промыслы, 4) получают развитие трудоемкие культуры и общал интенсификация земледелия в размерах, значительно превышающих требования рынка и естественно-историческую обстановку.

Все эти процессы, снижая оплату единицы прилагаемого к земле труда и уровень благосостояния земледельческого населения,—тем не менее повышают валовые доходы населения, а следовательно, емкость территории относительно человеческих масс.

Таков механизм, сочетающий давление рынка, естественных условий и густоты населения на организацию местного сельского хозяйства.

Собразно этому разобранное нами в картограммах пространственное развитие всех перечисленных факторов привело к крайне разнообразным формам организации сельского хозяйства на территории СССР. Увязывая это разнообразие в некоторую классификационную схему, мы можем раздолить всю изучаемую нами территорию на ряд типичных сельскохозяйственных районов.

Сводя имеющийся в нашем распоряжении довольно обширный, но весьма мало систематизированный материал различных исследований, мы можем для довоенной эпохи выдвинуть след. ориентировочную схему районов, разработанную при содействии профессора А. А. Рыбникова.

Наша схема № 9 выделяет прежде всего огромный северный район тундры и тайги, как район, лишенный сельского хозяйства (1) и доступный в южной своей части лесному таежному хозяйству, со связанными с ним лесными промыслами и эпизодическим земледелием; вторым (2) мы отмечаем район „подсечного“ хозяйства или такой тип земледелия, в котором сельское хозяйство носит оазисный характер среди лесов и болот; далее (3) следует район классического трехполья, характерный не только чередованием пар-озимь-лрвое, но и общественным выпасом скота на пару; под четвертым (4) районом мы обозначаем район энергично развивающихся травопольных систем земледелия; южнее отмечаем (5) район вольной системы без паров и правильных севооборотов; на востоке длинной полосой идут самые разнообразные экстенсивные зерновые системы, начиная от толочных и кончая так называемым пермским пстропольем, т.е. системой, близкой к трехполью, но не

знающей выпаса скота на пару; под седьмым (7) номером обозначаем целый конгломерат часто весьма интенсивных систем кавказского земледелия; далее, в районе засушливой зоны мы отмечаем абсолютно скотоводческие выгонные районы: пустынный (8) и горный (11), между ними лежат районы интенсивнейшего оазисного хозяйства, захватывающие также Хиву, низовые Волги (Ахтубу) (9) и район т. называемого богорного экстенсивного засушливого земледелия; под двенадцатым (12) номером нами намечен горный район охоты и горнозаводского дела, где сельское хозяйство пока носит пионерский характер; наконец, под 13 номером мы имеем выход манджурского массива зерновых систем, мало изученных в организационном отношении.

II. Место сельского хозяйства в системе народного хозяйства СССР. Переходя к рассмотрению отдельных отраслей сельского хозяйства СССР, мы, для того чтобы не потерять общей картины, должны выснить то место, которое сельское хозяйство занимает в общей системе русского народного хозяйства. Для этого нам необходимо прежде всего установить общий доход народного хозяйства СССР, а также ту его часть, которая является результатом сельскохозяйственного производства.

Доля дохода от сельского хозяйства в народном доходе России в довоенное время определялась, по исчислениям С. Н. Прокоповича, для 50 губерний в таком размере:

	1913 г.	млн. руб.	в %
Весь народный доход	11.835,5		100
Доход от сельского хозяйства	5.630,2		47

Общий валовой доход сельского хозяйства на всей территории СССР довоенный и современный, по вычислениям А. Л. Вайнштейна, определяется по довоенным ценам в размере:

Доход в 1913 г.	8.900	млн. руб.
" в 1922—23 гг.	4.738	" "
1922/23 гг. в % к 1913 г.	53,4	" "

Доход сельского хозяйства в 1922—23 гг. был выше дохода промышленности:

по довоенным ценам в	4,7	раза
по ценам 1922—23 гг.	2,3	"

До войны доход сельского хозяйства на территории 50 губерний был выше дохода промышленности в 3,4 раза.

В отношении 1925 г. точные подсчеты еще не могут быть произведены. Однако, беря темп нарастания доходов равным темпу нарастания урожая, мы можем принять доход от сельского хозяйства 1925 г. не менее 5.200 милл. рублей.

1. Земледелие.

К началу мировой войны земледелие СССР достигло своего наибольшего развития. Мировая война, вызвавшая сокращение сельскохозяйственного производства вообще, в области земледелия отразилась, главным образом, на сокращении посевных площадей и сборов. Это, вызванное войной, сокращение земледелия получило в дальнейшем свое завершение в 1921 г. в момент неурожая, постигшего наиболее земледельческие восточные и юго-восточные районы Союза. 1921 г. был в то же время последним годом этой регрессивной динамики земледелия Союза. В 1922 г. этот процесс стремительного падения вниз сменился противоположным процессом быстрого возрождения. В этот год уже заметно обнаружилось восстановление земледелия Союза и в первую очередь, конечно, в районах, незатронутых неурожаем, земледелие в которых к 1925 г. достигло почти довоенного уровня.

1) Движение посевной площади различных культур. Изменение посевной площади зерновых культур с 1913—1924 гг. по современной территории СССР представляется в нижеприведенных размерах:

Культуры:	В % к 1913 г.		
	1913 г.	1923 г.	1924 г.
Рожь	100	94,5	98,7
Пшеница озимая	100	80,4	97,2
" яровая	100	39,3	55,2
Овес	100	70,2	100,3
Ячмень	100	59,3	65,1
Гречиха	100	118,5	130,7
Просо	100	162,7	134,2
Кукуруза	100	204,1	226,1
Всего	100	72,2	80,4

В среднем за 1909—13 гг. площадь посева семи главных зерновых хлебов достигла цифры 83,5 милл. десятин. В послевоенный период с двумя повторными неурожаями 1920 и 1921 г. мы наблюдаем значительное уменьшение посевной площади этих хлебов по сравнению с довоенным периодом, в общей сумме на 17,2 %.

При таком резком изменении общей посевной площади произошло еще более резкие изменения в отношении площадей отдельных культур. Наибольшее сокращение испытали экспортные высоко-товарные культуры: пшеница и ячмень. Резкое изменение произошло также по овсу, что стоит в связи с резким падением количества лошадей. Главный продовольственный хлеб — рожь, сократил свои посевы сравнительно в меньшем размере. Остальные хлеба, как-то: гречиха, просо и кукуруза, — даже увеличили свою посевную площадь. Таким образом, те хлеба, которые служат для натурального личного потребления — увеличились; те, которые служат для корма скота, резко сократились вследствие сокращения количества скота, и, наконец, особенно резко сократились те хлеба, которые преимущественно вывозились на внешний рынок, что объясняется ненадежностью связей с мировым хозяйством. Но по возобновлению этой связи снова наблюдается расширение культуры экспортных хлебов, а в 1925 г. мы уже видим почти полное достижение довоенного уровня.

Посевные площади интенсивных культур изменились за послевоенный период следующим образом:

Культуры:	В % к 1913 г.		
	1913 г.	1920 г.	1924 г.
Картофель	100	52,8	91,1
Сахарная свекла	200	5,5	45,9
Лен	100	50,1	86,2
Конопля	100	39,3	112,3
Подсолнух	100	91,0	254,5
Хлопок	100	13,0	51,7
Горох	100	35,2	—
Чечевица и бобы	100	45,6	—

Эта таблица показывает, что изменение посевной площади интенсивных культур произошло аналогично изменению посевов зерновых культур. Как и по отношению зерновых, здесь в послевоенный период наиболее резкое падение наблюдалось по более товарным культурам: хлопку и сахарной свекле. Повышенное состояние посевной площади подсолнуха объясняется недостатком у населения других семян маслянистых растений и тем, что население стало культивировать подсолнух как культуру, дающую продукт, заменяющий коровье масло. Вследствие этого посевы подсолнуха, как увидим ниже, гл. обр. возросли на неурожайном юге-востоке.

Сокращение свекловицы и, отчасти, табачных плантаций находится в связи с уничтожением крупного землевладения и хозяйства. Площади посевов свеклы помещичьих и заводских плантаций в 1916 г. были в 4 раза больше крестьянских. Общая площадь культуры картофеля понизилась с 1913 г. на 47%. Что же касается площади огородного картофеля, то она, наоборот, значительно возросла. Волокнистые культуры — льна и конопля — убыли сильнее картофеля, но огородные посевы конопля тоже увеличились.

Бобовые — горох, чечевица и бобы — резко снижали свои площади до 1920 г. Но в 1924 г. и здесь наблюдается значительное возрастание посевной площади, а по некоторым культурам почти до довоенных размеров.

Темп возрастания посевной площади зерновых и интенсивных культур в СССР можно видеть из следующего сопоставления данных о посевах 1923 и 1924 гг.

Посевная площадь.	1924 г. в % по отношению к 1923 г.
Рожь (сзимая и яровая)	+ 2,4
Пшеница озимая	+19,1
яровая	+24,5
Овес	+ 1,1
Ячмень	+20,0
Гречиха	+ 0,2
Просо	- 5,7
Кукуруза	+20,5
Бобовые	+ 7,7
Картофель	+14,8
Хлопок	+94,1
Лен	+15,0
Конопля	+20,2
Подсолнух	+ 6,7
Сахарная свекла	+41,0
Табак	+14,3

Эта таблица показывает, как быстро расширяется посевная площадь СССР вообще, и в частности—наиболее товарных культур пшеницы, ячменя и культур хлопка, льна и конопли, играющих в нашем экспорте главную роль.

Сокращение посевной площади в революционные годы осложнилось еще и тем, что в эти же годы большая часть Союза вступила в полосу малоурожайных засушливых лет 1921 и 1924 г., в этом отношении памятных всем.

Прямым следствием изменения посевной площади и урожая является изменение сбора различных культур. Изменения же происшедшие в самой продукции, т. е. результаты совместного влияния эволюции посевной площади и урожайности, показывают нам нижеследующие данные о движении сбора главных зерновых культур за 1913—1923 гг. и 1924 г. (без Туркестана, Д.В.Р. и Закавказья).

Годы.	В млн. пуд.	В %/о к 1913 г.
1913	4.581	100
1923	3.170	67,0
1924	2.716	59,2
1925	3.800	83,0

Сбор интенсивных технических культур, так же как и зерновых, за послевоенные годы подвергся значительному изменению, а за последнее время обнаруживает еще более быстрое возрастание, чем возрастание сборов зерновых культур.

	Хлопок.	Лен.	Пенька.	Сахарн. свекла
	(млн. пуд.)			(млн. берк.)
1913 г.	21,5	25,6	42,0	64,0
1921 "	0,6	3,4	10,2	2,1
1922 "	0,7	7,5	14,9	9,2
1923 "	2,9	7,5	19,3	14,3
1924 "	6,2	12,2	19,0	14,7

1921 г. был последним годом деградации сборов этих культур. Причины, вызвавшие ее, постепенно изживаются; вновь открытые нам границы мирового рынка и увеличение спроса на них со стороны внутренней промышленности вызвали и увеличение сборов.

Для других интенсивных технических культур обнаруживается та же тенденция.

	Подсолн. семя.	Льняное семя.	Конопл. семя.	Табак.	Махорка.
	(Миллионы пудов.)				
1913 г.	42,0	33,4	25,6	1,1	4,7
1921 "	35,2	14,3	11,9	—	нет свед.
1922 "	66,5	14,4	15,1	0,08	0,5
1923 "	109,5	20,2	20,3	0,90	3,0
1924 "	94,5	25,7	19,8	0,55	2,2

Так же, как и в первом случае, 1922 год является здесь уже годом обратного поворота, моментом начала увеличения сборов после уменьшения их за предыдущее время, и только малоурожайный 1924 год несколько сдерживает по ряду культур поступательное движение.

2) *Экспорт зерновых хлебов.* В соответствии с данными об изменении продукции стоят и цифры возрождающегося экспорта по отдельным хлебам. Так как сколько-либо значительное значение экспорт получил лишь в 1923—1924 хозяйственном году, то мы и приводим данные об экспорте этого года в сравнении со средним размером экспорта за 1909—1913 гг. в нижеследующей таблице:

Вывоз хлеба из России (в тыс. пудов).

Хлеба.	1923/1924 г.	1909 1913 г.	%-ное отношение 1923/1924 г. к 1909/13 г.
Рожь	77.198	53.457	144,0
Пшеница	33.265	317.632	11,4
Кукуруза	6.654	51.307	13,0
Овес	7.332	68.709	11,0
Ячмень	17.338	239.649	7,0

Неурожай 1924 г. вновь сократил экспортные возможности СССР, и только в настоящую кампанию 1925 года наш экспорт сможет, по всем вероятностям, вновь составить несколько сотен миллионов пудов.

Таковы послевоенные изменения и тенденции возрождения земледелия СССР, которые могут быть нами отмечены.

3) *Географическое распространение различных культур.* Ознакомившись с тем значением, которое сельское хозяйство занимает во всем народном хозяйстве СССР, и тем тяжелым, но уже изживаемым кризисом, который оно пережило под влиянием событий войны и революции, мы можем ознакомиться с его пространственным расположением. Карта № 10 распределения пашни является наилучшим показателем участия разных районов СССР в сельскохозяйственном производстве.

Не трудно видеть, что развитие распаханности весьма близко географически к развитию населенности.

Переходя к географии отдельных культур, остановимся прежде всего на

географической характеристике производства важнейших зерновых хлебов.

Рожь озимая. Культура озимой ржи, являющейся главным продовольственным хлебом средней и северной России, получила, как это видно из прилагаемой карты, свое главное распространение в черноземной и на севере черноземной полосы.

В значительной своей части рожь производится в так-наз. потребляющих районах, т.-е. районах, где своего хлеба не хватает для прокормления населения, и потому она в значительной своей части потребляется в тех же хозяйствах, в которых она производится.

Озимая и яровая пшеница. Озимая пшеница, площадь которой в 1923 г. была вчетверо меньше площади яровой, сохранила к 1922 г. почти $\frac{2}{3}$ довоенной площади. Ее посевы сосредоточились почти целиком в 3 районах: на Украине, главным образом западной, где в 1922 г. оказалось 82% довоенной нормы, в Новороссии, где сохранилось 74% довоенного, и на Северном Кавказе, где ее засеивалось больше всего и где от прежнего количества осталось 49%. Т. обр., мы видим, что и здесь западные районы сохраняют жирную продукцию в гораздо большей степени, чем восточные.

Яровая пшеница подверглась гораздо большему сокращению, потеряв к 1922 г. почти две трети своей площади.

Картограмма № 12 показывает плотность посевной площади озимой и яровой пшеницы на территории СССР в 1924 г.

Наибольшей плотностью посевной площади пшеницы характеризуются районы: Южно-Степной, Дон и Предкавказье. Затем полоса менее густой посевной площади пшеницы тянется с юга на север по Волге, дальше поворачивает на восток и тянется вплоть до Западной Сибири.

Сортовой состав. Качество хлебного зерна вообще и пшеницы в частности в значительной мере зависит от его сортового состава. Экспортируемое русское зерно существенно отличается по своему сортовому составу от зерен других стран. Вместе с тем оно сильно варьирует в пределах производящих

и экспортных районов самой России в зависимости от почвенно-климатических условий, определяющих преобладание в культуре того или другого сорта. Под именем сортового состава экспортного зерна мы разумеем различие в составе по ботаническим видам, разновидностям и расам, по хозяйственным сортам и, наконец, по классам и типам, установленным для торговой классификации.

Овес. Картограмма № 13 показывает распространение посевной площади овса в СССР в 1924 г.

Ячмень. Распространение посевов ячменя по СССР в 1924 г. видно из картограммы № 14. Ячмень самый скороспелый из хлебов. Поэтому он проникает на север дальше других хлебов. Ячмень успевает вызреть даже севернее полярного круга, доходя в Норвегии до 70-го градуса сев. широты. Производится он и на дальнем севере России. Южнее, там, где могут культивироваться и другие хлеба, ячмень сразу исчезает. Бедные почвы и влажный климат севера гораздо более подходят для овса. Снова ячмень появляется значительно южнее и приобретает помимо кормового крупное экспортное значение. Требуемый к почве, но сравнительно хорошо переносящий засуху, ячмень легко вытесняет здесь овес.

Кукуруза. Кукуруза является одним из наиболее молодых хлебов в нашем с.-х. обиходе. Она в своей культуре на зерно распространена только на юге, но и там не занимает такого места, как, например, в Северо-Американских Соединенных Штатах.

За последнее время в разведении кукурузы следует отметить значительный количественный и качественный прогресс,—напр., на юге Украины за последние годы стали распространяться более урожайные зубовидные сорта: „стерлинг“, с крупным белым зерном, со вдавленным на верхушке (зубовидного типа), оказавшийся очень хорошим по выходу крахмала и для нужд винокурения, и „миннезота № 13“, также с зубовидным желтым зерном. В Подольской и Одесской губ. наиболее распространенными сортами являются местные кремнистые сорта—бессараб-

ская кукуруза, молдавская—с желтым не крупным зерном, и очень скороспелая, но мало урожайная „чип-квинтино“, ценящаяся для экспорта за мелкость и сухость зерна желтого цвета.

Горох. В среднем за 1909—13 гг. в бывшей России было произведено 50,9 милл. пудов гороха. Важнейшие по его производству губернии:—Киевская, Подольская, Курская, Пензенская, Саратовская, Тамбовская, Черниговская, Симбирская, Казанская и Уфимская.

Районы производства и потребления хлеба. Обратимся теперь к географической характеристике хлебного рынка, т. е. к характеристике отдельных районов в отношении избытка и недостатка хлеба.

Умножая установленные нами площади посевов на годичный урожай, мы можем определить валовой сбор любого хлеба. Сопоставляя полученные сборы с продовольственными и фуражными потребностями населения, мы можем установить районные избытки и недостатки хлебов.

Наиболее точно учет этих излишков можно произвести, определив на основании данных железнодорожных перевозок чистый вывоз (вывоз за вычетом ввоза) или чистый ввоз хлебов для каждой губернии. Опираясь на исследование А. Н. Челинцева, мы можем построить картограмму № 16, показывающую районы избытков и недостатков хлебов в европейской части СССР.

Приведенная картограмма, выделяя нечерноземную полосу европейской части СССР, в которой не хватает своего хлеба, указывает на две отличные друг от друга части черноземной полосы—северную и южную. В то время, как южная дает на междугубернский рынок от $\frac{2}{5}$ до $\frac{2}{3}$ всего своего сбора зерновых хлебов, северная в состоянии давать не более 30%. Всего по 64-м губерниям избыток междугубернского оборота (не считая экспорта) зерновых хлебов в среднем за год с 1907 по 1910 г. составлял 134.154 тыс. пудов. Это количество зерновых избытков давали районы: Северо-Волжский, Заволжский, Днепровский, Южно-Степной, Днепровско-Донской, Волжско-Донской и Северный Кавказ.

Хлеб этих районов шел как на внутренний междугубернский, так и на внешний рынки. Эта связь отдельных районов излишка хлеба с внутренним и внешним рынками характеризуется следующими цифрами по тому же признаку распределения перевозок во внутреннем и вывозном сообщении в процентах:

РАЙОНЫ.	1908—11 гг.	
	На внутр. рынках.	К переработке и потребл. за границ.
Средне-Волжский	72,1	27,9
Заволжский	73,0	28,0
Заднепровский	70,9	70,9
Южно-Степной	63,9	63,9
Днепровско-Донской	70,2	29,8
Волжско-Донской	57,4	57,4
Северный Кавказ	31,8	62,8
64 губернии	50,4	47,6

Наибольшей поставкой на внешний рынок характеризовались районы: Сев.-Кавказский, Заднепровский, Южно-Степной, а также Волжско-Донской.

Если мы остановимся на отдельных хлебах, то тоже увидим различное положение их в отдельных районах по отношению к внешнему и внутреннему рынкам.

Что же касается вопроса: растут ли избытки хлеба в отдельных районах или сокращаются с течением времени, то такая характеристика районов за период с 1880/4 по 1907/8-й год может быть представлена на основании тщательных разысканий проф. А. Н. Челинцева, который установил, что за тридцатилетний период времени произошло довольно значительное сдвигание хлебопроизводящих районов; во-первых, в нечерноземной полосе европейской части СССР область недостатков хлеба расширилась за счет Северного, Северо-Западного и Западного районов, во-вторых, в районе Северо-Западного избытки хлеба местами уменьшались, местами незначительно увеличивались и, в-третьих, Южно-Черноземная продолжала увеличивать свои хлебные избытки. В Северо-Западном районе сравнительно небольшие избытки хлеба оказываются в то же время и малорастущими.

Если мы сопоставим данные о производстве хлеба отдельных районов и

отдельных хлебов с теми изменениями, которые произошли в послевоенные годы в этих районах, то увидим, что районы, имевшие раньше наиболее крупные посевные площади главных товарных культур и имевшие вообще наиболее широкие возможности развития зернового производства, в то же время и наиболее пострадали от сельскохозяйственного регресса 1917—1922 гг. Наоборот, прежние ржаные житницы, губернии земледельческого центра, раньше снабжавшие своей рожью как внутренний, так и внешний рынок, но начавшие к 1900 годам уступать свои позиции южным и восточным земледельческим районам, стали вновь расширять свое зерновое производство, преимущественно производство ржи, как главного и наиболее дешевого продукта потребления.

Картофель. Как видно из картограммы № 17, наибольшая плотность площади картофеля наблюдается в Центрально-Промышленном районе. Следующим по плотности является все левобережье Дона. По степени удаленности от этих районов, площадь картофеля постепенно уменьшается. В общем же по культуре картофеля Центрально-Промышленный и Западный районы резко отличаются от других смежных с ними районов, характеризующихся значительно меньшей плотностью площади картофеля. Значительно слабее распространена культура картофеля в Азиатской России.

Хлопок. В Туркестане хлопчатник разводится с незапамятных времен. Ферганская, Самаркандская, Сыр-Дарьинская и Закаспийская—вот области, где культивируется хлопчатник. На развитие хлопководства в Туркестане оказывает особенно важное значение искусственное орошение. При сухости климата, недостатке рек и отсутствии осадков ни хлопководство, ни вообще сельское хозяйство в Туркестане не было бы возможно без искусственного орошения. Работы по орошению, захватывая безводные пустынные пространства, превращают их в цветущие сады. Много безводных земель орошено искусственно, еще большее количество их ожидает своей очереди. Второй наш хлопководный район—Закав-

казье, с губерниями: Тифлисской, Елисаветпольской, Эриванской, Бакинской и Кутаисской—имеет несравненно меньшее значение, нежели Туркестан. Закавказский туземный хлопок также невысокого качества и также стал вытесняться посевами американских семян. Говоря о районах распространения у нас культуры хлопчатника, необходимо отметить, что опыты с культурой хлопка, и особенно интенсивные перед войной, велись и в других местах России, а именно в губерниях: Одесской, Астраханской, Уральской и Саратовской. При чем эти опыты установили полную возможность хозяйственного культивирования хлопчатника как в Прикаспии, так и на юге России.

Посевная площадь хлопка по отдельным районам России за последние годы изменилась след. обр.:

Р а й о н ы :	В тысячах десятин.					
	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1919 г.	1921 г.	1923 г.
Туркестан	524	534	339	84	54	150
Хива и Бухара	145	147	87	25	нет	30
Закавказье	111	86	59	25	1	25

В 1915 г. посевы хлопка в России достигли наибольшей величины. Урожай хлопка 1915 года считается рекордным—20 милл. пудов волокна, из которых 14 м. пудов собраны в Туркестане, 4,3 м. п.—в Хиве и Бухаре и 1,6 м. п.—в Закавказьи. 1916 год дал наибольшее понижение посевной площади для всей России, хотя площадь в Туркестане слегка увеличилась. Общий сбор волокна составил в 1916 г. всего 14,9 м. п. В 1917 г. сбор составил 10,8 м. п. В следующие годы хлопководство пло на убыль, достигнув своего минимума в 1922 г., когда весь сбор волокна выразился в 700.000 пудов. Лишь с 1923 года начинается восстановление и увеличение посевных площадей для всех районов. Площадь посева хлопка в 1923 г. определяется в 205.000 десятин, а сбор предполагается около 3 м. п.

В 1924 г. русское хлопководство дает уже значительно больше волокна, чем в 1923 г. Это объясняется прежде всего значительным увеличением посевной площади хлопка, расширение которой в 1924 г., по сравнению с

1923 г., как видели, достигает 150%. В дальнейшем предполагается расширение площади хлопка в следующем размере: в 1924—25 гг.—510 тыс. дес., в 1925—26 гг.—640 и в 1926—27 гг.—780 тыс. дес., т. е. почти до довоенных размеров.

Лен. Географическое распространение культуры льна в СССР по данным 1924 г. характеризуется картограммой № 18.

До войны Россия главную часть своего волокна вывозила за границу. Ежегодный урожай в 25—26 милл. пуд. льна распределялся таким обр.:

а) оставалось на нужды самих льноводов около	3 мил. п.
б) русская льняная промышленность перерабатывала льна и кудели около	5 "
в) на экспорт шло в среднем около	16 "
г) оставалось на кустарн. переработку и проч.	2 "

Урожай льна 1923—24 г., выразившийся в размере 8,0 м. пудов, был распределен так:

потреблено промышленностью	3,7 м. п.
" крестьянством	2,4 "
экспортировано около	1,7 "
осталось на кустарн. переработку	0,2 "

Районы коноплеводства в России. В отношении культуры конопли и сбора пеньки нужно назвать старые, давно определившиеся районы: 1-й—центральный, в который входят: Орловская, Брянская, Курская губернии. Сюда относятся частью и смежные губернии: Смоленская, Гомельская, Черниговская, Калужская; 2-й—восточный район с губерниями: Пензенской, Тамбовской, Нижегородской, Симбирской; 3-й—небольшой северный район с губерниями: Вятской и Пермской. В Сибири коноплеводство распространено очень мало: известен лишь район Бийска, Барнаула и Кузнецка.

Если подсчитать общую для России посевную площадь конопли, то размеры ее определяются в 534.618 десятин. Цифры указывают, что коноплеводство у нас концентрировано лишь в перечисленных губерниях. Площадь посева в них составляет 71,8% общей площади посева конопли.

Потребление пеньки промышленностью по сравнению с ее валовым сбором незначительно. Она потребляется, главным образом, в пределах самого

сельского хозяйства и лишь в незначительной части отчуждается на рынки. Так, например, из 42-х милл. пудов среднего ежегодного сбора пеньки до войны, промышленностью потреблялось около 3-х милл. пудов, 4 м. п. экспортировалось, остальное оставалось у крестьянина и кустаря. В 1923—24 г. переработано пеньки промышленностью 1,1 м. пуд. В 1924—25 году предполагается переработать около 1,4 м. пудов.

Сахарная свекла. Следующим техническим растением, имеющим большое значение в народном хозяйстве, является сахарная свекла. Выход сахара определяется в среднем в 6 фун. из пуда свеклы. Наибольшие посевы свекловицы имелись по данным 1914 г. в след. губерниях в тыс. десятин: в Киевской—202 тыс.д., Подольской—160, Курьской—93, Харьковской—77, Волынской—35, Черниговской—33, Полтавской—32. В означенных губерниях было сосредоточено ⁹/₁₀ всех посевов свекловицы. По сбору сахарной свеклы среди стран мира Россия стояла на втором месте, давая свыше 21% мирового сбора и уступая лишь Германии.

Переработка сахарной свеклы в довоенное время в России выражалась в размере 62,8 милл. берковцев, в 1922—23 г. количество переработанной свеклы равнялось 9,2 милл. берковцев. При уменьшении площади посевов в этом году по сравнению с довоенным до 34,5%, сбор снизился только до 22,8%. В 1924—25 г. сбор свеклы увеличился по сравнению 1923—24 г. на 2%. Выработка сахара предвидится в 1924—25 г. в размере 24,5 милл. пудов.

Подсолнечник. Главнейшими районами культуры подсолнечника являются нижеследующие области (со сбором семян в миллионах пудов в 1914 г.): Кубанская—21 м. п., далее—Воронежская губ.—12,1 м. п., Саратовская губ.—5,7 м. п., Харьковская—2,8 м. п., Тамбовская губ.—2,4, Донская область—2, Курская губ.—0,8 и некоторые другие. Вывоз подсолнечного масла за границу в 1913 г. составил 243.000 пудов, а жмыхов—20 милл. пудов.

Распространение культуры подсолнечника в СССР показывает картограмма № 19.

Табак. Табак является весьма выгодной культурой, давал значительный доход сельскому хозяйству. Заметную роль он играл и в вывозе за границу, при чем вывоз имел твердую тенденцию к увеличению. Так, в 1901 г. было вывезено листового табака и готовых изделий, как желтых, так и махорочных, всего 336.000 пудов, в 1910 г.—595.000 пуд., а в 1913 уже 838.000 пуд. при ввозе 24.000 пуд. листового табака и 1.200 пуд. изделий.

Главнейшими районами посева желтых табаков являются: Крым, Кубань, Черноморская область и Закавказье, а по махорке—Украина и, в особенности, Полтавская и Черниговская гг. и Великороссия с губерниями: Тамбовской, Рязанской, Самарской и Воронежской. По сбору табака (желтого и махорки, вместе взятых) Россия превосходит другие страны Европы, но значительно уступала Соединенным Штатам.

Что касается махорки, то движение площади посева ее в тысячах десятин и сбора в тысячах пудов характеризуется следующими данными:

ладного края, площадь производства хмеля у нас сократилась более, чем втрое. Война и ход последующих событий у нас, в свою очередь, отразились сильным сокращением сбора на оставшейся у нас хмелевой площади (около 1.500 десятин).

Производительность хмелеводного хозяйства понизилась до 5⁰/₀ от средней довоенной. Но с 1921 года наблюдается заметное возрождение: в 1922 году восстанавливается до 20⁰/₀ хмельников, а в 1923 году производящая площадь хмельников доходит уже до 40⁰/₀. В довоенное время общий сбор хмеля на территории прежней России доходил в среднем до 300 тыс. пудов, колеблясь от 150 тысяч до 400 тыс. пудов (1913 г.). Около половины сбора давали оставшиеся у нас районы: центральный, так называемый гуслицкий (Московская, Рязанская и Владимирская гг.); район Костромской, Вологодской, Черниговской гг.; район волжский (Казанской и Нижегородской гг.) и волынский (в оставшейся у нас части его).

Лучшие сорта поступали на рынок из волынского и гуслицкого районов.

Посевная площадь и сборы махорки.

Площадь—тыс. десят. Сбор—тыс. пудов.	1913 г.		1921 г.		1922 г.		1923 г.	
	Площ.	Сбор.	Площ.	Сбор.	Площ.	Сбор.	Площ.	Сбор.
Украина	18,7	2.803	0,261	—	—	3,06	—	1.450
Великороссия.	12,8	1.940	0,671	—	—	2,5	—	1.250
Итого.	31,5	4.743	0,932	124	—	5,56	680	2.700

Самого низкого уровня культура махорки достигает в 1921 году, следующий, 1922-й, дает уже заметное увеличение, и можно говорить, что и в этой отрасли кризис также миновал. Посадка табаков vyšших сортов в 1923 г. составила по Кубано-Черноморской области 40⁰/₀, по Крыму 75⁰/₀ и по Абхазии 35⁰/₀ довоенного. Сбор табака в этих областях в 1923 г. достиг 850.000 пуд. (около 42⁰/₀ довоенного).

Хмель. Русские ресурсы хмеля со времени войны также значительно изменились. С отделением Польши и некоторых хмелеводных районов юго-за-

Восстановление последнего идет значительно медленнее, и производство его в 1923 г. рыночного значения еще не имело. Приблизительно 1/3 нашего сбора до войны направлялась к вывозу.

Вывоз хмеля с апреля 1922 г. по март 1923 г. выразился в 11.000 пуд., на сумму в 233.000 рубл., при ввозе в тысячу пудов, ценностью в 20.000 рубл. Постепенное восстановление заводского пивоварения внутри страны и оживление внутреннего товарного рынка должны несомненно усилить наши сборы. Рынками сбыта русского хмеля

были: Австрия, Германия, Англия и Бельгия. Большую часть закупала Австрия. Волынский и культурный гуслицкий хмель (Богемский сорт) не уступали высшим сортам европейского товара и расценивались даже на пражском и нюрнбергском рынках приблизительно наравне с самыми дорогими чешскими и немецкими сортами.

2. Животноводство.

Сельское хозяйство СССР, если брать страну в целом, имеет по преимуществу земледельческий уклон. В предвоенное время продуктивное животноводство составляло только 28,6% в валовом сельскохозяйственном доходе Европейской России. В С.-А. Соединенных Штатах по последнему цензу соответствующая цифра была—29,5%, несколько выше в Канаде—33,6%. Резкую противоположность этим странам по степени развития животноводства представляют такие, например, страны, как Австралия, где в 1920 г. животноводство давало 56,4% валового дохода, Швейцария, где в 1910 году доля животноводства в валовом с.-х. доходе выражалась цифрой в 68,5%. В обоих случаях мы имеем ярко животноводственный уклон сельского хозяйства: в первом—экстенсивно-пастбищный, во втором—интенсивный с полевым кормодобытанием.

В предвоенное время состав валовой продукции животноводства для Европ. России выражался след. цифрами:

Молочная продукция	31,66%
Коневодство	5,25%
Выращивание крупного рогатого скота	21,87%
Свиноводство	19,96%
Овцеводство	14,47%
Птицеводство	6,43%
Пчеловодство	0,60%

100%.

Понятно, в разных районах не только роль отдельных отраслей животноводства была различна, но и удельный вес всего продуктивного животноводства в общем строе сельского хозяйства не был одинаковым.

Северная зона страны и северо-запад показывают высокое развитие животноводства, это—молочные районы. На западе видим также повышенную роль животноводства в связи с интенсивным строем земледелия, сдви-

нувшимся в сторону плодосмена. Совершенно иную природу имеет животноводственный тип хозяйства на юго-востоке и отчасти в Сибири, существующий здесь в форме экстенсивно-пастбищного мясо-шерстного пагула.

Рассмотрим главнейшие отрасли продуктивного животноводства каждую в отдельности.

Крупно-рогатый скот. Крупно-рогатый скот, дающий свыше половины всей животноводственной продукции, является основной отраслью продуктивного скотоводства и существует в двух главных формах—молочной и мясной. Преобладание молочного или мясного направления в крупно-рогатом скотоводстве зависит от особенностей каждого района и подчинено определенной закономерности.

Общая численность крупно-рогатого скота по СССР в 1924 г. выражалась след. цифрами (в тыс. голов):

Коровы	23956,3
Волы рабочие	3347,3
Молодняк и быки	24116,7
Всего	51420,3

Чтобы судить о темпе восстановления крупно-рогатого стада СССР после разрушений, понесенных им в военнореволюционный период, сопоставим численность крупно-рогатого скота в 1923 и 1924 гг. сравнительно с 1916 г. в относительных числах, принимая 1916 год за 100.

	1916 г.	1923 г.	1924 г.
Коровы	100	95,1	101,2
Быки старше 2-х лет	100	50,6	71,5
Нетели старше 1 1/2 лет	100	52,8	61,3
Быки от 1 1/2 до 2-х лет	100	69,0	70,1
Подтелки и бычки от 1 года до 1 1/2 лет	100	69,7	105,9
Телята до года	100	79,7	95,8
Волы рабочие	100	75,1	74,0
Волы третьяки	100	45,6	81,0
Весь крупно-рогатый скот	100	82,4	95,0

География распространения крупно-рогатого скота по территории СССР показана на картограмме № 20.

Наиболее уплотненной крупно-рогатым скотом, равно как и другими видами скота, является европейская часть СССР и в ней особенно центральная зона от средней Волги до Украины. В азиатской части выдается Западная Сибирь. Переходя к анализу направления крупно-рогатого скотоводства, мы можем отметить, что почти вся нечерноземная полоса, обильная лугами

и посевами трав в поле, отмечена молочным направлением крупно-рогатого скотоводства, запад в меньшей степени, чем север и центрально-промышленная область. Иная картина в черноземной части страны, где подавляющее преобладание зерновой продукции выдвигает мясную отрасль крупно-рогатого скота, как более подходящей метод использования кормовых „отбросов“ — зернового трехполья, молочное же направление низводится на ступень чисто-натуральной отрасли, не имеющей никакого рыночного значения.

То же подтверждается данными об избытках продуктов крупно-рогатого скотоводства.

Северная и северо-западная области страны являются экспортными коровьего масла соответственно своему укладу в организации крупно-рогатого животноводства. Наоборот, вся почти черноземная часть страны импортирует коровье масло.

В Сибири маслоделие распространено, главным образом, в губерниях: Тобольской, Томской, Алтайской и в областях Акмолинской и Семипалатинской.

Поскольку север и запад характеризуются молочным направлением скотоводства, постольку же юг и восток — мясным. Наибольшие избытки крупно-рогатого скота локализуются в черноземной полосе, сочетаясь с зерновым укладом земледелия.

Производство молока за 1923—24-й г. по СССР исчисляется в 1373,5 миллионов пудов. Мясная продукция крупно-рогатого скота за тот же год исчисляется в 38,1 милл. пудов говядины и в 15,8 милл. пудов телятины. Кроме того, мясной скот дает кожи, выход которых за 1923—24-й г. по СССР исчисляется в следующих цифрах (в тысяч. штук): бычьей и тяжелой яловки — 867, легкой яловки 4.632, выростков — 3.407, опоек — 6.079.

Экспорт продуктов крупно-рогатого скотоводства имел и имеет большое значение для нашего сельского хозяйства. Вывоз коровьего масла изменялся с ходом времени след. обр.:

1880 г.	194 тыс. пуд.
1900 „	1190 „
1913 „	4761 „
1923 „	173 „
1924 „	1371 „

К началу войны свыше 90% экспортного масла принадлежало Сибири.

Гораздо меньшее экспортное значение имеет мясная крупно-рогатая продукция. Уже с 1906 года наш торговый баланс скота, мясных продуктов и кожи сводился с дефицитом. В настоящее же время экспорт мяса является пока совершенно невосстановленным.

Свиноводство. Численность свиней в 1924 г. по СССР выражается цифрами (в тыс. голов):

Взрослых свиней	3669,8
Молодых „	13981,9
Всего	17671,7

Сопоставление численности свиней за последние годы с довоеннореволюционной их численностью может быть охарактеризовано в относительных числах, принимая 1916 г. за 100, так:

	1923	1-24
Свиньи и борова старше года	37,6	66,8
Подсвинки от 4-х мес. до 1 года	52,9	100,0
Поросята до 4-х месяцев	52,8	102,3
Все свиньи	48,1	68,1

География распространения свиней по территории СССР в 1924 г. показана на картограмме № 21.

Азиатская часть СССР населена свиньями в незначительной степени и менее плотно, чем другими видами скота. В европейской части особенно много-свиной является более интенсивная западная половина страны. Вся юго-западная четверть страны отмечена повышенным развитием свиноводства, в особенности же это надо сказать о Белоруссии со смежными губерниями. В наших условиях свиноводство развивается, главным образом, в связи с плодосменным корнеклубнеплодным земледелием, либо на основе зерновых избытков. В более экстенсивных местностях востока обширное свиноводство можно встретить на основе лесных пастбищ.

Товарная сторона свиноводства может быть освещена географией избытков его продуктов, которую проф. А. Челенцев установил на основании тщательного анализа железнодорожных перевозок.

Избытки свиней сосредоточены на западе, в центрально-черноземной области и в среднем Поволжье. Область

же избытков свиными распространяется и далее на восток—в уральский район, совпадая с областью более экстенсивного свиноводства. В этом факте можно видеть частный случай того общего положения, что более интенсивные районы выбрасывают продукт на рынок в менее переработанном виде.

Продукция свиноводства за 1923—1924 гг. по СССР исчисляется в след. размерах (тыс. пудов): свинина—45.446, шетина—110. В нашем незначительном мясном экспорте в довоенное время наиболее выдающееся значение имело свиноводство, в особенности экспорт живых свиней. Вывоз их изменялся с ходом времени так. обр.:

1901—5 гг.	69,9 тыс. голов.
1906—10 „	86,0 „ „
1911—13 „	92,0 „ „

Экспорт свинины был в два с лишним раза меньше. Подавляющая часть экспорта продуктов свиноводства направлялась в Германию. В настоящее время нельзя еще считать экспорт продуктов свиноводства восстановленным в какой-либо мере.

Овцеводство. Количество овец по СССР в 1924 г. исчислялось в 74.827,9 т. голов. Сопоставление численности овец за последнее время с довоенной их численностью может быть охарактеризовано в относительных числах, принимая 1916 год за 100, след. обр.:

	1923	1924
Овцы взрослые.	82,7	74,3
Ягнята.	81,0	97,5
Все овцы	69,5	83,4

География распространения овец по территории СССР дана на картограмме № 22.

В азиатской части овцы распространены более, чем какой-либо другой вид скота, что соответствует более экстенсивному укладу азиатского сельского хозяйства. В европейской части наибольшая плотность овец имеется в центрально-черноземной области. Восточная половина страны имеет вообще повышенную плотность овец сравнительно с западной.

Вся восточная часть черноземной половины страны отмечена повышенной ролью овцеводства, сочетающегося с более экстенсивными формами чисто зернового земледелия. Всяду, где

господствует паровой режим и трехпольная система полеводства, обязательным их спутником является овцеводство, как способ использования пастбищных и соломыстых ресурсов парового трехполья. Далее на восток, в Киргизию, овцеводство распространяется в еще более экстенсивных формах на основе пастбищного степного простора и приобретает здесь еще больший удельный вес.

Области избытков шерсти сосредоточены в юго-восточной части Европейской России. С ходом времени избытки шерсти здесь сокращались вместе с сокращением роли овцеводства в прогрессе интенсификации сельского хозяйства, и шерстяная продукция все более вытеснялась в азиатскую часть СССР.

Продукция овцеводства на 1923—24 гг. по СССР исчислялась в след. размерах:

Баранина.	27955 тыс. пудов.
Кожы.	42274 „ штук
Шерсть.	4444 „ пудов.

К началу войны Россия давала 12% мирового производства шерсти, а в 1922 г.—7%.

До войны наш торговый баланс шерсти сводился с дефицитом. В 1913, напр., году Россия экспортировала 1.072 тыс. пудов шерсти, а импортировала 3.387 тыс. пудов. Такая же картина имеется и в настоящее время. В последние годы экспорт и импорт шерсти (по европ. границе) выразился в след. размерах:

	1923	1924
Экспорт.	81 тыс. пуд.	41 тыс. пуд.
Импорт.	90 „ „	493 „ „

Мясной экспорт продуктов овцеводства до войны был весьма исключительным и в то же время очень неустойчивым, в настоящее же время совсем еще не восстановлен.

Коневодство. Эта отрасль является в первую очередь отраслью рабочего животноводства и обслуживает тиговой силой земледелие. Выращивание лошадей также имеет, прежде всего, задачей ремонт конского стада, в меньшей же степени имеет промышленные цели—поставку лошадей на заграничный и городской рынок. В 1911—15 гг. выращивание лошадей составляло в

Европ. России 5,3% в валовой продукции всего животноводства; сверхремонтное же выращивание лошадей составляло только 1,2% в валовой животноводственной продукции.

В 1924 г. по СССР количество лошадей было след. (тыс. голов):

Рабочие лошади	18642,3
Молодые	5111,4
Всего	23.854,2

Численность лошадей за последние годы сравнительно с 1916 г., принятым за 100, выразится так:

	1923	1924
Рабочие лошади старше 4-х лет	70,6	74,1
до 4-х	80,0	67,9
Молодняк от 1 года до раб. возраста	57,3	63,1
Жеребята до 1 года	54,1	75,7
Все лошади	67,9	72,5

География распространения лошадей по территории СССР в 1924 г. показана на картограмме № 23.

В довоенное время очагом промышленного коневодства в Европ. России была группа центрально-черноземных губерний; здесь выращивание лошадей до известной степени заменяло выращивание крупно-рогатого скота, как более интенсивная отрасль. На юго-востоке условия благоприятствовали табунному коневодству, распространявшемуся в таком виде в пастбищный простор азиатской части СССР.

Птицеводство. Эта отрасль, будучи совершенно вспомогательной и мало заметной в общем строе нашего хозяйства, в то же время имела большое, в особенности товарное, значение. Достаточно сказать, что перед войной на долю продуктов птицеводства приходилось 44% из общей ценности экспорта продуктов животноводства. При этом 87,5% общего вывоза продуктов птицеводства составляли яйца, а остальное приходилось на долю птицы, битой и живой.

В 1924 г. по СССР продукция птицеводства определялась в след. размерах (тыс. штук):

Яйца	5.033.172
Битая птица	65.208

Наибольшее количество птицеводной продукции сосредоточено в европ. части СССР. Для довоенного времени районы товарной продукции яиц падали на центральные губ. Европ. России. Эк-

порт продуктов птицеводства с ходом времени изменялся след. обр.:

Вывоз яиц в тыс. пудов.	
1901—5 гг.	7.011
1906—10 "	7.631
1911—13 "	10.126
1923 "	192
1924 "	1.424
Вывоз битой птицы в тыс. пудов.	
1909 г.	817,8
1912	830,6
1924 "	41,0

Экспорт продуктов птицеводства, т. обр., уже находится в процессе восстановления.

Организация кормодобывания. Кормовой режим в разных районах СССР столь же различен, как различны и типы с.-х. производства. Сообразно смене природных и рыночных условий изменяется состав угодий, обеспеченность сельского хозяйства кормовыми угодьями, системы полеводства, а вместе с тем и кормовые ресурсы.

Наибольшая часть лугов сосредоточена в северной и северо-западной зоне европейской части СССР. В азиатской части луга сосредоточены также главным образом в северной половине; при переходе к югу они вытесняются степными пастбищами.

География распространения полевого травосеяния в 1924 г. показана на картограмме № 24.

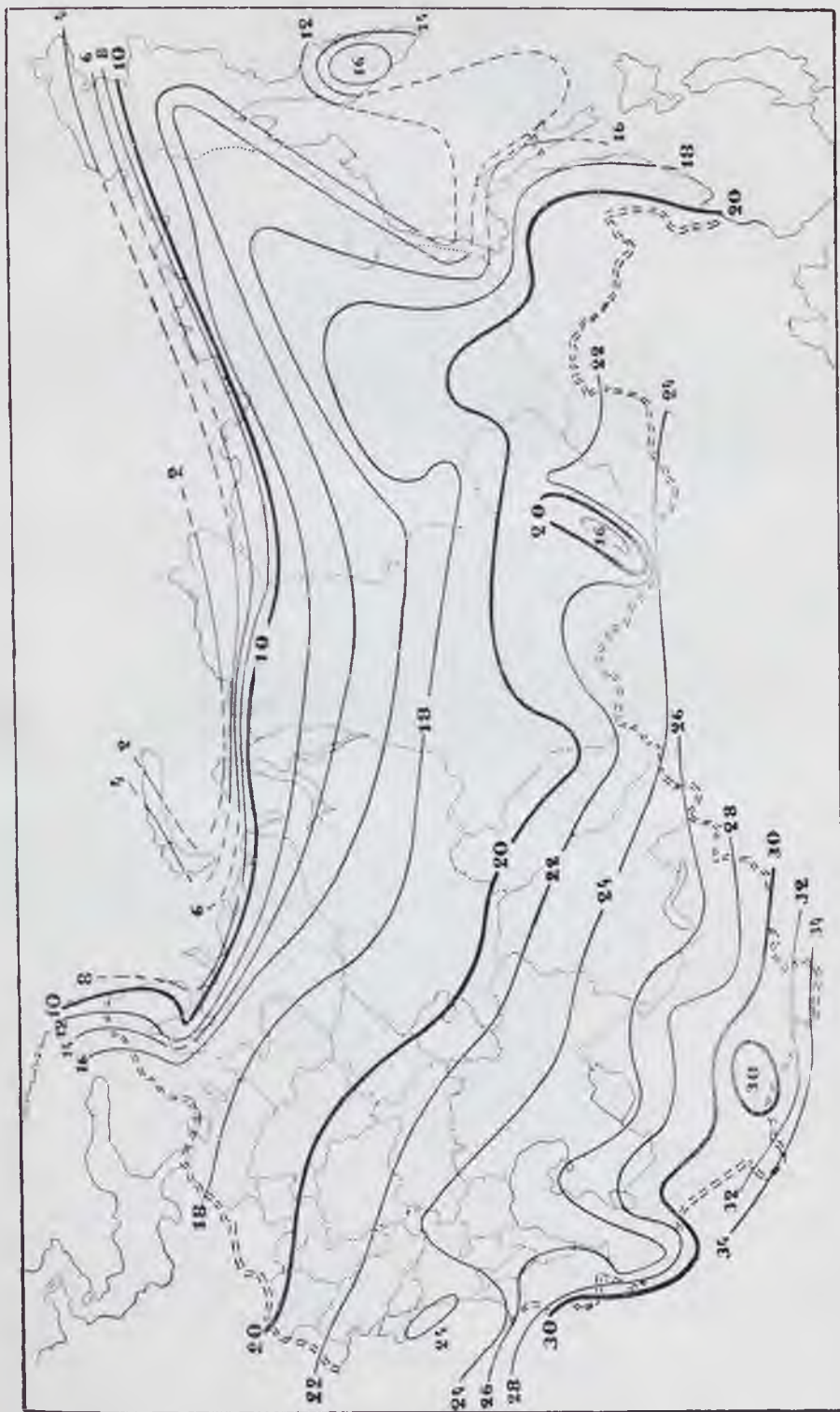
Наибольшая густота полевого травосеяния имеется в белорусском, западном и центр.-промышл. районах.

По типам кормления скота в европейской части СССР можно выделить четыре основных района: 1) район сеного кормления. 2) Район сено-соломенного кормления. 3) Район соломенно-сеного кормления. 4) Район соломенного кормления.

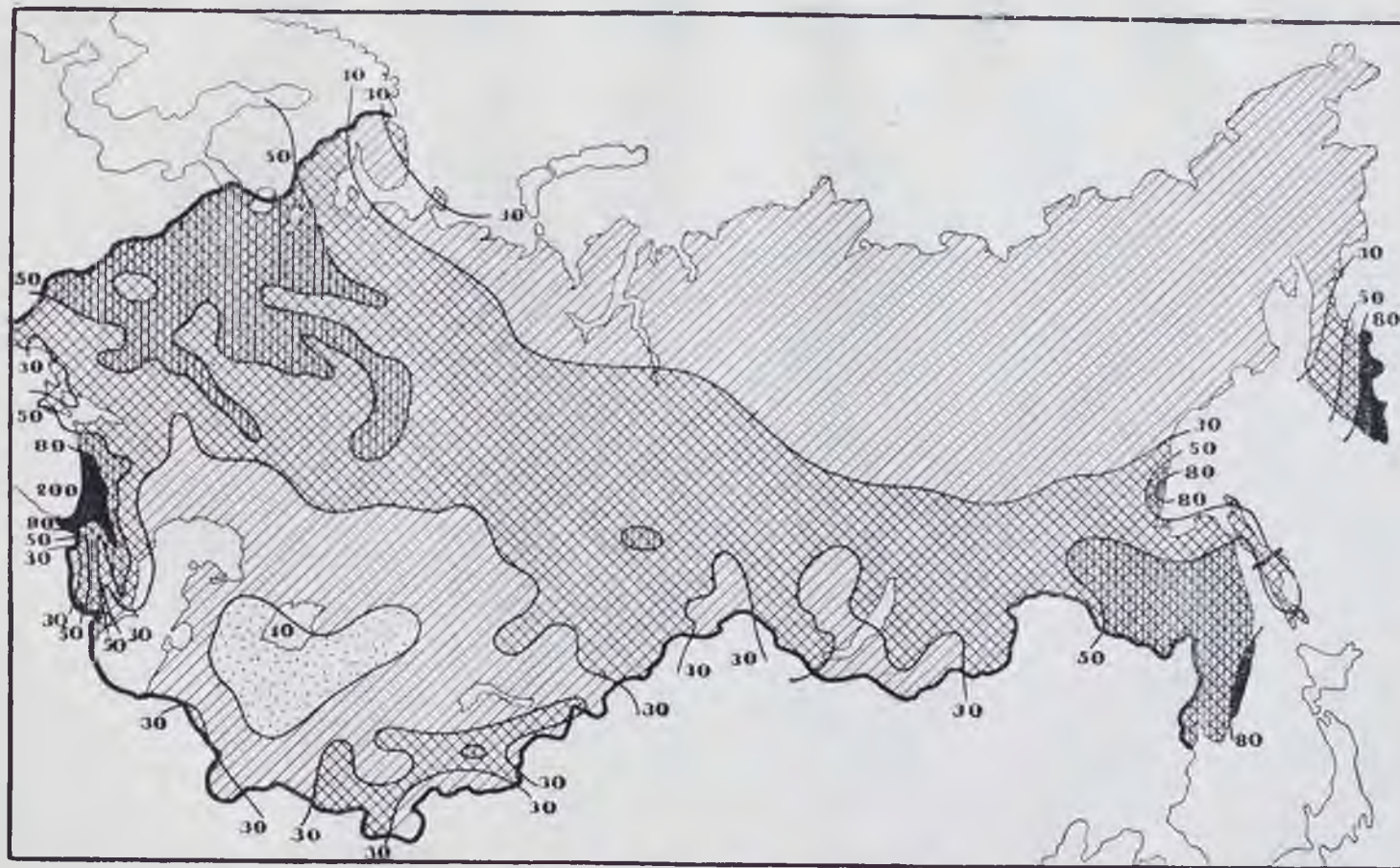
Общий баланс объемистых кормов характеризуется по указанным районам след. образом:

Районы.	Сено.	Солома и мякина.
I.	80,5%	19,5%
II.	57,0 "	43,0 "
III.	43,4 "	56,6 "
IV.	20,0 "	80,0 "

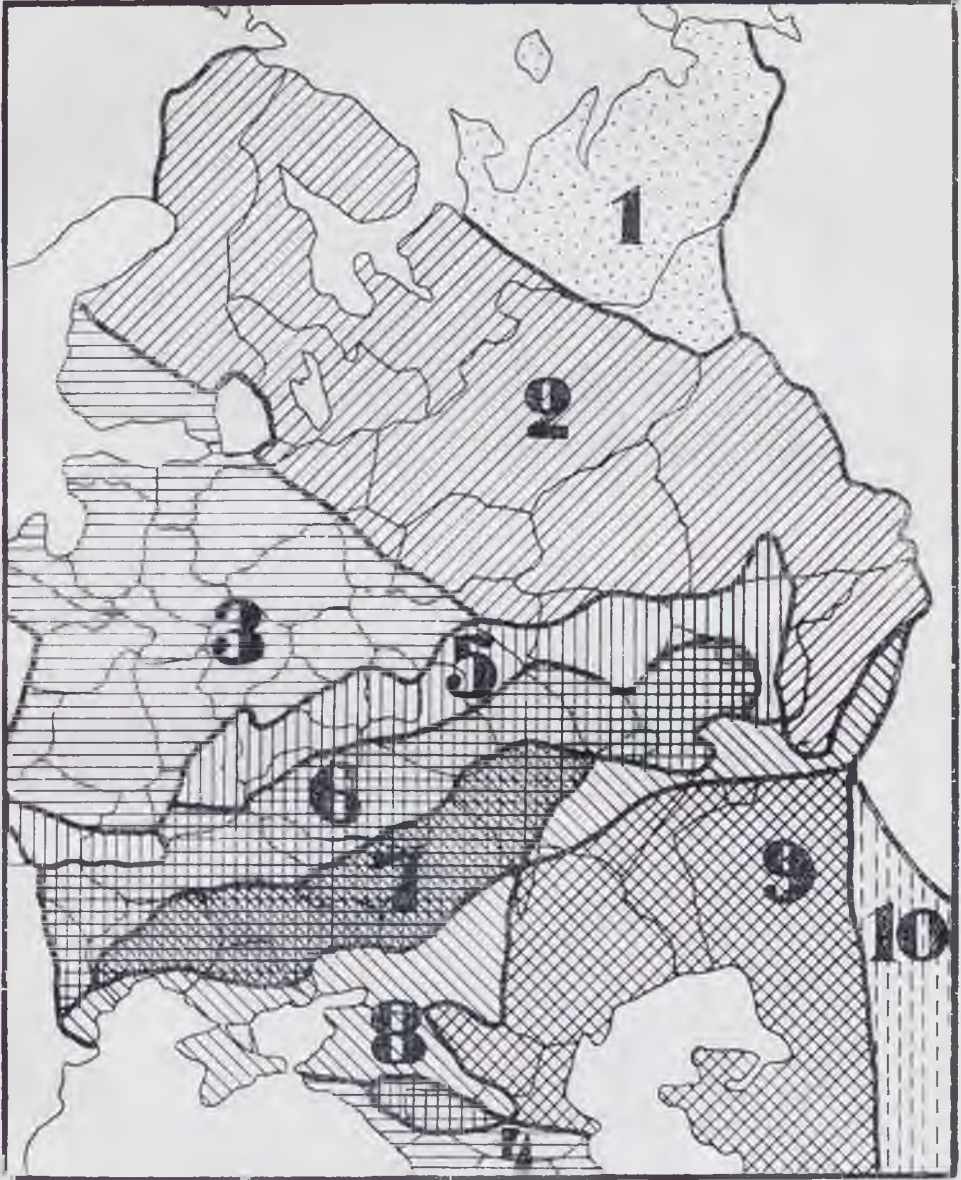
География относительного развития продуктивного животноводства повторяет географию кормовой производительности земледелия. При этом направление крупно-рогатого скотоводства

1. Изотермы июля (по Цельсию).

2. Годовые осадки (в сантиметрах).

	1. Внеземледельческая.		5. Печерноземная.		Степная область.	8. Каштановая.
	2. Хвойная.		6. Черноземная.		Пустынная область.	9. Глинисто-солонцеватая.
	3. Смешанно-лиственный.		7. Черноземная.			10. Песчаная.

3. Районы В. Винера.

4. Административное деление СССР на 1 мая 1924 г.

1. Административное деление СССР на 1 мая 1924 г.

Крайний Северный	{	1. Мурманская губ.	Низовье Волги	{	43. Калмыцкая	
		2. Карельская АССР.			44. Астраханская	
		3. Архангельская			45. Буковская	
		4. Ант. Обл. Коми.				
Северный	{	5. Северо-Двинская	Киргизская АССР Западный район	{	46. Уральская	
		6. Вологодская			47. Оренбургская	
Северо-Западный	{	7. Череповецкая	Киргизская АССР Восточный район	{	48. Актюбинская	
		8. Новгородская			49. Адаевский уезд.	
		9. Ленинградская			50. Кустанайская	
		10. Псковская			51. Акмолинская	
Западный	{	11. Смоленская	Сибирь Западная	{	52. Семипалатинская	
		12. Брянская			53. Уральская обл.	
		13. Гомельская			54. Омская	
Московско- Промышленный	{	14. Тверская	Сибирь Восточная	{	55. Ново-Николаевская	
		15. Ярославская			56. Алтайская	
		16. Костромская			57. Ойратская Авт. Обл.	
		17. Иваново-Вознесенская			58. Томская	
		18. Нижегородская			59. Енисейская	
		19. Владимирская			60. Иркутская	
		20. Московская			61. Бурято-Монгольская АССР.	
Центрально- Земледельческий	{	21. Калужская	Дальний Восток	{	62. Забайкальская	
		22. Тульская			63. Амурская	
		23. Рязанская			64. Приморская	
		24. Пензенская			65. Якутская АССР	
		25. Тамбовская			66. Камчатская губ.	
		26. Орловская			67. Крымская АССР	
Волжский	{	27. Курская	Туркестанская АССР	{	68. Туркменская	
		28. Воронежская			69. Аму-Дарьинская	
		29. Царицынская (Сталин- градская)			70. Сыр-Дарьинская	
		30. Саратовская			71. Ферганская	
		31. Немцев Поволжья АССР			72. Джетысуйская	
Волжско-Камский	{	32. Самарская	УКРАИНСКАЯ ССР Правобережн.	{	73. Самаркандская	
		33. Ульяновская			74. Волынская	
		34. Вятская			75. Подольская	
		35. Вотская Авт. Обл.			76. Киевская	
Волжско-Камский	{	36. Марийская Авт. Обл.	УКРАИНСКАЯ ССР Левобережный	{	77. Черниговская	
		37. Чувашская Авт. Обл.			78. Полтавская	
		38. Татарская АССР.			79. Харьковская	
		39. Башкирская АС Р.			Южно-Степной	80. Одесская
		40. (Дон и Предкавказье)				81. Екатеринославская
		41. (Горские авт. респ. и обл.)			Закавказская СФСР.	82. Донецкая
		42. Дагестанская АССР.				83. Грузия
				{	85. Азербейджан	
				{	86. Белорусская ССР.	
				{	87. Бессарабия	

5. Распределение населения по районам СССР. (1 точка - 20.000 человек.)

6. Изотимы хлебов (средние годовые цены для ржи и пшеницы в довоенное время.)

	1. Тундровая зона.		5. Подзолистые почвы с обилием избыточно увлажненных почв.		9. Бурые почвы с комплексами, чередование слабо солонцеватых почв и солонцов.		13. Переходная область от бурых комплексов к сероземам.
	2. Подзолистые почвы на мягких наносах.		6. Подзолистые почвы с обилием болотных почв (мари и пр.).		10. Бурые почвы без комплексов (Туркестанский тип).		14. Пески.
	3. Подзолистые почвы на преобладающих твердых породах.		7. Чернозем, деградир. чернозем, лесные суглинки и подзол. почвы, происшед. путем деградации.		11. Светлые сероземы равнин.		15. Вертикальные зоны Туркестана (каштан., черноземн. и горно-луговые почвы).
	4. Северная часть подзолистой зоны (ослабление подзолистых свойств).		8. Каштановые почвы.		12. Сероземы предгорий.		16. Солонцы и солончаки подзолистой почве.

7. Почвенная карта.

Районы выхода агрессиции

Районы оседания переселенцев

8. *Аграрно-перенаселенные и аграрно-недонаселенные районы.*

	1. Северная внеземледельч. зона.		2. Подсеочное х-во.		3. Трехполье.		4. Травнополье.		5. Пестрополье.		6. Экстенсивные точечные зерновые системы.		7. Кавказские интенсивные системы.		8. Абсолютно скотоводческие пространства степи.		9. Оазисные поливные системы.		10. Богарное земледелие.		11. Горные скотов. системы.		12. Пионерское земледелие.		13. Маньчжурские зерновые системы.		14. Район свеклы.		15. Район подсолнуха и кукурузы.

9. Системы сельского хозяйства.

10. Пашня в 1924 г. (1 точка = 1.000 десятин.)
(для областей без точек — сведений нет).

II. Рожь (посевная площадь) в 1924 г. (1 точка = 5.000 десятин.)

12. Пшеница в 1924 г. (1 точка — 5 000 дес.)

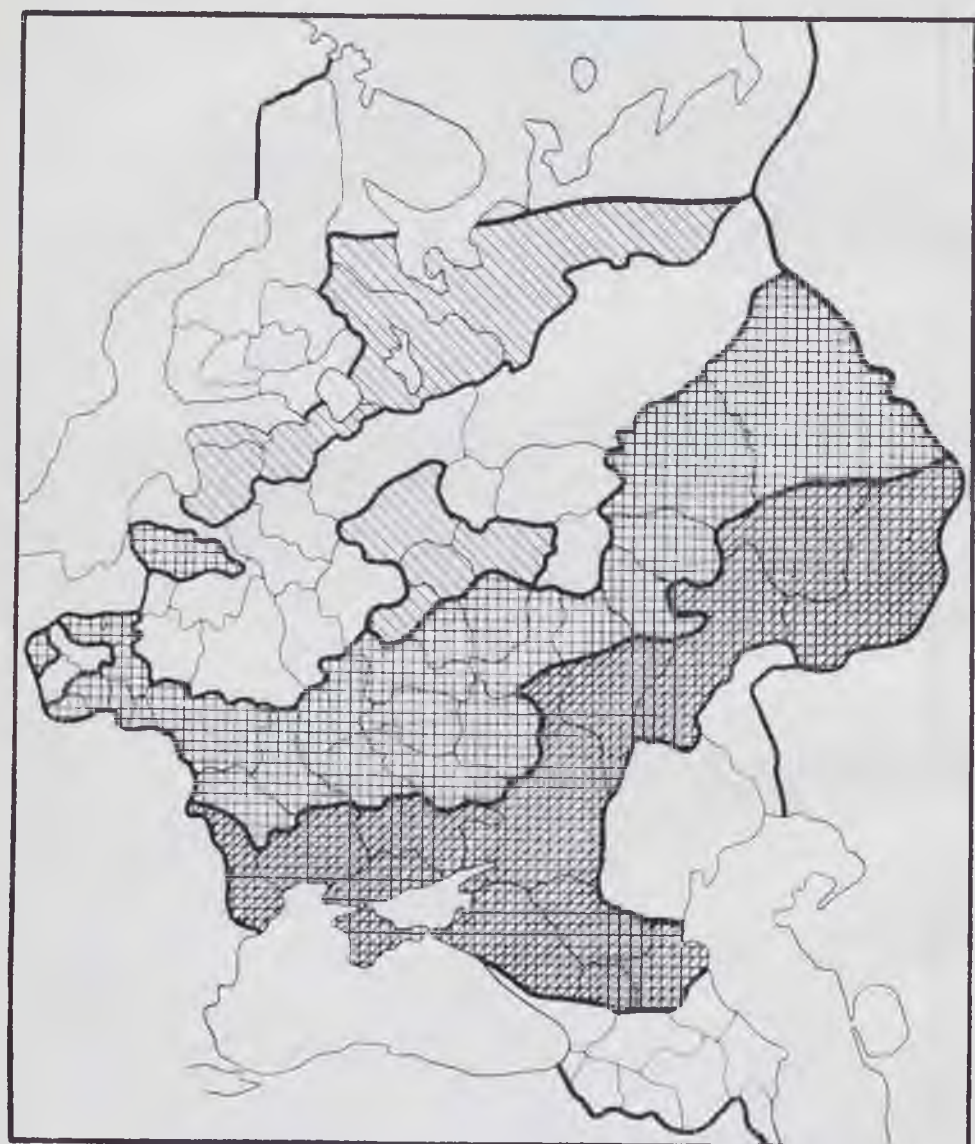
13. Овес в 1924 г. (1 точка = 2,000 десятин.)

14. Ячмень в 1924 г. (1 точка = 3.000 десятин.)

15. Кукуруза в 1924 г. (1 точка=1.000 дес.)

 Крупные
недостатки.

 Избытки.

 Крупные
избытки.

16. Избытки и недостатки хлебов (по А. Н. Челинцеву).

17. Картофель (1 точка=1.000 дес.)

18. *Лена в 1924 г. (1 точка=250 дес.)*

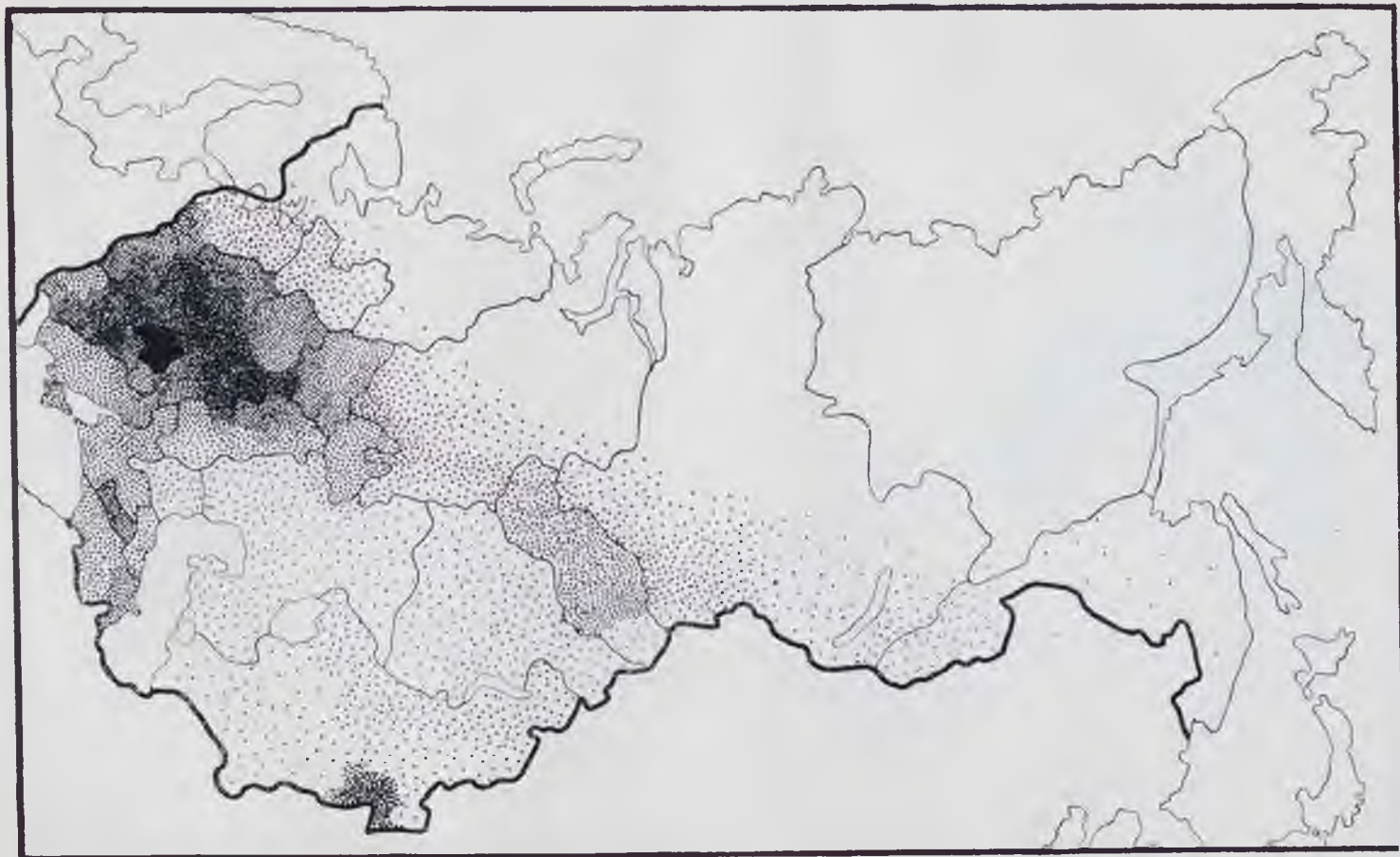
19. Подсолнух в 1924 г. (1 точка—250 дес.)

20. Крупный рогатый скот (1 точка—6.000 шт.)

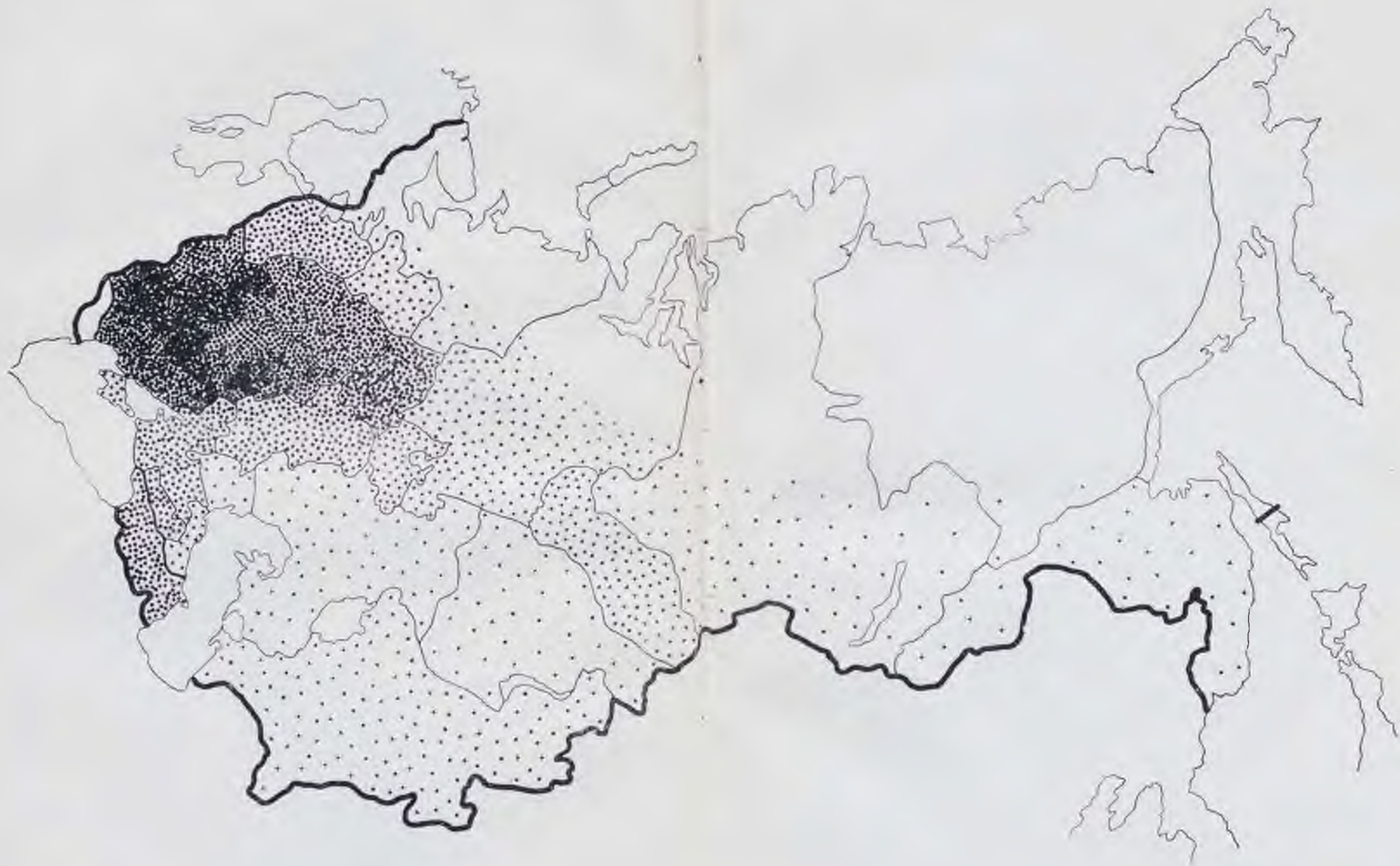
21. Свињи (1 точка=3.000 шт.)

22. Овцы (1 точка = 10.000 гол.)

23. Лошади (1 точка = 3.000.)

25. Общая стоимость скота, птицы, инвентаря и построек в крестьянском хозяйстве в 1924 г. (1 точка-5.000.000 черв. рубл.)

24. Травы в поле (1 точка=250 десят.)

теснейшим образом связано с характером объемистых кормов: область молочного направления скотоводства совпадает с районом сеного кормления, в то время как мясное направление локализуется в районах бедных сеновыми ресурсами. Овцеводство в своем наибольшем развитии совпадает с районами преобладания соломенного кормления, больших пастбищ по парам и избытка гумених остатков. Свиноводство не зависит от сухих объемистых кормов и обусловлено, главным образом, наличием сочных и концентрированных кормов, а также технических отбросов, приспособляясь также в подходящих случаях к наличию пастбищ.

III. Хозяйственная организация земледелия СССР. 1. Состав земледельческих хозяйств СССР. Приводимые нами карты систем хозяйства и отдельных культур дают нам представление о сельском хозяйстве районов, как таковых, о массовом народном хозяйстве. Само собой понятно, что в действительности эти народно-хозяйственные массивы состоят из миллионов индивидуальных сельскохозяйственных предприятий, в настоящее время почти исключительно крестьянских. О характере происшедшего в 1917—18 г. аграрного переворота можно судить по след. цифрам, установлен. Б. Н. Книповичем в 32 великорусских губ.: в 1905 г. из всей удобной площади (без леса) крестьянам принадлежало 76,3%, после революции в 1919 г. — 96,8%. Еще большее изменение отмечено им на Украине, где крестьянские земли с 55,4% в 1905 году поднялись до 96,0% в 1919 г.

Оставшиеся 4% и 3,2% сохранились в виде государств. хозяйств (совхозов) и крупных коллективных хозяйств (коммун и артелей). В 1924 г. по всей СССР без Закавказья, Туркестана и Дальнего Востока их насчитывалось 34 709 с 2.006.689 десятинами пашни (гл. обр., на Украине).

Все остальное находится в распоряжении 22 милл. крестьянских хозяйств.

Хозяйства эти весьма различны по своим размерам, как при сопоставлении их по районам, так равно и при сопоставлении их внутри районов.

Так, при сопоставлении различных районов мы имеем на одно хорошее хозяйство в среднем:

Размер семьи и количества десятин посева и голов рабочего скота

на 1 крестьянское хозяйство (в 1924 г.)

Районы	Число душ своего по- ла на 1 хоз.	На 1 хоз. прих. дес. посева.	Число гол. раб. скот. на 1 хоз.
Крайний север	5,3	0,8	0,7
Северный	5,0	1,8	0,8
Северо-Западный	5,2	1,6	0,8
Западный	5,6	2,6	1,1
Московский	5,3	2,0	0,7
Центр.-Земледельч.	5,6	3,2	0,7
Волжско-Камский	5,2	3,4	0,7
Уральский	4,9	3,1	1,2
Башкирия	5,2	3,3	0,9
Сред.-Волжский	5,3	4,0	0,7
Нижне-Волжский	5,0	6,8	1,1
Крым	4,7	5,0	0,9
Дон и Предкавказье	5,3	5,4	1,3
Кавказ	5,1	2,0	1,3
Зап. Сибирь	5,7	3,4	1,6
Евст. Сибирь	5,6	3,1	2,1
Южн.-Степн. Украина	4,9	5,7	0,9
Левобережная Украина	5,2	3,3	0,9
Правобережн. Украина	4,3	2,1	0,6
Дальний Восток	5,8	2,9	2,1
Белорусия	5,5	2,6	1,0
Всего по СССР	5,1	3,3	0,9

Еще более велико различие в размерах хозяйств в пределах районов, как это можно видеть из прилагаемой таблицы (см. стлб. 35).

Кроме своих различий в размерах, хозяйства, как это легко можно усмотреть из таблиц, весьма сильно различаются по соотношению скотоводства и полеводства, мерой развития специальных культур и пр.

Группы крестьянских хозяйств по размеру посевной площади (1924 года).

Групп. хоз. по размеру пос. площ. на 1 хоз.	Районы	
	Западный	(в %)
Без посева . . .	1,4	2,6
до 1 десят. . .	12,0	21,4
1,1—2,0 . . .	39,4	35,6
2,1—3,0 . . .	25,9	22,4
3,1—4,0 . . .	15,8	10,2
4,1—6,0 . . .	11,2	6,3
6,1—8,0 . . .	2,8	1,2
8,1—10,0 . . .	0,8	0,2
10,0—16,0 . . .	0,4	0,1
16,1 и выше . . .	0,0	0,0
Всего	100,0	100,0

Групп. хоз. по размеру пос. площ. на 1 хоз.	Районы	
	Московск.	Цен.-Земл.
Без посева . . .	1,6	1,6
до 1 десят. . .	57,7	9,7
1,1—2,0 . . .	8,1	8,0
2,1—3,0 . . .	11,1	5,4
3,1—4,0 . . .	11,4	11,4
4,1—6,0 . . .	10,6	4,4
6,1—8,0 . . .	16,6	5,5
8,1—10,0 . . .	11,2	3,5
10,0—16,0 . . .	7,2	1,2
16,1 и выше . . .	3,8	0,2
Всего	100,0	100,0

Групп. хоз. по размеру пос. площ. на 1 хоз.	Районы	
	Дон и Предкавказкав.	Украина
Без посева . . .	4,5	4,5
до 1 десят. . .	10,6	10,6
1,1—2,0 . . .	21,0	21,0
2,1—3,0 . . .	19,0	19,0
3,1—4,0 . . .	13,4	13,4
4,1—6,0 . . .	11,2	11,2
6,1—8,0 . . .	7,2	7,2
8,1—10,0 . . .	3,8	3,8
10,0—16,0 . . .	2,0	2,0
16,1 и выше . . .	1,3	1,3
Всего	100,0	100,0

Групп. хоз. по размеру пос. площ. на 1 хоз.	Районы	
	Сибирь	Всего
Без посева . . .	3,7	3,7
до 1 десят. . .	14,1	14,1
1,1—2,0 . . .	20,3	20,3
2,1—3,0 . . .	18,6	18,6
3,1—4,0 . . .	14,3	14,3
4,1—6,0 . . .	15,8	15,8
6,1—8,0 . . .	6,9	6,9
8,1—10,0 . . .	2,0	2,0
10,0—16,0 . . .	0,5	0,5
16,1 и выше . . .	0,0	0,0
Всего	100,0	100,0

Помимо организационно - производственной характеристики хозяйств, для нас особенный интерес представляет развитие товарности хозяйств, также весьма различное по разным рай нам, как это можно видеть из прилагаемой таблицы, вычисленной Г. Студенским на основании довоенных материалов.

Развитие товарности сельского хозяйства перед войной.

Районы	в % к общ. произв. в 1913 г.	Районы	в % к общ. произв. в 1913 г.
1. Юго-Вост . . .	15,8	9. Промышленн.	16,8
2. Северный . . .	8,8	10. Центральн.-Черноземный	21,7
3. Приуральск.	8,1	11. Белорусский	13,4
4. Нижн.-Волж.	29,3	12. Псков.-Смоленский	15,1
5. Верхн.-Волж.	17,4	13. Юго-Западн.	21,4
6. Приозерный .	22,2	14. Прибалтийск.	29,3
7. Южный . . .	36,1	15. Литовский .	12,5
8. Тульский . . .	15,7		

Такова характеристика основной производственной единицы нашего земледелия — отдельного крестьянского хозяйства.

2. *Капиталы в сельском хозяйстве.* Для предвоенного времени стоимость всего основного капитала, завязанного в крестьянском сельском хозяйстве России, исчисляется в сумме 18.497,7 млн. рублей. При переводе на современную территорию СССР эта цифра должна быть уменьшена до 15.075,6 млн. руб. В среднем на одно хозяйство стоимость основного капитала составляла 996 руб.оборотный капитал по данным для Евр. России составлял 28,6% от основного.

По бюджетам 1922—1923 гг. стоимость основных средств производства на одно крестьянское хозяйство по типичным губерниям выражалась след. цифрами (в довоенных рублях):

Губернии.	Постройк.	С.-х. инвен. тарн.	Скот	Весь основной капитал.
Вологодская	457,4	35,1	131,5	624,0
Череповецкая	337,8	97,3	158,5	593,6
Минская	224,6	45,8	3,0,8	621,2
Смоленская	367,4	72,4	223,7	663,5
Тверская	541,0	74,0	219,0	834,0
Тамбовская	268,6	45,0	118,0	431,6
Вятская	432,0	82,7	156,0	670,7
Екатеринбургская	644,2	178,4	219,5	1042,1
Саратовская	408,1	137,4	212,0	757,5
Ставропольская	638,2	209,9	217,9	1066,0
Черниговская	697,2	98,0	267,5	1045,7
Харьковская	489,2	98,4	211,2	797,8
Крым	562,5	154,8	242,0	959,3
Смская	309,6	221,6	356,8	888,0
Иркутская	427,8	169,1	288,0	884,9

Процентный состав основного капитала по этим губерниям представляется в след. виде:

Губернии.	Постройк	С. у январ	С. у
Вологодская	73,3%	5,5%	21,2%
Череповецкая	56,9	16,4	26,7
Минская	36,1	7,4	56,5
Смоленская	55,3	11,0	33,7
Тверская	64,9	8,8	26,3
Тамбовская	62,3	10,4	27,9
Вятская	64,5	12,4	23,1
Екатеринбургская	61,8	17,1	21,1
Саратовская	53,7	18,3	29,0
Ставропольская	60,0	19,8	20,2
Черниговская	65,7	9,3	25,0
Харьковская	61,2	12,3	26,0
Крым	58,7	16,1	25,2
Омская	34,8	25,0	40,2
Иркутская	48,3	19,2	32,4

В среднем по СССР те же бюджетные данные показывают следующую картину обеспеченности разных групп крестьянского хозяйства основным капиталом (в довоенных рублях):

В хозяйствах с площадью посева:	
До 2-х десятин	535,70
2,01—4,00	695,13
4,01—6,00	964,19
6,01—8,00	1123,04
8,01 и более	1645,40

В среднем 876,65

Рост основного капитала в крестьянском хозяйстве страны бюджетными данными 1922—1923 гг. устанавливается в 2,4% годовых. В 1925 г., первом урожайном после революции, надо ожидать гораздо более интенсивного капиталонакопления.

3. Труд. Сельское хозяйство СССР организовано в подавляющей массе своей на трудовых началах: мелкое крестьянское хозяйство является самым распространенным типом с.-х. производства. До революции до 10% с.-х. продукции в России было сосредоточено в руках крупных хозяйств, ведущихся наемным трудом. Революция уничтожила частное землевладение и выдвинула новый тип крупных с.-х. предприятий—государственных. Доля последних в с.-х. продукции страны, как это мы уже видели, весьма незначительна, и главная цель их—агркультурная. Они являются в большей своей части рассадниками племенного скота, конскими заводами и семенными хозяйствами. Только свеклосахарные хо-

зяйства имеют значение в массовом производстве.

Крестьянское хозяйство, будучи в массе своей трудовым, в то же время в отдельных слоях является резко дифференцированным по своему благосостоянию и по размерам производства, как мы уже отметили в 1-й главе. В зависимости от этого возникают внутри крестьянского хозяйства отношения найма—продажи труда. Крупные хозяйства нанимают рабочую силу в виде срочных или поденных рабочих, а мелкие продают избыток рабочей силы. В довоенное время 0% наемного труда в крестьянском сельском хозяйстве, беря его в массе для разных районов, представлялся в след. размерах:

Вологодский уезд	5,1%
Тамбовская губерния	6,2%
Старобельский уезд Харьковской губ.	10,0%
Южно-русская область	15,0%

При переходе с севера к югу от хозяйств мелких к более крупным доли наемного с.-х. труда увеличивается. В то же время в разных группах крестьянского хозяйства 0% наемного труда будет весьма различен и имеет разный смысл: в хозяйствах мелких он весьма невысок и носит случайный характер, в крупных же хозяйствах при высоком уровне он имеет определенный предпринимательский характер.

Социальная революция в сильнейшей степени индустриализовала крестьянские хозяйства, сократила число крупных предпринимательских хозяйств и тем самым свела почти к нулю наем с.-х. труда. Так, наприм., по исследованию А. П. Хрищевой по 25 великорусским губерниям, состав крестьянских хозяйств претерпел следующие изменения за время с 1917 по 1919 г.

Процентное распределение крестьянских хозяйств по группам по посевой площади:

Группы по размеру посева (десятин).	1917 г.	1919 г.
	в (%)	
0	11,5	6,6
0,1—1	50,3	18,0
1—2	18,4	24,9
2—3	28,9	29,3
4—6	14,7	12,4
6—8	7,4	5,2
8—10	3,8	2,1
10—15	3,9	1,4
15—22	0,8	0,1
22 и выше	0,3	0,0

Всего 100 100

Лишь в самое последнее время в связи с новой экономической политикой вновь намечаются процессы дифференциации в деревне и развиваются отношения найма—продажи труда.

Отличительную особенность сельского хозяйства СССР составляет его сравнительно высокая трудоемкость, т.е. затрата труда по расчету на единицу с.х. площади. Беря, например, Европейскую Россию, можно сказать, что по уровню интенсивности, т.е. по общей стоимости затрат как трудом, так и капиталом, прилагаемых к единице с.х. площади, она стоит на одной ступени с С.-А. Соединенными Штатами. Но по составу этих затрат русское земледелие совершенно отлично от американского, так как в России преобладают трудовые затраты, а в Америке—материальные; по уровню трудоемкости мы превосходим Америку более, чем втрое. В основе этого лежит совершенно различная расценка труда в обеих странах и разная обеспеченность сельского хозяйства капиталами.

При большой трудоемкости нашего сельского хозяйства использование сельского труда все же является весьма неполным. Можно без большой ошибки сказать, что для большей части СССР, благодаря аграрному перенаселению, в сельском хозяйстве используется не более одной трети всего запаса сельского труда. Этот факт указывает на известную пересыщенность сельского хозяйства СССР трудом и является чрезвычайно существенным для направления всей экономической политики СССР.

4. *Доходность сельского хозяйства.* В довоенное время чистая выручка крестьянского хозяйства, вычисляя оную как валовой доход за вычетом материальных издержек в расчете на душу сельского населения, выражалась след. цифрами:

Районы.	
Юго-восточный	35,0 руб.
Северный	33,3 "
Приуральский	34,9 "
Нижеволжский	34,5 "
Верхневолжский	41,7 "
Южный	32,7 "
Приозерный	33,4 "
Тульский	33,2 "
Промышленный	47,7 "
Центр. Черноземный	51,9 "

Белорусский	46,1 руб.
Псковско-Смоленский	57,1 "
Юго-западный	54,0 "
Литовский	46,9 "
Прибалтийский	94,7 "

В среднем по Евр. России 54,7 руб.

В 1924 г. по районам Госплана доходность сельского хозяйства на душу сельского населения была такова:

Районы.	
Северо-восточный	37,1 руб.
Северо-западный	42,3 "
Западный	40,6 "
Центрально-Промышленный	42,4 "
Вятско-Ветлужский	33,0 "
Урал	41,0 "
Башкирия	33,0 "
Центрально-Земледельческий	42,5 "
Средневолжский	29,0 "
Нижеволжский	32,0 "
Северный Кавказ	55,6 "
Крым	61,8 "
Сибирь	45,2 "
Киргизия	22,9 "
Украинская ССР	56,1 "

В среднем по СССР (без окраин) 43,2 руб.

Приведенные выше нормы доходов являются средними. Они резко колеблются в зависимости от размеров хозяйств. Так, по бюджетным данным 1922—1923 года доходность крестьянского хозяйства по расчету на одно хозяйство изменяется по группам следующим образом (в довоенных рублях):

Группы хозяйств по полевой площади.	Доход от сельского хозяйства.	От внеземледельческих занятий.	Весь доход.
До 2-х десятин	123,18	79,65	202,83
2,01—4,00 десятин	210,57	72,38	282,95
4,01—6,00 "	300,11	84,50	384,61
6,01—8,00 "	413,31	117,52	530,83
8,01 и более "	527,60	65,69	593,29
В среднем	267,46	79,95	347,41

Доля сельскохозяйственного дохода в общем доходе крестьянского хозяйства в разных группах колеблется так:

В хозяйствах:	% с.х. дохода ко всем доходам крестьянского хозяйства.
До 2-х десятин	60,91
2,01—4,00 десятин	74,42
4,01—6,00 "	78,03
6,01—8,00 "	77,86
8,01 и более	88,93
В среднем	76,99

Таблица с несомненностью указывает, что даже крупно-крестьянские хозяйства имеют значительные внеземельские заработки.

Это обстоятельство, связанное также с аграрным перенаселением страны, нужно считать одной из характерных черт русской деревни, в которой, несмотря на постоянный отток населения в города в ремесленную и фабрично-заводскую промышленность, еще нет резко выделенного сельскохозяйственного и промышленного населения.

Таково положение сельского хозяйства СССР в настоящий переломный момент. Мы видели, что уже теперь к 1925 г. оно в значительной степени восстановило те потери, которые нанесла ему война и события революции. Для нас не составляет никакого сомнения, что за этим периодом восстановления должна наступить эпоха быстрого и небывалого ранее расцвета.

А. Чаянов.

V. Сельско хозяйственное районирование и с.-хоз. районы СССР.

1. Понятие и задачи районирования.

Районом вообще можно назвать определенную часть земной поверхности, отличающуюся от других какими-либо признаками, при чем эти признаки охватывают существенные стороны явлений данной области и, являясь закономерности пространственного распространения явлений, позволяют в то же время уловить причины таковой. Относясь к области географии, устанавливающей пространственные закономерности и их причинные объяснения, сельско-хозяйственное районирование имеет и теоретическое и практическое значение и задачи. В теоретическом отношении „установление районов вносит порядок и позволяет выявить имеющиеся закономерности во многообразии пространственного распределения явлений окружающей нас жизни“ (1), и в то же время найти причинное объяснение этих закономерностей.

Соответственно методу подхода мы можем различать выявление общих законов пространственного размещения;

в этом смысле интересно течение экономической географии, выявляющей номенклатурные задачи этой области знаний (работы Швитау, А. В. Чаянова, Бернштейн-Когана), или работа мысли может идти по линии установления конкретного размещения в пространстве явлений изучаемой области, и в этом случае говорят и об идиографическом направлении изучения. Первый путь назывался часто синтетическим, второй — аналитическим. „Современными экономистами..... не раз выявлялась полная необходимость в такого рода синтетической теории, которая одна могла бы осветить нам многообразие действительности. Найти формулу, по которой происходит установление равновесия между местной плотностью населения, положением района в отношении рынка и его естественно-историческими особенностями — вот одна из важнейших теоретических задач в области изучения экономической географии“ (2).

Говоря об экономических явлениях, мы мыслим их в эволюционном разрезе, поэтому найденные однородные территории районов должны представлять нам, как этапы этой эволюции. Самое понятие эволюции включает определенное направление развития, его темпа, определенные причинно-зависимости; в силу же всего этого, зная районы, мы получаем основание для предвидения развития в будущем и, таким образом, получаем основание для определенной линии поведения в области регулирования экономической деятельности. Короче говоря, экономическое районирование вообще является базой районирования экономической политики. Правильно поэтому сказать, что „установление районов и всестороннее изучение их является необходимой предпосылкой и твердой основой экономической политики. В русских условиях всякая хозяйственная политика должна быть политической районной“ (3).

В условиях планового ведения всего народного хозяйства, районирование получает исключительно важное практическое значение. Необходимо прибавить, что оно становится важным и в области административного управления,

поскольку в основу последнего кладется экономическое районирование.

Все сказанное относится и к сельскохозяйственному районированию. Это последнее можно понимать в узком смысле, ставя его „подлежащим“ и отыскивая ему сказуемое и обстоятельственные слова во всей обстановке природы и народного хозяйства, взятого в целом. В таком случае все последнее может методологически рассматриваться, как причина статичности и динамики сельского хозяйства.

Беря же сельско-хозяйственное районирование в широком смысле, мы обращаем его в экономическое районирование, считая в этом случае сельское хозяйство, как составную часть всего народного хозяйства, взаимодействующую с последним. Сельское хозяйство в этом случае становится то на место причины, то следствия в выявлении и истолковании сельскохозяйственно-экономических районов.

2. *Признаки районирования.* Становясь на ту или другую точку зрения, мы должны придавать разный вес всем тем признакам и их соотношению, по которым мы выделяем сел.-хоз. районы. В первом случае моменты среды являются признаками-условиями с.-х. районов, которые образуются по признакам, характеризующим только с.-х. производство, как сказано ниже. Во втором случае, признаки - условия с.-х. и признаки - следствия, относящиеся к с.-х. производству, получают равноправное положение и должны быть включены в перечень районобразующих признаков. Приняв вышесказанное положение, мы не можем считать районированием сельского хозяйства те попытки, которые включают только признаки „факторы“, т.-е. признаки среды. Таковы районы климатические (проф. Броунова), почвенные (Докучаева, Сибирцева, новейшие—Прасолова), фито-географические (проф. Тапфилева и др.), комбинированно-природные (Винера, отчасти Скворцова); точно так же нельзя считать с.-х. районами такие, кои выделены по демографическим условиям или по совокупности экономических условий (Рихтера, отчасти Скворцова и др.).

Сел.-хоз. районы будут получаться тогда, когда они базируются на чертах самого с.-х. производства. Теперь уже не вызывает разногласий то мнение, что такими признаками являются признаки системы или типа организации сельского хозяйства. Как бы ни понимать тип организации сельского хозяйства, но он мыслится нами в эволюционном разрезе, и самое понятие типов организации включает в себе, во-первых, идею эволюции; во-вторых,—совокупность таких признаков, которые интересны, как характеризующие возникновение наличной организации, т.-е. генетические; и, в-третьих,—признаки, охватывающие самые существенные стороны с.-х. производства. Эти признаки охватывают: 1) распределение земли по с.-х. угодьям, 2) пашни на занятую посевами и свободную, т.-е.—под залежью или паром,—далее, 3) разделение посевной площади на экономические группы растений: зерновые и им подобные растения, травы, корнеклубнеплоды, прядильные и другие технические культуры; 4) виды, размеры, способы пользования продуктивного скотоводства и соответственно состав с.-х. дохода по отраслям земледелия и животноводства; 5) основные особенности в способах поддержания плодородия почвы и способах кормоснабжения скота, и наконец, 6) общий уровень интенсивности, характеризующий высотой затраты труда и капитала на площадь хозяйства и их соотношением. Это определение совпадает с формулой Подоговского, определяющего систему с.-х., как род и способ количественного и качественного сращения труда, земли и капитала. Принимая ее, мы этим самым ограничиваем (но не отрицаем) значение чисто валористического измерения соотношения всех производительных отраслей сельского хозяйства, которыми Студенский в своей работе пытается устранивать качественную характеристику типа организации при установлении с.-х. районов (1).

Возникает вопрос, обращаясь к конкретной сельскохозяйственной обстановке,—какие же признаки сельского хозяйства в смысле состава культур и отраслей животноводства и в каких

выражениях необходимо брать для районирования. На это в самой общей форме можно сказать, что решение этого вопроса зависит от наличного статистического материала, который может послужить данной цели. В 1909 г. в нашей работе (*) мы брали в зависимости от имевшихся для целой страны статистических материалов процент залежей и пара к пашне, процент посевных трав, пропашных, волокистных к общему посеву, отношение числа крупного рогатого скота к посеву, овец и свиней к крупному рогатому скоту. Но в 1916 г. с.-х. перепись 1916 г. позволила взять, кроме процента трав, корне-клубнеплодов, волокистных и вышеуказанных отношений числа животных разных видов, еще посев на одно крестьянское хозяйство, коров на 100 десятин посева и на 100 душ населения и крупно-рогатый молодняк старше года и моложе года к коровам (**); при этом для характеристики полученных более 200 мелких районов было взято сначала 14 главнейших признаков, а для дальнейшего их обобщения в 13 крупных районах было принято лишь 5, имевших показательное значение для подавляющего числа типов организации сельского хозяйства на пространстве Европейской России, а именно: 1) направление крупного рогатого скотоводства, судя по проценту в стаде молодняка старше одного года, 2) по размерам свиноводства (отношение свиней к рогатому скоту), 3) размерам овцеводства (отношение числа овец к крупному рогатому скоту), 4) степени внедрения в полевое хозяйство пезерновых культур, а именно кормовых трав и 5) корне-клубнеплодов и, как вводный признак в районах льносеяния, процент льна.

Но не встречая в действительности по отдельным областям страны резко отличных друг от друга типов организации, приходится для них вводить новые добавочные, при чем великий раз свои, особенные, признаки, лишь бы они улавливали существенные особенности местных вариантов организации сельского хозяйства; из сказанного ясно, что выбираемые признаки под- лежат организационно-хозяйственному

взвешиванию, которое должно удерживать те из них, кои свидетельствуют о разнице в размерах и соотношении сельскохозяйственных производственных отраслей и степени их интенсивности и в результате обеспечивает характеристику строя с.-х. в целом. Здесь нет абсолютных критериев, т.-е. годных для всех типов организации и одинаковых признаков, и эмпирическая действительность данного места и времени дает свой особенный добавочный материал в результате организационно-производственного отбора признаков сельского хозяйства.

Данное положение может считаться эмпирическим выводом из десятков попыток микрорайонирования, захватывавшего отдельные уезды, губернии и группы последних, сделанных за последнее десятилетие.

Здесь мы подошли к вопросу о том, достаточны ли признаки—черты организации сельского хозяйства, выражаемые отношением отраслей, и не нужны ли отдельные признаки, определяющие абсолютные размеры продукции всего хозяйства и отдельных отраслей,—так, чтобы признаки характеризовали и назначение продуктов для собственного потребления или для рынка. Вопрос весьма остро, но не совсем по адресу, затронут Давидовичем (7). Мы лично не отрицаем признаков показателей размеров хозяйства (посев на одно хозяйство, коровы на 100 жителей и некоторые другие), которые косвенно говорят о натуральности или товарности продукции, поскольку об этом можно судить по разнице в абсолютном размере отрасли. Особое место занимает здесь размер хозяйства (десятин землепользования или десятин посева на 1 хозяйство), каковой в сочетании со всеми процентными показателями выделяет отрасли натуральной или товарной назначения. Например, высокий процент картофеля или большая плотность коров в уезде с очень малыми площадями посева или землепользования на один двор не может считаться еще показателем товарно-картофельной или товарно-молочной продукции. Обратное утверждение было бы неправильным; его не совсем основательно

делают некоторые авторы, как это излагает Давидович; но Брук (8) обходит этот упрек, устанавливая „ценовые“ проценты-показатели, с коих начинается товарное значение отрасли, срав. его сельскохозяйств. районы ЦЧО (9) с товарными излишками в области. Для пояснения можно сказать еще о районировании ЦПО Е. Н. Челницевой (10), в котором все малопосевные на один двор уезды выделялись, как промысловые и натурально сельскохозяйственные, несмотря на то, что они были то интенсивными с большим процентом картофеля, большой плотностью коров и т. п., то экстенсивными (преимущественно зерновые); эти уезды выделялись в отличие от многопосевных по расчету на двор и в то же время малопромысловых районов, в которых те же самые проценты картофеля и численность коров характеризовали уезд, как товарный по соответствующим отраслям сельского хозяйства.

Таким образом, сочетая существенные признаки организации в смысле соотношения отраслей, с одной стороны, а с другой стороны, имея в виду общие размеры хозяйства, выражающиеся посевом на одно хозяйство, мы легко избежем уподобления интенсивного типа организации товарному, а экстенсивного — непременно натуральному. К этому надо прибавить, что, исходя из нашего принципа, мы можем ограничиться сравнительно малым числом районо-образующих признаков для уловления районов, тогда как придание большинству из них абсолютных размеров по расчету на 1 хозяйство, особенно сопровождая их еще относительным (процентным) измерением, как это предлагает Давидович (9), дает громадное число районов, которое усложняет работу при строгом использовании всех признаков (их насчитывается у Давидовича 66); это должно повести к повторному обобщению многочисленных районов, которые, мы убеждены, будут составлять каждый лишь из одной административной единицы (уезд, волость), а это означает, в сущности, отказ от пользования признаками после того, как работа с ними по картографированию уже проделана. Таким образом,

общепринятый доселе способ в состоянии в конечном счете уловить относительные размеры производительных отраслей, а зная размеры хозяйства и некоторые показатели по отношению к населению косвенно и их товарное или натуральное назначение в хозяйстве. Что касается техники сочетания признаков, то наиболее распространённым является накладка карт одна на другую сначала по земледелию, после по животноводству и, наконец, последних вместе.

Большой опыт, который проделан в ряде губерний над получением с.х. районов, придерживаясь предложенного нами в 1916 г. нормального перечня 12-ти районообразующих признаков (почти те же, что вышеупомянутые) с различными (более или менее коренными или незначительными) изменениями, выявил то положение, что районирование по признакам типа организации сельского хозяйства дает разделение территории по действительно существенным, не случайным, а взаимно организационно связанным признакам, и поэтому одновременно выявляет особенности районов, как стадии эволюции сельского хозяйства; оно позволяет, далее, улавливать методом пространственного сопоставления причины отклонения от намечаемой таким образом сельско-хозяйственной эволюции, а при применении с.х. районов для перспективных и операционных планов сельского хозяйства облегчает проектирование желательного направления сельского хозяйства в будущем и системы мероприятий для достижения его. Главнейший недостаток во многих из этих попыток — отсутствие организационно-хозяйственного взвешивания признаков и принятых для них количественных интервалов. Отсюда черезчур большое число с.х. районов и ригористическое, чисто статистическое проведение границ между районами.

Затем, по проделанному опыту теперь можно тщательнее разделить отдельные логические моменты районирования. Необходимо, кажется, признать, что признаки условий (почва, климат, угодья, плотность населения, промысловость, рынки, густота жел.-до-

рожной сети, цены на продукты, цены на средства производства и некоторые другие) при с.-х. районировании в узком смысле не должны, как мы уже говорили, входить в районообразующие признаки; но вместе с тем ими надо пользоваться, во-первых, в начале проведения районирования, как первой вспомогательной сеткой, позволяющей разобратся в многообразии пространственной смены каждого признака с.-х. и сочетания всех признаков самой организации сельского хозяйства, а, во-вторых, после установления границ и характеристики с.-х. организационно-производственных районов ими нужно воспользоваться для следующего момента работы, а именно для объяснения причины образования выделенных районов и их качественных и количественных особенностей. Между тем, весьма часто условия-причины соединяются с признаками сельского хозяйства. Таков для примера недостаток прекраснейшей в остальном работы Чернобровцева по Владимирской губ. (11), а также ряда других.

Прибавим, что первая редакция наших с.-х. районов в Е. России 1909 года еще не отчетливо отделила среди районообразующих признаков признаки причины (плотность населения и степень индустриализации его занятия), с одной стороны, и, с другой, — вышеуказанные признаки организации самого сельского хозяйства, а вместе с тем — и разное место признаков-причин в логическом плане с.-х. районирования.

3. *С.-хоз. районы до революции и теперь (1925 г.) в СССР.* Переходя к самым сел.-хоз. районам, как они выделились в губернском масштабе, сначала до революции по данным переписи 1916 года, приведем перечень их с краткой словесной характеристикой и указанием состава губерний, входящих в них (см. картогр. № 1); цифровая характеристика для этого года дается ниже в разделе о динамике по районам.

Для Европ. России; *черноземная полоса:*

1. Залежно-зерновой, мясо-много-скотный, овцеводный район. Губернии: Оренбургская, б. Уфимская, юг Самар-

ской, Астраханская, Ставропольская и Терская.

2. Пестропольный зерновой, мясо-малоскотный, свиноводный. Губернии: Кубанская, Донская, Таврическая, Екатеринославская, Херсонская, Бессарабская и юг Харьковской и Полтавской (последние две и Донск. многоскотные).

3. Экстенсивный трехпольно-зерновой, молочно-малоскотный. Губернии: север Саратовской и Самарской, Пензенская, б. Симбирская, Нижегородская и Казанская.

4. Интенсивно-паровой, трехпольно-зерновой, переходо-корнеклубнеплодный, молочно-малоскотный, свиноводно-овцеводный. Губернии: Рязанская, Тульская (в обеих южные уезды), Орловская, Курская, Тамбовская, Воронежская, Черниговская и северные 2,3 Полтавской и Харьковской.

5. Плодосменно-паровой, молочно-многоскотный, свиноводный. Губернии: Киевская, Подольская, Волынская.

Подобные по возрастающей интенсивности районы для *нечерноземной полосы:*

1. Северно-залежно-паровой, экстенсивно-молочно-многоскотный. Губернии: Вологодская и юг Архангельской и Олонецкой.

2. Паровой трехпольный, экстенсивно-молочный или э.-мясо-молочно-скотный, овцеводный; большая часть губерний: Пермской, Вятской и Костромской; при этом Вятская еще — овцеводно-свиноводная.

3. Паро-травопольный, льняно-картофельный, многоскотный, молочный. Губернии: Новгородская, Цесковская, Тверская.

4. Паро-травопольный, картофельный, молочно-многоскотный. Губернии: Московская, Владимирская, Ярославская, Калужская и б. Петроградская.

5. Паро-травопольно-картофельный, мясо-молочно-многоскотный, свиноводный. Губернии: Могилевская, Минская, Витебская, Смоленская (последняя льняная и овцеводная).

Не трудно видеть, что пространственное изменение в порядке перехода от экстенсивной системы к интенсивной является повторением тенденции хронологических изменений сельского хозяйства; но само собой разумеется,

здесь степень тождественности повторения находится в зависимости от разницы в природной обстановке и в историко-хозяйственном наследии каждого из районов к данному моменту.

Пространственное изменение организации отвечает и пространственному изменению народно-хозяйственных условий. В общем от востока к западу растет давность заселения, большая плотность населения, более глубокая профессиональная дифференциация и индустриализация занятий, более близки внутренние и заграничные рынки сбыта, более высокая цена с.-х. продуктов и отношение цен, более выгодное для менее транспортабельных и скоропортящихся продуктов сельского хозяйства. Неудивительно поэтому, что и товарность сельского хозяйства по составу и размерам ее по разноинтенсивным с.-х. отраслям меняется также в определенном направлении: за районами с быстрым нарастанием хлебных избытков идут районы, где сокращается товарная доля зерновых хлебов и усиливаются избытки остальных продуктов земледелия, продуктов интенсивных отраслей животноводства, частью говяжьего мяса, но сокращаются избытки продуктов экстенсивного животноводства (сала и шерсти).

Это можно видеть из следующей таблицы избытков и недостатков с.-х. продуктов по данным 1906—10 г. по черноземной полосе (стлб. 52).

Прибавим, что выделенные по тому же методу районы по данным с.-х. переписи 1916 г. в уездных границах дали нам сходное с предыдущим расчленение на с.-х. районы, но лишь в более уточненных уездных границах. Центры этих уездных и губернских районов совпали. Более заметные случаи несовпадения являются случаями расширения с.-х. районов за время со середины 1900-х гг. к 1916 г. к востоку за счет районов более экстенсивных в результате продолжавшейся за это десятилетие с.-х. эволюции. За краткостью мы не приводим их состава в уездном масштабе и ограничимся сделанной тогда нами бальной характеристикой их (см. стлб. 53).

Районы.	На 100 пуд. чист. вывоза хлеба пришелся избытков (+) или недостаток. (-).				
	Чист. вывоз хлеба на 100 душ населения в пуд. х.	Остаток с.-х. ед. в пуд. х.	Экстенсивн. животноводч. отрасли в пудах ¹⁾ .	Интенсивн. животноводч. отрасли в пудах ²⁾ .	Продуктов мясного скота в с.уд.
1. а) залежно-зерн. нижеволжский .	2450	+ 1,8	+0,51	+0,47	+2,14
б) залежно-зерн. сев.-кавказск. . .	2645	+ 12,9	+0,95	+0,24	+0,36
2. пестроп. зерн. новороссийск. .	3550	+ 1,6	+0,15	+0,27	+0,16
3. экстенс. паров. средне-волжск. .	637	+ 11,5	-0,84	+3,99	+2,09
4. а) интенс. паров земледельч. .	834	+ 53,5	-0,61	+3,13	+0,42
б) интенс. паров. малороссийск. .	508	+ 114,4	-1,05	+4,28	+4,24
5. плодовс. паров. юго-западный . . .		+ 272,8	-0,11	+5,77	+3,51

Хотя вес принятых здесь признаков для разных районов (а следовательно, для разных типов организации сельского хозяйства), как последующая критика правильно отметила, не одинаков, но состав всех 5 из них все же наиболее пригоден для сравнения степеней интенсивности всех встречающихся типов организации сельского хозяйства в стране; отметим, что те же признаки Энгельбрехт применял для своей работы о сельскохозяйственных зонах умеренного климата земного шара, следов., для еще более разнообразных и многочисленных вариантов типов организации с.-х.-ва.

Указанные в наших районах признаки организации хозяйства выражают вместе с тем разную интенсивность (трудоемкость) а, следов., и раз-

¹⁾ Сало и шерсть.

²⁾ Яйца, свинина и свиньи, птица.

Районы.						
	% трав	% кор-елу-не-породы	% крупного рогатого к лядняка к коров.	% овец к крупному рогатому скоту.	% семян к крупн. рогатому скоту.	Коэффициент выстигн семян стг ¹⁾ .
Черноземные:						
1. а) Оренбургско-Уфимск.	0,3	1,8	49	191	35	14,0
б) Заволжск. (юго-вост).	0,2	1,0	76,5	185	37	13,2
2. Новороссийский	1,7	1,5	61	149	50	11,6
3. Средневолжский	0,3	2,4	30	292	37	12,8
4. Центрально-черноземный	1,6	5,1	28	263	60	9,6
5. Юго-западный	2,5	7,7	30	64	61	6,4
Нечерноземн.:						
1. Северный	0,7	4,6	25,5	76	4	10,8
2. Вятско-Пермский	1,7	2,4	35,5	153	28	11,5
3. Новгородско-Псковской	5,3	7,4	16	86	14	8,4
4. а) Центральнo-промышленный	3,6	10,2	24	185	37	8,8
б) Петроградский	19,3	18,7	13	59	14	7,0
5. Белорусский	3,2	9,2	30	151	109	7,5
6. Прибалтийский (для сравнения)	19,5	10,7	54	132	46	7,8

По черноземной полосе:

	Таврич.	Сарат.	Херсонск.	Харьк.	Полтавск.	Подольск.
Затрата на 1 десятину с.-х. площади дней	5,3	8,8	8,3	17,6	18,7	21,7
Доход от земледелия на 1 десят. рубл.	18,2	16,1	26,7	30,0	30,6	41,7
То же от животн. рубл.	4,4	5,8	6,4	8,0	10,1	17,9
Плотность земл. нас. (на с.-х. площадь) душ.	32,4	36,6	43,3	79,9	85,0	114,8

По нечерноземной полосе:

	Волог.	б. Курл.	Тверск.	Вилensk.	Московск.	б. Погьо
Затр. на 1 дес. дней	11,1	13,5	15,2	15,4	18,9	26,5
Доход от землед. на 1 дес. руб.	11,2	25,4	18,5	20,5	23,8	49,1
Доход от животновод. на 1 дес. руб.	6,8	12,0	8,2	2,1	19,9	23,1
Плотность землед. населен. душ.	50,0	36,8	67,5	80,0	113,0	117,6

ную высоту доходности одной десятины с.-х. площади. Это видно из нашего подсчета 1912 г. (12) по отдельным губерниям, взятым по одной из каждого с.-х. района (стлб. 54).

Тот же метод применен был нами в 1918 г. для 9 губерний юга Европейской России (13), где валорнетическим методом проведена дополнительная характеристика этих губерний в уездном масштабе (т.-е. не только по обычным показателям организации, но и по денежному выражению состава валового с.-х. дохода) и дана также их характеристика в отношении интенсив-

ности (трудонитенсивности). Полученная там схема параллелизма организации, интенсивности и доходности в общем повторяет только что приведенную в губернском масштабе (см. табл. стлб. 55).

Этим мы закончим краткую характеристику с.-х. районов дореволюционного времени по европейской части страны.

Что касается азиатской части Союза ССР, то приведем деление ее на с.-х. районы по тем же показателям, пользуясь переписью 1916 г. 1) При крайнем разнообразии условий на большом протяжении и круности административных единиц, по которым приходится пользоваться средними статистическими, это расчленение может быть сделано

¹² По 3-балльной отметке каждого из 5 признаков.

Нумерация районов цифрами отвечает предыдущей характеристике районов в губернском масштабе по данным с.-х. переписи 1916 г.

¹³ По данным о крестьянск. и казац. хозяйствах.

Районы в порядке убывания интенсивности.	Затрата дней на 1 дес. с. х. площади	Доход от земледелия на 1 дес. посева	Доход от животноводства на 1 дес. посева	Сумма доходов на 1 дес.	% дохода от:			Плотность с. х. населения в 1916 г.
					зерновых хлебов	животноводства	незерновых культур	
1 а (Свердлов.)	31,4	76,5	102,0	178,5	77,3	59,3	71,4	71,5
1 в (Свердлов.)	21,4	70,7	84,6	155,3	67,6	24,4	8,0	68,3
2 а (Ч. Кр.)	21,1	61,7	78,0	139,7	59,9	27,1	13,0	62,2
2 б (Ч. Кр.)	11,9	58,6	78,0	136,6	50,0	25,0	25,0	58,2
3 (Иркут.)	11,9	66,8	89,0	155,8	55,6	24,7	9,7	61,2
4 (Иркут.)	11,9	49,2	70,9	120,1	56,2	30,6	13,2	41,0
5 (Свердлов.)	11,9	52,7	69,9	122,6	59,2	26,1	14,7	48,4
6 а (Иркут.)	21,4	57,4	82,3	139,7	60,0	30,2	9,8	51,1
6 б (Иркут.)	17,5	56,4	76,8	133,2	61,4	26,5	12,7	47,9
4 в а (Иркут.)	10,2	53,1	70,9	124,0	62,7	26,5	10,8	41,8
4 в б (Иркут.)	9,8	59,4	72,3	131,7	71,5	17,9	10,6	44,6
5 а (Иркут.)	11,2	39,1	53,4	92,5	72,1	26,2	1,1	3,1
5 в (Иркут.)	8,0	49,1	61,8	110,9	77,0	20,4	1,7	4,9
5 в (Иркут.)	8,7	39,0	59,0	98,0	60,0	33,9	6,1	20,7

только более схематически. При недавности колонизации, редкости населения и молодости народно-хозяйственного развития на формировании районов с особой силой сказывается природная обстановка: климат и связанная с ним почва.

Идя с юга на север и с запада на восток, имеем следующие районы, для коих тут же приводим краткую характеристику почв (см. картогр. № 2).

1. Южно-степной, на бурых почвах, а в северной трети на каштановых. Скотоводный (земледелие подчинено скотоводству), овцеводный, табунно-коневоленный, мясно-многоскотный (у киргизов верблюжий); хлеб яровой, на первом месте пшеница. Район обнимает уезды: Темирский, Иргизский, Тургайский, Атбасарский, Акмолинский, Каркаралинский.

2. Зерновой (пшенично-просяной), мясно-многоскотный. Уезд Актюбин-

ский с небольшими частями смежных уездов Уральской и Тургайской областей; каштановая степь.

3. Зерновой (пшенично-овсяный), мясно-многоскотный. Также каштановая степь, лишь северная $\frac{1}{5}$ часть черноземы. Уезды: Кустанайский, Петропавловский, Кокчетавский, Омский, Павлодарский.

4. Скотоводно-зерновой; овцеводно-коневоленный, многоскотный мясно-молочный. Каштаново-степной, крайний север черноземный. Уезды: Каменогорский, Зайсанский, большая часть Семипалатинского.

5. Зерновой (пшенично-овсяный), молочно-многоскотный, на севере свиноводный. Уезды: Ялуторовский, Курганский, Ишимский, Тюкалинский, Тарский (переходный к 7 району), Канский, Барнаульский, Бийский, Змеиногорский.

6. Зерново-скотоводный (пшенично-ржано-овсяный), мясно-многоскотный, овцеводный. Большей частью чернозем. Уезд Минусинский.

7. Зерново-скотоводный (ржано-овсяно-пшеничный), мясно-многоскотный; средне-картофельный (беря в сибирском масштабе); начало льна. Подзолистая почва. Уезды: Туринский, Тобольский, Сургутский (кроме его крайнего севера, где тундровый) и Тюменский (переходный к 5 району).

8. Средне-сибирский. Зерново-среднемолочно-многоскотный (ржано-пшенично-овсяно-картофельный). Почва подзолистая. Уезды: Енисейский, Ачинский, Красноярский, Канский, Киренский, Томский, Мариинский, Куанецкий.

9. Зерново-скотоводный (пшенично-овсяно-картофельный), мясно-многоскотный. Подзолистый. Уезды: Нижнеудинский, Балаганский, Иркутский.

10. Забайкальский. Скотоводно-зерновой; мясно-многоскотный, коневоленный (яро-ржано-овсяный, к востоку пшенично-овсяный). Северная половина подзолистая, а южная (кроме ее южной подзолистой окраины) — черноземная. Уезды: Баргузинский, Верхнеденский, Верхне-Удинский, Селенгинский, Читинский, Нерчинский, Троицкосавский.

11. Дальневосточный. Зерново-скотоводный; пшенично-овсяно-картофельный; мясно-скотный, свиноводный.

*) Подсолнечник.

Почва подзолисто-болотная. Прибавим, что в крайних северных и южных уездах повышенный процент промышленных культур. В него входят: вся Амурская область и уезды Никольско-Уссурийский, Хабаровский, Ольгинский, Пманский и Уссурийский.

12. Якутский с.-хозяйственный. Северно-скотоводный, мясо-многоскотный, коневодный. Почва подзолистая и на крайнем севере неразвитая подзолистая. Уезды: Якутский, Олекминский и южная окраина Вилюйского.

Для общей характеристики с.-х. районов Сибири прибавим к сказанному, что незерновые культуры имеются здесь в малом количестве, как и свойственно экстенсивно залежно-зерновым районам. Так, по отдельным уездам кормовые травы имеются свыше 2% лишь в 7 районе и в 6; картофель от 1,4% до 3,8% в 7, в 8 и 9 районах, и лишь в Приморской области (11 район) картофель составляет 6 (а в Хабаровск. у. до 16%). Во всех остальных районах 1% и менее. Промышленные растения: лен, конопля, местами подсолнечник выше 3% имеются в 7 районе, затем на западе 8-го района и на юго-востоке 5-го (подсолнечник) и, как сказано, на севере и юге Приморской области. В остальных районах и частях их доминируют на полях зерновые хлеба.

Основная товарная продукция (зерно и масло) Сибири сосредоточена, как известно отчасти из вышесказанного, в районе 5, на севере 3-го и 4-го, затем в 6 и на юге 8, т.-е., главным образом, в районах черноземных или переходных черноземных почв.

Очень близкое к указанному деление Сибири на с.-х. районы дается Г. П. Чубаковым⁽¹⁴⁾. Не надо забывать, что при редкости населения и многоземельи, большая часть аз.-русских районов характеризуется малой распаханностью и, следовательно, большим процентом лугов и естественных пастбищ и большой долей залежей среди полей, что делает сибирское хозяйство в основе своей приближающимся к более или менее еще неизжитым, залежным, системам сельского хозяйства.

Изменившаяся народно-хозяйственная обстановка, режим экономической

политики и иное административное деление в настоящее время делают необходимым проследить вновь деление Союза на районы по вышепринятым основаниям. В целях экономии места, дадим районирование сельского хозяйства только по европейской части на основании средних губернских цифр ЦСУ по весеннему опросу 1925 года. Эти цифры дают возможность прибегнуть к тем же районообразующим признакам, что и для 1916 г. В результате районирования имеем, разделяя районы, как и выше, по полосам нечерноземной и черноземной, нижеслед. перечень с.-х. районов (см. картогр. № 3) (средне-губернские цифры 1925 г., положенные в основу деления, имеются в след. главе). По полосе нечерноземной:

1 а) Северный. Зерново-молочно-многоскотный. Область Коми, южная половина Архангельской губ. и Корельской республики.

1 б) Зерново-льняной, мало-травяной, молочно-многоскотный. Северо-Двинская и Вологодская губ.

2 а) Зерновый, мясо-средне-молочно-свиноводный. Уральская и Вотская области.

2 б) Зерново-льняной, мало-травяной, мясо-молочный, свиноводно-овцеводный. Вятская губ., Марийская обл. и север теперешней Нижегородской губ.

3. Льняно-травопольный, средне-картофельный, молочно-многоскотный. Губернии: Череповецкая, Новгородская, Тверская, Псковская; из них Тверская овцеводная, а Псковская еще и средние свиноводная.

4. Картофельно-травопольный, средние или мало-льняной, молочно-многоскотный, овцеводный. Губернии: Ярославская, Костромская, Иваново-Вознесенская, южная половина Нижегородской, Владимирская, Московская, Калужская и северные уезды Тульской и Рязанской и отдельно стоящая Ленинградская, являющаяся молочно-многоскотной.

5. Картофельно-травопольный, средне-льняной, молочно-многоскотный, свиноводно-овцеводный. Губернии: Смоленская, Брянская и Гомельская и Белоруссия.

Сопоставляя теперешний состав нечерноземных районов с дореволюцион-

ним, легко видеть, что их основные контуры теперь остались теми же, что были и до революции, с некоторыми сдвигами, которые дальше при характеристике динамики их будут указаны.

Обращаемся к полосе черноземной, также в порядке перехода от экстенсивных районов к интенсивным, т. е. с востока на запад (соблюдая для связности общую нумерацию районов европейской части Союза, данную для 1916 г.)

6а) Залежно-парово-зерновой, мясно-овцеводный. Оренбургская губ., Башкирская Республика.

6б) Залежно-зерновой, мясно-много-скотный, овцеводный. Губернии: Сталинградская, Астраханская, Калмыцкая.

6в) Зерновой, средне-кукурузный, мясно-скотно-овцеводный. Округа: Шахтинский, Сальский, Ставропольский, Терский.

7а) и 7б) Парово-зерновые, мясно-скотно-овцеводные. Район 7а) парово-зерновой, средне-картофельный, средне-конопчатый, мясно-овцеводный; Татарская Республика, Чувашская и Ульяновская губ.

7б) Парово-(пестропольно на юге) зерново-подсолнечный, мясно-скотно-овцеводный; губ. Самарск. и Саратовск.

7в) Пестропольно-зерново-подсолнечный, мясной, свиноводный. Нем. Республика.

8. Южно-Украинский и Северо-Кавказский, пестропольно-зерновой с под-районами: а) кукурузно-подсолнечно-зерновой, малоскотно-мясно-молочный. Округа: Одесский, Первомайский, Зиновьевский, Молдавская Республика; б) кукурузно-бахчевый, малоскотный мясно-молочный. Округа: Херсонский, Криворожский, Екатеринославский, Запорожский, Мелитопольский; в) средне-кукурузный, мясно-скотный - овцеводный. Крымреспублика, кроме южного побережья, являющегося садово-виноградно-табачным; г) кукурузно-подсолнечно-бахчевый, зерновой, мясно-скотно-воловоый, куда относятся округа Украины: Мариупольский, Сталинский, Артемовский, Павлоградский, Изюмский, Куинский, Старобельский, Луганский и округа С.-Кавказской области: Донецкий, Донецкой и Тагаирогский; д) кукурузно-подсолнечно-бахчевый с зерновым, молочно-мясно-скотный;

свиноводный. Округа: Кубанский, Армавирский, Майкопский, Черноморский.

9. Парово-зерновой, средне-картофельный (местами свекло-сахарный и табачный), продовольственно-молочный, малоскотный, овцеводный. Губернии: Курская, Орловская, Тамбовская, Пензенская, юг Тульской и Рязанской и Воронежская; последняя, как под-район зерново-подсолнечный, мясно-скотный (и воловоый).

10а) Картофельно-свеклольно-зерновой, молочно-скотный, свиноводный. Округа Украины: Коростеньский, Житомирский, Шепетовский, Проскуровский, Бердичевский, Вишницкий, Киевский, Черкасский, Уманский, Сумский, Харьковский.

10б) Картофельно-свекловично-кукурузно-зерновой, молочно-скотный, свиноводный. Округа: Каменец-Подольский, Могилевский, Тульчинский.

10в) Свекловично-табачно-конопчатно-картофельный, молочно-скотно-свиноводный. Округа: Новгород-Северский, Черниговский, Конотопский, Нежинский.

10г) Свекловично-табачно-конопчатный, молочно-свиноводный, овцеводно-воловоый. Округа: Прилукский, Роменский, Лубенский, Кременчугский и Полтавский (в последнем свеклы и табаку мало).

Сопоставляя положение и состав всех сел. - хоз. организационно-производственных районов 1925 года с вышеуказанными 1916 года по черноземной полосе, мы встречаем одни и те же различия при переходе от востока к западу, а именно, говоря кратко: залежно-парово-зерновые на востоке и залежно-зерновые на юго-востоке; далее — экстенсивно парово-зерновые (Среднее Поволжье); затем бывшие пестропольно-зерновые, теперь осложненные пропашными культурами юг Украины и запад С.-Кавказа; далее, бывшую интенсивно-паровую центрально-черноземную ныне отставшую в своих интенсивных культурах и интенсивных животноводственных отраслях, и, наконец, юго-западный район, ныне лесостепной украинский, переходноплодосменно-паровой, интенсивно скотоводный район. Теперь, как и раньше, пространственное размещение повто-

риет собой эволюционный ряд типов организации сельского хозяйства.

Констатировав факт размещения и разной характеристики организационно-производственных районов, мы должны были-бы сделать здесь более исчерпывающее причинное объяснение указанных правильностей, но по экономии места мы напомним здесь лишь основные моменты среды, в которой находится сел. хоз., которые помогут сделать эти причинные объяснения, отсылая за более подробными данными по географии Союза к соответствующим статьям словаря.

Прежде всего, должна быть указана природная обстановка—климатические, почвенные и фитографические зоны. Во-вторых, давность и стадия развития народного хозяйства, взаимосвязанных с разницей давности и степенью заселенности районов, а следовательно, и степенью земельного простора, которым может располагать сельский хозяин. Одной из сторон этой разницы народно-хозяйственного развития является степень индустриализации района, а следовательно, развитость местного рынка на менее транспортабельные и скоропортящиеся продукты; пример—столичные уезды. Далее—характер и степень профессиональной дифференциации сел.-хоз. населения в смысле степени отвлечения во внеземледельческие промыслы без полного отрывания от занятия сельским хозяйством. Тут, как особенно в ЦПО, определяющим моментом является степень занятости сел.-хоз. населения местным отхожим, неземледельческим промыслом, которая, в особенности в местах удаленных от места сбыта, в скоропортящихся продуктах вызывает известное понижение интенсивности сельского хозяйства и задержку на пути усиления непереносимых интенсивных культур и отраслей. Наконец, разница в положении по отношению к удаленному рынку (не местному), связанная с разницей цен и их эквивалентов, в свою очередь ставит в тем более выгодное, в смысле интенсификации, положение, чем ближе каждый из районов лежит к западной или северо-западной и юго-западной границе Союза. Что в конце концов является более определяющим факто-

ром размещения районов: природные условия, отношение населения к территории (землеобеспеченность или плотность населения) или рынок для сельского хозяйства,—это вопрос более углубленного исследования (эмпирического и дедуктивного), которого касаться мы здесь не можем. Но необходимо иметь в виду, что рамки или сетка природных условий, мощно влияя на сельское хозяйство, которое является началом взаимодействующим с целым народным хозяйством, несомненно сказывается в пространственном и хронологическом размещении основных черт целого народного хозяйства, а также, следовательно, еще раз и сельского хозяйства.

Кроме деления Союза по почвам на черноземную и нечерноземную полосу (каковым полосам отвечают зоны климатические и фитогеографические), объясняющего связь сел.-хоз. районов с почвами, мы можем упомянуть еще о сопоставлении Кипиновичем более детальных почвенных районов проф. Прасолова 1920 года с нашими сел.-хоз. районами в уездных границах по переписи 1916 г. (1). В результате этого сопоставления констатируется почти полное совпадение наших организационно-производственных районов 1916 г., а следовательно, как мы показали выше, и районов 1925 г. с почвенными районами Прасолова.

Не вдаваясь в подробности, укажем только кратко, какие почвы и почвенные районы Прасолова совпадают с нашими организационно-производственными районами.

В полосе нечерноземной в нашем 1-м районе имеются болотно-подзолистые почвы. Районы наши 2а и 2б, не считая подзолисто-горного района Уральского хребта, совпадают с районном подзолистым (Восточно-Зауральский и подзолисто-восточный). 3-й район наш есть подзолисто-болотный, призерный и северная часть подзолистого северо-западного и Верхне-Волжского района. 4-й наш район—подзолисто-Верхне-Волжский, подзолисто-переходный и подзолисто-песчаный Окский. У Прасолова наш 5-й район есть песчано-подзолисто-болотный и подзолисто-переходный.

Для сел.-хоз. районов полосы черноземной: 6-й район залежный - паровой есть по почвам черноземный Зауральский (не считая входящего в него подзолистого южного конца Уральского хребта). Район 6-й юго-восточный, залежно-зерновой—это частью область полупустынных бурых почв, частью почв каштановых, С.-Кавказский и Волжско-Донской районы. Район 7-й парово - зерновой, Средне - Волжский, представляется в северной половине черноземным лесостепным, а в южной половине (зерново-подсолнечной) черноземным право-и левобережным Волжским почвенным районом. Район 8-й цестропольно-зерновой, большей частью совпадает с почвенными южно-черноземным украинским и приазовским черноземным районами и только в крайне южной окраине с почвами причерноморских сухих степей (переходно-черноземно - каштановых). Район 9-й паро - зерновой, более интенсивный район совпадает с черноземно-лесостепным-почвенным районом, и, наконец, 10-й интенсивно-свекловично-картофельно-зерновой и интенсивно-скотоводный район совпадает с юго-западным черноземно-лесостепным районом проф. Прасолова.

Так как за этими почвенными районами стоят, как сказано, свои зоны, климатические и особенно фитогеографические, то ясно, что указанное совпадение мало изменяющейся природной обстановки с переменным, по самой своей сущности, организационно-производственным районом сельского хозяйства указывает на более глубокую и многогранную зависимость формирования последних от природной обстановки.

Не истолковывая здесь эту зависимость скольконибудь исчерпывающе, можно указать лишь, что изменение природной обстановки в каждой из двух полос, черноземной и нечерноземной, с переходом от более сурового востока на запад вызывает разницу в производительности сельского хозяйства, затратах и размерах валовой и чистой оплаты. А это играло свою роль, несомненно, в очередности, давности и интенсивности колонизации различных, по природной обстановке, районов и, следов., в

связанной с этим разнице начала и интенсивности народно - хозяйственного развития вплоть до образования и роста местных рынков для сельского хозяйства, а также—формы и степени связи сельского хозяйства с отдаленными, в частности мировыми, рынками. Вместо с тем, необходимо признать, что эти малоизменяющиеся природные условия вызывают и разницу в поступательном развитии каждого из сел.-хоз. районов, определяя, таким образом, разницу их не только статически, но и в их динамике. Таким образом, приходится говорить о вариантах сел.-хоз. эволюции по районам в связи с вариантами природных условий.

Что касается условий социально-экономических, то при объяснении правильности, какую являет собой расположение с.-х. районов, исследователь наталкивается особенно на величину землеобеспеченности, что в значительной мере совпадает с величиной плотности населения. Этот параллелизм, с одной стороны, плотности населения, интенсивности и производительности сельского хозяйства, с другой—разницы в соотношении культур и животноводственных отраслей, выраженный в цифрах, мы видели выше на примере 12 губерний. Но его можно способом пространственных сопоставлений уловить, сопоставляя пространственную смену отдельных организационно-хозяйственных показателей и самих районов в целом с картами плотности и землеобеспеченности населения в более или менее тождественных условиях природы. На такой позиции связи плотности населения и организационных типов с. хоз. было построено наше первое установление с.-х. районов (²), но надо оговориться, что, несмотря на особенно-наглядную эмпирически параллельную смену плотности и типов организ. с. хоз., работа наша и тогда не ограничивала причину формирования сельского хозяйства районов только плотностью населения, речь шла всегда и об индустриализации занятий, а следовательно, и рынке, как факторах. Дело в том, что плотность населения в современном мире, основанном на общественном разделении труда, сопро-

ножается обязательно соответствующей степени индустриализации занятий и разницей в объеме и условиях местного рынка для сельского хозяйства. К этому мы должны прибавить, что наличие в стране (и в мире) районов разнотипно индустриализованных и с разным объемом местного рынка в смысле спроса и предложения с.-х. товаров вызывает зависимость каждого из с.-х. районов еще от его положения в смысле удаленности от внерайонных или „далеких“ рынков, а следовательно, и от обусловливаемой этим высоты и эквивалентности всех цен. Это хорошо сформулировано в работе проф. Н. П. Макарова (15), которая дает также, отметим кстати, весьма детальную характеристику эволюции сельского хозяйства по многим с.-х. районам России. Этой работой в убедительной форме выясняется зависимость порайонных особенностей с.-х. эволюции от особенностей природной обстановки и разницы в историко-хозяйственном наследии каждого из районов.

Подчеркивая роли рынка в формировании порайонных отличий с. хоз-ва, мы должны в то же время признать, что при наличии аграрного перенаселения во многих густонаселенных районах и при сохранности еще большей доли натурального оборота в русском крестьянском сельском хозяйстве до революции, а также и теперь, было бы односторонним связывать порайонные особенности сельского хозяйства и его организации только или по преимуществу с рынками сбыта или покупки с.-х. продуктов. Отсюда тот параллелизм плотности с.-хоз. населения и степеней интенсивности с. хоз., который повторяется перед исследователем данной—предреволюционной и теперешней—исторической полосы, переживаемой СССР. Если же этот параллелизм стоит в связи с недоразвитостью обмена и рыночных связей в стране в целом, то ясно, что влияние того или другого фактора—в данном случае рынка и степени землеобеспеченности—в формировании с.-х. района будет не одинаково в зависимости от стадии народно-хозяйственного развития района. В зависимости от последнего рынок будет иметь то

более, то менее решающее значение. В районе с развитыми меновыми отношениями, в смысле купли и продажи с.-х. продуктов, аренды земли, найма и продажи труда, развитости кредитных сделок, рыночные моменты оказываются впереди всех остальных в формировании пространственных различий организации сельского хозяйства; такковы, напр., районы ЦПО или западный, наши 4-й и 5-й нечерноз. районы. Другое дело район, лежащий далеко от рынков сбыта, с неразвитым местным рынком, преимущественно с натуральным назначением с.-х. продуктов и пр., как, напр., наш нечерноз. район 2-й. Здесь пространственное изменение и движение во времени сельского хозяйства находится в более тесной связи с таковыми же изменениями численности сельского населения. Еще более четко выделяется разная роль каждого из факторов при микрорайонировании в волостном масштабе отдельных областей и губерний. Тут можно встретить, беря районы более экстенсивные или интенсивные, все нюансы преваширования то одних, то других из этих факторов.

Что пространственные различия в организации сельского хозяйства, выявляющиеся при сравнении с.-х. районов, сложились и складываются с ходом времени, и что с.-х. районы представляют собой, несмотря на казалось бы на обусловленность их неизменными причинами, в сущности стадии общего развития сел. хозяйства в направлении повышения его интенсивности, можно убедиться, прослеживая движение элементов организации сельского хозяйства во времени, в пределах каждого из районов.

4. *Динамика сельского хозяйства по районам.* Динамика сельского хозяйства по районам, важная сама по себе, является вместе с тем необходимым элементом его порайонной характеристики как до революции, так и в последние годы. Поэтому мы должны остановиться на ней, при чем будем выбирать те показатели, которые во-1-х, касаются прогрессивных элементов для данного района по сельскому хозяйству или косвенно оттеняют таковые, во-2-х, свидетельствуют об изменении

размеров и характера товарности с.х. производства и, в 3-х, могут быть положены в основу установления перспектив возможного и желательного изменения сельского хозяйства в ближайшем будущем. При этом мы будем добавлять к характеристике районов краткое указание направления возможного и вместе с тем желательного изменения сельского хозяйства в ближайшем будущем. Для каждого из районов дается измерение в абсолютных цифрах выбрасывавшейся из них массы с.х. товаров за время 20 лет до революции, что уясняет более точно те тенденции в динамике с.х. продукции и в частности ее товарной доли, которые складывались под влиянием всей совокупности в них природных и народно-хозяйственных условий. В основу берем с.х. районы 1925 г.

Начнем с 1 северного района, и главным образом района 1б), т.е. в составе тех губерний, кои имеют более заметное значение в с.х. продукции Союза. Редко заселенный, район этот расширял с. хоз. экстенсивным путем, увеличивая посевную площадь под хлебом и число кр. рог. скота за счет естеств. кормовых площадей.

Беря за 100 посев 1887 г., имеем для 1913 года в Вологод. губ. 121, а в колонизовавшейся Сев.-Двинской 162. О послереволюционном движении посевных площадей говорят цифры:

	1916	1924	1925
Волог. г.	100	109,8	109,4
С.-Двинская	100	91,3	99,6

Доля незерновых-интенсивных культур была небольшой и для нечерноземных условий и притом не увеличивалась быстро во времени.

На полях господствуют зерновые хлеба. Незерновые интенсивные занимали долю посева:

Губернии:	1887	1913	1916	1920	1923	1924	1925
Вологодская . .	8,0	6,4	9,2	4,5	5,2	7,8	8,1
Сев. Двинская .	4,2	8,3	10,0	3,4	4,9	9,5	11,1

По отдельности взятые незерновые культуры занимали место:

Культуры.	Вологодская г.				Сев.-Двинск. г.		
	1900	1916	1924	1925	1916	1924	1925
Картофель . .	2,5	3,4	2,1	2,2	2,1	2,6	2,9
Лен	4,5	5,1	3,3	4,6	7,5	3,2	4,7
Травы	1,7	0,7	0,4	4,1	0,2	1,8	2,8
Конопля	—	0,0	0,0	0,0	0,2	0,5	0,1

По скотоводству, если взять весь северный район в целом, он давал следующее нарастание численности скота на 100 дес. посева:

	В старых границах.		В новых границах.	
	1887	1913	1916	1923
Кр. рог. скота	99	106	157	170
Свиней	8,8	10,6	10,0	9,6
Овец	13	83	110	122
Раб. лошадей	42	37	47	57

По отдельным губерниям за последние годы и по составу стада рог. скота имеем:

	Вологодская.			Сев.-Двинская		
	1916	1924	1925	1916	1924	1925
1) Коров на 100 десятик посева	73,7	76,4	82,9	87,4	82,8	83,3
2) Молодняка бол. 1 г. на 100 кор.	26,1	17,5	28,4	16,0	24,2	25,5
3) Свиной на 100 дес. посева	4,7	3,6	3,7	24,7	30,4	35,9
4) Свиной на 100 коров	6,3	—	4,6	28,3	—	27,9
5) Овец на 100 коров	95,3	117,8	150,9	103,4	130,2	156,7
6) Рабоч. лошадей на 100 д. пос.	37,3	40,9	37,2	44,7	46,6	42,1
7) Всего Молодня. на 100 лошадей	16,9	14,1	—	13,7	11,0	—

Из сказанного видно, что с ходом времени незерновые культуры несколько увеличились, но все же до самого последнего времени не изменяли основного зернового направления полеводства района и относительно значительной роли его молочного скотоводства.

Главный товарный продукт—масло давал по ж. д. перевозкам такой избыток (Вологод. губ. в прежних границах включала в себя и теперешнюю Сев.-Двинскую):

	1874—1895	1907—1909	1913
Вологодская г.	47,5 т. п.	387,0 т. п.	351,0 т. п.

В то же время сокращался чистый вывоз мяса в те же годы:

Мяса т. пуд.	38,7	20,0	4,0
Кр. рог. ск. т. шт. 0,8	—	1,6	2,6

Хлебные продукты, которые в 80-х годах имелись в избытке, губерния стала все более ввозить. Так, вывоз (+) и ввоз (—) зерновых хлебов составил:

	1870—1884	1907—1910
Вологодск. г.	+1140 т. п.	—3500 т. п.

К сказанному нужно добавить, что губерния вывозила еще льняное волокно, но количество его не выросло

с ходом времени, что вполне отвечает приведенным выше цифрам процента льна; чистый вывоз льна в т. п. составлял:

в 1893—1894 г.	1907—1909 г.	1913 г.
638	402	€26

В итоге, вывоза масло и в небольшой мере продукты мясного скота и льняное волокно, Вологодская губ. делалась покупательницей все большей массы зерновых продуктов, и притом посевной площади в ней отставал, таким образом, от потребности в хлебе. Междурайонный обмен толкал ее все более на товарную линию, которая и выражалась именно в продукции на рынок более пригодных по климату произведений, т. е. масла и отчасти льна.

Являясь, так. обр., парово-трехпольным зерновым хозяйством и в большей доле луговым, район должен строиться и в будущем на расширении масляной продукции, усиливая в отличие от теперешнего строя полевую кормовую продукцию путем посева трав и введения их в травопольный севооборот и включая с ходом времени все больший процент льна; в условиях более близкого рынка, в частности в юго-западном углу Вологодской губ., сельское хозяйство должно продвигаться дальше, а именно вводя еще в большее количество картофеля, используемый отчасти свиньями, количество которых может расширяться на базе молочного обмена; последний же должен увеличиваться с дальнейшим развитием товарного маслоделия. Основным же направлением остается травопольно-льняно-масляная линия с постепенным только увеличением картофеля и в нешироких границах свиноводства.

Район северо-восточный, 2-й. Будем говорить сразу о районах 2а) Ураль-

ском и 2б) Вятсковетлужском. Оба района перед войной находились в стадии медленного экстенсивного расширения с. х-ва. Посевная площадь в Вятской г. и Вотской обл. равнялась:

в 1887	1913	1916
т. дес.	2916	3155 2995

В последующее время свертывание и восстановление посевной площади шло таким образом:

	1916	1921	1922	1923	1924	1925
2а) Уральская т. д. %						
область . . .	4863 100	89.9	42.0	68.4	89.5	94.4
2б) Вятск. . .	1838 100	68.4	52.3	64.7	82.8	87.5
Вотск. . .	696 100	54.2	31.6	53.1	71.8	95.9
Мариинск. .	359 100	81.1	41.1	66.8	96.1	120.8

В этих районах преобладают, как сказано, зерновые посевы, не зерновые занимали ничтожную долю.

Так, имеем незерновых культур:

	1887	1913	1916	1923	1925
2а) Уральская о.	2,7	3,5	3,0	—	4,4
2б) Вятск. г.	4,0	5,6	8,5	6,8	10,1
Вотск. г.	3,3	7,8	8,5	5,6	7,9

По отдельности характерные по данным природным условиям культуры составляли:

2а) район

	1916 г.		1924 г. 1925 г.		
	Пермск.	Екатер.	Челяб.	Уральск. обл.	
Лен	1,9	1,6	1,3	2,3	2,1
Травы . . .	1,9	2,1	—	0,7	0,6
Картофель	0,1	0,1	1,3	0,6	0,6
Конопля . .	0,2	0,4	0,4	0,3	0,3

2б) район

	Вотская область				Вятская губ			
	1916	1923	1924	1925	1916	1923	1924	1925
Лен	5,4	4,7	4,5	4,2	5,7	3,9	4,8	5,4
Травы . . .	0,1	—	0,3	0,6	0,1	—	0,8	1,8
Картофель	1,0	0,9	1,7	1,7	2,1	2,9	3,3	3,4
Конопля . .	—	—	0,8	1,0	—	—	0,1	0,2

Скотоводство:

	Пермск. о.			Вятск.			Челяб.			Уральская			Вотская			Вятская					
	1916	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925					
1. Коров на 100 дес. посев	32,6	38,2	32,2	38,5	34,6	37,2	23,2	24,3	20,4	28,5	29,4	32,1	38,5	50,0	50,3	45,6	39,5	50,4	27,3	28,6	30,4
2. Молоди. > 1 г. к коров	40,9	47,4	47,2	45,2	50,0	50,3	45,6	39,5	50,4	27,3	28,6	30,4	38,5	50,0	50,3	45,6	39,5	50,4	27,3	28,6	30,4
3. Свиней на 100 дес. посев	89,6	24,4	15,6	(43,2)	22,7	3,5	40,7	30,0	37,9	21,2	18,3	35,1	112,2	65,0	81,8	135,4	173,5	185,8	76,1	62,4	110,9
4. Свиней на 100 коров	94,1	63,9	47,7	200	230	240	462	426	459	333	334	3,6	200	230	240	462	426	459	333	334	3,6
5. Овец на 100 коров	267	204	237	35,0	30,4	30,3	22,9	21,6	17,0	19,6	20,4	20,3	35,0	30,4	30,3	22,9	21,6	17,0	19,6	20,4	20,3
6. Раб. лош. на 100 д. посев	28,6	42,6	35,3	23,5	20,8	24,6	19,9	19,3	23,1	16,6	11,4	17,1	23,5	20,8	24,6	19,9	19,3	23,1	16,6	11,4	17,1
7. Всего конского молодняка на 100 лошадей	19,3	20,5	23,4	23,5	20,8	24,6	19,9	19,3	23,1	16,6	11,4	17,1	23,5	20,8	24,6	19,9	19,3	23,1	16,6	11,4	17,1

Самое общее представление о направлении эволюции животноводства за болеедлинный период дают нижеслед. цифры на 100 дес. посева штук:

	Район 2а) (без Вотск. и б. Пермск.)			В новых границах		
	1887	1913	1916	1920	1924	1925
Кр. рог. ск.	25,6	41,3	67,8	53,8	75,6	79,5
Свиней	5,5	5,7	17,3	15,3	22,7	30,5
Овец	54,9	67,8	99,9	67,2	79,7	89,4
Раб. лош	22,6	26,8	38,6	34,5	31,4	30,3

При господстве в обоих подрайонах зерновых хлебов не зерновые интенсивные культуры нарастали и нарастают в малой мере, но в отношении скота крупного рогатого, овец и свиней до революции намечалось расширение по сравнению с земледелием (на 100 дес. посева). Послеревolutionный упадок сменился периодом восстановления, однако, особенно сильных, меняющих тип организации, перемен в скотоводстве не имеется, как в смысле продукции мяса всех видов животных, так и в смысле продуктов молочных (масло). — Сказанное можно видеть еще из сравнительной быстроты изменения избытков и недостатка с.-х. продуктов за двадцатилетие перед войной. Основной, первоначальной товарной массой был в районе хлеб, для коего имеем следующие избытки (+):

	1880—4	1907—10
Вятская г.	+ 7942 т. п.	+ 9547 т. п.
Пермская	+ 3620 т. п.	+ 215 т. п.

Избытки хлеба в Пермской губ. уже таяли, в то время как в Вятской продолжали еще нарастать, и район в целом перед войной был еще хлебопроизводящим для вывоза.

Другие продукты, свойственные вообще природным условиям, в коих находятся оба подрайона, а именно продукты крупного рогатого скотоводства—масло, мясо менялись таким образом:

	Вятск. г.		Пермск. г.	
	1893—4	1907—9	1893—4	1907—9
Масло т. п. —	+ 37,4	+ 71	—	— 2,9—16,2
Мясо т. п. —	+ 186	+ 340	— 87	— 232 —345
Кр. рог. скота т. шт. —	+ 0,9	+ 1,9	— 8,5	— 11,5—13,6

¹ Для 1924 и 1925 г. вся Уральск обл.

Из цифр видим, что Вятская губ. расширила товарную продукцию и масла и говядины; Пермская не расширяла ее в размерах, превышающих внутригубернское потребление, и в результате делалась все более дефицитной в отношении данных продуктов. Следующие второстепенные для подрайонов продукты — свинина и свиные в переводе на живых свиней, яйца и птица вывозились в таких количествах:

	Вятская г.		Пермская г.	
	1907—9	1912—13	1907—9	1912—13
Свиньи и свиней	—	+ 7,6	+ 38,7	— (121) 12,3
Живой и бит. птицы	—	+ 4,6	+ 2,7	— 3,9
Яиц	—	+ 125 т.	+ 32 т.	+ 172 т.
Из незерновых сельскохозяйственных продуктов	—	—	—	+ 271 т.
Вывозились (в т. п. п.)	—	—	—	—
Лен (молочно)	+ 271	+ 337	+ 1187	+ 179
Лен (шерсть)	—	—	—	+ 19
Лен (шерсть)	—	—	—	+ 22
Лен (шерсть)	—	—	—	+ 22

Таким образом, только лен для Вятской губ. вывозился в значительных размерах, и вывоз его продолжал возрастать. По продуктам скотоводства, среди коих, кроме крупного рогатого скота, на внегубернский рынок шли также свиньи, яйца и птица, оба подрайона являли собой черты зернопроизводящих черноземных районов, но только в более слабой мере, чем последние. Можно сказать, что товарное лицо района является зерновым с полутно получающимися при этом животноводственными произведениями, свойственные черноземным зерновым районам, но с присоединением к этому быстро расширявшейся продукции льняного волокна.

Живя в режиме парово-зернового хозяйства в результате всей совокуп-

ности экономических условий редко заселенной и удаленной от вилеубернского рынка области, оба наши подрайона и впредь должны еще длительно изживать эту стадию; и естественно, что для них как возможное, так и желательное направление с.-х. продукции должно выражаться, смотря по местным вариантам экономических условий, в таком виде: для более интенсивных условий нечерноземной части (большой) введение в паровозерновое хозяйство элементов травопольно-зернового, т.-е. травосеяния, притом с производством клеверных семян, что свойственно было Уралу и раньше, а также улучшенное зерновое трехполье с клиновым травосеянием и с некоторым расширением льна и картофеля. В обоих случаях—расширение молочного скотоводства на базе гуманных кормов, усиленных травосеянием, и откорм свиней на базе молочного обмена с маслоделением, как подсобная отрасль. Еще более интенсивная здесь форма—травопольно-льняное хозяйство с масляно-молочным скотоводством. В условиях же юга Уральской области для более интенсивных случаев травопольно-зернового; в более экстенсивных же паровое или парово-гравно-залежное хозяйство с мясным или мясно-молочным рогатым скотоводством; последняя форма есть парово-залежное зерновое хозяйство с улучшенной при помощи посева трав залежью; как и неулучшенное парово-залежное с.-х.-во, она является переходной формой к хозяйству без залежи. В результате должно быть усиление тех тенденций товарной продукции, которые имели место до войны.

Переходим к третьему—льняно-травопольному—району. Посев в районе пред революцией претерпевал частью сокращение (в губ. Тв. и Новг.); после военного периода он быстро вырос.

	Картофель.				Лен.				Травы.				
	1887	1916	1924	1925	1887	1916	1924	1925	1887	1901	1916	1924	1925
Черепов.	3,5	4,6	4,3	6,3	2,7	4,4	3,8	4,6	—	—	5,2	7,1	8,6
Новгород.	3,8	6,1	5,7	5,5	2,9	5,9	3,8	4,7	—	1,0	4,7	4,7	6,1
Псковск.	3,7	6,1	6,1	6,6	14,4	15,4	6,8	11,3	—	2,3	10,1	6,6	11,2
Тверск.	5,1 ¹⁾	6,0	8,4	8,4	9,7 ²⁾	16,7	10,1	14,0	—	2,4	7,5	8,5	14,8

¹⁾ Без Тверской губ.; с Тверской в 1925 г. кр. рог. ск. 104,2, овец 130,4, свиней 23,7, раб. пош. 26,9 шт. х

²⁾ Для Тверской—1900 г.

Посевн. площадь равнялась в т. д.:

старые границы.		новые границы.	
1887	1916	1924	1925
2211	2335	2249	2574

В новых границах:

	1915	1924	1925
Новгор.	100%	97,2	106,2
Черепов.	100%	103,8	117,0
Псковск.	100%	82,3	102,6
Тверск.	100%	111,5	111,5

Отход от чисто зернового направления сельского хозяйства здесь выражен еще сильнее, чем в предыдущих районах. Доля зерновых культур с ходом времени изменялась (без Тверской, но вместе с Ленинградск.) так:

1887	1913	1916	1920	1923	1925
87,2%	72,6%	72,3%	85,6%	78,6%	74,2%

Район в теперешних границах, т.-е. в составе Череп., Новгородск., Псковск. и Тверск. имел этот % = 72,3.

В отдельности культуры занимали (см. табл. внизу):

Переходим к скотоводству. Общее число на 100 десятин посева менялось в целом районе):

	в стар. границ.		в новых границах.			
	1887	1913	1916	1920	1922	1925
Кр. рог. ск.	55,8	86,0	94,2	143,2	135,4	101,9
Овец	30,5	54,0	107,3	132,8	118,6	110,3
Свиней	8,4	21,9	20,8	26,9	31,1	25,1
Раб. лош.	38,8	34,0	33,2	54,0	44,5	34,4

Изменение плотности в 1922 г.—результат общего регресса того времени. Более детальное изменение дается в следующей таблице (см. табл. на след. странице сверху).

Расширение животноводства шло, главным образом, за счет рогатого скотоводства и отчасти овец. После революции с утратой товарности сельского хозяйства изменение плотности коров характеризовалось обратной пропорциональностью ее с посевной площадью: она росла с ее падением

	Череповецкая г.			Новгородская г.			Псковская г.			Тверская г.		
	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925
1. Коров на 100 дес. посева .	92,1	103,5	92,0	73,7	90,7	87,5	49,0	59,0	49,7	55,2	67,6	62,8
2 % молодняка более года к коровам	22,0	19,4	28,5	15,7	18,8	20,5	17,8	21,5	22,7	15,7	17,8	19,8
3. Свиней на 100 дес. посева .	4,8	9,2	13,2	20,0	29,3	33,7	22,8	26,3	27,0	10,4	19,3	18,5
4. " на 100 крсов	5,2	8,9	14,3	27,1	32,2	38,0	46,6	—	36,8	18,9	—	17,2
5. Овец на 100 дес. посева . .	95,4	156,7	144,4	129,7	97,1	94,5	110,5	126,1	108,6	124,2	181,1	166,6
6. Раб. лоша. на 100 дес. пос. .	47,7	48,8	42,4	47,1	51,0	46,8	26,1	33,7	27,8	43,3	43,2	41,4
7. Молодняка конск. на 100. л.	14,4	13,6	—	16,1	13,9	—	16,3	20,0	—	15,0	18,9	—

и, наоборот, при восстановлении посевной площади плотность коров стала снижаться; но все же недовосстановленность молочной товарности еще имела место до последнего времени, что выражалось в росте процента молодняка старше года.

В отношении свиноводства после революции в нэповский период шло нарастание свиней, но роль овец, с постепенной утратой приобретенных в революцию черт натуральности с. х-ва, стала сокращаться. В итоге же, в целом, плотность коров, как видим, превышала, как правило, довоенную, кроме Псковской г., где восстановление посевной площади до довоенных размеров дало и дореволюционную плотность коров.

Динамику товарности района можно охарактеризовать: 1) ростом дефицита зерна, 2) возрастанием избытков, главным образом масла и льна. По трем губерниям (Тверск. Псковск. и Новгородск.) имелся недостаток хлеба в сумме: за 1880—4 г.—2,622 т. п., а в 1907—10 г.—16,332 т. п. Усиливая покрытие потребности в хлебе привозом, эти губернии давали растущую массу продуктов животноводства во главе с маслом и продуктов земледелия во главе со льном (в тыс. пуд.):

	1893—4—5	1907—9	1913
Масло	+ 10,7	+ 163,8	+ 327,1
Молоко и молочн. скопы	+ 263,6	+ 380,8	+ 690,2
Мясо без свиинны .	+ 166,1	+ 319,0	+ 430,0
Свинина (немного).	+ 33,8	+ 9,2	+ 16,8
Живая и битая птица	+ 81,4	+ 65,6	+ 420,3
Льняное волокно .	+ 3518,0	+ 5160,0	+ 6815,7
Отбросы перераб. льнян. семян (жмыхи)	+ 214,0	+ 643,0	+ 729,5

Молочно-масляное и льняное лицо товарной продукции самоочевидно. Продукты картофелеводства находились в дефиците, ввоз крахмала превышал вывоз, и только свежего картофе-

ля имелся ничтожный избыток—47 т. и. в 1913 г., вместо небольших дефицитов за предыдущее время.

Можно предвидеть, что и в дальнейшем, в массе сельское хозяйство района будет расширять масляно-молочную и льняную продукцию с параллельным расширением травяных посевов до процента, отвечающего правильному травопольному севообороту с вариантом травопольно-льняным масляно-молочным; но в более интенсивных условиях и для более мелких хозяйств надо считать возможным и желательным травопольно-картофельно-льняное-масляное или травопольно-картофельно-молочно-масляное; при этом доля травяной площади может не расти или даже сокращаться за счет роста ее интенсивности и кормовой производительности одной десятины. Вообще, в более выгодных рыночных условиях и при меньшем земельном просторе необходимо предвидеть столкновение роста молочного скотоводства с ростом льна в пользу первого. Лен сужает кормовую базу; будучи истощающим растением, он препятствует при всех равных условиях увеличению кормовой продукции за счет роста сборов хлебов и трав; оплата навоза льном может отставать от оплаты картофелем.

Следующий 4-й—московский промышленный—район характеризуется отвлечением—сельского населения в дореволюционное время в промыслы и свертыванием посевной площади и в то же время изживанием прежнего, преимущественно зернового направления. Посевная площадь изменялась в части нашего района (без 4 губ.: Костромск., Нижегород., Тульск. и Рязанской, но с Тверской) так:

г. дес.	1887	1913	1916	1921	1922	1923	1924	1925
	3058	2978	2939	2659	2902	2900	3494	3727

До революции она сокращалась; сокращение продолжалось до 1921 г. включительно, после чего началось быстрое расширение. По целому нашему району из 9 губ. (включ. Тульск., Рязанск. и Нижегород. целиком) имеем:

	т. дес.	в %
1916	6496	100
1921	5843	90,0
1922	5928	91,2
1923	6476	99,6
1924	7214	110,9
1925	7220	111,1

Что касается свертывания процента зерновых растений, то оно шло в районе так ¹⁾:

1887	1913	1916	1920	1923	1925
91,1	83,4	74,1	82,0	77,2	74,4

По отдельности изменения незерновых культур в целом районе, с Тверской, но без Костромск., Нижегородск., Тульск., Рязанск., до 1923 г., а позже во всем районе (без двух последн. губ.):

	1887	1913	1916	1920	1923	1924	1925
Картоф.	4,2	8,3	9,2	8,3	11,2	10,7	11,3
Лен.	4,6	7,0	9,8	5,2	4,1	4,9	6,3
Конюпл.	0,1	0,5	0,9	0,1	0,3	0,5	0,5
Травы	0,0	3,8	6,0	4,3	3,3	5,6	9,0

Представляет интерес видеть особенности движения отдельных губерний в последние годы сравнительно с дореволюционным 1916 годом (см. след. таблицу):

	Картофель.		Лен		Травы.		Конюпля.			
	1916	1925	1916	1924	1925	1916	1925	1916	1924	1925
Московская	14,7	—	16,1	4,9	—	3,1	11,8	—	—	0,3
Владимирская	9,1	11,0	12,9	5,5	3,6	3,2	3,2	3,3	8,7	—
Ярославская	18,8	11,4	12,1	10,7	7,3	10,4	5,5	8,2	11,2	—
Рыбинская	5,7	—	—	19,9	—	—	7,7	—	—	—
Ив.-Вознесенская	5,7	8,8	9,2	6,8	5,6	6,6	7,3	7,6	18,3	—
Калужская	8,0	—	10,9	4,9	—	4,9	2,3	—	5,7	4,3
Костромская	6,2	8,7	8,9	8,5	4,6	6,7	1,9	6,4	5,7	—
Нижегородская	5,6	7,5	9,9	3,2	2,8	3,6	0,5	1,1	2,2	1,9
Рязанская	8,2	10,8	11,3	0,9	0,8	0,9	0,6	1,1	1,0	1,3
Тульская	6,7	7,1	9,3	0,3	0,5	0,5	1,3	0,5	2,8	1,4

К сказанному прибавим еще Ленинградскую г., составляющую подрайон данного 4-го района:

Ленинградская	11,6	8,1	11,6	4,7	3,1	5,3	10,8	9,1	13,9	—	—	—
-------------------------	------	-----	------	-----	-----	-----	------	-----	------	---	---	---

В этой последней губернии за прежнее время картофель составлял в 1887 г. 7,1% и в 1913 г.—8,9%. Лен в 1887 г.—3,6% и в 1913 г.—3,6%. Травы в 1887 г.—0,4% и в 1913 г.—3,6%.

Посевная же площадь в целом для этой губернии в 1916 г. равнялась 336 т. дес.; принимая ее за 100, последующее движение имеем: в 1921 г.—71,0%, в 1922 г.—74,3%, в 1923 г.—74,3%, в 1924 г.—87,8%, в 1925 г.—93,8%.

В отличие от предыдущего III района данный район прекратил в общем расширение льна, но определенно увели-

чивал с ходом времени долю под картофелем. Та же тенденция может быть отмечена с 1923 и 1924 г.г. в послереволюционное время. Одновременно также шло нарастание трав, тот же процесс обнаружился, но с гораздо большей силой, в послереволюционное время с 1924 г. Короче, став до революции на линию травопольно-картофельной организации хозяйства, свернув ее признаки позже в годы гражданской войны и продразверстки, район в последнее время вновь усилил эти стороны организации с тем лишь различием, что доля льна в некоторых губерниях с потребительским его назначением несколько поднялась, что, конечно, связано с продолжением голода на мануфактуру.

Переходим к скотоводству. След. таблица дает его движение за период 1916—1925 г. (см. табл. на след. стлб.).

Как видим, размеры животноводства по отношению к площади возросли, несмотря на пережитые годы войны внешней и внутренней. Затем, при продолжающемся росте молочного скотоводства наблюдаем некоторое усиление несвойственного району выращивания молодняка старше года,—очевидно, с намерением расширить молочное стадо дальше; далее—рейдив почти повсе-

¹⁾ До 1923 г. включительно с Тверск. губ., а также с Нижегородск., Тульск., Рязанск., позже без последних двух.

местно после революции роста овцеводства, что, несомненно, стоит в связи с мануфактурным голодом; невозможностью рыночных связей обусловлена вообще сохранность в послереволюционное время некоторых натураль-

	Коров на 100 дес. посева			Молодняка ст. года к коровам			Свиней на 100 дес. посева			Свиней на 100 кор.			Овец на 100 дес. посева			Раб. лошади на 100 дес. пос.			Молодняк на 100 лошадей					
	1916	1924	1925	1924	1925	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1921	1925	1916	1921	1925	1916	1921	1925	1916	1921	1925
Московск.	63,4	58,5	59,6	13,2	25,5	18,3	32,6	36,9	33,0	54,4	63,1	55,1	182,9	171,1	161,8	52,2	39,9	39,7	11,9	12,0	13,1			
Владимир.	43,6	41,4	41,4	22,8	29,3	20,6	9,7	16,7	12,0	22,4	40,6	29,0	76,5	20,9	120,8	33,0	24,6	23,1	10,9	14,0	17,0			
Ярослав	54,5 ¹⁾	66,0	65,8	28,4	21,0	20,2	5,1	9,5	10,3	9,4	14,0	15,6	45,1 ²⁾	57,0	155,8	40,2	34,7	34,5	0,9	1,8	19,3			
Ив.-Возн.	46,7	53,3	54,4	20,4	24,3	21,9	1,8	3,4	10,2	3,7	2,5	19,8	120,4	104,0	202,9	34,1	34,2	33,3	11,0	8,4	10,3			
Калужск.	33,3	44,4	41,7	26,8	41,9	36,3	39,2	47,7	47,7	17,5	11,4	11,2,0	100,4	75,6	164,7	37,0	34,1	34,1	16,1	19,8	20,4			
Костромск.	47,6	55,3	67,8	22,9	21,5	22,2	19,1	11,5	16,8	40,2	19,8	24,8	116,1	172,5	211,3	27,8	33,9	37,6	14,7	12,2	15,6			
Нижегор.	27,9	30,8	31,5	27,7	22,3	26,9	11,4	25,9	16,7	40,9	83,8	53,3	82,7	110,4	114,6	22,5	19,4	18,2	20,6	13,5	19,6			
Рязанск.	27,2	26,9	24,8	28,0	27,1	22,8	24,7	24,4	29,2	90,1	100,1	108,1	153,9	119,8	125,6	26,3	19,0	18,6	24,1	17,9	20,2			
Тульск.	28,2	21,7	21,6	23,5	36,4	26,3	16,0	21,6	28,6	87,9	104,4	131,4	156,0	135,6	132,5	25,1	20,5	19,2	24,6	23,7	23,9			
Ленинград (как под-район)	69,0	95,0	84,1	13,3	20,0	27,4	16,0	16,2	22,9	23,2	17,1	23,3	70,2	12,0	117,7	37,8	47,3	45,0	10,0	12,9	19,0			

но продовольственных отраслей. До революции же имелось неуклонное возрастание крупного рогатого стада за счет, как увидим ниже, роста молочно-товарной продукции, затем стационарный почти размер овцеводства и очень незначительное изменение свиноводства, которое тут возможно только на использовании молочных отбросов и отчасти картофеля. Каково было изменение перед революцией отчасти можно видеть из следующих цифр (касающихся всего района без Тульской, Рязанской, Костромской, но с Тверской губ.):

На 100 десятин посева:¹⁾

	1887	1913	1916	1920	1922	1925
Кр. рог. скота	49,9	63,7	94,9	122,5	106,7	82,5
Овец	65,2	49,5	107,1	144,2	140,2	150,7
Свиней	—	—	17,8	7,6	6,4	21,5
Раб. лош.	32,5	30,2 ²⁾	38,6	54,5	40,3	31,6

Общие особенности района: при наличии большой доли промышленного населения и, следовательно, местных рынков на с.-х. продукты в нем имелось относительно недостаточное развитие молочного скотоводства и значительные пережитки экстенсивной отрасли в виде овцеводства, не свойственного такому интенсивному по условиям району. В остальном же район характеризовался в динамике все же ростом товарной, незерновой продукции, свойственной уже более интенсивной организации сельского хозяйства. Это мы можем видеть из динамики избытков (+) и недостатков (-) главнейших с.-х. продуктов за двадцатилетие перед войной. Давний потребитель привозного хлеба район в составе 5 губерний (Ленингр., Моск., Владим., Ярославск., Калуж.) увеличил чистый ввоз хлеба с 1880/84 г. с 70.428 т. п. до 101.219 т. п. и только получерноземные губернии — Рязанск., Тульск., Нижегород., имели избытки хлеба, но и они не вырастали сколько-нибудь заметно, ибо зерновую стадию эти губернии уже изживали. С 24 млн. вывоза в 1880—84 г. довели до 25,1 млн. п. — в

¹⁾ Для 1887 и 1913 г.г. отношение крупного рогатого скота, овец и свиней в старых границах района (без Костр. Тул. и Рязан. г.г.), остальные все в новых границах (но без двух послед. губерний).

²⁾ По 1912 г.

1907—10 г. В то же время район расширил вывоз,—не считая Ленинградской и Московской губ., как столичных, и, след., потребляющих.—нижеледующих продуктов (из губерний Владим., Ярослав. и Калужск.):

	1894/5	1907/9	1913
	(в тыс. пуд.)		
Масло кор.	+ 67,4	+220,1	+224,7
Молоко и мол. скопы	+100,4	+113,9	+524,0
Мясо ввезли . . .	- 84,2	- 75,0	- 68,0
а также свинину .	- 5,2	- 16,2	- 15,2

Многие продукты земледелия в виду большой доли промышленно-промыслового населения ввозились в количестве большем, чем вывозились. Данные губернии были большей частью дефицитны не только по хлебу, но и по другим продуктам земледелия, и только отдельные губернии, где промышленное или людское потребление было менее значительно, выступали товаропроизводителями продуктов, свойственных уже плодосменному или травопольно-картофельно-огородному хозяйству. Например, для Ярославск. губ. чистый вывоз равнялся:

	1893/4	1907/9	1913
	(В тыс. пуд.)		
Картофель . . .	+515,3	+1429,0	+3633,5
Лук	+344,7	+ 38,5	+ 166,0
Капуста	+ 12,4	+ 55,0	+ 80,9
Цикорий	+224,0	+ 524,7	(1911 г.)

Но в то же время льняное волокно и в губерниях без собственного промышленного потребления не возрастало сколько-нибудь значительно, сравнительно с льняными районами. Так, в 4-х промышленных губ.—Московск., Владим., Ярославск., Калужской—цифры избытков (+) и недостатков (-) за те же годы были таковы:

Льняное волокно	-58,5	-58,0	+350
-----------------	-------	-------	------

По остальным продуктам сельского хозяйства конкуренция прочих районов была постоянным прессом, под влиянием которого не могло развернуться собственное производство соответствующих продуктов и в связи с этим не покрывало внутругубернского потребления; отдельные губернии и район в целом оказывались большей частью дефицитными. Отлив силы сельского населения в промыслы являлся выражением этой „сломанной“ и более или менее маскированной прогрессивной

эволюции с. х-ва в районе. Смотри по выгоды для населения, он был то причиной задержки последней, то ее следствием (в условиях места и времени. уменьшавших выгоду с. х-ва). В частности, значительное расширение объема и рост интенсивности с. х-ва в последние 2—3 года находятся в связи с сокращением не-земледельческих заработков сельского населения. Поскольку же „оседание на земле“ связано с приобретениями социальной революции — национализацией земли и расширением площади крест. землепользования и рядом мер с.-х. экономполитики советской власти, постольку надо предвидеть прочную ликвидацию части промыслов и удержание части населения на более „чистых“ занятиях сельским хозяйством.

Что касается грядущей прогрессивной с.-х. эволюции района, то при пестротности условий, в которых находится с. х-во в отдельных его частях, и при обнаружившейся доселе его специализации, такая эволюция должна быть предусматриваема в нескольких вариантах. Здесь, повторяем, нужно считаться с близостью и особенностями местного рынка на незерновые культуры (картофель, овощи, молоко, садовые и огородные продукты и др.), со степенью и характером отрывания сельского населения от занятия сельским хозяйством в промысла и города, с размерами землеобеспеченности и землеустроенности, природной средой, которая при большей интенсивности влечет за собой большую вариабельность в строе с. х-ва и др. В связи с тем сельское хозяйство должно изменяться в дальнейшем неодинаково. Начиная с более экстенсивных условий, надо предусматривать еще травопольно-льняное масляно-молочно-скотное хозяйство, пример в Ярославской, Калужской, Тверской губ.; следующий вариант—травопольно-льняно-переходно-картофельное также молочное хозяйство; следующее, травопольно-картофельное молочное хозяйство с модификациями: или а) сбыт картофеля в городские и фабричные центры и тогда ослабленное свиноводство, или б) с переработкой картофеля на крахмальных заводах и более развитое свиновод-

ство. Далее, в условиях непосредственной близости к промышленным городским центрам—картофельно-травопольное хозяйство с молочным скотоводством для сбыта молока в свежем виде, но еще с начатками развития огородничества (прифабричный район в Иваново-Вознес., Костр. и Влад. губ.). И, наконец, усиление характера огородно-садового хозяйства в подгородных районах в смысле расширения его на большой территории и расширение доли под садово-огородными культурами. Это — промышленно подгородное огородничество, ягодниководство, парниковое хозяйство, частично иногда связанное еще с продукцией и сбытом свежего молока.

Переходим к V—западному району. Будучи промышленно менее развитым и с меньшим местным рынком и имея сельское население менее отвлеченное в неземледельческие промысла, этот травопольно-картофельно-молочный средний-льняной район подобно предыдущему является незерновотоварным. Его эволюция гораздо менее маскирована промыслами по сравнению с предыдущим районом, и менее стимулировалась местными рынками на с.-х. продукты.

Характеризуя его аналогично предыдущим районам, имеем следующую меру роста посевной площади и степень отходжения от прежнего, преимущественно зернового, направления сельского хозяйства.

Площадь посева перед революцией расширялась здесь (за счет распашки прочих угодий, — мелиорируемых земель, расчистки лесов и др.); в старых границах (гг. Витеб., Смол., Брянск., Гомельск. и Белорусс.) в тыс. дес. было: 1887 г.—2517 т. д., в 1913 г.—3086 т. д., в 1916 г.—4023 т. д. За последующее время посевная площадь, упавши к 1921 г., позже непрерывно расширялась; так, в современных границах посевная площадь составляла:

	1915	1921	1922	1923	1924	1925
Западный район						
РСФСР	2495	1991	2244	2352	2475	2664
Белоруссия	2'22	1825	2.78	2223	2244	2575

Всего наш западный район т. д. с	4817	3816	4422	4575	4719	5239
Всего наш западный район в %.	100	79,9	91,7	93,9	97,9	108,7

Процент зерновых культур составлял по целому району (до 1923 г. в старых, позднее в новых границах):

	1887	1913	1916	19 0	1923	1924	1925
	89,3	77,7	76,4	83,5	79,6	77,2	74,7

В отдельности незерновые культуры по целому району составляли:

Картофель	5,9	10,6	9,2	7,9	10,2	10,8	11,9
Лен	3,1	5,0	7,5	4,4	3,6	3,7	5,0
Конопля	1,7	2,8	2,3	0,4	0,1	0,9	1,3
Травы	0,0	3,9	4,6	3,8	—	4,8	5,8

В то время, как картофель и травы стали вытеснять предреволюционные размеры, лен оказывается далеко недоразвитым.

Чтобы детальнее видеть разницу в изменении во времени корнеплодов, т.-е. картофеля, с одной стороны, и волокнистых растений, с другой, приведем эти данные по отдельным губерниям за последние годы ¹⁾ (см. табл. на след. стр. сверху).

Из цифр ясно, что довоенная тенденция роста и размер культуры картофеля восстановились повсюду, волокнистые же при преимущественно товарном назначении—лен в Смоленской и конопля в Брянской переживают сокращения, что свидетельствует о сравнительно менее выгодных условиях их сбыта (цена, выплачиваемая за них, отстает от прочих). В отношении трав дореволюционное положение частью почти восстановлено, частью же превзойдено. Короче — констатируется принятие районом прежнего направления развития земледелия с дальнейшим отходом от преимущественно зернового направления.

То же подтверждается и дополняется данными по динамике животноводства. Общее изменение размеров животноводства, считая на 100 дес. посева (поскольку, как раньше, можно сопоставлять данные довоенной статистики продуктивного скотоводства с последующими данными переписи по нему): ²⁾

	1887	1913	1916	1920	1922	1924	1925
Кр. рог. скот	46,4	66,3	62,2	101,2	79,3	66,7	66,3
Овцы	43,4	56,9	109,4	138,1	91,1	120,3	132,3
Свиней	25,8	43,8	65,9	80,0	60,0	55,9	59,6
Раб. лош.	41,7	33,1	33,6	55,5	40,3	31,5	30,2

¹⁾ Для 1916 г. отдельно по Витебской губ. (после того расформированной) было: картофеля 7,8; льна 6,8; конопля 0,3 и трав 4,5. После 1916 г. губерния вошла частью в Белоруссию, частью в Псковскую губ.

²⁾ О сравнительно разных лет см. примечание к аналогичной таблице по предыдущему району.

	Картофель.			Лен.			Конопля.			Травы.		
	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925
Белору сил	9,1	10,2	11,0	2,3	2,8	3,9	0,4	0,5	0,7	2,9	—	6,5
Смоленск	9,5	9,1	12,2	14,7	7,2	9,4	1,6	0,7	1,0	9,0	6,7	7,4
Гомельск	10,7	12,4	13,6	3,4	2,7	2,8	2,4	2,7	1,5	1,6	4,5	3,5
Брянск	8,6	11,0	14,7	2,7	2,6	3,6	6,9	0,2	3,9	3,0	2,0	3,0

Цифры говорят о росте всех видов животноводства до 1916 г. включительно, к 1920 г. лишь относительный рост, а позже абсолютный рост, но сокращение плотности вследствие более быстрого темпа восстановления посевной площади. Беря данные по губерньским за годы 1916/25, имеем более наглядный ход перемен в животноводстве:

не установились, а мануфактурный (и шерстяной) голод в селе толкает на удержание и даже на расширение овечьего стада.

Для конского стада имеем почти полную восстановленность по сравнению с дореволюционным временем.

Сопоставляя движение полеводства и животноводства до революции и в последние послереволюционные годы

	1916			1924			1925			1916			1924			1925		
	Вятка-Белоруссия									Смоленская губ.			Гомельская губ.			Брянская губ.		
1. Коров на 100 дес.	41,4	37,0	40,9	39,8	31,6	46,3	42,5	39,7	41,0	41,6	30,8	36,2	33,7					
2. % молодн. ст. 1 г.	16,1	35,2	33,7	36,0	22,6	24,3	29,3	34,9	25,9	31,2	26,9	28,1	27,4					
3. Сви ей на 100 дес.	58,9	75,2	60,6	64,5	55,3	52,7	52,2	82,4	55,0	60,9	59,2	63,5	54,7					
4. " на 100 коров	138,9	198,1	148,0	161,3	175,7	112,2	123,7	207,5	134,1	146,8	192,5	173,1	161,8					
5. Овец на 100 дес.	104,5	59,6	100,1	100,9	133,6	168,3	172,3	92,6	115,6	143,3	103,8	147,6	157,6					
6. Раб. лош. на 100 дес	25,5	28,2	—	26,0	35,5	38,9	34,9	39,9	36,5	37,2	39,2	33,9	31,2					
7. Молодн. ст. 1 г. на 100 л.	—	21,4	20,4	22,8	16,0	17,9	21,3	17,2	17,1	19,1	17,8	20,0	21,8					

Как видим, дореволюционное нарастание рогатого скота продолжается и теперь, главным образом в виде коров, но также и за счет увеличения доли старшего молодняка; последнее говорит о расширении кормовой базы (освоение крестьянами помещичьих земель) и отчасти о намерении населения дальнейшего расширения молочного стада; поскольку же расширение молочного стада не находит сбыта молока, постольку изменение структуры кр. рог. стада говорит о некоторой экстенсификации животноводства; еще более резко эта экстенсификация выражается в относительном расширении овцеводства, особенно принимая во внимание наличие в большинстве мест факта сокращения численности свиней. Рост овцеводства и убыль свиневодства представляется фактом регресса и должен быть связан с особенностями рыночных условий: сбыт свинины за границу и цены на нее

видим общность одного и того же процесса в форме уклона с.-х. продукции в сторону травопольно-корнеплодного молочно-свиневодного хозяйства с вышеуказанным небольшим отклонением в виде задержки пережитков военного периода несколько расширенного потребительского овцеводства и свернутого товарного свиневодства.

Говоря о тенденциях изменения типов организации сельского хозяйства в районе для ближайшего будущего, можно отметить, подобно предыдущему, для более интенсивных условий травопольно-картофельное-молочно-скотное хозяйство, более близкое к развернутому плодосменному хозяйству, в котором идет сокращение пара, уменьшение веса льна и конопли, но расширение картофеля и молочного скотоводства. Для менее интенсивных условий должна предусматриваться более полная сохранность (или меньшая изжитость) травопольно-льняного хозяй-

ства с молочным масляным скотоводством. В обоих из этих вариантов неизбежно и желательнее некоторое возращание свиноводства на базе использования молочных отбросов и частью употребления в корм картофеля. Местами, при сохранности конопли будет уместен третий вариант, а именно травопольно-конопльно-картофельный тип хозяйства также с молочным скотоводством, но с меньшим объемом последнего и меньшей его товарностью. Сильно песчаные почвы изменяют хозяйство в картофельно-молочно-свиноводное с зеленым удобрением (лупин и сераделла) или картофельно-молочно-мясно-скотное и свиноводное на базе картофеля или отбросов от переработки последнего и также с наличием сидерации.

Переходим к черноземной полосе. Здесь наиболее молодой и экстенсивный район VI, состоящий, как сказано,

из 3 подрайонов: а) Башкирская республика и Оренбургская губ., б) Сталинградская губ., Астраханская г. и Калмыцкая область и в) четыре восточные округа Сев. Кавказа. 1) Как молодой, позднее колонизованный и реже населенный, район характеризуется в своей эволюции, главным образом, расширением посевной площади за счет естественных кормовых угодий, лугов и пастбищ, а также и за счет залежей. Быстрый абсолютный рост посевной площади может быть представлен в нижеследующих цифрах, — до 1916 г. в старых границах, с 1916 г. — в современных (см. ниже 1-ю табл.).

За последующее время эти подрайоны претерпели исключительно резкие изменения в связи с наиболее затянувшейся здесь гражданской войной и наиболее острым голодом 1921/22 г.; вот цифры (в границах губерний 1924 г.) (см. 2-ю табл. внизу).

		% увеличение.										
Годы		1831	1837	1893	1905	1910	1913	1916	1887	1916		
а) Уфимская губ.	млн. д.с.	1.51	1.72	1.74	1.93	2.26	2.17	2.43	100	141.9		
Оренбург.	" " "	1.40	1.56	1.55	2.05	2.35	2.01	2.27	100	145.6		
б) Астраханск. губ.	" " "	0.27	(0.27)	0.27	0.49	0.56	0.69	0.68	100	251.8		
в) Ставропольск. г.	" " "	(0.40)	(0.60)	0.93	1.74	2.28	2.59	2.06 ²⁾	100	416.7		
Терская обл.	" " "	(0.15)	(0.25)	0.34	0.64	0.89	1.02	0.52 ²⁾	100	400.8		
Донская	" " "	3.23	(3.30)	3.33	4.93	5.46	5.44	4.25 ²⁾	100	153.9		
				1915	1921	1922	1923	1924	1925	1916	1925	
				ты	ся	ч	д	е	с	я	т	и
										%увелич.		
а) Башреспублика			2872	1534	971	1510	1662	1960	100	68.3		
Оренбургская губ.			1033	489	260	331	497	583	100	56.6		
б) Сталингр. г. (бывш. часть Донск. обл., Цариц у. Сар г. и часть Астраханск.г.)			2060	1043	950	1308	953	1129	100	55.8		
Калмыцк. обл. (часть б. Астраханск. г.)			28	23	23	24	94	34	100	121.4		
Астраханская губ.	" " "		150	96	87	96	87	94	100	62.7		
в) Ставропольская г.			1557	1031	520	873	999	—	100	64.0 ³⁾		
Терская г.			921	427	364	494	555	—	100	603 ³⁾		
Донская обл.			2565	1156	324	1457	1476	—	100	60.0 ³⁾		
1925 г. округа:												
Шахтинский, Ставр., Сальск., Терск . . .			—	—	—	—	—	2365	—	—		

1) Из них Шахтонский занимает переходное место по сравнению с соседним районом.

2) Убыль в 1916 г. против 1913 г. от недостатка рабочей силы в мировую войну; % прироста взята по 1913 году.

3) 1924 г. сравн. с 1916 г.; вся Сев.-Кавк. обл. в 1925 г. имела против 1918 г.—88,8%.

Из цифр можно видеть, что чем моложе был до революции район, тем быстрее шло расширение посевной площади за счет пахотной и посевоспособных площадей, раньше не освоенных. После революции, в связи, как сказано, с мировой и гражданской войной и с голодом 1921/22 г., посевная площадь чрезвычайно сильно сократилась и лишь в течение года начала быстро восстанавливаться.

Одновременно с этим дореволюционная переорганизация района состояла в изменении размеров и состава скотоводства, а именно—в сторону ижживания самых экстенсивных видов его: остатков табунного коневодства, преимущественного значения овцеводства и некоторого сокращения мясной доли стада рогатого скота. Наоборот, доля интенсивных, незерновых культур, а также интенсивных отраслей животноводства, как свиноводства и молочного скотоводства, не является характерным признаком для измерения и установления темпа эволюции сельского хозяйства этих экстенсивных районов. На полях продолжало быть господство зерновых хлебов. Процент зерновых культур составлял по годам¹⁾:

	1893	1913	1916	1920	1924	1925
а) Башреспублика						
(б. Уфимская). (88,3)	93.9	92.6	94.4	92.6	93.5	
Оренбургская. (93.5)	96.6	96.7	97.2	59.2	90.1	
б) Астраханская . (63.7)	93.4	94.0	96.2	87.0	85.6	
Сталинград. (б. Шарц) . . см. Астр. и Дон.	94.6	94.9	88.8	88.1		
Калмыцкая . . см. Астраханск. гур.	95.5	89.7				
в) Ставропольск.	92.4	98.3	97.9	87.1	77.9	73.2
Терская	73.1	68.2	85.2	82.2	74.1	75.7
Донская	99.0	97.8	95.8	69.7	81.2	82.1

Почти чисто зерновое направление смягчилось несколько после голодного 1921/22 г., когда поднялась доля пропашных продовольственного назначения (подсолнечник, бахчи) и экономиящих семена (кукуруза) одновременно с вышечтенным катастрофическим сокращением посевной площади в целом. Поскольку расширение товарной зерновой площади будет идти дальше, постольку доля пропашных будет сокращаться, что не должно означать абсолютной убыли их площади.

Из более трудоемких, чем хлеб, культур, здесь мы имеем дело с бахчами, подсолнечником и в северо-кавказском подрайоне—с кукурузой.

Процент их равнялся (см. таблицу внизу).

Что касается незерновых культур—трав и корне-клубнеплодов, то они имеют по природным и организационным условиям совершенно подчиненное значение. Ничтожное значение посевов кормовых трав до революции характеризуется тем, что для 1881 и 1901 г. для трех Сев.-Кавказских обл. травы совершенно не были указаны. Для Астраханской, Оренбургской и Уфимской г. они составляли 0,1—0,2%. В последующее время до революции и позже доля их не поднималась выше нескольких десятых процента. О картофеле упомянуто выше для Башреспублики, имеющей его для района максимум. Обращаемся к скотоводству. В виду несравнимости территории до революции и позже нее приводим изменения отдельно до 1916 г. и после этого года.

	Бахчи			Подсолн. ччик			Кукуруза		
	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925
а) Башкирская	0.0 ²⁾	0.0 ²⁾	0.4	0.4	0.6	0.8	—	—	—
Оренбургская	0.6	2.5	2.6	0.4	4.5	4.1	—	—	—
б) Сталинградск.	2.8	6.7	6.1	0.4	1.2	1.4	—	0.1	0.2
Калмыцкая об.	} 2.2	6.8	4.5	} 0.1	0.2	0.3	} —	} 0.2	1.8
Астраханская		7.0	8.5		—	—			
в) Сальский ³⁾	} 3.1	7.0	5.4	} 1.9	0.8	6.2	} 0.9	1.1	3.9
Шахтинский		6.7	5.8		2.9	6.0		0.5	2.1
Ставропольск.		7.0	4.9		1.7	9.3		6.3	0.9
Терский	4.1	8.0	3.5	5.5	10.6	6.4	2.8	11.6	7.1

¹⁾ До 1920 г. в старых границах, позже в новых.

²⁾ Картофель в б. Уфимской, теперь Башреспублике, составлял 1,5% в 1916 г., 1,6% в 1924 г. и 3,3% в 1925 г.

³⁾ Им отвечают в 1916 г. в данной таблице: Сальскому и Шахтинскому окр.—б. Дон. обл.; Ставроп. окр.—б. уу. Ставроп. губ.; Терскому окр.—б. Тер. обл. (без уу., вошедших в Горск. республ.).

Численность животных равнялась в миллионах голов.

Подрайоны.	1883 г.	1900 г.	1909 г.	1916 г.	1883 г.	1900 г.	1909 г.	1916 г.	1883 г.	1900 г.	1909 г.	1916 г.	1883 г.	1900 г.	1909 г.	1916 г.
	Крупн. рог. скот.				Свиньи.				Овцы.				Лошади (все).			
а) Уфимская.....	0,39	0,78	1,00	1,32	0,11	0,14	0,19	0,37	1,11	1,75	1,63	2,97	0,62	0,75	0,87	0,99
Оренбургская.....	0,55	0,90	1,03	1,52	0,05	0,05	0,11	0,30	1,18	1,24	1,26	2,28	0,60	0,70	0,87	1,22
б) Астраханская.....	0,56	0,4 ¹⁾	1,00	1,36	0,04	0,04	0,05	0,18	1,72	1,28	2,43	2,47	0,21	0,09	0,35	0,42
в) Ставропольская..	—	0,81	0,74	0,81	—	0,16	0,20	0,30	—	3,14	2,19	2,29	—	0,21	0,40	0,47
Терская.....	—	0,99	0,91	0,95	— ¹⁾	0,0	0,09	0,15	—	1,83	1,96	1,97	—	0,21	0,28	0,29
Донская.....	1,84	2,43	2,23	2,81	0,39	0,50	0,42	0,93	3,31	2,92	1,58	3,14	0,42	0,65	0,78	1,10

Из цифр видно, что, во-первых, кр. рог. скотоводство расширялось повсюду параллельно росту посевных площадей (и населения), кроме Терской и Ставроп. губ., где оно оставалось стационарным (особенно сильное вытеснение волов лошадьми), во-вторых, овцеводство такого расширения уже не обнаруживало или же сокращалось (на Сев.-Кавказе),¹⁾ в третьих, относительно наиболее быстрое умножение свиней не выводит свиноводство района из ранга третьестепенной отрасли, наконец, чрезвычайно быстрый темп и нарастания лошадей находится в соответствии с экстенсивным расширением зернового земледелия.

За послереволюционное время животноводство разделило судьбу земледелия, свернувшись в годы войны и особенно в год голода 1921/22 и начавши в дальнейшем быстрое восстановление. Так, в современных границах число животных равнялось в (млн. голов):

Восстановление стад не кончилось; особенно отстало восстановление коневодства. Полнее всего пополнилось число кр. рог. скота; свиньи продолжали занимать подчиненное место. Постольку о размерах отраслей животноводства. Что касается более близкой характеристики перемен организации продуктивного скотоводства, то, начиная с 1916 г., она представлена в след. таблице (см. таблицу на след. стр.верху).

Как видим, обычное для этих районов соотношение видов и возрастов животных еще не восстановилось. Господствовавшее здесь мясное кр. рог. скот-во и овцеводство восстанавливается, но еще для 1925 г. оно не достигло до возможного объема по расчету на площадь; обычный процент молодняка оказывается еще ниже довоенного, свойственного здешнему мясному экстенсивному крупному рогатому скотоводству. Еще раз подчеркивается

Подрайоны.	Крупн. рог. скот.				Свиньи.				Овцы.				Лошади (все).			
	1914 г.	1913 г.	1924 г.	1915 г.	1915 г.	1913 г.	1924 г.	1925 г.	1916 г.	1923 г.	1924 г.	1915 г.	1916 г.	1913 г.	1921 г.	1925 г.
а) Башрееспублика ..	1,55	0,82	1,04	1,29	0,41	0,09	0,29	0,47	3,32	0,77	1,58	2,04	1,26	0,47	0,54	0,64
Оренбург. г.	0,51	0,22	0,30	0,38	—	0,00	0,03	0,06	0,97	0,21	0,36	0,44	0,29	0,08	0,11	0,12
б) Сталинград. г.	1,39	0,92	0,99	1,01	—	0,10	0,19	0,11	2,01	1,12	1,11	0,89	0,37	0,10	0,09	0,09
Калмыблать	0,23	0,13	0,15	0,22	0,08	0,00	0,00	0,01	0,37	0,20	0,27	0,47	0,07	0,009	0,01	0,02
Астрахан	0,27	0,20	0,21	0,23	—	0,01	0,02	0,02	0,31	0,14	0,10	0,11	0,07	0,04	0,05	0,05
в) Ставроп. г.	0,57	0,34	0,41	—	²⁾	0,03	0,13	—	1,32	0,52	0,58	—	0,35	0,10	0,11	—
Терская	0,1	0,21	0,21	—	²⁾	0,04	0,09	—	0,41	0,21	0,25	—	0,19	0,10	0,11	—
Донская	1,33	0,83	0,91	—	²⁾	0,04	0,16	—	1,58	0,51	0,61	—	0,56	0,12	0,13	—
4 соврем. округа	—	—	—	1,36	—	—	—	0,20	—	—	—	1,35	—	—	—	0,30
Всего ³⁾ ...	6,07	3,70	4,22	5,24	—	0,31	0,91	1,03	10,32	3,69	4,96	5,76	3,16	0,92	1,15	1,43

¹⁾ Цифры 1916 г., как поясняется, должны браться лишь условно для сравнения с предыдущими годами; для овец превышения цифр 1916 года над предыдущими годами меньше, чем для других видов скота.

²⁾ Дон и Предкавказье в границах 1924 года (т.-е. с Куб.-Черн. обл.) имели свиней в 1916 году 1,76 милл. шт., в 1923 г.—0,52, в 1924 г.—1,02, в 1925 г.—1,01.

³⁾ В итоге для 1925 г. взяты все округа из б. Донской губ. в составе ее 1924 г.

ба) подрайон.	Башкирская р.			Оренбургская г.		
	1916 г.	1924 г.	1925 г.	1916 г.	1924 г.	1925 г.
1) Коров на 100 дес. посева.....	23,2	29,5	28,6	18,1	21,8	21,0
2) Молодняка ст. 1 года к коровам. (46,7)		36,5	43,9	(51,5)	65,7	73,4
3) Свиной на 100 дес. посева.....	(14,2)	18,2	23,9	(13,5)	5,7	9,7
4) Овец на 100 дес. посева.....	115,8	97,7	104,0	93,9	72,1	75,5
5) Раб. лошадей на 100 дес. посева	34,0	25,3	23,7	23,1	16,5	24,0
6) Молодняка всего кон. на 100 лошадей.....	24,3	24,3	27,5	17,5	26,7	29,3
7) Волков на 100 дес. посева.....	(0,6)	0,3	0,5	(4,3)	4,1	8,3

бб) подрайон.	Сталинградская г.			Астраханская губ.			Калмыцкая обл.		
	1916 г.	1924 г.	1925 г.	1916 г.	1924 г.	1925 г.	1916 г.	1924 г.	1925 г.
1) Коров на 100 дес. посева.....	17,1	32,7	27,1	66,7	100,1	99,4	26,0	78,1	244,4
2) Молодняка ст. 1 года к коровам.	87,2	56,0	55,5	67,8	46,6	46,2	(67,8)	(60,5)	38,3
3) Свиной на 100 дес. посева.....	19,2	20,5	29,2	14,4	28,4	23,1	(14,4)	6,0	18,4
4) Овец на 100 дес. посева.....	99,8	117,4	78,4	221,0	117,3	113,7	1329,0	431,6	1374,0
5) Раб. лошадей на 100 д. посева.	13,4	7,6	6,1	34,9	37,8	36,1	167,9	13,1	33,5
6) Молодняка всего кон. на 100 лошадей.....	23,9	23,7	26,3	27,8	28,8	25,8	26,1	15,4	33,0
7) Волков на 100 дес. посева.....	—	22,5	22,2	12,9	23,1	23,2	(12,9)	29,1	62,5

бв) подрайон 1),	Сальский округ.			Шахтинский округ.			Ставропольский ок.			Терский округ.		
	1916 г.	1924 г.	1925 г.	1916 г.	1924 г.	1925 г.	1916 г.	1924 г.	1925 г.	1916 г.	1924 г.	1925 г.
1) Коров на 100 дес. посева.....	24,0	36,8	21,4	13,0	25,8	18,7	11,4	13,4	15,4	10,6	13,9	12,5
2) Молодняка ст. 1 года к коровам.	102,5	89,1	82,9	96,8	82,5	78,1	76,9	55,1	64,2	53,6	42,1	53,7
3) Свиной на 100 дес. посева.....	20,7	17,3	8,0	19,1	12,8	8,8	5,3	12,7	6,3	23,3	16,2	10,0
4) Овец на 100 дес. посева.....	237,0	94,2	70,7	72,0	70,0	40,0	83,1	57,5	67,4	44,3	44,8	39,8
5) Раб. лошадей на 100 дес. посева.	21,7	6,7	5,4	18,9	4,4	4,3	17,1	8,5	8,7	15,7	14,8	13,1
6) Молодняка всего кон. на 100 лошадей.....	18,6	29,6	35,9	19,0	31,4	31,5	24,3	34,9	30,4	28,4	35,7	30,2
7) Волков на 100 дес. посева.....	23,0	16,1	11,1	47,2	20,8	14,7	2,3	9,4	2,1	2,6	6,3	6,1

катастрофичность сжатия тяговой силы, хотя доля конского молодняка, будучи абсолютно немалой, быстро возрастает.

Динамика товарных избытков до революции находится в полном соответствии со сказанным хронологическим изменением организации хозяйства. В основе ее лежало бурное расширение хлебных избытков. Так, Заволжский район (губ.: Оренбургская, Уфимская, Астраханская и Самарская) и Сев.-Кавказ (Донская обл., Кубань, Ставроп., Терская) увеличивали избыток хлеба следующим образом:

	1880/4	1907/10	1880/4	1907/10
	тыс. пуд.	тыс. пуд.	В %	В %
Заволжск. район.....	42.152	132.475	100	314
Сев.-Кавказ.....	36.896	236.387	100	641

Остальные вывозившиеся за пределы губернии с.-х. товары относятся к экстенсивным отраслям животноводства и изменились следующим образом. Избытки (+) и недостатки (—) их составляли в тыс. пудов:

¹⁾ До 1924 г. включительно для Ставроп. и Терск.—целые губернии, для Сальск. и Шахтинск. соответ. округа в границах соответ. гсда, т.-е. лишь отчасти сравнимые территории.

Заволжский район.			
	1890/4	1907/9	1912/13
Сало.....	+ 97,1	+ 228,0	+ 160,0
Шерсть.....	+ 296,1	+ 246,0	+ 40,5
Кр. рог. скот в тыс. шт.	51,6	+ 130,1	+ 145,2
Говяд.....	+ 852,9	+ 989,0	+ 755,0

Сев.-Кавказск. район.			
	1890/4	1907/9	1912/13
Сало.....	+ 158,2	+ 39,0	+ 10,0
Шерсть.....	+ 1407,5	+ 1.76,0	+ 1259,0
Кр. рог. скот в тыс. шт.	+ 114,9	+ 118,2	+ 137,1
Говяд.....	+ 293,0	+ 94,0	+ 43,0

Все это показатели экстенсивных отраслей животноводства. По более интенсивным отраслям имеем лишь начало расширения избытков (+) для некоторых из них, а именно:

Заволжск. район. Сев.-Кавк. р-йон.						
	1890/4	1907/9	1912/13	1890/4	1907/9	1912/13
Яйца.....	+16,6	+520,0	+622,0	+ 7,7	+312,3	+733,0
Свинина и свиный в т. шт.....	+ 4,9	+ 31,6	+ 5,3	+ 3,3	+ 5,9	+ 14,3
Птица жив. и бит.....	+64,4	+ 14,1	+ 8,1	+61,3	+174,4	+ 95,4

Ничтожность размеров абсолютного возрастания их легко обнаруживается, если сравнить его с ростом избытков

этих же товаров в других черноземных районах. Что касается продуктов интенсивного земледелия, то они составляли или ничтожную цифру избытка или выражались даже недостатками, за исключением продуктов плодородства в Заволжье и продуктов огородничества и бахчеводства на Сев. Кавказе. Таким образом, лицо обоих районов было товарно зерновым с продолжавшимся ростом хлебных избытков и экстенсивно животноводственной сально-шерстной и мясной товарностью, при чем сально-шерстная сокращалась, вытеснялась ростом зерновой продукции; одновременно с сим, по мере усиления начальных стадий развития интенсивных отраслей животноводства, стали увеличиваться товарные избытки яиц, свинины.

Пред районом в ближайшем будущем—восстановление размеров посевной площади и продуктивного скотоводства, главным образом, прежнего вида. Таким образом, тип организации сельского хозяйства в основе остается (по крайней мере в самых экстенсивных частях района) экстенсивно животноводственным и зерновым. Восстановление размеров с.-х. продукции скажется укрупнением среднего хозяйства и, след., повышением устойчивости его. В более редких случаях невозможности экстенсивного расширения посевной площади встает вопрос о реорганизации с. х-ва за счет более интенсивных пропашных зерновых и указанных выше интенсивных отраслей животноводства. В рамках продолжающегося экстенсивного расширения с. х-ва залежно-зернового типа речь идет лишь об улучшении бурьянистой залежи, поскольку она пока не изжита совсем. Затем она будет сокращаться и при посеве на ней трав, особенно с дальнейшим расширением пропашных растений, бахчей, а на Сев. Кавказе, как увидим дальше, кукурузы и подсолнечника. И только в более близких к рынку и более малоземельных, как сказано, частях всего района намечается и будет строиться и расширяться преимущественно зерновой тип, но с расширенной долей товарных пропашных культур, какковы подсолнечник, кукуруза и бахчи, и с на-

чатками введения более интенсивной культуры посевных кормовых растений, идущих тут, главным образом, на покрытие недостатка летнего корма; недостаток последнего тут вследствие занятия пашни посевами обострится все более сильно. Одновременно с сим здесь наиболее сильно станет сокращаться мясная часть крупного рогатого стада и оцеводства, на основании чего начало и будет продолжаться расти свиноводство и птицеводство.

Различия наших трех подрайонов будут—в природных условиях (в более холодных на востоке и теплых на юго-востоке), а следовательно, в выборе пропашных культур, а также в составе товарных зерновых культур; в восточном преимущественно пшенично-ржаных, а на юго-востоке пшенично-ячменных; кроме того, на юго-востоке, вследствие мягкости климата возможны южные культуры, как табак, и садово-огородные растения, которые могут составить содержание одного из товарных вариантов в организации сельского хозяйства. Добавим, что экстенсивно животноводственные зерновые части районов с большей сохранностью продуктов коневодства могут и будут улучшать качественно это коневодство в виду обостренной общесоюзной потребности в лошадях и высокой расценки их (домашн. кон.).

Переходим к VII району, при чем будем говорить об его подрайонах взятых вместе. Перед революцией парово-зерновое хозяйство района изживало период экстенсивного расширения посевной площади, это расширение останавливалось по большинству губерний, так, в тысячах дес. во всех хозяйствах в старых границах было:

	1897 г.	1913 г.	1916 г.
Пензенская г.	1400	(1881 г.) 1476	1182
б. Казанская г.	1840	1904	1632
б. Симбирская г.	1460	1421	1346
Самарская г.	2950	4694	4098
Саратовская г.	2440	3002	2498

Как видим, кроме Самарской и частью Саратовской г. с их большими пережитками экстенсивного залежного зернового хозяйства, развитие посевной площади почти приостановилось в своем росте. В последующее время войны, и особенно голода 1921/22 г.,

произошло опустошение в сельском хозяйстве: посевная площадь резко убывала, и постепенное восстановление ее видна из следующих цифр (в новых границах губерний):

	Татресп.	Мар. об.	Чув. об.	Ульян.	Самарск.	Сарат.	Немресп.
Посевн. площ. 1916 г. т. д.	2494	359	419	1093	2989	2438	917
Посевн. площ. 1922 г. т. д.	1241	153	370	838	928	1990	423
Посевн. площ. 1924 г. т. д.	2217	345	440	1202	1803	2347	709
Посевн. площ. 1925 г. т. д.	2339	420	449	1116	1987	2447	764
% площ. 1925 г. к 1916 г.	93,8	120,8	106,9	105,7	66,3	99,7	83,2

Цифры говорят, что восстановительный процесс меньше всего коснулся, кончая 1925 годом, наиболее пострадавших Самарск. г., Немреспублики, Татреспублики и Саратовск., остальные перешагнули за дореволюционную площадь (вследствие национализации земли). Убыль же в Ульяновской губ. в этом году (вследствие неурожая 1924 года) все же не отвела ее до уровня ниже, чем в 1916 году. В связи с совершавшейся приостановкой роста посевной площади до революции едва-едва началось, и то только в некоторых частях района, видоизменение в составе полевых культур, в смысле сокращения процента зерновых культур; такое же небольшое изменение началось тогда в размерах и соотношении продуктивных отраслей животноводства. Сказанное можно видеть из следующего ряда цифр процента всех зерновых хлебов за ряд лет по целому району (до 1923 г. без Саратовск., но с Пензенск. губ., а позже по трем подрайонам данного района: а.—Татресп., Чувашск., Ульяновск., б.—Самарск. и Саратовск., в.—Немреспублика):

	1887	1913	1916	1920	1923	1924	1925
							а/91,3 б/96,5 в/84,6
	96,1	95,4	95,2	96,1	89,5	—	

Для трудоемких культур имеем такой ход изменения в среднем по району (за те же годы):

Картофель	1,1	2,2	1,6	1,6	2,9	а/5,4 б/2,9 в/1,9	2/5,4 6/2,9 ш/2,0
Кнопля	1,2	0,9	0,7	0,3		а/1,1 б/0,7 в/0,1	а/2,3 6/0,3 в/0,1
Лен	2,1	0,7	0,6	0,7	3,4	а/0,8 б/0,2 в/0,0	а/0,8 6/0,2 в/0,0
Подсолнечн.	0,5	0,7	1,3	0,9		а/0,4 б/5,7 в/5,3	а/0,5 6/7,6 в/5,8
Травы пос.	0,0	0,1	0,5	0,1	—	а/0,1 б/0,2 в/0,4	а/0,7 6/1,0 в/0,4

К сказанному надо прибавить, что в послереволюционное время на крестьянские поля проникла кукуруза: в подрайоне б) в 1925 г. ее было 0,3%, а в в)—1,6%.

Из отдельных губерний за последние годы должно быть отмечено более сильное увеличение:

	1916	1924	1925
Картофеля: в Ульяновской губ.	2,7	5,0	5,3
в Татреспублике	1,5	2,9	2,8
но особенно подсолнечника для Самарской	0,6	4,4	6,1
Саратовской	4,1	6,7	8,8
Немреспублики	5,3	5,3	5,8

Итак, на фоне чисто зернового земледелия, рост земледельческой продукции шел, главным образом, за счет расширения посевов, но в губерниях с более давней приостановкой—за счет начатков роста незерновых культур, при чем особенно выделился этот процесс уже в послереволюционное, назовское время.

Что касается скотоводства, то движение его за более длительный период может быть изображено в следующих цифрах по району (без губ. Саратовск., но с Пенз.) на 100 дес. пос. (с 1887 по 1913 в старых границах, остальные годы в соответствующих по годам новых, при чем везде взяты цифры по крест. х-вам):

	Кр. рог.	Овец.	Свиней.	Рабочих лошадей.	Молодняк на 100 душ
1887	19,1	54,9	8,7	26,1	20,5
1913	24,8	52,6	6,2	21,4	23,3
1916	40,7	104,0	12,5	24,0	10,4
1920	37,0	71,8	10,0	25,0	9,2
192	34,9	49,2	5,2	19,7	6,3
1924	а) 25,6	95,8	14,8	17,7	17,7
	б) 38,3	69,6	7,2	15,9	21,1
	в) 32,9	33,1	16,2	8,5	27,0
1925	а) 39,5	113,0	17,1	16,7	24,0
	б) 32,8	61,6	7,9	14,3	21,8
	в) 31,4	32,5	8,7	7,5	27,1

) Первая цифра по лошадям относится к датам 1888—91, вторая к 1912 г.

Из цифр явствует, что перед революцией при наличии некоторого расширения кр. рог. скотоводства овцеводство не сокращалось, а, наоборот, повидимому, несколько увеличивалось („паровая“ потребительская овца), а численность свиней увеличилась очень незаметно, при сравнительно ничтожной абсолютной их величине. После революции—сначала картина свертывания животноводства, которое затем начало восстановление. Это восстановление отставало, однако, от роста посевных площадей, и оно далеко еще не дошло до дореволюционного уровня, при чем наименьшее восстановление имелось к 1925 году для рабочего скота. Крестьянское хозяйство, однако, напряженно борется со злом, доведя процент конского молодняка до уровня, который не был известен перед революцией.

Переходя к более детальному—по губерническому—наображению, динамики скотоводства, мы можем коснуться лишь, как и для предыдущих районов, периода с 1916 по 1925 год.

	Татреспублика.			Чуашская область.		
	1916	1924	1925	1916	1924	1925
1) Коров на 100 дес. . . .	20,2	13,6	16,1	29,6	25,2	27,2
2) % молодняка стар. 1 г.	31,7	31,6	33,6	27,6	25,7	32,1
3) Свиней на 100 д.	—	8,3	11,4	53,8	24,4	35,0
4) Овец на 100 дес. пос. . . .	139,9	58,1	71,9	231,3	154,1	176,1
5) Раб. лошадей на 100 д.	23,9	11,9	12,8	35,9	22,5	24,2
6) % всего кон. молдн.	18,7	19,8	25,6	10,2	13,1	17,6

	Ульяновская губерния.			Саратовская губерния.		
	1916	1924	1925	1916	1924	1925
1) Коров на 100 дес. . . .	19,2	15,5	17,6	15,9	17,9	16,5
2) % молодняка стар. 1 г.	28,7	29,6	31,3	46,5	35,0	28,0
3) Свиней на 100 д.	5,8	12,3	5,1	11,3	9,3	7,1
4) Овец на 100 дес. пос.	116,5	85,4	92,5	345,7	80,7	70,3
5) Раб. лошадей на 100 д.	19,7	12,1	13,0	21,8	14,6	12,9
6) % всего кон. молдн.	20,7	17,0	24,6	21,2	21,6	22,8

	Самарская губерния.			Немреспублика.		
	1916	1924	1925	1916	1924	1925
1) Коров на 100 дес.	17,7	17,8	18,3	12,6	11,8	12,2
2) % молодняка стар. 1 г.	44,6	40,6	46,0	—	58,0	78,7
3) Свиней на 100 д.	10,9	5,1	8,8	—	16,2	8,7
4) Овец на 100 дес. пос.	95,4	58,5	62,9	57,2	33,1	32,5
5) Раб. лошадей на 100 д.	27,3	16,8	15,6	21,1	8,5	7,5
6) % всего кон. молдн.	19,5	20,5	21,2	22,8	27,0	27,1

Из цифр явствует, что молочное крупно-рогатое скотоводство, судя по числу коров, дошло до дореволюционного времени или перешагнуло его. То же было, кончая 1924 г., и по свиноводству, но после 1924 г. последнее от неурожая резко сократилось. Овцеводство же, доля конского молодняка и в особенности же численность рабочих лошадей отстали от дореволюционного времени, что являлось следствием указанных тяжелых переживаний подрайонов до непа.

В итоге, к настоящему времени мы имеем более или менее сходный с дореволюционным временем тип организации хозяйства и рядом с этим недовосстановленные размеры полеводства и особенно рабоч. скотоводства для сильно пострадавших от неурожая губерний.

В ближайшее время, очевидно, предстоит ограничение относительного объема зерновой части сельского хозяйства и господства экстенсивного, главным образом, продовольственного назначения животноводства. Насколько начинался этот сдвиг по товарным отраслям до революции, и одного зерна уже переставало хватать, видно из динамики избытков—недостатков с.х. продуктов. Прежде всего приходится отметить, что хлебные избытки перед революцией еще продолжали возрастать, но уже не так значительно; их в тыс. пудов было:

	б. Казанск.	б. Симбирск.	Саратовск.	б. Самарск.	Итого.
1880/84	+ 13845	+ 9188	+ 10728	+ 30528	63.290
1907/10	+ 21492	+ 14351	+ (4066)	+ 76223	116.142

т.е. небольшое расширение зерновых избытков было в Казанск. и Симбирск. губ.; в других значительнее ¹⁾.

При достаточно сохранившейся в целом районе экспансии товарной продукции хлеба естественно, что остальные с.х. товары доставлялись на рынок в ограниченном количестве. Конечно, продукты экстенсивного животноводства уже не вывозились, а ввозились в район. С ними была следующая картина для целого района (в т. п.):

	1893—4	1907—9	1913
Сало животное	— 116,9	— 342,0	— 407,0
Шерсть	+ 32,6	— 338,0	— 375,0
Мясо говядина	+ 553,6	+ 619,0	+ 683,0
Кр. рог. ск. (тыс. шт.).	+ 72,9	+ 140,2	+ 117,5

Как видим, в с.х. продуктах от самых экстенсивных отраслей имелся недостаток, или же небольшой избыток их таял. Для мясного скотоводства констатируются слаборасширяющиеся избытки. Что же касается более интенсивных отраслей, то по ним отмечалось уже более сильное—абсолютно и относительно—возрастание избытков их продуктов, чем в прежде упомянутых, более экстенсивных районах:

	1893—4	1907—9	1913
Яиц (тыс. пуд.)	+ 159	+ 1043	+ 2025
Свиней (тыс. шт.)	41,8	+ 152,8	+ 187,5
Птицы бт. и жив. (тыс. пуд.)	+ 17,0	+ 87,5	+ 109,3
Масло коровье (т. п.).	(+ 51,6)	+ 4,1	— 19,8

По продуктам же интенсивных культур земледелия выделились лишь в последнее время картофель, крахмал, пенька, частью овощи более транспортабельные, как лук, а для Самарской и Саратовской губ.—арбузы, но абсолютно эти цифры, показывая несомненное поступательное движение соответствующих культур и отраслей земледелия, в то же время абсолютно не были еще настолько значительными, чтобы изменить основной характер всего строя сельского хозяйства района, как зернового. Сказанное можно видеть из следующих избытков (+) и недостатков (—):

	1893—4	1907—9	1913—13
Картофель т. пуд.	— 18	— 60	+ 723
Крахмал	+ 83,2	+ 343,0	+ 415,8
Пенька	+ 222,2	+ 489,0	+ 632,0
Лен (в Казан. г.) т. п.	— 25,0	+ 132,0	+ 160,0
Лук	+ 50,7	+ 68,0	+ 429,0
Арбузы и дыни т. п.	+ 345	+ 121,8	+ 233,0
Яблоки	+ 68	(+ 101)	+ 167

Все приведенные данные позволяют предвидеть направление рационализации организационных типов хозяйства для будущего такового: для северного подрайона а), изжившего раньше и сильнее возможности расширения товарной хлебной продукции, в виде чисто зернового типа продукции, можно представить себе техническое улучшение с. х-ва в виде улучшенного зернового хозяйства со введением посева кормовых культур, главным образом для летнего корма, в видах сокращения срока пастбы скота на полях, с расширением и улучшением молочно-потребительского скота, а местами переходящего в товарно-молочный (сыр, масло), расширением товарной продукции свиней, птицы и яиц и с постепенным сокращением мясного рогатого скотоводства и овцеводства; при рыночном положении к этому прибавляется товарное молочное скотоводство и местами гнезда садовогородных товарных культур.

Для подрайонов южных б) и в) в более северной части, именно с паровым типом, должно иметь место улучшение зернового хозяйства с уничтожением остатков залежей и пестрополя с их заменой парованием; затем—расширение пропашных культур подсолнуха и бахчей с сохранением на некоторое время мясного рогатого скотоводства, а редкими гнездами при наличии рыночных предпосылок—замена его молочным товарным, и с начатками расширения для сбыта свинины и, наконец, дальнейшее расширение продукции птицеводств

Для южных залежных, переходивших до революции (технически совершенно обоснованно) на пестропольное, т.е. мало паровое зерновое хозяйство, должно иметь место урегулирование пестропольно зернового порядка путем введения регулярного чередования зерновых хлебов с пропашным клином (занятым подсолнечником, бах-

¹⁾ По Саратовск. для 1909—10 г. 4 главных хлеба давали избыток в 56 милл. пуд., так что приведенная цифра за 1907—10 г. не типична.

чани и кукурузой), с получением частью зимнего, а главным образом, летнего корма от посевных трав; травы не вводятся в правильный севооборот, ибо потребное количество их невелико, а возделывают их на приусадебных или запольных участках или в небольшом выводном клину. Иное место могут занимать в хозяйстве травы для улучшения временно остающейся еще залежи в условиях многоземелья. Скотоводство более долгое время сохраняется здесь в виде крупно-рогатого мясного и в меньшей мере овцеводства. Дальнейшее сокращение последнего сопровождается ростом разведе-

ний с 5 подрайонами, отличающимися степенью внедрения пропашных—кукурузы, подсолнечника, бахчи—и свиноводства из интенсивных отраслей животноводства. Сюда относятся, как сказано, южно-степные губернии и округа Украины, степные части Крыма и западные округа Северного Кавказа (части быв. Донской и Кубанской областей.) В прошлом район характеризовался быстрым ростом посевных площадей за счет частью целин (лугов и пастбищ), частью за счет сокращения залежей. Площадь посевов росла следующим образом (в милл. десятин):

	1881	1887	1893	1899	1906	1910	1913	1916
Екатери н. г.	1,65	2,12	2,47	2,67	2,98	3,20	3,30	2,86
Херсонская г.	2,53	2,92	2,95	3,40	3,60	3,77	3,59	3,54
б. Таврическ. Г.	1,52	1,90	1,98	2,47 (1897)	2,60	2,48	2,66	2,70
Кубанская	ок 1,0	ок 1,50	2,07	2,05	2,79	3,17	3,59	2,74
Донская	3,73	3,30	3,38	3,61	5,11	5,45	5,44	4,25 ¹⁾

дения свиней, но сравнительно с другим подрайоном в ограниченных размерах; к сказанному надо прибавить, что содержание мясного рогатого скота

Свертывание во время гражданской войны и последующее расширение посевной площади может быть представлено лишь в такой форме:

	1915	1923	1924	1925
	в м и л л и о н а х д е с я т и н			
Южноукраинск. (Одесск., Ек., Донск.) . .	10,56	8,98	9,93	10,32 ²⁾
Крым	0,82	0,39	0,41	0,45
Донск. и Кубанск.	5,47	4,02	4,15	5,13
Всего	16,80	13,37	14,47	15,90
	или в % %			
Южноукраинск.	100	85	94	97,7
Крым	100	47	50	55
Всего в нашем районе	100	80	86	(94)

и овцеводство сохраняются в большем или меньшем объеме в зависимости от пропорции неудобных для посева пространств, служащих, как правило, пастбищем.

Следующий район VIII, нестропольно-зерновой малоскотно-мясно-молоч-

то-есть произошло почти полное восстановление дореволюционной посевной площади по Украине и на ⁹/₁₀ на Сев. Кавказе. Более детальная характеристика динамики размеров посевов дается в след. таблице:

¹⁾ Данные по б. Донской обл. приводятся полностью по VI району; здесь для сравнения они повторяются по некоторым вопросам.

²⁾ Территория округов, отнесенных нами в 1925 г. к трем украинск. губерниям, включая и Молдавскую республику, расширена несколько за счет лесостепи Украины, вследствие чего сравниваемая территория для 1925 г. не вполне тяжественна с пред. годами. Несколько преувеличена в 1925 г. и территория б. Донск. и Куб. обл., против территории 1916 г.

По губерниям в относительных цифрах посевные площади равнялись:

	1916	1921	1922	1923	1924	1925
Екатериносл.	100	101,6	63,6	77,6	89,5	—
Одесская	109	86,3	59,6	87,7	92,3	—
Донецкая	100	105,8	74,9	93,7	104,5	—
Всего по югостепи	100	97,2	64,9	85,0	94,0	97,7
Кубаночерномор. ¹⁾	100	70,9	69,7	84,0	88,0	} ок. 90
Донская	100	46,9	37,5	59,2	59,9	
Крым	100	75,0	26,3	47,3	50,4	55,0

Строй земледелия до войны был преимущественно зерновой; после же революции, вначале в годы войны и свертывания с. х-ва, изменился в сторону расширения пропашных зерновых на основном фоне того же зернового направления. Это изменение сохранилось и в самое последнее время, когда посевная площадь доходит до дореволюционных размеров.

Процент зерновых культур (без кукурузы) равнялся по району ²⁾:

	1905/10	1905/10	1913	1916	1920	1922 ³⁾	1924	1925
Южноукраинск.	95,9	96,3	95,5	92,5	90,9	70,3	} 78,2	} 75,4
Сев.-Кавказск.	90,1	93,5	90,6	87,4	84,6	83,3 (1921)		

Как видим, начавшееся до революции небольшое сокращение доли зерновых хлебов продолжалось и в последние два года неповского периода.

Соответственно этому росла цифра культур интенсивных в виде вышеупомянутых: кукурузы, подсолнечника, бакчей. По отдельным видам этих культур за время с 1916 г. по 1925 г. имеем:

	Екатериносл. г.			Одесская г.			Донецкая г.			Крым.			Кубанская ¹⁾		
	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925
Кукуруза	4,4	4,9	10,4	4,9	8,8	10,1 ⁴⁾	3,6	4,9	9,6	(2,9)	4,7	6,1	4,3	7,7	12,6
Подсолнечник	1,6	5,4	5,4	0,7	4,3	4,5	(1,4)	9,7	10,2	(0,1)	0,1	0,1	10,7	14,6	16,1
Конопля	0,1	0,3	0,3	0,0	0,1	0,2	0,1	0,4	0,5	0,0	—	—	0,1	0,4	0,6
Трость	—	0,1	0,3	0,6	0,1	0,1	(0,7)	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	—	0,6	0,4
Картофель	1,7	1,8	2,3	0,8	0,5	2,6	(1,1)	1,1	2,2	(0,9)	0,4	1,0	0,9	1,2	1,4
Табак	—	0,0	0,0	—	0,0	0,0	—	0,0	0,0	—	—	—	0,5	0,2	0,5

Таким образом, на ряду с восстановлением размеров полеводства, констатируется в послереволюционное время

его интенсификация в виде удержания повышенного процента пропашных культур; восстановление идет более медленным темпом в сильнее пострадавших от 1921—22 года частях района (Крым, Дон и Кубань). Кроме того, в Крыму должна быть отмечена задержка колонизации рядом с сильным изрежением населения за минувшее время. К сказанному добавим сравнительную характеристику земледелия с.-хозяйственных подрайонов, выделенных нами

для 1925 г. в связи с новым окружным делением ⁵⁾.

Подрайоны:	а (Одесск.)	б (Екатер.)	в (Донец-Дон.)	г (Кубань)	д (Крым)
Процент культур в 1925 году:					
кукурузы	16,0	9,6	8,8	16,0	6,1
подсолнечника	4,9	4,3	10,8	15,7	0,1
бакчей и огородов	2,3	4,2	3,8	2,7	3,4

Из цифр видно, что Одесский и Екатериносл. являются преимущественно кукурузными и менее подсолнечными;

¹⁾ Входят в наш район только сказанными в предыдущей главе частями. Для Сев.-Кавказской области в 1925 г. посев по отношению 1916 г. составлял 88,8%, а в 1924 г. — 71,4%; точное сравнение 1925 и 1924 гг., в границах губернии, бывших в 1914 г., невозможно вследствие много административного деления, связанного с новым районированием Украины и Сев. Кавказа, которое только что проведено. По остальным годам данной таблицы цифры относятся к территориям в границах 1924 г.

²⁾ До 1920 г. включительно взят б. Новоросс. и б. Севкавказ. район, в 1924 и 1925—среднее взвешенное в наших границах района; в среднем же по южнотеплой Украине в 1925 г. — 72,4%, в Крыму — 94,4%, во взятых нами част б. Донск. и Куб. обл. — 80%.

³⁾ В 1922 г. из незерновых хлебов было на юге Украины под кукурузой 18,6% и подсолнечником 7,9%, а на Сев. Кавказе в 1921 г. соответственно 10,6% и 4,3%.

⁴⁾ 1916 и 1924 гг. по целой области, 1925—по Украинск б. губернии и б. Кубанск. взяты, как среднее арифметическое по внесенным в наш район округам их. Одесская без Молдавской республ., где кукуруза составляет 30%. Донская обл. см. VI район.

⁵⁾ Среднее арифметическое из окружных %.

Донецко-Донской более подсолнечный, чем кукурузный, а Кубанский выделяется, как кукурузно-подсолнечный; Крым же, как более экстенсивный—наиболее зерновой.

Переходим к животноводству района. Животноводство в своих размерах и организации следовало изменениям земледелия от многозалежного зернового к интенсивно нестропольно-зерновому. Объем животноводства с расширением полевой продукции побочных кормов (солома и мякина) выростал; переорганизация уже шла в сторону сокращения целинных и залежных отраслей животноводства, т.-е. овцеводства и гулевого кр. рог. скотоводства, а отчасти табунного коневодства, где 1880 и 1890 годы еще захватили его. В то же время переорганизовывалась форма тяги—волосья сила быстро заменялась конной, при чем соответственно расширению посевой площади быстро увеличивалась численность рабочего скота вообще. Более точные переписные данные по лошадям таковы:

Число всех л. шадей в тыс. шт.
Конского молодняка на 100 лощ.
1891 1904 1912 1916 1891 1904 1912 1916

Екатериносл. . .	366	573	718	739	20,0	23,3	20,3	25,2
б. Херсонская . .	547	729	814	928,5	27,2	23,1	22,8	31,4
б. Таврич. . .	386	464	523	515	24,5	28,2	28,1	29,5
б. Донская . . .	552	—	1003	1104	26,9	—	30,2	32,2
Кубанская . . .	365	258	813	934	29,9	15,9	23,7	28,0

Численность остального скота свидетельствует также о расширении стад. Так, имеем (в милл. голов):

Кр. рог. скота:	1883	1900	1905	1909	1916
Екатериносл. . .	0,72	1,01	0,82	0,79	0,93
б. Херсонская . .	0,75	0,93	0,88	0,80	1,03
б. Таврич. . .	0,47	0,60	0,50	0,47	0,59
б. Кубанская . .	—	1,48 (1893)	1,51	1,30	1,50
б. Донская . . .	1,84	2,43	2,46	2,23	2,81
Овец (милл. гол.)					
Екатериносл. . .	2,74	1,66	1,2	0,75	0,76
б. Херсонская . .	2,25	1,26	0,93	0,41	0,53
б. Таврич. . .	3,91	1,81	1,31	0,95	1,41
б. Кубанская . .	—	2,87 (1893)	3,5	1,46	2,05
б. Донская . . .	1,60	1,65	2,12	1,48	3,14
Свиней (милл. гол.)					
Екатериносл. . .	0,26	0,32	0,28	0,32	0,60
б. Херсонская . .	0,26	0,33	0,28	0,29	0,57
б. Таврич. . .	0,11	0,23	0,22	0,21	0,39
б. Кубанская . .	—	0,34 (1893)	0,48	0,53	0,94
б. Донская . . .	0,59 (1890)	0,50	0,51	0,42	0,93

Убыль овцеводства, некоторое расширение свиноводства и сжимание кр. рог. скотоводства, последнее в результате более быстрой убыли волос (от замены их лошадьми), чем прибавка

коров и гулевого скота для рог. скотоводства; в результате этих двух противоположных процессов общее снижение численности рог. скотоводства за 1916 г.,—таковы выводы, вытекающие из приведенных цифр и общезвестного процесса убыли волос. Необходимо отметить, что повышение числа всех видов животных в 1916 г. связано с более точной переписью в 1916 г.; но и из ее цифр явствует существенная разница в изменении свиноводства и овцеводства: свиноводство дало более существенную прибавку. Сравнительный по отношению к земледелию рост животноводства [видим из следующих цифр плотности скота на 100 дес. посева (по 5 губ. и обл. взятым выше):

	1883 ¹⁾	1900	1905	1909	1916
Крупный рог. скот шт.	42,5	45,4	36,3	33,0	42,6
Свиный	11,5	12,1	10,5	9,2	21,3
Овцы	118,0	67,3	52,2	28,0	49,0

Если принять исходные цифры (1883 г.) за 100, то плотность кр. рог. скота по расчету на 100 дес. посева оставалась к 1916 г. неизменной, т.-е. численность его нарастала вровень с распашкой и засевом земель. Для свиноводства она почти удвоилась (186%), но для овцеводства снизилась более, чем вдвое (42%). Во всем этом выразилась существенная реорганизация продуктивного животноводства в направлении его интенсификации параллельно переходу от целинно-залежного и залежного зернового земледелия к малозалежному нестропольно-зерновому. Дальнейшая интенсификация земледелия в сторону роста пропашных и ликвидации остатков залежей ведет и к дальнейшей ломке животноводства.

Что касается перемен в нем в после-революционное время, то оно проявляло ту же линию изменений, что и земледелие: резко сократилось в годы разрухи и дало достаточно быстрое восстановление в последующее время, задержанное лишь неурожаем 1924 года и, несомненно, также неблагоприятной рыночной конъюнктурой на продукты скотоводства. Размеры убыли всех животных за время с 1916

¹⁾ 1883 г. без Куб. обл.

по 1922 год включительно могут быть измерены данными в границах б. Новороссийского района. Так. обр., имеем

(в милл. голов):

	1916	1920	1921	1922
Всего рогатого скота	3,27	2,65	2,66	1,83
В том числе волов	0,28	0,28	0,28	0,22
Коров	1,75	1,35	1,36	1,03
Овец	4,3	3,31	3,34	2,68
Свиней	2,05	1,71	1,72	0,24
Всех лошадей	2,79	2,69	2,69	1,0
В том числе раб. лошадей	2,21	1,75	1,75	0,84

Убыль к 1922 г. катастрофично велика. После 1922 г. началось исправление этого катастрофического положения животноводства, которое обнаружилось к 1922 году, и в дальнейшем мы видим восстановительный процесс, который пока, однако, отстает по быстроте от восстановления посевной площади.

Вот цифры 1916—25 г. (см. табл. в след. столбце).

Как видим, крестьянское хозяйство успевает восстановить молочное стадо по размерам относительно посевной площади почти до довоенных размеров и иногда выше довоенного; рост доли молодняка старше года говорит о возможности усиления дальнейшего расширения рогат. скотоводства. Рядом с этим является резким диссонансом медленное восстановление конского стада, ибо плотность рабочего скота значительно ниже довоенной. Борясь с нехваткой рабочего скота, население переводит рабочее конское стадо на продуктивное, значительно расширяя долю молодняка в конском стаде и, кроме того, умножает число волов, восполняя ими дефицит в лошадях; но нагрузка раб. скота продолжает быть выше довоенной, ибо недостаток его еще не восполнен. Наконец, необходимо отметить усиление практики работы на коровах. Точно таким же отрицательным явлением должна быть отмечена медленность восстановления и легкость свертывания свиного стада, как это произошло после неурожайного 1924 г. Рост плотности овец, имеющих уже подчиненное значение, выше довоенного уровня не может считаться особенно видным явлением; он легко объясняется рецидивом натурального самоснабжения шерстью, смушками и очинами при обостренном мануфак-

	Кубанская ¹⁾			Крым			Донецкая			Одесская			Екатеринославск.		
	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925
Коров на 100 дес. пос.	17,7	15,4	16,4	9,3	15,6	13,0	11,1	15,9	10,7	12,4	14,5	14,9	12,8	15,4	14,9
Молодн. на 100 коров	79,8	44,6	72,7	54,5	38,2	59,1	54,5	48,6	41,0	32,9	28,9	41,0	54,5	35,2	41,0
Свиней на 100 дес. пос.	34,0	24,1	8,2	15,1	10,1	7,4	(18,1)	12,3	6,9	16,9	14,9	9,7	21,1	13,6	9,7
Свиней на 100 коров	191,8	157,8	49,3	165,9	70,1	56,9	(163,3)	76,9	62,0	135,0	100,2	64,6	160,7	83,1	64,6
Овец на 100 дес. пос.	65,4	35,2	86,2	35,5	87,2	33,4	(28,8)	42,0	20,2	8,0	30,5	28,0	22,2	28,2	28,0
Раб. лош. на 100 д. пос.	28,1	16,9	13,1	17,1	12,3	7,7	(18,1)	8,4	13,7	19,4	16,3	11,7	19,1	11,6	11,7
Мол. кон. на 100 лош.	21,4	22,7	28,6	12,3	19,3	22,2	(11,2)	20,9	24,8	12,0	21,5	24,2	9,4	22,4	24,2
Волов на 100 дес. пос.	5,6	3,8	4,4	1,3	3,2	9,6	1,3	8,9	1,0	0,6	1,2	2,3	1,2	1,4	2,3

¹⁾ Для 1916 г. соответственные цифры б. Херсонской, б. Екатеринославск., б. Таврич. и б. Кубанской; Донецкая по б. Екатер. и б. Таврич. гг.

²⁾ До 1925 г. в б. Кубанской взяты только те округа, которые вошли в данный сел.-хоз. район.

турном голоде в деревне; на Кубани овец еще меньше, чем до войны. Другая временная причина расширения овцеводства, это наличие незасеянных частей пашни; эти невольные залежи становятся базой гулевого скота и легче всего овец, кои умножаются легче.

Говоря кратко, послереволюционное развитие сельского хозяйства района характеризуется, во первых, более быстрым восстановлением посевной площади, чем животноводства; во вторых, доведением ее почти до довоенного размера, кроме части б. Донск. и б. Кубанской обл.; в третьих, доведением ее до более интенсивной структуры с почти полным восстановлением молочного стада и вообще приведением стад всех животных, благодаря повышению % молодняка, к большей легкости расширения их в дальнейшем. По сравнению с довоенным временем, таким образом, резко отличной чертой является больший % пропашных—кукурузы, подсолнечника—и, повидимому, местами расширение молочного стада. Все это должно несколько изменить состав товарной продукции в сторону смягчения ее прежнего, преимущественно зернового, направления; в товарной массе должен проявиться и рост доли подсолнечника, кукурузы и затем молочных продуктов, не говоря, конечно, об усилении довоенного развития яичной и свиной для рынка. С этими оговорками можно считать актуальным и на будущее время тот ход изменения товарных избытков района, который установлен для дореволюционного периода на основании жел.-дор. избытков и недостатков сел.-хозяйственных грузов. Эти материалы свидетельствуют, что до самой революции происходило быстрое нарастание хлебных избытков, шедших за пределы района, как на внешний, так и на внутренний рынок. На этом фоне происходила убыль товарной продукции от экстенсивных отраслей животноводства—шерсти и сала, мяса и рог. мясного скота, в полном соответствии с отмеченным выше ходом эволюции их, а с другой стороны, для частей района, исчерпавших возможность

хлебной экспансии, началось увеличение избытков интенсивных отраслей животноводства, в особенности яиц и птицы и отчасти свиней. По остальным группам сел.-хоз. товаров (кроме монопольных по природным условиям, как табак, крымские плоды, арбузы), район имел и малый абсолютный избыток их и слабое изменение с ходом времени. В этом можно убедиться из нижеприводимой таблицы изменений за три момента на протяжении 20-летнего периода до мировой войны, как по продуктам земледелия, так и по продуктам животноводства (см. табл. на след. стлб.).

Как выше выяснено, предстоящая эволюция сельского хозяйства района будет носить те же черты роста, прежде всего, зерновой продукции до уровня выше довоенного во многих частях района, где это возможно, т.-е. где имелись запасы залежей и целин, но с включением большой доли нехлебной продукции, в виде кукурузы и подсолнечника, товарная доля которых, несомненно, имеет расти и дальше. Рационализация севооборота (с регулярным, более совершенным чередованием хлебов с нехлебами), обработки почвы, улучшение семян, лучшая застраховка от засухи будут давать вместе с большей устойчивостью хозяйства и большую массу товарного зерна даже при прежней, нерасширяющейся посевной площади. В то же время в частях района, исчерпавших экстенсивное расширение зерновой продукции и сбыта, должно идти расширение животноводства в виде молочного (на масло, сыр), свиноводства на экспорт и внутренний рынок, и в особенности для тех же целей яиц и птицы. Кроме того, должно предвидеть расширение свойственных югу монопольных культур, как виноград, желтые турецкие табак, более южные сорта плодовых деревьев (зимние сорта яблок и груш). За счет их пойдет интенсификация и рост производительности и товарности сельского хозяйства района. Это должно иметь место в тем большей мере, чем быстрее пойдет освоение незанятых еще крестьянским хозяйством госземзапасов, и чем быстрее пойдет уничтоже-

Годы:	Брянская		Харьковская		Таврическая		Кубанская	
	1904	1907/10	1904	1907/10	1904	1907/10	1904	1907/10
Зерновые хлеба	+1,0	+78,4	+30,13	+110,54	+11,97	+61,5	ок. +11,00	+16,90
Голодная	0	-22	+16	-103	-8,7	-15	+119,3	-3
Кр. рог. скот	+8,8	+10,4	+9,2	-10,7	+0,7	-0,5	+50,6	+12,2
Шерсть	+152,8	+71	+549,5	+80	+93,8	+170	+675,6	+263
Сало	-41,7	-37	+50,5	-148	-33,3	-21	+41,5	+8
Яйца	+48,5	+256,5	+84,1	+305	+3,6	+112	+3,0	+17
Свиные и овечьи	+0,5	-5,7	-17,1	-30,2	-1,7	-6,1	+1,9	+12,3
Абфуды и дичь	+47,5	+227	+362,0	+1221	-1,5	+95	+61,9	-73
Табак	-49,1	-100,3	-50,1	-121,5	+9,7	-	+451,1	-
Яблонь	-130,9	-60	-73,0	-477	+253,1	+1096	-592	-146
Животн.)	+53,0	+313,0	+712,0	+1810,0	+289,7	+117,0	+299,0	+7783,0

принимающего массовый стихийный характер. Точно такое же форсирующее в указанном направлении влияние должны оказать мероприятия по улучшению сбыта и переработки сел.-хоз. продуктов: маслодельки и сыроварни, пропускные личные склады, хладо-птице и свинебойни, рационализация хранения (сушка) и переработки, сбыта кукурузы и подсолнечника и, наконец, ценовая политика, могущая обеспечить достаточно высокую эквивалентность вышеуказанных продуктов незерновых отраслей.

Следующий район IX—парово-зерновой, средне-картофельный, продовольственно-молочно-малоскотный, овцеводный. Будучи сравнительно довольно сильно распаханым, район прекратил расширение посевной площади, которая равнялась для всех хозяйств:

	1887	1913	1916
Посевная площ. т. дес.	9.640	10.015	9.507

В последующее время движение посевных площадей по губерниям (в границах их для 1924 г.) представляется в следующем виде:

	1916	1924	1925	1925 в т. д.
Курская г.	100	99,5	96,3	2 018
Орловская г.	100	110,9	102,3	1 283
Тамбовская г.	100	93,5	99,2	1 963
Воронежск. г.	100	78,3	100,9	2 499
Пензенск. г.	100	109,3	105,9	1 543

Бывшее в военный период свертывание посевной площади уже изжито; часть губерний, как видим уже в 1924 г., имела посевную площадь большую, чем до революции, и только неурожай 1924 г. понизил ее в 1925 г. в 3 губерниях против 1924 г. и, конечно, лишь временно при наличии надлежащей с.-х. политики. Изживши чисто зерновое направление, район увеличивал незерновые культуры и интенсивные отрасли животноводства. Процент зерновых хлебов составлял по целому району (включая Тульскую и Рязанскую г.):

1887	1913	1916	1920	1923	1924	1925
93,7	89,1	89,7	93,6	83,5	82,4	81,3

Соответственно этому цифры интенсивных незерновых культур вырастали: 6,3 10,9 10,3 6,4 14,0 15,4 16,8

Рецидив натурально продовольственного назначения всех культур, в том

ние бича южного крестьянского хозяйства — дальнеполюя — посредством землеустроительных мер, главным образом путем образования выселков,

1) Как показатель размеров и темпа роста культуры подсолнечника.

числе и зерновых, в период военной закончился с наступлением напа, и мы имеем возврат к процентам незерновых культур выше, чем до войны. Это тем более существенно, что идет рядом с восстановлением довоенной посевной площади. Однако, по отдельным губерниям процент незерновых культур еще не восстановился полностью. В особенности недовосстановлены культуры продуктов, которые нетранспортабельны и требуют местной обработки, как, например, сахарная свекла и картофель. Район характеризуется сравнительной развитостью культур интенсивных, кроме названных, еще местами табака, подсолнечника и затем садово-огородных рыночных культур. Приводим динамику процентов этих культур за время 1916—1925.

	В старых границах. В новых границах.					
	1887	1913	1916	1920	1924	1925
Кр. рог. скот.	22,1	28,5	42,3	44,2	43,7	41,7
Овец	64,7	65,6	125,0	74,3	47,8	79,9
Свиней	14,7	11,4	17,0	15,3	19,6	6,3
Раб. лош.	28,0	25,9	23,6	25,9	17,1	14,1
Молод. на 100 лошадей	18,1	23,1	25,6	10,9	22,7	24,9

Дореволюционная эволюция шла в направлении усиления численности крупного рогатого скота, овец и слабее свиней. Район характеризовался повышенным содержанием конского молодняка на продажу и в частности для экспорта за границу. К сожалению, разнокачественные данные 1913 и 1916 гг. не позволяют сделать более точных заключений о размерах роста отраслей за это время; однако, можно сказать, что 1916 г. продолжал увеличение численности скота почти всех видов. Позже

	Курская губ.			Орловск. губ.			Тамбовск. губ.			Воронеж. губ.			Пензенск. губ.		
	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925
1) Картофель ¹⁾	3,7	7,2	6,8	6,2	6,9	8,0	4,7	7,1	6,3	2,3	5,3	5,3	3,5	7,8	7,7
2) Сахарная свекла	0,5	0,4	1,2	—	0,0	0,1	0,0	0,0	0,1	0,0	0,1	0,2	—	—	—
3) Конопля	3,0	2,5	3,3	3,8	2,9	3,7	1,2	1,7	1,6	0,7	1,3	1,6	2,2	3,0	7,0
4) Подсолнечник	1,3	2,4	3,0	—	0,0	0,0	1,6	3,6	4,4	8,5	12,2	12,4	0,3	0,5	0,3
5) Травы	1,3	0,2	1,9	1,1	1,2	0,3	0,8	0,2	0,2	0,3	0,1	0,0	0,3	0,2	0,3
6) Табак	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,4	0,2	0,0	0,03	0,1	0,2	0,0	0,0	0,0

Резкое снижение всех специальных товарных культур очевидно в период военного коммунизма. Это снижение, как видим, едва-едва изжито, кроме подсолнечника, перешедшего довоенный уровень, конопли в восточной части района, также пошедшей дальше довоенного, и сахарной свекловицы, процент которой возрос сравнительно с довоенным уровнем на крестьянских полях, как известно, с успехом заменяющих бывшие помещичьи свекловичные посевы. Картофель же еще ждет восстановления своей фабричной переработки и, кроме того, сбыта в свежем виде и переработки под корм свиней, кои, как увидим ниже, еще не дошли до довоенной численности.

Обращаемся к скотоводству за более раннее время в сопоставлении его с военным и послереволюционным временем для района на 100 дес. посева:

¹⁾ Во всей таблице имеются в виду крест. посевы, как и в аналогичных таблицах в прочих районах.

в военно-коммунистический период произошло резкое свертывание всех животных, в особенности отраслей с товарным назначением, как и всюду в Союзе. Но в период напа пошло быстрое восстановление. Относительные размеры кр. рог. скотоводства дошли до дореволюц. размеров, свиноводства к 1924 г. тоже, но неурожай свернул его к 1925 г. Неудовлетворительнее дело с коневодством, но доля молодняка конского сравнялась с довоенным. По губернские отличия в динамике 1916—1925 г. видны из таблицы (см. след. стр.).

Из цифр видно, что крупно-рогатое скотоводство по всем губерниям района увеличилось по числу коров против довоенного, равно как выросло и число свиней; очевидно, лишь временно в год неурожая 1924 г. несколько сократились коровы и значительно—свиньи; численность же овец продолжала быть меньше довоенной; но особенно недо-восстановленным был рабочий скот, рав-

	Курская губ.			Орловская губ.			Тамбовская губ.			Воронежская губ.			Пензенская губ.		
	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925	1916	1924	1925
1) Коров на 100 д. посева	19,7	24,8	21,7	15,8	19,8	18,9	21,7	20,6	17,9	17,9	24,8	19,6	21,8	21,4	19,3
2) Молодняк на 100 коров	28,7	27,7	21,4	24,1	35,9	20,0	25,4	26,8	16,2	42,7	46,9	35,5	24,4	22,5	15,8
3) Свиней на 100 д. посева	19,8	28,5	10,6	17,9	26,6	8,0	17,8	16,3	2,4	15,0	18,7	5,5	11,4	18,1	4,8
4) " " 100 коров	100,8	114,8	27,8	113,6	133,0	24,8	82,3	79,1	7,5	84,1	75,0	12,5	52,3	89,4	16,0
5) Овец на 100 д. посева	173,1	107,1	94,0	131,1	121,1	112,7	121,2	84,6	68,2	103,2	66,0	51,0	124,7	112,2	96,3
6) Раб. лош. на 100 д. посева	27,8	25,5	19,6	21,1	17,4	16,0	23,7	14,4	12,6	21,4	12,7	9,9	22,8	17,4	14,5
7) Молоди. на 100 лошадей	25,4	25,3	26,0	26,7	26,3	25,6	26,2	22,9	25,7	25,2	26,3	28,2	22,7	17,6	16,5

1) Для хлеба года: 1880—84, 1895, 1909—10.
 2) Последняя цифра за 1909—12 г.
 3) 3-я цифра 1911 г.

	Курская губ.			Орловская губ.			Тамбовская губ.			Воронежская губ.			Пензенская губ.		
	1893—94	1907—9	1912—13	1893—94	1907—09	1912—13	1893—94	1907—09	1912—13	1893—94	1907—09	1912—13	1893—94	1907—09	1912—13
Четыре п. хлеба с мукой ¹⁾ в милл. п.	+ 9,37	+ 19,6	+ 4,02	+ 8,2	+ 11,4	+ 7,25	+ 18,81	+ 45,8	+ 46,10	+ 2,51	+ 11,8	+ 17,79	+ 3,40	+ 9,0	+ 14,02
Картофель в т. п.	+495	+2713	+ 413	+ 37	+779	- 206	+ 95	+927	- 92	+590	+2713	+367	+ 37	+878	+1742
Крахмал в т. п.	+ 25	+ 36	+ 23	+ 31	-141	- 168	+ 41	+127	+ 180	+ 70	+ 355	+ 130	+ 85	+182	+ 236
Сахар в т. п. ²⁾	+411	-	+ 131	+ 26	-	+ 292	+ 39	-	+ 473	+ 41	-	+ 70	-145	-	- 400
Пенька в т. п.	+413	+ 822	+ 880	+1375	+955	+ 88	- 1	+115	+ 116	- 6	+ 7	+ 7	+215	+352	+ 493
Табак ³⁾ в т. п.	- 5	-	+ 24	- 83	-	- 169	+453	-	+1037	+ 42	-	+ 72	- 21	-	- 21
Овощи: лук в т. п.	-140	+ 350	+ 432	- 1	- 10	- 13	+ 15	+ 63	+ 134	-	+ 14	+ 67	+ 50	+185	+ 572
Капуста в т. п.	+ 82	+ 228	+ 180	- 2	+112	- 29	+ 29	+198	+ 362	+ 40	+ 67	+ 195	+ 3	+ 65	+ 55
Яблоки ⁴⁾ в т. п.	+235	+ 700	+ 1	+ 42	+541	+ 35	+ 9	+ 68	- 81	+ 4	- 30	- 37	- 22	-104	- 64
Жмыхи ⁵⁾ в т. п.	+492	+1393	+1422	+ 576	+885	+1286	+511	+899	+1400	+692	+3827	+ 3583	+ 13	+210	+ 331

1) 3-я цифра 1913 г.
 2) Как показатель развития маслобонного производства, перерабатывающего, смотря по частям района, коноплю, подсолнечник.

но как и развитое до войны выращивание конского молодняка не дошло до тогдашнего уровня. Нельзя не обратить внимания на то, что повышение числа коров и местами выращивание мясного молодняка, обязано экономии кормов, происходящей от „беды“ в виде недо-восстановленности рабочего скота. Должно еще отметить, что весь район отличался повышенной численностью птицы. Недовосстановленные размеры птицеводства в районе в 1924 г. превысили все же таковое же в прочих раньше перечисленных районах. Так, на 100 дес. посева приходилось птицы в названном году: в Курск. г. 264 шт., Орл. г. 258 шт., Тамб. г. 194; Ворон. г. 206 шт. и Пенз. г. 169 шт.,—тогда как в прочих названных черноземных районах эта цифра колебалась по губерниям от 80 до 130, не выше.

Более наглядно дореволюционная эволюция сельского хозяйства в районе представляется в цифрах избытков (+) и недостатков (—) по губерниям за 20-летие перед войной по нижеприводимой таблице. Из нее видим, что приостановившийся рост хлебного развития сопровождался одновременно быстрым нарастанием продуктов интенсивного земледелия и животноводства: картофеля и продуктов его переработки, свекловичного сахара, табака, конопли местами продуктов огородничества и садоводства, свиней, птицы и яиц и местами только продуктов молочного скотоводства (см. табл. на 117—118 столбце).

Как явствует из цифр, усиление не-зернового характера товарной продукции выступило совершенно определенно, особенно имея в виду, что рост товарной зерновой продукции приостановился за 10 лет до революции (кроме лишь губернии Воронежской, более сохранившей в южных уездах площади залежей); при чем здесь сохранность этих избытков была обязана, главным образом, посевам помещичьих хозяйств с их бо ее экстенсивным зерновым строем. Аналогичную специализацию отдельных губерний и их частей на той или другой незерновой товарной продукции мы имели и для отраслей животноводства. Это явствует из следу-ющих цифр:

	Курская губерния.		Орловская губ.		Тамбовская губ.		Воронежская губ.		Пензенская губ.	
	1916	1924	1916	1924	1916	1924	1916	1924	1916	1924
Ибы в тыс. пудов	+106	+101	+50	+228	+542	+324	+281	+1021	+39	+421
Пшеница жилая и битая	+191	+118	+19	+22	+222	+202	+91	+291	+9	+12
Свиньи и свиноматки в т. шт.	+231	+14,3	+0,5	+4,7	+65	+95	+4,0	+15,4	+29,0	+11,1
Молочн. прод. Масло	-17,2	-5,6	-1,2	-2,8	+11,5	+14,4	-	-3,3	-	-11,5
Молоко ж. молочн. скоты	-	-5,1	-9,0	-0,3	-5,8	-5,9	-5,8	-5,9	-4,1	-2,3
Мясо (без свиномы)	-3,9	+6,0	-52,5	-51	+92	+2	-31	+54	+4	+63
Крупн. рог. скот в тыс. шт.	+10,2	+14,7	-6,7	-9,7	-1,3	-8,9	+29,2	+57,8	+1,9	+2,0

Из таблицы видно, что продукты интенсивных отраслей животноводства быстро возрастали (кроме молочных, что свидетельствует, что нарастание молочного скота стояло в связи с умножением числа хозяйств); из товарных отраслей для живой и битой птицы с 1900 г. прирост избытков приостановился при быстром росте яичной продукции. Что касается мясной продукции рогатого скотоводства, то оно, как видим, кроме Ворон. г., еще не изжившей остатков таковой в связи с остатками залежей, и Курской, расширявшей кормовые отбросы от переработки свеклы, везде приостановилось в росте, особенно если сравнить его с более многоземельным экстенсивным районом черноземной полосы (VI, VII). Что касается, далее, овцеводства, то избытки шерсти и мяса овец не выходили из ничтожных размеров и роста не обнаруживали, кроме единственной Ворон. г., где избытки шерсти еще не сменились дефицитом, но они уже резко падали (соответствующие цифры в тыс. пуд. в те же годы: +46, +42, +4 т. п.).

Отмечая предвоенный прогрессивный сдвиг крестьянского сельского хозяйства по линии специальной товарной продукции, необходимо также помнить, что этот прогресс с. хозяйства не был достаточен для покрытия нужд росшего населения. Район был резко перенаселен. Он отпущал повсюду массу рабочей силы и имел самую низкую цену на рабочие руки. Прирост с.-х продукции и товарности был несомненным в прошлом, но вместе с тем размер его не был достаточен для покрытия потребности быстро росшего населения. В предстоящем будущем данный район, больше, чем остальные до сих пор рассмотренные, предполагает расширение выгодного рыночного сбыта незерновых продуктов не только до довоенных размеров, но и значительно выше, чтобы теперешнее расширение и интенсификация с. х.—ва дошла не до уровня довоенного, охарактеризованного, как „оскудение“, а прошло бы по специальным товарным отраслям с. х.—ва значительно дальше дореволюционного. В связи с этим все желательные типы организации и направления эволюции их в ближайшем будущем пред-

ставляются на фоне перехода к плодосменному типу сельского хозяйства. Это означает сокращение площади пашей вместе с уменьшением роли пашебы скота на полях и, следов., введение и расширение продукции зеленого корма; далее—расширение доли пропапных разных по отдельным частям района культур до размеров целого клина многопольного (4—5—6 польного) севооборота с включением в севооборот (или в хозяйство) раньше названных разных по отдельным местам специальных культур и соответствующих отраслей интензивного животноводства: свиноводства, местами молочно-масляного скотоводства, но в особенности личного и скороспелого мясного птицеводства. Эти варианты специально рыночной продукции, в рамках переходного-плодосменного типа, должны приурочиваться к пунктам переработки и сбыта соответствующих сельско-хозяйственных продуктов. Под последним надо подразумевать следующее: более гущенные, чем при помещичьем хозяйстве, сахарные заводы, картофельно-крахмальные и картофельно-винокуренные (первые больше в южной половине, вторые—в северной половине района); затем свинохладобойни, копильни, содильни, базисные мелкие склады-холодильники для яиц, битой птицы, местами маслодельческие заводы. Далее, пенько- и конопле-обрабатывающие механизированные пункты, табачно-мажорочные фабрики, маслобойные заводы, в частях же района, где имелась плодовая и огородная продукция, улучшенные пункты хранения, а также технической переработки—неликвидной на рынке части продуктов плод-ва.

Рядом с этим, в более многоземельных пунктах, для более зажиточных крестьян останется промышленное коневодство—разведение улучшенных лошадей, как это было и раньше, а для некоторых уездов Курской, частью Орловской, Тульской и Рязанской губ., как сказано, промышленное плодоводство и ягодоводство и огородничество.

Район X—самый интенсивный в Союзе. Это есть переходно-плодосменный на основе свекольной и картофельной, местами табачной и конопляной куль-

тур, с большим объемом молочного хозяйства, хотя и потребительского преимущественно скотоводства, рыночного свиноводства и птицеводства. Еще в большей мере и более рано, чем предыдущий район, он приостановил расширение посевов за счет распашки непахотных угодий, но увеличивал их за счет сокращения паров; раньше и сильнее повысил долю незерновых посевов и увеличил плотность коров, свиней и птиц, и вместе с тем имел сильно выраженные избытки соответственных с.-х. продуктов от интенсивных культур и таких же животноводственных отраслей. Движение посевной площади было таково (в тыс. дес.):

из них с избытком. Теперь дело за улучшением условий сбыта и реализации остальных продуктов интенсивных отраслей земледелия, чтобы прогрессивная эволюция с. х.—ва шла быстрее в соответствии с ростом сумм потребностей населения, потребностей общественного капиталонакопления. В этом районе, еще больше чем в предыдущем, по отдельным уездам имела место рыночная культура овощей.

Что касается животноводства в послевоенный период, то размеры и строй его видны из следующего (см. табл. на 126 стлб.):

Сильно пострадавший от мировой и гражданской войны район не вездю еще

	В старых границах.			В новых границах.				
	1887	1913	1916	1916	1921	1923	1924	1925 ¹⁾
Киевская губ.	1700	1969	1941	2274	2194	2077	2226	2141
Подольская губ.	1590	1992	1676	1596	1481	1726	1805	1825
Волинская губ. ²⁾	ок. 800	813	829	906	876	868	965	1062
Черниговская губ.	1530	1537	1417	1099	1080	971	1100	1111
Харьковская губ.	1890	2279	1966	1522	1434	1559	1694	1693
Полтавская губ. ³⁾	1950	2263	2143	2265	2155	2596	2684	2775
Всего	9460	10858	9970	9662	9220	9760	10495	10505

Убыль процента зерновых культур во всех губерниях выразилась в следующих цифрах.

восстановил свое молочное скотоводство по расчету на площадь; не восстановил также рабочих лошадей,

	В старых границах.			В новых границах.				
	1911—5	1906—10	1913	1916	1921	1923	1924	1925
Процент зерновых хлебов	90,3	90,1	89,6	88,7	89,3	82,1	78,3	77,0

Послевоенное движение незерновых интенсивных культур представлено в следующих цифрах (по целым губерниям в старых границах) (см. табл. на 125 стлб.).

Цифры показывают, что, при благоприятных условиях реализации продуктов интенсивных культур, район после революции и военного периода восстановил эти культуры, и многие

но значительно расширил выращивание конского молодняка. Овцеводство в связи с неудовлетворенной нуждой в мануфактуре дает значительное уплотнение. Для района это есть положительное явление, поскольку овца препятствует более полному и быстрому изживанию принудительного севооборота и общей пастбы и, след., сокращению чистых (здесь пастбищ-

¹⁾ 1925 год в виду нового административного деления Украины сравним с предыдущим по абсолютным цифрам лишь в итоге и приблизительно.

²⁾ В размере и границах губернии 1916 г.

³⁾ Полтавская и Харьковская г. относятся к району лишь в северной их части (ср. карту).

	Киевская губ.		Полтавская губ.		Волынская губ.		Черниговская губ.		Харьковская губ.		Полтавская губ.	
	1916	1924	1916	1924	1916	1924	1916	1924	1916	1924	1916	1924
Свеклева.	2,3 ¹⁾	1,9	3,6	0,87	1,4	3,0	0,0	0,4	0,6	1,3	0,3	0,5
Картофель	6,5	7,9	9,7	4,5	6,1	6,2	5,3	7,2	8,0	9,4	5,2	9,4
Колоколь	0,2	0,8	1,0	0,2	0,8	0,9	0,0	1,4	1,2	1,8	0,7	0,9
Трава . . .	1,4	0,7	0,3	3,3	0,3	4,1	1,0	1,6	0,8	2,5	4,3	0,8
Табак . . .	—	0,0	—	—	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,2
Позолоченн.	0,1	0,6	0,5	0,1	0,6	0,5	0,0	0,6	0,0	0,1	0,1	0,3
Овощи (в базах)	0,0	3,5	3,4	0,0	3,1	2,6	—	—	2,5	0,0	7,4	2,1

¹⁾ В 1925 г. по Украине погубернские средние выведены как средние взвешенные для округов, образованных из этих губерний.

²⁾ Во всех х-вах сах. свеклы было в 1916 г. в % к посеву всех же хозяйств в Киевской—7,1%, в Подольской—4,6%, Волынской—1,5% (в старых границах), Харьковск.—2,9%, Черниг.—1,0% (в стар. границах губернии), Полтав.—1,8%.

	Киевская губ.		Полтавская губ.		Волынская губ.		Черниговская губ.		Харьковская губ.		Полтавская губ.	
	1916	1924	1916	1924	1916	1924	1916	1924	1916	1924	1916	1924
1) Коров на 100 ¹⁾ дес. посева	29,8	27,7	24,2	31,0	23,6	21,0	16,1	35,4	36,6	30,2	32,8	30,3
2) Молозн. на 100 коров . . .	39,8	34,8	28,1	33,2	19,9	29,7	39,4	32,9	36,8	31,6	30,5	30,7
3) Свиной на 100 дес. посева	35,3	37,7	30,9	36,9	27,5	19,9	54,6	45,1	47,8	61,9	62,6	49,7
4) Свиней на 100 коров . . .	315,0	336,0	327,7	315,0	112,3	94,9	103,0	177,3	130,5	205,6	190,9	123,7
5) Овцн на 100 дес. посева . . .	45,6	46,5	25,8	45,9	35,1	53,0	26,9	45,8	55,4	156,7	135,2	176,1
6) Раб. лош. на 100 дес. посева	35,1	24,2	19,7	31,0	21,0	18,7	44,2	31,1	30,2	34,5	35,1	31,9
6а) Вязей на 100 дес. посева	3,0	4,1	3,5	4,7	4,5	2,9	2,3	4,0	3,7	2,4	2,3	1,9
7) Молозн. на 100 пшшарей . . .	6,0	14,1	15,0	8,6	16,1	19,0	6,9	18,9	18,3	12,3	20,4	22,1

¹⁾ См. примеч. к пред. таблице о % интенсивных культур.

ных) паров. Свиноводство в количественном отношении (по плотности) доходило до довоенного уровня уже во многих местах, но далеко еще не везде, а перед ним задача переагнуть этот уровень. Не выяснен вопрос о качественной стороне свиноводства, которая тут играет исключительно важную роль.

Получив заметную долю помещичьих земель, крестьянское хозяйство в районе получило возможность увеличить свою товарную продукцию и, несомненно, будет в состоянии сделать это, освободивши при том же рабочей силу от погружения ее в помещичьи имения, для которых отчасти она была в сущности батраками с наделом.

Лицо района, как и других, рельефно вырисовывается в динамике товарных избытков с.-х. продуктов (см. табл. на 129—130 стлб.).

Из обзора данной таблицы легко видеть, что район специализировался в наибольшей мере в продукции сахара (при чем подавляющая роль здесь принадлежала раньше помещичьим хозяйствам, свекла коих теперь замещается быстро крестьянами) при почти приостановившемся росте производства зерна для вывоза. Также росла товарная продукция по отдельным местам некоторых из упомянутых интенсивных культур: табака (Черниг. и Полт. г.), пеньки (Черниг. г.), плодов (Подол. и нек. друг.) и затем масличных семян и их переработки: в Черн. г. и отчасти Полт. г.—конопли; и подсолнечника в Харьковской г.

Что касается продуктов животноводства, то здесь имеем аналогию с предыдущим районом по составу товарной животноводственной продукции и тенденциям ее развития. На первое место должны быть поставлены яйца, затем свинина, частью птица, выше несколько мясо рог. скота и сам рог. скот, что объясняется (при большой земельной стесненности и мелкости хозяйств.) именно наличием кормовых отбросов технической переработки свеклы и частью картофеля. Цифры будут таковы (см. табл. на 128-м столбце).

Не повторяя содержания таблицы, укажем только, что недоразвитость мясного и молочного скотоводства настолько велика, что внутригубернский

	Харьковская губ.		Подольская губ.		Валуйский губ.		Чернигов. губ.		Харьков. губ.		Полтав. губ.					
	1916	1924	1916	1924	1916	1924	1916	1924	1916	1924	1916	1924	1925			
Яйца в тыс. луб.	+ 061	+ 654	+ 382	+ 992	+ 302	+ 178	+ 442	+ 40	+ 77	+ 166	+ 130	+ 431	+ 623	+ 167	+ 276	+ 300
Птица млн. и бфт.	+ 9	+ 108	+ 6	+ 44	+ 127	+ 92	+ 82	- 42	+ 379	- 68	+ 50	+ 48	+ 54	+ 49	+ 115	+ 88
Свиней и свиной в т. шт.	+ 5	- 25	+ 16	+ 28	+ 30	+ 41	+ 51	+ 15	+ 7	+ 18,5	+ 0,3	- 2	- 2	+ 7,0	+ 83	+ 185
Молочки, прож.: масло	- 4	- 76	- 147	- 1	- 8	+ 108	+ 9	+ 15	-	- 15	- 7	- 49	- 62	-	- 4	- 17
Молока и молоч. скоты	- 37	- 23	- 186	-	+ 38	- 13	+ 2	+ 2	- 3	+ 29	- 36	- 30	- 76	- 3	- 2	+ 76
Мясо (без шпикера)	+ 6	+ 206	+ 29	+ 91	+ 180	+ 137	+ 186	+ 26	+ 147	+ 279	+ 35	+ 110	+ 109	+ 10	+ 51	+ 59
Кр. рог. скот в т. шт.	+ 29	+ 32	+ 44	+ 19	+ 31	+ 29	+ 35	+ 24	+ 33	+ 32	+ 18	+ 48	+ 37	+ 28	+ 53	+ 49

) Рост внутригубернского рыночн. потреб.

	Киевская губ.			Подольская губ.			Волынская губ.		
	1893—4	1907—9	1912—13	1893—4	1907—9	1912—13	1893—4	1907—9	1912—13
1) 4 гл. хл. с мук. в м. пуд ¹⁾	+ 9,12	—	+ 9,55	+ 11,57	—	+ 11,93	+ 2,75	—	+ 7,15
2) Картофель т. п.	+ 325	+1469	+ 449	+ 377	+3333	+ 910	+ 110	+ 33	— 45
3) Крахмал т. п.	— 45	— 55	— 71	— 8	+ 37	+ 9	— 1	+ 34	+ 13
4) Сахар т. п. ²⁾	+6685	—	+23321	+5670	—	+16932	+ 714	—	+3167
5) Пенька т. п.	+ 9	— 10	— 10	+ 122	+ 14	+ 68	+ 204	— 15	+ 242
6) Табак т. п. ³⁾	— 123	—	— 141	— 92	—	— 65,4	— 7	—	— 69
7) Овощи: лук т. п.	+ 16	+ 12	— 181	— 35	+ 39	— 60	— 2	+ 77	+ 13
8) „ капуста т. п.	+ 6	+ 35	+ 96	+ 4	+ 30	+ 27	— 9	+ 4	— 6
9) Яблоки т. п. ⁴⁾	— 50	— 377	— 395	+ 154	+ 459	+ 439	— 7	+ 18	— 21
10) Жмыхи т. п.	+ 160	+ 595	+ 616	+ 26	— 118	+ (384)	+ 159	+ 677	+ (47)
	Черниговская губ.			Харьковская губ.			Полтавская губ.		
1) 4 гл. хл. с мук. в м. пуд. ¹⁾	+ 7,49	—	+ 2,02	+ 3,03	—	+ 21,68	+ 7,36	—	+ 32,61
2) Картофель т. п.	+ 9	+1092	+ 674	+ 636	—1340	+ 685	+ 41	+ 441	+ 117
3) Крахмал т. п.	— 2	+ 14	— 4	— 7	+ 28	— 37	+ 8	+ 34	+ 48
4) Сахар т. п. ²⁾	+ 209	—	+ 3295	+3089	—	+ 9460	— 240	—	+ 1905
5) Пенька т. п.	+ 638	+ 678	+ 100	— 28	— 217	— 144	— 0,3	+ 57	+ 103
6) Табак т. п. ³⁾	+1572	—	+ 1681	— 55	—	— 142	+ 673	—	+1173
7) Овощи: лук т. п.	+ 102	+ 47	+ 235	+ 1	— 19	— 19	— 1	— 13	— 35
8) „ капуста т. п.	+ 4	+ 45	+ 5	— 20	+ 136	+ 5	—	+ 27	+ 27
9) Яблоки т. п. ⁴⁾	+ 62	+ 255	+ 6	— 69	— 342	— 294	— 45	— 189	— 144
10) Жмыхи т. п.	+ 480	+ 854	+ 1069	+ 42	+ 313	+ 466	+ 486	+ 728	+ 490

¹⁾ Первая цифра за 1880—4 г., вторая за 1909—10 г.

²⁾ Годы 1893—4 и 1909—12 г.

³⁾ Вторая цифра за 1911 г.

⁴⁾ Третья цифра за 1913 г.

рынок не покрывается своими продуктами, и при наличии таких больших городских центров, как Киев и Харьков, видим рост дефицита. То же самое для Киевской г. отмечается по свиноводству.

Подобно предыдущему району тенденции эволюции с.-х. производства и его товарной части позволяют устанавливать и дальнейшие возможно желательные перемены в строе с.-х. производства. Тут так же, как и в предыдущем районе, мы должны говорить о переходо-плодосменном сельском хозяйстве с теми чертами, как и в предыдущем районе, с той разницей, что меньшая земельная обеспеченность в среднем чаще создает потребность в развитии, особенно трудо-интенсивных и доходных с единицы площади культур, как табак, огородничество, садоводство и производство семян интенсивных культур. Здесь есть районы, где даже сахарная свекловица является недостаточно трудоемкой. Основными типами индустриально плодосменного типа хозяйства будут на первом месте по распространности свеклосахарный, далее местами табачный, местами садовый или огородный, иногда конопля, почти повсеместно разведение улучшенных свиней на сбыт, а также птицы и яиц с соответствующими техническими торговыми и производственными установками, кои были упомянуты для предыдущего района. Несмотря на дефицит молочных продуктов, можно ожидать прогрессивного развития молочной продукции на базе расширения кормов и рационализации кормления и общего содержания коров, но при более совершенном и тесном увязывании рыночного направления скотоводства с рыночным сбытом, при чем таковым является в местах более удаленных от непосредственного массового потребления молока—переработка молока в течение года или лишь летнего периода, когда молоко дешево: заводы маслодельческие, а в последнее время в сыроваренных заводах (на скороспелых сырах).

Дополним сказанное тем, что при грядущем, еще более интенсивном типе хозяйства, чем было до революции, этот район, как и предыдущий, в большин-

стве случаев предполагает более совершенную организацию территории с устранением дальнего поля, многополосицы, принудительного севооборота и общей пастьбы скота, а для мало-земельных селений и местностей сведение пашни к одному куску, отрубку, т.-е. к переводу малоземельного крестьянства к поселково-отрубной форме организации территории сельского хозяйства. Сокращение паров, зеленых посевной корм летом, сочные корма зимой, распространение и усиление удобрения на всю пашню; рационализация техники товарных отраслей земледелия и животноводства.

Делая быстрый обзор направления и темпа эволюции сельского хозяйства по районам, мы видим, что выше установленное пространственное изменение типов организации в общем повторяется с хронологическим изменением их во времени. Но тут, конечно, имеется и модификация, обусловленная мало-изменяемыми особенностями природы и истории хозяйственной деятельности в отдельных районах. В общем же можно сказать, что большая интенсивность сельского хозяйства и проникновение в него, взамен господствующей зерновой продукции, трудоемких культур и интенсивных отраслей животноводства говорит о большой давности с.-х. эволюции. Не имея с.-х. ценов и с.-х. переписи за более длительный период, мы могли бы убедиться в этом лишь на отдельных незерновых культурах, устанавливая начальный срок и темп их эволюции.

Этот вопрос динамики с.-х. районов, как и ряд других, выходит за рамки статьи.

Литература. (1) Длиннович, «О районировании», 1925; (2) А. Чапанов, «Номаграф. элементы экономии. географии», 1921; (3) Длиннович, «К методологии районирования», 1921; (4) Студенский, «Очерки с.-х. экономии», 1925; (5) А. Челынцева, «С.-х. районы, как стадии с.-х. эволюции», 1910; (6) Его же, «Состояние и развитие русск. сельск. хоз.», 1918; (7) Давидович, «О системе признаков в с.-х. районир.», («Вестн. Стат.», XXIII), 1925; (8) Брук, «Производств. районы Воронежск. г.», 1922; (9) Его же, «С.-х. районы ЦЧО» («Матер. по районир. ЦЧО»), 1925; (10) Е. Челынцева, «С.-х. районы ЦПО», 1925 (рукоп.); (11) Черныбровцев, «С.-х. районы Владим. г.», 1925 (ч. 1 и 2); (12) А. Челынцева, «С.-х. районы, выделенные по признакам организации с. х ва» (Тр. В.-Эк. об ва), 1912; (13) «Сборн. стат. экон. матер. по организ. с. х ва Украины и смежных губ.», под ред. А. Челынцева, 1922; (14) Г. Чубаков, «С.-х. районы Ав. России» (в сборн. «Природа и Хоз. России»), 1923; (15) И Макарова, «Крестьянск. хоз. и его эволюция», 1920; «С. х. во

России в XX в." (ст. сборн. под ред. Н. Огановского), 1923; (14) „Перспект. план развития с. х.-ва" („Мероприятия и затраты по ним по районам"), НКЗ РСФСР, 1926; (15) „Население, посевы, скот, птица, с.-х. инвентарь в 1923 и 1924 гг." (Изд. ЦСУ, 1926); (16) Ряд изданий ЦСУ (и УЦСУ): „Народное х.-во СССР в цифрах", 1925 и др.; ряд изд. Губ. Ст. Бюро и отделы. авторов по разн. губерн. по с.-х. району рованию.

[Нонпарельные цифры в скобках (1), (2) и т. д. в тексте статьи обозначают ссылки на перечисленные в библиографии труды].

А. Челушцев.

VI. Промышленность и торговля СССР

1. *Характер торгово-промышленной системы.* Тесная связь, существующая между торгово-промышленной жизнью страны и ее торгово-промышленной политикой, выступает в эпохи революционные („критические", по выражению Сен-Симона) гораздо сильнее и ярче, чем в эпохи мирные („органические"). Меры экономической политики, насильственно проводимые революционной властью, глубоко затрагивают весь народно-хозяйственный организм и в первую очередь сказываются на наиболее чувствительном секторе народного хозяйства—промышленности и торговле. Это обстоятельство подтверждается историей всех пережитых доселе революций, начиная от великой английской и кончая германо-австрийской. Но в особенности выступает оно в истории советской революции, которая одну из своих главных задач видела в уничтожении установившихся в промышленности и торговле капиталистических отношений и в насаждении новых—социалистических—форм хозяйства, прежде всего в области промышленности. Усилиями революционной власти вся крупная промышленность и очень значительная часть торговли сосредоточены в руках государства; вся система частного хозяйства находится в непосредственной зависимости от государственного хозяйства. Мероприятия государственной власти оказывают величайшее влияние на жизнь и существование всего промышленного и торгового аппарата. Различные периоды в развитии советской промышленности совершенно точно отражают такие же периоды в развитии торгово-промышленной политики советской власти. Две основных эпохи, на которые делится восьмилет-

няя история советского хозяйства, глубоко отличаются друг от друга одновременно и по составу производительных сил и по конкретному направлению экономической политики. Первая из них—эпоха военного коммунизма—характеризуется прогрессирующим разрушением производительных сил и упадком промышленного хозяйства, вторая—эпоха новой экономической политики—характеризуется почти столь же быстрым восстановлением хозяйства и возрождением промышленности и торговли. В первую эпоху над народным хозяйством тяготеют ближайшие последствия мировой войны, гражданских боев и блокады. Вторая развивается в более спокойной обстановке хозяйственного строительства: враждебное буржуазно-капиталистическое окружение в эту эпоху еще сохраняет силу, но выпады его становятся менее острыми, замкнутость кольца слабеет настолько, что восстанавливаются многие мирные хозяйственные связи, растет внешняя торговля и концессионная система. Исходные политические принципы, основная социально-политическая устремленность остаются без изменения, но в своих конкретных проявлениях и внешних формах промышленная политика в обе эти эпохи носит глубоко отличный характер. Национализация крупной промышленности, земли, транспорта, монополия внешней торговли, государственное регулирование процесса распределения, тесная связь с профсоюзами и пр. характерны для обоих периодов. Но в первую эпоху—военного коммунизма—промышленная политика идет по пути безграничной централизации хозяйственной деятельности, уничтожая всякую частно-хозяйственную инициативу, рыночные связи и денежное обращение. Исходным является стремление к непосредственной организации хозяйственных отношений на социалистических основаниях „без предвзятости периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической" (Ленин), при чем сопротивление мелко-буржуазной стихии подавляется методами гражданской войны. Вторая эпоха—новой экономической

политики—отводит значительное место частно хозяйственным отношениям, восстанавливает товарный рынок и денежное обращение, и в известных пределах оставляет частное промышленное хозяйство, и само государственное хозяйство строится на принципах децентрализации, хозяйственного и коммерческого расчета; извлечение прибыли,—не в капиталистическом смысле этого слова,—играет при этом существенную роль. Выработывается представление о более или менее длительной переходной эпохе, в продолжение которой начала социалистические сосуществуют с капиталистическими принципами хозяйства. Создается стройная система, при которой в центре стоит социализованная промышленность, и новые социалистические формы стремятся одолеть отживающие капиталистические мерами экономического превосходства.

Впрочем, было бы слишком одно-сторонне рассматривать развитие советской промышленности и торговли исключительно под углом зрения влияний экономической политики. Еще больше обратное воздействие, которое оказывало на направление торгово-промышленной политики объективное развитие промышленности и торговли. Самая смена различных направлений экономической политики складывалась под непосредственным влиянием состояния производительных сил. Развитие промышленности и торговли находилось в непосредственной зависимости от целого ряда объективных факторов как внутреннего, так и международного характера. Разрушительные процессы, которыми отмечены первые годы советского режима в области промышленности, получили свое начало еще в эпоху мировой войны и в той или иной степени сказались также в экономике всех капиталистических стран, в особенности тех, которые принимали непосредственное участие в империалистической войне. Сокращение производства, падение производительности труда, вздорожание издержек производства, ухудшение качества продукции и т. п.—все это представляет собой интернациональные явления, которые даже и сейчас

не изжиты полностью в огромном большинстве стран Европы. Политика военного коммунизма была вызвана к жизни прежде всего условиями гражданской войны.

Основные черты советской промышленной политики, резко и принципиально отличающие ее от промышленной экономики буржуазно-капиталистических стран, заключается в национализации орудий труда и средств производства и в эксплуатации их по принципам „переходного периода“ от капитализма к социализму. Почти все крупные фабрики и заводы, недра земли, лесные и волные богатства составляют собственность государства в лице его центральных или местных органов. Ст. 54 гражданского кодекса РСФСР устанавливает, что „предметом частной собственности могут быть предприятия промышленные, имеющие наемных рабочих в количестве, не превышающем предусмотренного особыми законами“. Существующая практика признает такими предприятия, в которых занято не более 20 человек рабочих. Все предприятия, насчитывающие более 20 человек рабочих, „могут быть предметом частной собственности не иначе, как на основании концессии, испрашиваемой у правительства“ (ст. 55). Ст. 22 гражданского кодекса изымлет из гражданского оборота имущество национализированных предприятий. Эта юридическая норма полностью проводится в жизнь. По переписи, произведенной ЦСУ в марте 1923 года, на долю частной промышленности приходилось всего 11,2% рабочих и только 6,8% стоимости продукции. Почти все частные промышленные заведения представляют собой мелкие и мельчайшие предприятия. В то время, когда на одно государственное предприятие приходится в среднем 155 рабочих, а на одно кооперативное предприятие 15, среднее количество лиц, занятых в одном частном предприятии, составляет всего 2 человека. По данным ЦСУ во втором квартале 1924 г. насчитывалось 300 действующих частных ценовых предприятий, т. е. предприятий, насчитывающих не менее 16 рабочих и принадлежащих частным лицам на

правах собственности. В этих предприятиях были заняты 5.594 человека (по одной РСФСР), и стоимость валовой продукции составляла в червонных рублях 5,5 млн. рублей, при количестве рабочих государственной промышленности в 1½ миллиона и ценности производства в несколько миллиардов.

В таких размерах и на таких основаниях обобществление орудий труда и средств производства капиталистической промышленности никогда не производилось. В сравнении с советской национализацией все опыты, производившиеся на Западе в период революционного движения 1918—19 гг., представляют собой робкие и скромные попытки, к тому же окончившиеся полной неудачей. Разная судьба национализации промышленности в Советском Союзе и в западных странах объясняется, конечно, различием политических судеб революции здесь и там, и в не малой степени связана с различием тактики рабочих партий. Социалистические партии Германии и Австрии видели в военной разрухе сильнейшее препятствие к национализации промышленности. Они считали, что в тяжелых условиях послевоенного разгрома рабочий класс не справится с задачей развития производительных сил, и национализация, обострив гражданскую войну, еще более подорвет хозяйство страны, усилит общую бедность. Они, по выражению Отто Гуэ, не желали превращаться в конкурсное управление по делам обанкротившегося капитализма и выставляли программы частичного обобществления отдельных наиболее зрелых отраслей. Совершенно иначе рассуждала победившая революционная партия России. Она видела в национализации главное средство приостановить дальнейшую разруху и обеспечить интересы рабочих и крестьян, более всего страдающих от катастрофического разложения хозяйства. Именно так оценивал национализацию средств производства VI съезд Р.С.Д.Р.П. (большевиков), состоявшийся в Петербурге в 1917 году. Съезд видел „единственный выход из критического положения в ликвидации войны и национа-

лизации производства не для войны, а для всего разрушенного ею, не в интересах кучки финансовых олигархов, а в интересах рабочих и беднейших крестьян“. Однако, сознавая, что „такое урегулирование производства в России может быть проведено лишь организацией, находящейся в руках пролетариев и полупролетариев“, съезд для данного момента—до захвата власти революционным пролетариатом—намечал лишь сравнительно ограниченную программу национализации, уживающуюся с сохранением самых основ капиталистического общества. Съезд высказался за „вмешательство в область производства в целях планомерного регулирования производства и распределения, за национализацию и централизацию банковского дела“. Что касается национализации промышленности, то имелась в виду национализация ряда синдицированных предприятий (напр., нефтяных, сахарных, каменноугольных, металлургических, а также транспортных). Однако, в то время, как на Западе торжество буржуазной реакции превратило требование „частичной социализации“ „наиболее зрелых“ отраслей, выдвигавшееся еще во время войны, в пустой звук, в СССР победа Октябрьской революции значительно раздвинула первоначальные рамки частичной национализации и привела к коренному перевороту в промышленных отношениях. Существует неустраимая разница между „военным социализмом“, допускавшим монополизацию отдельных частей хозяйства, и между советской хозяйственной системой. Эта разница заключается не только в том, что „военный социализм“ проводился в интересах империалиста руками буржуазного государства, а советское хозяйство строится руками рабочих и крестьян в борьбе с буржуазией, но и в том, что, во-первых, монополии военного периода не шли далее монополизации функций распределения, советская же система перестраивает и отношения производства; во-вторых, в том, что национализация военного периода и социализация послевоенного оставляла орудия труда и средства производства в руках буржуазии, советская же си-

стема пердала их в руки революционного государства; в-третьих, в том, что советская система охватила все без исключения крупные отрасли народного хозяйства. Принципы советской системы, по которым эксплуатируются национализированные орудия и средства производства, сводятся в основном к следующему: 1) сохраняются рыночные отношения, и продукты носят характер товаров; 2) рабочая сила привлекается в производство по найму; 3) допускается конкуренция частного хозяйства с государственной промышленностью, монополии являются небольшим исключением; 4) основная часть государственной промышленности организована в тресты, действующие, по выражению закона, на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли; 5) вся сфера промышленности и торговой деятельности как государственной, так и кооперативной и частной регулируется государственной властью, при чем одинаково применяются экономические и административные методы регулирования; 6) вся внешняя торговля монополизирована в руках государства.

Советская национализация до известной степени унаследовала регулирующий аппарат старого государства в виде разного рода продорганов, топливных организаций, военно-снабженческих хозяйств и т. п. Но если советская система сложилась в новую грандиозную организацию хозяйственных отношений, то не в силу указанного преюбия по отношению к дореволюционным регулирующим органам, но благодаря условиям развившейся гражданской войны, начало которой было заложено еще в рабочем движении 1917 года. Уже в период Февральской революции в рабочем движении приобрел широкую популярность лозунг „рабочего контроля“, который при своем дальнейшем развитии мог превратиться только в социализацию. Чем больше разрушалось хозяйство, чем беспомощнее были отдельные предприятия в водовороте стихийной демобилизации и невиданного кризиса снабжения; чем резче было противоречие между нараставшими требова-

ниями рабочих и падавшими ресурсами промышленности, чем настойчивее уклонялись предприниматели от выполнения обязательств, взятых перед рабочими, тем настойчивее добивались рабочие непосредственного вмешательства в дело руководства предприятием. Рабочий контроль означал более или менее полное отрицание самовласти предпринимателей и их права неограниченно распоряжаться средствами производства. Но от рабочего контроля до полного захвата предприятия был один только шаг. Неподатливые владельцы изгонялись или насильственно устранялись, и заводские комитеты делались единственными распорядителями всего заводского имущества. С другой стороны, предприниматели, вынужденные во всем отчитываться перед заводскими комитетами и не смевшие распорядиться все сокращавшимися запасами сырья и топлива, и сами бросали свой предприятия, спасая жизнь и уцелевшие ценности. В особенности выяснилось бессилие предпринимателей продолжать работу в старом капиталистическом направлении, когда оборваны были привычные нити финансирования, когда национализированы были банки, прерваны сношения с заграницей, и единственным финансирующим центром сделался печатный станок государственного казначейства. Социализация тогда разлилась широкой волной, захватив почти всю крупную промышленность. Но при стихийной социализации интересы отдельных групп рабочих не раз приходили в столкновение с интересами рабочего класса и народного хозяйства в целом. Как то было и в советской Венгрии, революционная власть одним из первых своих актов должна была избрать общегосударственное регулирование процесса ликвидации капиталистических отношений. Постановлением 16 февраля 1918 г. ВСНХ запретил самовольную конфискацию предприятий, оставив это право только за ВСНХ и СНК. Но прошло еще около полугодия, прежде чем национализация приняла более планомерное течение. В 1918 г. огромная часть конфискаций производилась с чисто карательными целями и при-

менялась ко всем тем предприятиям, которые уклонялись от рабочего контроля, не удовлетворяли рабочих заработной платой, не выполняли военных заказов и т. п. Именно так были национализированы крупнейшие уральские предприятия (Богословские, Симские, Кыштымские предприятия), Русско-бельгийское Общество каменноугольных копей, Путиловский, Невский, Сестрорецкий заводы, Общество электрического освещения 1886 г. и т. д. Огромную роль играли при этом чисто политические задачи революционного движения. Владельцы предприятий являлись враждебным классовым элементом, разбить который было необходимо, чтобы не дать ему использовать материальные ресурсы для поддержки контр-революции.

„Каждая фабрика, каждый банк, каждая контора, лавка, приемная адвоката, говорил Л. Д. Троцкий на 4-м конгрессе Коминтерна, были крепостью против нас. Они давали воинствующей контр-революции материальную базу и органическую связь. Нужно было разгромить врага, отнять у него источники питания независимо от того, в какой мере поспевала за этим организационная хозяйственная работа. Гололовная экспроприация не только крупной и средней, но и мелкой буржуазии города и деревни была мерой не экономической целесообразности, а политической необходимости“.

Национализация промышленности была проведена не сразу. Первые акты национализации относились к торговому флоту (26 января 1918 г.), к банкам (14 февраля 1918 г.), к внешней торговле (22 апреля 1918 г.). Только 2 мая 1918 г. была национализирована сахарная промышленность, в июне — „Сормово“, „Коломна“, 20-го июня — нефтяная промышленность. Промышленные предприятия оставались в руках заводских комитетов, которые делили власть с профсоюзами и комиссарами правительства. Еще в июне 1918 г. велись переговоры с компанией финансистов во главе с бывшим директором Мещерским об организации смешанного металлургического треста с участием государственного и частного капитала. Наконец, только 28 июня

1918 г. декретом СНК были подвергнуты национализации крупнейшие предприятия горной, металлургической, металлической, текстильной, электротехнической, деревообрабатывающей, табачной, стекольной, керамической, кожаной, цементной и прочих отраслей промышленности, паровые мельницы, предприятия по государственному благоустройству и предприятия в области железнодорожного транспорта. Предприятия этих отраслей промышленности подвергались национализации при условии, если основной капитал был не менее известного минимума. Для разных отраслей промышленности были установлены различные пределы: от 1.000.000 руб. для металлургической, электротехнической и прочих отраслей до 200.000 руб. для пеньковой промышленности. Национализация не была полной. Она не ликвидировала до конца прав предпринимателей, оставляя их на положении совершенно своеобразных арендаторов без прав на распоряжение имуществом. „Впредь до особого распоряжения Высшего совета народного хозяйства по каждому отдельному предприятию, предприятия, объявленные согласно настоящего декрета достоянием РСФСР, признаются находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев; правления и бывшие собственники финансируют их на прежних основаниях“. Владельцы, однако, ликвидировали свои отношения с предприятиями и национализация сделалась абсолютной. В дальнейшем она распространена была рядом декретов на многие более мелкие предприятия, так что к середине 1919 г. национализация коснулась всей крупной и средней промышленности.

Национализация мелкой промышленности вначале не входила в программу революционной работы. В этом отношении русская коммунистическая теория не расходилась со старой социалистической теорией Запада, которая считала объектом социализации только крупную промышленность. Однако, развивавшиеся условия гражданской войны, расстройство денежного обращения, сокрытие предпринимательской

работы под маской мелких тружеников, истощение сырьевых и материальных ресурсов, необходимость мобилизации мелкой промышленности для работы на армию поставили вопрос о судьбе мелко-капиталистических предприятий. Вопреки первоначальным предположениям приступлено было к национализации мелкого хозяйства. Декретом от 29 ноября 1920 г. президиум ВСНХ объявил национализированными все промышленные предприятия с числом рабочих свыше 5 при наличии механического двигателя и свыше 10 при отсутствии такового. Мало того, все кустарные предприятия, независимо от числа занятых в них рабочих, обязаны были работать исключительно по нарядам Управления кустарной промышленности и лишены были права сбывать свои изделия на вольном рынке. „Тем самым, пишет Л. Крицман, в рамки пролетарско-натуральной организации вовлекались непосредственно все мелко-капиталистические предприятия... Революция вышла за пределы той хозяйственной территории, которая была подготовлена предшествующим капиталистическим развитием... Выход за пределы крупного производства делал задачи хозяйственного строительства необязательными“. Хотя из 91 тыс. зарегистрированных предприятий удалось национализировать только 37 тыс., однако, государству не по силам было освоить всю эту массу предприятий, и работа с ними превратилась в сплошной конфликт со всякого рода уклонениями и сокрытиями, конфликт, который вел к массовой ликвидации предприятий, накоплению недовольства и дальнейшему падению производительных сил. Вот почему одним из первых актов новой экономической политики было восстановление мелкой промышленности. Декретом, изданным в мае 1921 года, всякая дальнейшая национализация была строжайше ограничена, а декретом от 7 июля 1921 года каждому гражданину предоставлялось свободно заниматься кустарным промыслом и открывать мелкие промышленные предприятия, но не свыше одного на каждого владельца. Для устройства предприятия не требовалось никакого

разрешения, предприятия возникали явочным порядком и регистрировались в губернских отделах Сов. Нар. Хоз. При этом мелкопромышленными признавались предприятия с числом рабочих не свыше 10 при двигателе и 20 без двигателя. Декрет от 10 декабря 1921 г. возвращал всем собственникам мелкопромышленные предприятия (до 5 и 10 рабочих), которые, хотя подлежали национализации, но фактически национализированы не были.

Мало того, декрет предоставлял президиуму ВСНХ право в отдельных случаях освобождать от национализации предприятия, насчитывающие до 20 рабочих, хотя и национализированные, если они не могли быть использованы государством.

Таким образом, в настоящее время в обладании государства находится только крупная и средняя промышленность, но эта последняя с очень небольшими изъятиями. Общее количество промышленных предприятий по переписи 15 марта 1923 г. определено было ЦСУ в 83 губерниях в 165.781. Подавляющая часть этих предприятий (147.471, или 88,5%) принадлежит частным лицам. Кооперативных предприятий насчитано было 4.613, или 3,1%. Число же государственных предприятий составляло 13.697, или 8,5%. Если вспомнить, что в 1914 году в империи, за исключением Варшавского фабричного округа и Курляндской губ., состояло под надзором фабричной инспекции 13.858, а в 1916 г. 12.492 промышленных заведений, причем фабричный надзор учитывал далеко не все заведения фабричного типа (с числом рабочих более 16 без двигателя), то следует признать, что в общем количество принадлежащих государству предприятий соответствует общему числу фабрично-заводских заведений, расположенных на территории СССР. Не все эти заведения находятся в действии. Значительная часть их бездействует, либо эксплуатируется в порядке аренды или концессии. По данным ЦСУ в 1923—24 г. насчитывалось 9.917 цензовых заведений (с числом рабочих более 16) с полутора милл. рабочих (см. табл.).

Целевая промышленность в разрезе по формам хозяйства.

	Число заведений (максимальное)		Среднее число в тыс. рабоч.		Валовая продукция, в млн. р. по совр. ценам.	
	23—24 г.	24—25 г.	23—24 г.	24—25 г.	23—24 г.	24—25 г.
Госуд.	6.695	6.795	1.119,1	1.115,5	4.144,0	6.015,8
Кооп.	1.278	1.745	43,6	70,7	215,3	374,2
Частн.	1.914	1.770	41,1	43,1	199,5	269,4
Всего	9.917	10.210	1.503,8	1.829,3	4.557,8	6.659,4
То же в процентах.						
Госуд.	67,6	65,7	94,4	99,8	90,8	90,4
Кооп.	13,0	17,0	2,9	4,0	4,8	5,7
Частн.	19,6	17,3	2,7	2,2	4,4	4,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В это количество входит значительное количество мукомольных предприятий, не находящихся в ведении ВСНХ. Если взять основное ядро национализированной промышленности, сосредоточенное в ведении ВСНХ, то на 1 января 1926 г. в состав этого ядра входило 2.560 промышленных заведений с 1.870.875 рабочих. К этой цифре надо еще прибавить сезонные производства, г. о. сахарное, торфяное и некоторые др. Количество арендованных предприятий составляло на 1 марта 1924 г. 6.488. Общее количество рабочих, занятых в арендованных предприятиях, не превышает 100.000.

Организация торговли в Советском Союзе следовала параллельно организации промышленности. Период военного коммунизма и всеобщей национализации промышленности, в том числе и мелкой, был также периодом уничтожения всякой торговли. В эпоху военного коммунизма торговля рассматривалась, как вредное паразитическое занятие, связанное с ненужным расточением производительных сил и антиобщественной спекуляцией. В связи с недостатком товаров и в интересах борьбы с их дороговизной торговля заменена была принудительным государственно-организованным распределением, которое ставило себе

целью первоочередное удовлетворение трудящихся и беднейших слоев. Декретом 21 ноября 1918 г. торговля была национализирована. „В целях замены частного-торгового аппарата и для планомерного снабжения населения всеми продуктами из советских и кооперативных распределяющих пунктов“, заготовка всех продуктов, служащих для личного потребления и домашнего хозяйства, возлагается на наркомпрод, в составе которого образуется главпродукт. Последний получает все монополизированные продукты от главков, остальные заготавливает сам. Все важнейшие товары взяты были на учет. Оптовые запасы сосредоточились в руках государства и отдельных коммун. Частная розница сменилась карточной системой, охватывавшей почти все без исключения продукты. Свободная торговля сделалась нелегальной, рынки даже в крупных городах уничтожались, „мешочники“ были главными носителями вольного товарообмена между районами. Даже кооперация была вытеснена, и на месте ее созданы декретом 20 марта 1919 г. потребительские коммуны, ведавшие распределением в порядке государственной повинности. Венцом системы явились для промышленности всевозможные главки — числом до 70, которые централизовали у себя по отраслям промышленности все без исключения снабжение предприятий и распределение их готовой продукции. Даже мелкие кустари вынуждены были получать или вернее ожидать получения всего необходимого от бюрократических главков. Но уничтожение товарооборота в стране больше всего мешало развитию производительных сил деревни и города. Когда кончилась гражданская война, и деревня вернулась к мирному труду, стала ясна необходимость восстановления товарных отношений и денежного хозяйства. С отменой продразверстки и восстановлением мелкой промышленности торговля сразу вышла из подполья, и торговый капитал стал снова быстро накапливаться. История Советского Союза в этот период живо напоминала период первоначального накопления, когда торговый

капитал явился главным представителем накопления в стране. Накопление шло отчасти за счет деревни, после долгого перерыва получавшей возможность распорядиться частью продукции и крайне нуждавшейся в живом и мертвом инвентаре, отчасти за счет запасов, накопившихся у государства и выбрасываемых для нужд первоначального оборота. Самостоятельная государственная торговля развивалась крайне тяжело и неудачно.

Живых оборотных средств в распоряжении государства не было. Все имевшиеся запасы сырья, топлива и готовых товаров должны были служить интересам дальнейшего производства. Образовавшиеся государственные снабженческие и сбытовые центры, всевозможные „снабы“, „снабторги“ и „торги“, быстро рассеивали небольшие ресурсы по потребительской и частно-торговой периферии. Довольно большие ресурсы кооперации расходовались на содержание непомерно разбухших штатов служащих. В этой обстановке частно-торговый капитал успел захватить в свои руки до $\frac{2}{3}$ торгового оборота страны. По переписи 1923 г. частная торговля в общем товарообороте страны составляла 64%, тогда как на долю кооперативной приходилось всего 10%, а на долю государственной—26%. Преобладание частной торговли относилось к розничной торговле, где удельный вес ее составлял 83,4%. В оптово-розничной торговле частному капиталу принадлежала половина оборотов, в оптовой же торговле частный капитал располагал всего 14,5% общего оборота. Преобладание частной торговли в общем обороте страны выступало особенно значительно в селах и деревнях, где кооперация в период 1921—23 гг. была очень слаба, а государственная торговля почти отсутствовала. Роль частной торговли характеризуется также данными о количестве торговых заведений и торговых служащих. Перепись насчитала 74.749 лиц, занятых в государственной торговле, 71.749 занятых в кооперативной и 358.352 занятых в частной торговле. 1923 год, давший большое оживление торговли и промышленности, выявил дальней-

шее нарастание частной торговли. Об этом свидетельствуют биржевые обороты 54 провинциальных бирж. В январе 1923 года на долю частной торговли приходилось 12,7% оборота, а в июне того же года этот процент поднялся до 16,2%. Еще резче было усиление частных оборотов на московской бирже. Здесь они поднялись с 11,5% в январе до 25,2% в марте и до 38,1% в июне. У текстильного синдиката частным лицам отпускалось 26% товара. Такое быстрое развертывание частной торговли, особенно в деревне, хотя и опиравшееся больше всего на розницу, выявило с полной отчетливостью борьбу двух начал в советской экономике: начала государственного и начала частно-хозяйственного. Нап был основан на мысли о более или менее свободной борьбе этих начал и на уверенности, что победителем в этой борьбе может оказаться только государственное хозяйство, как более высокое по своему экономическому эффекту и как опирающееся на мощь государства. Быстрый рост частной торговли заставил внести некоторые коррективы в практику нап и усилить на ряду с плановым началом административное регулирование товарно-промышленной жизни. Для того, чтобы парализовать влияние развивающейся товарной стихии, была сделана крупная ставка на максимальное развитие кооперации, как важнейшей формы социализации мелкого хозяйства. Подобно тому, как в области мелкого производства социализация прививалась с помощью форсированной поддержки промысловой кооперации, так и в области торговли важнейшим проводником товаров была сделана потребительская кооперация, а в области снабжения сельскохозяйственная. Одновременно с кооперацией усиливался аппарат государственной торговли. Синдикаты усиленно насаждали свои отделения во всех значительных пунктах. Тресты стали обзаводиться собственной розницей, выступая даже на базарах с собственными ларьками и палатками. Торги усилили свои обороты. Отпуск товаров частной торговле почти прекратился; закрыт был также кредит. Однако, новый оборот конъюн-

атуры выявил невозможность обслуживания всего торгового оборота страны исключительно силами государственного и кооперативного капитала. Зимой 1924—25 гг. возникли значительные затруднения сбыта. Вытеснение частного капитала сопровождалось резким сокращением товарной сети, которое не могло быть компенсировано усиленным развитием государственной и кооперативной торговли. Общее количество патентов, выбранных на право торговли, составлявшее в январе—марте 1923 года 161.535 и поднявшееся в апреле—сентябре 1923 г. до 193.892, снова опустилось до 158.743. Торгового капитала для обслуживания товарооборота не хватало. Кооперация предъявляла усиленный спрос на кредит, далеко превышавший ее платежные ресурсы; с другой стороны, расширение кредита связывалось с ростом денежной массы и усилением эмиссии, что представляло определенную опасность для валюты и для всего народного хозяйства. Промышленность вынуждена была чрезмерно расширить кредитование кооперации, но сама испытывала величайшие затруднения от недостатка оборотных средств, задерживавшего расширение производства. Все это вместе взятое заставило снова открыть более широкий доступ частному капиталу. И в настоящее время (начало 1926 г.) работа частного капитала вступила в полосу расширения. Участие последнего в биржевых оборотах, упавшее в I квартале по покупкам до 5,8% общего оборота, поднялось до 9,5%.

На иных началах построена внешняя торговля. В этой области монополия царит государственное хозяйство, и всякое экономическое соревнование частного капитала принципиально исключено. Лишь в самое последнее время, в целях расширения сельскохозяйственного экспорта, допущен свободный вывоз за границу частными лицами некоторых весьма незначительных товаров, как, напр., творога, сушеных фруктов и т. п. На восточной границе монополия (в сношениях с Персией) применяется в более свободных формах. Монополия оправдывается исключительными условиями, в кото-

рых находится Советский Союз на мировом рынке капиталистических стран. Наиболее яркий идеолог монополии внешней торговли и в течение многих лет практический ее руководитель Л. Б. Красин, доказывая необходимость сохранения монополии внешней торговли в условиях новой экономической политики, пишет: „Монополия внешней торговли устанавливает прежде всего и притом в самой абсолютной и непререкаемой форме экономическую и торговую обособленность Советского Союза по отношению к окружающему советские республики капиталистическому миру. Только те товары, которые советское государство, в соответствии с общим хозяйственным планом, пожелает допустить в республику, допускаются к ввозу. Только те товары, которые, опять-таки в соответствии с общим хозяйственным планом, советское правительство найдет возможным выпустить из страны и именно в тех количествах, как это соответствует плану, могут быть выпущены через таможни и пограничные посты СССР. Без разрешения органов Внешторга теоретически ни одна тонна товара не может переступить границ советского государства. Конечно, имеется контрабанда, но величина контрабандного товарообмена едва ли превышает 5% от общего товарообмена и, кроме того, по мере развития внешней торговли и усовершенствования таможенного аппарата и аппарата пограничной охраны, значение контрабанды все понижается. Монополия внешней торговли представляет собой крепкую ограду, которую пролетарское государство поставило по всей своей границе, как защиту против экономической интервенции (вмешательства) со стороны капиталистического мира. Не подлежит никакому сомнению, что при относительно несравненно большей экономической слабости советских республик, при невероятном товарном голоде, с которым мы кончали гражданскую войну, при ряде последовательных плохих урожаев, при слабом развитии советской промышленности и, наконец, при полном обесценении советского рубля, у советских рес-

публик не было другого способа обороны против расиродажи заграничному капиталу и расхищения им всех различных запасов и даже большей части имущества, как монополия внешней торговли.

Хотя некоторые из приведенных факторов уже не действуют с прежней силой, монополия и сейчас остается неизменным принципом организации торговли, дополняющим протекционный тариф. Обсуждение вопросов монополии ведется только в отношении форм ее организации. В то время, как Внешторг склонен ожесточать монополию государства с монополией ведомства, НКФ и ВСНХ настаивают на более широком участии торговых и промышленных государственных организаций. Пленум ЦК, состоявшийся в октябре 1925 г., признал, что „монополия внешней торговли должна оставаться неприкосновенной. Ее необходимо укреплять, так как она является одним из самых действительных средств для отражения экономического натиска капиталистических стран. Никакая таможенная охрана и никакие другие средства регулирования не могут нас защитить в такой степени, как монополия внешней торговли...“

Сохраняя в неприкосновенности систему монополии внешней торговли, мы должны вместе с тем приспособить к изменяющимся хозяйственным условиям и задачам Союза формы организации внешней торговли при обязательном сохранении абсолютного единства всех действующих за границей советских органов“.

2. *Организация промышленности. Тресты.* Овладев почти всей крупной промышленностью, всей внешней и большей частью внутренней торговлей, сов. государство вынуждено было разрешить вопрос о новой организации промышленности и торговли. Опыт прошлого давал весьма мало материала для разрешения этой задачи. Госуд. хозяйство, существовавшее в довоенную и в военно-капиталистическую эпоху, строилось на принципах, которые не могли лечь в основание советской организации.

Буржуазно-капиталистическое государство рассматривало принадлежние

ему немногочисленные промышленные предприятия под углом фискальных и военно-полицейских соображений. Управление предприятиями строилось на принципе монополии или бюрократической централизации, и деятельность его была обставлена стеснительными формами формального контроля. Революция 1918 года, выдвинувшая во всей Европе с большой практической остротой вопрос о национализации и социализации промышленности, потребовала также пересмотра принципов управления государственной промышленностью. Появилось учение о необходимости отделить непосредственное заведывание хозяйственными предприятиями от общего аппарата государственного управления. Широко распространилось понятие о так наз. „мирском“ (Gemeinwirtschaft), или общественном хозяйстве, которое должно было управляться на принципах широкой автономии и противопоставлялось казенному бюрократическому управлению. Управление предприятиями предполагалось передать смешанным организациям из представителей рабочих, профсоюзов, потребителей и государства. Идеологическое обоснование этого построения дано было в учении о современном государстве, как органе, приспособленном для властвования, но не для хозяйства. Наиболее крайнее развитие это учение получило в теории гильдейского социализма, который стремился реформировать общество под углом разгрузки государства от всяких хозяйственных функций с выделением особого парламента трудящихся для руководства социализированной промышленностью, на ряду с государственным парламентом, разрешающим только административные вопросы. Таким путем надеялись ослабить экономическую мощь буржуазного государства в переходный период.

В советском государстве, основанном на диктатуре трудящихся классов, вопрос о хозяйственных функциях государства получил иное разрешение. Общественные организации трудящихся не противопоставляются государству. Они, наоборот, рассматриваются как часть, опора и продолжение государственного аппарата. Хозяйственная

работа составляет такую же неотъемлемую функцию государства, как и администрация. Но в то же время и в советском строе хозяйственные функции были отделены от административных, и для непосредственного заведывания хозяйственной деятельностью были выделены специальные органы, наделенные значительной автономией и подвергнутые только общему контролю и руководству административных органов.

В эпоху военного коммунизма разделение функций оперативного и регулятивного характера не производилось. Органы регулирования были в то же время органами снабжения, производства и сбыта. Вся промышленность находилась в ведении „главков“, которые направляли работу подомственных им предприятий во всех деталях. Однако, даже и в эпоху военного коммунизма выдержать до конца эту централизацию было невозможно, и на ряду с „главками“ и „центрами“ развивались местные органы, претендовавшие на определенную самостоятельность.

Предприятия делились на три группы, из которых первая, состоявшая из крупных предприятий, управлялась непосредственно из центра. Вторая, включавшая средние предприятия, находилась под особым наблюдением центра, но отчасти была подчинена губернским совнархозам. И третья группа, состоявшая из мелких предприятий, целиком находилась в непосредственном заведывании местных совнархозов. Кроме того, предприятия организовывались в различные кустовые и районные управления. Помимо главков и центров, ведавших отдельными производствами, были созданы промежуточные объединения предприятий, имевшие задачу снять с центральных органов часть работы и облегчить выполнение производственных заданий. К числу таких объединений относятся Гомза, Главковвино, Химоснова, из которых впоследствии выросли современные тресты.

Крайняя централизация производственной деятельности донельзя стесняла хозяйственную инициативу и стала совершенно невозможной в условиях

рыночных отношений, сложившихся при новой экономполитике, когда требовалось быстрое использование хозяйственной конъюнктуры для снабжения и сбыта.

Новая система управления промышленностью, развившаяся с 1922 г., построена на принципах автономии производственных предприятий и исходит из четкого разделения понятий оперативной и регулятивной работы. Основной производственной ячейкой, технической единицей, является промышленное заведение. В некоторых случаях заведение представляет собою законченное финансово-коммерческое предприятие с правами юридического лица, но в огромном большинстве случаев промышленные заведения сведены в так назыв. *тресты*. Последние глубоко отличаются от чисто капиталистических трестов: все имущество советских трестов со всеми наращенными принадлежит государству, и руководители треста являются только должностными лицами государства, перед которым несут не только судебную, но и дисциплинарную ответственность.

Тресты представляют собой органы государственного хозяйства, но не государственной власти. Им не принадлежат никакие права, вытекающие из характера государства, как суверена власти. Тресты не могут издавать никаких приказов или постановлений, обязательных для третьих лиц—наоборот, они сами подвластны и подотчетны органам государственной власти. Тресты действуют на принципе „коммерческого расчета, с целью извлечения прибыли“—это означает, что тресты действуют на частно-хозяйственных основаниях, хотя и являются государственными органами. Цель извлечения прибыли составляет существенную часть определения понятия „трест“, хотя, разумеется, не главную цель эксплуатации государством национальной промышленности.

Рядом с предприятиями, действующими на коммерческом расчете, существуют еще предприятия, действующие на хозрасчете, которые не преследуют цели извлечения прибыли. К числу таких предприятий относятся ж. д., аптеки, военные и коммунальные пред-

приятия, совхозы и т. п., действующие на основании одновременно изданных специальных декретов. Понятие „хозяйственный расчет“ представляет собою дальнейшее развитие понятия „самокупаемость“. Оно означает обязанность для предприятия вести дело по общему экономическому принципу: минимум издержек и максимум результатов. В свою очередь принцип коммерческого расчета представляет собой дальнейшее развитие понятия „хозяйственный расчет“, в применении к условиям товарно-капиталистического хозяйства, когда для каждого предприятия необходимо накопление некоторого прибавочного продукта в целях дальнейшего расширения производства. Основное отличие хозрасчета от коммерческого расчета заключается в том, что в первом случае предприятия руководствуются при обслуживании потребителя твердыми ценами или тарифами, установленными регулирующей властью; во втором, они, как правило, свободны в установлении цен. При коммерческом расчете руководящим принципом деятельности является извлечение прибыли, при хозяйственном расчете этот принцип заменяется общепользуемой службой предприятия.

Деятельность треста подробно нормирована специальными декретами от 10 апреля и 17 июля 1923 г. Как гласит ст. 1 декрета, тресты суть „государственно-промышленные предприятия, которым государство предоставляет самостоятельность в производстве своих операций, согласно утвержденного для каждого из них устава, и которые действуют на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли“. Таким образом, тресты являются прежде всего органами управления государственной промышленности, которым предоставлено определенная самостоятельность в их действиях. Эта самостоятельность заключается в том, что „ни одно государственное учреждение или предприятие не может получить от треста его имущества или продукции иначе, как по соглашению с ним“. Права регулятивных органов в отношении трестов строго ограничены, и ст. 29 декрета о трестах воспрещает ВСНХ вмешиваться

в текущую административную работу правлений трестов.

Само собой разумеется, что самостоятельность трестов не является абсолютной, и тресты работают под общим руководством регулятивных органов. Руководящая роль регулятивных органов проявляется в трех отношениях: в отношении имущества трестов, в отношении лиц, возглавляющих тресты, и в отношении деятельности трестов. К первой группе прав и обязанностей относится изменение уставного капитала, распределение прибылей, расходование резервных капиталов и т. д. Ко второй группе—назначение членов правления и ревизионной комиссии, утверждение директора-распорядителя и пр. К третьей—рассмотрение и утверждение смет, производственных программ, ликвидация трестов и т. п. Во всех этих случаях вопросы, относящиеся к третьей группе, решаются постановлениями регулятивных органов (ВСНХ или другого наркомата, в ведении которого находится трест, иногда с последующим утверждением СТО). Решения трестов по этим вопросам требуют санкции регулирующих органов.

Являясь органами управления, тресты вместе с тем образуют самостоятельную имущественную массу. При организации трестов им выделяется определенное имущество, известное под именем уставного капитала. Собственником этого имущества остается государство, и верховное право распоряжения им осуществляется СТО и ВСНХ. Вся прибыль, получаемая в результате эксплуатации имущества, поступает в доход казны, за исключением отчислений в резервный капитал, в фонд по улучшению быта рабочих и служащих, на танцемы и пр. Государству принадлежит право перераспределить имущество между трестами, право ликвидировать трест, право обязывать трест принудительными заказами и т. п. С другой стороны, государственная казна за долги трестов не отвечает, и трест, как самостоятельное юридическое лицо, несет ответственность только в пределах переданного имущества.

Не на все имущество, находящееся

в ведении треста, последний имеет одинаковые права. Законодательство резко отличает оборотный капитал от основного. В отношении оборотного капитала трест имеет не только право владения и пользования, но и право распоряжения. Оборотный капитал может стать объектом взыскания совершенно так же, как имущество частных лиц. Что касается основного капитала, то в состав его включаются машины, оборудование, строения, которые законодательством изымаются из частного оборота, если они составляют часть имущества треста. В отношении этой части основн. капитала, трест имеет только право владения и пользования и, следовательно, лишен возможности отчуждать и закладывать его. Земли, леса, недра и воды вообще изымаются из уставного капитала и даже не включаются в баланс треста, присоединяясь к нему особой внебалансовой статьей.

Такая конструкция стоит в связи с желанием оградить средства производства и орудия труда, национализированные государством, от возможности денационализации. При выработке декретов господствовало опасение, что тресты, получив возможность распорядиться основным оборудованием, могут легко „разбазарить“ его, создав, таким образом, фактическую денационализацию. Однако, такая конструкция основного капитала имеет огромное неудобство, затрудняя гражданский оборот. Переход имущества от одного предприятия к другому обставлен целым рядом весьма сложных формальностей. Подобные вопросы разрешаются ВСНХ, высшими хозяйственными органами Союза—СТО и союзных республик—ЭКОСО. Невозможность наложения взысканий на большую часть имущества, входящего в состав основного капитала, чрезвычайно суживает кредит трестов. Вследствие этого принцип бронирования имущества, входящего в основной капитал, несколько ослабляется. Некоторая часть имущества, входящего в основной капитал, не изъята из гражданского оборота, и сейчас может быть предметом отчуждения, а следовательно, и взыскания, но только каждый раз с особого

разрешения ВСНХ. В частности, к такому имуществу относятся: живой инвентарь, устаревшее и негодное имущество, хозяйственный инвентарь и т. д.

В июле 1926 г. получила законодательное утверждение новелла, значительно расширяющая права хозяйственных органов по отчуждению имущества бездействующих предприятий, а равно и по отчуждению мелких бездействующих предприятий. Недавно получил утверждение декрет, разрешающий свободную циркуляцию имущества, изъятого из общегражданского оборота, между государственными организациями и предприятиями, чем создается особое понятие так назыв. „государственного оборота“.

Внутренняя организация треста построена по аналогии с акционерным обществом. Права, обычно принадлежащие общему собранию, осуществляются регулятивными органами власти, вся же оперативная работа выполняется назначенным правлением. Кроме правления, в тресте работает ревизионная комиссия, назначаемая теми же органами власти.

Тресты ведут свою производственную работу согласно утвержденным производственным планам. Они обязаны самой подробной отчетностью и ежегодно должны представлять свои балансы на утверждение регулятивных органов.

Кроме уставного капитала, тресты должны также располагать резервным капиталом, составляемым путем обязательных отчислений не менее 20% прибыли. Трест обязан также регулярно производить амортизационные погашения, путем определенных отчислений с основного капитала, вводя эти отчисления в калькуляцию себестоимости.

Ликвидация треста может иметь место: а) вследствие уменьшения уставного капитала треста на $\frac{2}{5}$, б) при недостаточности оборотных средств для покрытия долгов, предъявленных для взыскания и в) вследствие признания нецелесообразным дальнейшего существования треста.

Наше законодательство различает тресты общесоюзные, республиканские,

областные и местные. Первые две группы управляются на основании декрета от 10 апреля, вторые—на основании декрета от 7 июля 1923 года. Местные тресты отличаются от общесоюзных и республиканских своими размерами и общим значением в хозяйстве страны. В то время, когда среднее число рабочих, приходящееся на один центральный трест, составляет более двух тысяч,—на один местный трест приходится всего около 125 рабочих. Центральные тресты подчинены ВСНХ, местные тресты находятся в двойном подчинении—ВСНХ и губисполкомов.

Местные тресты не пользуются такой автономией, как центральные, и связаны с местным, а не государственным бюджетом. В то время, когда в центральном тресте типичным является коллегияльное управление,—местные тресты управляются, главным образом, единоличными управляющими. Права местных трестов по привлечению капитала со стороны несколько ограничены. В частности, они не имеют права выпускать облигаций, не могут привлекать к участию в уставном капитале кооперации, иначе как путем реорганизации в смешанное акционерное общество.

Что касается общесоюзных и республиканских трестов, то к первым отнесены тресты по особому списку, утвержденному сессией ЦИК 13 ноября 1923 г. В этот список вошли предприятия, имеющие особое значение для обороны Союза и охраны его интересов на мировом рынке, а также для проведения в общесоюзном масштабе единого плана восстановления промышленности. Общесоюзные тресты находятся в ведении ВСНХ Союза; права республиканских властей в отношении этих трестов строго ограничены. Права эти сводятся к тому, что при выработке проектов, уставов предприятий и их последующих изменений, при выработке перспектив производственных программ и смет, годовых отчетов, заключительных годовых балансов, при выработке общего плана финансирования, специального кредитования общесоюзных предприятий, а также при разработке вопроса о при-

влечении частного капитала и при назначении личного состава ревизионной комиссии,—обязательно испрашивается заключение ВСНХ данной республики. Правление общесоюзного предприятия обязано, одновременно с представлением своих производственных планов, смет, отчетов и балансов ВСНХ Союза, сообщать в копии их ВСНХ соответствующей союзной республики. Постановления республиканских органов в отношении общесоюзных трестов приводятся в исполнение лишь после утверждения их ВСНХ Союза. Однако, ВСНХ Союза не лишен права передавать так наз. „мандат“ на управление общесоюзными предприятиями полностью или частично ВСНХ союзной республики.

Общее количество общесоюзных трестов в настоящее время 80, но на их долю приходится около $\frac{2}{3}$ всего числа занятых рабочих и около $\frac{2}{3}$ продукции. Список общесоюзных предприятий находится в настоящее время в пересмотре, в виду требования союзных республик о передаче в их ведение некоторых общесоюзных предприятий.

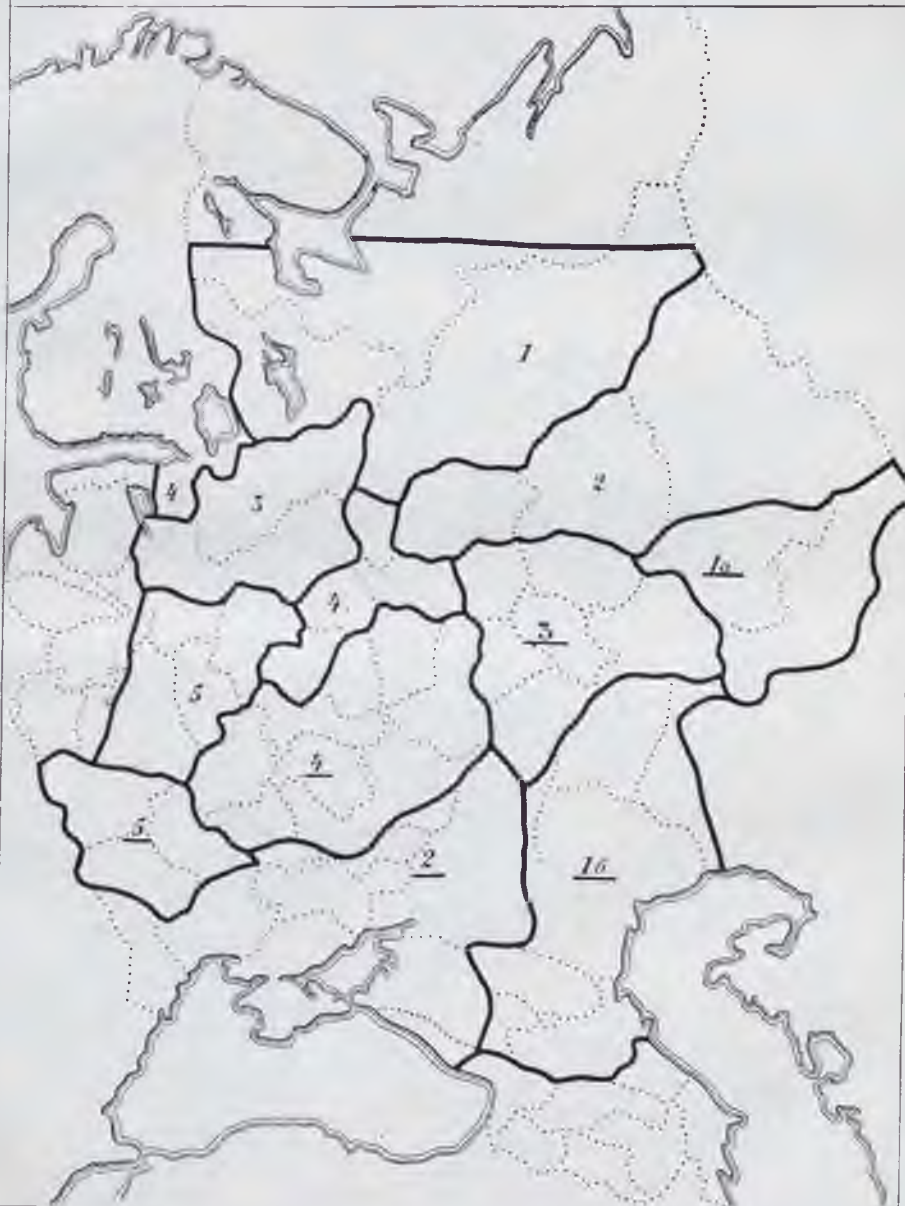
Что же касается республиканских предприятий, то число их в разных республиках различно. ВСНХ РСФСР выдает непосредственно 70 трестами, ВСНХ УССР—16, ВСНХ Азербейджана—17 и т. д. Постановлением ВЦИК, принятым в сентябре 1925 г., значительная часть так называемых республиканских трестов РСФСР передана в местное управление. Общее количество местных трестов до сих пор точно не установлено. Подсчет местных трестов затрудняется тем, что под именем трестов известны также отдельные предприятия, действующие на основании декрета 10 апреля. По подсчетам ЦОС ВСНХ местных трестов около 200. По общему правилу местные тресты объединяют, главным образом, предприятия легкой индустрии. Вся тяжелая индустрия и все крупные топливные предприятия, около 80% текстильной промышленности, руководящие предприятия химической и бумажной промышленности закреплены за общесоюзными органами, в некоторой части за республиканскими.

№1

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАЙОНЫ 1916г

В губернском масштабе

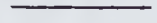
подчеркн цифры районы черноземн полосы
неподчеркн. " " " нечерноземн. " "

№ 3
СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ.
 районы 1925 г.
 (в губернском масш.)

ГРАНИЦЫ:

- *государств*
- *союзных С.С.Р.*
- *с-хоз. районов*
- *подрайонов.*
- *губерний*
- *округов.*

№ 2
СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕНН
РАЙОНЫ АЗ. РОССИИ
191^{6/7} г.

В уездном масштабе

— Границы с х. районов.
- - - " " губерний.
..... " " уездов.

Среди общесоюзных трестов мы находим весьма крупные организации, могущие по своим размерам равняться с крупными европейскими и американскими трестами. Таков, напр., трест „Югосталь“, объединяющий почти всю металлургию юга и насчитывающий свыше 100.000 рабочих и 7.000 служащих, „Гомза“, объединяющий всю металлургию и крупное машиностроение центральной области, „Сахаротрест“, объединяющий всю сахарную промышленность, „Моссукино“, объединяющий 20 тонкосуконных фабрик, „Камвольный трест“, объединяющий всю камвольную промышленность, „Иваново-Вознесенский хлопчатобумажный трест“, насчитывающий около 70 тыс. рабочих, „Азнефть“, сосредоточивший у себя всю бакинскую нефтяную промышленность, „Грознефть“, имеющий такое же значение для грозненского района, „Донуголь“, объединяющий основную каменно-угольную промышленность Донбасса, „Северный и Южный химические тресты“, „Северолес“, располагающий лесной площадью в несколько десятков миллионов десятин, „Центробумтрест“ с 11 крупными бумажными фабриками и т. д.

Но рядом с этими трестами гигантами имеются и маленькие объединения, чисто местного значения, к которым название треста применимо лишь весьма условно.

Весьма серьезную роль в управлении советской промышленностью играет вопрос о взаимоотношениях с профсоюзами. Профсоюзы не только представляют охраняемые ими интересы рабочих, как продавцов рабочей силы, но и принимают определенное участие в управлении самими промышленными предприятиями. Однако, профсоюзы не вмешиваются непосредственно в оперативную работу и не могут давать прямых распоряжений администрации. Еще II-й съезд ВСНХ 1918 года в резолюции о рабочем и государственном контроле указывал, что задача рабочего контроля должна ограничиваться надзором за ходом работ в предприятии и фактической ревизией деятельности как отдельных заводоуправлений, так и правлений целых отраслей производства. При этом рабочий кон-

троль осуществляется последующим порядком, т. е. не исполнение предшествует проверке, а наоборот. Председатели местных контрольных комиссий, принимают участие в заседаниях заводоуправлений, но лишь с правом совещательного голоса. Распорядительные права по управлению предприятием остаются за правлением предприятия, и поэтому вся ответственность за его ход и действие остаются за заводоуправлением. Эти начала самостоятельности заводоуправлений и других хозяйственных органов с развитием новой экономической политики все более уточнялись и развивались и в настоящее время союзы, как правило, не вмешиваются в оперативные распоряжения хозорганов, но участвуют в разрешении всех вопросов, с которыми связана судьба предприятий и общее направление их деятельности. Организация треста и его ликвидация, вопросы включения или невключения отдельных заведений в состав треста, вопросы производственной программы, а главное вопросы личного состава обязательно и безусловно согласовываются с представителем профсоюза. В составе ревизионной комиссии треста имеется представитель профсоюза. Союзы могут присутствовать на всех заседаниях правления. Последнее обязано делать доклады о своей деятельности перед общими собраниями союзов. Огромное значение имеют также производственные совещания и производственные комиссии, организованные в 1924 г. с целью привлечения рабочих масс к обсуждению вопросов производственной работы.

Дальнейшее развитие и принципиальное подтверждение охарактеризованная линия получила в решении пленума ЦК РКП в октябре 1925 г. „Констатируя большие заслуги профсоюзов в деле восстановления хозяйства и промышленности в тех случаях, когда эта работа профсоюзов протекала в соответствии с резолюцией XI съезда партии, и одобряя расширение этой работы путем втягивания в нее широких рабочих масс через производственные совещания, ЦК признает настоятельно необходимым дальнейшее всемерное углубление и развитие этой

работы. В то же время ЦК считает вредным односторонний, так называемый „хозяйственный уклон“, проявляемый отдельными профорганизациями и выразившийся в практике непосредственного, некомпетентного вмешательства в управление и администрирование предприятиями, в смещении союзных функций с хозяйственными и огульной защите профессиональными органами и их представителями всех мероприятий и предложений администрации хозорганов перед рабочими. Это особо вредно и опасно потому, что превращает профсоюз в придаток, политотдел при хозорганах, и ведет к забвению им его важнейшей функции — представителя и защитника экономических интересов рабочих, и вносит в систему управления промышленностью элемент вредной двойственности и безответственности“.

Тресты представляют собой главную форму организации советской промышленности. В трестах сосредоточено около 70% всего рабочего состава промышленности СССР. На 1 января 1926 г. количество рабочих, занятых на службе в трестах, объединивших 2½ тыс. предприятий, составляет 1.900 тыс. рабочих. По существу, трестами являются и так называемые *комбинаты*. Тресты организуют в своем составе преимущественно однородные и взаимно дополняющие друг друга предприятия по вертикальному признаку. Так, напр., в составе Югостали имеются каменноугольные рудники, коксовые заводы, доменные, металлургические заводы, проволочные, гвоздильные, трубопрокатные, чугунолитейные, механические и т. п. Сахаротрест включает целый ряд подсобных предприятий, как сульфатные, а также мукомольные и винокурные предприятия, которые тесно связаны с сельским хозяйством и со свекло-сахарным производством. Комбинаты же объединяют предприятия, связанные между собой только территориально и организационно, но не находящиеся во взаимной производственной зависимости. К числу таких комбинатов можно отнести Мальцевский, объединяющий силикатные и металлургические предприятия, Гусевский ком-

бинат, объединяющий силикатные и текстильные предприятия и т. п. Однако, под именем комбината иногда встречаются и предприятия, подходящие под понятие вертикального треста в полном смысле этого слова. Так, напр., Таганрогский кожевенный комбинат, куда входят кожевенные заводы, заводы дубильных экстрактов и т. п. Как мы увидим ниже в разделе о кустарной промышленности, имеются также тресты мануфактурного типа (напр., Анетометил), скупающие откустарей готовую продукцию или раздающие полуфабрикат. Тресты в большинстве случаев состоят из значительного числа заведений. В некоторых трестах число заведений свыше ста (Сахаротрест). Это обстоятельство вызвало необходимость точно определить порядок управления промышленными заведениями и разграничить права директора заведения и правления треста. Эти отношения в общем строятся на принципе предоставления широких прав директору заведения. Директор является единоличным руководителем промышленного заведения и несет полную ответственность за работу последнего. Однако, права директора касаются, главным образом, производственно-технической стороны деятельности заведения. Коммерческая и финансовая часть остаются по преимуществу в ведении треста. Сбыт продукции, а равно снабжение промышленного заведения основными материалами, заготавливаемыми на центральном рынке, принадлежат правлению треста. Директор заведения закупает лишь местное сырье и принимает мелкие заказы в порядке доверенности от треста. Вообще же юридическим лицом является только трест. Только он имеет право искать и отвечать на суде, — заведение правами юридического лица не пользуется. В то время, как тресты управляются на основании устава, заведения пользуются теми или иными правами только по доверенности правления. Однако, при разрешении всех основных вопросов, касающихся судьбы предприятия, в частности при разработке производственной программы, при заключении коллективных договоров с рабочими,

тресты обязательно согласовывают свои решения с директорами заведения. Эта конституция закреплена особым приказом ВСНХ, изданным в мае 1924 г. в развитие соответствующих статей декрета 10 апреля 1923 г.

Личный состав руководящего персонала промышленности рекрутируется в значительной степени из рабочих. По обследованию ЦК РКП из 1.306 директоров фабрично-заводских предприятий, подведомственных ВСНХ и его местным органам, числилось 486, или 39%, рабочих и 758 не рабочих—61%. Из числа рабочих было 59% членов РКП, а из числа не рабочих—12%. Из 1.248 чел. больше всего лиц с низким образованием—674 человека, во втором месте стоят лица со средним образованием—320 человек, затем следуют лица с высшим образованием—290 чел. По общему правилу, директора-коммунисты сосредоточены на крупнейших предприятиях; так, на директора-коммуниста приходится 825 чел., а на беспартийного директора—263.

Со времени производства этого обследования партийные элементы в составе руководителей предприятий значительно усилились, и среди председателей правления трестов процент партийных равен 100%.

Одно из крупных затруднений в деле организации централизованной промышленности—это преодоление бюрократичности и формального отношения к делу. Для того, чтобы сделать руководящий состав более заинтересованным в росте и деятельности предприятия, декретом 10 апреля введены тантьемы, которые могут выдаваться из прибылей в размере не более 2% общего размера. На ряду с тантьемами введено также премирование административно-технического персонала.

3. *Организация внутренней торговли.* Организация торговли представляется более разнообразной, чем организация промышленности. В то время, как в промышленности трест является универсальной формой,—торговля знает много типов организации. Сюда относятся синдикаты, торги, акционерные общества, наевые товарищества, общества с ограниченной ответственностью и т. п. Для государственной торговли

решающее значение имеют три первые формы.

Синдикаты. Синдикат непосредственно связан с промышленностью. Хотя каждый трест является не только промышленным, но и торговым объединением, тем не менее развитие государственной промышленности потребовало создания на ряду с трестами специальных торговых организаций. Сосредоточение торговых функций в синдикате вызвано желанием рационализировать процесс сбыта и снабжения, концентрируя капиталы трестов. Как общее правило, государственные тресты не обладают необходимым капиталом для производства самостоятельной торговли, и поэтому они должны были стать на путь взаимопомощи. Создание синдикатов чрезвычайно облегчалось наличием старых главков. Многие синдикаты являются простым продолжением ликвидированных главков, унаследовав их имущество. Оперировав этим имуществом, синдикаты легко приобрели власть над трестами, лишеными оборотных средств, и явились главными проводниками сбыта и главными поставщиками сырья и материалов для производственной работы трестов.

Среди синдикатов преобладает, в отличие от западных синдикатов, заготовительный тип. Это преобладание заготовительных функций синдиката стоит в связи с крайней остротой, которую проблема сырья имела в первый период непа для промышленности, а отчасти связано также с монополией внешней торговли, которая дает пропуск на иностранный рынок лишь очень крупным организациям, представляющим целую отрасль промышленности. Постепенно усиливается роль сбытовых синдикатов.

Синдикаты являются добровольными организациями трестов. Однако, имеются и синдикаты принудительного характера, к которым относится нефтесиндикат. Принудительность в данном случае вызвана тем, что торговля нефтяной промышленностью тесно связана с инсталляциями и транспортными средствами. Деление этих средств между трестами привело бы к значительному увеличению потребности в капитале.

Происхождение синдикатов от главков сказалось также на том, что синдикаты в отличие от Запада объединяют у нас, главным образом, легкую промышленность, которая раньше тяжелой вышла на рынок. Еще в 1922—1923 г. сбыт продукции тяжелой индустрии регулировался так называемыми плановыми ценами и плановым распределением. Руководство тяжелой индустрией поэтому оставалось в руках бюрократически организованных управлений, как главметалл, главтоп и т. д. Между тем, легкая индустрия вышла раньше на рынок и должна была иметь вместо главков общие сбытовые и заготовительные организации.

Значение синдикатов в советской системе заключается в том, что они концентрируют торговый капитал, имеют возможность значительно удешевлять издержки торговли и более планомерно организовывать сбыт. Благодаря синдакатам тресты значительно экономят на открытии отделений; особенно облегчается работа трестов на внешнем рынке. Как правило, синдикаты объединяют только торговую деятельность трестов, не вмешиваясь в их производственную работу. Но участие в производственной работе принципиально не исключается. Оно даже является необходимым, поскольку торговая работа неотделима от производственной. Регулируя сбыт, синдикаты тем самым дают определенные указания трестам и о размере производства каждого из них. Затем, в отдельных случаях синдикаты выступают организаторами подсобных предприятий, которые необходимы для трестов и которые не могут быть содержимы каждым отдельным трестом. Интересным примером участия синдиката в производственной работе является Продасиликат, проводящий работу по механизации стекольной промышленности.

Синдикаты часто сосредоточивают у себя сбыт почти всей продукции трестов. В особенности усилилось значение синдикатов в 1925—6 году, когда были приняты меры к широкому планированию в области торговли. Так, кожаный синдикат объединяет 32 пайщика и сбывает 65—70% продукции кожаных трестов, текстильный син-

дикат сосредоточил у себя около 70% продукции трестов (75% хлопчатобумажных тканей, 45% сукон и 50% льняных изделий). Солесиндикат сбывает около 90% продукции трестов. Однако, в других синдикатах, как, напр., спичечном, размер продукции, реализуемой через синдикат, является и сейчас незначительным, что стоит в связи с недостатком оборотных средств у синдиката и распыленностью трестовой организации.

Огромная роль синдикатов в деле организации продукции и заготовки сырья создает опасность монопольного использования положения в целях эксплуатации потребителя. Действительно, в 1923 году синдикаты стали на путь взвинчивания цен, применяя чисто капиталистические методы маневрирования товарными массами. Это обстоятельство выдвинуло вопрос о надлежащем регулировании со стороны государства деятельности синдикатов. Такое регулирование достигается, с одной стороны, административным надзором за работой синдикатов, с другой—законодательным нормированием их прав. Внесенный в высшие законодательные органы проект декрета о синдикатах различает двоякий тип организации: синдикатские соглашения (конвенции), не связанные с организацией новых самостоятельно торгующих органов, и синдикатские объединения (синдикаты), которые централизуют торговую работу в особом органе. *Синдикатские соглашения* допускаются, поскольку они ставят себе целью разграничение между своими участниками районов сбыта и заготовок, распределение заказов, установление более рациональных условий сбыта и заготовки товаров, установление цен на отпускаемую продукцию в целях расширения производства и потребления, определение ассортимента изделий необходимого для удовлетворения рынка и распределение его между участниками конвенции, изучение условий, определяющих рыночную конъюнктуру данного производства. Конвенция подлежит обязательному утверждению ВСНХ, независимо от количества участников и срока соглашения. Договоры конвенции, не получившие утвер-

ждения ВСНХ, считаются недействительными. Конвенции не могут производить торговых операций и не могут брать на себя имущественную ответственность по обязательствам от имени своих членов, но могут создавать различные бюро и советы, имеющие целью наблюдение за исполнением договоров.

Иное дело *синдикат*. Он ставит себе такие же цели, как и конвенция, но отличается тем, что создает единую для всех участников, продающую и закупающую организацию для совместного сбыта и заготовки как на внешнем, так и на внутреннем рынке. Синдикаты, кроме того, могут в отличие от конвенции создавать подсобные промышленные предприятия. Синдикаты возникают на основании устава и пользуются правами юридического лица. Они действуют на общих коммерческих основаниях и вполне самостоятельны во всех своих операциях, но находятся под общим надзором и руководством ВСНХ. ВСНХ предоставляется право разрешать отдельным государственным предприятиям и объединениям вступать в синдикат, включать своих представителей в состав правления и ревизионной комиссии и утверждать выбранных членов правления и ревизионной комиссии, отменять постановления правления, производить самостоятельные ревизии, получать периодические отчеты, созывать общие собрания уполномоченных, отменять решения собрания уполномоченных, утверждать проекты распределения прибылей и ликвидировать синдикат. Юридически структура синдиката представляет собою общество с переменным составом и переменным капиталом и с ограниченной ответственностью каждого из участников. Но в уставе указывается минимум складочного капитала.

Советская промышленность знает одинаково и конвенцию и синдикат. Первых существует 7, вторых—13.—Основной источник средств, которыми оперирует синдикат,—паевые взносы участников. Паяевой капитал синдикатов определяется на 1 октября 1924 г. в 188 милл. руб. Деятельность синдикатов связана была со значитель-

ным накоплением новых средств, и в сравнении с этими средствами денежные фонды, предоставленные при организации синдикатов ВСНХ, являются в настоящее время незначительными. Общий размер капиталов, предоставленных ВСНХ, составляет всего около 18% уставного капитала. Тем большее значение приобрел другой источник финансирования синдикатов—кредит, получаемый как от трестов, так и непосредственно от банков. Общая сумма кредитов, осевших в синдикатах, на 1923—1924 г. составляет около 150 милл. рублей.

Собственный капиталы синдикатов (включая единый).

	В абсолютных числах.			В отнесенных к числу.		
	1/X — 1923 г.	1/X — 1924 г.	3/IV — 1925 г.	1/X — 1923 г.	1/X — 1924 г.	3/IV — 1925 г.
Нефтеиндуст.	109,314	100,000	126,093	100	100	115
ВТС	97,085	29,114	20,238	100	31	112
Металлоиндуст.	1,200	9,947	6,947	100	203	579
Уралмст.	3,166	4,794	6,037	100	142	188
Сельмш	97	9,0	1,277	100	90	133
Сельхозиндуст.	5,017	3,033	2,782	100	60	52
Машиностроительный синдикат	1,314	689	1,173	100	47	86
Тяжелый синдикат	18	430	678	100	161	668
Жириндуст.	116	137	314	100	116	270
Продовольств.	1,371	1,990	1,705	100	101	127
Кожевенный синдикат	10,748	16,677	11,545	100	101	106
Итого	180,740	171,740	188,759	100	107	117%

Торги. Другой формой государственной торговли являются так называемые „торги“. Они выросли по преимуществу из органов снабжения, которые имелись при каждом губернском и областном совнархозе. Число торгов очень значительно и достигает 70. В большинстве случаев торги связаны с местной промышленностью, снабжая ее необходимыми материалами и проводя ее продукцию на рынок. Большинство торгов ведут торговлю разными товарами, соответственно разнородному составу и разнородным потребностям обслуживаемой ими промышленности.

В первое время торги управлялись на началах административных, оставаясь отделами ВСНХ. По мере ликвидации последних и по мере расширения рыночных отношений торги отрывались от совнархозов и превращались в самостоятельные органы, но большей частью паевого характера. Из 60 учетных торгов—36 акционерных и паевых, 24 торговые отделы и промторги.

Пайщиками являются местные промышленные организации, но в некоторых торгах участвуют и кооперативные органы и даже частные лица. На долю ВСНХ и промышленных предприятий приходится 83,2% всего капитала торгов.

Отличие от трестов, торги не имеют регламентированной законом конституции. Проект декрета о торгах построен применительно к декрету о промышленных трестах, но в настоящее время еще не получил законодательного утверждения.

Акционерные общества и паевые товарищества. Что касается паевых и акционерных обществ, то эта форма одинаково применяется и в местной и в центральной торговле. Возникновение акционерных обществ относится к февралю 1922 года. За три года утверждено 129 акционерных обществ с основным капиталом в 179 милл. рублей.

Из этого числа в середине 1925 года действовали всего 102 акционерных общества с капиталом в 164 милл. руб., не считая 18 кредитных акцио-

нерных обществ с капиталом в 336 милл. руб.

Подавляющая часть акционерных обществ носит государственный характер.

Из общей суммы основного капитала торговых и торгово-промышленных акционерных обществ только 12,7% приходится на долю частных торговых предприятий и лиц. Большинство обществ является „смешанными“ только по уставу.

Мысль о привлечении частного капитала через смешанные общества с обеспеченным государственным большинством до сих пор не дала больших результатов.

Почти все общества являются торговыми. Число акционерных обществ, ставящих себе целью промышленную деятельность, не превышает 6. Но в торговой области акционерные общества развили значительный оборот, составляющий около 15% общего оборота государственной торговли. Некоторые акционерные общества представляются весьма крупными, как, напр., Хлебопродукт, с основным капиталом в 40 милл. рублей. Но капитал, привлеченный в акционерные общества со стороны, является весьма незначительным.

Во многих акционерных обществах акционерами являются только 2—3 комиссариата и непосредственно связанные с ними промышленные и торговые организации. В этих случаях акционерная форма часто является громоздкой и неоправдываемой действительными отношениями. При замкнутом характере, который имеют большинство наших акционерных обществ, акционерный устав создает лишь ненужные стеснения.

Акционерная форма применима лишь в тех случаях, где имеется потребность в привлечении рассеянных капиталов и расширении круга участников. Вследствие этого возник вопрос о необходимости создания на ряду с акционерными обществами особого типа объединений—государственного паевого товарищества, структура которого была бы упрощена по сравнению с акционерным обществом.

Это упрощение предполагается, главным образом, по линии отмены акций, по упразднению обязательных общих собраний и по допущению единоличного управления. Государственные паевые товарищества сближаются, таким образом, с товариществами с ограниченной ответственностью.

Соответственный проект находится на рассмотрении высших законодательных органов, но до сих пор еще утверждения не получил.

Комиссариатская организация. Регулятивная работа в отношении промышленности и внутренней торговли сосредоточена в двух комиссариатах: Высшем Совете Народного Хозяйства и в Народном Комиссариате Торговли. ВСНХ организован согласно декрету 5 декабря 1917 г.

По первоначальной идее ВСНХ должен был охватывать все стороны жизни преобразованного на социалистических началах хозяйства. На деле компетенция ВСНХ оказалась гораздо уже. В лучшем случае ВСНХ выполнял функции комиссариата промышленности и комиссариата торговли, после того как последний был за ненадобностью упразднен при переходе к распределенческой и снабженческой политике военного коммунизма. В период новой экономической политики, когда вновь развились рыночные отношения, делались попытки объединить в ВСНХ работу по управлению промышленностью и внутренней торговлей. В 1922 г. в составе ВСНХ имелся специальный торговый отдел, выполнявший функции снабжения и торгового регулирования. Однако, этот отдел был вскоре упразднен, и регулирование торговли передано сначала комиссии по внутренней торговле при СТО, а потом (с 1924 г.) Наркомвнутрторгу (впоследствии, со времени слияния комиссариатов внутренней и внешней торговли — Наркомторгу).

За ВСНХ регулирование торговли остается лишь в той части, в какой она производится промышленными предприятиями, непосредственно подчиненными ВСНХ.

Практически размежевание обязанностей ВСНХ и Наркомторга в

отношении торговой работы государственности представляет большие затруднения. Потребовалось специальное постановление СТО о разграничении работ обоих комиссариатов в указанной области. Тем не менее и сейчас между обоими комиссариатами происходят трения на почве регулирования работы синдикатов и торгов, а также и трестов. Главными линиями, по которым направляется вмешательство Наркомвнутрторга в работу промышленно-торговых организаций, является политика цен и планирование сбыта.

Ст. 48 декрета о трестах предоставляет последним право устанавливать цены по соглашению с продавцами (при заготовках) и покупателями (при сбыте). Однако, с осени 1923 г., когда промышленность впала в состояние кризиса после значительного подъема, сопровождавшегося повышением цен, свобода трестов в отношении цен была резко ограничена. Почти на все предметы массового потребления установлены предельные цены, декретируемые Наркомторгом. С другой стороны, недостаток промышленных товаров, ставший особенно чувствительным благодаря хорошему урожаю текущего (1925—26) года, привел к жесткому регулированию самого отпуска товаров и к практике обязательных планов завоза по отдельным районам.

Что касается внутренней структуры ВСНХ, то последний состоит из следующих основных управлений: центрального управления государственной промышленностью (Цугпром), осуществляющего в отношении общесоюзных трестов все функции управления, предоставленные ВСНХ декретом о трестах; главного управления металлической промышленности и главного управления электротехнической промышленности, выполняющих те же функции в отношении указанных специальных отраслей; главного экономического управления, осуществляющего общее руководство всей государственной промышленностью и регулирование частной и кооперативной; административно-финансового управления, играющего роль общего администра-

тивно-хозяйственного центра; центрального управления печати и пропаганды.

Летом 1926 г. началась новая реорганизация, которая, однако, еще не получила законченного оформления. Сущность реорганизации сводится к восстановлению главков (8) и выделению из главного экономического управления особого планово-отчетного управления с упразднением ЦУГпрома. ВСНХ является объединенным наркоматом, и во всех союзных республиках имеются свои ВСНХ. Что же касается местных—областных, губернских и окружных—органов ВСНХ, то таковые в виде самостоятельных отделов существуют не везде. Губернские совнархозы сохранены лишь в полутора десятках губерний более крупного значения, в остальных же они слиты с управлениями коммунального хозяйства в отделы местного хозяйства губ. и окрисполкомов.

Если в отношении промышленности и внутренней торговли комиссариатские функции резко ограничены регулятивными задачами, а вся оперативная работа сосредоточена в особых организациях, действующих на коммерческом или хозяйственном расчете, то во внешней торговле разделение регулятивной и оперативной работы до конца не проведено. На территории СССР главными оперативными органами являются Госторг (общесоюзный и республиканские), различные экспортно-импортные конторы и смешанные общества, в которых Наркомторгу, как общее правило, принадлежит не менее 50% участия. Что же касается внешних рынков, то здесь основными торговыми органами являются торговые представительства СССР, выполняющие одновременно и регулятивные и оперативные задания.

Кроме торгпредств, на внешних рынках выступают лишь смешанные общества и отдельные крупнейшие хозорганы (Нефтесиндикат, Северолес, Двинолес, Севзаплес, текстильный синдикат, Кожсиндикат и пр.), которым это право предоставлено специальным постановлением законодательных органов по особому списку. Во всей

своей оперативной работе эти хозорганы находятся под неослабным наблюдением торгпредств, которые имеют право приостановить любую сделку или любые переговоры о купле-продаже.

Формы регулирования внешней торговли включают выработку экспортно-импортного плана, установление контингентов по ввозу и вывозу, выдачу лицензий, таможенную политику и торговые договоры. Во внешней торговле играет большую роль целый ряд вспомогательных учреждений, связанных с портовым делом, страхованием и в особенности валютными операциями. В этом последнем пункте деятельность Внешторга переплетается с деятельностью Наркомфина. Организационные формы внешней торговли нельзя считать окончательно установленными.

Пленум центр. ком. ВКП, состоявш. в октябре 1925 г., признал необходимым, в целях упрочения единства действий и более тесного привлечения заготовителей и заинтересованных хозорганов к основной работе по усилению, развитию и реализации экспорта, организовать по отдельным, наиболее крупным статьям нашего вывоза акционерные общества, паевые товарищества и синдикаты для осуществления экспорта за границу соответственных товаров. Равным образом, в целях привлечения к импортным операциям государственных и хозяйственных организаций, охватывающих достаточно полно отдельные отрасли народного хозяйства, и для создания гарантии улучшения качества импорта, снижения накладных расходов и проведения правильной политики цен, признано необходимым организовать специальные импортные общества и товарищества.

Как товарищества и общества по экспорту, так и соответственные организации по импорту проводят свои операции за границей исключительно через соответствующие отделы торгпредства.

Организация всех этих акционерных и паевых обществ, товариществ и синдикатов, а также общее руководство всеми обществами по экспорту и импор-

ту принадлежит НКторгу. Состав участников акционерных обществ, распределение между ними акций, а также порядок вступления и выхода их из обществ определяется каждый раз при выработке устава данного акционерного общества и утверждается СТО, по представлению НКторга. Как правило, вышеупомянутые общества по экспорту и импорту не будут иметь монопольных прав, и лишь в исключительных случаях тому или иному обществу по экспорту или импорту монопольные права могут быть предоставлены особым постановлением СТО. Сельскосоюз и Всекомпромсоюз получают в области внешне-торговых операций права, аналогичные с теми, которые в настоящее время имеет в этой области Центросоюз. Хозорганы, которым предоставлено постановлением СТО от 28 янв. 1925 г. право совершения экспортных и импортных операций (Нефтесиндикат, Чаеуправление, Резинотрест и т. д.) работают на прежних основаниях. Госторги должны стать органами по обслуживанию нужд и интересов соответствующих союзных республик в области внешней торговли.

Далее, пленум ЦК РКП отметил необходимость пересмотра существующей лицензионной системы, в целях ее упрощения и максимального облегчения развития экспорта и импорта. Для распределения экспортных и импортных контингентов и урегулирования выдачи лицензий при НКторге организуется лицензионное совещание в составе представителей заинтересованных гос. и хозорганов, кооперации и союзных республик, при чем решение совещания поступает на утверждение НКторга.

4. *Состояние промышленности и торговли. Размер производства.* Самым тяжелым моментом в жизни советской промышленности был период 1918—1920 гг.

В это время производство, снижаясь из месяца в месяц, достигло минимальных размеров, соответствующих размерам производства 80 и даже 70-х гг. Целый ряд отраслей промышленности был приведен почти к полному бездействию. Достаточно указать, что производство чугуна составляло

около 2% довоенного, производство сахара около 3%, производство хлопчатобумажных тканей 5—6%, добыча руды колебалась в таких же пределах и т. п. Многие предприятия были в конце разрушены в огне гражданской войны. Оборудование промышленности не только не возобновлялось и не ремонтировалось, но уничтожалось, расхищалось, ржавело и портилось. Снабжение сырьем и топливом происходило в крайне скудных размерах и с величайшими перебоями, не дававшими наладить какую-либо регулярную работу.

Производительность труда пала до такого уровня, который не оправдывал даже нищенской заработной платы, не покрывавшей и половины элементарнейших потребностей рабочих. Качество продукции резко понизилось.

Специалисты массами покидали производство, переходя на другие работы. Квалифицированные рабочие разъезжались по деревням, уходили на фронт или в общественные организации.

Промышленные районы находились в полном разобщении. Оторванная от естественных сырьевых рынков (хлопок и т. п.), промышленность переходила к использованию более примитивного местного сырья (лен, грубая шерсть вместо меринсовой). То же самое в области топлива, где отрыв Донбасса от Р.С.Ф.С.Р. привел к деминерализации баласа. Общий убыток, причиненный союзной промышленности одной только интервенцией Антанты, исчисляется в 9.212.326 тыс. рублей.

Эти убытки от интервенции распределяются между всеми отраслями промышленности и в особенности были велики в области горного дела (2½ миллиарда), текстильной промышленности (2 миллиарда), в сельскохозяйственной (1,8 миллиард.). К этим цифрам следует еще добавить потери металлургической и металлообработывающей промышленности, где подсчет убытков представляется особенно сложным в виду перехода ряда предприятий на работы по обороне. Значительная часть убытков (873 милл., или 9%) причинена прямыми разрушениями

№№ по пор.	Отрасли промышленности.	Убытки от поврежд. предпр., оборудов., сырья, готов. изд.		Убытки от сокращения производства.		Уничтожение естественных богатств.		Прочие убытки.		И т о г о.	
		Сумма.	%% к общ. итогу.	Сумма.	%% к общ. итогу.	Сумма.	%% к общ. итогу.	Сумма.	%% к общ. итогу.	Сумма.	%%
1	Горная	144.555	6	1.888.914	75	485.00	19	1.849	—	2 518.324	100
2	Металл. и метобр.			с	м.	н	и	ж	е.		
3	Электро-техн. . . .	2.900	4	45.964	79	—	—	10.411	17	59.275	100
4	Электро-экспл. . .	1.660	5	54.396	97	—	—	—	—	56.056	100
5	Текстильная	63.303	3	1.967.947	94	30.000	1,5	25.769	1,5	2.087.019	100
6	Химическая	58.075	11	447.248	83	33.929	6	2.519	—	541.961	100
7	Силикатная	23.277	48	23.752	48	—	—	3.348	4	48.377	100
8	Пром. сельск. хоз.	130.824	7	1.670.097	93	—	—	612	—	1.801.593	100
9	Сахарная	289.390	41	422.500	59	—	—	200	—	712.090	100
10	Спиртовая	119.853	100	—	—	—	—	—	—	119.858	100
11	Спичечная	1.243	5	19.924	95	—	—	—	—	21.167	100
12	Лесная	7.749	1	370.633	72	120.000	23	20.310	4	518.692	100
13	Бумажная	1.314	1,5	77.220	98,5	—	—	28	—	78.562	100
14	Сырьевая	—	—	491.826	100	—	—	—	—	491.826	100
15	Строительная . . .	30.870	19	124.656	81	—	—	—	—	155 526	100
	В с е г о . . .	873.078	9	7.605.127	82	668.935	7	65.186	2	9.212.326	100

(в тысячах довоенных рублей).

фабрик и заводов, и 7½ миллиардов (82%) убытков относится на вынужденное сокращение производства (см. табл. на 179/180 стлб.). В общем продукция 1920 года составляла всего около 25% довоенной, а в отношении продукции 1916 г.—около 18%. Только с 1921—22 г. начинается восстановление советской промышленности. Зато с этого времени возрождение промышленности идет безостановочно из года в год, так что к концу 1925—26 г. ожидается полное окончание восстановительного процесса. Если привести стоимость производства национализированной ценовой промышленности к ценам 1913 года, то ценность эта по годам изменялась след. обр. (в милл. довоенн. руб.):

1913	5.620,8	1918	1.941,4
1914	5.690,4	1919	1.447,7
1915	6.389,7	1921—22	1.490,0
1916	6.831,4	19 2—23	1.950
1917	4.344,1	1923—24	2.570
		1924—25	3.950

Если размер производства 1925—26 г. будет соответствовать предположениям производственных программ, то он составит около 5.000 милл. довоенных рублей и даст 92% довоенного производства.

Если к стоимости производства ценовой промышленности добавить стоимость производства кустарной и мелкой ремесленной промышленности, которая ориентировочно исчисляется Госпланом для 1924—25 года в сумме 1.050 милл. рублей, а ВСНХ в сумме 1.173 милл. рублей, то общий размер продукции советской промышленности составит около 5 млрд. довоенных рублей. В червонной валюте по индексу Госплана стоимость промышленного производства составит для 1924—25 г. свыше 9 миллиардов рублей.

Восстановление промышленности сопровождается возвратом промышленности места, которое она занимала в системе народного хозяйства до войны. Регресс промышленности в период военного коммунизма был связан с уменьшением доли промышленности в общей продукции народного хозяйства. В 1921 г. эта доля упала до 25% вместо 37,2% в 1913 г. В 1924 г. доля эта поднялась до 27,4%. Если предположить процент производства

в 1925—26 году оправдаться, доля эта подыметься до 36%, т.-е. почти восстановится довоенное соотношение.

По данным Госплана процесс восстановления различных отраслей народного хозяйства характеризуется следующей таблицей:

	1924—25 г.	1913 г.	
А. Сельское хозяйство: Земледелие, лес, охота, рыболовство, в % к 1913 г.	9.350 милл. р. 71%	12.605 милл. р. 100%	В. Промышленность: Крупная (ценовая) без учета Мелкая
	3.750 милл. р. 1.050 милл. р.	3.345 милл. р. 3.390 милл. р.	
	6.800 милл. р. 71%	6.735 милл. р. 100%	
	4.576 милл. р. 59,3%	7.671 милл. р. 100%	
С. Грузооборот, в % к 1913 г.	13.1873 милл. р. 64,3%	21,0 милл. р. 100%	D. Торговый оборот, в % к 1913 г.

Так. обр., судя по этим данным, надо прийти к выводу, что промышленность достигла такой же степени восстановления, как сельское хозяйство, опередив и торговлю и транспорт.

Подъем промышленного производства, начавшийся со времени новой экономической политики, сказался также увеличением числа рабочих, которое видоизменялось следующим образом:

1921—22 г. по несезонным произв.	771.000
1922—23 г. " "	1.075.000
19 3—24 г. " "	1.221.000
1924—25 г. " "	1.500.000

Этими цифрами характеризуется число рабочих, учитываемых ЦОС ВСНХ СССР. Для получения действительного числа рабочих, занятых в крупной госпромышленности, надо увеличить эти цифры примерно на 20%. Данные ЦСУ дают такое распределение рабочего состава по отраслям промышленности:

Численность рабочих на 1-ое января 1926 года
(данные ЦСУ).

Отрасли промышленности.	Число рабочих.
1. Добыча и обработка минерал.	128.516
2. Горная и горнозаводская . . .	454.578
а) Каменноугольная	195.351
б) Добыча и обработ. нефти . . .	41.848
3. Обработка металлов	101.720
4. Машиностроение	297.843
5. Обработка дерева	69.061
6. Химическая	82.260
7. Пищевкусовая	241.596
8. Обработ. материалов животн. происхождения	6.655
9. Кожевенно-меховая	34.204
10. Обработка хлопка	460.736
11. " шерсти	68.599
12. " шелка	6.730
13. " льна	82.043
14. " пеньки	15.853
15. " смешанн. волоки- веществ.	3.490
16. Одежда и туалет	66.681
17. Бумажная	38.352
18. Полиграфическая	72.801
19. Научно-художественная	7.303
20. Пр-ство физич. сил и водо- снабжения	22.463
Итого	2.261.687

Что касается числа предприятий, то в этом отношении период подъема может быть разбит на три момента. Первые два года напа характеризовались бессистемным пуском в ход целого ряда предприятий, работа которых не оправдывалась ни условиями рынка, ни ресурсами предприятий. Вследствие весьма незначительных размеров производства, все действующие предприятия были загружены в очень малой степени, так что средняя загрузка предприятий к 1923 году не превышала 30—40%. Такая незначительная загрузка случайно эксплуатируемых предприятий сопровождалась весьма высокими издержками производства и, в частности, несоизмерно большими накладными расходами. Это дало основание приступить к планомерной концентрации производства на меньшем числе наилучше оборудованных и экономически наиболее сильных предприятий. В связи с этим число действующих предприятий, учитываемых ЦОС, в 1923 году составляло всего 2.415, в то время как в 1921—22 году сравнимое число равнялось 2.819. Однако, с конца 1924 года начинается обратное увеличение числа действующих предприятий, что свя-

зано с дальнейшим расширением производства, потребовавшим ввода в действие ряда новых предприятий. В 1925—26 г. в действие вводится около 350 предприятий (из них около 200 винокуренных). Техническая загрузка предприятий, составлявшая в начале года около 50%, к концу 1923—24 г. поднялась до 56,5%, а к началу 1925—26 г. составляет около 70% производственной мощности.

Подъем промышленности коснулся почти всех отраслей, как то можно видеть из прилагаемой таблицы, относящейся к важнейшим отраслям промышленности (таб. на 185/186 стрл.).

Существует определенная закономерность в процессе подъема советской промышленности. Первой вопля в полосу подъема топливная промышленность, которая удовлетворила наиболее нестложным нуждам промышленности и транспорта, которая в отношении нефти пострадала менее других и привлекала особое внимание руководящих органов власти. Затем наиболее значительное улучшение началось в отраслях легкой индустрии, теснее всего связанных с широким рынком массового потребления. Только в 1924 г., когда развивающееся народное хозяйство предъявило спрос на средства производства и оборудования, началась ускоренный рост металлообрабатывающей и металлургической промышленности, по темпу обогнавшей рост других отраслей. К концу года на первое место по интенсивности подъема выдвинулась добыча руды, обслуживающая металлургическую промышленность, и, наконец, позже всех охвачено было процессом подъема производство строительных материалов, ибо только в 1925 году широко развернулось новое строительство (определяемое в сумме свыше 500 милл. рублей и занимающее более 350.000 рабочих). Степень восстановления не одинакова для различных отраслей промышленности. До сих пор есть отрасли, которые, подобно шелку, достигают менее 20% довоенного производства. Зато имеются отрасли промышленности, далеко превзошедшие довоенный уровень. К ним в особенности относится электротехническая

Продукция главнейших отраслей промышленности в натуральном выражении.

Наименование отраслей промышленности.	Единица учета.	Продукция.	1912	1923—24	1924—25
Топливная	т. тонн	Каменный уголь ¹⁾	28.125	15.544	15.782
"	"	Нефть сыр.	9.128	5.942	6.907
Рудная ¹⁾	"	Железная руда	9.215	914	1.954
"	"	Марганцев. руда ²⁾	252	107	133
Соляная ¹⁾	"	Каменная соль	531	347	430
"	"	Самосалочная соль	963	588	590
"	"	Выварочная соль	505	220	295
Металлургия	"	Чугун	4 207	661	1.227
"	"	Мартен	4.246	993	1.887
"	"	Прокат	3.509	690	1.275
"	"	Выплавка меди	34	3	6
Хлопчато-бумажн.	т. метр	Пряжа	283	102	192
"	"	Суровье	2.520	8,9	1.628
"	"	Гот. товар	2.400	835	1.537
Шерстяная	т. тонн	Пряжа	34	19	28
"	т метр	Готов. товар	86	29	49
Льняная	т. тонн	Пряжа	46	39	50
"	т. кв. метр	Суровье	124	114	140
Основн. химич.	т. тонн	Кислоты	217	133	164
Резиновая ¹⁾	т. пар	Галоши	34.750	6.178	15.300
"	"	Пневматика	—	355	875
Спичечная	т. штк.	Спички	3.704	1.683	3.140
Стекольная	т. тонн	Стекло	289	98	162
Цементная	т. боч. (10 пуд. в сэм)	Укупорено цемента	6.630	2.152	3.925

и радиева промышленность, превзошедшая довоенное производство более, чем в полтора раза. Сюда относится также производство сельско-хозяйственных машин, превышающее довоенный уровень примерно на 100%, производство бумаги и целлюлозы, производство анлиновых красок и целого ряда химико-фармацевтических препаратов и т. д. Несмотря на то, что загрузка предприятий в среднем по всей промышленности колеблется около 70%, в целом ряде отраслей промышленности загрузка предприятий достигла полного технического предела, и на очередь дня со всей остротой стал вопрос о расширении производительной мощности предприятий. Этот вопрос лишь отчасти может быть решен путем переоборудования и дооборудования существующих предприятий, унаследованных от прежнего режима. Не менее настоятельна постройка новых предприятий. Особенно относится это к тем отраслям промышленности, которые были мало развиты в царское время, сделали особенно крупные успехи за границей,

имеют преимущественное значение в народном хозяйстве и требуют оборудования, соответствующего последним достижениям мировой техники. Производственные планы на 1925—26 г. предусматривают производство крупных капитальных работ на сумму свыше 820 милл. рублей, в том числе новое строительство на сумму 100 милл. рублей, капитальные ремонты, дооборудование и расширение на 573 милл. руб. и жилищное строительство на 108 милл. руб. В 1924—25 году стоимость фактически произведенных работ определяется в сумме свыше 200 милл. рублей.

Осуществление крупных капитальных работ сделалось совершенно необходимым условием дальнейшего роста советской промышленности. Громадное число предприятий страдает от изношенности и устарелости оборудования, не обновлявшегося в течение многих лет. Уже в период войны регулярные ремонты почти не производились, а гражданская война и вовсе прекратила регулярные работы по восстановлению оборудования. Не

¹⁾ Данные за 1913 г.

²⁾ Кр. того, на Чиатурских рудниках добыто марганцевой руды в 1913 г.—970 т. тонн, в 1923—24 г.—320 т. тонн, в 1924—25 г.—453 т. тонн.

только в период гражданской войны, но и в первый год папа амортизационные отчисления не производились. Весьма скудные оборотные средства, имевшиеся в распоряжении предприятий, направлялись прежде всего для снабжения сырьем и топливом, для выплаты заработной платы. Таким путем было достигнуто вовлечение в работу значительной части оборудования и накоплено некоторое количество оборотных средств. С 1924 года начался новый этап в жизни промышленности. Ремонты стали производиться систематично и регулярно до полного использования амортизационных отчислений. С 1924—25 г. начинается третий период, когда промышленность подошла к расширенному воспроизводству своего основного капитала и приступила к строительству новых фабрик и заводов. В постройке находится около 100 новых предприятий.

Электрификация. Область, в которой наиболее проявляется новое строительство, связана с производством электрической энергии. По потреблению электрической энергии СССР занимает одно из последних мест. В то время, как Швейцария потребляет на одного жителя 700 килов. часов энергии, Норвегия—493 и Соед. Штаты Северной Америки—472, в СССР потребление на душу населения составляет всего 19,5 киловатт-часа. Между тем, электрическая энергия приобрела огромное значение не только по той экономии, которую она дает в деле потребления топлива, но и как могучее средство концентрации и обобществления хозяйства. На эту сторону дела обратил внимание еще Ф. Энгельс. В. И. Ленин пропагандировал электрификацию, как существенный элемент и материальную основу социализма и советской власти. Еще в 1920 г. было приступлено к составлению известного плана Гюэлро, которым предположено было связать работы по электрификации с целесообразным промышленным районированием. Согласно плану, предполагалось сооружение 30 крупных районных станций, а в 55 пунктах восстановление, расширение или объединение существующих станций. Общая мощность существующих станций определяется при-

мерно около полутора милл. киловатт, и план Гюэлро при полном своем осуществлении должен дать удвоение этого количества. В настоящее время находится в постройке и закончена постройкой 7 крупных районных станций, а именно: Волховская и Красный Октябрь (Ленинградский район), Каширская и Шатурская (Московский район), Балахнинская (Нижегородский район), Штеровская (Донбасс) и Кизеловская (Урал).

Все эти станции рассчитаны окончанием к 1 октября 1926 г. и должны располагать общей мощностью 180.000 киловатт. На 1 января 1925 г. были готовы к действию 27.000 киловатт. Кроме районных станций, находится в действии большое количество станций местного значения, которые в противоположность первым, сооружаемым на средства государственного бюджета, строятся, главным образом, на местные средства. Особого внимания заслуживает при этом прогрессирующая электрификация села, производимая усилиями кооперированного населения, организованного в особые электрификационные товарищества, действующие на основании специального декрета. Деятельность электрификационных товариществ и местных органов, занятых сооружением электрических станций, объединяется и поддерживается рядом специальных организаций (Электросельстрой и пр.), общий же план электрификации в общесоюзном масштабе проводится Электростроем, входящим в состав Главэлектро. Финансовые нужды электрификации и электропромышленности, поскольку они не покрываются прямыми ассигнованиями из государственного бюджета, обслуживаются специальной банковской организацией (Электробанком), представляющей собой государственное акционерное общество с основным капиталом в 7 милл. рублей. В настоящее время уже выяснилась недостаточность первоначального плана электрификации, и Госпланом приступлено к его переработке в соответствии с новыми нуждами промышленности, транспорта, коммунального и сельского хозяйства. В частности, президиум ВСНХ СССР образовал

специальную комиссию под председательством Л. Д. Троцкого, которая разрабатывает вопрос о целесообразности постройки громадной гидроэлектрической станции на Днепровских порогах с общей мощностью в 600.000 килв.

Финансовое положение промышленности. Капитал государственной промышленности не поддается вполне точному определению. Основной капитал принят в довоенной оценке на основании инвентаризации, которая проводилась в спешном порядке и не лишена по отдельным трестам крупных дефектов. По крупным объединениям, как Донуголь, Азнефть и пр., с очень сложным хозяйством, оценки капитала дают разницу во много десятков милл. рублей в зависимости от различия применяемых методов и индекса перевода довоенных рублей в червонные. Генеральная переоценка имущества трестов по современным ценам и по фактическому состоянию капитала произведена на 1-ое октября 1925 г., и результаты ее окончательно еще не выяснены. Если принять капитал частью в довоенной оценке (по имуществу), частью в современной валюте (по прочим средствам), то капиталы промышленности СССР выразятся следующими цифрами:

в ведении отдельных органов ВСНХ. Если причитать стоимость бездействующих предприятий, то общая сумма капиталов государственной промышленности составит около 5 миллиардов. Эта цифра более или менее близка к цифре, характеризующей размер капитала промышленности, показанный в балансе народного хозяйства ЦСУ: 5.335 милл. рублей, из коих 4.692 милл. приходится на крупную промышленность и 643—на мелкую. Разница между исчислениями нашими и ЦСУ относится, г. о., на счет различного круга учитываемых предприятий и на счет полноты учета разных видов капитала.

Основной капитал по своим размерам равен довоенному, который за вычетом стоимости земли в 600 милл. рублей исчисляется в 3.500 милл. Необходимо, однако, отметить, что в этом виде капитал советской промышленности меньше капитала промышленности в 1917 г., когда балансовая оценка капитала составляла 4 с половиной миллиарда и превышала более чем на миллиард довоенный капитал (исчисление С. Г. Струмилина). Прирост капитала, полученный промышленностью в период войны, г. о. за счет „военных“ предприятий и за счет заводов, эвакуированных из Прибалтийского и При-

Капиталы промышленности Союза СССР (в милл. руб.).

Наименование капитала.	Промышл. союзового значения на 1/X 1924 г.	Промышленность республиканского значения.				Местная по РСФСР 1/X.
		РСФСР на 1/X 1924 г.	УССР на 1/X 1924 г.	БССР на 1/X 1924 г.	ЗСФСР на 1/X 1924 г.	
Основной капитал	3.133,2	269,9	115,2	9,9	ок. 16	439,5
Оборотный „	1.181,4	121,5	68,8	6,6	12,6	273,5
Резервный „	286,6	35,7	0,9	—	—	1,2
Аморт. фонд	107,3	2,2	15,2	0,6	1,0	27,1
Фонд по улучш. быта рабочих	14,6	0,9	4,2	0,1	—	—
Прочие спец. капиталы	—	5,4	—	—	—	—
ИТОГО	3.435,1	434,6	204,3	17,2	29,6	741,3

К общей итоговой сумме надо добавить еще стоимость бездействующих предприятий, часть которых не входит в состав трестов и находится

в Виленском крае, был уничтожен в период гражданской войны, так что размер капитала промышленности вернулся к довоенному состоянию, если

только учитывать произошедший за это время износ, определяемый в 30%, и принимать довоенные рубли, в которых оценен основной капитал, за реальные современные. В отношении оборотных средств разница с довоенным временем более значительна. Насыщенность оборотными средствами сейчас ниже. По исчислениям центральной бухгалтерии ВСНХ имущество составляло в активе довоенных акционерных обществ крупной промышленности 38%, тогда как в активе общесоюзной промышленности этот процент составлял на 1 октября 1922 г.—69%, а на 1 октября 1924 г.—57,7%. Изменение в структуре баланса за три года видно из следующей таблицы:

бумаги, с одной стороны, дебиторы—с другой. Уменьшение денежных средств и ценных бумаг, несколько восстановившихся в течение трех лет (с 0,1% в 1922 г. до 2,4% в 1924 г., против 7,6% в 1911 г.), свидетельствует о крайнем оскудении живых оборотных средств. Что же касается дебиторов, то эту статью надо сопоставить непосредственно со статьей „кредиторы“ в пассиве. Обе статьи свидетельствуют о том, что промышленность обслуживалась кредитом и сама могла развивать кредитные операции гораздо хуже, чем до войны. Постепенное развитие кредита в стране за время новой экономической политики несколько улучшило положение, и промышлен-

Структура баланса общесоюзной промышленности (в %).

Число трестов.	1911—	На 1/1	На 1/1	На 1/X	На 1/IV	На 1/X	На 1/X
	19'2 гг.	1922 г.	1923 г.	1923 г.	1924 г.	1924 г.	1925 г.
	1.259	59	71	70	64	68	62
А К Т И В:							
Имущество	38	69	66,3	62,5	57,9	57,9	54,7
Материалы, полуфабрик., тов.	24,6	28	26	26,1	27,1	24,9	23,2
Денежн. средства и ценн. бум.	7,6	0,1	0,5	1	0,9	2,4	4,3
Дебиторы.	25,8	0,5	5	8,6	11,7	12,4	13,2
Переходящие суммы.	1,2	2,4	1,5	1,2	1,2	1,0	0,2
Убытки.	2,8	—	0,7	0,6	1,2	1,4	0,8
	100	100	100	100	100	100	100 ¹⁾
П А С С И В:							
Капиталы:							
Основной.	42,9	68,8	65,8	61,4	55,5	51,4	47,4
Оборотный.		30	26,5	23,0	22,0	21,4	18,6
Амортизационный.	—	—	1,6	3,3	4,0	5,2	7,0
Резервный.	5,4	—	1,1	0,3	0,5	0,6	0,9
По улучш. быта рабочих.	—	—	—	—	0,4	0,3	0,6
Специальн.	8,7	—	0,4	0,3	0,3	0,6	0,6
Кредиторы.	36,3	1,2	4,6	8,7	12,0	14,9	14,4
Переход. суммы.	0,7	—	0,8	0,7	3	0,2	—
Прибыль.	6	—	0,7	2,3	1,6	2,4	5,1
	100	100	100	100	100	100	100 ¹⁾

1) Без „прочих“ статей.

Материалы, полуфабрикаты остались почти без изменения, зато резко сократились денежные средства и ценные

средства, но все же приток последних относительно невелик. На

1 октября 1924 года сумма кредиторов составила 730 милл. руб., которым соответствует 608 милл. руб. по дебиторам. Главными кредиторами промышленности являются банки и прежде всего государственный банк. На 1 августа 1925 года общая задолженность промышленности пяти крупнейшим банкам нечислялась в 834,7 милл. руб., а без торговых и сырьевых органов — в 562,3 милл. руб.

Промышленность, так обр., поглощает около 53% всех кредитных средств, предоставляемых банками народному хозяйству. В сравнении с кредитными ресурсами, используемыми промышленностью, все более скромное значение приобретают ассигнования, получаемые промышленностью по бюджету. В 1924—1925 гг. их было получено всего 123,6 милл. руб. (без электрификации), тогда как в 1922—1923 гг. это был почти единственный источник финансирования промышленности.

Относительная слабость оборотных средств промышленности усугублялась недостатком самостоятельного торгового капитала. Промышленности приходится все время выделять значительные средства для финансирования торгового оборота. В первую очередь промышленности пришлось выделить свыше 150 милл. руб. для финансирования созданных ею синдикатов и свыше 70 милл. для финансирования торгов. Затем фактором, ухудшающим финансовое положение промышленности, является неликвидность значительной части средств, причисленных к оборотному капиталу трестов. Наконец, неблагоприятное влияние оказывает продолжительность оборотов капитала, которая связана с целым рядом организационных и общих народно-хозяйственных условий. Тем не менее, в советской промышленности начался процесс реального накопления. Хотя проводившаяся в течение полутора лет политика механического административного снижения цен крайне мешала такому накоплению, тем не менее промышленность по балансам за 1923 г. дала 82 милл. прибыли (против 5 милл. убытка за 1922 г.), а за 1923—1924 гг. около 132 милл. прибыли (вариант ВСНХ) при 33 милл. убытка. Средний % прибыли промышленности составляет около 4%. Такой финансовый результат работы промышленности дает возможность расширенного воспроизводства капитала, однако недостаточно быстрого, том более, что и вышеуказанная низкая прибыль получена благодаря заведомо-недостаточным и неполным амортизационным исчислениям. Огромные задачи индустриализации, стоящие перед народным

Таблица задолженности промышленности Б банкам по учетно-бухгалтерским операциям.

	в т.м. с. в. с. р. у. с. л. е. б.		на 1/IV 1925 г.		на 1/VIII 1925 г.	
	Всего	Всего	Всего	Всего	Промышл.	Всего
1. Топливная	41 844	40 451	47 627	48 219	31 392	34 581
2. Металлическая	50 856	50 111	74 191	70 610	67 468	54 327
3. Горючая	6 952	6 015	7 941	7 294	3 175	3 775
4. Химическая	47 474	46 694	10 334	10 422	9 522	11 524
5. Сидельчатая	50 478	49 281	10 928	10 546	11 278	11 615
6. Текстильная	334 35	324 318	76 571	82 418	48 293	53 713
7. Кожевенная	25 456	24 431	150 301	147 756	151 552	149 419
8. Пищевая	40 202	40 446	51 877	51 073	31 521	31 654
9. Электроэнергетическая	10 453	10 310	12 281	13 559	7 418	7 656
10. Проч. отрасли промышленности	50 154	50 473	37 533	37 931	31 067	31 714
Итого по промышленности	450 724	438 877	618 157	795 006	640 379	583 997
Итого по торговле и сырьевым органам	—	154 900	210 210	270 580	191 249	101 157
Всего по народному хозяйству	450 724	593 777	828 367	1 065 586	831 628	685 154

хозяйством, создают необходимость привлечения иностранного капитала и, поскольку такое привлечение возможно на условиях, выгодных для СССР, оно производится частью в виде использования краткосрочных иностранных кредитов, частью в виде предоставления концессий и учреждения смешанных обществ. Краткосрочные кредиты носят преимущественно торговое происхождение и по большей части предоставляются в форме продажи иностранных товаров в кредит. Такого рода кредиты получают при закупках хлопка в Америке, при закупках сельскохозяйственных машин, а в последнее время при заказе текстильных машин в Англии. Развитию иностранных кредитов в этой форме помогает развитие системы консигнационных складов, облегчающих иностранцам торговлю на территории СССР и позволяющих им легче ориентироваться в наших бытовых и хозяйственных условиях. Смешанные общества также связаны с внешней торговлей. В одних обществах преобладают экспортные операции, преимущественно по сырьевым товарам и лесу, в других преобладают импортные операции, наконец, третьи соединяют и те и другие. Крупным событием является предоставление краткосрочного кредита группой немецких банков в октябре 1925 г. Что касается концессий, то число их на 1 июля 1925 г. определялось всего в 27, из них 20 относятся к числу чистых концессий, одно представляло собой договор технического содействия, и 6 представляли собой смешанные общества. По отраслям промышленности концессии распределялись следующим образом: 11 горнопромышленных, 6 лесных, 9 по обрабатывающей промышленности. Общая сумма вложенного капитала не превышает 50 милл. Количество поступивших предложений было несравненно больше, составив за три года 1100 предложений, в том числе 511 промышленных. С весны 1925 г. концессионная деятельность значительно усилилась, что выразилось, между прочим, в сдаче двух крупнейших концессий: чигатурского марганца и ленской золото-промышленной кампании.

Рост рентабельности советской промышленности совершенно видоизменил ее отношения с государственным бюджетом. В период военного коммунизма промышленность не имела обособленного бюджета. Не имела его промышленность и в первый период НЭПа. Лишь постепенно промышленность начинает фигурировать в государственном бюджете не только расходной, но и приходной статьей. Дотации казны относительно уменьшаются, и промышленность покрывает недостающие средства за счет расширения кредитования. В то время как в 1923—1924 г. промышленность получила от государственной казны в виде дотации 103,5 милл. руб., а вернула погашением ссуд, взносом прибылей и покупкой 8% займа—52 милл. руб., в 1924—1925 г. приходу промышленности за счет государственного бюджета в сумме 123,6 милл. прогивостоял взнос в казну по упомянутым статьям 103,7 милл. руб. Если принять во внимание, что часть дотаций направляется на поддержку военной промышленности, то надо принять, что в 1924—1925 г. установилось взаимное покрытие получений и выдач. При этом бюджетные ассигнования имеют вполне положительное целевое назначение, а именно: 70% дотаций направляется на капитальные затраты, 20% — в оборотный капитал, 4% — на содержание консервированных предприятий и только 6% — на покрытие убытков.

Огромным завоеванием промышленности в области организации кредита явилось создание специального банка промышленности (Торгово-промышленного банка). Возникнув в 1922 году с основным капиталом в 3 милл. руб., банк располагал на 1 мая 1925 г. капиталом в 53 милл. руб., вкладами и текущими счетами на 152 милл. и произвел учетно-ссудных операций на сумму 210 милл. руб. Удельный вес Промбанка в кредитовании промышленности достиг 30%, несмотря на сравнительно небольшую помощь, которую оказывал Промбанку Государственный банк. Однако, если существование Торгово-промышленного банка и развитие других банков (Электробанка и др.) до некоторой степени разрешало задачу снабжения промышлен-

ности краткосрочным кредитом, то задача долгосрочного кредитования до сих пор остается нерешенной. Выпущенный осенью 1925 г. заем хозяйственного восстановления лишь отчасти удовлетворяет нужду промышленности в долгосрочном кредите. Третьим съездом советов постановлено было создать особый фонд долгосрочного кредитования промышленности. ВСНХ выдвинул проект создания особого промышленного фонда, сосредоточенного в ведении ВСНХ и находящегося в оперативном распоряжении Промбанка. Весной 1926 г. фонд организован в виде отдела долгосрочного кредита Промбанка.

5. *Издержки производства и производительность труда.* Количественному росту промышленности соответствовал ее качественный подъем. Одним из самых больных мест промышленности в первый период НЭПа были непомерно большие издержки производства и чрезвычайно высокие цены. Промышленный индекс в середине 1923 г. почти в три раза превышал довоенный уровень. Основными причинами такого роста цен были: ничтожная загрузка предприятий, бесхозяйственное расходование сырья и топлива, крайне низкая производительность труда, обилие накладных расходов и всевозможных начислений. За три года в строю издержек производства произошло весьма большие улучшения. Индекс отпускных цен промышленности опустился с 1 октября 1923 г. до 1 июля 1925 г. более, чем на 30%, дав понижение с 2,47 до 1,64. Снижение себестоимости было достигнуто увеличением загрузки, правильной постановкой калькуляционного дела, введением организованной бухгалтерии, более экономным расходованием сырья и топлива, борьбой с элементарной бесхозяйственностью и в особенности повышением производительности труда. Валовая выработка на 1 рабочего неизменно увеличивалась, повысившись по всей промышленности с 3,16 дов. руб. в 1921 г. до 6,04 довоенных рублей в полугод. 1925—6 г. Количество аппаратов и механизмов, обслуживаемых отдельным рабочим, возросло. Так, напр., в хлопчатобумажной

промышленности выработка 1000 веретен в 8 часов в пудомерах возросла за время с 20 декабря 1922 г. до 1 сентября 1924 г. со 130 п. пряхи (основа № 34—32) до 150. При этом количество производственных рабочих на 1000 веретен снизилось с 18,5 раб. в 1922 г. до 10,2. В довоенное время выработка составляла 145—160 п., а рабочих на 1000 веретен приходилось 7—8,8. Соответственно этому производственных рабочих на 1 пуд приходилось 3,6 в 1922 г., 2,1 в 1924 г. при 1,7 раб. в довоенное время. Еще резче сократилось за период НЭПа количество вспомогательных рабочих, относительно обилие которых составляет одну из наиболее слабых сторон советской промышленности и одну из главных причин низкой производительности труда. Такую же картину имеем в ткацком деле. Выработка на один станок, составившая до войны от 5,5 ф. до 6,6 ф. и понизившаяся в 1922 г. до 4 ф., выразилась в 1924 г. в 5,2 ф. Число производственных рабочих осталось почти без изменения, зато число хозяйственных рабочих, занятых простым обслуживанием, снизилось почти на 35% (0,11 до 0,7). В течение 1924—25 г. процесс пошел еще интенсивнее. В ряде крупнейших предприятий начался систематический перевод рабочих на три станка и на три стороны ватерных машин. Экономия на рабочей силе, связанную с увеличением производительности труда, можно констатировать также в других отраслях. В 1922—23 г. на 1 рабочего падало 326 пудов добываемого угля (44,1%) довоенной выработки, в 1923—24 г.—432 пуда, что дает увеличение на 32,5%. В 1924—25 г. выработка поднялась до 550 п. (в первом полугодии). На ряду с увеличением числа обслуживаемых механизмов замечается также более интенсивное использование рабочего времени. В 1913 г. было фактически рабочих дней в году 257,7 (вместо установленных 278), что объясняется обилием прогулов, стачками, местными праздниками и т. п. В период военного коммунизма число рабочих дней еще больше сократилось, так как рабочим приходилось тратить много времени на раздобывание пищи

и простаивание в очередях; с другой стороны, предприятия подолгу бездействовали за недостатком сырья, топлива и т. п. В 1920.—21 г. проработано было всего 219,5 дней. В 1923—24 г. число рабочих дней поднялось до 261,2, несмотря на то, что рабочие, в противоположность довоенному времени, получили возможность пользоваться регулярными отпусками.

Использование рабочего года
(по данным ЦСУ).

Число дней.	1913	1921	1922	1923	1924
1. Фактической работы . . .	257,4	221,5	256,3	260,71	261,4
2. Праздников . . .	28,6	61,4	23,3	61,07	62,0
3. Простоев . . .	6,4	8,4	3,8	1,93	1,2
4. Неявок на работу по различным причинам . . .	12,6	73,7	41,6	41,29	41,4
В том числе:					
а) работа в организации . . .	—	9,3	2,4	1,49	1,2
б) отпуска . . .	2,8	12,5	10,7	12,53	12,7
в) болезни . . .	5,2	18,3	15,2	14,08	14,0
г) прогулы . . .	4,6	33,6	13,0	13,19	12,6
Всего . . .	365,0	365,0	365,0	365,0	365,0

В 1923 г. много рабочего времени пропадало непроизводительно вследствие неналаженности рабочего процесса и недостаточно твердой трудовой дисциплины. В истекшем году на это обстоятельство обращено было большое внимание, и развита энергичная кампания по уплотнению 8-часового рабочего дня. В результате интенсивность труда поднялась. Одним из факторов интенсификации труда явился переход к неограниченной сдельщине, поставившей заработок в прямую зависимость от напряжения труда. Количество сдельщиков составило около 50% всего числа рабочих. Увеличение выработки рабочего связано было также с увеличением производительности труда в собственном смысле этого слова. Несмотря на тяжелое финансовое положение и отсталость нашего машиностроения, во многих предприятиях проделана заметная работа по улучшению оборудования и

механизации труда. Общая стоимость вновь установленного в истекшем году машинного оборудования превышает сто миллионов рублей. В Донбассе проводится относительно широкая программа механизации с установкой врубовых машин. В нефтяном деле совершается переход от тартания к насосуному способу, от канатного—к вращательному бурению. В стекольном деле идет замена ручной работы стеклодувными машинами. В хлопкоочистительном деле приступлено к широкой установке жниц. Для золото-и платино-промышленности выпущено несколько драг. Специальная комиссия ВТС ездила за границу, где сдала заказов на текстильные машины на несколько десятков миллионов рублей. Во всех крупных отраслях организованы специальные бюро для поднятия внутреннего машиностроения. Одновременно ведется работа по общей рационализации производства путем применения методов научной организации труда. Наряду с экспериментальной разработкой этих методов и пропагандистской преподавательской деятельностью Центр. Института Труда, сосредоточенной в области психофизики труда, организовались действующие на коммерческих основаниях Органовства, применяющие методы научной организации производства к отдельным предприятиям на принципах добровольного соглашения. Сильный недостаток квалифицированной рабочей силы, никогда не бывшей в избытке и расплывшейся в эпоху военного коммунизма, несколько заполняется работой по воспитанию новых кадров в школах фабзавуча и профтехнических школах. Общее количество обучающихся в школах видно из прилагаемых данных (см. таблицу № 4). Недостатком современной постановки образования является недостаточная связь его с производственными

Динамика школ Ф. З. У.

	Р.С.Ф.С.Р.		У.С.С.Р.	
	(по данным Главпрофобра)		(по данным Всеукраинского съезда)	
1921	—	—	32 шк.	2.000 учаш.
1922	386 шк.	28.0.9 учаш.	103 "	8.676 "
1923	443 "	30.474 "	217 "	13.191 "
1924	478 "	33.774 "	283 "	19.500 "
1925	382 "	34.788 "	296 "	22.880 "

Динамика рабочих профтех-
нических курсов.

	Р.С.Ф.С.Р.	У С.С.Р.
1921	853 кур. 58.669 уч.	416 кур. 21.883 уч.
1922	300 " —	113 " 4.660 "
1923	152 " —	114 " 9.720 "
1924 (окт.)	162 " 9.501 уч.	123 " 7.240 "
1925	— " —	114 " 6.923 "

нуждами отдельных отраслей промышленности. Неблагоприятно влияет также недостаток квалифицированного преподавательского персонала и скудное оборудование лабораторий и мастерских. Существенным условием дальнейших успехов в области производительности труда является переход к массовому производству и широкое применение стандартизации. В некоторых производствах ведется предварительная подготовка к такому переходу. При президиуме ВСНХ действует особая комиссия по стандартизации, которая провела стандарты в области производства автошин, форматов бумаги, махорки, огнеупорного кирпича, оконного стекла, бутылок пивных, винных и наливочных, портланд-цемента. Ведутся работы по согласованию стандартов в текстильном производстве с очень значительным сокращением ассортимента, в металлической промышленности, электротехнике; проведена классификация чугунов и т. д. В 1926 г. руководство стандартными работами возложено на особую комиссию при СТО. Стандартизация облегчает возможность специализации фабрик и заводов, и вся вообще работа по рационализации находит благоприятную почву в централизованном строе промышленности, принадлежащей одному хозяину—государству. Проблема промышленной собственности получает в советских условиях новую постановку. Секреты производства отпадают во взаимоотношениях трестов, калькуляция становится предметом гласности и подвергается публичному обсуждению, изобретения и улучшения от одного треста передаются другому. Все это вместе взятое сказывается в уменьшении удельных норм расходования сырья, топлива и материалов, что вместе с экономией в издержках на рабочую силу дает общее снижение издержек производства. Так, например, в тресте Мос-

сунко расход топлива, составлявший на 1 метр 0,474 пуда в 1 квартале 1924 г., снизился в 1925 г. до 0,362 п. На хлопчатобумажных фабриках удельные нормы топлива снизились с 0,051 п. на 1 пуд пряжи в 1922 г. до 0,036 в 1924 г., что, как и в первом случае, стоит в связи с ростом загрузки, улучшением качества и более экономным расходованием. Особенно крупные успехи в этой области достигнуты в сахарной промышленности, где снижение удельных норм выражается в 2—3 раза. Точно так же в угольном и нефтяном деле значительно снизился расход топлива на собственные нужды. В металлургическом производстве расход кокса на 1 пуд годного передельного чугуна равнялся 1,14 до войны, 1,34 в октябре—феврале 1923—24 г. и 1,27 в апреле 1924 г. и, наконец, 1,04 в сентябре 1924 г.

Снизилась также удельные нормы расходования сырья. Так, напр., в текстильном производстве выход пряжи, составивший в 1922 г. 85%, поднялся в 1924 г. до 89,5%, при средних довоенных нормах 89—91%.

Еще резче сократились накладные расходы. При сравнении первого квартала 1924—25 г. с предыдущим годом получается такое снижение накладных расходов по отдельным товарам: уголь—21,5%, нефть—4,4%, чугун передельный—24,4%, болванка—30%, хлопчатобумажная пряжа—18,5%, миткаль двухпудный—11,3%, соль—34,8%, махорка—8%. Все это вместе взятое дает значительное снижение себестоимости в течение первого полугодия 1924—25 г. По отдельным важнейшим товарам снижение себестоимости иллюстрируется следующими данными:

	1923—24 г.			1924—25 г. (1-е полугод.)			Изменение
	В копейках						
1. Камень. уголь (пуд. Донуголь)	20,648	17,735	—14 1				
2. Нефть (Азнефть, пуд.)	34,08	29,52	13,4				
3. Чугун передельный (пуд. з-д им. Петровского)	120,49	86,1	28,6				
4. Чуг. г-р. (пуд. з-д б. Юзовск.)	119,04	83,76	29,7				

	1923—1924 г.	1924—1925 г. (п-е полугодие)	% измен.
В копейках.			
5. Болванка мартен. (з-д им. Пегровского)	149,06	120,1	19,5
6. Болванка мартен. (з-д б. Юзовск.)	291,92	225,89	22,7
7. Железо мелкосорт. (з-д им. Петровского)	251,76	182,46	27,6
8. Железо мелкосорт. (з-д б. Юзовск.)	291,92	225,89	22,7
9. Цемент портл. (бочка, средн. по 6 з-дам)	560,6	467,03	17
10. Спички (ящ. по 3 тр)	588,7	489,5	17
11. Пряжа хл.-бум. № 32 (средн. по 10 фабр. пуд.)	4678	3959	15,4
12. Пр. хл. бум. № 38 (ср. по 10 фабр. пуд.)	5042	4236	16
13. Миткаль втупуд. (ср по 6 фабр.)	6769	5820	14
14. Сукно грубое (Т мб. тр., метр)	479	355	25,7
15. Ткань камв. (Камв. треста)	308	279	9,4
16. Солян. кисл. с сульф. (Конст. з-д)	151	133	11,9
17. Сернист. натр. (Конст. з-д)	481	395	17,9
18. Хлор изв. (Донецкий завод)	340	251	26,2

По отдельным элементам изменение себестоимости характеризуется следующими данными, относящимися к важнейшим продуктам. По добыче каменного угля в Донецком бассейне:

	1923—1924 г.	1924—1925 г.	% измен.
Зарботная плата	10,260	9,116	-11,2
Начисления на зарплату	2,085	1,316	-38,9
Материалы	3,781	3,456	-8,6
Кассовые расходы	1,238	0,707	-42,9
Содержание треста	0,868	0,327	-62,3
Налоги	0,131	0,216	+64,9
Амортизация	1,597	1,496	-6,3
Денежные торговые расходы	0,686	1,102	+60,6
Итого	20,648	17,736	-14,1

По производству цемента:

	1923—1924 г.	1924—1925 г.	% измен.
В копейках			
Тара и упаковки материалов	94,51	94,15	-0,4
Топливо	137,8	98,68	-28,4
Зарплата производств	64,43	57,17	-11,4
Накладные расходы	264,0	217,67	-17,8
Полная себестоимость	560,82	467,03	-16,7

По спичкам движение себестоимости выражается следующими данными:

ми, представляющими собой среднее взвешанное по трем трестам:

	1923—1924 г.	1924—1925 г.	% измен.
В копейках.			
Материалы	210	193	-8,1
Топливо	22	17	-22,7
Зарботная плата	114	99	-14,0
Накладные расходы	187	147	-21,4
Правлен. расходы, и логи	55	33	-40,0
Полная себестоимость	538	488	-17,1

По хлопчатобумажным изделиям движение себестоимости выведено С. А. Молчановым на основании показаний целого ряда трестов следующим образом:

Элементы себестоимости.	Пряжа вател. № 32 по 10 ф. кам. 100 кир.		Пряжа мп. № 38 по 10 ф. кам. 100 кир.		Миткаль х п. ср. по 6 ф. 100 метр.	
	1924 г.	24/25 г.	23/24 г.	4/25 г.	21/24 г.	24/25 г.
Сырье	193,68	163,67	-15,5	191,18	157,53	-16,6
Матриалы	8,90	7,90	-11,2	11,69	10,35	-11,5
Топливо	16,94	10,48	-2,7	23,05	22,20	-3,8
Труд	49,85	37,47	-24,6	69,67	50,24	-27,6
Остальные общед.	16,0	16,0	0	16,0	16,0	0
Акция	285,37	211,52	-15,4	308,59	288,42	-16,3
Полн. себестоимость, в том числе стоимость обработки	91,70	77,85	-15,1	117,41	98,88	-15,8
Элементы себестоимости.	23/24 г.	24/25 г.	% снижения.	23/24 г.	4/25 г.	% снижения.
Пряжа вател. № 32 по 10 ф. кам. 100 кир.	23/24 г.	24/25 г.	-15,5	23/24 г.	4/25 г.	-16,6
Пряжа мп. № 38 по 10 ф. кам. 100 кир.	23/24 г.	4/25 г.	-11,5	23/24 г.	4/25 г.	-3,8
Миткаль х п. ср. по 6 ф. 100 метр.	21/24 г.	24/25 г.	-16,3	21/24 г.	24/25 г.	-16,3

Эти данные свидетельствуют о том, что в 1924—25 г. снижение себестоимости

Динамика себестоимости хлопчатобумажных изделий.

мости достигнуто за счет всех без исключения элементов производства. Особого внимания заслуживает снижение расходов по зарплате. До 1924 г. рост зарплаты шел быстрее роста производительности труда, и это сказывалось в увеличении относительной доли расходов по зарплате в общей себестоимости. Такое положение вызвало весьма интенсивную кампанию по повышению производительности труда, идеологическое обоснование которой дано в резолюции пленума ЦК ВКП от 19 августа 1924 г. Процессе более быстрого роста зарплаты, говорится в резолюции, был до сих пор неизбежен и в общем закономерен. Заработная плата должна была так расти, чтобы достигнуть уровня обеспечения потребностей первой необходимости рабочего. Это было не только неизбежно с точки зрения интересов рабочего, но это было, кроме того, необходимым условием возможности быстрого и решительного поднятия производительности труда в дальнейшем. Однако, длительное состояние такого соотношения между ростом заработной платы и производительности труда угрожает интересам промышленности и государства. Развитие промышленности, мощь государства, возможность длительного роста самой заработной платы и закрепление ее нынешнего уровня требует обратного отношения—большого роста валовой продукции, падающей на одного участника производства: рост производительности труда должен обгонять рост зарплаты. Только при этом условии будет создана материальная база, и будут накоплены средства и для обеспечения роста зарплаты, и для расширения производства, требующего увеличения оборотных средств, и для восстановления изношенного, устаревшего оборудования, и для удовлетворения все нарастающих культурных потребностей, и для воспитания и образования подрастающего поколения, и для управления и обороны государства.

Первая половина 1924—25 г. дает поворот в движении производительности труда и зарплаты. Зарплата остается стабильной, между тем валовая

выработка рабочих в связи с расширением производства и медленным нарастанием числа рабочих, а также и под влиянием поднятой агитации, быстро растет. Это указывают и приведенные данные об уменьшении роли зарплаты в издержках производства.

Заслуживает также внимания уменьшение расходов на сырье и топливо, по которым достигнуто не только снижение технических удельных норм, но и уменьшение нарицательной стоимости каждого из этих элементов. Наконец, в отношении накладных расходов сбережения достигнуты, с одной стороны, увеличением загрузки предприятий, а с другой стороны, уничтожением всякого рода непроизводительных расходов, до сих пор лежавших бременем на предприятиях, в роде отчислений на шефство, принудительных и полупринудительных сборов, весьма высоких социальных отчислений, высокой платы за коммунальные услуги и т. п.

Тем не менее мы и сейчас имеем сравнительно высокую себестоимость, что доказывает сравнение данных себестоимости за 1924—25 г. с данными довоенного времени, приводимое С. А. Молчановым (см. столб. 207/208).

Как показывают приведенные данные, увеличение себестоимости по сравнению с довоенным временем колеблется от 1,50 по подошве до 2,47 по оконному стеклу. Наиболее типичное повышение составляет (см. таблицу) 1,77 (каменный уголь)—2,04 (по сортовому железу).

В числе элементов, обусловивших такое повышение во многих случаях, на первое место выдвигается зарплата, хотя она и составляла в 1924—25 г. всего 76% довоенной (по каменному углю, чугуна передельному, по пряже хлопчатобумажной, по подошве и мостовью).

6. *Движение цен.* Неблагоприятный результат дает также сопоставление данных о себестоимости в нашей промышленности с данными мировой промышленности. Хотя мировая война и ее последствия вызвали во всем мировом хозяйстве уменьшение производительности труда и увеличение издержек производства, тем не менее

Элементы себестоимости. Пром. изделия:	Сырье.	Материалы.	Топливо.	Зарплата.	Прочие расходы.	Полная себестоимость.
Каменный уголь.	Пуд в коп. (Донуголь).					
1913 г.	—	2,35	—	4,61	3,09	10,05
1924—25 г.	—	3,456	—	9,116	5,164	17,736
Козфф. вздорожания	—	1,47	—	1,93	1,67	1,77
Чугун переделный.	Тонна в рубл. (завод им. Петровского, Югосталь).					
1913 г.	9,53	1,79	14,62	0,80	1,30	28,04
1924—25 г.	14,59	2,76	24,46	1,80	8,65	52,26
Козфф. вздорожания	1,68	1,52	2,33	1,74	2,14	1,79
Железо сортовое.	Тонна в рубл. (завод им. Петр.).					
1913 г.	46,76	—	1,51	33,86	6,25	58,38
1924—25 г.	90,10	—	2,83	5,21	20,63	118,82
Козфф. вздорожания	1,93	—	1,87	1,35	3,30	2,64
Сталь мартеновск.	Тонна в рубл. (завод им. Петровского, Югосталь).					
1913 г.	27,64	2,22	2,46	1,55	7,05	40,92
1924—25 г.	46,47	3,37	5,73	2,69	15,08	73,34
Козфф. вздорожания	1,68	1,52	2,33	1,74	2,14	1,79
Пряжа хлопчато-бумажная № 32.	Пуд в рубл. (Иваново-Вози. трест, Беньяченская ф. ка).					
1913 г.	17,42	—	0,75	0,99	2,89	22,05
1924—25 г.	28,11	—	0,85	2,10	9,14	40,21
Козфф. вздорожания	1,61	—	1,15	2,12	3,16	1,82
Миткаль 2-х-пудный.	Пуд в рублях (Иваново-Вознесенский трест).					
1913 г.	21,60	0,080	0,61	3,49	1,64	27,42
1924—25 г.	40,43	0,21	0,68	3,63	7,84	54,79
Козфф. вздорожания	1,67	2,63	1,11	1,61	4,78	1,99
Цемент портландский.	Бочка в рублях (Мальцевский округ).					
1913 г.	0,28	—	0,79	0,29	1,23	2,59
1924—25 г.	0,54	—	1,46	0,28	2,53	4,81
Козфф. вздорожания	1,93	—	1,84	0,97	2,06	1,86
Стекло оконное.	Ящик в рублях (Чернятинская фабрика Мальцевского округа).					
1913 г.	4,18	—	3,46	4,73	7,38	19,75
1924—25 г.	7,50	—	10,6	8,06	22,97	48,59
Козфф. вздорожания	1,79	—	2,90	1,70	3,11	2,47
Спички.	Ящик в рублях (ср. взвешано по 3 тр.).					
1913 г.	1,22	—	0,15	0,70	0,55	2,62
1924—25 г.	1,93	—	0,17	1,28	1,47	4,85
Козфф. вздорожания	1,58	—	1,13	1,83	2,68	1,86
Подошва.	Пуд в рублях (ср. по трестам).					
1913 г.	15,30	3,83	1,02	1,10	2,12	23,37
1924—25 г.	19,50	6,15	0,70	3,20	5,53	35,08
Козфф. вздорожания	1,27	1,61	0,69	2,91	2,61	1,50
Мостовые.	Пуд в рублях (ср. по трестам).					
1913 г.	20,40	2,85	0,25	2,25	2,48	28,23
1924—25 г.	22,66	4,45	0,56	4,10	11,23	43
Козфф. вздорожания	1,11	1,55	2,24	1,82	4,53	1,52
Сахар песок.	Пуд в рублях без акциза.					
1913 г.	1,15	0,08	0,11	0,10	0,64	2,08
1924—25 г.	2,18	0,11	0,31	0,11	2,03	4,74
Козфф. вздорожания	1,83	1,37	2,81	1,10	3,17	2,27

процесс падения производительных сил в нашем хозяйстве был выражен резче, чем в других странах. Индекс наших цен, хотя и снизился с 1923 г. на 30%, но все еще является весьма высоким. В то время как коэффициент вздорожания промышленных цен составляет у нас 1,90, в Германии он равен всего 1,45 (по офиц. данным министерства народного хозяйства даже 1,38), в Австрии столько же, во Франции 1,48, в Соединенных Штатах 1,50, в Швеции 1,58, в Англии 1,73.

Насколько дороже наши товары по сравнению с мировыми ценами, показывает след. таблица, составленная А. Я. Гринцером:

% отношение русских цен к мировым.

В среднем за

	1 кв. 1923 г.	1 кв. 1924 г.
Чугун литейный	200	198
Железо сортовое	173	168
Рельсы	202	193
Проволока	257	238
Гвозди	296	196
Нефть	72	77
Керосин	250	278
Бензин	170	124
Хлопчатобум. пряжа № 33, основа	130	124
№ 32, уток	138	129
Ткань шерст.	345	286
Кожа подошв.	160	—
Сахар песок	216	337
Едкий натр	181	165
Соляная кислота	595	362
Белильная известь	440	401
Свищовые белила	319	253

На почве относительно высоких промышленных цен в 1923—24 г. сложилась диспропорция в отношениях между промышленными и сельскохозяйственными ценами, известная под именем „ножниц“. В то время, как промышленные цены вздорожали по индексу Госплана в сентябре 1923 г. в 2,75 раз, сельскохозяйственные цены составляли всего 88% довоенных, и коэффициент расхождения между промышленными и сельскохозяйственными ценами выразился в 3,1. Явление это имело весьма опасное значение для промышленности, суживая ее рынок и лишая деревню возможности удовлетворения самых настоятельных нужд в предметах массового потребления. При этом страдали не только личные потребности крестьянства, но

и его основные хозяйственные нужды. Существование „ножниц“, не составляющее впрочем специфического советского явления и наблюдавшееся, хотя и в менее резкой форме, также в других странах¹⁾, послужило поводом к энергичной кампании по снижению промышленных цен.

Постановлением правительственной власти промышленные цены были подвергнуты троекратному снижению. Первое снижение относится к октябрю 1923 г. и было наиболее сильным, давши в общем снижение на 15%. Это снижение связано было с кризисом сбыта, разразившимся в октябре 1923 г., и административное давление находило поддержку в затруднениях сбыта, длившихся около 3 мес.

Вторичное снижение произведено было в марте—апреле 1924 г., в связи с проведением денежной реформы и в интересах обеспечения последней. Это снижение дало около 10%.

Наконец, третье снижение произошло на начало осени 1924 г. и связано было с желанием оказать давление на хлебные цены, рост которых ожидался в виду неурожая.

Во всех трех случаях снижение коснулось в первую очередь отпускных цен промышленности. Итоги снижения по отдельным отраслям промышленности видны из следующих данных:

	В % °/о
В металлической промышленности	24,7
„ топливной	25,2
„ нефте-обрабатывающ.	12,5
„ силикатной	38,8
„ химической	31,7
„ лесной	8,0
„ бумажной	21,2
„ текстильной	39,3
„ кожевенной	39,2
„ пищевой	25,5

Однако, задача заключалась в том, чтобы довести снижение до потребителя, создав не только более низкие отпускные цены трестов, но и более низкие розничные цены. Но если в отношении оптовых отпускных цен административное давление оказалось вполне действительным и нашло себе

¹⁾ В среднем за 1923—24 г. индекс Госплана по сельскохозяйств. товарам составляет 1,342, по промышленным товарам — 2,157; в 1923 г. в Германии соответственно индексы составляли 0,741 и 1,444; в Америке — 1,350 и 1,710; в 1924 г. в Германии — 1,096 и 1,566; в Америке — 1,34 и 1,62.

отражение в фактическом снижении отпускных цен, то в отношении розничных цен регулирующие усилия государства столкнулись с противодействием рыночной стихии.

Движение розничных цен не является таким равномерным, как движение оптовых цен. В общем эти цены колебались в зависимости от соотношения спроса и предложения. Моменты товарного голода приводили к росту розничных цен и увеличению надбавок на отпускные цены. Наоборот, моменты спада конъюнктуры сопровождалась также и более значительным снижением розничных цен. Если проследить движение цен по стоимости набора семи важнейших товаров широкого потребления (ситец, гвозди, керосин, соль, сахар, масло растительное и спички) в 11 крупнейших городских центрах (Москва, Ленинград, Харьков, Киев, Одесса, Ростов-н/Дону, Орел, Самара, Саратов, Пермь и Архангельск), то стоимость эта изменялась по периодам следующим образом:

цены продолжали падать, хотя и не в том размере, как в предыдущие месяцы. Но с момента, когда денежная реформа вошла в жизнь, а на рынке обнаружился реактивный недостаток товаров, и спрос значительно превысил предложение. За период с апреля по ноябрь разница между оптовыми и розничными ценами увеличилась с 31 р. 66 коп. до 34 р. 83 коп., а в процентах к оптовым ценам—с 37,5% до 43,2%, т. е. до того относительного уровня, который имели розничные цены осенью 1923 г.

С ноября 1924 г. снова отмечается поворот конъюнктуры, характеризующийся некоторым снижением сбыта при нарастающем предложении промышленных товаров. Идет снижение розничных цен и надбавок. 1-го апреля 1925 г. цены составляли по отношению к ценам на 25 апреля 1924 г.—оптовые 93,8%, розничные—90%, а абсолютные надбавки—77,1%.

Тенденция к снижению розничных цен держится вплоть до июня 1925 г.,

Стоимость набора.	I/X.	I/II.	I/IV.	I/XI.	I/IV.
	1923 г.	1924 г.	1924 г.	1924 г.	1925 г.
			а) в рублях.		
Оптовая	100,00	90,10	84,33	80,67	79,08
Розничная	143,40	123,49	115,93	115,50	104,47
Абсол. разн. между опт. и розн. стоим.	43,40	33,39	31,60	34,83	24,39
% надбавок розн. цен к оптов.	43,4	37,5	37,5	43,2	32,1
			б) в % отн к окт. 1923 г.		
Оптовая	100	90,1	84,3	80,7	79,1
Розничная	100	86,0	80,7	83,5	72,8
Абсол. разница	100	76,9	72,9	80,4	53,9

В период октября—января 1923—24 г., который характеризовался депрессией рынка, мы имели большее снижение розничных цен, чем оптовых: первые снизились на 14%, в то время как оптовые цены дали снижение лишь на 10%. Вследствие этого разница между ними сокращалась в абсолютном выражении с 43,3 до 33,39, в процентном отношении к оптовым ценам—с 43,4% до 37,5%.

К этому же периоду примыкает и период февраля—апреля 1924 г., когда начала проводиться денежная реформа. В этот период на рынке замечалась некоторая заминка сбыта, и розничные

как это видно из данных ВСНХ, охватывающих 90 городов Союза и включающих 9 промышленных товаров широкого потребления. Но с тех пор под влиянием благоприятного урожая рынок снова переживает большую напряженность, и опять наблюдается резкое расхождение между нормированными государством ценами, с одной стороны, и ценами вольного рынка, с другой; ажиотаж на вольном рынке является настолько сильным, что цены в частной торговле превышают нормированные иногда на 50—100%. Неустойчивость сообщается даже нормированным ценам у государственных и

кооперативных продавцов. К установленным ценам под разными предложениями делают различные надбавки. Вместе с тем дальнейшее понижение отпускных цен приостанавливается, а в отношении некоторых существенных товаров даже замечается частичное их повышение (нефть, лесные материалы, цветные металлы). Только в мае 1926 г. в связи с ослаблением сбыта отмечается поворот к снижению розничных промышленных цен. Таким образом, снова подтверждается зависимость движения розничных цен от колебаний конъюнктуры.

Движение розничных цен является тем более серьезным фактором, что процентное соотношение розничных цен к оптовым в настоящее время представляется менее благоприятным, чем до войны. В то время как в 1913 г. процентное соотношение розничных цен к оптовым, принятым за 100, составляло 12,5%, на 1 апреля оно составляет 127,7%. Особенно велики розничные надбавки в сельской торговле, где они иногда составляют 100—150%.

Розничные цены являются у нас также относительно более высокими по сравнению с розничными ценами Запада. Это обстоятельство связано с состоянием нашего торгового аппарата. Товаропроводящая цепь организована далеко несовершенно — накладные торговые расходы весьма велики. По балансу народного хозяйства, составленному ЦСУ, на долю торговли приходится приблизительно 15,2% народного дохода, в то время как до войны эта доля исчислялась примерно в 8,3%.

Рост торговых надбавок объясняется частью ухудшением транспортных условий и условий связи, частью же недостатком капитала, высотой торговых издержек и высотой торговой прибыли. Торговый капитал еще находится в стадии первоначального накопления и реинтирует свою работу относительно высоким процентом.

Снижение цен производилось административными постановлениями НКВД. При этом в основу нормированных цен клалы соображения о возможной себестоимости продукции на основании отчетных и сметных калькуляций.

Калькуляции составлялись „в обрез“, и, как общее правило, прибыль либо совсем не вошлась в калькуляцию, либо вошлась в весьма малых размерах. В связи с этим снижение цен не осталось без влияния на качество продукции: в общем различные исследователи констатируют ухудшение качества некоторых нормированных товаров. Особенно заметно это в области шерстяной промышленности, которая значительно изменила свой ассортимент в сторону так называемого „лодзинского направления“, вводя во все большем размере бумажную основу.

7. *Рост торговли и ее характер.* Что касается состояния торговли, то оно характеризуется такими же результатами, как и состояние промышленности. Правда, торговый оборот достиг всего лишь 64% довоенного, тогда как промышленность достигла 71%, но это объясняется меньшей товарностью советского хозяйства, как в области сельского хозяйства, так и в области промышленности. Уменьшение товарности сельского хозяйства в свою очередь вызвано более низкой его производительностью и большим значением натурально-потребительских моментов. В промышленности снижение товарности объясняется организационными формами советской промышленности, а именно — включением ряда заведений в единый трест, что уменьшает количество единиц, самостоятельно выступающих в товарообороте.

Общий размер товарных масс исчисляется Госпланом для 1924—25 г. с внутренним крестьянским оборотом в 7.307.000.000 довоенных рубл., т. е., примерно, в 63,7% довоенного оборота. При этом стоимость товарной массы, выбрасываемой сельским хозяйством, исчисляется в 2.857.000.000 довоенных рубл., стоимость же промышленной товарной массы — в 4.450.000.000. Характерна для советской торговли относительно небольшая часть промышленной товарной массы, реализуемой на сельскохозяйственном рынке. Деревня лишь постепенно втягивается в товарный оборот, и промышленные товары лишь постепенно прокладывают себе путь к сельскому потребителю.

Главная масса товаров до сих пор потребляется промышленностью и городами, но наметившаяся тенденция развития идет в сторону увеличения промышленно-товарной массы, усвояемой деревней. Если исключить запасы и вывоз за границу, то количество промышленных товаров, потребляемых деревней, несколько увеличивается.

По балансу народного хозяйства, составленному ЦСУ, деревня потребляет на 3,5 миллиарда довоенных р., или 37% всей продукции, при чем в виде сырья и материалов 72,8 милл. р., орудий производства — 221 милл. и по предметам личного потребления — 3.300 милл.

Со своей стороны промышленность потребляет сельскохозяйственную продукцию, примерно, в таком же количестве, а именно: на 2,3 миллиарда р. сырья, на 90 милл. р. топлива и на 1.300 милл. предметов личного потребления.

Развитие народно-хозяйственной жизни ведет к значительному усилению товарной массы, обращающейся между городом и деревней. С одной стороны, деревня расширяет массу сырья, передаваемого в переработку, и массу продовольствия для все растущего населения городов; с другой стороны, емкость крестьянского рынка значительно расширяется за счет дальнейшей денатурализации хозяйства, за счет растущего накопления более крепких слоев крестьянства, за счет поднятия общего уровня благосостояния крестьянского населения, за счет удешевления промышленных товаров и т. п.

Рост взаимной связи между городом и деревней достигается методами коммерческой работы. В период военного коммунизма товарообмен между городом и деревней строился на принудительных началах. Декретом 2 апреля 1918 г. часть имевшихся товаров — мануфактуры, обуви, спичек, мыла, сельскохозяйств. машин, — предоставлена была Наркомпроду для товарообменных целей с деревней, для усиления хлебозаготовок. Система товарообмена заключалась в том, что каждое хлебопроизводящее село или деревня полу-

чали через органы Наркомпрода товары широкого потребления пропорционально количеству сданного хлеба и др. продуктов. Отдельные организации, помимо Наркомпрода и вне системы государственной хлебной монополии, не имели права прибегать к товарообмену.

Декретом 8 августа того же года введен обязательный товарообмен, т. е. обязательность для сельских местностей и хлебобродных губерний отпуска товаров исключительно в обмен на хлеб и другие продовольственные продукты. По декрету все государственные, кооперативные и частные учреждения, имеющие какие-либо товары обрабатывающей промышленности, могут отпускать эти товары отдельным кооперативам только по представлении ими квитанции о ссылке хлеба и других продуктов и в свою очередь расплачиваются с учреждениями, снабжающими их продуктами промышленности, сельскохозяйственными продуктами в размере не менее 85%, — остальные 15% деньгами.

Ценностное соотношение между обмениваемыми продуктами промышленности и сельского хозяйства устанавливается на основании твердых цен. 21 ноября 1918 г. был издан декрет о национализации торговли, который, в целях замены частного торгового аппарата и для планомерного снабжения населения всеми продуктами советских и кооперативных распределяющих пунктов, возложил на Наркомпрод заготовку всех продуктов, служащих для личного потребления и домашнего хозяйства.

Дальнейшим шагом по этому пути было введение развертки, которая все снабжение сельского населения предметами добывающей и обрабатывающей промышленности, а также хлебом и другими продовольственными продуктами производила лишь при условии обязательной сдачи населением продуктов сельского хозяйства и промыслов. Новая экономическая политика начала с замены развертки пред-

В настоящее время продналог заменен сельхозналогом, поступающим исключительно в денежной форме;

таким образом, ликвидированы последние остатки принудительного изъятия натуральных ценностей.

Специальные меры правительства даже воспрепятствуют в настоящее время производству товарообменных операций с крестьянством, как ведущих к различным злоупотреблениям во вред крестьянству. Заготовка хлеба государством для нужд армии и крупных промышленных центров, а также для нужд экспорта, ведется государством исключительно в коммерческих формах, без установления принудительных цен. Правда, в 1924 г. в виду неурожая были установлены так называемые лимиты, впоследствии распространенные на некоторые виды сырья, но эти цены были в течение года отменены.

Хлебная кампания 1925/6 г. проводилась под лозунгом так называемых директивных цен, не имеющих строго обязательного характера и преследующих задачу согласования политики цен заготовляющих организаций. Директивные цены строятся на принципе обеспечения крестьянству достаточного эквивалента при сохранении известного соотношения внутренних цен с мировыми. Общее количество заготовленного государственным и кооперативными органами хлеба (Центросоюз, Хлебпродукт, Госбанк, Сельсоюз) составляет в 1923—24 г.—260 милл. пуд. илюе 110 милл., сданных по продналогу, еще сохранявшемуся тогда в виде переходной меры в некоторых частях Союза. В 1924—25 году продналога совсем не было, в коммерческом же порядке заготовлено, несмотря на неурожай,—277 милл. пуд. В текущем году хлебозаготовки дали около 585 милл. пуд.

Приведенные данные о размерах хлебных заготовок показывают удельный вес государственной торговли в общей массе хлебного оборота страны. Если сосчитать товарную часть хлебной продукции в 900.000.000, то в текущем году на долю государства приходится приблизительно около двух третей хлебных заготовок. Осенью 1925 г. по отправкам хлеба на долю частных лиц приходилось около 22%.

В советской торговле необходимо отличать три группы основных това-

ров: хлебную торговлю, торговлю сельскохозяйственным сырьем и торговлю продуктами промышленного производства.

В период 1921—22 г. промышленность еще участвовала так или иначе в хлебных заготовках, снабжая рабочих хлебом в счет зарплат. В настоящее время натуральное снабжение рабочих со стороны промышленных предприятий совершенно прекратилось и существует лишь в виде той или иной поддержки, оказываемой рабочим кооперативным организациям. Промышленные предприятия поэтому совсем не участвуют в хлебной торговле.

Зато в области сырьевых заготовок роль промышленности значительно выше. Общий размер сырьевых заготовок виден из следующих данных:

	1922—23 г.	1923—24 г.
Хлопок-волокно	5.082,0 талл. б.	6.708,5 талл. б.
Лён	3.000,0	3.000,0
Пенька	1.000,0	1.200,0
Шерсть	1.150,0	1.200,0
Шелк сырец (кокан)	147,0	100,0
Кожинары (сиде-прямшля)	669,0	527,0
Тяжелое сырье раз. эк.	1.700,3	2.156,0
Лесные	2.979,3	3.500,0
Жаппа	380,0	1.800,0
Опояки и впрестка бразил и коста	1.081,0	490,0
Табак	5.300,0	2.800,0
Махорка	3.000,0	20.800,0
Масло сырье	3.400,0	32.019,0
Сахар, сырье	3.400,0	32.019,0

Основная масса сырьевых заготовок сосредоточена в руках государственных организаций, при чем в этих последних значительную роль играет промышленность. Полностью национализована торговля хлопком, которая фактически монополично предоставлена Главному Хлопковому Комитету в от-

пошению закавказского и азиатского хлопка и Госторгу и Текстильному синдикату в отношении иностранного хлопка. Широко проведена также национализация в отношении свекловицы, которая на 90% заготовляется Сахаротрестом, а в остальных 10% арендаторами Сахаротреста, в большинстве случаев кооперативными организа-

циями. Если сделки совершаются вне биржи, они все же подлежат регистрации на бирже. В настоящее время действует свыше 70 товарных бирж, обороты которых обнаруживают быстрый рост. С 1922—23 г. по 1923—24 г. обороты 71 товарной биржи, включая Москву, увеличились в два раза:

	1924—25 г. абсол.	1923—24 г.	1924—25 г. % прироста к 1923—24 г.	Темп прироста 1923—24 г. к своему предш.
МТБ	2839,5	1551,8 м. р.	+ 82,6%	+ 59%
70 пров. бирж.	3416,7	1463,1	+133,5%	+14%
Оборот Нижегород ярмарки	150,6	65,9	+128,5%	-191%
Итого по биржам и Нижегородской ярмарке	6406,8	3083,5	+107,7	+72%

циями. В отношении льна относительная роль государственных заготовителей несколько скромнее, так как лен заготавливается также кустарной промышленностью. Еще значительнее роль частных заготовителей в области пеньки, кожи, растительного масла, а отчасти махорки и табака. Некоторые сырьевые культуры, как лен, льенка, отчасти табак, служат предметом вывоза, и в этих культурах интересы промышленности сталкиваются с интересами госэкспортеров.

Заготовка сырьевых культур подвергнута строгой регламентации, количество основных госзаготовителей, выступающих на рынке, в большинстве случаев строго ограничено. Заготовители, выступающие на рынке, руководствуются либо лимитными, либо директивными, либо синдицированными ценами. Местные госорганизации могут выступать на рынках заготовки только в пределах ближайших к ним районов. Роль государственных заготовителей усиливается еще сосредоточением в руках государства первичной обработки сырья. В настоящее время ведется постройка значительного количества заводов для первичной обработки льна, хлопка, пеньки и т. п.

Наконец, в области снабжения торговли промышленными товарами роль государства выступает еще рельефнее. Огромная часть торговли промыш-

ленной торговли является в огромной части государственной. Роль частного капитала выражается всего лишь в размере 10%, тогда как в общем торговом обороте частная торговля занимает около 40%. Это различие объясняется преобладанием в частной торговле мелких предприятий, не выступающих на бирже.

Общий оборот 71 биржи по промышленным товарам составлял в 1923—1924 г. 879 милл. тов. руб., а за одно первое полугодие 1924—25 г.—865 милл. тов. руб. По 150 трестам и 11 синдикатам сумма покупок и продаж достигает в 1923—24 г. 669 милл. тов. р., а в 1924—25 году за одно первое полугодие 587 милл. тов. р. В эту последнюю цифру, однако, входит в некоторой доле заготовка сельскохозяйственного сырья.

По кварталам 1923—24 г. и 1924—1925 г. рост сбыта промышленных товаров выражается след. таблицей:

Фактический сбыт изделий 291 треста (в тысячах черв. рублей).		
	1923—24 г.	1924—25 г.
I квартал	458.176	831.200
II квартал	546.625	874.595
III квартал	646.085	917.957
Итого за 3 квартала	1.650.866	2.543.742
IV квартал	726.878	—

По отдельным важнейшим товарам сбыт госпромышленности распределяется след. обр.:

Фактический отпуск изделий государственной промышленности по 291 производственному объединению в тыс. че в. руб.:

№ п/п	Наименование товарных групп	Число произв. объедин.	За 9 месяцев		
			1923—24 года.	1924—25 года.	в % от г.ш. 1923—24 г.
1	Каменный уголь	15	79.812	77.594	97,0
2	Нефтепродукты и продукты	4	153.053	179.090	117,0
3	Руды	19	6.895	12.405	179,9
4	Соль (без акциз)	25	7.004	7.274	103,9
5	Металлические изделия и прод.	71	270.493	392.483	170,3
6	Электротехнические изделия	8	27.352	55.676	203,5
7	Строительные материалы	11	16.817	27.801	165,3
8	Стекло-фарфоро-фаянсовые изделия	11	20.905	33.685	164,3
9	Текстильные изделия	39	676.459	870.418	143,5
10	Кожевенные изделия и прод.	10	73.103	103.68	141,9
11	Изд. химической промышленности	16	99.490	181.100	182,0
	В т. ч. резиновые	1	32.665	58.914	180,4
	искусственные	7	21.713	30.001	139,1
	спички	6	13.092	21.875	174,7
	жиркостные	6	17.197	36.038	207,6
	лако-красочные	2	5.513	12.690	230,2
	анило-красочные	2	3.021	6.415	212,3
	химико-фармацев.	1	4.373	9.722	223,5
	лесо-химические	1	893	1.384	155,0
	коксо-бензолные	1	1.018	3.011	295,8
12	Изделия бумажной промышленности	7	30.717	57.748	188,0
13	Продукты сахарной промышленности	2	114.935	227.299	197,8
14	Табачные изделия	8	50.611	99.156	197,9
15	Махорка	1	13.893	9.649	72,5
16	Прод. маслосемянной пром.	12	14.682	34.44	234,3
17	крахмал-паточн.	1	2.066	3.284	159,0
18	чайно-кофейной	1	13.866	38.92	281,2
19	Лесн. материалы и изделия деревообработ. промышленности	34	62.850	87.702	139,5
20	Швейные и трикотажные изделия	9	25.669	41.442	161,4
21	Полиграфические изделия	2	1.209	2.461	203,6
	Итого по всем товарным группам	291	1.650.886	2.543.802	154,1
	В том числе:				
	1) по отраслям промышленного потребления	—	609.440	895.632	145,6
	2) по отраслям непосредственного потребления	—	1.041.446	1.657.170	159,2

Сбыт промышленных товаров, производимых госпромышленностью, почти на $\frac{3}{4}$ сосредоточен в руках госорганов. Около $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{8}$ сбыта находится в руках кооперации. Реализация товаров госпромышленности через посредство частных лиц является незначительной и в процессе дальнейшего сокращения. При непосредственном отпуске в первичном звене от производителей частный капитал получает в среднем около 11%, но в дальнейших звеньях роль его возрастает, так что потребитель получает от частного торговца около 45% промышленных товаров. Относительная роль отдельных контрагентов в реализации товаров видна из следующей таблицы:

Оптовый сбыт.

Периоды времени.	Госорганам.					
	Всего.	В т. ч. сыну, пикату, ш кот. входит объедин.	Кооперации.	Смешанным органам.	Частн. лицам.	Проч. и не выясн.
1923—24 г.						
I квартал	70,9	26,7	7,7	1,6	13,9	5,3
II квартал	65,8	24,4	13,2	1,1	14,7	4,2
III квартал	71,1	28,7	14,6	1,3	8,7	4,3
IV квартал	71,5	30,1	15,3	1,3	5,5	6,4
1924—25 г.						
I квартал	69,2	27,9	22,6	1,5	4,8	1,9
II квартал	74,3	33,1	18,7	1,1	4,7	1,1
III квартал	72,9	31,0	17,9	1,4	6,4	1,4

Для оценки роли частного капитала в деле сбыта промтоваров необходимо, однако, иметь в виду, что значительная часть товаров, фигурирующая на рынке, производится кустарной и мелкой ремесленной промышленностью, где частный капитал имеет значительное преобладание.

В числе госторговых организаций, реализующих промтовары, первое место должно быть отведено синдикатам. Весьма многие тресты в настоящее время совсем ликвидируют свои торговые аппараты и передают всю реализацию продукции синдикатам. Эта крупная, решающая роль синдиката в значительной мере обусловлена состоянием товарного голода, который делает излишними для трестов поиски для так наз. недостаточных товаров отдельных покупателей и который связан с более или менее принудительным, регламентированным распределением товаров через централизованные органы по указанию НКторга. Поэтому разбухание синдикатских организаций, наблюдаемое в настоящее время, является до известной степени результатом современных условий товарного рынка, и с установлением более нормальных отношений между спросом и предложением промтоваров роль синдикатов может несколько измениться.

Синдикаты играют для госпромышленности огромную роль не только в качестве продавцов продукции, но и в качестве поставщиков сырья. В 1923/24 г. обороты синдикатов по продаже продукции составляли 651 м., а в деле снабжения сырьем — 320 милл.

Вторыми по величине госторговыми организациями, обслуживающими промышленностью, являются торги. Общее число их в настоящее время составляет около 60 с капиталом в 46 милл. рублей. Торги разбросаны по всей территории СССР, но больше всего их в центральной промышленной области, насчитывающей 11 торгов. Оборот 56 торгов за 1-о полугодие 1924—25 г. составил 329 милл., достигнув 85% от оборота торгов за весь 1923—24 операционный год. По кварталам сквозные данные по 39 торгам, составляющих 84% от оборота всех торгов, дают следующую картину роста в отношении первого квартала 1923—24 г.:

	Наименов. кварт.	Оборот в тыс. руб.	% I кв. 1923—24 г.
1923—24 г.	I кв.	52.265 5	100
	II кв.	69.200,9	132,4
	III кв.	81.092,2	155,1
	IV кв.	106 090,1	202,9
1924—25 г.	I кв.	132.565,1	253 6
	II кв.	145.061,5	277,5

Наибольший рост оборотов обнаруживают торги, связанные с местной промышленностью, как Белорусский пайторг, Северо-Двинский промторг, Вятский промторг, Костромской промторг и другие. Главнейшим товаром, которым оперируют торги, являются тек-

Рост оборотов синдикатов (в тыс. руб.).

	В абсолютных цифрах.			В относ. цифрах, принимая 1922—23 г.=100		
	1922—23 г.	1923—24 г.	1924—25 г.	1922—23 г.	1923—24 г.	1924—25 г.
Нефтеиндик т.	—	187.573	235.300	—	100	125
ВТС.	69.000	255.936	514.416	100	371	745
Металлосинд	7.964	19.032	42.832	100	227	537
Уралмет.	19.016	60.356	87.964	100	317	462
Сельмаш.	3.766	4.712	16.856	100	175	447
Солеиндикат.	19.957	36.994	11.328	100	185	57
Махорочный.	2.750	4.822	6.032	100	172	216
Расмашл.	860	2.965	11.468	100	345	1.336
Жирсинд.	—	1.543	3.476	—	100	224
Продасилик.	5.695	15.424	24.874	100	271	436
Кожсинд.	34.500	42.100	72.512	100	112	210
Итого без Нефтеиндик. и Жирсинд.	163.548	441.401	788.292	100	370	483

стильные товары, давшие около 30,7% товаров; затем идет группа москательных и химических товаров.

Анализ оборота торгов по товарным группам в 1923—24 г.

Товарная группа	Оборот в %	Число торгов
1 Текст. тов.	30,7	9
2 Моск.-лик. тов.	27,0	14
3 Пищев. и бак. т.	12,5	23
4 Металл. тов.	10,3	17
5 Кожтов. и обув.	6,6	0
6 Стекло и фарф.	3,2	0
7 Прочие товары	22,0	—
	100	—

Что касается связи торгов с местной промышленностью, то связь эта неодинакова у разных торгов. У одних торгов связь эта закреплена уставом, предусматривающим обязательность сдачи местной промышленности части своей продукции для реализации через торги. У других она определяется административным вмешательством ГСНХ.

Работа торгов с местной промышленностью идет по двум руслам—торги выступают либо продавцами местной продукции, либо в качестве контрагентов по снабжению сырьем и материалами. По данным ВСНХ РСФСР, опубликованным в Сборнике Местной Госуд. промышленности РСФСР, работа 26 торгов с оборотом в 162 милл. рублей за 1923—24 г. представляется в след. табл. (см. ниже).

Приведенные данные показывают, что работа с местной промышленностью занимает 71,4% оборота торгов, при чем реализация продукции занимает 41,2%, снабжение сырьем и материалами—29,3%. По данным, опубликованным на съезде местных торгов в апреле 1924—1925 г., удельный вес оборотов всех 47 торгов РСФСР определяется в 48% от продажного оборота местной промышленности.

Подобно тому, как синдикаты не ограничиваются одной торговой деятельностью, так и торги принимают некоторое косвенное участие и в производственной работе промышленности. Ряд торгов способствовал пуску действующих фабрик и заводов и организации новых производств (Донснабторг, Смолторг, Севзапторг и т. д.).

Что касается аппарата торгов, то насчитывается 615 торговых единиц, из них в своих районах работало 488 и вне своих районов—127 единиц. Как и синдикаты, торги работают с боль-

Распределение оптовых оборотов торгов по контрагентам показывает, что торги значительно больше связаны с кооперативным и частным рынком, чем с рынком госторговли. Удельный вес частной торговли и торгов выше, чем у других госторговых организаций, что объясняется связью торгов с местным рынком.

Период.	Госорг.			Итого.
	Госорг.	Коопер.	Частн.	
1923—24 год.	43,7	33,2	23,1	100
1-е полугодие 1924—1925 г.	34,8	43,8	21,4	100

Удельный вес оборота с местной промышленностью в продажном обороте торгов.

Число торгов.	Продажный оборот в тыс. рубл.	Реализ. прод. мест. пром.	% к прод. обороту.	Снабж. местн. пром.	% к прод. обороту.	Снабж. куст. и реализ. из продукции.	Всего на обесп. местн. пром.	% к прод. обороту.
26	162.629,4	66.952,2	41,2	47.668,1	29,3	1.387,0	116.007,3	71,4

шим привлечением чужих средств. Отношение собственных оборотных средств по 44 торгам к сумме привлеченных средств составляет 1:5,3. Привлечение средств производится, главным образом, за счет промышленности, с одной стороны, банков—с другой.

Третьим контрагентом по реализации продукции госпромышленности является кооперация, главным образом потребительская. Роль ее особенно велика в деле реализации предметов массового потребления. Сбытовая 19,5% продукции всей промышленности, кооперация получает процент реализации по отраслям, производящим предметы непосредственного потребления, до 29%. Данные относятся к 1924—5 г. В настоящее время роль еще выше.

Что касается торговли с.-х. кооперации, то рост ее оборота в 1923—24 г. виден из след. данных.

Наименование групп.	1923—24 г.		
	1922—23 г.	В абсо- лютн. ве- личинах	В % к 1922—23 г.
СССР без Украины.			
1 Центры с.-х. кооперации	28,0	60,0	214,3
2 Местные союзы.	69,0	189,0	260,0
3 Кооперативы первой ступени.	75,0	272,0	362,7
Итого по п. 1—3	172,0	512,0	297,7
4 Украина.	—	90,8	—
Итого по п. 1—4	—	602,8	—

Одной из прогрессивных сторон в развитии советской торговли является ее постепенное распространение на всю периферию страны. В начале года главная масса госторгового оборота была сосредоточена в Москве и других крупных городах, но постепенно госторговля расширяет свои обороты по всей территории союза и, вместе с тем, усиливается связь между отдельными экономическими районами. Наблюдавшееся резкое расхождение в ценах между отдельными районами

сглаживается, точно так же насыщение отдаленных районов товарами становится более равномерным. Однако, этот процесс географического выравнивания торговли находится в тесной зависимости от соответствующего развития транспортных и кредитных условий.

8. *Внешняя торговля.* Что касается внешней торговли, то она дает большой рост оборотов. Оборот внешней торговли в весовом выражении составлял:

	Импорт в тыс. тонн.	В % к 1913 г.	Экспорт в тыс. тонн.	В % к 1913 г.
1913 г.	15 347	100	23 112	100
1922—23 г.	306	12	2 160	9
1923—24 г.	826	16	6 129	24
1924—25 г.	1 158	27	3 156	20

(по июнь мес. включит. в современных ценах).

Этот рост находится в связи как с подъемом сельского хозяйства, так, в особенности, с развитием промышленности. Доля товарной части продукции сельского хозяйства, предназначенная для госэкспорта, систематически растет, хотя далеко еще не достигла довоенного уровня. Так, в 1913 г. из всей товарной части продукции сельского хозяйства было вывезено за границу 30%, в 1921—22 году—2,2%, в 1922—23 г.—4,2%, в 1923—24 г.—9,7%.

Однако, вывоз с.-х. продукции находится в непосредственной зависимости от резко колеблющейся урожайности и, например, в 1924—25 г. хлебные продукты совсем не фигурировали в вывозе СССР, а, наоборот, некоторое количество хлеба было даже ввезено из-за границы в виду недостатка его на внутреннем рынке. Рост с.-х. экспорта поддерживается в последнее время ростом вывоза специальных культур, в особенности льна, масла и яни.

По отдельным статьям госэкспорт распределялся след. обр.:

Группы:	1913 г.		1921—22 г.		1922—23 г.		1923—24 г.	
		%		%		%		%
1 Жизненные припасы	807,2	56,8	2,0	3,1	54,0	40,6	195,5	57,5
2 Сырье и полу-браз. матер.	550,2	38,7	58,4	92,5	77,0	58,1	143	42,1
3 Животные.	33,0	2,3	0,8	0,1	—	0,0	0	—
4 Изделия.	10,4	2,2	2,7	4,3	2,3	1,3	1,5	0,4
	1 420,8	100,0	63,9	100,0	133,3	100,0	340	100,0

М. Я. Кауфман, разбивая госэкспорт по отдельным отраслям производств, дает такую таблицу:

ставляют полуфабрикаты и сырье для промышленности. Ввоз по товарным группам выражается след. данными:

Примерная разбивка экспорта по материалам внешней торговли

	1913 г. (по Европ. групп.)		1921—22 г.		1922—23 г.		1923—24 г.	
	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%
1 Сельское хозяйство	1,078,837	76,0	36,846	42,0	83,892	43,0	225,246	45,5
2 Лесная промышленность	163,576	11,4	12,444	19,4	22,059	15,6	38,452	11,3
3 Добывающая промышленность	56,702	4,7	10,074	15,8	12,230	9,2	51,289	15,2
4 Обрабатывающая промышленность	56,549	4,0	2,735	4,3	3,955	3,0	4,949	1,4
5 Другие отрасли	55,131	3,9	11,996	18,5	11,075	8,2	18,927	5,6
Итого	1,400,835	100,0	61,916	100,0	133,241	100,0	39,863	100,0

	1913 г. (в т. р.)	%	1923—24 г. (в мил. р.)	%
Жизненные припасы	237,898	17,3	18	9,0
Сырье и полуобработ. материалы	667,989	48,6	128	60,5
Живой скот	17,612	1,2	—	—
Изделия	470,532	32,9	64	30,5
Итого	1,374,034	100,0	209	100,0

Из этих данных видно, что жизненные припасы дают всего только 9% ввоза против 17,3% в довоенное время, сырье же и полуобработанные материалы поднялись с 48,6% в 1913 г. до 60,5%. Основными предметами ввоза являются: хлопок, шерсть, краски, бумага, цветные металлы, с.-х. машины, каучук, чай и до последнего времени сахар.

В первый период напa баланс внешней торговли был резко отрицательным. Весь вывоз в 1920—21 г. составил 10 милл. руб., привоз же в связи с крайним недостатком в стране средств пр. довольствия и самых элементарных предметов массового потребления достиг 201 милл. р. Пассивность баланса выразилась в 191 милл. рублей при общем обороте в 211 милл. рублей. Почти таким же неблагоприятным был баланс 1921—22 г., который при вывозе в 64 милл. дал ввоз в 270 милл. рублей, т.-е. отрицательный баланс в 206 милл. рублей (без Помгола), при общем обороте в 334 милл. рублей.

1922—23 г. дает значительное улучшение. Баланс является еще отрицательным, если исчислять его по довоенным ценам, но дефицит резко сократился. При вывозе в 133 милл. рублей привоз составляет 148 милл., и пассивный баланс выражается в 15 милл. руб. Если перевести довоенные цены на современные, то уже в 1922—23 г. пассивность сменяется активностью баланса в размере 23 милл. руб. В 1923—24 г. активность баланса выступает совершенно определенно—при общем вывозе в 340 милл. рублей

Эта таблица указывает, что на долю промышленного госэкспорта в 1923—1924 г. приходилось не менее 28%, т.-е. в полтора раза больше, чем в 1913 г. В 1924—25 г. роль промышленности в госэкспорте значительно выросла. Почти все дефициты, причиненные внешней торговле жатием хлебного экспорта, были возмещены вывозом промтоваров. Наибольшую роль при этом сыграл вывоз нефти в размере свыше 90 милл. пудов. Рядом с нефтью по значению в госэкспорте стоит лесная промышленность. Из других вывозных статей особенно крупное значение имеет—руда, уголь, сахар, резиновые изделия и т. д.

Что касается импорта, то он еще более тесно связан с работой промышленности. Главные статьи ввоза со-

привоз составляет всего 208 милл., и общий оборот внешней торговли в 548 милл. рублей заканчивается активным сальдо в 132 милл. рублей, или в 24% к обороту.

Активность баланса достигнута благодаря вывозу значительных количеств хлеба и жесткому сжатию импорта. Положение меняется в 1924—25 г., когда из статей вывоза выпал хлеб, а, с другой стороны, промышленность предъявила огромные требования на импорт товаров. Баланс внешней торговли 1924—25 г. сведен с незначительным активным превышением. Первые 9 месяцев 1925—26 г. снова дали пассив.

Развитие внешней торговли СССР связано с расширением ассортимента вывозимых и ввозимых товаров и с расширением круга стран, с которыми поддерживаются торговые сношения. В первый период напa связь с мировым рынком поддерживалась только через 2—3 страны—Швецию, Англию, Германию, в настоящее время список стран, торгующих с СССР, значительно возрос, как можно видеть из следующей таблицы:

Состав и распределение внешней торговли по странам за 9 мес. 1924—25 г. (октябрь—июль).

Импорт.

В тысяч. фунт. стерл.

	В % к общему
Соединен. Штаты	13.300 28,2
Англия	8.750 18,6
Германия	7.280 15,4
Голландия	2.610 —
Австралия	2.500 —
Египет	1.810 —
Чехо-Словакия	1.650 —
Финляндия	1.300 —
Прочие	7.810 —
Всего	47.800 100

Экспорт

	В % к общему
Англия	12.860 34,8
Латвия	5.745 15,6
Германия	5.700 15,4
Соедин. Штаты	1.849 —
Голландия	1.540 —
Эстония	1.416 —
Бельгия	1.710 —
Франция	1.412 —
Прочие	4.316 —
Всего	36.548 100

Развитие внешней торговли сопровождается также значительным усилением кредитов. Количество иностранных фирм, ведущих торговые операции в пределах СССР на основе

концессионных договоров, весьма невелико. В настоящее время действуют только два концессионных общества. Оборот смешанных обществ по экспорту составил за 9 месяцев текущего года по 10 обществам 21,5 милл. рублей (без смешанных лесоэкспортных организаций и обществ, работающих по торговле с Востоком). Гораздо значительнее размеры финансирования иностранных капиталом экспортных операций наших государственных и кооперативных организаций. Последнее имеет место в виде авансов по запродажам, ссуд под залог экспортных товаров, а также финансирования договоров.

Финансовые договоры в текущем году заключались по экспорту пушнины, волокна, масла, яиц, мясопродуктов, рыбных товаров, лекарственных, табака, фруктов, ковров, тряпья и ряда второстепенных статей нашего экспорта. Насколько значительно было привлечение иностранного капитала по отдельным экспортным статьям видно из следующих цифр. По экспорту льняного волокна было привлечено иностранного капитала в текущем году по финансовым договорам и закладным банковским операциям свыше 20 милл. р., по пушине—до 40 милл. р., по яйцам—2,5 милл. руб. По заключенным финансовым договорам иностранные фирмы предоставляли кредиты не только под коносаменты, дубликаты и товары в иностранных портах, но также в виде авансов на заготовки, на оборудование маслозаводов, беконных фабрик и проч. Получение товарных ссуд под залог экспортных товаров, находящихся за границей, как общее правило, не встречало затруднений.

9. Частная промышленность СССР. Развитие частной промышленности в СССР находится под влиянием двух основных факторов — относительно быстрого накопления частного капитала, происходящего в сфере торговли, и, с другой стороны, крайние тесные правовые границы, созданные для роста частного капитала.

Количество предприятий частной промышленности точно не установлено. Данные, основанные на количестве выбранных патентов во 2-м полуго-

дин 1923 г. по всему Союзу, дают 243.794 частных промышленных предприятия, при общем количестве промышленных предприятий—257.782. На долю частных промышленных предприятий приходится, таким образом, 94,5%.

Огромное большинство этих предприятий расположено в деревнях. По данным налоговой статистики за первое полугодие 1924—25 г. число выданных патентов по промпредприятиям в сельских местностях достигает 206.188, что по отношению к общему числу промышленных патентов, взятых за рассматриваемый период, составляет 66,4%. В то время, как в госпромышленности на внегородские аппараты приходится 48,8% выданных патентов, в кооперации—53,7%, в частной торговле этот процент поднимается до 67,6%.

Уже это обстоятельство свидетельствует о крайне незначительном размере частных предприятий. Более $\frac{1}{5}$ всех сельских промышленных предприятий относится к 1-му разряду, т.-е. имеют не свыше 3 рабочих, ко 2-му разряду относятся предприятия с числом рабочих свыше 3 до 6, и эти предприятия составляют 3%, к 3-му разряду с числом рабочих до 12 относятся 11,8% предприятий; остальные разряды с большим числом рабочих представлены ничтожным количеством предприятий. Другим источником, по которому можно судить о частном ка-

питале в СССР, является перепись 1923 года. Она насчитывает 165.781 предприятие в 83 губерниях. Подавляющая часть этих предприятий (147.471, или 83,5%) принадлежит частным лицам. Несмотря на огромное численное преобладание, частные предприятия занимают всего 12,4% рабочих и дают всего лишь 6,8% стоимости продукции. Незначительность частной промышленности подтверждается также сведениями из 3-го источника—именно данными ВЦСПС о количестве рабочих. Количество рабочих, членов профсоюзов, занятых в частных предприятиях, составляет 108.257 ч.; если присоединить сюда рабочих, не состоящих в союзе, то общее число рабочих в частных предприятиях выразится в 130 тыс., или 6—7% количества рабочих, занятых в госпромышленности.

Однако, частная промышленность в последнее время обнаруживает заметный рост. Для характеристики удельного веса частной промышленности необходимо иметь в виду основные группы, на которые она разбивается.

Прежде всего, сюда относится мелкая кустарная промышленность, осуществляемая трудом крестьянства и мелких городских ремесленников, во-вторых, мелкая капиталистическая промышленность, существующая на правах частной собственности, в-третьих, арендованная промышленность, в-четвертых—промышленность концессионных предприятий.

Различие частно-хозяйственных форм в цензовой промышленности.

	Число действ. заведений к концу года.		Среднее число рабочих.		Продукция в тысячах червонных рубл. в.	
	23—24	24—25	23—24	24—25	23—24	24—25
а) собств.	786	442	9429	9740	40496	49047
б) аренда.	1065	1054	30848	25780	152683	196391
в) концесс.	—	13	—	4250	—	10236
	1551	1509	40277	39780	193179	255677
	Тоже в %:					
а) собств.	31,3	29,3	23,5	24,5	21,0	19,2
б) аренда.	68,7	69,8	76,5	64,8	79,0	76,5
в) концесс.	—	0,9	—	10,7	—	4,3
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
	Принимая за 100 данные 1923—24 г.					
1924—25 г.	Число заведений.		Среднее число рабочих.		Валовая продукция	
а) собств.	90,9		103,3		121,1	

Концессионные предприятия учтены неполностью,—нет сведений о некоторых мелких концессиях.

Все эти группы имеют, конечно, совершенно различное социальное значение, и роль каждой из них должна обсуждаться особо.

Что касается кустарной промышленности, то общее количество кустарей до сих пор не учтено. По материалам ЦСУ число кустарей в 1924—25 г.г. определяется в 3 милл. с валовой выработкой в 4 млрд. руб. Если эти данные верны, то количество кустарей превышает число фабрично-заводских рабочих, а выработка их составляет половину фаб.-заводской промышленности. По балансу нар. хоз., опубликованному ЦСУ, валовая продукция кустарной промышленности определяется в 2.635 милл. рублей, вместе с сырьем заказчиков, т.-е. в 34,9% продукции всей промышленности Союза. При этом продукция городской кустарной промышленности дает 26,7%, продукция сельских промыслов—2.206,0 милл. рублей.

По отдельным отраслям промышленности цифры разбиваются следующим образом:

Группы промыслов и производств.	Число рабочих.	Стоимость валовой продукции в тыс. р.
1. Добывание и обраб. камней, глины и пр.	23.710	3.099,1
2. Металлообрат. промышл.	195.388	61.121,6
3. Произв. машин и инструм.	9.840	5.446,5
4. Обработка дерева	499.076	73.165,2
5. Химическая промышл.	3.300	1.243,8
6. Пищевая промышл.	409.473	647.166,8
7. Обработка твердых материалов животн. произв.	1.040	278,2
8. Кожевенная и меховая промышленность	71.140	6.160,8
9. Производство и обработка волокон	477.840	67.853,3
10. Одежда, обувь, пуговицы и проч.	414.560	81.764,6
11. Полиграф. произв.	300	128,1
12. Художеств. промышл. и промышлени. точной механики	2.112	563,1
13. Прочие производства	22.430	5.904,4
Всего по Союзу ССР	2 130.209	983.895,5

Кустарные промыслы разбросаны по всей стране, но некоторые основные промыслы сосредоточены в крупных центральных районах. Таковы, например, металлические районы (Павловский, Ярославский, Череповецкий, Тульский, Уральский, Кузнецкий и т. д.), лесные районы (центральный, север-

ный, западный край), районы ткацких промыслов (Московский, Владимирский, Ярославский, Костромской, Немреспублика), кружевные районы, деревообделочные, кожевенные и проч. Распространение кустарных промыслов стоит в тесной связи с ростом малоземелья и безлопядности.

Аграрное перенаселение является одним из важнейших факторов, обуславливающих дальнейший рост кустарных производств. По данным бюджетной статистики, разработанным Л. Н. Литошенко, доход от ремесленных, кустарных и личных промысловых занятий составляет 21% крестьянского дохода по потребляющей полосе, 14% по производящей и 9% по Сибири. В потребляющей полосе хозяйства нижней посевной группы получают от промыслов 32% дохода и от всех заработков не своего хозяйства—42% своих доходов. Для высшей посевной группы соответствующее отношение дает 7 и 11%, и в производящем районе соответствующие цифры нижней группы—36 и 44% и при посеве в 8—16 десятин—8 и 18%. Чистый доход от промыслов виден из следующей группировки, заимствованной из работы Л. Н. Литошенко:

Руб. промысловых занятий.	Оплата промыслов.	
	На руб. с/п. в пром. и занят.	На руб. с/п. в семье.
1. Сплавщик	109,15	19,6
2. Стежарь и кружева	105,8	19,0
3. Стежарь и кружева	98,20	18,5
4. Делатель	67,61	10,9
5. Ковальщик в деревне	60,80	15,5
6. Бондарь, столяр и решетник	74,84	14,1
7. Чернораб.	50,00	9,1

Эти данные подтверждают установленный факт, что производительность труда в кустарной промышленности значительно ниже, чем в крупной промышленности.

Стоимость выработки на 1 работника в кустарной промышленности значительно ниже, чем в ценовой промышленности. Строение кустарных промыслов и техника их чрезвычайно разнообразны. На ряду с крайней примитивностью производства мы видим здесь предприятия, близкие к фабрично-заводскому типу. Например, в Павловской металлургической промышленности кустарные промыслы в значительной мере перешли в стадию мануфактурной организации. Роль скупщиков чрезвычайно велика. Государство энергично борется с этой ролью, стараясь наладить непосредственные взаимоотношения между госорганами и кустарями, усиленно развивая промысловую кооперацию. В Павловском районе действуют два государственных металлических треста, занимающие, в общей сложности, 5 тыс. рабочих.

Во многих случаях государственные тресты выступают в роли скупщиков и получают готовую продукцию кустарей; эти отношения между кустарями и трестами носят характер, близкий к мануфактуре. Так, например, трест Ацетометил потребляет почти полностью продукцию кустарной промышленности по сухой перегонке дерева и объединяет отдельных кустарей в определенные артели сдатчиков. Окрашенная пряжа Саратовского треста перерабатывается на ткань кустарями, при чем последние зачисляются в профсоюз и рассматриваются, как рабочие треста. В тресте Светеки кустари перерабатывают сырье и материалы треста в помещении треста, но рассматриваются не как рабочие треста, а как его контрагенты. В металлургическом тресте Павловского района (ПРУМН) кустари в одном случае зачисляются в число рабочих предприятия, хотя и работают на дому, в другом случае просто получают от треста заказ на дальнейшую отделку или доработку полуфабрикатов. То же наблюдается и в обувной промышленности.

Существенное значение для кустарной промышленности имеет правильная организация экспорта, поскольку целый ряд продуктов кустарной промышленности и в настоящее время сбывается за границу—продукты смолокурения, кружева, ковры, вышивки, игрушки и т. п. До сих пор большим тормозом в развитии кустарной промышленности были тяжелые налоговые требования, предъявляемые кустарям. С весны 1925 года в этом отношении произошли значительные улучшения, и кустарям предоставлен ряд льгот. Резолюцией 14-ой Всесоюзной конференции ВКП было признано, что „развитие производительных сил деревни теснейшим образом связано с развитием кустарных и отхожих промыслов, составляющих в некоторых районах значительный источник доходов крестьянского населения“; было признано, что „кустарная промышленность, промыслы и ремесла имеют и будут иметь еще долгое время чрезвычайно важное значение в общей экономике СССР. Развитие кустарной промышленности и промыслов, обслуживающих внутренние крестьянские и городские рынки, с одной стороны, содействуют государственной крупной промышленности путем выработки и обработки полуфабрикатов, а с другой стороны, являются средством для использования избыточной рабочей силы деревни и в некоторых районах главным источником доходов крестьянства“. В связи с этим крестьянству были предоставлены льготы по налогам, и была намечена обширная программа мероприятий по укреплению положения промысловой кооперации. Государственным промышленным и торговым организациям вменяется в обязанность установление непосредственных отношений с кустарями и их объединениями. Что касается последних, то общее количество кооперированных мелких кустарей определяется на 1-е января 1925 г. в 400 тыс., из коих 320 тыс. состоит в артелях, входящих в союзную систему, а 80 тыс. в так называемых „диких артелях“. По тем же данным, относящимся к 88 союзам с 68 тыс. членов, на 1-е октября 1924 года—75% кооперированной мел-

кой промышленности падает на сельские артели, а 25%—на городские. Таким образом, в артели организовано около $\frac{1}{6}$ части всех кустарей. Чистый оборот промысловой кооперации всех степеней определялся за 1923—24 г. в сумме 170 милл., что в отношении к стоимости сельской кустарной промышленности, без пищевых производств, определяемых в сумме 772 милл., составляет лишь 25,2%. Такая относительно невысокая роль промысловой кооперации в значительной мере зависит от недостатка оборотных средств. Современная система промысловой кооперации располагает всего 5 милл. оборотных средств, что вместе с банковским кредитом, достигающим 20 милл., дает всего оборотных средств в размере 25 милл. рублей.

Тем не менее за последний год процесс кооперирования кустарей значительно подвинулся. Число артелей, составлявших на 1 января 1924 года 7.500, поднялось на 1/1—1925 г. до 11.000, а число членов повысилось с 300 до 400 тыс.

Основной нуждой кустарной промышленности является получение дешевого сырья и полуфабрикатов из первых рук, что в особенности важно для кустарей металлостов, вязальщиков, ткачей, обувщиков и т. д.

Что касается мелкой капиталистической частной промышленности, то таковая получила легальную возможность существования со времени декрета 5 июля 1921 г. Декрет 5 декабря 1921 года возвратил всем собственникам мелкие промышленные предприятия с количеством рабочих от 5 до 10, которые, хотя и подлежали национализации, но фактически национализированы не были.

Общее количество мелких капиталистических предприятий не поддается точному учету. По данным ЦСУ, относящимся ко 2-му кварталу 1924 г., было насчитано 300 действующих частных ценовых предприятий (насчитывающих не менее 16 рабочих), принадлежащих частным лицам на праве частной собственности. В этих предприятиях было занято 5.594 чел. по одному РСФСР, и стоимость валовой

продукции составляла в червонных рублях 5.500.000.

Новейшие данные рисуют процесс значительного роста частной промышленности. На Украине насчитывалось в 1923—1924 г. (по данным текущей статистики и сведениям фининспекторов) 81.188 заведений с количеством рабочих—93.360, при валовой продукции на 156 милл. черв. рублей. Записка ВСНХ УССР определяет основной капитал собственной частной промышленности на Украине в 30 милл. черв. рублей, из которых 17 милл. падает на более крупные ценовые предприятия, а остальные на мелкие ниже ценза. В отношении всего основного капитала промышленности Украины это дает 11%.

Аренда госпредприятий представляет собой одну из первых форм, в которых была допущена в период нэпа работа частного капитала. Аренда имела целью разгрузить государство от обилия бездействующих предприятий, которых насчитывалось более 10 тыс., спасти оборудование от полного уничтожения, расхищения и, вместе с тем, увеличить общее количество товаров, производимых в стране. Арендные предприятия, вместе с тем, явились источником государственных доходов, так что некоторые ГСНХ получили в аренду крупные доходные статьи.

Общее количество сдаанных в аренду предприятий исчисляется на 1 октября 1923 г., по данным ЦОС'а, след. обр.:

Отрасль промышленности.	Общее число зав., передан., к сдаче с начала арендной кампании.	Число заведений, сдавших в аренду за тот же срок.	Число расторженных договоров.	Фактически состоявшие в аренде заведений на 1/X—1923 г.
Силикатная	1.070	459	72	387
Металлическая	749	602	70	532
Текстильная	590	336	56	280
Кожевенная и обувная	1.950	1.515	164	1.351
Химическая	864	523	63	460
Деревообрабатывающ.	791	578	87	491
Пищевая	2.072	1.770	398	1.372
Бумажная	35	33	—	33
Полиграфическая	285	317	32	285
Прочая	226	87	37	50
Итого	8.632	6.220	979	5.241

Общее количество рабочих, работающих в арендованных предприятиях, исчисляется в 100 тыс. чел. В аренду сданы по преимуществу мелкие и средние предприятия, так что общее количество рабочих на 1 заведение составляет всего 15 чел.

Наиболее интенсивный рост арендной практики приходится на первый период нэпа. До октября 1922 г. сдано 3.673 заведения, в течение же 1922—1923 г. сдано еще 1.600 заведений. В числе арендаторов большой процент приходится на долю бывших владельцев данных предприятий—32%.

Арендованные предприятия сдавались на довольно тяжелых условиях с высокой арендной платой, и в большинстве случаев на арендатора возлагалась обязанность больших капитальных и восстановительных работ. Сроки аренды первоначально были весьма кратки и лишь постепенно удлинялись. На срок до 1 года было сдано 22%, от 1 до 3—43%, а от 3 до 6—29%. Такие короткие сроки ставили арендаторов в тяжелое положение в отношении восстановления предприятий, и, вследствие этого, во круг аренды развивались спекулятивные работы, особенно в первый период нэпа, когда предприятия сдавались вместе с наличным запасом сырья, материалов и товаров. Многие арендаторы интересовались только этими запасами, а не производственной работой.

Первоначально арендная плата должна была вноситься, главным образом, в натуре. С внедрением денежного хозяйства натуральная плата исчезла, и в настоящее время арендные договоры заключаются в денежной форме. Перевод арендных договоров на денежные условия значительно повысил их финансовую эффективность. Взимание арендной платы разнообразными продуктами арендованных предприятий представляло огромные неудобства, было связано с излишними издержками на транспорт и реализацию, а также сильно затрудняло контроль над деятельностью арендаторов и агентов ГСНХ. С введением денежной валюты и переходом к денежной системе отношения с арендаторами

стали значительно более ясными, поступления арендной платы оказались более значительными.

Если аренда имела целью эксплуатацию мелких и средних предприятий, то концессии предназначены, главным образом, для крупных предприятий; к аренде привлекается преимущественно внутренний капитал, концессии рассчитаны на привлечение крупного иностранного капитала. Все до сих пор заключенные договоры (на промышленные концессии, а также утвержденные СТО типовые договоры для лесной промышленности и с.-х. концессий) обязывают концессионера оборудовать предприятия определенной производительности и выполнять ежегодно минимальную производственную программу. В наст. время сдано в концессии около 35 предприятий.

Количество поступивших концессионных предложений было несравненно больше. По промышленным предприятиям СССР было за время с 1921 года по 1 октября 1924 года предъявлено 511 предложений, из которых 184 падают на горную промышленность, 75 на лесную промышленность и 252 на обрабатывающую промышленность.

Наибольшее количество концессионных предложений исходило из Германии, на долю которой падает 32% предложений, на Англию—12,5, на Францию—7,5 и Соед. Штаты Северной Америки—10%.

Из числа утвержденных концессионных договоров около 25 составляют чистые концессии, 6—смешанных обществ и 1 представляет собой договор технического содействия.

Большинство данных концессий относится к горной и лесной промышленности; по горной промышленности концессий в настоящее время имеется 14, по лесной—6. Крупнейшими горными концессиями являются—концессии чнатурского марганца Гарримана и Ленской золотопромышленной компании. В области лесной промышленности крупнейшую роль играют концессии Вирта (Мологолес), Руссголанлес, Русснорвеголес и Руссанглолес. Последняя представляет собою смешанное общество, в которые входит паицином иностранный капитал наравне с тре-

стом Северолес. Общее количество иностранного капитала, привлеченного в СССР, на 1 января 1925 года без Гарримана и Ленской компании исчисляется в 50 милл. рублей. Количество занятых рабочих в концессиях исчисляется в сезонное время до 15—20 тыс. человек.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Сборн. „Нар. хоз. СССР“ за 1920, 1921, 1922, 1923, 1924 г.г. (изд. „Экон. Жизни“); Сб. „Промышл. СССР“ за 1921, 1922, 1923, 1924 г. (изд. ВСНХ); *А. П. Рыков*, „Наше хозяйств. положение и его ближайшие персп.“, 1925 г.; *Л. Д. Троцкий*, „Основн. восп. промышл.“, 1923 г.; *М. К. Вадимиров*, „Очер. задачи хозяйств. строит.“, 1925 г.; *В. Н. Сарбабянов*, „Экономика и эконом. полит. СССР“, 1924 г.; Сб. „Организа. вопросы промышл.“, 1922 г.; *Ф. Э. Дзержинский*, „Основн. влачи пром. полит.“, 1925 г.; *Н. Святский*, „Организа. промышл.“, 1924 г.; *Гриневский*, „Последованные персп. русской промышл.“, 1919 г.; *Л. И. Крицман*, „Героич. период русской ревлюции“, 1925 г.; *В. П. Милютин*, „Новый период мировой экономии“, 1923 г.; *В. Г. Громан*, „Хозяйств. положение СССР“, 1924 г.; *его же*, „Контр. цифры Госплана“, 1925 г.; *Н. П. Бухарин*, „Эконом. перех. периода“, 1920 г.; *А. М. Гинзбург*, „Экономика промышл.“, 1925 г.; *М. Смион*, „Очерки перех. периода“, 1925 г.; *Г. Крудман*, „Под знаком роста и укрепления“, 1924 г.; *Ю. Ларин*, „Итоги, пути, выводы новой эконом. политики“, 1923 г.; *Ларин и Крицман*, „Очерки по нар. хоз.“, 1923 г.; Сб. „Персп. промышл. на 1925—26 г.г.“, 1925 г.; *И. Перцович*, „Сов. тресты и синдикаты“, 1925 г.; Сб. „Наш промышл. комсостав“, 1923 г.; *Н. Святский*, „Совр. состояние наших трестов“, 1923 г.; Сб. „На новых путях“, вып. 3-й и 2-й 1923 г.; Сб. „Синдикаты“, под ред. Шкляра, 1924 г.; Сб. „К проблеме производ. труда“, № 1—4, 1924—25 г.г.; *А. М. Гинзбург*, „К вопросу о производств. труда и зарплате в промышл.“, 1924 г.; *В. И. Шретер*, „Система промышл. права СССР“, 1924 г.; *А. М. Гинзбург*, „Законодат. о трестах, синдикат. и органах регулир. промышл.“, 3 изд., 1926 г.; *Б. С. Мартынов*, „Государств. тресты“, 1923 г.; *Ф. Э. Дзержинский*, „Речи и статьи по вопросам производ. труда“, 1924 г.; Сб. „Промышл. и денежная реформа“, *А. М. Краснощекоев*, „Финансиров. промышл.“; *К. Х. Данишевский*, „Лесная и деревообр. пром. СССР“; *А. Б.*, „Почему национализ. сахарн. промышл.“; *Н. М. Бык*, „Сах. промышл. СССР“; *Шари*, „Госуд. маслоб. промышл. с 1918 г.“; *С. Л. Зацук*, „Крахм.-паточная промышл.“, 1923 г.; Сб. „Русская электротехн. пром. в 1921 г.“; Сб. „Состояние электр. хоз. в 1923 г.“; Сб. „Основная хим. промышл.“; *С. А. Молчанов*, „Издержки производств. в пром.“, 1924; *А. Мендельсон*, „Матер. к изучению ценсообразующих фактор.“; Сборн. „На новые путях“, т. 2 и 4; *И. Е. Войтхев*, „Нормы амортизации и оценка

имущества“; *Сирумлян*, „Проблемы экономики труда“; *Гухман*, „Производительность труда и зарплата“; *А. Б. Штерн*, „Финансир. промышленности“; Сб. „Финанс. проблемы промышл.“, под ред. *А. М. Гинзбурга*, 1925 г.; „Промышл. и финансы“, под ред. Штерна, 1924 г.; *Г. Л. Плямаков*, „К вопросу о капитале государства промышл.“, 1925 г.; *А. М. Гинзбург*, „Проблема капитала в советской промышл.“; Сб. „Проблема основного капитала“; Сб. „Об обложении пром.“; Сб. „Емкость рынка русской промышл.“, № 2, 1924 г.; Сб. „Сырьевые проблемы“, под ред. Соколовского, 1924 г.; *Косан-Берштейн*, „О постановке работ по райониров. пром.“, 1925 г.; „О себестоимости и продажных ценах“, изд. Сев. Синд., 1923 г.; *С. И. Середя*, ред., „Кустарная пром. л. СССР“, 1925 г.; *Канторович*, „Советские синд.“; „Материалы ССВОК—пятiletие гипотезы развития промышленности“.

ТОРГОВЛЯ: *П. Г. Борисов*, „Цены и торг. политика“, 1925 г.; *Р. Е. Вейсберг*, „Деньги и цены“, 1925 г.; *П. Милюченко*, „Внутр. торг. СССР“, 1925 г.; *М. М. Жирмундский*, „Частный капитал в товарообороте“, 1924 г.; *Бахчисарайев*, *Краве*, *Эйбушниц*, „Вспр. зак. нсдат. по внутр. торговле“; Сб. „Биржи и рынки“, 1925 г.; *М. Я. Кауфман*, „Система и регулирование внешней торговли“, 1925 г.; „Промышленный импорт, промышл. экспорт“, сб. под ред. *Л. Г. Заммеля*, 1925 г.

По отдельным отраслям промышл.

ГОРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: *Бажанов*, „Каменноугол. промышл. СССР“; *С. А. Гецов*, „Подмск. каменноуг. бассейн“; *его же*, „Каменноуг. промышл. Урала и Сибири в 1921 г.“; *В. Гулин*, „Медные богатства Урала“, 1924 г.; *Фюерман*, „Бусые угли Украины“, 1921 г.; *его же*, „Топливо-снабж. РСФСР с окт. 1917 г. по окт. 1920 г.“; *Бублейников*, „Железородная пром. СССР“; *Фомин*, „Экономика горной промышл.“.

МЕТАЛЛОПРОМЫШЛЕННОСТЬ: „Марганцевая промышл. СССР“; „Южная металлургия“; „Отчет Югостали за 1923—1924 г.г.“; „Металлосиндикат центр. района за 1923—1924 г.“; „Бюллетени ноябрьского съезда металлопр.“.

ТЕКСТИЛЬНАЯ ПРОМЫШЛ. „Матер. по стат. торговли синдигиров. текст. промышл.“; „Обзор работы Моссука за 1921—22 г.“; „Матер. о работе треста Моссука в 1924—25 г.“; *проф. Литовишко*, „Текст. рынок и текст. производ.“; *А. А. Нольде*, „Европа и СССР—текст. проблема: его же“, „Постоянн. съезда предств. льняного дела“; „Труды совещания произв. текст. промышл.“; Сб. под ред. Соколовского, „Себестоимость и политика цен в текст. промышл.“; „Отчет о деятельности ВТС за 1923 г.“; *А. П. Горбюнский*, „Нарастание стоимости от хлопко-сырца до ситца“; *Федоров*, „Текст. промышл. СССР“.

ЖУРНАЛЫ: „Плановое хоз.“; „Экон. обзор“; „Социал. хозяйство“; „Ежемес. социальн. бюлл.“; „Нар. хоз.“ (изд. до 1922 г.); „Вестник промышл. торг. и трансп.“; „Торг. обзор“ и мн. др.

А. Гинзбург (Г. Наумов).

Приложение к ст. VI. „Промышленность в СССР“.

I. Продукция главнейших отраслей промышленности в натуральных величинах.

За 1923—1924 и 1924—1925 г.

№ по порядку	Наименование отраслей промышленности.	Наименование продуктов.	Производство за год.		1924—1925 г. в % к 1923—1924 г.
			1923—1924 г.	1924—1925 г.	
1	Каменноугольная	Каменный уголь и антрац.	15 778,9	16 057,6	101,8
2		Нефть сырая	5.942,0	6.945,7	116,9
3		Бензин	165.409	311.244	188,2
4		Керосин	726.735	1 025.324	141,1
5		Мазут	2.057	2.262	108,4

№№ по поряд.	Наименование отрас- лей промышленности.	Наименование продуктов.	Производство за год.		1924—25 г. в % к 1923— 1924 г.
			1923—1924 г.	1924—1925 г.	
6	Рудная	Железная руда	913.823	2.097.672	229,5
7		Медная руда	100.333	171.399	170,8
8	Соляная	Соль	1.155.953	1.244.474	107,7
9		Чугун	660.576	1.303.611	197,3
10	Металлургия	Мартен	992.674	1.864.786	187,9
11		Прокат	689.701	1.334.864	193,5
12	Паровозо вагоно- строение	Паровозы	179	183	102,2
		Вагоны	351	9,0	282,1
		Плуги жсл. и дерев.	145.764	540.598	370,9
13	Сельскохозяйствен. машиностроение	Косы	767.697	1.995.143	259,9
14		Жатки	13.440	45.603	339,3
15		Веялки и сортировки	23.851	56.514	236,9
16		Пряжа прядильн. и угари.	101.893	186.113	182,7
17	Хлопчато-бумажная	Суровье	878.953	1.596.992	181,7
18		Готовый товар	835.504	1.490.350	178,4
		Пряжа	19.306	27.639	143,2
19	Шерстяная	Суровье	32.522	52.580	161,7
20		Готовый товар	29.142	49.241	169,0
21		Пряжа	39.008	50.000	128,1
22	Тканая	Ткани	114.057	144.351	126,6
23		Портл. цемент	354.152	662.640	187,1
24	Цементная	Стекло и посуда	98.122	164.407	167,6
25	Стекольная	Фарфор и фаянс	18.573	27.824	149,8
26	Фарфоро-фаянсов.	Кислоты	132.977	164.828	124,0
27		Щелочи всего	116.207	150.473	129,5
28	Основная химиче- ская	В т. ч. а) сода кус.	78.154	98.440	126,0
29		В т. ч. б) сода каус.	29.541	35.740	121,0
30		Суперфосфат	26.603	53.599	201,1
31		Проч. соли	59.603	69.043	115,8
32		Калоши	6.178,4	15.725,9	254,5
33	Резиновая	Шины и камеры	355,0	894,4	251,9
34		Спички	1.882,6	3.148,8	167,3
35	Спичечная	Мыло хозяйств.	41.187	72.923	177,1
36	Обработ. жир. и кост.	Табак и папир.	13.976,4	25.562,0	183,0
37	Табачная	Махорка	21.207	28.882	136,2
38	Махорочная	Всего масла	1.072.314	1.657.073	154,5
39	Маслобойная	Спирт сырец	61.870,0	249.927,5	404,0
40	Винокуренная	Рафинад	130.073	291.806	224,3
41	Рафинадная	Бумага	117.863	210.738	178,8
42	Бумажная	Картон	12.427	20.054	161,4
43		Кожа крупная	5.061,3	6.691,2	132,2
44	Кожевенная	Кожа мелкая	4.235,0	5.734,6	135,4
45	Обушная	Всего обуви в перев. на легкую	4.057,0	5.950,9	146,7
46		Пиломатериалы	3.828.755	4.656.070	121,6
47	Лесопильная				

II. Каменноугольная промышленность.

Валовая добыча угля по годам.

Годы.	Валов. добыча в тыс. пуд.	Годы.	Валов. добыча в тыс. пуд.
1910	1.180.750	1918	731.821
1911	1.376.083	1919	504.925
1912	1.459.531	1920	464.500
1913	1.717.878	1921	520.231
1914	1.888.844	1922	558.674
1915	1.854.290	1922—1923	703.541
1916	2.017.733	1923—1924	930.213
1917	1.866.065	1924—1925	946.956

Примечание. Сведения до 1923 г. приводятся по данным б. ГУТ'а, а с 1923 г. по данным ЦОС'а ВСНХ. В приводимые данные вошли следующие районы: Донбасс, Подмосковный, Кузнецкий, Черемховский, Урал и Туркесан. До 1912 г. даны сведения по всей восточной Сибири, с 1912 г. по Черемховскому бассейну.

III. Добыча нефти.

По 4-м районам: Баку, Грозный, Эмба и Кубано-Черноморский.

Годы.	Добыча 4 район. в м. п.	Кроме того по Фергане.	Всего.	Годы.	Добыча 4 район. в м. п.	Кроме того по Фергане.	Всего.
1910	577,3	11,3	583,6	1918	220,6	1,5	222,1
1911	543,2	15,3	559,2	1919	269,6	1,5	270,9
1912	555,4	15,0	570,4	1920	232,8	1,1	233,9
1913	553,9	10,4	564,3	1921	245,1	1,0	246,1
1914	543,9	7,0	550,9	1922—1923	320,8	1,3	322,1
1915	563,2	6,0	569,2	1923—1924	369,3	1,3	370,6
1916	597,9	5,0	602,9	1924—1925	200,8	Св. нет.	422,6
1917	528,3	3,5	531,8				

В добычу Бакинского района включена кустарная нефть.
Сведения до 1922 г. взяты из «Справ. кн. по нефт. промышл. на 1925 г.», изд. Азнефти.
С 1922—1923 г. по данным ЦОС'а ВСНХ.

IV. Выплавка чугуна (в тыс. пудов) в границах России соответств. периода.

Годы.	Юг.	Урал.	Центр.	Сев и С.-Зап.	Всего	
1910	126.385	39.071	4.694	145	170.275	В границ. СССР 255,8
1911	147.747	44.867	5.511	77	188.202	
1912	173.379	50.589	8.289	62	232.319	
1913	189.724	55.766	11.821	88	257.399	
1914	186.205	52.443	10.622	53	249.323	
1915	167.540	50.273	7.397	81	225.291	
1916	176.148	46.018	9.694	5	231.855	
1917	131.555	43.943		9.025	184.523	
1918	12.603	15.661		3.234	31.468	
1919	1.696	3.609		1.610	6.914	
1920	974	5.013		1.108	7.025	
1921	1.770	4.230		1.150	7.150	
1921—22	4.779	4.348		1.348	10.475	
1922—23	6.675	8.472		2.936	13.333	
1923—24	22.453	15.039		2.835	40.327	
1924—25	—	—		—	74.883	

V. Производство железных и стальных продуктов (мартен) в тыс. пудов в границах России соответств. периода.

1910	114.913	45.351	20.765	10.622	191.651	В границ. СССР 259,2
1911	130.432	47.938	21.290	13.430	213.190	
1912	151.938	52.078	23.921	15.213	243.176	
1913	166.576	55.346	25.938	16.059	263.918	
1914	171.319	56.768	27.514	15.773	272.474	
1915	151.703	57.528	24.836	17.221	251.288	
1916	161.639	57.911	23.517	17.820	260.887	
1917	109.067	50.606		28.311	188.004	
1918	7.326	9.250		7.973	24.549	
1919	4.869	4.810		2.443	12.152	
1920	2.650	7.195		(3.000)	12.875	
1921	3.201	5.107		3.517	11.825	
1921—22	7.873	6.353		5.173	19.399	
1922—23	13.231	12.947		11.369	37.547	
1923—24	24.253	19.702		17.346	60.601	
1924—25	—	—		—	115.188	

VI. Выделка готовых железн. и стальн. продуктов (прокат) (в тыс. пуд.) в границах России соответств. периода.

1910	98.855	36.962	17.346	10.484	163.677	В границ. СССР 214,2
1911	112.747	37.172	16.955	13.183	180.087	
1912	128.062	39.442	20.039	15.360	202.903	
1913	141.044	40.812	21.169	16.439	219.464	
1914	144.246	40.596	22.038	15.620	222.760	
1915	125.704	40.197	20.554	12.959	199.423	
1916	130.303	40.587	20.078	14.494	205.852	
1917	89.547	38.817		20.812	149.186	
1918	5.142	9.437		7.233	21.812	
1919	4.283	4.132		2.530	10.945	
1920	2.563	8.114		1.151	12.226	
1921	3.384	4.351		3.055	10.800	
1921—22	6.137	5.516		4.277	15.830	
1922—23	11.472	8.852		8.594	28.908	
1923—24	17.646	12.545		11.914	42.105	
1924—25	—	—		—	77.812	

VII. Переработка хлопка, выработка пряжи и суровья по хлопчатобумажной промышленности.

Годы.	В пределах России соответствующего периода.			В пределах СССР		
	Переработано хлопка.	Выработано:		Переработано хлопка.	Выработано:	
		Пряжи.	Суровья.		Пряжи.	Суровья.
1910	361.769	331.148	279.295	272.439	245.612	222.112
1911	391.793	351.253	292.858	291.957	258.706	233.923
1912	415.085	383.423	311.515	307.534	283.718	250.450
1913	423.793	384.740	318.231	323.778	288.555	255.539
1914	422.170	392.350	324.340	330.178	294.262	260.445
1915	431.394	391.645	323.767	329.585	293.734	259.985
1916	350.663	318.394	263.210	267.906	238.795	211.357
1917	293.824	266.797	242.889	224.481	200.098	195.039
1918	39.312	35.666	29.484	30.034	26.749	23.675
1919	20.720	17.985	23.341	20.720	17.985	23.341
1920	15.551	13.645	12.678	15.551	13.645	12.678
1921	21.491	20.180	14.752	21.491	20.180	14.752
1922	65.291	58.295	48.649	65.291	58.296	48.649
1923	86.028	76.822	65.160	86.028	76.822	65.160
1924	134.250	119.869	102.784	134.250	119.869	102.784
1925	101.630	94.615	79.500	101.630	94.645	79.500

VIII. Свеклосахарная промышленность. Продукция белого сахара (в тыс. пуд.) по годам.

Операц. годы.	Продукция.	Операц. годы.	Продукция.	Операц. годы.	Продукция.
1910—11	97.353	1915—16	91.321	1920—21	5.542
1911—12	96.052	1916—17	72.645	1921—22	3.064
1912—13	97.238	1917—18	55.867	1922—23	12.784 ¹⁾
1913—14	Св. нет.	1918—19	20.342	1923—24	23.023 ²⁾
1914—15	105.421	1919—20	4.850	1924—25	27.903 ²⁾

VII. Труд в С. С. С. Р. 1. *После-революционные общественные отношения и рабочий класс.* Положение труда в СССР предопределяется конкретной общественно-экономической обстановкой, сложившейся в ходе Октябрьской революции и выявления ее результатов. Отличительные признаки, характеризующие положение труда вообще—самый состав рабочего класса и относительный удельный вес отдельных групп работников по найму, уровень материального благополучия их, условия применения труда и т. д.—зависят всецело от характера общественных отношений и порождающих последние отношений производства. Поэтому картина положения труда после Октябрьской революции, превратившей почти всю территорию бывшей Российской империи в Союз Советских Социалистических Республик, находится в самой непосредственной связи с ходом образования, в процессе революции, новых общественных отношений.

Являются ли эти новые общественные отношения в СССР после революции такими четкими и ясными, чтобы

на основании их отчетливо выявился и характер положения труда? Мы знаем, что смысл и значение Октябрьской революции заключается в изменении общественных отношений, свойственных предшествующему периоду; рабочий класс после революции превращается из класса управляемого в класс господствующий. Но отсюда еще не вытекает ясность новых отношений производства. В. И. Ленин 26 октября 1917 г., на второй день после падения Временного правительства и образования Советской власти, говорил в Петроградском Сов. Раб. и Солд. Деп.: „Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создали власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций“ („Собр. сочин.“, т. XV, стр. 11, 1922 г.). Другими словами, на второй

¹⁾ В том числе на аренд. зав. 558 тыс. пуд.

²⁾ „ „ „ „ 1.573 „

³⁾ „ „ „ „ 2.331 „

день после победы рабочего класса очередной задачей являлось уничтожение старого аппарата государственной власти и создание нового. Даже в области государственной организации—несравненно менее сложном деле, чем перестройка отношений производства,—революция лишь ставила задачи, а не разрешала их, хотя и намечала пути к решению. Мы знаем, что процесс строительства советского государства фактически занял не один год. С. С. Р. окончательно оформился в результате длительной борьбы за Советскую власть и лишь после окончательной победы над всеми враждебными ей силами активной контр-революции. Прежде чем поставленная революцией в этой области задача была разрешена. Советской России пришлось пройти через испытания Брестского мира, через оккупацию Украины войсками императорской Германии, через чехо-словацкое восстание, оккупацию Баку, Батума и Архангельска английскими отрядами, захват юга России французами, через колчаковщину, каледнищину, децикинщину, петлюровщину, врангелевщину, многочисленные восстания, бандитизм и махновщину.

Уже это одно обстоятельство необходимо должно было оказать — и, как увидим, оказало — огромное влияние на положение труда в СССР. Весь период гражданской войны, т. е. борьбы за укрепление Советской власти, в области общественных и производственных отношений превратившийся в период военного коммунизма, вносил крупнейшие изменения в жизнь и быт работников наемного труда. Но на положение труда влияла и другая особенность после-революционного процесса выработки новых форм жизни. Сама организация власти была лишь ступенькой, лишь необходимой предварительной мерой. Главная же задача заключалась именно в изменении самой природы общественных и хозяйственных отношений¹⁾. Здесь же про-

цесс перестройки неизбежно оказывался значительно более затяжным.

Взять хотя бы самый акт национализации средств производства. Акты о национализации земли, банков и т. д. изданы были сразу же после Октябрьской революции, были первыми актами новой революционной власти. Но лишь в середине 1918 года государственная власть советской республики издает декрет о национализации всех крупных предприятий и лишь к этому времени создается орган по управлению промышленностью, Высший Совет Народного Хозяйства. Влиянием же руководящего хозяйственного органа вся промышленность — и мелкая, и крупная, и фабричная, и кустарная — охвачена была только к 1921 г. Но и это но является завершением процесса строительства новых производственных отношений. К 1921 г. заканчивается период гражданской войны, вызвавший приспособление всего уклада хозяйственной жизни к военным потребностям и создавший военный коммунизм. Другими словами — процесс переходит из стадии укрепления Советской власти в стадию строительства новых производственных отношений. Влияние гражданской войны исключается. И в силу того, что Россия превратилась из Российской империи в Союз советских республик при наличии и даже преобладании в хозяйственном строе мелко-крестьянского хозяйства, под влиянием того, что в наследие от капиталистического режима рабочему классу досталась полуразрушенная и дезорганизованная промышленность, — вся система производственных отношений, складывавшихся за время гражданской войны, вновь перестраивается. Новая экономическая политика представляет собою уже начало оформления того строя производственных и общественных отношений, который оказывает решающее влияние на положение труда в СССР. Однако, и этот строй не есть еще окончательно установившийся. Он представляет собою

¹⁾ «Создав новый советский тип государства, угнетенных масс принять деятельное участие в мы разрешили только небольшую часть трудной области: осуществить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, повысить производительность труда, «Очередные задачи советск. власти», ст. Ленин и а

открывающий возможность для трудящихся и самостоятельном строительстве нового общества, задачи. Главная трудность лежит в экономической учет и контроль производства и распределения о б о щ е с т в и т ь производство «н а д е л е». в «Изм.» 29, IV 1918 г.

такую форму перехода от капитализма к социализму, которая „допускает экономическое соревнование между строящимся социализмом и стремящимся к возрождению капитализмом, на почве удовлетворения хозяйственных интересов через рынок многомиллионного крестьянства“ (резол. XI Съезда РКП (б) о профсоюзных союзах).

Т. обр., на протяжении всего после-революционного периода рабочий класс переживал непрестанные и весьма существенные изменения в своем экономическом положении, так как за этот период лишь выработывались, лишь начали оформляться общественные и производственные отношения, при чем и во вторую половину этого периода, при новой экономической политике, нет еще законченности процесса выработки нового строя, а есть лишь борьба за этот новый строй. Другими словами, на протяжении всего после-революционного периода в положении труда в СССР не было — и по природе этого периода и не могло быть — стабильности, устойчивости. Лишь в одном, но исключительно важном, отношении положение труда достигло определенности и устойчивости: на протяжении всего периода советской власти рабочий класс был, есть и остается классом правящим, классом, направляющим ход политической и экономической жизни, классом, контролирующим и регулирующим условия труда в СССР. Вся законодательная деятельность, все строительство народного хозяйства и, таким образом, все общественные и производственные отношения находятся под контролем самого рабочего класса, хотя формы этого контроля и изменяются.

2. *Рабочий класс в период военного коммунизма.* Первые месяцы, наступившие после Октябрьской революции, не принесли с собою значительных качественных изменений в экономическом положении труда, изменив, однако, как было показано выше, основную систему взаимоотношений на производстве и сделав рабочих распорядителями в народном хозяйстве.

Этот процесс перехода предприятий под контроль и руководство рабочих имел место, впрочем, не только по-

сле, но и до перехода власти в руки рабочих и крестьян в результате революции. Уже с середины 1917 г. наблюдается начало этого процесса. На первой же конференции фабрично-заводских комитетов Петрограда, состоявшейся в конце мая, вопрос о контроле над производством стоял не только, как требование контроля. Делегат конференции Воронков, рабочий Нового Арсенала, отмечал: „С начала революции (февральской) администрация разбежалась, рабочие остались фактически хозяевами. Для того, чтобы поддержать производство, пришлось забрать заводы в руки заводских комитетов. Пришлось, значит, создать определенную организацию контроля“. Другой делегат подтверждал правильность картины, изображенной Воронковым: „В февральские и мартовские дни рабочие покинули фабрики и вышли на улицу с тем, чтобы раз навсегда покончить с многоголовым змеем царизма. Фабрики и заводы приостановились. Потом, неделю — другую спустя... рабочие массы вернулись на заводы. Пришли и увидели, что многие из предприятий брошены на произвол судьбы. Администраторы, генералы, инженеры, техники, мастера, имевшие основания бояться, что рабочий теперь соответственно расправится с ними за содеянные ими подлости, разбежались... Пришлось на этих заводах приступить к работе без администрации. Но как? Ведь администрация — соль завода, двигатель его. И тут заводы немедленно избрали заводские комитеты, с помощью которых начала устанавливаться нормальная жизнь на фабриках и заводах. И там, где прежде стояли администраторы, инженеры, генералы (на казенных заводах), — теперь работали члены заводских комитетов“.

Т. обр. уже к маю 1917 г. „заводским комитетам вообще приходилось брать на себя совершенно непредвиденные и никак не предусмотренные обязательства“ и они „принуждены были это сделать, ибо иначе заводы давно остановились бы, а масса рабочего люда давно оказалась бы на мостовой, пополняя и без того начинающую расти армию безработных“ (из речей на той же конференции). По

мере же заострения классовой борьбы, по мере того, как с приближением Октябрьской революции все определеннее проводилась политика „удушения рабочих костлявой рукой голода“ (выражение Рябушинского, лидера московских фабрикантов и заводчиков),— этот фактический переход производства в руки рабочих ширился и развертывался в совершенно новую систему общественно-экономических отношений. Даже резолюция III Всероссийской конференции проф. союзов, происходившей 20—28 июня (3—11 июля нов. ст.) 1917 г., не приостановила этого процесса, несмотря на ее категорическое утверждение, что „страна... дошла до такого ужасающего состояния, что серьезнейшие экономические потрясения могут оказаться неизбежными, даже при самой энергичной и планомерной борьбе с экономическим развалом“ и что „пролетариат, поэтому, кровно заинтересован в том, чтобы не брать на себя одного ответственность за ход и исход борьбы с экономическим расстройством страны“.

Совершенно естественно, что едва ли не первым актом советской власти было издание декрета о рабочем контроле (декрет II Съезда Советов от 28 октября 1917 г.), которым, как говорил несколькими месяцами ранее В. И. Ленин, „удастся, пожалуй, вместо „сламывания сопротивления“... сделать какое бы то ни было сопротивление (капиталистов) невозможным“. Однако, как ни значителен был масштаб проведения рабочего контроля (без фактического перехода производства в управление рабочих) и даже захвата власти фабрично-заводскими комитетами на самих предприятиях,—существенно глубоких изменений в экономическом положении труда, по сравнению с предыдущим периодом, за первые месяцы не наблюдалось. Наиболее важные из перемен имели место и ранее. Сюда относится сокращение продолжительности рабочего дня до 8 часов, выявление уравнительной тенденции в политике заработной платы („швейцар и министр должны получать одинаково“—это положение относится еще ко времени правительства

Керенского), приводящей вскоре к установлению соотношения между низшей и высшей оплатой труда к отношению 1:1,75. Более того. Даже в области управления производством декреты Октября не шли дальше установления рабочего контроля—и вплоть до 1919 г. часто практика профессиональных союзов и их органов, фабрично-заводских комитетов, расходилась с практикой хозяйственных органов. Последние, не успевая организационно охватить всю промышленность, ограничивались контролем за частными предпринимателями и зачастую избегали национализировать предприятия, которые работали более или менее успешно. Союзы же, проводя нередко самостоятельно, за свой риск и страх, реорганизацию промышленности, взятой в управление союзных органов из-за бесхозяйственности предприятия или явного саботажа, шли в разрез с этой политикой хозяйственных органов.

Но основные особенности положения труда в Советской России первых месяцев нового строя, как нам рисуют данные этого периода, остаются прежние. Рабочая сила, даже в предприятиях национализированных или руководимых фабр.-зав.-комами, была тем же, чем она являлась в чисто капиталистических условиях. Цена ее устанавливалась в денежном выражении и в значительной мере—корректируемой лишь еще ранее установившейся уравнительной тенденцией—в зависимости от рынка труда и производительности труда.

Однако, мы уже видели, что объективные условия превращали весь строй производственных отношений в строй, отличительной особенностью которого являлось управление производством самими рабочими. Эти объективные условия состояли в разгоревшейся гражданской войне. Частные предприятия, как бы хорошо ни был поставлен контроль, не могли не занять в этой гражданской войне позиций, враждебных рабочему классу. Выкованное в огне гражданской войны слово „саботаж“ применялось к явлениям, какие были неизбежны в обостренной борьбе классов, столкнувшихся в исторической схватке на восточно-европей-

ской равнине. И эти явления делали объективно необходимой последовательную национализацию всей—и мелкой, и крупной, и фабричной, и кустарной промышленности, равно как и жесткую трудовую дисциплину, и отвлечение рабочей силы на боевые фронты (специальная мобилизация 10% всех членов союзов в 1919 г.), и образование продовольственных отрядов (к концу 1919 г.—30.540 чел. членов союзов), и все те меры, которые в корне меняли экономическую жизнь страны, ставя ее под знак военного коммунизма.

В воззвании к рабочим швейной промышленности, выпущенном союзом и Петрогубодеждой в момент наступления Юденича на Петроград, этот подход к задачам рабочего класса сказан чрезвычайно отчетливо. „Нашу обязанность—читаем мы здесь—выпала самая важная и самая трудная задача: нужно защитить нашу доблестную Красную армию от надвигающихся осенних и зимних холодов. На обширных пространствах, в которых развиваются упорные и решающие бои с белогвардейцами всего мира, стоят под градом пуль наши братья-красноармейцы, обреченные на все ужасы и страдания, связанные с осенней и зимней кампанией; они все полураздеты, они нуждаются в шинелях, белье, теплой одежде. Поэтому не время теперь, товарищи, думать о наших личных удобствах и выгодах: помните о красном воине, который полуголодный и полураздетый безропотно стоит с винтовкой в руках в болотах и разоренных и истощенных войною местностях, охраняя республику рабочих и крестьян. Для налаживания непрерывной и энергичной работы по обмундированию армии необходима дружная и энергичная работа всех тружеников швейной промышленности как в центре... так и на местах—на фабриках, мастерских и складах. Поэтому мы ввели и в центре и на местах самую строгую военную дисциплину: управление Губодежды и все наши фабрики, мастерские и склады милитаризованы: мы все, независимо от пола и возраста, считаемся состоящими на действительной военной службе—и наша работа по обмун-

дированию Красной армии есть исполнение боевого приказа“.

Аналогично было положение, разумеется, и в других отраслях промышленности. Задачи гражданской войны, независимо от зародившегося убеждения в целесообразности и правильности такого положения, побудили государство поставить все под контроль—и проводить жестко в деревне политику продразверстки, оставлявшей крестьянину из его продукции лишь необходимое для его личного потребления, и организовать производство, по существу крайне ослабленное и дезорганизованное годами империалистической войны, в первую очередь на обслуживание потребностей фронта. Насколько значителен был приоритет последних потребностей—свидетельствует скудный, правда, но показательный материал работы „Произodeжды“, организации, созданной в 1919 г. для снабжения рабочих одеждой и бельем. Только с 1 декабря 1919 г., наприм., „в виду полного удовлетворения армии обувью (сапог—100% и валенок—92%) отчисляется для удовлетворения рабочих по ордерам „Произodeжды“ 165.000 пар валенок... ВСНХ, начиная с января (1920 г.), изготовляет ежемесячно для „Произodeжды“ 40.000 пар сапог“¹⁾. В том же году „военным ведомством снят запрет с некоторых сортов материи и фуфаек“. Уверенным, что потребности фронта будут удовлетворяться правильно, государство могло быть только при условии, что вольный рынок совершенно перестанет влиять на распределение продукции, только при условии, что, другими словами, все производство как в городе, так и в деревне будет находиться в руках у государственных органов.

Эта-то организация народного хозяйства на началах военного коммунизма и ввела в экономическое положение труда чрезвычайно важные изменения.

Прежде всего, отмирание рынка—и соответствующее сокращение роли денег—должно было вызвать, и вызвало,

¹⁾ Цит. по отчету ВЦСПС за 1919 г., сост. секрет. ВЦСПС Н. Глебовым, М., 1920 г., стр. 89.

отмирание и денежной формы заработной платы. Постепенное распространение запрещения вольной продажи на почти все главные продукты массового потребления сводило на нет в бюджете рабочего значение денежной заработной платы. На первый план все больше и больше выдвигалось снабжение пайками по „твердым“ чисто номинальным ценам. По подсчетам Струмилина это сокращение денежной доли заработной платы выразилось следующим образом на протяжении всего периода военного коммунизма:

	Денежное выражение зар. платы.
1917 г.	50
1918 „	5
1919 „	23%
1920 „	7

Не следует, конечно, думать, что этот процес натурализации заработной платы развивался в силу именно одного лишь сознательного планового перехода к материальному (пищевому и вещевому) снабжению рабочих вместо оплаты их труда денежными знаками. Лишь в 1919 г. мы находим попытки поставить вопрос о замене денежной оплаты труда снабжением рабочих. До того же сокращение денежной части рабочего дохода должно быть отнесено к быстрому падению ценности советского рубля и естественному, поэтому, сокращению роли покупательной способности заработка на том вольном рынке, который продолжал существовать открыто для ряда ненормированных продуктов и в подполье — для почти всех нормированных. За 1918 г., например, покупательная способность рубля упала в 7,6 раз, в 1919 г.—в 16 раз, в 1920 г.—в 7,8 раз, в 1921 г.—в 15,5 раз и в 1922 г.—в 74 раза. Такая неустойчивость валюты, вытекавшая из все возрастающего несоответствия между фактическим товарным обращением в стране и выпуском бумажных денег, делала бесполезными попытки повысить заработную плату, что отмечалось еще 2-м съездом комиссаров труда (18—25 мая 1918 г.) и ВЦИК'ом (доклад Ногина 13 сент. 1918 г.). Но, вместе с тем, II съезд профсоюзов высказался против натурализации за-

работной платы, находя, что „натуральная заработная плата является абсолютно неосуществимой... Применение этой формы заработной платы означает прочное начало социализма, от которого мы весьма далеки вследствие нашей неорганизованности и неумения наладить контроль и учет“ (тезисы В. Шмидта ко II съезду, „Професс. Вестник“, 20 января 1919 г.). Денежная форма продолжала считаться самой приемлемой до февраля 1919 г., когда ВЦСПС счел нужным изыскать те или иные меры к улучшению ставшего исключительно тяжелым материального положения рабочих. „В противовес предложениям о повышении тарифных ставок, исходя из минимума в 1.600 рублей, доводи максимум до 4.000—читаем мы в отчете ВЦСПС за 1919 г.—президентумом предлагались другие меры, а именно: снабжение рабочих одеждой, обувью, квартирой, а также и социальным обеспечением лиц, живущих за счет работающих“¹⁾. Это новое предложение о натурализации заработной платы внесено было ВЦСПС в феврале 1919 г.; 24 июля ВЦСПС, совместно с комиссией использования ВСНХ, Наркомтрудом и Наркомпродом, было принято постановление о бесплатном снабжении рабочих одеждой и обувью. Однако, и это постановление еще не означало полного и решительного перехода на натуральную заработную плату. Напротив. В связи с повышением твердых цен Наркомпродом, Пленум ВЦСПС 11 авг. 1919 г. в третий раз за время революции повысил денежные тарифы.

Таким образом, переход к натурализации заработной платы совершился не столько по заранее обдуманному и выработанному плану, сколько в результате общих условий, установившихся в период военного коммунизма (сокращение вольного рынка, отвлечение продукции на обслуживание Красной армии), и только после выявления всех тяжелых последствий этих условий в быту работников наемного труда. Постепенно пайковое снабжение (так наз. общегражданский паек) нор-

¹⁾ Отчет ВЦСПС за 1919 г., с. 61.

мированными продуктами к 1919 г., к моменту первых решений о переходе к натуральной заработной плате, превращается в рабочее снабжение.

Но этот затянувшийся на несколько лет переход к натуральной заработной плате оказал самое резкое влияние на положение труда. В самом деле, мы имеем уже к 1919 г. соотношение между снабжением и денежной формой заработной платы, устанавливающее фактическое преобладание первого над второй. К этому времени в пайковое снабжение введена дифференциация по категориям, более или менее совпадающим со значением различных групп рабочих в экономике страны, ведущей ожесточенную гражданскую войну, при чем это так наз. целевое снабжение построено в расчете удовлетворения известного минимума потребностей помимо рынка. Так, мы имеем в 1919 г. пайки:

	А (Осн.)	Б (Усил. № 1)	В (Усил. № 2)	Г (Усил. № 3)	Д (Усил. № 3)
Хлеба пек.	30 ф.	45 ф.	60 ф.	60 ф.	75 ф.
Мяса или рыбы	4 ф.	7 1/2 ф.	15 ф.	15 ф.	30 ф.
Жиры	2 1/2 ф.	3 ф.	1 ф.	1 1/2 ф.	6 ф.
Сахара	1/2 ф.	3/4 ф.	1 ф.	1 1/2 ф.	2 1/2 ф.
Овощей	20 ф.	20 ф.	30 ф.	30 ф.	40 ф.
Соли	1 ф.	1 ф.	1 ф.	1 ф.	2 ф.
Мыла	1/2 ф.	3/4 ф.	1 ф.	1 1/2 ф.	2 ф.
Копчен.	1 ф.	1 1/2 ф.	2 ф.	2 1/2 ф.	3 ф.
Салочек	3 кор.	2 кор.	2 кор.	2 кор.	2 кор.
Кружы	—	—	—	—	15 ф.

Окончательно решается вопрос о переходе к натуральной заработной плате в 1920 г., когда III Всеросс. съезд профсоюзов выносит постановление, устанавливающее, что „дальнейшее повышение денежной системы оплаты труда ни в какой мере не может служить выходом из тяжелого экономического положения трудящихся масс“ и что в основу оплаты труда надо положить „установление системы снабжения трудящихся продовольствием и предметами первой необходимости в зависимости от производительности и хозяйственной важности их труда для государства“. И в связи с этим установлено с 30 апреля 1920 г. так наз. „целевое снабжение“, т. е. выдача пайков по категориям в зависимости от госуд. важности предприятий, на которых работают получающие пайки, превращается в натуральное премирование отдельных рабочих групп их.

Но несмотря на то, что таким путем устанавливается связь между снабжением и производительностью труда (впрочем, широко ставится это только с 1921 г., но продовольственный кризис в связи с неврожаем и голодом срывает эти попытки), в переходе к натурализации мы имеем радикальное отступление от производственных отношений, оформляемых в капиталистических условиях заработной платой. При капитализме заработная плата определяется стоимостью рабочей силы, как товара. На величину этой стоимости влияет, как известно, квалификация каждого рабочего. Сама заработная плата получается рабочим лишь как плата за определенное количество работы. Его рабочее время покупается капиталистом, который „прежде всего хочет получить возможно больше труда за возможно меньшее количество денег“ („Капитал“, 523 стр.). Таким образом, в капиталистических условиях заработная плата есть цена покупаемой рабочей силы. Имелась ли такая экономическая категория в период военного коммунизма, когда денежная заработная плата заменялась натуральным снабжением? Связывалось ли снабжение с фактически производимой работой?

Приходный бюджет рабочего постепенно, как мы видели, превращался в незначительной своей доле в денежную оплату труда, а в большей части — в пайковое снабжение его самого и его семьи по карточкам, выдача по которым находилась вне связи с его работой на предприятии, в бесплатное пользование квартирой, коммунальными услугами и в бесплатное снабжение одеждой и обувью. Каждая из этих составных частей приходного бюджета поступала в его распоряжение вне всякого соотношения с фактически произведенной работой и производительностью труда. По подсчетам Струмилина, постепенно все большая часть доходного бюджета отрывалась от производства. Так, связанная с производством часть доходного бюджета рабочего составляла:

1918 г.	42,5%
1919 г.	16,0%
1920 г.	6,2%

Можно ли назвать, в таком случае, заработной платой это, не связанное с производством, материальное снабжение рабочих? Разумеется — нет. Оно может быть отнесено только к категории социального обеспечения. Иначе говоря, в период военного коммунизма чистой заработной платы уже не было. В этот период, как правильно указывает А. Гуревич, „между собою конкурировали две системы. Одна — система социального обеспечения, а другая — система заработной платы, устанавливаемой в зависимости от производительности труда рабочего“¹⁾, при чем последняя играла лишь мало заметную роль в доходной части рабочего бюджета.

Что означало для рабочего класса это постепенное исчезновение из экономического обихода заработной платы? Разумеется, оно могло означать только то, что рабочий класс мало-по-малу перестает быть, в условиях военного коммунизма, самим собою. Если бы параллельно этому процессу видоизменения рабочего класса, перевоплощения его в иную социальную категорию, шел процесс социалистического строи-

тельства, если бы период военного коммунизма не представлял собою, как правильно отмечает А. Мартынов, сочетание политически правильной, но приводящей к тяжелым хозяйств. последствиям работы по укреплению советской власти¹⁾, — то такая трансформация рабочего класса была бы процессом положительным. Социалистическое общество ведь есть общество бесклассовое. Но „военный коммунизм“ был вынужденным. Он явился результатом хозяйственных потребностей борьбы за диктатуру пролетариата и лишь подготавливал возможность социалистического строительства в дальнейшем. Поэтому данное явление превращалось в отрицательное, превращалось в процесс распыления рабочего класса, процесс деклассирования пролетариата.

Это распыление непосредственно вызывалось упадком материального благосостояния рабочей массы города. По вычислениям Струмилина, весь заработок, включая в него и бесплатные выдачи натурой и даже нелегальные доходы (продажа имущества, производство зажималок и т. п.), составляли (если принять за единицу сравнения довоенный средний заработок 1910—1914 г., равный 22 р. 83 коп.):

	В товарн. рублях	По сравн. с довоенным
1918 г.	10 р. 49 к.	47,7%
1919 г.	8 р. 47 к.	38,5%
1920 г.	8 р. 65 к.	39,3%

Еще резче это понижение уровня существования рабочих заметно было в 1921—1922 г., несмотря на все усилия проф. союзов и государственных органов поддержать тарифную ставку на одном уровне. Отчет ВЦСПС за 1921—1922 годы констатирует полную неудачу этих усилий, приводя нижеследую-

¹⁾ „Стоя у кормила правления в такой боевой атмосфере, большевистская партия и сама прониклась революционными иллюзиями и, занимаясь коммунистическим строительством, конечно, не предполагала, что это пока что еще „военный коммунизм“, что нам придется еще отступить далеко назад, чтобы начать строить социализм настоящему, путем соревнования с капитализмом на арене очищенной политическими победами“. (А. Мартынов. „Мои украинские впечатления“, „Кр. Новь“, 1—2, 1923 г.). Это не относится к позициям Ленина, который в 1918 г. говорил о государственном капитализме, как о переходной и в тот период даже высшей, чем капитализм в его чистом виде, форме организации народного хозяйства.

¹⁾ А. Гуревич, „Азбука теории и практики заработной платы“, М., 1925, стр. 43.

щую таблицу средних ставок за ноябрь 1921—февраль 1922 г. в довоенных рублях:

	Стоимость пайка		Выдача деньгами		Весь заработок	
	В тыс. сов. руб.	В дов. руб.	В тыс. сов. руб.	В дов. руб.	В тыс. сов. руб.	В дов. руб.
Ноябрь	442,0	6,30	458,0	4,85	900	10,88
Декабрь	442,0	6,30	458,0	2,50	900	8,80
Январь	611,3	6,50	489,0	1,29	1200	7,79
Февраль	1652,0	5,62	748,0	1,09	1800	6,71

Т. обр., средняя ставка составляла в ноябре 1921 г.—47,5% довоенной зараб. платы, а в феврале 1922 г.—уже только 29,4%.

Совершенно естественно, что установившееся еще в империалистическую войну и усилившееся до неурожая и голода 1921 г. преобладание деревни над городом, преимущественное положение первой в смысле снабжения над последней¹⁾—создавали тягу из города в деревню в поисках более обеспеченного существования. Даже уже позднее, в период, когда стало сказываться влияние новой экономической политики и промышленность начала восстанавливаться, именно в 1922—1923 г., промышленные предприятия СССР занимали не свыше 50% довоенного числа рабочих²⁾. С конца же 1919 г., как известно, для выполнения всех необходимых работ пришлось прибегнуть и к милитаризации труда, и к установлению всеобщей трудовой повинности, и к превращению огромных кадров кустарей и ремесленников в работников, получающих от хозяйственных органов сырье и заказы и взамен своего труда снабжаемых на тех же началах, что и рабочие крупной промышленности. Это обстоятельство в такой же мере, как и расширение, в ходе гражданской войны, территории советских республик, ответственно за непрестанное увеличение числа членов союзов, что, при установившейся с 1919 г. форме автоматич-

еской записи в союз всех работающих по найму, было равнозначнее числу этих последних. Так, в период военного коммунизма численный состав участников профессионального движения изменился следующим образом:

	Число организ. в проф. союзы
1918 г. (октябрь)	1.946.000
1919 г.	3.706.000
1920 г.	5.222.000
1921 г.	7.524.000

Эта огромная масса представляла собою отнюдь не фабрично-заводской пролетариат. Мы имеем дело здесь с двумя основными явлениями: 1) втягивание в число работников государственных хозяйственных органов мелких самостоятельных производителей, лишившихся возможности работать на открытый рынок и частного заказчика, и 2) рост числа государственных служащих, заполняющих в этот период многочисленные новые органы контроля и учета³⁾. О размерах первого дает некоторое представление сравнение численности членов союзов накануне введения новой экономической политики и немедленно после решения V Всеросс. съезда о недопустимости членства кустарей и ремесленников. Общая численность между 1921 г. и 1922 г. сократилась на 45,1%. Но этот процент еще недостаточно показателен. Им покрываются не только факты исключения из союзов кустарей и ремесленников, ранее входивших в союзы, но и факты сокращения служащих в советских учреждениях, на железных дорогах и на различных предприятиях, а равно и отход от союзов рабочих предприятий, которые свертывались по плану сокращения числа их в соответствии с различными ресурсами. Гораздо более

¹⁾ В. И. Ленин отмечал на II Всеросс. съезде союзов: «В 1918 и 1919 гг. рабочие потребляющих губерний получали по 7 пудов, а крестьяне производящих губ. потребляли по 17 пуд. в год. До войны же они потребляли по 16 пудов в год. Вот две цифры, показывающие соотношение классов в продовольственной борьбе».

²⁾ Данные статистики труда ВЦСПС; ст. Л. Е. Минца, «Безработица в России», сб. «Труд в СССР». М., 1924.

³⁾ Чрезвычайно показательны в этом отношении наблюдения бывш. чл. ЦК РСДРП (меньшевиков) А. Мартынова, который пишет в своих «Укр. впечатл.» («Кр. Н.», янв.—ф. 1923 г.): «В то время, как заводская труба перестала дымиться (сахарный завод, где жил Мартынов), как работа в заводских корпусах и мастерских завода замирала, работа в заводской конторе, напротив, все больше и больше еживлялась и увеличивалась. Старые заводские служащие говорили, что никогда еще заводские бухгалтера и конторщики так много не потели над бумагами, так много не работали сверхурочных часов, как в последние годы, когда производство на заводе прекратилось. Что же они писали? Они заполняли бесчисленные анкеты для учета по требованию разных центров—Подолсахара, Главсахара, Райсахара и т. д.»

показательно то, что особенно сильно сократилось членство в союзах, обслуживающих рабочий состав в производствах, где мелкое самостоятельное хозяйство до революции было общим правилом—именно в деревообделочной промышленности (кустари-столяры, мельщики и т. д.), в кожевенной промышленности (преимущественно ремесленники-саложики), в пищевкусовой (булочники), в строительной (печники, плотники-кустари), швейники, работники земли и леса. И мы находим, что сокращение выше, чем на 50%, между октябрем 1921 и октябрем 1922 г. приходится именно на эти производственные группы. Так, было членов в союзах (в абсолютных цифрах):

	В 1921 г.	в 1922 г.	% сокращения
Разземлес.	659.000	254.000	61,5
Деревообделочники.	247.000	82.000	65,9
Кожевники	279.000	77.000	72,4
Пищевкус.	391.000	178.000	54,5
Строители	356.000	102.000	71,3
Швейники.	179.000	49.000	72,6

Чтобы ясно представить себе роль кустарей в этих, преимущественно типа мелкого предприятия, производствах, необходимо сравнить $\frac{0}{10}$ сокращения здесь с $\frac{0}{10}$ сокращения в крупных предприятиях. В этих последних мы имеем такую картину:

	Число членов союзов:		
	в 1921 г.	в 1922 г.	% сокращения.
Горнорабочие	322.000	228.000	29,2
Металлисты	600.000	422.000	29,7
Печатники	94.000	61.000	35,1
Писчебумажники	27.000	19.000	29,6
Сахарники	51.000	31.000	39,2
Текстильщики.	428.000	359.000	16,1
Химики	183.000	124.000	32,2

Т. обр., движение численного состава членов в союзах, обслуживающих рабочих добывающей и обрабатывающей промышленности, дает резко отличающиеся друг от друга картины в зависимости от того, какой тип— крупный или мелкий, кустарно-ремесленный— преобладает в двух, взятых по признаку максимума и минимума % сокращения, группах производств. Мы не хотим этим сказать, что только уходом кустаря и ремесленника вызвано сокращение в первой группе, группе

максимального % сокращения. Действовали и в этой группе те же факторы, какие оказали свое влияние и на сокращение численности во второй группе. Но степень разницы безусловно является результатом наличности кустаря и ремесленника-одиночки в первой группе производств, характернейшей чертой которых было всегда преобладание или значительная роль самостоятельного производителя.

Другими словами, в период военного коммунизма рост числа занятых в предприятиях и учреждений обуславливался ростом числа вовлеченных в обслуживание государства на началах, аналогичных началам, на каких работали и наемные рабочие, кустарей и ремесленников-одиночек. Второе явление, отразившееся на картине движения рабочей силы, заключалось в увеличении числа служащих. Если взять только фабрики и заводы (без учета, стало-быть, роста числа служащих в контролируемых и регулирующих государственных органах), то получим следующую картину:

Г о д ы:	На 1 служ. приход. раб.	Г о д ы.	На 1сл. приход. раб.
1913 г.	14,6	1 пол. 1920 г.	7,1
1917 "	11,5	Сент. 1920 г.	7,0
1918 "	10,3	Июль 1921 г.	6,2
1 пол. 1919 "	8,8	Июль 1922 г.	6,3
2 пол. 1919 "	7,7		

Иными словами, соотношение между числом служащих и рабочих изменилось в сторону оскудения основного производственного персонала, и за счет этого сокращения почти в $2\frac{1}{2}$ раза возрос обслуживающий персонал. Данные о составе союзов, в которых преобладает обслуживающий персонал (советские служащие, работники просвещения, искусств, медицинские работники), говорят о сокращении по всей этой группе на 53,1% (Рабис—на 58,0%, советские служащие—55,1%) за время с 1921 по 1922 г. Это же говорит, что и за пределами обрабатывающей и добывающей промышленности за время военного коммунизма процесс роста числа работающих развертывался за счет привлечения, главным образом, обслуживающих групп работников.

Таким образом, рост числа работающих за период военного коммунизма отнюдь не свидетельствовал о росте основного фабрично-заводского ядра пролетариата. Последний, напротив, наряду с деклассированием в результате перехода на систему социального обеспечения, распылялся еще и путем отхода назад в деревню, где его ждали до 1921 г. лучшие условия существования. Как мы указывали выше, до 50% довоенного числа фабрично-заводских рабочих не были использованы в нашей промышленности еще в 1922—1923 г.

Итак, характерные черты положения труда в период военного коммунизма сводились к: 1) значительному ухудшению материального положения рабочих (понижение заработной платы рабочего до 29,4% довоенной), 2) отходу значительной части фабрично-заводских рабочих из города в деревню (до 50%), 3) обрастанию основного фабрично-заводского ядра пролетариата выходцами из других классов, пролетаризирующихся в результате изменения общественно-производственных отношений, 4) деклассированию всей рабочей массы в силу перехода, при отсутствии прогрессивного социалистического строительства, к системе социального обеспечения.

Мелко-крестьянский характер экономики страны сыграл решающую роль в переходе к новой экономической политике. Но безусловно не малое значение в этом отношении имело и то, что положение рабочего класса, класса правящего, оказалось к концу 1921 г. под серьезной угрозой благодаря ослаблению экономической базы его господства и процессу деклассирования. Новая экономическая политика необходимо должна была изменить—и на деле изменила—эти черты положения труда в СССР.

3. *Рабочий класс при новой экономической политике.* Новая экономическая политика (об этапах ее развития см. выше, отд. *промышленность и торговля*) резко изменила отношения в производстве. В первую голову мы имеем дело с восстановлением чисто денежной заработной платы и притом восстановлением в форме, особенно опреде-

ленно связывающей заработную плату с производительностью труда. Правда, кризис денежного обращения, приводивший к дальнейшему падению валюты еще в течение некоторого времени, сделал переход к денежной заработной плате длительным, а не единовременным. Первым шагом в этом направлении было, как справедливо указывает Ф. Ревзин¹⁾, постановление ВЦСПС („Наказ ВЦСПС о проведении новой тарифной системы“ от 1 дек. 1921 г.), которое устанавливало: „Заработная плата должна иметь чисто денежное выражение... Заработок работников погашается: 1) продуктовым пайком, 2) прозодеждой, 3) предметами широкого потребления, 4) коммунальными услугами, 5) дензнаками... Продукты засчитываются в последнюю (т.-е. заработную плату) по той стоимости, по которой определялся средний размер оплаты (т.-е. по рыночной). Прозодежда и предметы широкого потребления засчитываются в заработную плату по тем же ценам, что и продовольствие. Коммунальные услуги засчитываются по ценам, устанавливаемым для данной местности особо... Та часть заработной платы, которая не покрывается продовольственными и прочими выдачами, а равно коммунальными услугами, выплачивается дензнаками“.

Этот первый шаг означал, что выдача натуральной части заработной платы превращается из акта социального обеспечения в акт облегчения рабочему возможности получить, в условиях еще неналаженного рынка, продовольствие и др. в счет денежной заработной платы. Тем самым, отмеченное выше положение, что рабочий перестал быть самим собою, не имея уже в продаже своей рабочей силы источника средств к существованию, резко и решительно менялось. Заработная плата опять становилась в связь с производительностью труда. Однако, социально-экономические последствия этого перехода к новому в политике заработной платы еще некоторое время продолжали оставаться не совсем ясными. Дело в том, что при исчислении

¹⁾ См. Ф. Ревзин, „Эволюция форм заработной платы“.

заработной платы в денежном ее выражении сама форма заработной платы оставалась прежней, т. е. натуральной. Более того. В период 1921—1922 г. натуральная часть ее даже увеличилась, по сравнению с денежной, и первая „была основной и покрывалась непосредственно предметами продовольствия и потребления, не преломляясь через призму товарного фонда“ (Ф. Ревзин). „Наказ“ ВЦСПС устанавливал дифференциацию выдач по разрядам, но и этим не предупреждалось то, что паек поглощал подавляющую часть заработка. Это видно из следующей таблицы, где дано процентное отношение вычитаемой стоимости пайка к зарплате:

Нормы выдач по „Наказу“.					
Разряд	I	II	III	IV	V
1	75%	79%	87%	97%	109%
4	58%	60%	66%	74%	83%
7	60%	63%	70%	80%	81%
9	49%	52%	57%	68%	71%
17	39%	41%	45%	50%	56%

Таким образом, сохранение выдач в значительной мере сохранило в психике рабочего частицу прежнего отношения к ним, как к акту социального обеспечения. Тем не менее, производственный эффект установления зависимости выдач от производительности труда (исчисление зарплаток в денежном выражении и оплата выдач из суммы заработка) оказался значительным. Годовая выработка рабочего по довоенным ценам стала заметно расти: прежняя понижательная тенденция сменилась тенденцией повышательной. Так: ¹⁾

	Годовая выработка рабочего.	
	В рублях	В отношении к 1913 г.
1913 г.	2163	100
1917 г.	1436	66,4
1918 г.	781	36,1
1919 г.	711	32,9
1920 г.	631	29,2
1920/21 г.	671,6	31,0
1921/22 г.	1701,1	55,5
1922/23 г.	1342,4	62,6

„Данные об интенсивности труда — сообщает отчет ВЦСПС за 1921—1922 г. — подчиняются... уклону повышения

¹⁾ Ср. С. Струмилин, „Зараб. плата и производит. труда в русской промышленности в 1913—1922 г.г.“ (Библи. „Экон. Жизнь“, № 12).

к концу года (1921 г.), за исключением табачных фабрик, где интенсивность труда устойчива, что объясняется тем, что работа табачных фабрик весь после-военный период поддерживалась на большой высоте, в последнее время методом натур-премирования. Наиболее ярки показания (Ивалово-Вознесенский текстильный трест) в особенности в производстве пряжи, где интенсивность труда ежемесячно возрастает на 20% с лишним (октябрь—1,53 пуда на человека, ноябрь—1,88, декабрь—2,3 пуда.¹⁾)

Мы не даем здесь историю развертывания новой тарифной политики в СССР и потому не будем останавливаться на том продовольственном кризисе, который сорвал, как мы указывали выше, снабжение рабочих в конце 1921—начале 1922 г. и вызвал более резкий и быстрый переход к денежной заработной плате. Сказанного достаточно, чтобы стала ясной восстанавливающаяся связь между оплатой труда и производительностью его как раз именно в этот период. В дальнейшем, процесс восстановления денежной заработной платы пошел значительно быстрее. Так, по данным А. Рашина, в начале 1922 г. денежная часть заработной платы еще составляла 25—30% совокупного заработка, а в дальнейшем отношение денежной части к общей сумме зарплаток выражалось в следующих процентах: ²⁾

	1 квартал 1922/23 г.	2 квартал 1922/23 г.	3 квартал 1922/23 г.	4 квартал 1922/23 г.	1 квартал 1923/24 г.
По всем производствам . . .	77,1%	79,3%	81,1%	85,3%	92,8%
В том числе в Москве . . .	74,2%	96,6%	97,8%	99,0%	100,0%
В Ленингр. губ.	85,3%	91,6%	93,4%	97,6%	97,1%
В провинции.	75,3%	76,1%	78,0%	82,4%	91,2%

Другими словами, уже к концу 1923 г. почти всюду фактически произошла денатурализация заработной платы.

¹⁾ Отчет ВЦСПС.

²⁾ Ср. А. Рашин, „Зараб. плата в промышленности“ Сб. „Труд в СССР“.

По этот процесс протекал при новой экономической политике и по другому руслу, что еще более подчеркивало связь между заработной платой и работой. Мы имеем в виду широко привившуюся систему сдельщины, которая вылилась в главную систему оплаты труда после V Всероссийского съезда проф. союзов (1922 г., сентябрь), рекомендовавшего, „в целях повышения производительности труда, как необходимого условия восстановления и развития гос. промышленности... широкое применение простой сдельной оплаты труда со строгим соблюдением нормального рабочего дня“. Сдельщина же, как известно, ставит оплату труда в непосредственную связь не только с самим фактом работы, но и с результатами ее.

Все это вместе взятое восстановило положение труда в промышленности, столь значительно подорванное социально-обеспеченным характером источников средств существования рабочего в период военного коммунизма. И это все было прямым следствием двух основных черт новой экономической политики: организации товарного обмена между городом и деревней (а равно и взаимного товарного обмена в промышленности) через свободный рынок и перехода предприятий крупной государственной промышленности на хозяйственный расчет, т.е. на коммерческие начала.

Эти же черты новой экономической политики сделали необходимой отмену трудовой повинности и, следоват., восстановление рынка труда. При предоставлении крестьянину возможности сбывать продукт своего труда на свободном рынке нельзя было ставить рабочего в положение прикрепленного к предприятию, неимеющего права свободно выбирать область применения своего труда. К тому же в трудовой повинности не было и надобности. Поскольку снова доход рабочего целиком определялся в зависимости от его работы на предприятии, постольку сам рабочий получал существенный стимул к тому, чтобы эту работу искать.

Итак, новая экономическая политика превратила опять рабочую силу в СССР

в товар, который покупается на рынке труда работодателем. Опять заработная плата, как и в капиталистическом обществе, стала ценой рабочей силы. В этом отношении на первый взгляд новая экономическая политика реставрировала отношения производства, существовавшие до Октябрьской революции. Однако, новая экономическая политика, являвшаяся отступлением с позиций военного коммунизма, была не отступлением до дооктябрьских производственных отношений. Правда, первое время не ясно было, до каких позиций дойдет это отступление. В. И. Ленин говорил: „Мы не знаем, как долго нам придется еще отступать и за какой уступки нам удастся уцепиться“. Но уже весной 1922 г. на XI съезде РКП (б) Ленин имел возможность заявить, что отступление кончилось, что найдена позиция, на которой могут укрепляться новые общественные отношения. Эту позицию можно определить так: 1) восстановлены рыночные методы связи между промышленностью и крестьянским хозяйством и между предприятиями в самой промышленности; 2) частично возрождено частно-капиталистическое хозяйство в пределах, диктуемых необходимостью сохранить „командные высоты“ (т.е. крупную промышленность, аппарат финансов и кредита, транспорт и внешнюю торговлю) в руках рабочего государства; 3) установлены новые приемы управления государственной промышленностью, позаимствованные из капиталистического обихода в качестве отправного пункта к укреплению промышленности и к реорганизации народного хозяйства на социалистических началах; 4) укреплено положение государственных хозяйственных органов, как руководящего штаба в борьбе с тенденцией развития и укрепления в мелкохозяйственной стране частного капитала— в борьбе приемами овладения рынком и контроля над ним через конкуренцию более мощного планового государственного хозяйства с распыленным, анархическим, маломощным частным хозяйством.

При таких условиях восстановление заработной платы, как цены товара—

рабочей силы, реставрируя рабочий класс, не меняет основного характера общественных и производственных отношений, созданных Октябрьской революцией. Рабочий класс попрежнему остается и при новой экономической политике классом правящим. Отступление велось лишь до той позиции, на которой рабочий класс оказывается крепко защищенным от деклассирования под влиянием условий хозяйственного распада периода гражданской войны.

4. *Рост фабрично-заводского пролетариата и его удельного веса.* Уже динамика рабочей силы в период новой экономической политики отчетливо и определенно установила факт возрастающего значения в экономике СССР фабрично-заводского пролетариата.

Правда, первоначально, в 1922 г., введение хозяйственного расчета вызвало не расширение, а свертывание промышленности и соответствующее сокращение числа занятых в производстве. Только в двух отраслях промышленности—в текстильной и деревообделочной—это сокращение не имело места. Для всего же народного хозяйства статистика труда дает следующую картину:

	Численность фаб.-зав. рабо- чих на 1 января 1922 г. в ‰/о к 1 июля 1921 г.	П-р-и-быль (+) или убыль (-) в ‰/о.
Во всех производствах	87,9	- 12,1
В том числе:		
Горнорабочие	84,6	- 15,4
Металлисты	83,8	- 16,2
Текстильщики	109,0	+ 9,0
Деревообделочники	100,6	+ 0,6
Химики	93,0	- 7,0
Писчебумажники	80,4	- 19,6
Пищевики	85,5	- 14,5
Кожевники	73,1	- 26,9
Швейники	73,1	- 26,9
Печатники	84,0	- 16,0

Но новая экономическая политика даже в период свертывания промышленности ударила сильнее всего не по основному кадру предприятий, не по рабочим физического труда, а по кадру обслуживающему, по служащим. Мы выше видели, что в период воен-

ного коммунизма число рабочих, приходящихся на 1 служащего в предприятиях добывающей и обрабатывающей промышленности, непрерывно уменьшалось, что, другими словами, прирост общего числа занятых происходил, главным образом, за счет роста численности обслуживающего кадра. С новой экономической политикой устанавливается обратное явление. Растет число рабочих, приходящихся на 1 служащего, т.-е. в момент свертывания промышленности и сокращения штатов значительнее сокращение в кадре обслуживающем, а не в основном. Так, наименьшее число рабочих на 1 служащего было достигнуто 1 июля 1922 г., когда оно равнялось 6,3. Уже на 1 января 1923 г. оно слегка поднялось и составило 6,7, а в дальнейшем это число изменялось след. обр.

1 июля 1922 г.	6,3
1 января 1923 г.	6,7
1 января 1925 г.	9,0

Таким образом, сокращение основного кадра фабрично-заводского пролетариата оказывается фактом на протяжении всего периода перестройки промышленности на новых началах. Начавшийся в 1922 г. восстановительный процесс заканчивается приближением к довоенному уровню состояния промышленности, как известно, только к 1926 г. Общая численность фабрично-заводского пролетариата даже в 1924—1925 годы не достигла еще довоенной численности. Если принять цифру занятых в фабрично-заводской промышленности в 1914 г. за 2.700.000 (цифра Г. С. Полляк), то в 1924 г. численность этих последних составит всего 60,0% довоенной (1.627.000 чел.), а в 1925 г.—73,0% (1.970.000 чел.) на 1 января и 82,6% (2.232.000 чел.) на 1 июля. Но в основных отраслях производства картина укрепления фабрично-заводского пролетариата вырисовывается еще определеннее, как это видно из табл. на след. стран.

Этот вывод об укреплении именно главных групп фабрично-заводского пролетариата подтверждается и данными о движении численности членов проф. союзов. До сих пор мы видели картину роста основного кадра

Наименование производства	Численность рабоч. в тысячах.			1925 г. в % к 1914 г.
	1914 г.	1924 г.	1925 г.	
По всем производ- ствам	2.700	1.627	2.232	82,6
в том числе:				
каменно - угольная промышленность и добыч. промы- шленн. минер. топлива	191,5	186,0	220,4	115,6
Обработка метал- лов и машино- строение	340,7	270,2	347,3	101,9
Обработка дерева (механ.)	103,2	60,6	70,5	70,3
Химическая про- мышленн.	66,4	56,4	77,5	116,7
Мукомольная про- мышленн.	39,9	28,8	36,4	98,6
Сахарная, сах.-раф. промышленн.	154,8	33,1	50,7	32,7
Проч. произв. по обработ. пищевых веществ	126,6	66,1	98,7	77,9
Обработка хлопка	479,8	251,5	359,8	77,0
Обработка шерсти	50,7	59,4	71,6	78,9
Обработка льна, пеньки	85,0	85,5	89,3	105,0
Обработка бумаги	41,2	26,4	36,6	88,8
Полиграфическая промышленн.	49,7	53,7	68,3	137,4

промышленности внутри самой до-
бывающей и обрабатывающей промы-
шленности. Данные о движении числен-
ности членов проф. союзов дают воз-
можность учесть изменение удельного
веса этого кадра в общей массе наем-
ного труда. Правда, проф. союзы
объединяют не всех работников по
найму: в 1922 г. было в них до 98%
последних, в 1924—92%, а в 1925—
даже только 89,1%. Помимо этого,
степень охвата союзами массы не
одинакова для всех производств. Так,
в 1924 г. (на 1/1) было организовано
в союзы из всего числа учтенных
работников по найму по отдельным
союзам:

Всеработземлес	86,6%
Бумажников	92,9%
Горнорабочих	88,4%
Деревообделочн.	83,5%
Кожевников	94,1%
Металлистов	93,3%
Печатников	98,1%
Пищевиков	94,0%
Сахарников	51,9%
Строителей	92,8%
Текстильщиков	97,6%
Химиков	93,8%
Швейников	95,4%
Водников	96,7%
Железнодорожников	95,2%
Местн. тр та	96,7%

Нар. связи	98,2%
Рабис	94,8%
Медсантруд	96,4%
Просвещения	90,6%
Совработников	87,6%
Комхоз	95,1%
Нарпит	91,1%

Среди. % членства . 92,0%

Однако, как ни значительны эти колебания (как видим—от половины до почти всей массы поголовно), в основ-
ных производствах охват союзами
работающих по найму приближается
к среднему. И как показатели удель-
ного веса отдельных групп рабочих
в общей массе наемного труда, данные
о движении численности состава союз-
ов являются вполне достаточными. На
что же указывают эти данные? За время
применения новой экономической поли-
тики состав союзов менялся след. обр.
(цифры в тысячах):

	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1925 г. в % к 1921 г.
Рабземлес	658	283	298	379	468	62,0
Бумажники	27	21	27	30	32	118,5
Горнорабочие	281	278	305	332	284	100,0
Деревообдел.	236	82	121	139	153	64,9
Кожевники	182	77	89	101	107	58,8
Металлисты	522	472	519	572	591	113,2
Печатники	86	61	78	86	90	104,6
Пищевики	298	183	269	300	323	108,4
Сахарники	51	31	43	103	118	231,3
Строители	347	102	245	343	300	86,4
Текстильщики	369	359	476	551	596	161,5
Химики	159	124	156	170	172	103,1
Швейники	186	49	53	62	64	34,4
Итого по группе обр. и добыч. промышл.	403	1779	2386	3169	3238	95,1
Водники	299	122	124	131	133	44,4
Железнодорожн.	1070	714	738	810	807	75,4
Местн. трансп.	201	102	139	158	163	81,0
Народн. связи	198	106	101	100	101	51,0
Итого по группе транспорта	1768	1044	1102	1199	1201	68,1
Рабис	122	58	68	71	74	60,6
Медсантруд	562	29	322	353	364	64,7
Просвещения	756	386	478	543	557	73,7
Совработники	1028	473	643	799	847	83,3
Комхоз	207	125	174	181	192	92,7
Нарпит	115	38	70	111	126	109,5
Итого по группе обслуживающей	2790	1377	1765	2061	2140	76,6

Эта таблица говорит о значительном перемещении центра тяжести в самой

массе организованных в проф. союзы рабочих. Даже если взять данные только ко трем основным группам (промышленной, транспортной и обслуживающей), то и в этом случае получится перемещение центра тяжести в первую группу. Так, из всей массы организованных приходилось по группам:

	в 1921 г.	в 1925 г.
Промышленной	42,7%	43,2%
Транспортной	22,2%	18,3%
Обслуживающей	35,1%	32,5%

Удельный же вес таких групп пролетариата, как металлисты, текстильщики и горнорабочие, т.е. главный массив фабрично-заводского пролетариата, возрос весьма значительно за счет таких групп, как швейники, деревообделочники, кожевники, водники, паревязь, рабис, медсантруд и т. д. Если по отношению ко всему числу организованных металлисты составляли в 1921 г. всего 6,5%, то в 1925 г. они составляют уже 8,9% (почти 50% нарастания); текстильщики дают соответственно 4,6% и 9,0%, а горнорабочие — 3,5% и 4,3%.

О таком же укреплении основного кадра фабрично-заводского пролетариата говорит и материал, иллюстрирующий распределение рабочей силы по предприятиям различного размера. За период военного коммунизма, несмотря на значительное расширение рамок государственной промышленности вовлечением кустарной и ремесленной промышленности в эти рамки, проведена была реорганизация предприятий в смысле их укрупнения.

Новая экономическая политика, создав новый стимул к укрупнению в виде необходимости наиболее экономной организации производства при чрезвычайно изношенном инвентаре, усилила процесс концентрации промышленности. Поэтому, к 1 января 1925 г. почти во всех основных отраслях промышленности размер предприятия оказался крупнее размера, свойственного довоенному периоду истории русской фабрики. Правда, в самых важных для характеристики процесса концентрации отраслях — металлообрабатывающей и горной — провести сравнение представляется не-

возможным, так как данные фабричной инспекции довоенного периода не относятся к этим ответвлениям. Но достаточно показательны и пригодные для сравнения материалы. Так, среднее число рабочих на одно предприятие равнялось:

Производства по обработке:	в 1914 г.		в 1925 г.	
	в 1914 г.	в 1925 г.	в 1914 г.	в 1925 г.
хлопка	939,1	1264,4		
шерсти	338,4	529,4		
льна, джута, пеньки	457,4	777,2		
бумаги и полиграфич. про-ва.	97,6	136,8		
дерева	75,4	80,8		
пищевкус. веществ	76,8	60,1		
химическ. промышл.	224,2	269,0		

II процесс концентрации наблюдается не только в первый год новой экономической политики, когда особенно энергично проводилось свертывание и укрупнение предприятий. Мы его наблюдаем и в дальнейшем. Нижеследующая таблица говорит об этом совершенно определенно по отношению ко всем производствам (в %/о/о):

Размеры предприятий:	Предприятий		Число рабочих и служащих	
	на 1—24 г.	на 1—25 г.	на 1—24 г.	на 1—25 г.
до 50 раб.	46,3	43,9	5,0	4,5
от 51—500 раб.	43,6	44,8	28,1	25,7
„ 501 и выше.	10,1	11,3	66,9	69,8

Другими словами, пролетариат все больше и больше сосредоточивается на самых крупных предприятиях. Социально-политическое значение этой тенденции совершенно ясно и не требует обстоятельного анализа: эта тенденция подтверждает сделанный выше вывод об укреплении основного ядра фабрично-заводского пролетариата в СССР.

5. Рабочий день в СССР. Законодательство о труде устанавливает твердую норму рабочего дня в 8 часов во всех фабричных, заводских и горных предприятиях, кроме особо тяжелых и вредных, а также служащих в государственных учреждениях, где нормой рабочего дня является 6 и 7 часов, и для всех работников по найму,

кроме отдельных групп (подростки), для которых продолжительность рабочего дня ограничена еще более. Т. обр., вопрос о рабочем дне в СССР—это вопрос, не являющийся более вопросом о максимальной продолжительности ежедневного рабочего периода; в этом отношении свойственное капитализму стремление к увеличению абсолютной прибавочной стоимости уже не проявляется здесь. Вопрос этот ставится, как вопрос о полной и а г р у з к е данного рабочего периода, о выполнении его производительной работой.

Правда, и в законодательстве о труде и в практике промышленности и торговли мы находим отступления от нормы. Эти отступления вызываются применением сверхурочных работ, хотя и ограниченным, но фактически имеющим место. К сожалению, в нашем распоряжении имеется относящийся к этому вопросу полный и всесторонний материал не для всех групп работников по найму, а для одной лишь торговой группы их, а именно—анкетное обследование условий труда этой группы, которое было произведено в августе-сентябре 1924 г. центральным комитетом Союза советских и торговых служащих¹⁾. Делать какие бы то ни было выводы на основании этого материала по отношению к продолжительности рабочего времени в промышленности более чем трудно, в виду резкого отличия условий применения труда в промышленности и в торговых предприятиях. Тем не менее и этот материал свидетельствует о некотором расширении рамок нормального рабочего дня. Анкетное обследование ЦК советских работников указывает на сравнительно, однако, незначительное удлинение нормальной продолжительности: средний рабочий день для всех обследованных предприятий (с общим числом работающих в 17.148 чел.) составил в момент обследования всего 8 ч. 20 мин. По роду торговли и по группам предприятий изменение нормы не одинаково. Так, средняя продолжительность рабочего дня равнялась:

	По роду торговли.	По группам предприятий.
Оптовая	8 ч. 07 м.	Государственн. 8 ч. 16 м.
Оптово-розничная	8 ч. 19 м.	Кооперативн. . 8 ч. 33 м.
Розничная	8 ч. 30 м.	Частная 8 ч. 02 м.

„В розничной торговле,—говорит М. Гольцман, разработавший данные обследования,—непосредственно обслуживающей потребителя, рабочий день служащих более продолжительнее, чем в оптово-розничной, и особенно в оптовой. В последней средняя продолжительность рабочего дня всего только на 7 минут больше нормального рабочего дня. Однако, и здесь мы встречаем около 30% служащих, работающих выше нормы, установленной Кодексом; в оптово-розничной торговле этот процент достигает 35, а в розничной торговле рабочий день 45% служащих превышает 8 часов. Это явление объясняется, главным образом, тем, что в розничных, а отчасти и в оптово-розничных предприятиях, даже при соблюдении установленных в данном городе часов открытия и закрытия магазинов, служащим частенько приходится работать сверхурочно для того, чтобы обслужить часть оставшихся в магазине покупателей... и затем произвести уборку и т. п. Но, кроме этих причин, нередко, особенно в городах, где производится вечерняя торговля, наблюдаются такого рода ненормальные явления, когда части служащих (правда, незначительной) приходится работать бесценно днем и вечером, т. е. 10—12 часов в сутки. Именно поэтому в оптовых предприятиях, где вечерняя торговля не производится, нормальный рабочий день служащих нарушается реже“.

Картина расширения на практике рамок нормального рабочего дня, нарисованная в приведенной выше таблице, не дает, впрочем, правильного представления о характере рабочего дня для различных групп служащих. С одной стороны, есть среди последних работники, нормальный рабочий день которых по Кодексу не должен превышать 6 часов. При средней продолжительности в 8 час. 20 мин. принадлежность этой группы означает более продолжительный рабочий день для остальных взрослых работников. С

¹⁾ См. „Статистика Труда“, № 3 за 1925 г., стр. 4—11.

другой—бесспорно, что продолжительность рабочего дня у продавцов, непосредственно обслуживающих потребителей и занятых только уборкой товара перед закрытием магазина, или у рабочих, нагружающих и разгружающих товар и т. п., необходимо меньше продолжительности его у заведующих, их помощников или у кассиров, связанных еще обязательством отчитаться в ежедневной выручке, поступлениях и продаже товаров и т. д. Данные обследования это подтверждают. Так, средняя продолжительность рабочего дня равнялась у:

	Число учтен. лиц.	Продолж. рабоч. дня.
Рабочих.	1492	8 ч. 18 м.
Продавцев.	8266	8 ч. 26 м.
Кассиров.	1453	8 ч. 24 м.
Заведующих и их помощников.	2337	8 ч. 48 м.

Здесь, как будто, кассиры работают меньше продавцов. Но если учесть производимую служащими на дому работу, то соотношение окажется иным. Мы находим в данных обследования такой материал:

	Берут работу на дом (в % к общ. числу).	Продолжит. работы в не- часы минуты.
Продавцы.	7,7	8 45
Зав. маг. и их пом.	41,1	8 06
Рабочие.	1,2	— —
Кассиры.	18,2	7 10
Торг. ученики. . . .	1,2	— —
Канторский перс. . .	35,3	8 38
Прочие.	11,6	8 21
	14,9	8 16

Иначе говоря, значительная пропорция заведующих, кассиров и канторского персонала работает, сверх нормального времени, еще и на дому, причем для всех работников торговых предприятий эта работа на дому удлиняет нормальный рабочий день на 10 мин., а для берущих работу на дом—на 1—1½ часа в день.

Трудно сказать, в какой мере подобного рода удлинение рабочего дня сверх установленной Кодексом нормы является прямым обходом закона, хотя некоторым указанием служит тот факт, что 51,4% служащих, так или иначе работающих сверхурочно, никакой компенсации за это не получают,

и, следовательно, их работа может быть признана явно незаконной. Насколько можно судить по имеющимся сведениям инспекторов труда и по показаниям процессов в трудовых судах,—подобного рода явления не представляют собою правила в обрабатывающей и добывающей промышленности. Здесь в 1922 г., включая сверхурочные работы, средний рабочий день составлял 7,9 часа, а в 1923 г.—7,8 часа (3,6% сверхурочных). Но и в торговле, где, как видим, случаи обхода норм Кодекса законов о труде встречаются значительно чаще, положенно теперь несравненно лучше довоенного, когда закон об 11½ часовом рабочем дне фактически не соблюдался¹⁾ и едва ли не преобладающим являлся 14—17 часовая рабочая неделя.

Поэтому, вопрос о рабочем дне и ставится, как вопрос об использовании рабочего времени в пределах законом установленных границ, или, другими словами, как вопрос о бюджете рабочего времени в СССР. Наиболее рациональное и полное применение этого рабочего времени является, очевидно, одним из коренных условий восстановления дальнейшего развития промышленности СССР. Вопрос этот рассмотрен выше, в главе о промышленности; здесь напомним лишь, что уже в 1924 г. число дней фактической работы (261,2) превысило довоенный период (257,4 в 1913 г.), и это несмотря на введенные обязательные отпуска (см. XII—II часть, 199).

6. *Заработная плата в СССР.* Как мы видели, заработная плата в период военного коммунизма по целому ряду причин падала быстро и достигла чрезвычайно низкого уровня к февралю 1922 г. Так как в числе причин такого понижения заработной платы до 29% довоенного уровня находилось, с одной стороны, перенесение центра тяжести хозяйственной активности с обслуживания потребностей населения на обслуживание Красной армии, а с другой—вызванный годами империалистической и гражданской войны разрыв между городом и деревней, что и повлекло за собою переход к новой

¹⁾ См., напр., Гулван, „Очерки по истории движения служащих в России“.

экономической политике, то динамика заработной платы за время применения этой последней политики характеризуется значительным ростом размера оплаты труда. Можно даже сказать, что потребность в повышении заработной платы обуславливалась за первые месяцы новой экономической политики более быстрый рост ее, чем это оправдывалось повышением производительности труда. С. Струмплин в статье, помещ. в № 5—6 „Вести. Труда“ (за 1924 г.), констатирует именно это расхождение:

	Валовая выработка в день.	Полный заработок.
Октябрь 1922 г.	100	100
Октябрь 1923 г.	120	157,3
Январь 1924 г.	121	181,1

Таким образом, при повышении выработки на 21% по сравнению с октябрём 1922 г. заработная плата возросла на 81,1%. Темп роста был настолько быстрее для заработной платы, что ВЦСПС совместно с ВСНХ 23 марта 1923 г. опубликовали циркуляр, рекомендуя вести более осторожную политику в области заработной платы. В этом циркуляре говорилось: „Пленум ВЦСПС постановил считать очередной задачей союзов сохранение достигнутого уровня заработной платы. Снижение ее следует признать совершенно недопустимым, так как, помимо ухудшения положения рабочих, оно неизбежно вызвало бы падение производительности труда. Вместе с тем неравномерность роста зарплат в тяжелой и легкой индустрии наряду с общими экономическими условиями диктуют необходимость, как общее правило, приостановить рост заработной платы в легкой индустрии... Одновременно с этим следует принять все возможные меры к выравниванию зарплат путем поднятия ее в отставших группах предприятий и в первую очередь на транспорте и в тяжелой индустрии“.

Однако, быстрое восстановление промышленности в течение последних лет вновь вызвало повышение и оплаты труда. Поэтому, картина динамики заработной платы за весь период новой экономической политики (с 1921 по 1926 г.) оказывается сле-

дующей, если исчислить суммы средней заработной платы в так наз. условных московских рублях: ¹⁾

	Зараб. плата (проц. и транс. порт), в усл. моск. рубл.		В % отношен. к зараб. плате 1913 г., принятой за 100.
	Р.	К.	
1 квартал 1922—1923 г.	13	56	42,0
2 квартал 1922—1923 г.	16	54	51,3
3 квартал 1922—1923 г.	16	46	51,0
4 квартал 1922—1923 г.	16	95	52,6
1 квартал 1923—1924 г.	19	33	59,9
2 квартал 1923—1924 г.	20	39	63,1
3 квартал 1923—1924 г.	20	42	63,2
4 квартал 1923—1924 г.	22	87	70,8
1 квартал 1924—1925 г.	24	01	74,4
2 квартал 1924—1925 г.	23	10	71,5
3 квартал 1924—1925 г.	23	95	74,2
4 квартал 1924—1925 г.	29	56	91,5
1 квартал 1925—1926 г.	29	33	50,8
2 квартал 1925—1926 г.	27	09	83,9

Иначе говоря, в течение двух с половиною лет зараб. плата в ее реальном выражении почти удвоилась и превысила четыре пятых довоенной зараб. платы. Эта средняя для всей промышленности, однако, значительно меняется, если брать заработную плату по отдельным отраслям народного хозяйства. Уже в октябре—декабре 1923 г. целый ряд отраслей народного хозяйства достиг довоенного уровня или приблизились к этому уровню, тогда как в других наблюдалось значительное отставание от этого уровня. Это же положение наблюдается и впоследствии. Так:

¹⁾ Под условным московским рублем понимается счетная единица, получаемая путем исчисления стоимости 10-рублевого довоенного набора продуктов в Москве в червонных рублях. Соотношение между этими двумя стоимостями устанавливает соотношение между червонным и довоенным рублем. Одна десятая стоимости набора в червонных рублях составит условный московский рубль.

По промышленности.	Средний месячн. заработок в условных московских рублях.						% % отнош. к заработку 1913 г.		
	1 квартал 1923—24 г.		1 квартал 1924—25 г.		1 квартал 1925—26 г.		1 квартал 1923—24 г.	1 квартал 1924—25 г.	1 квартал 1925—26 г.
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.			
Металлособрабатывающей	20	68	27	33	33	66	46,7	61,3	76,4
Текстильной	17	64	16	69	23	93	80,5	76,2	109,2
Горной	17	37	22	07	29	31	38,2	42,9	64,4
Химической	18	93	24	40	29	55	75,7	97,6	118,1
Полиграфической	29	30	37	71	39	60	82,4	107,0	111,9
Пищевой	23	46	30	61	34	24	109,6	143,0	160,0
Кожевенной	28	44	34	18	37	00	91,0	107,3	118,4
Писчебумажной	21	23	25	41	30	32	87,9	105,2	125,5
Деревообделочной	24	87	23	13	30	85	91,2	85,0	113,1

Так обр., динамика заработной платы по отдельным отраслям промышленности дает картину все большего приближения к довоенному уровню, но со значительными колебаниями: в то время, как пищевая промышленность далеко перешагнула (на 60%) довоенный уровень, горная не достигла еще и 65% последнего.

Этот разноречивый темп повышения заработной платы в различных отраслях промышленности зависит, главным образом, от условий развертывания той или иной промышленности. Новая экономическая политика, вводя в хозяйственные отношения регулирующий момент рыночного спроса, сразу же поставила на исключительно благоприятные для роста заработной платы позиции так-наз. легкую индустрию. Пищевкусовая промышленность, обслуживающая непосредственно потребителя, непосредственное же всего и пережила расцвет с наплывом рыночного спроса. Это позволило ей быстро накапливать оборотные средства и уделять из них значительную долю на оплату труда. В совершенно ином положении оказывалась индустрия тяжелая. Обслуживая производственное потребление, а не массового потребителя, она несравненно медленнее могла развертываться. Вместе же с тем она является необходимой

основой для всего восстановительного процесса. Поэтому свертывание коснулось ее меньше, чем легкой индустрии. Все это делало долгое время предприятия тяжелой индустрии дефицитными и тем самым задерживало темп роста заработной платы.

В горной промышленности, отстававшей больше всего от общего роста заработной платы, это сказалось особенно отчетливо. Здесь мы имеем необходимость поддерживать работы в шахтах даже при отсутствии спроса на каменный уголь, в виду того, что прекращение работ в той или иной шахте означает полную гибель затраченного на проведение ее основного капитала. В Донбассе, напр., в 1924 г. наблюдалась перегрузка складов угля, так как работы шли нормально, а сбыта было недостаточно.

Вместе с тем „консервирование“ предприятий здесь опять-таки было связано с увеличением подсобного персонала и с снижением уровня заработной платы, выдаваемой не в полном размере.

Все это вместе взятое и вызвало задержки в росте заработной платы. Лишь в 1925 году мы наблюдаем определенное выравнивание ее и в тяжелой индустрии, а с сентября 1925 г. и вплоть до марта 1926 г. наблюдаются частично и колебания в сторону пони-

ження. Так, заработная плата составляла в условных московских рублях.

	Отрасли промышленности		
	Металло-обработ.	Горная.	Химическая.
Октябрь 1923 г	21 р. 15 к.	17 р. 66 к.	19 р. 18 к.
Январь 1924 „	21 „ 16 „	18 „ 62 „	19 „ 61 „
Июнь 1924 „	23 „ 82 „	21 „ 67 „	21 „ 59 „
Январь 1925 „	27 „ 44 „	19 „ 64 „	24 „ 41 „
Июль 1925 „	34 „ 41 „	27 „ 38 „	28 „ 64 „
Август 1925 „	33 „ 38 „	28 „ 60 „	29 „ 71 „
Сентябрь 1925 „	35 „ 47 „	29 „ 61 „	30 „ 20 „
Март 1926 „	32 „ 35 „	23 „ 61 „	27 „ 18 „

Ниже (стлб. 299 — 300) приводим более детальные данные по этому вопросу. В той же таблице прослеживается изменение среднего уровня месячи. зараб. платы отдельно для Москвы, Ленингр. губ. и провинции.

Эти последние данные еще более усиливают то впечатление, которое складывается от приведенной выше таблицы, рисующей динамику заработной платы, показывая равномерный рост заработной платы одинаково во всех трех районах.

Имеется еще одна особенность в картине, которую нам рисует динамика заработной платы за 1922—1925 г. Расхождения между оплатой труда в разных отраслях промышленности, наблюдавшиеся в резкой степени в 1923 г., значительно смягчаются. А. Рашин констатирует, что „в то время, как металлисты на 40% превышали средние заработки, а текстильщики на 30% отставали от средних заработков“, в настоящее время „металлисты превышают средние заработки лишь на 10%, а текстильщики отстают от средних на 9%“¹⁾.

Однако, до сих пор еще наблюдается значительное различие в оплате труда разных профессий. На заседании президиума ВЦСПС от 18 августа 1926 года отмечено было, что соотношение между оплатой труда неквалифицированных и квалифициро-

ванных рабочих, в начале революции установившееся как 1:1,7, теперь доведено формально (при установлении ставок) до 1:4. Это объясняется, конечно, тем, что потребность в труде квалифицированных рабочих и отсутствие соответствующего предложения этого труда на рынке создает потребность в создании особых стимулов для восстановления квалифицированной рабочей силы. Но даже и это соотношение, как отмечалось президиумом ВЦСПС, иногда оказывается превзойденным и достигает 1:8. При оплате труда чернорабочего в 30 черв. руб. в месяц заработки отдельных квалифицированных рабочих доходят до 180—200 черв. руб.

Для освещения этого важного вопроса даем результаты выборочного обследования высоты заработной платы по роду занятий в марте 1925 г. (из статист. сб. „Труд в СССР в 1924/25 г.“). Анкеты охватывали 4 отрасли: 1) производство и ремонт транспорта (см. стлб. 291/92), 2) хлопчатобумажную промышленность (стлб. 293/96), 3) шерстяную промышленность (стлб. 295/96) и 4) машиностроение (стлб. 297/98).

Сглаживание различий в оплате труда еще ярче оттеняется при сравнении заработков служащих фабрично-заводских предприятий. Во всех производствах, по сравнению с 1913 г., они составляли:

	В абсол. цифрах.
в декабре 1922 г.	23,7% 24 р. 86 к.
в декабре 1923 г.	31,3% 37 р. 95 к.
в декабре 1924 г.	44,2% 46 р. 41 к.
в марте 1925 г.	45,6% 47 р. 78 к.

В то время как по общему правилу заработки рабочих приближаются к довоенному уровню, заработки служащих не достигают и 50% довоенного размера.

Что же касается служащих в учреждениях и торговых предприятиях, то их заработки отстают от заработков служащих в фабрично-заводских предприятиях. В первый квартал 1924—25 хозяйственного года, напр., соотношение между заработками рабочих, служащих в фабрично-заводских предприятиях и служащих в учреждениях и торговых предприятиях было следующим:

¹⁾ Ср. А. Рашин, „Зараб. плата в промышленности“, Сб. „Труд в СССР“, стр. 132.

	Зарботки в московск. рублях.	Зарботки в московск. рублях.
Промышленных рабочих	25 р. 10 к.	Служащих учреждений и торговых предприятий 30 р. 43 к.
Промышленных служащих	45 р. 85 к.	

Зарботная плата по роду занятий в марте 1925 г. (по выборочному обследованию).

Название профессий.	Число раб- чих, вошедших в подсчет.	% лиц, рабо- тавших сдельно.	Средний тарифный разряд.	Средний тарифный коэффициент.	Средний заработок одного раб.			
					За мес. в руб.		За день в коп.	
					Черв.	Моск. условн.	Черв.	Моск. условн.
I. ПРОИЗВОДСТВО И РЕМОНТ ТРАНСПОРТА.								
Всего по производ.	32159	80,0	5,4	2,29	49,32	27,09	229,4	125,5
В том числе по группам:								
<i>А. Квалифицированные</i>	14039	85,9	6,5	2,66	59,72	32,94	275,2	151,8
В том числе по проф.:								
1. Модельщики	271	95,9	7,3	2,89	76,08	42,19	333,1	187,5
2. Котельщики	243	97,5	6,7	2,69	71,73	33,86	323,1	175,0
3. Литейщики формовщики	961	97,7	6,6	2,69	69,57	39,32	322,1	182,0
4. Монтеры	90	87,8	7,2	2,97	67,51	37,18	294,8	162,4
5. Медники	136	100,0	6,6	2,69	66,41	37,67	316,2	179,4
6. Кузнецы	628	94,3	7,1	2,83	63,77	35,22	293,9	162,3
7. Фрезеровщики	392	95,7	6,2	2,53	62,04	34,16	284,6	156,7
8. Слесаря всех специальностей	4069	78,6	6,6	2,72	60,35	32,64	268,2	145,1
В том числе:								
а. Слесаря сборщики	797	97,7	6,7	2,70	67,49	36,64	322,9	175,3
б. " инструмент.	215	78,6	6,9	2,79	65,02	35,59	251,6	159,6
в. " ремонтн.	789	58,3	6,7	2,72	57,95	31,93	256,4	141,5
9. Машинисты	619	48,8	6,5	2,68	57,64	31,60	248,4	136,2
10. Токаря по металлу	2050	95,7	6,4	2,64	57,31	31,65	265,3	145,5
11. Строгальщики	386	93,8	6,2	2,55	56,68	31,33	262,4	145,0
12. Клепальщики	168	89,3	6,3	2,60	55,38	30,12	271,5	147,6
<i>Б. Полуквалифицир.</i>	2285	71,6	5,0	2,16	48,79	27,10	240,3	133,5
В т. ч. по профессии:								
13. Прессовщики	103	87,4	5,6	2,38	51,56	28,16	247,4	134,1
14. Кочегары	755	16,3	5,2	2,21	51,42	27,92	217,9	118,3
15. Молотобойцы	724	92,0	4,4	1,98	44,59	24,57	209,3	115,4
<i>В. Неквалифицированные</i>	3717	67,7	3,1	1,63	28,37	15,65	132,0	72,8
В том числе:								
16. Чернораб. мужчины	2473	72,8	3,3	1,59	31,36	17,19	146,5	80,3
17. Чернораб. женщины	827	57,6	2,6	1,38	21,81	11,93	96,5	52,8

Название профессий.	Число работ- вошедших в подсчет.	в лиц, рабо- тавш. действ. но	Средний та- рифн. разряд	Средн. тарифн. коэффициент.	Средн. заработ. одного рабоч.			
					За месяц в руб.		За день в коп.	
					Червон.	Моск. условн.	Червон.	Моск. условн.
II. ХЛОПЧАТОБУМАЖНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.								
Всего по производ.	13760	68,8	4,4	2,13	37.69	20.69	167.5	92.0
<i>А. Квалифицированные.</i>	49652	93,8	4,7	2,18	39.41	21.72	174.4	96.1
В том числе по профессии:								
1. Раклисты	187	63,6	10,0	4,77	83.06	44.34	361.1	192.8
2. Подмастерья обоего пола . . .	2344	84,9	7,6	3,58	66.56	37.51	288.1	162.4
В том числе:								
Подмастерья прядильного отдел. мужчины	301	81,7	8,1	3,70	69.85	40.21	290.5	170.0
Подмастерья ткацкого отделения мужчины	2043	85,4	7,5	3,56	66.23	37.11	288.0	161.3
3. Прядильщики	867	96,2	7,7	3,32	57.55	32.86	242.8	138.6
4. Сновальщики	197	93,4	5,7	2,8	44.14	25.20	185.5	105.9
5. Сновальщицы	520	93,5	5,1	2,17	39.56	21.81	176.6	97.4
6. Отбельщики	311	97,7	4,4	2,11	39.01	22.12	178.1	101.0
7. Ткачи	5415	96,6	4,7	2,24	38.93	21.49	168.5	93.0
8. Красильщики	586	76,8	5,1	2,50	38.34	21.10	175.1	96.3
9. Красильщицы	396	79,0	4,3	2,11	36.78	18.47	152.7	81.7
10. Ткачихи	35317	99,5	4,2	1,95	35.00	19.33	156.3	86.3
11. Слесаря	2081	42,3	7,5	3,36	66.61	36.20	292.1	158.8
<i>Б. Полукавалифицир.</i>	24339	85,6	4,3	2,04	36.00	19.76	155.8	85.5
В том числе по профессии:								
12. Присучальщики	1973	97,2	5,6	2,27	43.43	23.79	185.6	101.7
13. Чесальщики	318	45,3	5,4	2,60	38.94	22.68	182.8	106.5
14. Катущечницы	505	97,4	4,0	1,93	35.57	20.18	152.0	86.2
15. Крутильщицы	483	90,5	3,8	1,95	35.17	17.25	161.3	79.1
16. Банкоброшницы	5266	94,3	4,2	2,02	34.75	19.56	147.9	83.2
17. Ленточницы	1872	96,8	4,3	1,96	33.75	18.84	147.4	82.3
18. Ватерщицы взрослые	6922	89,5	4,0	1,93	33.38	18.52	148.4	82.3
19. Чесальщицы	261	41,0	3,6	1,74	30.94	17.36	145.3	81.5
20. Мотальщицы	2938	90,8	3,5	1,76	30.75	16.40	136.7	72.9
21. Кочегары	929	1,9	6,2	2,52	51.37	29.55	233.3	126.8
<i>В. Неквалифицир.</i>	7702	53,5	2,8	1,53	27.06	14.30	122.4	64.7

(Продолжение на обороте).

Название профессий.	Число рабочих, вошедших в подсчет.	% лиц, работавших одележно.	Средний тарифный разряд.	Средний тарифный коэффициент.	Средн. заробот. одного рабоч.			
					За месяц в руб.		За день в коп.	
					Червон.	Моск. условн.	Червон.	Моск. условн.
В том числе:								
22. Чернораб. обоого пола	2113	18,6	3,6	1,83	31.97	16 85	142.7	75.2
В том числе:								
Чернораб. мужчины	1557	20,6	4,0	1,96	35.13	18.38	156.8	82.1
Чернораб. женщины	556	12,9	2,6	1,46	23.14	12.56	105.8	56.3
23. Съемщицы	3950	72,9	2,1	1,29	22.28	11 85	103.6	55.1

III. ШЕРСТЯНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ давала следующую картину:

Всего по производ.	20676	56,0	5,1	2,45	38.43	19.93	168.6	87.6
<i>A. Квалифицированные.</i>	6076	83,3	6,1	2,87	45.05	23.34	197.6	102.4
В том числе по профессии:								
1. Подмаст.	294	17,0	7,9	3,65	63.33	31.57	271.8	135.5
2. Слесаря.	547	4,2	7,6	3,34	51.83	26.82	230.4	119.2
3. Прядильщики	383	97,2	6,8	3,22	48.17	25.17	206.7	108.0
4. Ткачи	1899	99,6	6,2	2,94	45.44	23.70	197.6	103.0
5. Ткачихи.	2437	59,7	5,6	2,65	42.08	21.75	185.4	95.8
6. Красильщики.	234	50,9	5,7	2,76	39.06	20.62	174.4	92.1
7. Сукновалы	207	71,0	5,1	2,37	36.27	18.74	161.9	83.7
<i>B. Полукавалифициров.</i>	4526	66,8	4,2	2,23	31.24	16.33	138.2	72.3
В том числе по профессии:								
8. Трепальщики.	75	69,3	4,7	2,26	43.43	22.13	185.6	94.6
9. Настильщицы	181	78,5	3,4	1,77	35.54	17.97	159.4	80.6
10. Секретчики	192	97,4	5,8	2,76	35.17	19.47	152.9	84.7
11. Присучальщики	389	69,4	4,5	2,28	34.32	16.87	151.2	74.3
12. Мойщики товара	334	50,9	5,1	2,46	31.06	17.18	138.0	76.4
13. Сновальщицы.	258	80,2	4,2	2,05	30.38	16.38	135.6	73.1
14. Банкобросницы	114	75,4	3,4	1,72	29.61	14.73	131.0	65.2
15. Трепальщицы.	154	57,8	4,0	1,94	29.26	15.05	128.3	66.0
16. Стригальщицы	321	63,9	3,7	1,84	28.38	14.96	122.9	64.8
17. Моталки	256	77,3	3,3	1,75	25.88	13.21	113.0	57.6
18. Присучальщицы	816	72,5	3,4	1,68	24.76	13.15	110.0	58.4
19. Сортировщицы	395	69,1	3,8	1,13	24.58	12.96	107.3	56.6
<i>B. Неквалифицированные.</i>	666	6,0	4,3	2,09	27.93	14.28	122.0	62.4
В том числе:								
20. Чернораб. обоого пола	666	6,0	4,3	2,09	27.93	14.28	122.0	62.4

Название профессий.	Число работ., вошедших в подсчёт.	% лиц. рабо- тавш. сельно.	Средний та- рифн. разряд	Средн. тарифн. коэффициент.	Средн. заработ. одного работ.			
					За месяц в руб.		За день в коп.	
					Червон.	Моск. условн.	Червон.	Моск. условн.
В том числе:								
21. Чернораб. мужчины	514	7,6	4,7	2,23	30.36	15.58	130.9	67.2
22. Чернораб. женщины	152	0,7	3,1	1,63	19.71	9.86	89.6	44.8

IV. МАШИНОСТРОЕНИЕ.

Всего по производ.	15355	59,0	5,5	2,34	65.24	34.23	278.8	152.8
В том числе по группам:								
<i>А. Квалифицированные.</i>	6529	71,8	6,7	2,74	82.13	43.01	363.34	190.3
В том числе по профессии:								
1. Медники	120	88,3	8,0	3,14	128.5	64.40	577.9	287.5
2. Столяры	459	82,4	6,8	2,75	93.55	47.69	407.6	208,3
3. Модельщики	204	81,4	7,7	3,00	91.16	48.32	407.0	215.7
4. Кузнецы	206	66,9	7,3	2,89	85.01	44.84	382.9	202.0
5. Литейщики-формовщики	524	94,1	6,5	2,65	82.32	43.41	370.8	195.5
6. Слесари всех спец.	2553	60,6	6,8	2,75	81.38	42.97	360.1	190.1
а) Слесарь-инструмент	256	68,7	7,2	2,91	87.18	45.41	392.7	204.5
б) Слесарь-сборщик	643	80,2	7,0	2,83	87.25	45.33	351.3	203.3
в) Слесарь-ремонт.	551	39,6	6,8	2,63	80.86	42.13	353.1	184.0
7. Монтеры	142	—	7,2	2,85	80.70	41.78	347.8	180.1
8. Котельщики	95	62,1	7,4	2,95	80.33	42.59	375.4	199.0
9. Строгальщики	205	86,8	6,7	2,72	79.43	41.43	364.3	190.0
10. Токаря	1412	85,5	6,4	2,66	78.81	41.53	348.7	183.8
11. Фрезеровщики	214	88,3	6,4	2,62	73.31	38.90	325.8	172.9
12. Машинисты.	118	15,3	6,7	2,75	71.47	38.03	305.4	162.5
<i>Б. Полукавалифициров.</i>	939	65,9	5,2	2,23	64.21	33.58	284.1	148.6
В том числе по профессии:								
13. Обрубщики	62	95,2	6,0	2,40	73.90	37.61	355.1	167.1
14. Сверловщики	178	76,4	5,7	2,40	66.61	35.19	300.0	158.5
15. Кочегары	165	3,0	5,7	2,37	65.70	34.14	271.5	141.1
16. Прессовщики	118	84,7	4,5	1,99	61.27	32.68	273.5	145.9
17. Молотобойцы	268	78,0	4,6	2,11	59.11	31.08	263.9	138.7
<i>В. Неквалифицир.</i>	2397	35,3	3,4	1,67	38.59	19.96	174.6	90.3
В том числе:								
18. Чернораб. мужчины	2019	33,5	3,4	1,70	39.58	20.43	179.9	92.9
19. Чернораб. женщины	378	45,2	3,1	1,52	33.53	17.55	151.0	79,0

Годы и месяцы.	Производственные группы.												
	По всей промышл.	Металло-обработ.	Текстиль-ной.	Горной.	Химическ.	Кожевенн.	Полиграф.	Пище-вкусовой.	Писче-бумажной.	Дереве-обделочн.	Москва	Ленингр.-губ.	Провин-ция.
Октябрь 1923 г. . .	19,64	21,15	17,78	17,66	19,18	30,61	28,15	24,11	21,92	25,35	25,95	26,21	18,54
Ноябрь " . .	19,73	21,35	18,12	17,83	19,96	27,38	29,36	23,01	20,05	23,05	24,32	25,69	18,74
Декабрь " . .	18,62	19,55	17,04	16,62	17,66	27,32	30,38	23,26	21,71	26,00	24,81	24,53	17,58
Январь 1924 г. . .	20,19	21,16	18,27	18,62	19,61	31,32	33,22	23,91	26,29	23,84	27,70	24,10	19,22
Февраль " . .	20,50	21,78	18,70	18,56	20,14	33,05	33,05	23,67	22,60	20,68	26,52	25,40	19,57
Март " . .	20,48	22,68	17,63	20,16	19,33	28,55	31,19	23,16	23,47	20,99	25,49	23,93	19,76
Апрель " . .	19,58	21,93	16,30	19,72	18,86	26,84	31,42	22,38	20,66	20,62	25,48	23,20	18,84
Май " . .	21,02	23,00	17,71	21,43	19,83	28,88	35,36	24,99	23,68	22,18	26,56	26,09	20,11
Июнь " . .	20,67	22,65	17,55	20,00	19,78	30,39	34,87	24,52	22,31	23,53	27,66	26,42	19,58
Июль " . .	21,84	23,82	19,11	21,07	21,59	29,01	33,51	26,12	23,40	25,68	29,18	27,33	20,74
Август " . .	21,87	24,05	18,43	21,79	22,96	29,25	32,32	27,88	24,05	23,12	27,29	27,57	20,91
Сентябрь " . .	24,91	27,70	20,41	24,87	24,84	34,02	39,41	28,23	25,13	27,65	33,07	31,67	23,14
Октябрь " . .	25,58	28,67	21,07	25,15	25,56	36,03	36,87	29,83	26,31	27,31	33,03	33,55	24,03
Ноябрь " . .	22,92	26,30	18,50	20,60	23,54	31,84	38,59	30,23	24,27	25,80	31,43	32,54	21,09
Декабрь " . .	23,54	27,03	19,49	20,45	24,09	34,66	37,67	31,71	25,64	24,88	32,88	32,69	21,66
Январь 1925 г. . .	23,56	27,44	20,05	19,64	24,41	35,08	36,06	29,53	25,37	25,61	32,12	32,71	21,77
Февраль " . .	22,72	25,61	19,32	19,71	24,28	33,74	36,99	29,16	22,88	24,77	31,85	34,42	20,61
Март " . .	23,02	27,28	19,22	20,80	24,25	33,21	34,19	27,43	25,29	23,13	30,86	32,48	21,27
Апрель " . .	22,79	26,35	18,96	20,43	23,56	33,21	34,63	27,10	23,97	25,24	30,81	32,50	20,99
Май " . .	23,78	27,77	19,23	21,35	24,96	34,14	39,42	30,15	24,95	26,74	32,97	34,50	21,77
Июнь " . .	25,28	29,36	20,92	23,36	26,03	37,93	37,96	31,24	25,29	26,53	33,52	36,02	23,35
Июль " . .	29,34	34,41	25,32	27,38	28,61	34,12	40,47	30,41	29,35	30,28	37,21	36,15	28,83
Август " . .	29,03	33,38	24,17	28,60	29,71	38,34	39,30	31,20	32,14	29,66	34,18	35,34	27,87
Сентябрь " . .	30,31	35,47	25,35	29,01	30,20	38,32	39,74	33,57	30,39	34,35	37,78	38,02	28,60
Окт.—дек. " . .	29,33	33,87	23,93	29,31	29,55	37,00	39,80	34,24	30,32	30,85	—	—	—
Янв.—март 1926 г.	27,09	31,97	21,58	27,86	27,27	35,48	36,08	30,78	27,37	26,29	—	—	—

При огромных размерах территории СССР и разнообразии хозяйственных условий, наблюдающихся в различных частях Союза, полезно будет остановить внимание на размерах оплаты труда по областям и районам, в соответствии со своеобразием экономики каждого из таких районов. Нижеследующая таблица даст нам представление о районной заработной плате в 1925 г.

7. Бюджеты рабочих. С изменением

Районы, губ., республ.	В червонн. рублях 1925 г.		В усл. моск. рублях 1925 г.	
	I квар-тал	II квар-тал	I квар-тал	II квар-тал
По СССР	41.59	44.66	23.99	25.11
I. Северный район.				
Архангельская	44.41	46.27	24.92	27.19
Вологодская	40.23	38.55	26.64	23.96

Районы, губ., республ.	В червонн. рублях 1925 г.		Усл. моск. рублях 1925 г.		Районы, губ., республ.	В червонн. рублях 1925 г.		Усл. моск. рублях 1925 г.		
	I квар- тал	II квар- тал	I квар- тал	II квар- тал		I квар- тал	II квар- тал	I квар- тал	II квар- тал	
Карельская АССР	41.37	44.66	23.47	24.04	VI. Волжно-Камский район.					
Коми авт. обл.	24.94	25.98	14.14	14.12		Вотская	32.21	37.00	24.21	23.65
Северо-Двинская	22.51	23.74	17.53	15.41		Бятская	31.21	32.88	22.60	21.2.
II. Северо-Западный район					Марийская авт. обл.	21.92	26.46	15.61	17.46	
Новгородская	34.96	36.08	21.53	21.65	Татарская АССР	35.53	36.77	22.87	22.59	
г. Ленинград	60.80	65.42	32.87	34.64	Чувашская АССР,	28.16	34.41	19.83	22.66	
Ленинградская	56.22	65.72	30.23	34.15	VII. Уральская область.	32.26	35.21	23.92	22.89	
Псковская	34.80	36.97	22.71	22.74	VIII. Башкирско Оренбургский.					
Череповецкая	29.71	32.13	18.67	19.46	Башкирская АССР	28.16	33.60	21.98	23.00	
III. Западный район.					Оренбургская губ.	42.18	39.18	27.55	25.34	
Брянская	32.12	33.82	18.63	18.82	IX. Нижне-Волжский район.					
Гомельская	33.72	37.54	22.47	23.80	Астраханская	49.96	52.15	28.75	31.07	
Смоленская	36.56	38.38	24.70	24.15	Немцев Поволжья АССР.	37.63	39.65	22.69	22.40	
IV. Центр -Промышл район.					Самарская	32.46	39.38	22.86	24.92	
Владимирская	33.04	34.07	19.55	19.11	Саратовская	38.54	40.64	23.48	24.52	
Иваново Вознесенск.	31.18	33.19	19.25	20.51	Сталинградская	45.60	51.44	28.59	31.06	
Калужская	35.32	37.67	21.84	22.12	Ульяновская	25.46	26.69	17.26	16.75	
Костромская	33.45	38.27	19.83	22.72	X. Крымская АССР.	41.53	45.27	21.23	24.06	
Нижегородская	36.87	39.58	21.51	21.48	XI. Северный Кавказ.	46.00	51.02	25.74	28.86	
г. Москва	64.13	65.84	32.44	32.13	Дагестанская АССР	41.33	39.06	21.97	19.82	
Московская	37.35	41.13	20.98	21.00	XII. Казанско-Киргизск. край.					
Тверская	36.77	39.90	21.60	23.23	Акмолинская	34.07	39.52	23.80	25.35	
Тульская	38.39	43.6	21.59	23.90	Актюбинская	49.40	40.23	33.31	30.12	
Рязанская	33.93	34.07	19.51	19.25	Джейтсуйская	32.58	34.15	29.03	26.20	
Ярославская	36.35	36.80	22.70	22.01	Кустанайский окр.	28.91	33.94	22.86	25.09	
V. Центр Земледельч район.					Киргизск. авт. обл.	41.05	43.80	22.45	28.98	
Воронежская	38.07	36.73	22.53	21.07	Семипалатинская	33.58	30.88	24.60	20.03	
Курская	37.85	36.53	23.78	21.50	Уральская область	42.18	42.57	26.74	27.46	
Орловская	41.65	45.1	25.16	26.65						
Пензенская	26.30	30.15	18.37	17.2						
Тамбовская	29.29	29.7	17.1	16.94						

Районы, губ., республ.	В червонн рублях 1925 г.		Усл. моск. рублях 1925 г.	
	I квар- тал	II квар- тал	I квар- тал	II квар- тал
XIII. Сибирский край				
Алтайская	32 49	33 01	28.00	23.79
Енисейская	35.05	40 01	30,84	29.57
Иркутская	38.51	40.86	33.05	32.74
Н.-Николаевская . . .	38.81	42.37	27.52	25.99
Омская	37.76	39.93	26.47	25.51
Томская	28.97	33.29	25.89	23.84
XIV. Бурято-Монголь- ская АССР				
	41.91	43.00	36 23	33.22
XV. Дальний Восток				
Амурская обл.	40.61	40.65	29.63	27.20
Забайкальская обл. .	43.24	47.50	34.20	36.41
Приморская с Сахали ном	42.22	42.81	26.00	26.47
XVI. Белорусская ССР				
	39.49	44.95	24.68	28.10
XVII. Украинская ССР.				
Волынская } Поле	31.87	34.49	21.18	22 28
Черниговская } сье.				
Подольская } Правобережье	42.69	45.56	25.15	25.80
Киевская } бережье				
Харьковская } Левобережье	47.02	50.95	27.69	29.39
Полтавская } режье				
Донецкая } Степь	42.84	44.54	24.19	25.24
Екатеринославская } степь				
Одесская } степь				
XVIII. Азербейджан- ская ССР.				
	44.19	нет свед.	19.76	нет свед.
XIX. Узбекская ССР				
Зеравшанская	67 64	71.17	25 90	26.56
Самаркандская	44.39	47 76	21.74	23.05
Ташкентская	59.45	70.34	30.03	33.51
Ферганская	46 44	47.01	22.77	22.91

условий, в которых живет и работает рабочий СССР после Октябрьской революции, одно сравнение заработной платы не может дать представления о подлинном положении труда. В самом деле — то обстоятельство, что рабочий класс является классом правящим, т.-е. контролирующим в своих классовых интересах весь народно-хозяйственный аппарат, необходимо сказывается на условиях его существования. Так, уже одно установление отпусков для рабочих с сохранением содержания естественно приводит к изменению соотношения между актуальным заработком рабочего до войны и революцией и его заработком в условиях, созданных Октябрьской революцией. Далее, организация страхования на случай болезни, инвалидности, старости, безработицы, материнства точно также изменена в условиях пролетарской диктатуры по сравнению с его организацией в предшествующие периоды. Как увидим далее, мы имеем дело с социальным страхованием, построенным на основе полного переложения издержек по составлению страховых фондов на промышленность и на предоставлении застрахованному несравненно более полного обеспечения без всяких предварительных взносов с его стороны. Это точно так же меняет картину, которую изображает нам сравнение реальных заработков на протяжении времени с 1913 по 1925 год. На ряду с этими преимуществами мы находим ряд других. Квартирная плата устанавливается теперь не на основе рыночных расценок, а на основе классового и группового признака. Плата исчисляется с квадратной сажени занимаемого помещения, с учетом социального положения квартиронанимателя, при чем на долю рабочих приходится наименьшая сумма посаженной платы. Аналогично построены сборы за различные коммунальные услуги (водопровод, канализация, электрическое освещение). Культурные потребности рабочего в обстановке пролетарской диктатуры точно так же удовлетворяются теперь на иных условиях, чем ранее. Не только возможности удовлетворения теперь значительно больше, но и из-

держки, связанные с удовлетворением их, являются менее тяжелыми для рабочего, чем для остальных групп и классов населения.

Между тем, условный московский рубль, на который переводится номинальная заработная плата рабочего в СССР для сравнения с довоенным уровнем оплаты труда, по своей природе не учитывает всех тех разнообразных льгот и привилегий, какие созданы самим фактом изменения социально-политических отношений Октябрьской революцией. Таким образом, лишь анализ фактических приходо-расходных бюджетов рабочих и их сравнение с довоенными бюджетами в состоянии дать картину подлинного положения труда в СССР.

Но лишь с 1923 г. в СССР статистическим аппаратом ВЦСПС проводится регулярное изучение рабочих бюджетов, и материал для сравнения еще пока чрезвычайно недостаточен, и, к сожалению, нет возможности проводить полное сравнение данных 1923 и 1924 г. с довоенными бюджетами (см. *потребление, XXXIII*, прил., 169'—172'). Как известно, сколько-нибудь правильного изучения бюджетов в до-революционные годы не было. Проводившиеся обследования были плодом частной и общественной инициативы, вооруженной слишком недостаточно для надлежащей постановки дела. Так, мы имеем: 1, исследование С. И. Проккоповича, опиравшегося в этой своей работе в 1907—8 г. на отдел содействия труду (XII) Имп. Росс. Технич. О-ва; обработано было 570 бюджетов. 2, исследование М. Давидовича, проводившееся в апреле—июне 1908 г. Петербургским проф. союзом текстильщиков и охватившее 41 проработанный бюджет. 3, исследование А. М. Стопани, организованное в 1910 г. комиссией промышл. гигиены при Бакинском о-ве врачей и охватившее 2256 бюджетов. 4, исследование И. М. Шапошникова, врача одной из Богородских мануфактур, Московск. губ., научивш. в 1909 г. 324 бюджета. 5, исследование В. П. Горицкого и В. А. Андреева, статистиков Костромск. земства, в 1911 г. разработавших 18 бюджетов. 6, исследование Г. Наумова, по инициативе

Киевского о-ва экономистов и ремесленной секции при Киевской выставке; обследовано было в 1913 г. 572 бюджета.

Регулярными обследованиями бюджетов за 1923 и 1924 г. охвачено: в 1923 г.—3003 бюджета в Москве, Ленинграде, Харькове и Донбассе, в 1924 г.—872 бюджета там же.

Какую же картину рисуют нам данные бюджетных обследований после Октябрьской революции? Остановимся прежде всего на приходной части бюджетов.

Первый факт, который бросается в глаза при рассмотрении бюджетов, это—сокращение числа работников в семьях. Число зарабатывающих членов семьи в среднем на семью было:

	Москва	Ленин-град.	Дон-басс.	Харь-ков.
Ноябрь 1923 г. . .	1,34	1,16	1,25	1,27
Ноябрь 1924 г. . .	1,32	1,16	1,14	1,17

Это сокращение объясняется уменьшением удельного веса женщин и подростков в производстве. При переходе к новой экономической политике сокращение штатов шло путем преимущественно сокращения женщин. Отчет ВЦСПС VI Всесоюзному съезду профсоюзов не только устанавливает сокращение пропорции занятых в производстве женщин с 26,8% до 25,3%, но и констатирует, что союзам приходилось энергично бороться с вытеснением женщин из производства, „не допуская беспричинного увольнения их или замены мужским трудом“¹⁾. Кроме того, при сокращениях и союзы невольно учитывали, является ли работник единственным в семье или же его заработок служит дополнением к основному заработку главы семьи.

Вторая особенность данных бюджетных исследований заключается в установлении роста доли денежного заработка главы семьи и членов ее по сравнению с другими источниками дохода. Правда, в этих данных положение вещей в провинции отображается иначе, чем положение в столицах. Так,

¹⁾ „Профессиональные Союзы СССР в 1922—1924 г.“, стр. 150—153 *passim*.

доля денежного заработка главы и членов семьи составляла в

	Москва.	Ленинград.	Донбасс.	Харьк.
Ноябрь 1923 г. . .	84,0	84,4	88,2	82,5
Ноябрь 1924 г. . .	87,3	85,5	74,9	79,5
Окт.-дек. 1925 г. .	87,2	88,2	81,6	84,2

Однако, Г. Полляк отмечает, что „безусловно сравнимы между собою данные только по столицам, где заработная плата в оба периода была выплачена в нормальном месячном размере; колебания цифр по остальным двум районам, обусловленные случайными колебаниями фактического заработка, не дают материала для каких либо выводов“¹⁾. С такой же оговоркой мы получим картину твердого увеличения доли денежной заработной платы в приходной части бюджетов. Если же к заработной плате присоединить те поступления, какие являются замещением ее (напр., пособие страховой кассы), то доля эта возрастает до 93,0% в Москве и до 93,9% в Ленинграде. Эта же норма является уже весьма близкой к норме, установленной для Петербурга 1907—1908 г. исследованием Прокоповича (94,0% приходной части бюджета) и Давидовича (95,6%), и к норме киевских бюджетов Г. Наумова (95,0%).

Чрезвычайно важный вывод позволяют сделать данные о доходах рабочей семьи от: а) приработков, т. е. поступлений от случайных работ (пресловутые „зажигалки“ 1919—1921 г.г.), от торговли и т. п. и б) от продажи имущества. В процентном отношении к приходной части бюджета приработки семьи составляли:

	Москва.	Ленинград.	Донбасс.	Харьк.
Декабрь 1922 г. . .	1,9%	3,6%	1,6%	5,7%
Ноябрь 1923 г. . .	2,2	2,7	1,1	1,9
Ноябрь 1924 г. . .	1,0	2,3	0,9	2,2
Октябрь-Декабрь 1925 г. . .	1,3	3,2	2,1	2,5

Что же касается дохода от продажи вещей, то он составит в %%% отношении ко всей приходной части бюджета:

	Москва.	Ленинград.	Донбасс.	Харьк.
Декабрь 1922 г. . .	4,6	6,0	5,8	8,7
Ноябрь 1923 г. . .	2,4	3,9	2,7	4,7
Ноябрь 1924 г. . .	1,2	1,7	0,5	3,0
Окт.-дек. 1925 г. . .	0,6	0,4	0,8	0,5

Так, обр., к концу 1925 г. приходный бюджет продолжал очищаться от посторонних, не связанных с основной работой по найму, источников дохода, которые в известной мере лишали весь приходный бюджет чисто трудового характера. Ясно, что этот факт, если бы мы его сопоставили с данными, которые мы приводили выше о восстановлении чисто-пролетарского характера рабочей массы, означал бы дальнейшую остановку и аннулирование ранее наблюдавшегося процесса деклассирования пролетариата.

Общий вид приходного бюджета рабочего в условиях московских рублях таков:

Всего	Москва		Ленинград		Донбасс		Харьков	
	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.
Заред. плата семьям	37,8	49,31	30,83	39,78	39,37	32,25	37,40	36,74
Социальн. стрж.	1,66	1,69	0,12	0,67	0,36	1,30	1,50	2,92
Кредит в лавках, долги, педучено долги	2,29	4,41	2,70	3,23	1,07	1,63	3,22	5,77
Нетрудовые доходы семьи	2,58	1,88	1,76	2,01	3,87	7,76	3,45	3,83
Всего	44,35	57,29	35,61	45,69	44,61	42,99	45,22	49,26

¹⁾ „Статист. Труды“, № 2 за 19.5 г., стр. 1.

В процентном отношении эта таблица дает следующие отношения между отдельными частями приходного бюджета:

	Харьков		Донец		Ленинград		Москва	
	1924 г.	1925 г.	1924 г.	1925 г.	1924 г.	1925 г.	1924 г.	1925 г.
Зараб. плата семьям	74,3	84,2%	75,0%	81,0%	67,0%	80,2%	66,1%	85,2%
Сод. органов	0,9	1,0	3,0	4,7	1,4	5,7	2,9	3,7
Кредит и долги	11,7	—	2,9	0,9	7,9	0,5	7,9	5,1
Нетрудовые доходы	7,0	10,0	16,1	12,0	4,5	5,6	3,5	6,0
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Эти две таблицы показывают, что, во-первых, изученные бюджеты еще и в 1925 г. являются дефицитными,

что задолженность возрастает в 1924 г., но понижается в 1925 г., а, во-вторых, за одним лишь исключением (Донец), доля нетрудовых доходов падает в 1924 г., но вновь повышается в 1925 г. Сравнение с бюджетами 1907—1913 г. в обоих отношениях свидетельствует, что и дефицитность бюджетов была не необычным явлением (бакинские семейные бюджеты дают 3,57% долгов и перерасхода за счет сбережений; текстильщики гор. Середы—0,99%) и загруженность их нетрудовыми доходами тоже не составляла исключения из общего правила (петербургские рабочие, по данным С. Н. Прокоповича—4,95% приходного бюджета; петербургские текстильщики, по данным Давидовича—4,47%; бакинские рабочие, по данным Стопани—0,93%; серединские текстильщики—16,10%; киевские рабочие, по данным Наумова—5,95%).

Так обр., приходные бюджеты рабочих за период новой экономической политики восстановили уже в значительной мере довоенное положение. Но особенно ярко восстановительный процесс сказался в расходной части бюджетов.

Более или менее длительный период охвачен бюджетными исследованиями лишь по Ленинграду; поэтому приведем соотношение отдельных статей бюджетов ленинградских семейных рабочих (в % ко всему расходному бюджету (см. табл. на стлб. 311)).

В общем картина расходного бюджета рабочего в московских условиях рублях рисуется табл. на столбце 312 сверху.

Главнейшей расходной статьей является, как видим, питание. Расходы по этой статье к тому же растут. За счет чего происходит этот рост? То обстоятельство, что мы сравниваем расходы не в червонном, а в товарном (условный московский рубль) исчислении, говорит, что рост вызывается не ростом цен на продукты питания, а изменением качества потребляемых продуктов. Это и подтверждается данными об изменении характера расходов на питание. Так, в фунтах на одного взрослого едока потреблялось (см. табл. на стлб. 312 внизу).

Другими словами, ржаная мука и ржаной хлеб замещаются пшеничной

	Москва		Ленинград		Донбасс		Харьков	
	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.
Помещение	3,40	4,16	1,06	2,65	1,52	1,02	1,52	1,92
Топливо и освещение	3,40	2,84	4,71	4,31	5,19	4,11	4,11	5,68
Питание	1,02	20,41	14,98	21,40	11,94	19,95	18,92	22,02
Служб. зап.	0,02	0,82	0,02	0,66	0,25	0,34	0,18	0,51
Табак и курорт.-прод. накл.	0,73	0,89	0,58	0,86	0,41	0,45	0,59	0,53
Одежда и туалет	11,62	11,75	7,36	7,00	13,41	9,82	12,74	12,31
Хозяйств. вещн.	0,92	2,22	0,42	0,97	0,90	0,90	0,97	0,80
Транспорт	0,20	0,54	0,39	0,50	0,07	0,02	0,07	0,17
Лекарств.	0,28	0,28	0,16	0,17	0,10	0,02	0,02	0,10
Культ и общ. под-реш.	2,61	3,22	1,28	2,40	1,91	1,77	2,09	2,82
Проч. расх.	2,10	4,15	1,77	2,87	2,22	3,56	2,56	2,74
Итого	42,71	54,82	32,74	49,57	37,67	42,64	44,10	49,22

	1908		1910		1922		1923		1924		1925	
	По Дубинскому	По Дубинскому	По Дубинскому	По Дубинскому	По Пушнову	По Пушнову	По Вилсоу	По Вилсоу	По Вилсоу	По Вилсоу	По Вилсоу	По Вилсоу
Помещение	15,0%	2,4%	—	—	5,8%	4,0%	—	—	5,8%	—	4,8%	—
Топливо и освещение	6,3	—	—	—	5,8	14,0	—	—	9,4	—	4,6	—
Питание	48,2	71,7	—	—	43,2	44,5	—	—	47,0	—	46,2	—
Табак и алкоголь	5,3	—	—	—	2,0	2,4	—	—	3,4	—	5,4	—
Одежда и туалет	12,1	—	—	—	10,5	20,9	—	—	14,8	—	22,2	—
Хозяйственные вещи	2,1	—	—	—	0,7	1,3	—	—	2,1	—	2,6	—
Транспорт	3,6	—	—	—	3,5	1,9	—	—	1,7	—	1,6	—
Лекарств.	1,3	—	—	—	—	0,5	—	—	0,4	—	0,4	—
Культ. и общ. под-реш.	3,9	—	—	—	3,9	5,3	—	—	7,6	—	6,2	—
Проч. расх.	4,4	—	—	—	6,0	5,2	—	—	7,8	—	6,0	—

растет потребление мясных продуктов, молока (Москва), масла коровьего (Москва), яиц, сахара. Словом, в бюджете рабочего начинают играть большую роль продукты, богатые питательными веществами, вытесняя собою продукты, богатые клетчаткой и потому менее питательные. Эти данные определенно говорят о стабилизации рабочих бюджетов на более высоком уровне, чем свойственный довоенному времени.

мукой и пшеничным хлебом (сильнее в Донбассе, но значительна замена и в Москве), потребление рыбы, крупы, заменивших собою в период военного коммунизма более важные по белковому и жировому содержанию мясные продукты, падает, и за их счет

¹⁾ И. Н. Дубинская, "Бюджеты петроградских рабочих в мае 1918 года." Материалы по статистике труда Северной области.

²⁾ А. П. Пушнов, "Бюджеты петроградских рабочих и служащих в 1922 г." Бюллетень Отдела Статистики Труда ПРСФС, 1923 г., № 35.

	Москва			Донбасс		
	1922	1923	1924	1922	1923	1924
Мука и хлеб ржан.	43,3	30,3	21,4	60,4	31,8	5,90
Мука и хлеб пшенич.	8,3	18,1	21,9	4,05	26,97	50,81
Крупа всякая	10,2	8,8	4,8	9,18	4,34	2,79
Картофель	59,7	43,5	35,4	25,11	47,40	41,28
Мясн. продукты	6,3	11,0	16,5	2,42	6,60	15,18
Рыба	5,1	2,3	2,0	2,40	1,59	1,17
Молоко	4,4	9,4	10,3	10,05	10,54	8,37
Масло кор.	0,7	0,6	1,0	0,15	0,63	0,660
Масло раст.	2,3	2,0	1,5	3,18	3,11	2,10
Яйца	0,06	0,37	0,62	0,01	0,046	0,090
Сахар	2,0	2,0	3,6	0,08	0,78	2,16
Чай и кофе	0,07	0,05	0,13	0,02	0,013	0,060

8. *Профессиональные союзы в СССР.*— Тот высокий сравнительно уровень, которого достигли рабочие в СССР к 1925 году, обуславливался, разумеется, восстановлением, после трех лет империалистической войны и четырех—контр-революционных вспышек, голода, блокады и интервенции, всего народного хозяйства СССР. Но эта обусловленность вытекает не из самого факта восстановления народного хозяйства, а из той обстановки, в которой протекает восстановительный процесс. Мы видим, что в других странах, переживавших хозяйственный распад в результате военных потрясений, восстановление шло за счет материального благополучия рабочего класса (см. XI, прил. *современн. состояние важнейших госуд.*, табл. 48, 49, 50, 52, 53). В СССР же мы наблюдаем иное положение: здесь восстановительный процесс приводит к параллельному укреплению и материального благосостояния рабочих и хозяйственной мощи народного хозяйства. Это—результат, разумеется, того именно изменения в соотношении общественных сил, какое имело место в ходе Октябрьской революции.

Но этот результат не является прямым следствием организации народного хозяйства органами советского государства. Ленин в 1921 г. в дискуссии о роли проф. союзов отмечал: „Государство у нас рабочее с бюрократическими извращениями. И мы этот печальный—как бы это сказать?—ярлык, что ли, должны на него навесить. Вот вам реальность перехода. Что же, при такого рода практически сложившемся государстве профессиональным союзам нечего защищать, можно обойтись без них для защиты материальных и духовных интересов пролетариата, поголовно организованного?.. Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства“¹⁾.

Т. обр., еще накануне новой экономической политики положение рабочих

¹⁾ В. И. Ленин, „Ст. и речи по вопросам проф. движения“, изд. ВЦСПС, стр. 312.

присовокупилось обуславливаемым не непосредственно состоянием государственной политики, руководимой органами рабочего государства, а посредственно, через деятельность самих организаций рабочих у станка, у которых было две задачи: защиты материальных и духовных интересов пролетариата и защиты рабочими своего государства. Даже в обстановке военного коммунизма, требовавшего, как мы знаем, чрезвычайного напряжения сил и огромных жертв со стороны рабочих для успешного разрешения задачи защиты рабочими своего государства, первая задача не сходилась совершенно на-нет. Новая же экономическая политика существенно изменила характер хозяйственной работы. На смену обслуживанию защиты рабочего государства пришла задача социалистического строительства в условиях перехода от капитализма к социализму. Введен был хозяйственный расчет, коммерческие начала в ведение промышленных предприятий. Начался процесс накопления. Уже постановлением ЦК РКП(б) о проф. союзах (17 января 1922 г.), решения II Пленума ВЦСПС в феврале 1922 г. и резолюция XI съезда РКП(б) установили, что вся совокупность новых условий усиливает роль и значение профсоюзов, как сложного аппарата, представляющего интересы работника у станка. Ибо, как правильно определяет складывающееся в производстве положение А. Гуревич, „рабочий продает свою рабочую силу государственному предприятию. И в этом случае имеется прибавочная стоимость, создаваемая трудом рабочего. При прочих равных условиях, чем больше заработная плата рабочего, тем меньше прибавочная стоимость, получаемая государственным предприятием, и наоборот. Но именно здесь начинается основное отличие—эта прибавочная стоимость идет не на пользу отдельного частного капиталиста, а на усиление средств государственной промышленности, находящейся в руках рабочего класса. Увеличение прибавочной стоимости в этом случае обозначает рост количества средств в руках пролетарского государства, а это обозначает, в конечном итоге, увеличение благополучия всего трудящегося населения стра-

ны. Отсюда, однако, отнюдь не следует, что на государственном предприятии исключаются вообще всякие столкновения интересов. И здесь возможны конфликты на почве заработной платы и других условий труда... Такой конфликт может возникнуть как вследствие того, что данная группа рабочих в своих цеховых профессиональных требованиях перешагнула границы возможного и осуществимого, так и вследствие того, что данное заводоуправление в погоне за прибыльностью предприятия перегнуло палку в „экономии“ на заработной плате и неправильно понимает общие интересы класса и т. п... Эта неклассовая экономическая борьба неизбежна потому, что государственные предприятия получили значительную долю самостоятельности в своих действиях и не так зависимы от центральной государственной власти, как раньше, в эпоху военного коммунизма¹⁾.

Что такого рода положение не только теоретически вытекает из природы производственных отношений, установившихся при новой экономической политике, но и фактически имеет место,—свидетельствуют данные о конфликтах в промышленности СССР. Если взять только конфликты, рассмотренные в порядке примирительного и третейского разбирательства, то получаем следующую картину:

	Число конфликтов.	Число участников в них
1923 г.	19.623 ²⁾	53.838
1924 г.	4.134	1.754.100
1925 г. (январь—июнь)	3.427	1.571.124

Что в этих конфликтах мы имеем дело с обидми, отмеченными Гуревичем, видами столкновений, свидетельствуют результаты разбирательства в соответствующих примирительных и третейских инстанциях. Центральные конфликтные органы разрешили:

	% всех конфликтов	% всех участников
В пользу рабочих. . .	27,5	21,8
Компромиссно. . . .	49,7	67,9
В пользу нанимателя.	22,8	10,3

¹⁾ А. Гуревич, „Азбука теории и практики заработной платы“, стр. 56—58.

²⁾ Цифры конфликтов, рассмотренных губотделами союзов, независимо от того, достигли ли эти конфликты на разбирательство в примирит. камере или нет.

И таковы же результаты решений местных конфликтных органов:

	% всех конфликтов	% всех участников
В пользу рабочих . . .	39,6	52,4
Компромиссно. . . .	37,6	23,8
В пользу нанимателя.	22,8	23,8

Иначе говоря, хотя в подавляющем большинстве случаев (89,7%) решения выносятся в пользу рабочих (компромисс означает точно так же частичное признание основательности их требований), но есть известный процент случаев, когда требования рабочих не учитывают реальных возможностей в интересах развития хозяйства и отклоняются соответствующими инстанциями.

„Трудовые конфликты—справедливо замечает Г. Мельничанский—в деятельности союзов занимают большое место, поскольку конфликтами охвачено более 50% всего числа работающих в промышленности. Эта работа и выявляет защитные функции союзов“¹⁾.

Совершенно естественно, что в тезисах председателя ВЦСПС М. Томского, представленных XIV съезду ВКП(б), устанавливается все та же задача защиты материальных и духовных потребностей рабочего и мотивируется она так же, как это делал Ленин еще в 1921 г. „В интересах социалистического строительства—читаем мы здесь—хозяйственный обязан стремиться к максимальному производственному успеху вверенного ему органами пролетарского государства предприятия: его прибыльности, повышению качества и удешевлению стоимости продукции на основе советской законности и методами, соответствующими общему духу социалист. государства. Проявления в работе отдельных хозяйственных органов и руководителей госхозяйства бюрократизма, „чрезмерного ведомственного интереса и преувеличенного усердия“, предусмотренные резолюцией XI съезда партии, неизбежны и, несомненно, существуют. Поэтому, на профсоюзам попрежнему лежит безусловная обязанность борьбы с подобными бюрократическими извращениями госаппарата, обязанность: „защитить интересы трудящихся, способствовать

¹⁾ „Труд“, № 257, 11/XI, 1925 г.

по мере возможности повышению материального их быта, постоянно поправляя ошибки и преувеличения хозяйственных органов, поскольку они вытекают из бюрократического извращения государственного аппарата“ (резол. XIV съезда партии о профсоюзах¹⁾).

Само собою, этими защитными функциями задачи профсоюзов не ограничиваются и в условиях новой экономической политики. Задача защиты своего государства попрежнему лежит на пролетариате, организованном почти поголовно (в 1923 г. организовано 93%, в 1924 г.—92%, в 1925 г.—89,1%). Ленин всегда отмечал, что дело строительства социализма может быть делом только миллионов, точно так же, как дело строительства феодализма было делом сотен, а капитализма—тысяч. Рабочий класс является правящим. Те организации, которые его объединяют почти поголовно, поэтому необходимо являются и школой социалистического строительства. Как это формулировал М. Томский в своих тезисах: „Профсоюзы СССР ясно отдают себе отчет в том, что нэп есть такая форма перехода к социализму, которая „допускает экономическое соревнование между строящимся социализмом и стремящимся к возрождению капитализмом на почве удовлетворения хозяйственных интересов, через рынок многомиллионного крестьянства“ (резол. XI съезда РКП о профсоюзах). В этот переходный период одной из важнейших задач профсоюзов СССР является систематическое, всестороннее, энергичное содействие и помощь компартии и соввласти в их борьбе против бюрократических извращений аппарата рабочего государства, а равно в их работе над его улучшением и приспособлением к полному обслуживанию рабочих и крестьянских масс. К девятому году пролетарской диктатуры на фоне все более мощно обрисовывающегося хозяйственного подъема все больше растет политическая, хозяйственная, культурная активность всех слоев населения как города, так и деревни. Растет также активность враждебных и полувраждебных пролетарской диктатуре элементов

населения—напман, кулачество, мещанство, некоторая часть буржуазной интеллигенции и т. п. В такой обстановке первойшей и важнейшей задачей компартии является собрать воедино всю энергию и активность рабочих масс, организованных в профсоюзы, чтобы тем усилить и увеличить удельный вес и руководящую роль пролетариата в дальнейшем ходе социалистической революции. Более, чем когда бы то ни было до сих пор, наши профсоюзы должны быть школой строительства, инициативы, активности, сплочения сил рабочих, поголовной их организации, школой втягивания все более широкой массы трудящихся в дело строительства социализма, поднятия культуры, борьбы против бюрократических извращений,—словом, подлинной школой коммунизма“ (там же, стр. 1—2).

Строение профессиональных союзов в СССР. Такова роль союзов. Они, с одной стороны, являются в СССР органами, защищающими рабочего от бюрократических извращений государственного хозяйственного аппарата, а с другой—организацией, участвуя в которой, рабочий вовлекается в процесс социалистического строительства.

Мы видели по состоянию реальной заработной платы и рабочего бюджета, что работа союзов в СССР дает положительный эффект, обеспечивает такой восстановительный процесс, который приводит к возрождению народного хозяйства не за счет материального благополучия рабочего, а к параллелизму в восстановлении и промышленности и уровня материального благополучия рабочей массы. Но вместе с тем профессиональные союзы представляют собою сложный механизм, работа которого зависит от слаженности отдельных частей, от организации. Что же собою представляют союзы СССР с этой точки зрения?

Профессиональные союзы в СССР организованы по производственному принципу. Вазой профессионального (индустриального) союза являются члены союза в предприятиях или в учреждениях, оформляющие и выражающие свою коллективную волю и мысль на общем собрании предприятия или

¹⁾ М. Томский, „О работе профсоюзов“, стр. 8.

учреждения. Общие собрания созываются не реже одного раза в месяц. Общее собрание рабочих и служащих каждого предприятия избирает сроком на 6 месяцев руководящий орган, фабрично-заводской или местный комитет.

В задачу фабрично-заводского комитета входит руководство всей союзной работой в предприятии, ведение записи новых членов, организация сбора членских взносов, организация общих собраний и руководство ими, налаживание культурно-просветительной работы и руководство ею, защита в предприятии интересов рабочих и служащих перед заводоуправлением, участие в разработке коллективного договора и наблюдение за его выполнением, руководство рабочей части совместным с администрацией разрешением всех спорных вопросов в расценочно-конфликтных комиссиях. Фабрично-заводской или местный комитет представляет членскую союзную массу предприятия перед правлением союза и является основной организационной ячейкой союза; он подотчетен общему собранию и правлению союза. Заседание заводского комитета происходит, как правило, один раз в неделю. По всему СССР насчитывается (1925 г.) 58.726 фабрично-заводских и местных комитетов.

В интересах лучшего организационного обслуживания союзом рабочей массы в цехах крупных предприятий организован делегатский корпус. Делегаты избираются на общем собрании в цеху (на 6 м-цев)—пропорционально количеству работающих в них, в среднем—1 делегат на 25 членов. Делегатские собрания происходят не реже одного раза в две недели; делегатами на этих собраниях прорабатываются все очередные союзные материалы, и они же информируют обо всем своих избирателей в цеху. Делегаты исполняют роль организаторов и агитаторов союза, собирают членские взносы, распределяют литературу и пр.; делегаты работают под руководством фабзавкомов и месткомов.

В отличие от практики других стран, в СССР вся основная союзная работа продвигается на территории предприятия или учреждения. Предприятие

или учреждение обязано по закону отвести отдельное помещение для заводского или местного комитета; большие заводы отводят, сверх того, помещения для клубов рабочих, небольшие предприятия—помещения для „Красного угла“—своего рода небольшого размера клуб.

Общие собрания рабочих, делегатские собрания, собрания заводских комитетов и разных комиссий, организованных при комитете (культурно-просветительная, по охране труда и т. д.), происходят на территории предприятий, что дает полную возможность вовлечь в союзную работу максимальное количество членов союзов. В выборах фабзавкомов и цеховых делегатов могут участвовать и не члены союза, работающие в данном предприятии; избранными могут быть только члены союза.

Это—союзная форма организации на самом заводе, в учреждении.

Что касается взаимоотношений фабзавкома и союза, то они предопределяются местом, какое фабрично-заводской комитет занимает в организационной схеме профессионального движения СССР. Было, правда, время—вторая половина 1917 г., до Октябрьской революции, когда фабрично-заводские комитеты и союзы существовали раздельно. Фабрично-заводские комитеты, явившиеся ответом на стремление рабочих взять производство под свой контроль, первое время наталкивались на отрицательное к контролю отношение со стороны тогдашних руководителей ВЦСПС. Этим и вызывалось стремление к самостоятельности и к созданию своего всероссийского центра независимо от профессиональных союзов. Но уже на I Всероссийском съезде (январь 1918 г.) спор между союзами и фабрично-заводскими комитетами был разрешен Октябрьской революцией, передавшей в руки рабочего класса все производство и поставившей перед союзами задачу организации его. А вместе с тем руководство в союзах и в ВЦСПС перешло к большевикам, высказавшимся за рабочий контроль. И вслед за этим, особенно же со II Всеросс. съезда (январь 1919 г.), фабрично-заводские комитеты превра-

тились в органы профессионального движения на самих предприятиях и стали выполнять обрисованные выше функции в качестве основных органов профессионального движения в СССР.

Что касается территориальной группировки союзов, то на этой группировке сказывается административное—территориальное деление республик на губернии, уезды и районы.

Так, все предприятия отдельного уезда определенного производства объединяются уездным отделением производственного союза. Правление уездного отделения избирается на ежегодном съезде делегатов от рабочих предприятий, находящихся в данном уезде и входящих в данный союз. Уездных отделений союзов по всем союзам в СССР насчитывается 6594.

Следующий этап—объединение всех уездных отделений и заводов определенного производства, находящихся непосредственно в губернском городе, в губернский производственный союз. На ежегодном съезде делегатов всех заводов определенного производства, находящихся во всех уездах определенной губернии, и заводов, находящихся в самом губернском городе, избирается губернский отдел производственного союза. Губернский съезд производственного союза считается руководящим органом союза для данной губернии и избирает правление для руководства работой среди членов союза данной губернии. Всех губернских отделов насчитывается 1510.

Следующий шаг—это объединение всех губернских отделов производственного союза в республиканском масштабе. На съезде представителей губернских отделов производственного союза республика избирается центральное правление производственного союза данной республики. Например, центральное правление союзов металлургов Украины, Средней Азии и проч.

Высшим органом производственного объединения отдельных республик, губерний и уездов является Всесоюзный съезд производственного союза, охватывающий все организации данного производства всего СССР. Съезды каждого производственного объединения

происходят некоторые один раз в год, некоторые один раз в два года. Съезды эти и избирают руководящий орган—центральный комитет производственного союза СССР.

Всех производственных объединений в СССР—23. Они объединяли 1 июня 1926 г. 8.500.000 членов союзов.

Помимо того, что союзы организованы по производственной линии в уездном, губернском, республиканском и всесоюзном масштабе, работа всех производственных союзов организована, как территориально единая, в межсоюзном объединении.

В каждом уезде все производственные уездные отделения объединены между собою для согласования работы. На ежегодных съездах всех этих организаций уезда избирается уездное бюро профсоюзов. Таких бюро насчитывается 570. В небольших уездах, насчитывающих небольшое количество членов, вместо бюро избирается организатор (уполномоченный).

Все профессиональные организации всех уездов определенной губернии, все губотделы этой же губернии объединены губернским советом профессиональных союзов. Губернский совет избирается на ежегодном съезде представителей всех профорганизаций, находящихся в губернии. Это—руководящий, согласующий работу профсоюзов орган в пределах губернии. Таких губернских советов профсоюзов—89. Кроме того, в автономных областях, коммунах имеются межсоюзные органы с правами губернского совета профсоюзов.

Высшим руководящим и законодательным органом для всего профессионального движения СССР является Всесоюзный съезд профсоюзов, охватывающий все производственные объединения. Всесоюзный съезд происходит один раз в два года. Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов избирается на два года.

Съезды и конференции являются законодательными органами движения. На них репаются все вопросы движения. При этом наибольшее значение имеет Всесоюзный съезд союзов, созываемый ВЦПС раз в два года и устанавливающий основное направле-

ние всей работы профессионального движения в СССР.

В промежутках между съездами известными законодательными полномочиями наделены пленумы центральных комитетов и Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов.

Все движение строго централизовано. ЦК отдельного союза не может принимать решений, расходящихся с постановлениями ВЦСПС или определяющего работу последнего Всесоюзного съезда профсоюзов. Губотдел равным образом не может принимать решений, которые расходятся с постановлениями ЦК союза или ВЦСПС. Таким образом, в общесоюзном масштабе решения принимаются ВЦСПС, съездом профсоюзов СССР, ЦК союзов и их всесоюзными съездами. В губернском масштабе решения принимаются губернскими съездами этих союзов и конференциями отдельных производственных объединений. В случае расхождения этих решений с общей линией практики профдвижения, намеченной всесоюзными съездами, они могут быть отменены либо соответствующим ЦК, либо ВЦСПС. Последние имеют право и роспуска низших объединений. Губпрофсоветы точно так же правомочны распускать губотделы производственных объединений, неподчиняющихся общесоюзным решениям,—по соглашению, однако, с соответствующим центром производственного объединения.

Все органы выборны и подотчетны избирающим их. Фабком отчеты ведется перед общим собранием рабочих предприятия; губотдел несет ответственность перед губернской конференцией; ЦК союза—перед всесоюзным съездом. Работа ВЦСПС проверяется Всесоюзным съездом профсоюзов. Каждая руководящая организация, уездное отделение, бюро, губернский отдел союза, губернский совет профсоюзов, центральный комитет производственного объединения и ВЦСПС—избирает из своей среды президиум,—исполнительный орган, который выполняет и руководит всей практической работой данной организации.

9. *Коллективные договоры в СССР.* Самой важной функцией всех профес-

сиональных объединений, как органов, выполняющих роль проводника рабочих требований в условиях пролетарской диктатуры, т.-е. органов защиты интересов работника у станка, является, разумеется, нормирование заработной платы и условий труда. Свою защитную функцию профсоюзы проводят договорным путем, закрепляя определенные условия труда и размер заработной платы коллективными договорами.

В СССР обязательные для всех нормы заработной платы и порядок выплаты вознаграждения за труд устанавливается Народным комиссариатом труда, который утверждает минимум зарплаты. Общие условия труда нормируются в свою очередь Кодексом законов о труде и дополнительными законодательными актами государственной власти. Но как устанавливаемая НКТ зарплата, так и нормированные законодательными актами условия труда представляют собою неизменную величину лишь в качестве общеобязательного минимума. Задачей профсоюзов является при таких условиях обеспечение за рабочими лучших условий в зависимости от состояния промышленности и возможности повышения зарплаты и улучшения общих условий труда без ущерба для восстановления производительных сил страны.

Уже на II пленуме ВЦСПС (февраль 1922 г.) совершенно ясно намечен был этот метод защиты интересов работника у станка. В резолюции, принятой пленумом, говорилось: „Исходным положением, определявшим нашу прежнюю политику и практику, было государственное нормирование, при чем профсоюзы, обладая всеми правами государственной власти в области определения размера заработной платы и условий труда, действовали самостоятельно по отношению к хозяйственным органам. Теперь же, с изменением задач профсоюзов и новыми экономическими условиями, профсоюзы из органов, обладавших в этой области правами государственной власти, превращаются не только в отношении частной промышленности, но и государственной, в договаривающуюся сторону, что в корне меняет прежнюю

тарифную политику и выдвигает, взамен государственного нормирования заработной платы через профсоюзы, государственное регулирование ее с участием профсоюзов и хозяйственных органов... Вся практическая работа по выработке и проведению тарифа в порядке обязательных соответствующих соглашений (коллективных договоров) ложится целиком на профсоюзы и хозяйственные органы, которые определяют конкретные условия труда и размеры оплаты, учитывая положение промышленности, ее перспективы и т. п.⁴

II пленум ВЦСПС установил и порядок разработки коллективных договоров, предусматривая в то время как массовый характер тарифной работы (обсуждение проектов коллективных договоров общими собраниями рабочих), так и тип заключаемых договоров (местный, преимущественно с одним предприятием, как в государственной, так и в частной промышленности).

Неустойчивость валюты в 1922 г. и ряд других обстоятельств, вытекавших из еще недостаточно стабилизировавшихся хозяйственных условий, в значительной мере обусловили пестроту практики коллективных договоров. Не определен еще срок, на который заключались эти договоры; не было вначале единой счетной единицы, с помощью которой можно было бы устанавливать твердые размеры заработной платы. Это было констатировано V Всероссийским съездом профсоюзов, который отметил в своей резолюции о тарифно-экономической работе союзов: „Различные экономического положения отдельных отраслей промышленности и неравномерное влияние рынка создали в свою очередь пестроту в оплате труда и несоответствие размеров заработной платы удельному весу и роли отдельных групп промышленности в общей системе народного хозяйства... В целях устранения пестроты и неустойчивости единиц исчисления заработной платы, съезд считает необходимым установить общую единицу исчисления, гарантирующую заработную плату от беспрепятственных колебаний рыночных цен и дающую возможность наиболее просто-

го сравнения настоящего уровня с довоенной заработной платой“.

Лишь с конца 1922 г. (после первой сессии ВЦСПС, выбранной на V съезде) такая единая счетная единица, в виде условного московского рубля, была выработана, и НКТ было поручено периодически публиковать бюджетные индексы на основании этой единицы. И лишь с этого времени в практике коллективных договоров начинает устанавливаться определенная стабильность.

Договорная практика в СССР установила два основных типа коллективных договоров в 1923 г.: центральные и местные. К числу центральных относятся все договоры, заключаемые ЦК союзов с крупными хозяйственными организациями и распространяющиеся на целые отрасли народного хозяйства, преимущественно расположенные территориально в нескольких губерниях. Местные договоры заключались губернскими отделениями союзов и даже уездными отделениями их и распространялись на предприятия, руководимые хозяйственными организациями губернского или уездного масштаба, либо даже на отдельные предприятия. В дальнейшем практика внесла некоторые изменения в эту классификацию договоров и установила договоры генеральные, центральные, губернские и областные и договоры уездные и по предприятиям. Наконец, в тех случаях, когда коллективный договор невозможен по самому характеру работы—а именно в случаях, когда работает по найму один лишь человек (батрак, домашняя работница и т. п.)—профсоюзы проводят заключение так наз. трудовых договоров.

Последние нельзя смешивать с теми трудовыми договорами, заключение которых предусматривается Кодексом законов о труде. Трудовой договор определяется Кодексом, как всякое соглашение между рабочим и работодателем о предоставлении рабочей силы за известное вознаграждение (ст. 27). Этот договор может заключаться, по самой природе юридических норм, его регулирующих, непосредственно отдельным рабочим (даже неорганизованным) и нанимателем. Суще-

ствующая практика профсоюзов знает, однако, иной трудовой договор—именно договор, заключаемый обязательно союзом от имени отдельного рабочего с лицом, нанимающим последнего, причем содержание этого договора всегда (в отличие от предусмотренного Кодексом) отличается от минимальных условий, установленных органами государства, в сторону и более высоких ставок заработной платы и лучших общих условий труда. Скорей всего такие договоры следовало бы определить, как договоры коллективные, заключаемые определенными коллективами рабочих для регулирования условий труда отдельного участника коллектива; поэтому, несмотря на отсутствие весьма важного признака коллективного договора, безличности его, данные трудовые договоры необходимо отнести к числу коллективных.

Различия между генеральными и центральными договорами точно так же уточнилось в ходе применения коллективных договоров. Кодекс законов о труде знает только генеральные договоры, под которыми понимается тип договора, заключаемого для целой отрасли производства, для отрасли народного хозяйства или управления. Но практика коллективных договоров привела к заключению и несколько более узкого масштаба договоров, не подходящих под определение Кодекса и в то же время являющихся в значительной мере центральными. Это те договоры, которые заключаются центральными комитетами союзов, но, охватывая весьма важные районы и группы предприятий, не отвечают признаку генерального договора. Таким образом, к 1924 г. установились следующие пять типов договоров:

1. Генеральные коллективные договоры
2. Центральные " "
3. Крупнорайонные " "
4. Мелкорайонные " "
5. Индивидуально-трудовые договоры.

Для сравнения с результатами практики коллективных договоров в 1923 г. (ранее точного учета договоров не было) необходимо, однако, объединить первые два типа в группу центральных. Тогда мы получим следующую картину (см. ст. 329—330 сверху).

Таким образом, число рабочих, охваченных к 1925 г. коллективными договорами, равнялось 4.875.000, что составляло 84,7% всего числа работников по найму. Однако, эта весьма высокая средняя цифра не дает еще представления о фактическом охвате основного массива рабочего класса. Имеются группы рабочих в ряде производств, где лишь весьма ничтожный процент работает на основании общегосударственного минимума заработной платы и законодательных норм, регулирующих общие условия труда. Так, по отдельным отраслям народного хозяйства процент охваченных в начале 1926 года

превышает средний в	не достигает среднего в
Бумажной 99,7%	Рабземлес 76,7%
Горнозаводской 93,2%	Кожевенной 85,0%
Деревообделочной 91,9%	Строительной 83,8%
Металлообработыв 97,1%	Швейной 76,8%
Типографской 96,0%	Рабис 58,1%
Пищевой 92,2%	Рабпрос 71,9%
Текстильной 99,5%	Медиксантруд 79,3%
Химической 98,1%	Совработник 64,6%
Водном трансп 55,1%	Народном питании 85,5%
Железно-дорожн 99,9%	Коммунальн. хоз 81,3%
Нарсвязи 90,1%	Сахарной 78,9%
Местном трансп 87,7%	

В этой таблице обращает на себя внимание, с одной стороны, то, что почти все индустриальные союзы охватили коллективными договорами фактически всю массу работающих по найму. Только союзы, среди членов которых многие работают в мелких мастерских—швейники и кожевники—отстают от этих индустриальных союзов. Но и они идут впереди других, неиндустриальных. Резкое падение пропорции числа рабочих, условия труда которых регулируются нормами коллективных договоров, дают преимущественно Рабис, Совработники. Эти два союза находятся в особых условиях. Рабис объединяет те группы работников, среди которых очень слабо развито, по сравнению с остальными группами, стремление к коллективному началу в производственной жизни, привычка строить свою индустриальную жизнь на индивидуалистических началах. У совработников дело обстоит иначе. Здесь вопрос не столько в трудности охвата, сколько в трудности провести нормы, превышающие общегосударственный минимум заработной

	Заключено договоров.				Число охваченных рабочих			
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
1. Центральных	69	87	—	103	1.55.400	1.491.000	1.611.000	2.161.000
2. Губернских и областных . .	4240	19.800	—	29.045	552.100	2.659.000	3.211.000	406.000
3. Уездных	4498	13.700	—	41.878	56.600	412.000	—	1.211.000
4. Трудовых	—	2.000	—	306.000	—	224.000	329.000	460.000
5. Нераспределенных по категориям	—	—	—	—	—	89.000	—	—

платы и общих условий труда. Огромная масса членов союза и работающих занята в учреждениях, находящихся на местном и общегосударственном бюджете, сметы которых не в состоянии поднять более высокую норму коллективных договоров.

Союзы Всеработаемлес и Нарпит не в состоянии охватить коллективными договорами своих членов в более значительной пропорции в силу того, что состав их членов характеризуется расплывчатостью. В то время, как у металлистов число индивидуально-трудовых договоров совершенно ничтожно и охватывает только 0,2% всего числа работающих, у химиков—даже 0,1% и то же у горнорабочих, и ни в одном союзе пропорция охваченных индивидуально-трудовыми договорами не превышает 5,6% всего числа работающих (союз Коммунальников),—в Нарпите этими договорами охвачено 48,0% (домашние работницы-одиночки), а в Рабземлесе—47,2% (батраки).

Общее число неохваченных коллективными договорами работников по найму определяется к концу 1924 г. и началу 1925 г. в 875 тысяч человек и распределяется по основным группам производства следующим образом:

	Количество работ., неохваченных договорами:	% неохваченных: по группе к общему итогу	
1. Сельское хозяйство	129.000	27,2	14,7
2. Промышленность	179.000	7,3	20,5
3. Транспорт	51.300	4,5	5,9
4. Прочие	515.400	30,9	58,9
Всего	875.100	15,3	100,0

Первое время—в силу неустойчивости валюты и неопределенности перспектив развития промышленности—сроки коллективных договоров устанавливались так, чтобы союзы имели возможность быстро использовать изменение в благоприятную сторону хозяйственной конъюнктуры. Поэтому преобладающими сроками были трехмесяч-

ный и шестимесячный как в правой части (устанавливающей общие условия найма), так и в тарифной (устанавливающей размеры оплаты труда). Так, в январе 1923 г. сроки заключения договоров были следующими (показано по отношению к числу охваченных договорами работников):

	в % к итогу			
	На 1 месяц	На 2—3 месяца	На 4—5 месяцев	На 6 месяцев и более
Местные дог.:				
провинция	34	35	17	14
столицы	—	24	9	62
Центр. дог.	3	51	1	45

Средняя продолжительность договоров равнялась поэтому по местным договорам в провинции—3,4 месяца, в столицах—4,4, а по центральным договорам—4,8 месяца.

Но уже к концу 1923 г. начала наблюдаться тенденция к удлинению срока по местным договорам до 4,4 в провинции, до 5,2 месяца в столицах и до 5,0 месяцев—по центральным договорам. В середине же 1925 г. „коллективные договоры—как констатирует Г. Мельничанский—заключаются в своей правой части на значительно более длительный срок—на год, в части же, касающейся зарплаты,—на 6 месяцев“. Но уже в 1925 г. выдвинут был вопрос о продлении срока и в последней части до года, и Г. Мельничанский отмечал в ноябре 1925 г., что „условия хозяйственной жизни поставит пред нами ту же проблему, которая имеет место в европейских странах, где договоры заключаются на более длительный срок—на 2—3 года. Чем условия хозяйственной жизни становятся стабильнее, тем они требуют более нормальных условий работы. Вопросы затрат на заработную плату, накладные расходы, тесно связанные с вопросом уровня цен, планами затрат на переоборудование и расширение хозяйства, требуют, в инте-

ресах правильного построения хозяйства, более ясной и длительной ориентировочной перспективы, чем на шесть месяцев и даже на год.

Там, где регулирование зарплаты и условий труда предоставлено соглашению профсоюзов и хозяйственных органов, неизбежны конфликты. Мы указывали выше, что конфликты в государственной промышленности резко отличаются от конфликтов в промышленности частной, построенной на присвоении прибавочного неоплаченного труда капиталистом. Тем не менее—как мы опять-таки уже указывали—трения и недоразумения, иной раз выливающиеся и в стачку,—могут иметь место и в государственной промышленности, построенной на хозяйственном расчете и заключающей с представителями рабочих,—профессиональными союзами,—коллективные договоры. Особенно велика возможность возникновения трений и конфликтов в самый момент заключения коллективных договоров. Чрезвычайная важность для хозяйственного органа тарифной стороны договора, устанавливающей на определенный период времени размеры основных издержек производства, затрат на рабочую силу, заставляет хозяйственников сугубо осторожно относиться ко всякого рода требованиям повысить оплату труда и порождает недооценку с их стороны перспектив платежеспособности производства и т. д. Вот почему обычно самый вопрос перезаключения коллективных договоров вызывает расхождение между хозяйственным органом и профессиональным союзом и состояние конфликта между ними. Так, в практике примирительного и третейского разбирательства в СССР соотношение между конфликтами, возникающими в момент перезаключения коллективных договоров, и остальными складывается след. обр.:

Охвачено участников конфликтов:

	1924 год		1925 год	
	Местные	Центр.	Местные	Центр.
При перезаключении кол. дог.	77,7%	84,7%	80,0%	83,0%
Во всех других случаях...	22,3%	15,3%	20,0%	12,0%

Вот почему в профессиональном движении СССР вопрос о порядке разрешения конфликтов рассматривался всегда в качестве вопроса, непосредственно связанного с введением коллективных договоров. Уже II пленум ВЦСПС отметил, что союзы должны содействовать „наиболее безболезненному и быстрому улаживанию конфликтов, с максимальными выгодами для представляемых ими рабочих масс, поскольку эти выгоды могут быть осуществлены без ущерба другим группам и без вреда для развития рабочего государства и его хозяйства в целом, ибо только это развитие может создать основу для материального и духовного благополучия рабочего класса“. В силу таких соображений пленум ВЦСПС высказался решительно против стачки, как метода разрешения конфликтов, считая его „не только опасным, но и вредным оружием в экономической борьбе“ и допуская применение ее „лишь по использовании всех возможностей мирного разрешения конфликтов“, „при обязательном санкционировании ее необходимости со стороны вышестоящих союзных или межсоюзных объединений“. II V и VI съезды профсоюзов подтвердили постановления пленума, подчеркнув важность для рабочей массы правильного использования примирительно-третейского разбирательства, организованного на основе норм Кодекса законов о труде, и необходимость прибегать к стачке лишь в случае полной неизбежности применения этого метода борьбы.

Тем не менее, в сложной обстановке нашего времени неудовлетворенность рабочих может вызвать стачку и в государственном и в частном предприятии.

В случаях стачки на государственном предприятии задачей союза является возможно более быстрое улаживание конфликта, вылившегося в форму стачки, для обеспечения и интересов труда и нормального хода производства. Возможно устранение причин стачки и вторичное рассмотрение конфликта в соответствующей примирительной камере или в третейском суде обычно ликвидируют стачки. Это, с одной стороны, а с другой—улучше-

ние положения рабочих на основе воз-
растающего хозяйства обусловли-
вает то, что стачечное движение в
СССР идет на убыль. Так, за время
1922—1925 г.г. статистика забастовок
даст следующие цифры:

	Число заба- стоек	Число басту- ющих	% бастующих по отношению к числу член- ов союзов
1922 г.	538	197.022	3,8
1923 г.	516	170.426	3,5
1924 г.	267	49.572	0,8
1925 г. (5 мес.) . .	41	19.755	0,3

Средняя продолжительность забастов-
вок, благодаря дееспособности и бы-
строте работы примирительных камер
и третейских судов, в СССР весьма
незначительна. Так, было забастовок
продолжительностью:

	по 10 дней	от 10 до 30 дней	свыше 30 дней
в 1922 г.	95,2%	4,2%	0,6%
в 1923 г.	94,3%	4,7%	1,0%
в 1924 г.	92,4%	5,6%	1,5%

За все три года в забастовках было
потеряно человекодней на одного басто-
вавшего всего только 2,7, что свиде-
тельствует о непродолжительности за-
бастовок на государственных предприя-
тиях в СССР. К тому же, забастовки
обычно охватывают лишь небольшую
часть рабочих предприятия (одного
цеха или отделения).

Причины, которые вызывают забастовки, больше всего, конечно, зависят от состояния народного хозяйства и уровня существования рабочих, соответствующего этому состоянию. Поэтому из года в год меняются поводы к забастовкам, так как и состояние народного хозяйства и положение рабочих неизменно улучшаются. В настоящее время, напр., поводы, порождавшие забастовки в 1922 г., почти не играют роли, как об этом свидетельствует нижеследующая таблица:

Причины забастовок	Г о д ы			
	1922	1923	1924	1925 (5 мес.)
Зарботная плата.	89,2%	76,5%	61,8%	85,9%
В том числе:				
Задержка в вы- плате	58,2%	50,6%	33,3%	14,6%
Недостаточность зарплаты	24,2%	21,8%	27,0%	7,3%

Причины забастовок	Г о д ы			
	1922	1923	1924	1925 (5 мес.)
Недовольства нор- мами выработки и расценками . . .	—	—	—	56,1%
Прочие причины, связанн. с зараб. платой	6,8%	4,1%	1,5%	—
Остальные при- чины забастовок (незакл. коллек- тивного договора хозяйственниками, неправильн. уволь- нения и т. п.) . . .	10,8%	23,5%	38,2%	14,1%

Мы видим, таким образом, что число
стачек и участников их неизменно
идет на убыль по мере улучшения об-
щего хозяйственного положения СССР
и работы примирительно-третейского
аппарата. В то время, как число рабо-
чих, обращающихся к последнему ап-
парату, возрастает, хотя и в незначи-
тельной мере, число участников ста-
чек сильно уменьшается.

В отличие от положения в государ-
ственной промышленности, в частной
число забастовок увеличивается. Здесь
стаечное движение носит такой
характер:

	Число забастовок	Число бастующих	Число потерянных человеко- дней
1922 г.	99	4.800	3,1
1923 г.	135	5.200	5,1

Но в общей массе конфликтов эти
забастовки, конечно, не играли круп-
ной роли. И хотя в этих именно забастовках сказываются классовые про-
тиворечия, чего нет в конфликтах на
государственных предприятиях—тем
не менее центр тяжести столкновения
переносится именно на эти последние.
Здесь же опыт говорит о всем значе-
нии примирительно-третейского раз-
бирательства.

Учитывая этот опыт, VI Всесоюзный
съезд профсоюзов подтвердил в ноябре
1924 г. „к руководству всем профес-
сиональным организациям необходи-
мость нормального разрешения кон-
фликтов в порядке примирительно-
третейского разбирательства, которое
наиболее полно обеспечивает интересы
труда и нормальный ход производства“.

Это ударение на примирительно-
третейском разбирательстве конфлик-
тов ставится в силу особого значения,
какое данное разбирательство имеет

в условиях, сложившихся после Октябрьской революции. Возникновение конфликтов, как мы видели, является следствием не противоречия классовых интересов хозяйственников, управляющих государственной промышленностью, и рабочих, а различием в оценке перспектив и возможностей при распределении оборотных средств промышленности по различным статьям расходного бюджета предприятий. Осторожность со стороны хозяйственников сталкивается с естественным стремлением представляющего рабочую массу промышленности профсоюза обеспечить в первую очередь работников. Стачечная борьба есть не что иное, как попытка померяться силами в борьбе между сторонами, в которой все определяется лишь соотношением сил. В условиях капиталистического режима и третейское разбирательство тоже в значительной мере представляет собою такое же сравнение соотношения сил борющихся сторон, причем арбитром в этом отношении является капиталистическое же государство. Поэтому арбитраж и примирительное разбирательство на Западе, в Америке, в Австралии и Африке, в странах, где имеется соответствующее законодательство, рассматривается профессиональным движением и рабочими, как отрицательный момент в борьбе за улучшение положения рабочих. В условиях рабочего государства, при наличии конфликта, рожденного лишь различием в оценке перспектив промышленности и ее финансовых возможностей, центр тяжести вопроса заключается в необходимости найти общий критерий для оценки положения. Такой общий критерий может доставить только государство, созданное в интересах рабочего класса и учитывающее не только интересы данной группы работников, но и всей промышленности и всего рабочего класса в целом. Вот почему прав А. Гуревич, когда он утверждает: „В наших условиях третейский суд не имеет перед собою двух классовых врагов; его задача поэтому не примирять, а своим авторитетом разрешить вопрос, насколько требования хозяйственного органа или требования союза соответ-

ствуют интересам рабочего класса в целом. У советского третейского суда есть общее мерило: это общие интересы рабочего класса. Этот суд, таким образом, помогает увязке деятельности отдельного государственного органа или отдельного союза с общей политикой рабочего класса. Вот почему третейский суд в наших условиях должен быть признан, как один из способов сознательного планомерного регулирования заработной платы“.

Другими словами—примирительно-третейское разбирательство в СССР является естественным дополнением практики коллективных договоров, как метода проведения в жизнь требований рабочих, как защитной функции проф. союзов.

10. Безработица в СССР. Самым основным, самым главным и наиболее свойственным природе капиталистического общества риском, выпадающим на долю рабочего, является риск безработицы. В СССР в обстановке военного коммунизма проблема безработицы вовсе не ощущалась хозяйственным организмом и рабочим классом. Напротив. Потребность в рабочей силе была в этот период настолько значительной, что государству потребовалось ввести всеобщую трудовую повинность, т.-е. обязать всех граждан работать по указанию государственных органов, и создать специальные отделы учета и распределения рабочей силы (с 1919 г.). Однако, переход к новой экономической политике, как мы знаем, сопряжен был со свертыванием промышленности, сокращением штатов и рядом других мероприятий, в конечном счете приводивших к потере значительной частью работников своего места в народно-хозяйственном органе. Мы приводили выше данные, характеризующие сокращение числа членов союзов, уменьшение пропорции обслуживающего персонала по отношению к персоналу основному в промышленных предприятиях и ряд других аналогичных фактов, свидетельствующих о неизбежности образования и у нас резервной армии труда. И действительно, к середине 1925 г. общая численность безработных в Союзе, по данным НКТ, доходила до миллиона.

Движение безработицы устанавливается в СССР с 1922 г. на основании материалов о работе бирж труда, наем через которые является обязательным (за исключением ряда определенных категорий труда, строго оговоренных Кодексом и постановлениями НКТ). Этот материал дает представление о движении свободной массы рабочих и о степени поглощения рабочей силы промышленностью.

Материал бирж труда позволяет установить сразу же одну исключительную важную особенность безработицы в СССР. В отличие от чисто капиталистических условий, при которых кривая безработицы есть в то же самое время индекс состояния промышленности (понижение числа занятых рабочих показывает на замедление темпа промышленной деятельности), — в СССР за время новой экономической политики наблюдается обратное соотношение. Кривая безработицы поднимается параллельно подъему кривой промышленности. Правда, спрос на рабочую силу растет быстрее предложения ео. Так, рынок труда за 1922—1924 год по 68 губернским биржам труда (без Москвы и Ленинграда) и для авг. 1925 г. (70 бирж) дает такое соотношение спроса и предложения:

На 100 предложений труда приходилось мест:	
1922 г.	60,8
1923 г.	68,2
19/4 г.	72,3
VIII 1925 г.	87,0

Иными словами, спрос поглощает все большую долю предложения рабочей силы. Но на ряду с этим, естественным при условии повышательной конъюнктуры промышленности, — благоприятным соотношением между спросом и предложением на рынке труда, мы имеем рост числа безработных, т. е. рабочих, не находящихся применения своему труду. Остаток безработных к концу отдельных периодов за 1922—1924 г.г. в регистрах бирж труда оказывается в каждый период большим, чем в предыдущий, как это видно по следующей таблице:

Остаток безработных к концу периода (в тыс.)	
IV четверть 1922 г.	233,3
I " 1923 г.	304,6

Остаток безработных
к концу периода
(в тыс.)

II четверть 1923 г.	347,8
III " 1923 г.	392,8
IV " 1923 г.	514,6
I " 1924 г.	577,0
август 1925 г.	577,1

Таким обр., мы имеем в СССР безработицу, нарастающую в условиях восстановления и роста промышленности. Что это явление наблюдается не только в провинции, но и в Москве и Ленинграде—свидетельствуют те же данные бирж труда. На сто предложенный работы здесь прихотилось мест:

	Москва	Ленинград
В 1922 г.	76,8	67,8
В 1923 г.	79,7	64,3
В 1924 г.	111,5	94,6

Таким образом, в 1924 г. имело место даже превышение спроса над предложением (в Москве) и почти полное совпадение того и другого (в Ленинграде). Тем не менее и в этих двух столицах мы наблюдаем за тот же период рост остатка безработных; остаток этот составлял (в тысячах) в каждый период:

	Москва	Ленинград
IV четверть 1922 г.	55,3	74,0
I " 1923 г.	68,8	108,4
II " 1923 г.	109,9	139,0
III " 1923 г.	124,4	111,1
IV " 1923 г.	112,6	127,7
I " 1924 г.	118,8	139,4

Разумеется, в первые месяцы даже в течение более длительного периода после перехода к новой экономической политике (НЭП) значительность кадров безработных легко можно было бы объяснить фактом свертывания промышленности, сокращением числа занятых в ней при бесспорности укрепления всего народного хозяйства. Во всяком случае, на такой вывод наталкивали и приведенные выше данные о численности занятых в промышленности и сведения бирж труда, свидетельствовавшие, что среди безработных преобладает преимущественно обслуживающий персонал и чернорабочие. Напр., на 1 ноября 1922 г. в % к общему итогу по Москве было безработных:

Металлистов	4,0%
Текстильщиков	5,5%
Пищежиков	3,7%
Кожевников	1,0%
Печатников	1,7%
Дом. служащих	7,2%
Совет. служащих	29,0%
Чернорабочих	48,4%

Но в дальнейшем развертывание промышленности вызывает все-таки повышение пропорции индустриального труда среди безработных. Так, к общему итогу безработных % отдельных групп составлял:

	1922 г.	1923 г.	1924 г.	авг. 1925 г.
Индустриальн.	24,0%	24,9%	25,1%	26,0%
Интеллигентн.	44,5%	36,7%	35,5%	22,7%
Чернорабочей.	17,9%	25,5%	25,6%	44,5%
Невыясненных	13,6%	12,5%	13,6%	—

Чем же объясняется такой сравнительно значительный и постоянный рост безработицы в условиях роста промышленности и значительного повышения оплаты труда? Прежде всего напомним, что в 1925 г. по всем производствам занято было всего 82,6% общего довоенного числа фабрично-заводского пролетариата. Таким образом, четыре года новой экономической политики, при всем быстром росте промышленности, вовлекли обратно в производство не всю массу рабочих, занятых в нем до войны. Процесс вовлечения развивался на протяжении всего времени. Но как он происходил? Мы знаем, что при военном коммунизме отношения между городом и деревней складывались неблагоприятно для города. Положение городского населения было значительно хуже положения населения деревни. Естественно, что при этом наблюдался отлив городского рабочего населения в деревню. Процесс восстановления промышленности совпал в своем начале с тем сельскохозяйственным кризисом, который вызвал серьезнейшие потрясения во всем крестьянском хозяйстве (голод 1921 г.) и сказался особенно сильно в 1922 г. Упадок сельского хозяйства создал проблему расхождения цен на продукты промышленности и сельского хозяйства, проблему, названную Л. Д. Троцким на XII съезде РКП „проблемой ножиц“. Стоимость набора нормального количества промышленных товаров, потреблявшихся в 1913 г. крестьянством, возросла к концу 1922 г. на 167%, а к моменту XII съезда—на 175%. Таким образом, крестьянин вынужден был платить за товары в $2\frac{3}{4}$ раза больше хлеба, чем в 1913 г. Это-то расхождение „ножиц“ и вызвало обратную тягу—из деревни в города. При этом рост

промышленности обеспечивал и повышение заработной платы. Мы видели, что последняя росла неуклонно и теперь (1926 г.) уже почти сравнялась с довоенной. Таким образом, другой причиной тяги в города явилась более высокая оплата труда.

Приливающая в города волна резко распадается на две части: возвращающийся из деревни городской рабочий, уходивший туда во время военного коммунизма, и притягиваемый лучшими условиями жизни крестьянин, земельный участок которого недостаточно продуктивен для прокормления крестьянской семьи,—вот из кого состоит основная масса, за счет которой возрастает теперь городское население. Имеющиеся статистические данные, к сожалению, недостаточны, чтобы сколько-нибудь точно выяснить влияние этого передвижения рабочей массы из деревни в город на интенсивность безработицы.

Несомненно только, что темп этого притока в течение 1922—1925 гг. превышал темп расширения хозяйственной активности города в СССР и что, благодаря впитыванию во все возрастающем размере промышленностью наличной квалифицированной рабочей силы, состав армии безработных, несмотря на ее рост и за счет притекающей из деревни бывшей рабочей силы промышленности, отличается прогрессирующим преобладанием необученного труда.

11. Социальное страхование в СССР. При военном коммунизме отсутствие денежной основы рабочего бюджета вызвало ликвидацию существовавших с 1912 г. в дореволюционной России больничных касс и передачу всего дела обеспечения населения в ведение специального наркомата, Народного комиссариата социального обеспечения. Новая экономическая политика восстановила метод социального страхования, создав предпосылки к этому в хозяйственном расчете на предприятиях, в восстановлении заработной платы в ее денежном выражении, и вызвав тем самым необходимость рабочего во всех случаях потери им средств к существованию. Декрет 15 ноября 1921 г. ввел социальное

страхование для всех лиц, занятых наемным трудом как временно, так и постоянно, в государственных, кооперативных, общественных, концессионных, арендных и частных учреждениях и предприятиях, а также и работников, работающих по найму у отдельных лиц. Для всех страхуемых декрет установил страхование на случай временной потери трудоспособности вследствие болезни, увечья, карантин, беременности, родов, ухода за заболевшим членом семьи и обеспечение дополнительными видами пособий на кормление ребенка, предметы ухода за ним и на погребение членов семьи застрахованного; на ряду с обеспечением на случай временной потери трудоспособности декретом введено обеспечение за счет страховых фондов и случаев постоянной инвалидности, связанных с работой по найму, независимо от причины инвалидности (хроническая болезнь, увечье, возраст), и случаев безработицы, и членов семьи застрахованного в случае смерти последнего, если они состоят на иждивении последнего, а равно и предоставление лечебной помощи всякого рода.

Система социального страхования в СССР, окончательно сложившаяся в 1923 г., отличается от западно-европейских, во-первых, кругом страхуемых, во-вторых, порядком составления страховых фондов и, в третьих, степенью обеспеченности застрахованных.

Признак работы по найму является здесь единственным признаком, подводящим работника под действие соответствующих статей декрета 1921 г. и Кодекса законов о труде 1922 г. Страховые фонды составляются целиком и полностью из взносов нанимателя, без всякого участия в составлении их самих застрахованных. В практике и законодательстве других стран мы находим переложение значительной доли обязательств по составлению страховых фондов на рабочего. В Германии, напр., по сообщению „Reichsarbeitsblatt“ от 1924 г. (№ 24), взносы рабочих и работодателей распределялись следующим образом:

	Рабочие	Работодатели
В промышленности . . .	5,9% зар. пл.	5%
В сельск. хозяйстве . . .	5,5% „	5%
В торговле	5,4% „	6,4%

При этом, данный взнос обеспечивает рабочего только на случай болезни.

В СССР установлен единый взнос, покрывающий собою все виды риска. Первоначально этот взнос был установлен в 22% со всей суммы выплачиваемых заработков, затем, в виду чрезмерной тяжести этого взноса, он был последовательно уменьшен до того отчисления, какое на практике оказалось соответствующим фактически получаемой пропорции отчислений, именно до 14% (в конце 1924 г.; за весь 1924 г. поступления в страховые кассы составили 13,6% выплаченной за это время заработной платы).

Самое важное—это, разумеется, степень обеспечения застрахованных, достигаемая работой страховых органов. Конечно, в условиях не восстановленной еще полностью промышленности, при наличии не вполне оправившегося сельского хозяйства, степень обеспеченности не может быть на требуемой высоте. Но практика социального страхования в СССР свидетельствует о постепенном повышении уровня обеспеченности по мере развития всего дела социального страхования.

Законодательная норма пособия при временной утрате трудоспособности, напр., равна полному фактическому заработку застрахованного. В течение 1924 г. положение в этом отношении было совершенно нормальным: полный заработок выдавался страховыми кассами во всех случаях, когда это предусматривается законом. Но еще в 1923 г., в силу неустойчивости валюты и ряда других объективных причин, размер пособия отставал от размера полного фактического заработка и временами отставал значительно, как это показывает следующая таблица размера пособия при временной утрате трудоспособности и среднего заработка на один случай (в рублях):

	Размер пособия	Средний заработок	Пособие в % к заработку
Январь	100,9	153,2	65,9
Февраль	112,0	158,9	70,5
Март	124,0	184,2	67,3
Апрель	123,7	159,6	80,6
Май	132,2	163,6	80,8
Июнь	145,8	170,5	85,6
Июль	149,2	167,5	89,1
Август	163,6	166,7	98,2

	Размер пособия	Средний заработок	Пособие в % к заработку
Сентябрь . . .	146,8	174,4	84,2
Октябрь . . .	167,7	196,4	85,4
Ноябрь . . .	176,7	197,3	89,6
Декабрь . . .	172,8	186,2	92,8

Но даже при этих условиях в 1923 г. положение застрахованных на случай болезни было значительно лучше положения застрахованных в Германии. Л. Немченко¹⁾ приводит такие данные о расходах страховых органов в СССР и в Германии на одного члена кассы по пособиям на случай болезни и родов:

	В СССР 1924 г.	В дореволюционн. России 1915 г.
Пособия больным	14 р. 10 к.	3 р. 50 к.
Пособия при родах	3 р. 60 к.	0 р. 56 к.

В Германии	
1913 г.	1924 г.
5 р. 75 к.	4 р. 18 к.
0 р. 32 к.	0 р. 59 к.

Несравненно менее удовлетворительно положение постоянных инвалидов. Размер пособий, выдаваемых лицам, потерявшим трудоспособность совершенно, в течение 1923 и 1924 гг. увеличился, правда, значительно. Так, мы имеем средний размер пенсий (но II группе инвалидов, получ. $\frac{2}{3}$ нормы I катег. и $\frac{4}{3}$ III катег.):

% отношение пособия к средней зар. плате.

Январь 1923 г.	14,2%
Июль 1923 г.	23,8%
Ноябрь 1923 г.	24,6%
Ноябрь 1924 г.	21,5% (для лиц, утративших трудоспособность до 1/1 1924 г.).

По всем трем группам инвалидов размер пособия составлял в ноябре 1924 г. всего только 9 р. 56 коп. в месяц, что равно лишь 25% средней заработной платы.

Обеспечение безработных точно так же еще оставляет желать многого. Отчет ВЦСПС VI Всесоюзному съезду профсоюзов устанавливает это совершенно определено. «Результаты годовой работы местных страховых органов—читаем мы здесь—показали, что в ряде мест взят неправильный уклон в сторону чрезмерной «экономии» страхового фонда по безработице. Не-

смотря на то, что в течение 1923 г. непрерывно шел процесс увеличения пролетарского состава безработных, и % членов союзов среди безработных достиг на 1/1 1924 г. 41%, пособия от страховых касс получало по 59 губ. городам СССР на 1 сентября 1923 г. 12,8% всех безработных и на 1 декабря того же года—15%¹⁾.

Тем не менее и в этом отношении наблюдается заметное улучшение. Число безработных, получающих пособия, растет неизменно и быстрее, чем растет пропорция безработных среди застрахованных. В октябре 1923 г. на 1000 застрахованных приходилось получающих пособие безработных 33,4; в октябре 1924 г. эта пропорция поднялась до 38,8, в янв. 1925 г. уже до 54,7, в апреле—до 58,1, но в июле составляла лишь 39,3. При чем общее число безработных, пользующихся пособием, уменьшилось с 88.500 до 232.619 в окт. 1924 г., до 353.755 в апр. 1925 г. и 275.475 в июле т. г.

Размер пособий безработным точно так же увеличивается, хотя и темп роста и самый размер пособий все еще является чрезвычайно недостаточным. Страховыми органами установлена была в течение 1923 г. выдача пособий I категории безработных (квалифицированным рабочим) в 50% бюджетного набора, а для второй категории (остальные безработные со стажем в производстве)—в 33% последнего. Тем не менее, лишь в течение года страховым органам удалось довести пособие до нормального размера. Первая категория получала:

Январь 1923 г.	22,6%	стоимости набора
Апрель "	30,0%	" "
Июль "	43,1%	" "
Октябрь "	54,8%	" "

Положение оказывается несколько хуже, если мы сравним пособие безработным со средним размером фактически выплачивавшихся заработков. В этом случае получается такая картина:

Январь 1923 г.	14,8%	зар. платы
Апрель "	18,1%	(средней)
Июль "	25,7%	
Октябрь "	27,9%	
Январь 1924 г.	22,1%	
Апрель "	28,0%	
Июль "	26,4%	
Октябрь "	23,7%	

¹⁾ «Die Soziale Versicherung in U. der S. S. R.», изд. «Вопросы Труда», 1925 г.

¹⁾ Отчет ВЦСПС за 1922—1924 гг. («Професс. Союзы СССР»), стр. 253—254.

Но и при таком положении вещей, как свидетельствует И. Энгель, „операции по фонду пенсий и пособий в 1924 г. за 4 месяца закончились сильным дефицитом“¹⁾.

Однако, необходимо отметить, что социальное страхование в СССР, несмотря на относительно непродолжительный срок его практики и ряд организационных перемен (переход от Народного комиссариата социального обеспечения в Наркомтруд в феврале 1923 г.), уже превратилось в чрезвычайно важный фактор, определяющий положение труда в СССР.

Самоуправляющиеся страховые кассы, собираемые на страховых конференциях ежегодно самими застрахованными, разделяются на две группы: территориальные кассы и кассы транспортные. В них в 1925 г. застраховано фактически все работающее по найму население страны, как это показано следующей таблицей:

		застрахованных
Январь	1923 г.	4.899.845
Июль	1923 г.	5.311.785
Январь	19 4 г.	5.436.5 0
Июль	1924 г.	5.958 200
Октябрь	1924 г.	6.247 903
Июль	1925 г.	7.327.800

В 1925 г. имелось 630 территориальных касс, и в среднем на одну кассу приходилось 8.036 застрахованных. В 1923 г. среднее число застрахованных, приходившееся на одну кассу, было меньшим—именно 5.805 человек, что свидетельствует о значительном укрупнении касс и сокращении накладных расходов, а следов., и улучшении постановки дела с финансовой точки зрения. На крупные кассы, с числом членов свыше 10 тысяч, приходилось в 1924 г.:

застрахованных	67,7%
пенсионеров	70,5%
безработных	78,3%

В силу этого обстоятельства—а также в силу того, что на одного служащего приходится в среднем 484 застрахованных,—издержки административные в системе социального страхования в СССР ниже, чем административные издержки страхования в других странах. Так, в СССР ежемо-

сячный расход на содержание аппарата и все административно-хозяйственные начинания страховых касс выражался в 1925 г. в 5% (точнее—4,8%, ибо из 32 миллионов среднего ежемесячного поступления на административные издержки уходит 1.539.052 р.). В Германии же около 10% взносов расходуется на содержание аппарата страхования. Это позволяет страховым органам СССР составлять резервные фонды, которые достигают к началу 1925 г. 25.271.528 рублей по центральным фондам и 31.802.425 рублей по фондам местным, а вместе с тем и расходовать значительные средства на организацию лечебной помощи застрахованным, выдачи установленных пособий и развивать дело страхования чрезвычайно быстро, несмотря на кратковременность страховой практики.

Общая картина этой последней рисуется следующими данными.

На 100 застрахованных в течение последней четверти 1924 года израсходовано было:

На лечебную помощь	145 р. 63 к. или 31,8%
На санатории и дома отдыха	13 „ 27 „ „ 2,9%
Пособия больным	130 „ 25 „ „ 28,4%
Дополнительные пособия	44 „ 84 „ „ 9,8%
По обия инвалидам и их семьям	66 „ 02 „ „ 14,4%
Пособия безработицы	27 „ 56 „ „ 6,0%
Административные расходы	26 „ 21 „ „ 5,7%
Прочие расходы	4 „ 50 „ „ 1,0%

Эти данные позволяют думать, что в двух основных ответвлениях страховой практики,—в деле организации лечебной помощи и в деле организации пособий больным рабочим,—достигнуто полное обеспечение застрахованных. Отстают страхования от безработицы и инвалидности.

Принимая во внимание, что строительство страхового дела протекало в условиях восстановительного процесса и потому не могло сразу же развернуться полностью, — социальное страхование в СССР нужно признать огромным достижением, оказывающим соответствующее влияние на общее положение труда в СССР.

12. Трудовое законодательство в СССР. а) Декреты Октября. Содержанье правовых норм, регулирующих отношения между работодателем и ра-

¹⁾ „Статист. Труд“, № 3 за 1925 г., стр. 17.

ботником по найму, предопределяется всей системой производственных социальных отношений в тот или иной исторический период. Это мы наблюдаем на протяжении всего периода действия законов о применении труда в промышленности во всех странах: всякий законодательный акт в любой стране представляет собою не что иное, как оформление фактических отношений в хозяйстве.

Отсюда вытекает чрезвычайная изменчивость юридических норм, регулирующих взаимные отношения работодателей и работников по найму в любой период. Состояние народного хозяйства, его строение — переменчивы даже в рамках чисто капиталистических отношений. Совершенно очевидно, что и изменения в строении народного хозяйства в СССР на протяжении всего послереволюционного периода предопределили собою изменчивость рабочего законодательства, представлявшего собою продукт нормативного вмешательства государственной власти в область отношений между работодателям и работником по найму.

Нормы рабочего законодательства, сверх того, являются результатом реального соотношения общественных сил. В классовом обществе, каким является всякое буржуазное общество, характер и сущность рабочего законодательства зависят и от системы классовых отношений. Ни один законодательный акт не является самопроизвольным волеизъявлением государственной власти. Он диктуется этим соотношением классовых сил. История рабочего законодательства в дореволюционной России точно так же указывает на полную зависимость этого законодательства от реального соотношения сил в классовом обществе. И так как Октябрьская революция представляла собою самый решительный сдвиг в соотношении классовых сил, прямую замену диктатуры буржуазии диктатурой пролетариата, то, естественно, последствия ее в области нормирования условий наемного труда не могли не быть исключительно важными.

Таким образом, с одной стороны, изменения в строении народного хозяйства за весь послевоенный период

влекли за собою определенные изменения и в содержании и в формах рабочего законодательства, а с другой стороны — перемена в соотношении классовых сил в результате Октябрьской революции необходимо должна была изменить и самый подход к юридическим нормам, регулирующим отношения между работодателем и работником по найму. На протяжении всего периода существования советского строя мы и наблюдаем действие обоих отмеченных нами факторов, предопределяющих собою форму и содержание рабочего законодательства в СССР.

Это действие нетрудно проследить уже по тем формальным актам, которые отмечают собою определенные этапы в развитии рабочего законодательства в СССР. Каждый из этапов находится под прямым влиянием как основного факта изменения соотношения классовых сил, так и перемен, происходивших внутри народного хозяйства на протяжении послереволюционного периода. Такими актами были: декреты Октября, впервые оформившие новый подход к рабочему законодательству в условиях пролетарской диктатуры, Кодекс законов о труде, изданный в конце 1918 г. и отражавший в нормах рабочего законодательства обстановку военного коммунизма, и Кодекс законов о труде 1922 г., на содержании которого сказалась хозяйственная обстановка новой экономической политики.

В точном смысле этого слова, декретами Октября можно назвать те мероприятия советской власти, какие были изданы ею в период между 28 октября и 17 декабря 1917 г. и какие были выпущены в свет Народным комиссариатом труда отдельным сборником в самом конце 1917 г. под названием „Собрание законов, положений, декретов, выработанных Народным комиссариатом труда и утвержденных органами правительства“. К этим декретам относятся: „Постановление рабочего и крестьянского правительства о восьмичасовом рабочем дне, продолжительности и распределении рабочего времени“, изданное за подписью Ю. Ларина 29 октября 1917 г. и состоявшее из 25 параграфов; затем „Положение

о страховании на случай безработицы" от 11 декабря, скрепленное подписями Свердлова, Ленина и народного комиссара труда А. Шляпникова; „Положение о биржах труда“ и „Положение о страховании на случай болезни“, о „Страховом совете“ и „Страховых присутствиях“.

Последние законодательные акты (о страховании) представляли собою оформление и воплощение в нормах рабочего законодательства положения, выдвинутого советской властью в „Правительственном сообщении о социальном страховании“ еще 30 окт. 1917 г. В этом сообщении впервые отчетливо и ясно сказались новый подход к задачам рабочего законодательства, и тем самым давалась оценка основной тенденции его. „Пролетариат России,— читаем мы здесь,— поставил на своем знамени полное социальное страхование наемных рабочих, а также городской и сельской бедноты. Царское правительство помещиков и капиталистов, равно как и коалиционно-соглашательское правительство не осуществило рабочих страховых требований. Рабочее и крестьянское правительство, опирающееся на советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, оповещает рабочий класс России, а также городскую и сельскую бедноту, что оно немедленно приступает к изданию декретов о полном социальном страховании на основе рабочих страховых лоанггов: 1) Распространение страхования на всех без исключения наемных рабочих, а также городскую и сельскую бедноту. 2) Распространение страхования на все виды потери трудоспособности, именно: на случай болезни, увечья, инвалидности, старости, материнства, вдовства и сиротства, а также и безработицы. 3) Возложение всех расходов по страхованию целиком на предпринимателей. 4) Возмещение по меньшей мере полного заработка в случае утраты трудоспособности и безработицы. 5) Полное самоуправление застрахованных во всех страховых организациях“.

Другими словами, в данном правительственном сообщении мы находим отображение основного факта перемещения в классовых отношениях регу-

лирующего влияния из класса буржуазии в класс пролетариата с тем результатом, что исходным пунктом при определении норм рабочего законодательства оказываются уже интересы и требования рабочих. Сообщение подчеркивает стремление государственной власти полностью провести в жизнь требования рабочих в области социального страхования.

Но декреты Октября характерны не только этим. Они издавались органами государственной власти, исходящей из требований рабочей массы, но еще не меняющей природы хозяйственных отношений. Обстановка, складывавшаяся сразу после Октябрьской революции, представляла собою обстановку перестройки государственного аппарата. За исключением декретов, объявивших национализированными землю и банки, в экономический обиход страны не было еще внесено того нового, что впоследствии меняет совершенно характер народного хозяйства. Лишь с середины 1918 года промышленность ставится под контроль и руководство органов государства. В области регулирования частно-владельческого хозяйства советская власть применяет лишь нормы рабочего контроля, который особым положением ввернется „всем рабочим данного предприятия“ через их „выборные учреждения, как-то: заводские, фабричные комитеты, советы старост и т. п., при чем в состав этих учреждений входят представители от служащих и от технического персонала“. Сам „рабочий контроль“ распространяется на все, конечно, хозяйственные операции частно-владельческого предприятия (контроль „над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия“, по формулировке „Положения“). Но характер предприятия остается еще частно-владельческим, т. е. в отношениях между работодателем и работником по найму сохраняются все элементы капиталистических отношений. Другими словами, труд продолжал оставаться трудом, производящим основную категорию капиталистического хозяйства,— прибавочную ценность. И этот факт не мог

не отразиться на содержании и характере декретов Октября, регулирующих условия применения труда и найма рабочей силы.

На самом деле мы и находим в декретах Октября отображение этого факта. В декрете о бесплатной передаче в ведение страховых (больничных) касс всех лечебных учреждений предприятий прямо говорится о предпринимателях, а не о работодателях. Точно так же и в „Правительственном сообщении о социальном страховании“ речь идет, как мы видели, о тех же предпринимателях (на них и возлагаются все расходы по страхованию). В декрете о восьмичасовом рабочем дне точно так же мы читаем: „Настоящий закон распространяется на все предприятия и хозяйства, независимо от их размера и от того, кому они принадлежат, и на всех лиц, занятых работой по найму“ (§ 1). Таким образом, законодатель имеет в виду именно капиталистические отношения на предприятиях и в хозяйствах. И это накладывает отпечаток на весь характер законодательных актов, регулирующих взаимные отношения работодателя и работника по найму в период декретов Октября.

Что, в самом деле, предусматривается этими декретами? Односторонность законодательных актов в данный период сказывается чрезвычайно отчетливо. Имея дело с капиталистическими отношениями, законодатель предполагает, что его задача целиком и полностью исчерпывается установлением прав рабочего по отношению к владельцу предприятия. Поэтому им не предусматривается порядок рассмотрения конфликтов на почве проведения норм рабочего законодательства. Им декретируется восьмичасовой рабочий день и устанавливается более короткий рабочий день во вредных производствах. Им устанавливается обязательность всестороннего страхования всех работников по найму. Им вводится рабочий контроль над всем процессом производства, включая финансовые и торговые операции предприятия. На почве всех этих законодательных норм мыслимы, конечно, самые разнообразные осложнения, вы-

текающие из различий в толковании смысла той или иной конкретной юридической нормы. Аппарата же, через который подобного рода конфликты могли бы проходить, совершенно не предусматривает ни один из декретов Октября. И объяснение этому мы находим в самом характере декретов, как актов рабочего правительства, изданных применительно к чисто-капиталистическим условиям хозяйствования. По отношению к частновладельческому предприятию рабочая государственная власть исходит из признания своей задачей лишь защиты материальных и моральных интересов работника по найму.

В декретах Октября нет, сверх того, систематичности и плановости. Из общей картины отношений между работодателем и рабочим взяты только некоторые моменты (продолжительность рабочего дня, но не порядок и формы выплаты заработной платы; социальное страхование, но не гигиена и безопасность работ). Это в свою очередь вытекает из обстановки, порождающей декреты Октября. Рабочая власть выступает в роли законодателя по вопросам рабочего законодательства непосредственно после того, как именно в данных областях, в области продолжительности рабочего времени и социального страхования, накопилось особенно много неудовлетворенных требований рабочих. Законодательные акты Временного правительства и, разумеется, предшествующего ему самодержавного строя страдали недоговоренностью и крупнейшими дефектами именно в этих двух областях. Декреты Октября должны были выправить данные дефекты и тем самым подчеркнуть новый подход к рабочему законодательству после переворота, отдавшего власть в руки рабочего класса.

Таковы особенности рабочего законодательства первого периода создания советского государства. К ним необходимо еще прибавить то, что государственная власть в этот период, отмеченный сосредоточением всей творческой энергии на собирании сил для укрепления аппарата новой власти, предоставляет широкие, законодатель-

ные и административные полномочия, так сказать—их передоверяет, профессиональным союзам. В декрете о восьмичасовом рабочем дне установление наименьшей продолжительности отдыха при двух- и трехменной работе предоставляется, например, соглашению между работодателем и рабочей организацией. По „Положению о страховании на случай безработицы“ норма вознаграждения целиком устанавливается „соответствующими профессиональными союзами“ и лишь при их отсутствии — биржей труда. Самые биржи труда „учреждаются (согласно другому „Положению“) местными объединениями профессиональных союзов“ и т. д.

б) *Кодекс законов о труде 1918 года.* Основная мысль, руководившая авторами декретов Октября и сводившаяся к тому, что чисто капиталистические отношения сохраняются и в условиях торжества Октябрьской революции, к середине 1918 г. сменилась в рабочем законодательстве иной. Ход революции потребовал от советского государства напряжения всех материальных средств страны для успешной организации обороны завоеваний Октября от наступления отечественной и иностранной контр-революции. Политика регулирования снабжения городов продовольствием сменилась политикой продрозветки, предоставившей государственной власти возможность направлять массы продуктов не в соответствии с требованиями рынка, а применительно к потребностям гражданской войны. Политика рабочего контроля над производством, позволявшая советской власти лишь предупреждать спекуляцию, но не дававшая ей возможности строить производство применительно к потребностям государственного аппарата в проведении военных операций, сменилась политикой национализации всей промышленности и организации производства органами государства. Словом, советская Россия, в условиях гражданской войны, необходимо должна была перейти к военному коммунизму.

Обстановка военного коммунизма радикально видоизменила отношения на самом производстве. В соответствии

с этим необходимо должен был измениться и характер рабочего законодательства. В чем заключались основные изменения в строе народного хозяйства при военном коммунизме? Все производственные ресурсы страны были объявлены национализированными. Все предприятия, вплоть до мелких кустарных (в 1920 г.), стали предприятиями государственными. Рынок перестал быть регулятором производства. Его диктовка сменилась плановым распоряжением всем производством. Органом такого планового распоряжения производства стал Высший Совет Народного Хозяйства и его секции, „главки“ и „центры“. Весь план строился в интересах того класса, который руководил всем аппаратом государственной власти, т. е. класса рабочего. Тем самым в отношении на предприятии вклинился совершенно новый, неизвестный периоду декретов Октября элемент—руководство производством в общих интересах рабочего класса. Те классовые противоречия, которые сохраняли свою силу в период декретов Октября, совершенно исчезают. Интересы предприятия становятся интересами всего рабочего класса. Естественно, что задача регулирования конкретных отношений на предприятии, отношений между работодателем и работником по найму, становится совершенно отличной от той, лицом к лицу с которой стояли органы государственной власти непосредственно после Октябрьской революции.

И в первую очередь, разумеется, пред законодателем возникал вопрос о планомерности регулирования отношений, ибо все народное хозяйство строилось на началах планомерности. Того несколько хаотического и случайного выбора мер, который диктовался в период декретов Октября наследием старого режима, не могло уже быть. Поэтому мы находим в работе законодателя попытку создать основной законодательный акт в форме Кодекса законов о труде. Последний издается в самом конце 1918 года и охватывает собою все моменты взаимоотношений между предприятиями и работниками, занятыми на них.

Но обстановка военного коммунизма требовала не только планового характера рабочего законодательства. Она требовала и другого. В условиях гражданской войны, как и в условиях любой войны, безработица, т. е. наличие определенной резервной армии труда, почти совершенно исчезает. Борьба с контр-революцией требовала постоянных мобилизаций. При этом мобилизации касались преимущественно рабочих. Из последних формировались те отряды, которые выдерживали натиск и денкинских, и колчаковских, и юденических отрядов и армий. Из последних формировались те первые военные единицы, из которых сложилась впоследствии Красная армия, отражавшая наступление японских, американских, германских, французских, чехо-словацких, английских оккупационных отрядов. Для снабжения же армий, для питания городов, для снабжения деревни требовалось колоссальное напряжение сил. Каждая „трудовая единица“ необходима была для того, чтобы полуразрушенное еще империалистической войной и сократившееся вслед за отпадением польского промышленного района и оккупацией важнейших промышленных территорий ин-странными и белогвардейскими войсками (Донбасс, Баку, Сибирь и т. д.) народное хозяйство могло сколько-нибудь удовлетворительно справляться со сложнейшими задачами этого порядка. Между тем, отсутствие продовольствия и топлива в городах гибло в сравнительно более сполнопитавшуюся деревню значительные массы городского населения. Отсюда возникала необходимость строить рабочее законодательство на основе всеобщей трудовой повинности.

И главной особенностью того законодательства, которое было продуктом периода военного коммунизма и вылилось в форму „Кодекса законов о труде“ в конце 1918 г., явилось установление всеобщей трудовой повинности. Это был исходный принцип Кодекса. Первый раздел его прямо и определенно устанавливал этот принцип:

„Ст. 1. Все граждане РСФСР, за исключением лиц, перечисленных в ст. ст.

2 и 3, подлежат всеобщей трудовой повинности.

Ст. 2. Нижеследующие лица не подлежат всеобщей трудовой повинности: а) лица моложе 16 лет; б) все лица старше 50 лет; в) лица, утратившие трудоспособность вследствие несчастного случая или болезни.

Ст. 3. Подлежат временному освобождению от трудовой повинности:

а) лица, временно утратившие свою трудоспособность вследствие болезни или несчастного случая, на срок, необходимый для выздоровления; б) женщины в течение восьми недель до и восьми недель после родов.

Ст. 4. Учащиеся отбывают трудовую повинность в школах“.

Так, обр., к активному труду Кодекс привлекал буквально все трудоспособное население. Это, как мы отмечали, вытекало из обстановки военного коммунизма, требовавшей использования трудовой энергии всех без исключения. Само собою разумеется, что подобного рода всеобщая повинность могла быть организована только при полном и неограниченном праве органов государства — и только его одного — располагать наличной силой. Вот почему, в качестве естественного следствия самого принципа трудовой повинности, право на применение своего труда могло быть использовано населением только через специальные органы государства. Первоначально учрежденные декретами Октября биржи труда, задачей которых являлось содействие нахождению работы, заменены были Кодексом законов о труде отделами учета и распределения рабочей силы, которые выполняли работу по распределению поступавшей в распоряжение государства рабочей силы. Статьи 21 и 22 Кодекса предусматривали обязательность регистрации предприятнем всех вакансий и такую же обязательность регистрации всех имеющих работы отделами учета и распределения рабочей силы. Весь предьявляемый предприятными и учреждениями спрос удовлетворялся через отделы, при чем зарегистрированные последними работники посылались в порядке очереди, без права предприятия самостоятельно приглашать

кого бы то ни было. Кодекс допускал исключения только для работников, наделенных особым политическим доверием или относящихся к категории высококвалифицированных специалистов. Последние могли быть приглашаемы на работу без предварительной посылки запроса в отдел. Но даже эти группы работников обязаны были проходить регистрацию в отделе учета и распределения рабочей силы до окончательного утверждения их на работе. Посланные же работники должны были проходить установленный Кодексом порядок проверки своей пригодности к работе (ст. 32) в течение от 6 дней до 1 месяца, в зависимости от характера работы (для работников физического труда—недельное испытание, для технических служащих—до 2 недель и для ответственных работников—до 1 месяца). Таким образом, налицо имелся и аппарат и порядок использования той рабочей силы, которая поступала в распоряжение государства в результате всеобщей трудовой повинности.

Но исходя из принципа государственления труда, потребовавшего и института всеобщей трудовой повинности и аппарата распределения рабочей силы, советская власть в обстановке военного коммунизма не могла не сделать и следующего шага, необходимого для полного контроля с ее стороны над порядком использования рабочей силы. Задача установления всех условий труда точно так же должна была стать общегосударственной задачей. При наличии капиталистических отношений на предприятии в дореволюционных условиях рабочее законодательство ограничивалось установлением минимальных условий труда, в соответствии с реальным соотношением сил в классовом обществе. При наличии свободного рынка труда даже в контролируемом и принадлежащем государству аппарате народного хозяйства мы имеем определенное регулирование условий труда сторонами, заинтересованными в производстве непосредственно, т. е. администрацией предприятия и самими работниками последнего через их профессиональный союз. Декреты Октября, как мы видели, со-

храняли свободный рынок труда и поэтому устанавливали полное и неограниченное право профессиональных союзов самостоятельно устанавливать размеры оплаты труда и ряд других условий применения труда. Обстановка государственного управления всем народным хозяйством в период военного коммунизма, делавшая вредным и недопустимым товарный рынок, сделала равным образом немыслимым и свободный рынок труда. Отсюда вытекает третье положение Кодекса законов о труде—регулирование условий труда органами государственной власти.

Правда, так далеко, как в области всеобщей трудовой повинности, рабочее законодательство периода военного коммунизма не шло в деле регулирования условий труда. Мы находим в Кодексе 1918 года передоверие функций по регулированию и профессиональным союзам. В статье 15 Кодекса говорится о том, что права применения труда „обеспечиваются отделами учета и распределения рабочей силы, профессиональными союзами и всеми учреждениями РСФСР“. Но вместе с тем, во всем Кодексе нет совершенно норм, определяющих функции профессиональных союзов, а в основном—в регулировании оплаты труда, работа профессиональных союзов определяется так, что даже в этой области имеют органы государственной власти. „Условия труда в государственных (советских) учреждениях и предприятиях—читаем мы в ст. 7 Кодекса—регулируются тарифными правилами, утвержденными центральной советской властью в лице народного комиссариата труда“. „Условия труда во всех учреждениях и предприятиях—гласит и ст. 8—советских, национализированных, общественных и частных, регулируются тарифными правилами, вырабатываемыми профессиональными союзами по соглашению с администрацией или владельцами предприятий, и утверждаемыми Народным комиссариатом труда“. Другими словами, даже в тех случаях, когда фактическая работа по установлению условий труда передоверяется профессиональным союзам, гриф Народного комиссариата

труда необходим для придания этим нормам значения законодательно-регулируемых условий, без такого же грифа вообще нормирование условий труда профсоюзами не имеет силы.

Вот эта основная тенденция Кодекса законов о труде 1918 г., заключающаяся в огосударствлении всех функций по регулированию условий применения труда, проходит красной нитью через все рабочее законодательство периода военного коммунизма. Правда, на практике далеко не все положения Кодекса проводились именно так, как это намечалось основной тенденцией рабочего законодательства данного периода. Несмотря на декларирование принципа трудовой повинности еще в конце 1918 г. (вся первая часть Кодекса), 5 февраля 1920 года, т. е. через полтора года, издается новый декрет о введении всеобщей трудовой повинности. 27 апреля 1920 года советской властью издается в развитие декрета о повинности „Постановление о борьбе с прогулами“, а 4 мая — „О трудовом дезертизме и органах борьбы с ним“. Конкретная хозяйственная обстановка вполне объясняет эту потребность в развитии и усилении принципа всеобщей трудовой повинности. Отлив городского населения в деревню протекал в первые годы революции чрезвычайно интенсивно в виду тяжелых условий существования в городе. Вместе с тем, недостаточность питания и падение реальной заработной платы вызывали явления и дезертирства и прогулов. Кодекс законов о труде не создавал аппарата борьбы с этими явлениями. И он не распространялся на деревню, где налицо имелись в значительном числе и квалифицированные рабочие, искавшие в деревне лучших условий существования, чем те, какими они пользовались в городе. Законодательство 1920 года о всеобщей трудовой повинности, о прогулах и трудовом дезертирстве должно было дать государственной власти возможность более успешно проводить в жизнь основной принцип Кодекса законов о труде, — всеобщую трудовую повинность. Равным образом, роль и значение органов профессионального движения на

протяжении всего периода военного коммунизма оказывались гораздо более значительными, чем это можно было бы предположить на основании норм Кодекса. Выросшие в крупнейшую силу, профессиональные союзы на практике играли большую роль, и Народный комиссариат труда является органом, отчитывающимся на съездах профессиональных союзов в своих действиях, и кандидатуры Нар. комиссара труда намечаются пленумом ВЦСПС и соответствующих межсоюзных объединений республиканского масштаба.

Тем не менее, основная тенденция рабочего законодательства периода военного коммунизма именно к тому и сводилась, что нормами законодательства определялись все условия применения труда. VI раздел Кодекса, например, предоставлял фактически союзам лишь конкретную разбивку работников по категориям и составление сетки категорий и групп работников, каждой из которых соответствовала бы определенная норма вознаграждения. Но даже и в этой области рабочее законодательство ставило работу союзных органов под самый непосредственный контроль органов государства. Разбивка работников по категориям тарифной сетки производилась, на основании Кодекса, особыми расценочными комиссиями, учреждаемыми соответствующими профессиональными союзами. Однако, порядок работ этих расценочных комиссий предопределялся постановлениями Народного комиссариата труда.

в) *Кодекс законов о труде 1922 года.* Основные тенденции рабочего законодательства, оформляющего те отношения, какие устанавливаются на предприятиях и в учреждениях между работником по найму и работодателем, в период военного коммунизма диктовались специфическими особенностями строения народного хозяйства этого периода. Последний заканчивается в 1921 году. И изменения в строе хозяйства СССР, вносимые новой экономической политикой, изменив существенно взаимные отношения работодателя и работника по найму, делают необходимыми и ряд изменений в рабочем законодательстве.

В постановлении ЦК РКП(б) о профессиональных союзах, опубликованном в „Правде“ 17 янв. 1922 г., эти изменения впервые нашли четкую и ясную характеристику. „Новая экономическая политика — читаем мы здесь — вносит ряд существенных изменений в положение пролетариата... Подавляющая масса средств производства области промышленности и транспорта остается в руках пролетарского государства. Вместе с национализацией земли это обстоятельство показывает, что новая экономическая политика не изменяет существа рабочего государства, изменяя, однако, существенно методы и формы социалистического строительства, ибо она допускает экономическое соревнование между строящимся социализмом и стремящимся к возрождению капитализмом на почве удовлетворения через рынок многомиллионного крестьянства... В частности, теперь допущены и развиваются свободная торговля и капитализм, которые подлежат государственному регулированию, а с другой стороны — социализированные государственные предприятия переводятся на так называемый хозяйственный расчет, т. е. коммерческие начала, что при общей культурной отсталости и истощении страны неизбежно будет в большей или меньшей степени приводить к противопоставлению в сознании масс администрации данных предприятий занятым в них рабочим... Перевод госпредприятий на так называемый хозяйственный расчет фактически означает, в обстановке допущенной и развивающейся свободы торговли, перевод госпредприятий в значительной степени на коммерческий расчет. Это обстоятельство, в связи с настоятельной необходимостью повысить производительность труда, добиться безубыточности и прибыльности каждого госпредприятия, в связи с неизбежным ведомственным интересом и превеличением ведомственного усердия, неминуемо порождает известную противоположность интересов по вопросам условий труда в предприятии между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятиями, или ведомствами, коим они принадлежат“.

Такая оценка складывающихся на предприятиях отношений и самой новой экономической политики вызвала не только формулировку новых задач профессиональных союзов, но и изменение в характере рабочего законодательства.

Государство остается попрежнему рабочим. Поэтому основой рабочего законодательства попрежнему остаются интересы рабочего класса. Но формы, в которых эти интересы проявляются, и нормы, которыми они ограждаются, уже не могут быть теми, какие имели место в период военного коммунизма. Раньше всего, с образованием свободного товарного рынка неизбежно и необходимо происходит образование и рынка труда. Всеобщая трудовая повинность становится уже неуживчивой формой использования рабочей силы, тем более, что тот недостаток последней, какой испытывался в период военного коммунизма, с прекращением военных действий сменился избытком ее. В силу этого в рабочем законодательстве периода новой экономической политики мы находим, с одной стороны, отмену всеобщей трудовой повинности, как нормального метода снабжения рабочей силой, и восстановление рынка труда. Ст. 5 Кодекса 1922 г. совершенно определенно устанавливала, что найм на работу производится в порядке добровольном, но под контролем государственных органов, в интересах защиты рабочего. „Предоставление гражданам РСФСР — гласит она — работы в порядке добровольного найма, за изъятиями, указанными в статье 9, совершается через органы Народного комиссариата труда“. Изъятия, какие упомянуты в данной статье, предусмотрены статьей 9: а) в случаях, требующих политического доверия или специальных знаний, связанных с личностью приглашаемого, и б) в случаях, когда рабочая сила не может быть предоставлена органами Народного комиссариата труда в трехдневный со дня поступления требования срок“. Впоследствии неоднократно список профессий, работники которых могут быть приглашаемы помимо органов комиссариата, публиковался в расширенном виде комиссариатом, и в настоящем

время (1928 г.) этот список включает фактически все главные квалифицированные профессии. Но органы комиссариата, по Кодексу 1922 г., продолжают контролировать наем путем учета движения рабочей силы в предприятиях как государственных, так и общественных и частных; с этой целью Кодекс устанавливает обязанность администрации предприятий сообщать в органы Народного комиссариата труда периодически сведения по формам и в сроки, устанавливаемые комиссариатом.

Образование рынка труда вызвало и перестройку органов, ведающих движением рабочей силы. Функции распределения рабочей силы заменены функцией посредничества, и потому органы эти стали вновь носить характер бирж труда, посреднических контор по найму.

Само собою, что трудовая повинность перестала быть нормальным средством снабжения предприятий и учреждений рабочей силой. Кодекс законов о труде сохранил ее только для „исключительных случаев (борьба со стихийными бедствиями, недостаток в рабочей силе для выполнения важнейших государственных заданий)“, как это формулирует ст. 11 Кодекса. Для применения трудовой повинности требуется, однако, постановление Совета народных комиссаров или органов, уполномоченных на то Советом народных комиссаров. И повинность не распространяется на: а) лиц, не достигших 18 лет, б) мужчин старше 45 лет и в) женщин старше 40 лет, а равно и на ряд лиц, дополнительные изъятия и льготы для которых устанавливаются Советом народных комиссаров, Советом труда и обороны и Народным комиссариатом труда (ст. ст. 12—14 Кодекса).

В соответствии с этим характером добровольности самого найма, а равно и в связи с возможностью расхождения между массой работников и администрацией предприятия по конкретным вопросам взаимоотношений, — метод регулирования условий труда необходимо должен был измениться в сторону усиления момента соглашений. Вместо установления всех

условий труда, которое занимает центральное место в Кодексе 1918 г., Кодекс 1922 г. вводит *коллективный договор* (см. выше, отд. 9), как основную форму регулирования условий труда, в дополнение и развитие, с одной стороны, непосредственного договора о найме (трудовой договор), а с другой — установления Народным комиссариатом труда минимума условий труда. В отличие от порядка утверждения норм оплаты труда, выработавшихся профессиональными союзами, что предусматривалось рабочим законодательством в период военного коммунизма, мы имеем всего лишь регистрацию коллективных договоров народным комиссариатом и предоставление последнему права отмены тех статей договоров, какие ухудшают условия труда по сравнению с установленными, в качестве минимума, рабочим законодательством. Право утверждения сохраняется только по отношению к правилам внутреннего распорядка на предприятии. Эти правила выработываются точно так же по соглашению между администрацией предприятия и местными отделениями соответствующих профессиональных союзов, но подлежат утверждению инспектором труда, а в случае разногласий с последним — местным отделом труда.

Все нормы Кодекса, относящиеся к оплате труда (ст. ст. 58—76), в силу такого характера нормирования условий труда на основе соглашения предусматривают лишь некоторые положения, которые должны соблюдаться при этом. Так, Кодекс определяет форму оплаты, порядок выдачи вознаграждения за труд (не реже раза в две недели) обязательно в рабочее время и на месте работы, оплату очередного отпуска из расчета средней заработной платы, порядок установления сдельных расценок. Кодекс устанавливает выдачу выходного пособия в размере двухнедельного заработка в случае досрочного расторжения труд. договора без вины нанявшегося (ст. 88—89) и т. п.

Отсюда, из такого характера новых методов регулирования условий труда, вытекает, разумеется, все значение профессиональных союзов, которым Кодекс законов о труде 1922 года

предоставляет совершенно определенные права в статьях 151—167. Разрегулирование отношений между нанимателем и нанимаемым строится на основе соглашения, то орган, представляющий нанимаемого, необходимо должен иметь соответствующие права, огражденные законом. Вот почему мы находим в Кодексе исчерпывающее определение полномочий профессиональных союзов, формулированное след. обр. в ст. 151: „Профессиональные (производственные) союзы, объединяющие граждан, работающих по найму в государственных, общественных и частных предприятиях, учреждениях и хозяйствах, имеют право выступать перед различными органами от имени работающих по найму в качестве стороны, заключающей коллективные договоры, а равно представлять от их имени по всем вопросам труда и быта“. Кроме того, союзы имеют право „приобретать имущество и владеть им, заключать всякого рода договоры, сделки и т. и. на основании действующего законодательства“ (ст. 154).

Но при этом чрезвычайно важно отметить, что закон не требует, в обмен на такое признание союзов полномочными представителями рабочих и юридическими лицами, никакой обязательной регистрации, с которой мы встречаемся в законодательстве других стран, органами государственной власти. Союзы регистрируются межсоюзными объединениями в порядке, устанавливаемом „Всероссийскими съездами профессиональных союзов“ (ст. 152).

Таким образом, мы видим, что в Кодексе законов о труде от 1922 г. красной нитью проходит мысль о том, что рабочее законодательство обеспечивает за рабочими, в условиях свободного найма, возможность дееспособного контролирования условий работы через самоуправляющиеся организации — профессиональные союзы. Последни вступают в соглашения, причем государственные органы предусматривают в законодательных нормах и в практике своей соблюдение твердо установленного минимума условий, которые не могут быть на-

рушены никакими дополнительными соглашениями.

Есть, однако, две области, в которых нормы рабочего законодательства в условиях новой экономической политики тщательно и детально устанавливают взаимоотношения нанимателя и нанимаемого. Это — область рабочего времени и область конфликтов. Кодекс устанавливает восьмичасовой рабочий день с дополнительным сокращением до 6 часов для подростков от 16 до 18 лет, для лиц, занятых умственным и монотонным трудом, не связанным непосредственно с производством и для подземных работ (для ночных смен работа сокращается с 8 до 7 час. и с 6 до 5 час., женщины за исключением некот. отраслей и подростки к ночным работам не допускаются), обязывает предоставлять еженедельный непрерывный отдых не менее 42 час., ежегодный очередной отпуск в 2 недели (для вредных производств и подросткам 4 недели), без зачета отпусков по болезни и материнству (беременным дается отпуск на 8 недель до родов и на 8 недель после родов, конторским работницам по 6 недель), допускает сверхурочные работы только в виде исключения и с тем, чтобы в сложности за год они не составляли для трудящегося более 120 часов (безусловно не допускаются они для подростков, беременных и кормящих женщин), дети от 14 до 16 лет допускаются на работы только в особых случаях и не могут работать более 4 часов. Область *конфликтов* (см. выше, отд. 9) представляет собою исключительно важную область рабочего законодательства в СССР.

Кодекс законов о труде поэтому уделяет чрезвычайно много внимания порядку разбирательства конфликтов (ст. ст. 168—174) и создает целую систему примирительного и третейского разбирательства и принудительного — в виде трудовых сессий народных судов. Основным органом примирительного разбирательства является организованная на паритетных началах в каждом предприятии или учреждении расценочно-конфликтная комиссия, которая разрешает спорные вопросы путем соглашения предста-

внешних в ней сторон. Отсутствие соглашения в этой комиссии переносит конфликт в вышестоящую инстанцию, каковой является составленная тоже на паритетных началах примирительная камера или же третейский суд с суперарбитром по назначению органов Народного комиссариата труда. Трудовые сессии народных судов, рассматривающие конфликты в порядке принудительном, происходят в составе народного судьи и двух заседателей, один из которых представляет Народный комиссариат труда, а другой—профессиональные союзы.

В Кодексе 1918 г. отсутствовали совершенно нормы, регулирующие порядок *социального страхования* (см. выше, отд. 11). Это объяснялось тем, что в период военного коммунизма, когда фактически институт заработной платы с уничтожением свободной торговли исчез, а единственным нанимателем являлось государство и его органы с единым фондом (продуктовым, товарным и т. д.), страхование, т. е. погашение риска путем социального накопления в порядке отчислений страхового капитала, было фактически невозможным. На смену страхования пришло социальное обеспечение из общегосударственных фондов. С образованием товарного рынка, с переходом государственных предприятий на так наз. хозяйственный расчет—погашение риска стало снова делом обособившегося в своих фондах от общегосударственных фондов аппарата народного хозяйства. В силу этого предусмотренное декретами Октября всеобщее социальное страхование было восстановлено. II Кодекс законов о труде 1922 г. предусматривает широко задуманную систему единого страхования от всех видов риска (безработица, болезнь, страхование материнства, инвалидность, смерть, несчастные случаи) с организованной всесторонней врачебной помощью. Организация страхования построена на началах самоуправления страхуемых, а капиталы страховых фондов составляются из отчислений, пропорционально заработной плате, из средств пользующихся наемным трудом предприятий, учреждений и лиц.

Методы и формы регулирования условий труда в законодательном порядке после Октябрьской революции выработывались в зависимости от характера хозяйственных форм и изменений, происходящих в строении народного хозяйства в СССР. Но основным на всем протяжении после-революционного периода был тот подход, какой диктуется характером государственного строя, созданного Октябрьской революцией. В настоящее время (август 1926 г.) намечен дальнейший пересмотр Кодекса законов о труде. Накопившийся за время, истекшее с даты опубликования последнего Кодекса ВЦИК РСФСР (9 ноября 1922 г.) опыт рабочего законодательства и дополнительные законодательные акты, отвечавшие на выяснявшиеся постепенно потребности хозяйственного и общественного развития СССР, делают подобный пересмотр и дальнейшее развитие положений Кодекса неизбежными. Но основные тенденции рабочего законодательства в СССР, продиктованные рабочим характером законодательного аппарата, останутся и при этом пересмотре неизменными. Они заключаются в обеспечении за каждым, нанимающимся на работу возможно более полной защиты закона и таких условий труда, какие представляют ему возможность быть сознательным участником политической и общественной жизни страны.

БИБЛИОГРАФИЯ. „Отчеты ВЦИК“ за 1919, 1920, 1921, 1922, 1924 гг.; „Статистика Труда“ за 1922—1926 гг.; „Труд в СССР“, Статист. сборник 1924—5 г.; „Труд в СССР“, Статист. справочник 1926 г.; „Профессиональный Вестник“ за 1918 и 1919 гг.; „Вестник Труда“ за 1920—1926 гг.; „Труд“ за 1921—1925 гг.; *А. Гуревич*, „Азбука теории и практики заработной платы“, М. 1925 г.; *С. Струмилин*, „Заработная плата и производительность труда в русской промышленности“, *Ф. Ревзин*, „Эволюция форм заработной платы в СССР“ М. 1924 г. (третье изд.); *Вл. Лаврентьев*, „Заработная плата в России прежде и теперь“, изд. „Пролетарий“, 1926 г.; „Наказ ВЦИК о введении новой тарифной системы“ от 1 дек. 1921 г.; *И. Н. Дубинская*, „Бюджеты петроградских рабочих в мае 1918 г.“; „Материалы по статистике труда Северной области“; *А. П. Пушинов*, „Бюджеты петроградских рабочих и служащих в 1922 г.“; „Бюллетень Отдела Статистики ППС“, 1923 г., № 35; *А. Андреев*, „Проф союзы в Советской России в 1921—1922 г.“, М. 1922 г.; *М. Толский*, „Проф. движение на новых путях“; *Стенограф. отчеты I, II, III, IV и V Всероссийских и VI Всесоюзного съездов профсоюз. союзов; Стенограф. отчеты XI и XIV Всесоюзных съездов ВКП (б).*

В. Ярозкий.

VIII. Земельное законодательство СССР.

1. Февральско-мартовский переворот 1917 г. застал в Российской империи огромную пестроту земельных прав и поземельных отношений. На основе господства права частной собственности на землю и на ряду с ним имелись ограничения этого частного права: национальные, сословные, вероисповедные и по подданству. Были весьма развиты арендные отношения по земле, при чем, по современным статистико-экономическим обследованиям, испытывавшее земельный голод крестьянство арендовало до $\frac{1}{5}$ земельной площади своих наделов (в абсолютной цифре—от 40 до 50 млн. гектаров), и к аренде при егало до $\frac{1}{3}$ общего количества крестьянских дворов (см. *земельный вопрос*). Свобода залога привела к задолженности до 4 млрд. зол. руб., и едва $\frac{1}{4}$ часть площади, находившейся в частной земельной собственности, оказывалась свободной от ипотечных обременений. Переход земель по завещаниям и жизненным сделкам дробил землю и создавал угнетающе действовавшие на с.-х. производство формы общего и череполосного владения. Многочисленные и разнообразные сервитуты обременяли землевладение. Земельные права не были унифицированы, и часто в одних руках сосредоточивались земли, обладание которыми основывалось на самых разнообразных и несовместимых между собою титулах. В соответствии с этим действовало крайне громоздкое по объему и пестрое по содержанию земельное законодательство: крестьянское, обще-гражданское, межевое, землеустроительное, и самое земельное дело, в его судебной и административной ветвях, было расплывлено среди множества учреждений.

Эпоха Временного правительства, обнимающая собою период от свержения самодержавия до Октябрьской революции 1917 года, не ознаменовалась и не могла ознаменоваться сколько-нибудь решительными переменами в области аграрных отношений. Право, отражавшее в себе содержание общественных отношений того времени (см. *Собрание узаконений и распоряжений Вр. прав.*), представляет со-

бою ряд постановлений половинчатого, сбивчивого и неопределенного характера. Так, были отменены некоторые ограничения для приобретения земельной собственности, существовавшие в царской России для отдельных сословий и национальностей. Были упразднены прежние земельные органы и взамен их созданы земельные комитеты (волостные, уездные, губернские и главный), но функции их были ограничены лишь разбором конфликтов по пользованию землей между помещиками и напиравшим на землю крестьянством и подготовкою материалов для разрешения аграрного вопроса будущим учредительным собранием. Была сделана также попытка к образованию государственного земельного фонда (для предоставления его трудящимся на арендных началах) путем снятия с торгов лихорадочно продававшихся тогда (и по преимуществу—иностранным поданным) помещичьих имений и поставления таких продаж под контроль министерства земледелия. Само собою разумеется, что в этот же фонд были зачислены тогда и земли казенные, удельные и кабинетские. Остается еще упомянуть о некоторых условных льготах с.-х. батракам и арендаторам и об облегчении кооперирования вообще, в том счете и земельного, чтобы закончить характеристику земельных мероприятий эпохи Временного правительства.

Если все крупные революции затронули земельный строй и сказывались на более или менее значительном его изменении, то Октябрьский переворот 1917 г. привел к колоссальной перестройке поземельных отношений и, вследствие аграрного характера России, в огромной степени базировал на этом свои успехи. В соответствии с изменявшейся политико-экономической обстановкой, эволюцию советского земельного законодательства, краткую еще по времени, можно подразделить на три периода. Однако, это разделение следует рассматривать лишь как прием, облегчающий изучение, так как, в конкретной действительности, в каждом предшествующем периоде уже начинают звучать мотивы, находящие

себе в дальнейшем полное выражение, и, вместе с тем, в условном новом периоде еще продолжают слышаться, хотя уже и приглушенные, отзвуки перешитого времени.

Первым актом советского земельного законодательства явился декрет о земле, изданный 26 октября 1917 г., в первые же часы после переворота. Будучи основан на крестьянских наказах, он провозглашал отмену частной собственности на землю и передачу ее из нетрудовых рук, вместе с с.-х. капиталом, в обще-народное достояние для уравнительного распределения между трудящимися, без всякого, явного или скрытого, выкупа. Имея декларативный характер и не содержа в себе организационно-технических указаний по проведению провозглашенных положений в жизнь, закон этот имел огромное социально-политическое значение и открыл собою ряд мероприятий, имевших целью вовлечение крестьянства в революцию и фактическое уничтожение, при его посредстве, господства помещичьего класса и опиравшегося на него строя.

1918 и часть 1919 г. проходят под действием декрета о земле 26 X 1917 и характеризуются ликвидационными мероприятиями по уничтожению нетрудового землевладения и уравнительному его распределению между трудовыми земледельцами, при чем, в виду слабости земельных органов, это распределение происходит в значительной мере стихийно. Некоторое организующее начало в эту стихию вносится следующим по времени крупным актом советского земельного законодательства, — изданным 19 февраля 1918 г. основным законом о социализации земли и разъясняющей его инструкцией, опубликованной в апреле того же года.

В этом последнем законе, после подтверждения отмены навсегда всякой собственности на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах РСФСР, а также после провозглашения права пользования землею всех трудящихся, было указано, что распределение земли должно производиться земельными органами на уравнильно-трудовых началах, и преподан метод

распределения земель, с указанием также на основании к возникновению, осуществлению, переходу, перерыву и прекращению права на землю. Упомянутая выше апрельская инструкция форсировала применение основного закона о социализации земли немедленным выселением из имений помещиков, их управляющих и нетрудовых арендаторов и давала некоторые технические пояснения практического применения закона.

Стихийное распределение земель, местами вылившееся в т. н. черные переделы и проходившее без активного руководства земельных органов, вело к земельным столкновениям различных групп населения между собою и к усилению запутанности поземельных отношений. Многие поселения захватывали землю не по хозяйственной необходимости, а по соотношению сил и по случайности. В итоге образовывалось беспорядочное землепользование, страдавшее такими недостатками, как чересполосица, дальнотемелье и пр. и служившее источником земельных недоразумений. Тогда власть стала перед задачей дальнейшего регулирования аграрно-революционных отношений, и последующие акты земельного законодательства, оформлявшие собою задания текущей политики, были направлены на организующее государственное вмешательство в стихию земельного распределения. Отсюда — ряд узаконений о государственном, сплошном и обязательном землеустройстве, предпринимавшемся в целях определения земельных прав и границ с.-х. объединений и, естественно, окрашенном тенденциями воинного коммунизма, характеризовавшего ту эпоху.

14 февраля 1919 г. издается положение о социалистическом землеустройстве и 11 марта — инструкция по его применению, гораздо более развитая, чем самый закон. В этих положениях уже начинают звучать мотивы национализации земли (на смену прежним социализации и муниципализации). В основу землеустройства кладется намерение создать единое производственное хозяйство; единые формы землепользования

объявляются переходящими и отживающими, и во главу угла ставится проведение коллективных форм пользования землей (с.-х. коммун, артелей, с.-х. товариществ по обработке земли), а также крупных государственных хозяйств (совхозов). Самое землеустройство, проводимое на государственном счете, производится, как уже отмечено, в сплошном и обязательном порядке, с отводом каждому объединению земель по потребительско-трудовым нормам (определяемым по эмпирико-статистическому методу). В законе и инструкции к нему указывается последовательность землеустроительных действий. В итоге социалистического землеустройства было устроено 3.000 волостей и расположенных в них с.-х. объединений, чем было внесено значительное успокоение в поземельные отношения и устранено множество недостатков землепользования.

Постоянные земельные переделы, продолжавшие потрясать даже землеустроительные земельные объединения, побудили правительство к ограничению их действия. В этих целях были изданы указы от 30 апреля и 27 мая 1920 г. Первым из них были поставлены рамки переделам внутри земельных обществ установлением минимального (одни раз в три севооборота) срока общих уравнительных переделов в обществах, подчинением переделов разрешению и контролю земельных органов и сохранением за хозяйствами, вложившими в свои участки особые трудовые и капитальные затраты, преимущественного права на сохранение этих участков при переделах за собою. Декретом 27/V 20 г., в тех же интересах усиления производства, земельные органы обязывались при проведении уравнительного землеустройства по нормам сохранять наличное землепользование свыше этих норм в культурных хозяйствах, применявших у себя улучшенные приемы или системы, культивировавших ценные растения, производивших коренные улучшения земельных угодий (мелиорации) и т. п.

Переход к новой экономической политике отразился в земельном законодательстве принятием ряда мер, на-

правленных к наибольшему стимулированию распыленных, отдельных крестьянских хозяйств в сторону производства ими наибольшей количественно и наилучшей качественно продукции. Исходя из положения о том, что одной из предпосылок для достижения указанной цели является твердость и определенность пользования землей как в правовом, так и в территориальном отношениях, президиум ВЦИК издал 23 марта 1921 г. постановление о мерах к укреплению прочности и устойчивости крестьянского землепользования. Этот закон, закончивая собою второй период советского законодательства, послужил преддверием следующей, ныне переживаемой (1921—1926) эпохи советского земельного законодательства, явившейся, таким образом, на смену первому периоду стихийного уравнительного распределения земель и второй стадии советской аграрной эволюции—социалистического землеустройства, с его попытками насаждения коллективных форм землепользования.

В дальнейшем последовали типичные для современного периода земельного законодательства СССР: 1) основной закон о трудовом землепользовании и 2) постановление о порядке рассмотрения земельных споров. Первый из этих актов утвержден 22 мая 1922 г., второй—24 мая, и оба они были опубликованы 14 июня 1922 г. Анализ значения этих актов побуждает признать их чрезвычайно важными. Они подводят итог и дают твердое выражение той совокупности политико-экономических соотношений в области земельно-хозяйственного строительства, которая характеризует только что пережитый период. По своему содержанию, они подводят прочный юридический фундамент под вышедший из революции земельный строй, давая ему как материально-правовое оформление, так и судебную защиту. Вместе с тем, названные акты кладут начало заполнению того пробела в правовом регулировании поземельных отношений внутри деревни, который образовался с отменой всего дореволюционного законодательства без замены его новым, в результате

чего в первые годы революции крестьянский земельный строй частью держался по традиции, частью слагался стихийно, частью же регулировался от случая к случаю земельными органами и притом не всегда закономерно и целесообразно.

Потребность в пересмотре, согласовании и систематизации накопившегося с октября 1917 г. законодательного материала, носившего на себе следы различия в задачах политики по отдельным периодам, привела к составлению Земельного кодекса РСФСР. Последний получил законодательное утверждение 30 октября 1922 г. и был введен в действие с 1 декабря того же года, явившись систематическим сборником действующих узаконений в области земельных отношений. С изданием Земельного кодекса частью утратили силу, частью вошли в Кодекс в переработанном и дополненном виде все состоявшиеся до его издания земельные узаконения. Будучи в своих отдельных частях приспособлен, путем соответствующих изменений и дополнений, к местным природным, бытовым и экономическим условиям и особенностям как автономных республик и областей РСФСР, так и союзных республик, Земельный кодекс в основных своих постановлениях по регулированию земельного строя фактически является единым для всего Советского Союза. Последовавшие за изданием кодекса 1922 г. земельные узаконения, главным образом, лишь развивали содержащиеся в нем постановления и только в незначительной мере касались смежных областей, не покрывавшихся непосредственным действием Земельного кодекса.

Т. обр., советское земельное законодательство в своем последовательном развитии служило потребностям трех периодов: 1) временного уравнительного распределения земель, связанного с социально-политической задачей ликвидации класса и власти помещиков; 2) военного коммунизма, направленного в области земельно-хозяйственного строительства на насаждение коллективных форм землепользования и хозяйства, и 3) новой экономической политики, ставившей себе

в названной области задачу обеспечения прочности и устойчивости землепользования и его упорядочения, в целях создания стимулов для максимального количественного и качественного повышения сельскохозяйственной продукции. Этот последний период, длящийся и до настоящего времени (1926), может быть охарактеризован, как переходный от распыленного между миллионными отдельными крестьянских дворохозяйств — к общественному сельскохозяйственному производству через промежуточные формы кооперирования.

2. Основы земельного законодательства СССР. Главнейшей основой советского земельного права является принцип национализации земли. Принцип этот в советском земельном законодательстве нашел себе ясное и отчетливое выражение не сразу: в первоначальных узаконениях употреблялись формулировки „общенародного достояния“, „собственности трудящихся“, „единого государственного земельного фонда“ и др. И лишь в Земельном кодексе начало национализации земли выражено определенительно в ст. 2-й, согласно которой „все земли в пределах РСФСР, в чьем бы ведении они ни состояли, составляют собственность рабоче-крестьянского государства“. Являясь коренным устоем советского Земельного строя, это начало, естественно, нашло себе выражение и в земельных кодексах всех остальных федеральных частей Советского Союза.

Национализированная земля предоставляется в пользование на производном, условном и зависимом праве, по наделу от государства. В соответствии с этим устанавливается внеоборотность земли, и частная собственность на землю (а также недра, воды и леса) в пределах Советского Союза не допускается (ст. 1 Зем. код.). Этот принцип находит себе выражение в ст. 27 Зем. код., постановляющей о том, что „покупка, продажа или запродажа, завещание или дарение, а также залог земли запрещаются, и совершенные в нарушение этого запрещения сделки считаются недействительными, а лица, виновные в их совершении, помимо наказания в уголовном

порядке, лишаются земли, находящейся в их пользовании⁴. При этом, упоминаемые в ст. 27 сделки с землей наказываются как нарушения положений, регулирующих проведение в жизнь одной из государственных монополий — исключительных прав государства на землю — по ст. 136 Уголовного кодекса.

Следующим важным началом советского земельного строя является принцип единого общегосударственного управления землями, вся совокупность которых составляет единый государственный земельный фонд, при чем здесь имеются в виду земли сельскохозяйственного назначения как различные, так и могущие быть использованными для сельскохозяйственного производства. Органами, осуществляющими общегосударственное управление землями в пределах каждой союзной республики, являются Народные комиссариаты земледелия и их местные органы; части же единого государственного земельного фонда, расположенные в пределах автономных республик, находятся в ближайшем непосредственном заведывании местных комиссариатов земледелия (ст. 3 Зем. код.).

Земли единого государственного фонда, в зависимости от целевого назначения и субъектов землеобладания, подразделяются на различные категории. Первую из них, самую обширную (до 97% общей с.-х. площади), составляют земли т.-н. трудового пользования, предоставляемые трудовым земледельцам и их объединениям в непосредственное пользование. Во вторую категорию входят земли городов и поселений городского типа. Третья категория обнимает собою земли т. н. специального назначения, находящиеся под горными разработками, железными дорогами, крепостями и пр., при чем эти земли состоят в управлении соответствующих ведомств на основании особых о том правил. Наконец, на долю четвертой категории падает весь остаток единого государственного земельного фонда, получающийся после исключения из него земель первых трех категорий и носящий наименование государ-

ственных земельных имуществ. Эти земли состоят в непосредственном распоряжении Народного комиссариата земледелия и его органов и используются ими либо в порядке непосредственного ведения хозяйства, либо путем предоставления их государством, по специальным постановлениям и на особых условиях, учреждениям, обществам, организациям и отдельным лицам. По миновании надобности в землях третьей категории для специальных целей, земли эти также поступают в состав государственных земельных имуществ. В свою очередь, эти последние разделяются на: а) советские хозяйства (т. н. совхозы), представляющие собою оборудованные сельскохозяйственные предприятия; б) доходные (оброчные) статьи, допускающие использование находящихся в их составе земельных участков и хозяйственного обзаведения, и в) участки общегосударственного земельного запаса, не получившие в установленном порядке прямого назначения, т.-е. не предоставленные в чье либо постоянное или срочное пользование. Главным назначением земельного запаса, помимо образования специальных фондов, является наделение из него безземельных и малоземельных граждан и использование для переселенческо-колонизационных мероприятий.

Единство земельного дела, в смысле объединения полностью всех отраслей регулирования поземельных отношений, как административного, так и судебного (система специальных земельных судов, см. ниже), в одном ведомстве земледелия, является крупным организационным отличием советского земельного строя как от нашей дореволюционной, так и от современной иностранной практики, характеризующейся распыленностью земельных дел по многочисленным и разнообразным ведомствам и учреждениям.

Принципы национализации земли и условного, зависимого пользования ею по предоставлению от государства имеют своим последствием право и обязанность земельных органов, которым вверено регулирование поземельных отношений, по вмешательству в земельно-хозяйственный уклад, в целях

воздействия на него, с одной стороны, в видах недопущения развития отношений, несовместимых с советским аграрным строем, а с другой—в интересах направления хозяйственного развития в русло постепенного обществления с.-х. производства.

Земельный кодекс предусматривает и оформляет следующие главные возможности государственного воздействия на сельскохозяйственную эволюцию. Прежде всего, землепользователи обязываются не оставлять предоставляемой им земли по неуважительным причинам без рационального использования, под страхом ее отобрания (временного или окончательного). На земельные органы возлагается обязанность контроля за правильным использованием земель, и им принадлежит право возбуждения вопросов о ликвидации случаев хищнического отношения к земле. Те же земельные органы, с утверждения центрального земельного ведомства, имеют право издавать обязательные постановления, направленные на регулирование таких сторон земельно-хозяйственных отношений, как установление развосточных единиц (оснований для распределения земель в уравнилельно-переходных землях обществ); определение пределов дробности земель и хозяйств; особых сроков и условий перехода луговых угодий; проведение мер поощрения и наказания к улучшению лугов и пр. Сюда же относится разрешение местным органам, при соблюдении известных условий, проводить обязательное переселение. Земельные органы имеют также право проявления инициативы к проведению принудительного землеустройства в тех случаях, когда они признают необходимость немедленного устранения в том или ином районе недостатков землепользования, особо вредных по их влиянию на хозяйство или обостряющих поземельные отношения, и др.

С другой стороны, прочность и устойчивость прав землепользователей ограждается в советском земельном законодательстве рядом установлений, ограничивающих прекращение права на землепользование лишь строго

определенными в законе условиями и случаями. Для договорных правоотношений по земле такими условиями являются нарушения взятых на себя землепользователями обязательств. Земли, предоставляемые для специальных надобностей, изымаются от субъектов обладания ими по минованию этих надобностей. Право же на землю, предоставленную трудовому земледельческому хозяйству (двору), прекращается в случаях: 1) добровольного отказа от земли всех членов двора; 2) прекращения двором ведения самостоятельного хозяйства полностью; 3) выморочности двора; 4) окончательного переселения его в другое место с прекращением в прежнем месте самостоятельного хозяйства; 5) лишения права на пользование землею по суду за указанные в законе преступления; 6) занятия земли в установленном порядке для государственных или общественных надобностей (с отводом взамен ее земли в другом месте и возмещением убытков землепользователю). При этом, в случаях возражения землепользователей против основательности лишения их права на землю, вопрос подлежит разрешению земельно-судебных учреждений в порядке состязательного процесса.

В основе права на единоличное или коллективное землепользование из состава земель сельскохозяйственного назначения на территории Советского Союза лежат принципы трудового пользования и равенства прав трудящихся, без различия пола, национальности, вероисповедания и подданства, на получение земли в пользование. Для текущего переходного периода, в интересах маломощных слоев деревни и для установления рационального соотношения между производственными возможностями отдельных хозяйств и их земельной площадью, земельное законодательство СССР допускает, с особыми (и притом весьма значительными, см. ниже) ограничениями, применение подсобного наемного труда в трудовых земледельческих хозяйствах и трудовую аренду земли в форме временной переуступки прав на землю трудового пользования. Однако, применение как наемного тру-

да, так и аренды земли разрешается не иначе, как под условием сохранения занимающим рабочим или арендующим землю хозяйством своего трудового строя. Внутри сельскохозяйственных объединений трудовых землепользователей также проводится принцип равенства земельных прав всех членов объединения, с установленным ограничением лишь дееспособности при наличии указанных в законе условий (недостижение совершеннолетия, некоторые случаи болезни и пр.). При реализации права на получение земли для приложения к ней своего труда применяются некоторые ограничения к отдельным категориям граждан. Так, например, если ходатайства о наделинии землей поступают одновременно от служителей религиозных культов и от граждан, принадлежащих к составу трудового сельскохозяйственного населения и не являющихся служителями культов, то в первую очередь удовлетворяются землей названные граждане. Бывшие помещики и крупные землевладельцы, выселенные из принадлежащих им хозяйств, не имеют права на пользование землей в пределах тех губерний или соответствующих им административно территориальных единиц, где эти лица владели ранее земельной собственностью.

3. Право трудового землепользования.

Прокламированное для всех граждан Союза ССР право на получение земли в целях приложения к ней своего труда предоставляется путем отвода соответствующих земельных участков органами Народного комиссариата земледелия, или предоставления земли земельными обществами (см. ниже), либо посредством трудовой заимки земли. При этом, никакое первоначальное предоставление земли, равно как и последующие переходы ее, не могут происходить без непосредственного распоряжения либо последующей регистрации со стороны земельных органов. Право на землю может быть осуществляемо трудовым землепользователем либо в составе земельного общества, как совокупности землепользователей, совместно распоряжающихся в хозяйственном отношении предоставленными им землями, либо от-

дельно, без вхождения в состав земельного общества. Трудовой заимкой считается приложение личного труда к свободной (не находящейся в чьем-либо пользовании, никому не предназначенной и состоящей в непосредственном распоряжении государства) земле с целью постоянного ее использования для надобностей сельскохозяйственного производства. Правила устройства заимок и районы, в которых они допускаются (преимущественно незаселенные или мало обжитые местности, где заимщики являются пионерами колонизации), устанавливаются распоряжениями центральных земельных органов. Право на землю, предоставленную в трудовое землепользование, является бессрочным, безвозмездным, и может быть прекращено, как указано выше, только по основаниям, указанным в законе.

В зависимости от порядка распределения земель между трудовыми землепользователями и способа хозяйственного распоряжения землями, право на землю трудового пользования может быть осуществляемо посредством использования участков неизменного размера, расположенных в одном или нескольких местах, либо переменной доли в землепользовании того или иного объединения, либо совместного пользования землей (подробности порядка землепользования см. ниже). С соблюдением ограничений, установленных действующими законами, трудовой землепользователь, в целях извлечения из предоставленной в его пользование земли плодов и выгод, имеет право вести хозяйственное использование земли способом, избранным им по своему усмотрению, а также возводить, устраивать и использовать на земле строения и сооружения для хозяйственных и жилищных надобностей. В числе упомянутых ограничений имеется воспрещение совершать на земельном наделе действия или устраивать сооружения, нарушающие существенные интересы соседних землепользователей.

Наиболее ценные участки земель трудового пользования, в которые вложены усиленные затраты труда и средств (усадебные, садовые, огород-

ные, мелноративные и пр. т. н. привилегированные участки), бронируются законом от передвижек, отрезок и переделов; для исключительных же случаев их отчуждения закон оговаривает обязательную компенсацию трудовым землепользователям вложенных ими в отчужденную землю трудовых и капитальных затрат. Вместе с тем, в целях обеспечения прочности и устойчивости трудового землепользования, закон дает владельческую защиту землепользователям, обязывая земельно-судебные органы восстанавливать нарушения фактического положения землепользования и хозяйства до разрешения вопроса о нарушенном праве по существу.

4. *Субъекты права трудового землепользования.* Как отмечено выше, право на землю может быть осуществляемо землепользователем или в составе земельного общества, с подчинением установленному обществом порядку землепользования, или отдельно, без вхождения в состав земельного общества.

Первичной производственной ячейкой советское законодательство признает трудовое сельскохозяйственное хозяйство—двор (с соответствующими модификациями для национальных автономных единиц), при чем двором признается семейно-трудовое объединение лиц, совместно ведущих сельское хозяйство, с оговоркою о том, что двор может состоять и из одного бессемейного лица (без различия пола). Существенными вопросами в конструкции двора и его земельно-хозяйственных отношениях являются вопросы о правах его членов, о взаимоотношениях двора с включающим его в свой состав объединением (земельным обществом) и об условиях вступления в число членов двора со стороны и выхода из него. Советское земельное законодательство считает членами двора всех наличных его участников (включая малолетних и престарелых), не вышедших из его состава законным порядком. Состав членов двора увеличивается в случаях вхождения в него со стороны путем брака и т. н. примачества и уменьшается при выходе из него членов или их смерти. В

случаях брака вхождение новых членов во двор не требует согласия прочих его членов, кроме брачующегося; все же остальные случаи вхождения в состав двора предполагают согласие всех наличных членов двора, а если последний входит в состав какого-либо с.-х. объединения (земельного общества), то и согласия этого объединения. Такое ограничение представляется понятным в виду того обстоятельства, что лица, входящие в состав двора на правах его членов, тем самым приобретают права на пользование землей и общим имуществом двора; однако, указанное ограничение не является безусловным, и земельно-судебные органы вправе допустить стороннее лицо в состав двора вопреки протестам отдельных его членов, равно как и земельного общества, если это оправдывается соображениями хозяйственной необходимости и требованиями сохранения жизнеспособности данного дворохозяйства. Внутри двора проводится принцип равенства прав на землю, состоящую в пользовании дворохозяйства, а также на общее имущество двора (сельскохозяйственные постройки, инвентарь и пр.). всех членов двора в полном его составе, независимо от пола и возраста, при чем права недееспособных представляются во всех необходимых случаях лицами, у которых они находятся на попечении (родители, опекуны). Имущество двора не может быть присуждено в уплату за долги отдельных его членов, сделанные ими для своих личных надобностей. Представителем двора по его хозяйственным делам является т. н. домохозяйин, в роли которого может выступать как мужчина, так и женщина, при чем, в случае нерадивого ведения хозяйства двора, домохозяйин, по заявлению членов двора, может быть смещен сельской властью и заменен другим лицом из состава того же двора. Поскольку двор входит в состав земельного общества, постольку он имеет право на участие в земельно-хозяйственной жизни общества на основаниях, одинаковых с участием других дворов, входящих в то же общество. Регулирование многих вопросов, относящихся к

внутрихозяйственным отношениям двора, оставлено земельным законодательством на долю местных обычаев, поскольку последние не противоречат постановлениям положительного законодательства.

Стремление к образованию крупных коллективных хозяйств, составляющее одну из основных задач советской земельной политики, вызвало к жизни ряд ограничительных мероприятий, направленных против распада и измельчания трудовых земледельческих дворохозяйств. Эти мероприятия, с одной стороны, ограничивают возможность раздела земли дворов лишь теми случаями, когда на земельных участках, образуемых в порядке раздела, органами власти будет признано возможным образование новых самостоятельных хозяйств. С другой стороны, законодательные постановления стимулируют дворохозяйства в направлении принятия ими самими, или их объединениями, мер к задержке или предупреждению дробности. Так, лишены права требовать раздела двора члены его, не достигшие совершеннолетия (18 лет для лиц обоего пола), а также те члены двора, которые пребывали вне его в течение определенного времени (свыше двух севооборотных сроков) и, без уважительных причин, не оказывали своему дворохозяйству, в меру своей возможности, помощью своим трудом или средствами. Вместе с тем как земельным обществам, так и входящим в их состав дворам, закон предоставляет право объявлять на определенный срок дворы недробимыми. В этих случаях раздел земли двора не производится, и допускается лишь выдел причитающейся на долю выходящих членов двора доли продуктами или деньгами с таким притом расчетом, чтобы этот выдел не разорил хозяйства (ограничение доли одной третьей стоимости хозяйства и установление пятилетней беспроцентной рассрочки выплат). В тех же целях сохранения хозяйственной целостности коренного двора, закон обязывает земельные органы изыскивать все способы к наделению выходящих членов двора землю не из его надела, во избежание измельчания последнего,

а из свободного запасного фонда. По линии воздействия государства на земельно-хозяйственные отношения в области предупреждения измельчания трудовых земледельческих хозяйств мы имеем в Земельном кодексе постановления, предусматривающие право местных органов, с утверждения центром, устанавливать пределы дробности земель дворов. В местностях, на которые будут распространены эти постановления, допускаются также только необременительные для недробного хозяйства имущественные выделы или выплаты. Наконец, действующее земельное законодательство устанавливает отрицательные последствия для самовольно разделившихся хозяйств: разделы их, не зарегистрированные в установленном порядке, признаются не имеющими законной силы, и в этих случаях разделившиеся дворы продолжают считаться едиными как при землеустройстве и пределах земель, так и при взыскании с них всякого рода сборов, налогов и повинностей, падающих на хозяйство.

В преобладающем большинстве случаев на территории СССР право на землю осуществляется трудовыми землепользователями (дворохозяйствами) не отдельно и обособленно, а в составе земельных обществ, с подчинением установленным в них порядкам землепользования. Земельными обществами признаются как существующие, так и вновь возникающие добровольные объединения отдельных дворов или землепользователей, совместно осуществляющих хозяйственное распоряжение находящимися в их пользовании землями. При этом совокупность дворов, имеющих общее пользование полевыми землями, считается во всех случаях за одно земельное общество, и поскольку такая совокупность дворов имеет отдельное от других объединений пользование полевыми землями, она считается за самостоятельное земельное общество. Несколько отдельных земельных обществ могут, по взаимному соглашению, соединяться в одно земельное общество, а также объединяться в союзы обществ, в целях обобществления отдельных сторон землепользования или совместного до-

ствяжения определенных сельскохозяйственных задач. Земельные общества имеют права юридических лиц и могут от своего имени приобретать имущество, заключать договоры, искать и отвечать на суде и ходатайствовать в других учреждениях. Вместе с тем, земельное общество несет ответственность перед государством за правильное и целесообразное использование предоставляемых ему земель. Как юридическое лицо, земельное общество имеет органы, ведающие его делами. Такими органами являются: общее собрание (сход) полноправных членов общества (достигших 18-летнего возраста, без различия пола) и избираемые им особые уполномоченные по земельным делам. В земельных обществах, совпадающих в своих границах с территорией сельского совета, обязанности уполномоченных земельного общества исполняются сельским советом. Взаимоотношения общества и его членов (ворохозяев или отдельных землепользователей) и сравнительный объем и характер прав той или другой стороны зависят от структуры общества и принятого в нем порядка землепользования. Эти соотношения варьируют от почти полной хозяйственной и юридической зависимости члена общества от состава последнего в целом, в области земельно-хозяйственных отношений, до удержания лишь весьма слабой связи по совместному хозяйственному распоряжению и пользованию по некоторым категориям земельных угодий общества. В связи с этим необходимо также отметить, что земельные общества советского строя отличаются от таковых же дореволюционных присвоенным первым чисто хозяйственных функций и освобождением их от функций полицейских, лежащих теперь на специальных органах сельской административной власти (сельских советах и волостных исполнительных комитетах).

Общее собрание (сход) полноправных членов земельного общества разрешает земельно-хозяйственные вопросы, касающиеся общества в целом. Сюда относятся: установление и изменение порядков землепользования, составление земельного устава общества, произ-

водство переверсток земель, согласно принятому порядку землепользования, распоряжение угодьями общего пользования, установление, в соответствующих случаях, общих севооборотов, общей пастбы скота, и пр. В зависимости от большей или меньшей важности подлежащих решению вопросов, Земельный кодекс требует для законности общего собрания более или менее высокого кворума, а также принятия соответствующих постановлений простым или квалифицированным большинством участников собрания. Однако, не во всех делах земельно-хозяйственного строительства постановления большинства являются безусловно подчиняющими себе меньшинство. Так, например, при переходе земельного общества от одного порядка землепользования к другому, несогласные на такой переход члены общества могут оставаться при прежнем порядке (или набрать себе иной), выделив свои земли к одному месту (ст. 91 Земельного кодекса РСФСР).

Ликвидация земельных обществ, как добровольных объединений трудовых землепользователей, может происходить полностью и частично. Свободой полной ликвидации обществ закон ставит некоторые преграды только в отношении коллективов (см. ниже), образовавшихся на землях, состоящих в непосредственном распоряжении государства. Но и это ограничение направлено не на прямой запрет ликвидации, а на косвенную сдержку перехода от коллективного к единоличному землепользованию, под риском обращения земли распавшегося коллектива в распоряжение земельных органов. Частичная ликвидация осуществления права на землю в составе данного общества может происходить в порядке выхода из него отдельных дворов или их групп, с выделом причитающихся им земель к одним местам. При общинном и участково-чересполосном порядках землепользования (см. ниже) каждый двор отдельно или совместно с другими дворами имеет право, с согласия общества, во всякое время выйти с землею к одному месту. Такие выходы без согласия общества, во избежание излишних потерь

землепользования и хозяйства общества, допускаются лишь в случаях производства в обществе полного передела земель (когда и без того все индивидуальные землепользования в обществе меняют свое местоположение, размеры, состав и границы), либо в тех случаях, когда набирается для одновременного выхода из общества более или менее значительная группа входящих в его состав дворов (не менее одной пятой общего их числа, а в многодворных обществах, состоящих более чем из 250 дворов,—не менее 50 дворов), или же когда оказываются возможными выделы на пустопорожние и обособленные участки общественных земель того или иного количества дворов, не вызывающие общего передела земли в обществе. Как видно из законоподготовительных материалов к изданию Земельного кодекса, такая сравнительная свобода частичных выходов из общества установлена в целях обеспечения инициативному меньшинству возможности освобождаться из пут консервативных земельных обществ для самостоятельной организации на выделенных землях улучшенного хозяйства, а также в интересах преодоления в отдельных случаях пережитков феодализма в принудительных сельскохозяйственных образованиях—главнейшим образом в земельных обществах с уравнильно-передельным или участково-чересполосным порядками Землепользования. Частичные выходы с землею из земельных обществ с коллективным порядком землепользования представляются менее свободными. Во избежание нарушения единого общего хозяйства землепользователей, остающихся в коллективе, такие выходы допускаются лишь в тех случаях, когда их возможность предусмотрена уставом коллектива (с предварительным определением также возможных мест выдела земли), либо когда на выход члена коллектива с землею будет изъявлено согласие постановлением общего собрания членов коллектива. В остальных случаях выходящий из товарищества член его имеет право лишь требовать возмещения за вложенный им труд и за оставляемую

коллективу долю в общем имуществе (инвентаре, хозяйственных запасах и пр.). С своей стороны, коллектив может потребовать с выходящего члена возмещения убытков, проистекающих вследствие такого выхода. Выработка и преподание к руководству нормальных уставов земельных обществ лежит на обязанности Народного комиссариата земледелия.

Земельные общества в своей земельно-хозяйственной деятельности являются организациями подзаконными. При разрешении подведомственных им дел как общее собрание (сход) членов земельного общества, так и другие его органы обязаны руководствоваться Земельным кодексом и другими действующими узаконениями, а также принятым уставом или приговорами общества и местными обычаями, если последние не противоречат закону. Постановления общего собрания членов общества оформляются записью их в протокол (приговор), в котором обозначаются: время и место собрания, содержание обсуждавшихся вопросов, количество согласных и несогласных с решением участников собрания и другие существенные по делу обстоятельства. Протокол (приговор) получает силу лишь после подписи его председателем и секретарем собрания, а также большинством присутствующих на собрании членов общества. Протоколы (приговоры) общих собраний членов земельного общества могут быть приведены в действие лишь после зарегистрирования их в волостном исполнительном комитете, на котором лежит обязанность наблюдения за правильным применением земельными обществами законов и который вправе отказать в регистрации приговора в случае наличия в нем нарушения закона или охраняемых им прав и интересов членов общества. Конфликты последних с обществом по земельно-хозяйственным вопросам подлежат разрешению земельно-судебных органов.

Являясь регулятором поземельных отношений своих членов, земельное общество имеет право на получение в свое распоряжение земельных участков и долей членов общества: выморочных,

отобранных в указанных в законе случаях от землепользователей и оставшихся после лиц, отказавшихся от земельного надела. Помимо установления общих земельных распоряжков, обществу принадлежит право установления норм усадебного наделения, разверсточных единиц, служащих основанием для уравнительного распределения земель между дворами (по едокам, рабочим силам или комбинированным расчетам). Позднейшими законами, изданными в развитие постановлений Земельного кодекса, земельным обществам предоставлено право сдачи находящихся в его пользовании земель в аренду, с обращением получаемых отсюда средств на усиление сельских и волостных бюджетов. От добровольного согласия общества зависит вступление в него новых дворов со стороны, за исключением тех случаев, когда такое вступление может производиться понудительным для общества порядком, по распоряжению земельных органов, если данное земельное общество будет, в установленном порядке, признано имеющим излишние земли (ст. 46 Зем. код. РСФСР). Земельному обществу принадлежит право возбуждения перед земельными органами вопросов о временном лишении земли тех ее пользователей, которые без уважительных причин оставят землю без хозяйственного использования или будут вести хищническое, истощающее ее хозяйство (в частности, умышленно уклоняться, в ожидании земельных переделов, от внесения в землю имеющегося у них удобрения). Наконец, общество имеет право непосредственного распоряжения состоящими в нем участками общего (нераспределенного) пользования: выгонами, прогонами, водами, неудобными землями и т. п.

5. *Порядки трудового землепользования.* В Земельном кодексе прокламирована свобода выбора земледельческим населением форм землепользования, т. е. порядков хозяйственного распоряжения предоставленными ему землями. Но эта юридически нейтральная позиция государства по отношению к выбору населением форм землепользования отнюдь не означает отказа регулирующих земельные отношения орга-

нов от воздействия на эту важную сторону земельно-хозяйственных отношений. Правильно и целесообразно выбранная форма землепользования, согласованная со всей совокупностью местных природных, бытовых, экономических и организационно-производственных условий, несомненно, будет способствовать ускорению сельскохозяйственной эволюции в желательном направлении. Напротив того, порядок землепользования, находящийся в противоречии с указанным комплексом условий, неизбежно станет тормозить агрикультурный прогресс, замедлять его темп, искривлять его путь и тем самым отдалять конечную его цель, формулируемую для советского строя как переход к обобществленному сельскохозяйственному производству через промежуточные формы кооперирования.

Отсюда—проходящее через все этапы земельного законодательства Союза ССР стремление обеспечить наибольшие правовые и иные возможности для возможно широкого распространения коллективных форм землепользования или ближайших к ним, максимально облегчающих кооперирование сельскохозяйственного производства на основе его механизации. С течением времени, с переходом из одной эпохи советского строительства в другую, менялись лишь методы воздействия на земледельческое население в области проведения наиболее выгодных форм землепользования, варьируя от прямого принуждения в период военного коммунизма, вызывавшегося объективной обстановкой, до проведения мер, лишенных характера административного принуждения и заключающихся лишь в системе культурно-экономического, финансового и технического содействия населению, имеющей целью направить его земельно-хозяйственную деятельность в русло выбора наиболее целесообразных форм землепользования.

В значительной степени эти формы (порядки, способы) землепользования зависят от местных особенностей. Поэтому естественно, что Земельные кодексы союзных и автономных республик в этой области содержат постановления, видоизмененные по сравнению с соответствующими постановлениями

кодекса 30 октября 1922 года, рассчитанного, главным образом, на условия великороссийской части РСФСР.

Если оставить без специального рассмотрения порядки землепользования в местностях с кочевым или полукочевым хозяйством, то предусмотренные земельным законодательством СССР способы землепользования в земельных обществах сведутся к следующим основным формам: а) общинной, с уравнительными переделами земли между дворами; б) участковой, с неизменным размером права двора на землю в виде череполосных, отрубных или хуторских участков; в) товарищеской, с совместным пользованием землею членами общества, составляющими сельскохозяйственную коммуны, артель или товарищество по общественной обработке земли. Существуют в действительности и предусматриваются законом смешанные формы землепользования, когда по различным угольям земельного общества устанавливаются разные порядки пользования (напр., пахотная земля разбивается на отруба, неизменные по размеру; луга остаются в общинном, уравнительно - переделном пользовании; выгонные земли используются совместно для выпаса скота).

При общинном порядке землепользования, наиболее распространенном в земледельческих частях Союза ССР, за каждым входящим в состав земельного общества двором хозяйством признается право на долю земли из надела общества, которая может быть изменяема в целях уравнительного распределения земли между членами общества. Это изменение происходит или при так называемых общих переделах, захватывающих все уголья или все дворы общества и производящихся не чаще указанных в законе сроков (трехкратный севооборот), либо в порядке междупеределных скидок наделов с дворов, в которых уменьшилось число причитавшихся им при предшествующем переделе долей (разверсточных единиц), дворам, в которых число претендентов на такие доли увеличилось. Разверсточные единицы, служащие основанием для уравнительного распределения земли между членами земельного общества, устанавливаются

приговором общества, но могут быть установлены и властью (губернскими исполнительными комитетами, по представлению губернских земельных управлений, с утверждения Народного комиссариата земледелия). Связанные с уравнительным перераспределением земель передвижки, отрезки и перемещения терпят ограничения по отношению к привилегированным участкам (см. выше), в которые вложены повышенные затраты труда и средств. Уравнительно переделая земли, общество не имеет права при этом обезземеливать кого-либо из своих членов. Равным образом, не допускается избрание основания для передела земель, лишенного свойств уравнительности: так, не допускается, без согласия всех землепользователей, принятие за основу для разверстания земель размера фактического землепользования дворов, так как в этом случае малоземельные дворы всегда оставались бы таковыми. Недавним постановлением законодательных органов (февраль 1926) предоставлено право требовать уравнительного перераспределения земель меньшинству членов обществ в тех из них, где со времени Октябрьского переворота не производилось поравнения земель и где, вследствие этого, имеется значительная неравномерность наделения землею входящих в общество дворов по сравнению с наличным числом причитающихся на их долю разверсточных единиц (прим. к ст. 116 Земельного кодекса). Но и в таких исключительных случаях земельных поравнений, приведенное узаконение требует (прим. к ст. 119 Зем. код.), чтобы лучше обработанные и удобренные участки по возможности сохранились за прежними их хозяевами. Кроме того, во избежание нецелесообразного расширения действия этого специального закона, направленного на ликвидацию социально-несправедливого распределения земель, возможность его применения поставлена в зависимость от таких ограничительных условий, как удостоверение в каждом отдельном случае губернского (или соответствующего ему) земельного органа в наличии фактических обстоятельств, подводящих данный случай под действие исклю-

чительного закона и, помимо того, разрешение на его применение со стороны Народного комиссариата земледелия.

Участковый порядок землепользования отличается от общинного наличием права на землю в неизменном размере (отсутствие количественных уравнительных переделов). По степени концентрации земли, близости к ней дворохозяйства и хозяйственно-правовой зависимости землепользователя от сочленов по земельному обществу (или просто соседей по землепользованию), формы участкового землепользования подразделяются на участково-чересполосные, отрубные и хуторские. При участково-чересполосном землепользовании участки (полосы) однородных угодий одного и того же землепользователя располагаются в различных местах земельного надела общества, чередуясь с полосами других землепользователей. Такой характер землепользования обычно обуславливает подчинение связанных им дворохозяйств общему севообороту, общему же выпасу скота по пару и жнивью (стерне) и переездам через чужие полосы, воспроизводя в себе черты неурегулированной общины с многополосицей (но без возможности количественных уравнительных переделов). При отрубном землепользовании весь надел землепользователя или однородные, наиболее важные для хозяйства угодья сведены к одним местам, с оставлением дворового места (усадебь) в общем поселении. При хуторском землепользовании дворовое место землепользователя находится в составе участка основных (или всех) угодий, сведенного к одному месту. Отрубная и хуторская формы землепользования обеспечивают возможность хозяйству проводить самостоятельный севооборот и быть более или менее независимым от принятого в земельном обществе хозяйственного распорядка, но тем самым они ведут к наибольшему разобщению землепользования и хозяйства. Поэтому, образование хуторских и отрубных землепользований не стоит в плане массовых, поощряемых советской властью мероприятий по регулированию землепользования. Формы эти почитаются

приемлемыми лишь в случае природной и экономической их обусловленности, и на первом плане ставится пропаганда устройства поселков с наимыгоднейшими размерами земельных отводов (при которых себестоимость единицы продукта является наименьшей), с улучшенным общественным севооборотом, ставящим меньше препятствий обобществлению сельскохозяйственного производства, и с отводом каждому двору в севооборотных полях минимального числа широких, удобных для обработки полос (если не представляется возможным организовать совместное, без разбивки на индивидуальные участки, землепользование).

Местоположение и границы земельных участков отдельных дворов при участковой форме землепользования могут быть изменяемы при внутренних переверстках земли, размеры же участков, сообразно существу этого порядка землепользования, остаются неизменными, при чем и самые передвижки участков являются тем более затрудненными, чем выше культура ведущегося на них хозяйства. Исключения допускаются лишь при производстве выделов земель из общества с участково-чересполосным (наименее целесообразным) порядком землепользования, когда количество земли, приходящейся на долю выделяющихся дворов, определяется не по размеру их фактического землепользования к моменту выдела, а пропорционально числу состоящих в них разверсточных единиц, установление рода которых (едок, рабочая сила и пр.) производится обществом.

Общинный и участковый порядки землепользования, при указанных выше различиях (переменность или постоянство доли участия в землепользовании), имеют ту общую черту, что при их осуществлении каждому индивидуальному землепользователю (двору) реально, на местности, отводятся в пользование отдельные участки земли. В этом отношении от них отличается коллективная (товарищеская) форма землепользования, при которой за каждым состоящим в товариществе землепользователем признается право

на совместное участие в пользовании общим земельным наделом товарищества, без отвода отдельным членам товарищества участков (по крайней мере, в главных угодьях). В свою очередь, товарищества различаются между собою по степени обобществления производства, распределения и потребления. При максимальном обобществлении мы имеем с.-х. коммуну, управляющуюся по принципу: от каждого по его способностям и каждому по его потребностям. При так называемой с.-х. артели обобществлено производство, но его продукты обычно распределяются между членами артели пропорционально вложенным ими в артельное хозяйство затратам труда и капитала. В товариществах по общественной обработке земли имеет место объединение землепользователей лишь для выполнения определенных производственных процессов (напр., обработки земли или уборки урожая), в остальном же члены товарищества независимы от него и ведут индивидуальное хозяйство. Степени обобществления во всех разновидностях земельно-хозяйственных коллективов весьма различны и находят себе отражение в их учредительных приговорах и уставах. В частности, земельные доли, причитающиеся каждому члену коллектива, могут быть установлены наперед (артели и товарищества по общественной обработке земли) или оставляются без определения (сельскохозяйственные коммуны), при чем в артелях и товариществах доли их членов могут быть установлены или в постоянном размере, или на началах последующего уравнительного перераспределения. В каждом земельном обществе, независимо от существующего в нем порядка землепользования, может быть, по постановлению соответствующего большинства его членов, введена общественная обработка земли на всей площади надела общества или на его части. Поощрительное отношение законодательства к товарищеской форме землепользования выражается в том, что на земельное общество возлагается обязательство, даже при несогласии его большинства, выделить согласному на общественную

обработку меньшинству членов общества соответствующий участок земли к одному месту. Кроме того, состоящие в общественной обработке земли сохраняются за соответствующими землепользователями при переделах, и площадь их не подлежит уменьшению, хотя бы она и превышала количество земли, приходящейся на долю членов товарищества по устанавливаемым для передела разверсточным единицам.

6. *Городские земли.* В первые годы революции, в период разрыва экономических связей между городом и деревней, города всячески пытались расширить площадь своего землепользования, в целях как эксплуатации ее для потребностей сельскохозяйственного производства, так и пополнения коммунальных денежных средств путем сдачи земель горожанам в возмездное пользование. С другой стороны, вследствие слабой организованности земельных учреждений, крестьяне пригородных волостей обнаруживали стремление к захвату коренных городских земель. Надо было положить конец такому состоянию дела, в интересах обеспечения развития городов, как центров, имеющих важное политическое и экономическое значение, и притом поступить таким образом, чтобы внешнее земельное устройство городов было проведено быстро и механически. В этих целях Земельный кодекс признал городскими землями все те земли, которые состояли в заведывании городских советов к первому августа 1922 года. Наружная граница таких земель, как застроенных, так и не застроенных, была объявлена действующей городской чертой. Кроме того, городскими признавались примыкающие к городской черте земли, ранее принадлежавшие городу, если они не находились в фактическом пользовании крестьянского населения или рабочих организаций. Для тех случаев, когда определяемая по указанным выше признакам действующая городская черта оказывается неясной, спорной или утраченной, в Земельном кодексе предусмотрен процесс определения этой черты полностью или в частях, требующих выяснения. Определение городской черты

производится в порядке землеустройства (см. ниже). В таком же порядке выполняется и операция расширения городской черты, вызываемого коммунальными потребностями. Сельскохозяйственные потребности городских жителей удовлетворяются отводом им земель за городскую черту, при чем для использования таких земель землепользователи объединяются в земельные общества, подчиняющиеся режиму Земельного кодекса и, в частности, содержащимся в нем постановлениям о трудовом землепользовании. Тому же режиму подчиняются и все земли за пределами городской черты, обслуживающие городские коммунальные предприятия (водопроводы, поля орошения, советские хозяйства и т. п.). Земельные же распоряжки внутри городской черты определяются особыми узаконениями¹⁾, и действия земельных органов на эти земли не распространяется. В целях предупреждения неправильной застройки земель, могущих со временем войти в черту города, городским советам предоставляется право, независимо от установления новой городской черты, составлять планы и правила застройки земель, находящихся за городской чертой. Со дня утверждения этих планов и правил воспрещается возведение, с нарушением их, новых построек (за исключением временных и легких), а также расширение существующих. Следует отметить, что в условиях советского земельного режима, отрицающего частную собственность на землю и подчиняющего частные интересы общественным и государственным, представляется несравненно более свободным и легким отчуждение как внегородских земель для потребностей городского строительства, так и земель, расположенных внутри городской черты, необходимых для удовлетворения тех или иных коммунальных надобностей. В каждом отдельном случае такого расширения городского землепользования коммунальным учреждениям (центральным или местным) будет

необходимо лишь доказать земельным органам, ведающим отводами земель: 1) что испрашиваемая к отводу земля действительно потребна городу; 2) что она нужна именно для коммунальных потребностей в тех именно границах, местоположении, размерах и составе, в которых она заявляется к отводу; 3) что отводимая земля фактически может быть и будет использована в ближайшее время по своему прямому назначению и 4) что на заявленную к отводу землю не имеется притязаний со стороны организаций, учреждений или предприятий, значение которых в отношении преимущественного предоставления земли представлялось бы более важным, нежели значение надобностей городского коммунального хозяйства.

7. *Государственные земельные имущества.* Земли, остающиеся в составе единого государственного фонда после отвода из него земель в трудовое землепользование городам и поселениям городского типа, а также для специальных надобностей (горных разработок, транспорта, крепостей и т. п.), составляют государственные земельные имущества, и использование их связывается с задачами проведения в массы земледельческого населения улучшенных приемов и систем хозяйствования. Так, в отношении советских хозяйств (достигающих на территории РСФСР площади в 2¹/₂ млн. гектар) Земельный кодекс прямо постановляет, что они имеют своим назначением служить научно-технической основой для развития сельского хозяйства и его обобществления. В этих целях они ведут работы по поднятию и улучшению сельскохозяйственного производства, постановке опытно-показательных мероприятий и производству агрикультурных ценностей (улучшенные породы скота, сортовые семена и т. п.), а также по воздействию на сельскохозяйственное производство окружающего населения или обслуживанию специальных задач учебных и культурно-просветительных учреждений, курортов и пр. (ст. 160 Зем. код.). На обязанность соответственных земельных органов возлагается наблюдение за тем, чтобы советские хозяйства, как нахо-

¹⁾ Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР утверждено 13 апреля 1925 г. Положение о земельных распоряжках в городах (С. У. 1925 г., № 27, ст. 188).

дящиеся в их пользовании, так и переданные в пользование по договорам, входили в тесное общение с местным земледельческим населением; в этих целях с ними должна быть связана организация агрикультурных мероприятий (племенных и семенных рассадников, случных и прокатных пунктов, ремонтных сельскохозяйственных мастерских и т. п.). Указания об исследовании и земельно-хозяйственном устройстве государственных земельных имуществ, их использовании и порядке разрешения споров по связанным с этим вопросам содержатся в декрете Совета народных комиссаров от 23/VIII 1923 г. о порядке, условиях и сроках использования государственных земельных имуществ (С. У. 1923 г., № 74, ст. 716). Одним из способов проведения агрикультурных познаний и навыков в среду земледельческого населения посредством использования государственных земельных имуществ является возложение на их договорных пользователей обязательств ведения хозяйства по определенному плану. Сдача в аренду государственных земельных имуществ производится с торгов или путем соревнования, с тем, что при прочих равных условиях предпочтение отдается крестьянским и пролетарским организациям. Использование советских хозяйств, увязанных в определенную систему, самим государством выливается в организацию сельскохозяйственных трестов на местах и центрального их объединения (госсельиндикат). Государственные земельные имущества, не поступившие в надлежащем порядке в чье-либо постоянное или срочное пользование, как указано выше, считаются свободным земельным запасом. Входящие в его состав земли предназначаются: а) для наделения малоземельных и безземельных граждан землей в трудовое пользование; б) для организации новых советских хозяйств и доходных статей; в) для целей переселения и расселения; г) для сдачи концессионным порядком; д) для отвода ведомствам или учреждениям участков специального назначения; е) для извлечения доходов по билетам на право побочного пользования.

8. *Землеустройство.* Значительная часть постановлений советского земельного законодательства посвящена вопросам землеустройства, задачей которого (ст. 165 Зем. код. РСФСР) поставлено упорядочение существующих землепользований и образование новых, соответственно правам на землю и требованиям хозяйственно-технической целесообразности. В наиболее широком социально-политическом смысле слова под землеустройством понимается регулирование поземельных отношений на основах существующего земельного строя. В более тесном, хозяйственно-экономическом понимании землеустройство есть приспособление территории страны, в целях наиболее выгодного ее использования, для надобностей сельскохозяйственного производства и других потребностей. Наконец, в узкотехническом смысле землеустройство обозначает собою устранение или ослабление территориальных недостатков землепользования, затрудняющих проведение агрикультурных улучшений.

Недостатки землепользования, в особенности крестьянского, с которыми борется землеустройство, накопляясь исторически, росли качественно и количественно, и к настоящему времени не могли не получить на территории Советского Союза обширного распространения и резкого выражения. К числу главнейших из них относятся: 1) т. н. междуволостная и междуселенная чересполосность землепользования, характеризующаяся тем, что земли одной и той же волости или селения чередуются с посторонними землями, вклиниваются или вкрапливаются в них; 2) внутринадельная чересполосица, выражающаяся в наличии у каждого крестьянского двора в наделных полях множества полос, большую часть мелких и узких; 3) дальнотемелье, при котором эксплуатируемые земли отстоят чрезмерно далеко от селения, усадьбы и вообще от хозяйственного центра, из которого ведется использование земель; 4) неправильность очертаний границ землепользований (растянутость, изломанность и извилистость) и неудобство их расположения; 5) недостаток в хозяйствах некоторых необходимых для них угодий, преимущественно лугов

и пастбищ, или нерациональное их соотношение; 6) необеспеченность многих сельских поселений и отдельных хозяйств в количественном и качественном отношении водою для питья, водопоя скота и других потребностей; 7) недостаточное развитие дорожной сети, которая соединяла бы отдельные участки хозяйств между собою и с дорогами общего пользования; 8) наличие огромного количества невовлеченных в сельскохозяйственную культуру, бросовых и неудобных земель, не приносящих дохода и исчисляемых в одной лишь европейской части Союза (без архангельского Севера) общою площадью до 35 миллионов гектар; 9) резко-неравномерное распределение по территории страны трудового земледельческого населения, выражающееся в наличии явлений аграрной перенаселенности в одних районах (Центр и Запад) и пустующих земель, пригодных для освоения,—в других (Северный Кавказ, Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток); 10) невыявленность и земельно-хозяйственная неурочность государственных земельных имуществ, понижающая их доходность, а также неурочность землепользований государственных и общественных организаций, учреждений и предриятий; 11) наличие огромных, тысячедворных селений, не разбитых, для удобства пользования землями, на менее крупные поселения с наименее выгодными (т. е. оптимальными) размерами землепользования, при которых себестоимость единицы продукта являлась бы, при прочих равных условиях, наименьшей; 12) наличие многих отдельных хозяйств с нерационально устроенной полевой или усадебной территорией; 13) спорность и неопределенность земельных прав и границ, со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями; 14) отсутствие у государства точных сведений о правовом и хозяйственном состоянии всех землепользований (земельного инвентаря) и о происходящих в них с течением времени изменениях, что ведет кряду затруднений в управлении землями и в правильной организации земельного обложения (кадастр), и пр.

Все эти недочеты угнетающе действуют на сельскохозяйственное производство. Они уменьшают его продуктивность и доходность, делают невозможными или до крайности затруднительными агрикультурные улучшения, вызывают в хозяйствах огромные и непродуцируемые накладные расходы, отнимают у землепользователей стимулы к вложению в землю трудовых и капитальных затрат и служат источником огромного количества споров и тяжб. Поэтому землеустройство, направленное на борьбу с отмеченными территориальными и правовыми недостатками землепользования, путем их уничтожения или смягчения, и являющееся для этого единственным средством, приобретает в СССР значение меры первостепенной государственной важности, дающей огромный производственный эффект. Этот эффект получается даже в том случае, если хозяйство после землеустройства ведется прежними приемами. Здесь сказывается положительное влияние упорядочения территории хозяйства. Но эффект землеустройства еще в значительной мере возрастает, если совместно-землеустроительные меры соединяются с одновременным агрикультурным воздействием на устраниваемое хозяйство в сторону усовершенствования его системы и улучшения приемов, а также с проведением переселенческо-колонизационных и мелноративных мероприятий. Такое именно объединенное проведение собственно землеустройства, агрономического воздействия, колонизационных мер и мелнорации является одним из основных требований советской землеустроительной политики. В связи с общим направлением земельной политики СССР, в эволюции советского землеустройства, несмотря на краткость ее во времени, можно отметить три периода. Первый обнимает собою 1917 и 1918 гг. и характеризуется выявлением в законе и осуществлением в деятельности земельных органов начала уравнилельного распределения земель. В результате временного распределения б. нетрудовых земель крестьяне получили в свое пользование 50 млн. гектар. земель сельскохозяйственного назна-

чения (сверх безвозмездного предоставления им большого количества живого и мертвого инвентаря из б. имений и независимо от тех облегчений, которые были получены земледельческим населением от аннулирования долгов земельному банку, по внешним займам и от прекращения платежей по аренде частновладельческих земель). Вместе с тем, происходил процесс и внутреннего уравнительного перераспределения земель между разными слоями деревни, имевшими различное земельное обеспечение. Этот процесс охватил также от 50 до 60 млн. гект. земли, перешедшей из рук многоземельных групп деревни в трудовое пользование малоземельных и безземельных ее слоев.

На смену временному распределению земель явилось организованное государственное землеустройство. Наступивший второй этап советского землеустройства обнимает собою период времени с 1919 г. до 1922 г. Государство берет на себя задачу проведения на свои средства и по своему почину сплошного, обязательного землеустройства по всей территории республики, рассматриваемой как единый государственный земельный фонд. Землеустройство проводится по волостям, а внутри их—между селениями и другими сельскохозяйственными объединениями, с наделением каждого из них землей по потребительно-трудовым нормам, различным для разных районов, и с одновременным устранением внешних недостатков землепользования в виде чересполосицы, дальнотемелья, неправильности очертаний границ и проч. Попутно производится и устройство землепользований государственных и общественных организаций, учреждений и предприятий. Поглощению огромной работой генерального переустройства с.-х. территории страны, государство не ставит себе в эту эпоху задачи земельного устройства отдельных, единоличных хозяйств, крестьянских дворов. К весне 1921 г. выясняется затруднительность, при тогдашней объективной обстановке, государственного регулирования 20 млн. раздробленных крестьянских хозяйств, расположенных на террито-

рии СССР, и в связи с переходом к т. п. новой экономической политике возникает необходимость нового подхода к делу землеустройства.

Основы современного советского землеустройства. Земельный кодекс, оформляя экономику текущего периода, изменил центр тяжести и задачи землеустройства. Согласно кодексу, дальнейшее обязательное поравнение земель между волостями и селениями прекращается; за ними закрепляется то количество земли, которое находится в их фактическом закономерном пользовании, и землеустройство впредь производится для создания населения наибольших удобств в землепользовании путем устранения чересполосицы, дальнотемелья и прочих его недостатков.

В Земельном кодексе дан единый процесс для всякого рода предусмотренных им землеустроительных действий, с необходимыми административными и судебными гарантиями для того, чтобы поставленная землеустройством задача упорядочения существующих землепользований и образования новых действительно осуществлялась в соответствии с правами на землю и требованиями хозяйственно-технической целесообразности.

Производство землеустроительных действий составляет монополию государства и выполняется, под общим наблюдением, руководством и контролем Народного комиссариата земледелия, местными землеустроительными учреждениями через уполномоченных на то землемеров-землеустроителей. В землеустройстве может быть проявляема как частная, так и государственная инициатива. По почину государства землеустройство производится в случаях необходимости образования или изменения земельных фондов специального назначения, а также при признании землеустроительными учреждениями надобности в немедленном понудительном устранении в том или ином районе недостатков землепользования, особо вредных по их влиянию на хозяйство или обостряющих поземельные отношения. В этом, между прочим, сказывается право и обязанность социалистического государства актив-

но вмешиваться в регулирование земельно-хозяйственного строительства. В прочих случаях землеустроительные действия производятся по инициативе заинтересованных в них сторон, проявляемой в возбуждении ими соответствующих ходатайств перед земельными органами.

Землеустройство имеет временную и местную обусловленность. В зависимости от этого видоизменяется и характер производимых землеустроительных действий. Для текущего периода Земельный кодекс дает следующий их перечень: а) отвод земель, предоставляемых в пользование государственным организациям, учреждениям и предприятиям, городам и поселениям городского типа, объединениям трудовых земледельцев, а также, на особых условиях (аренды, концессии и проч.), иным учреждениям, обществам и лицам; б) образование земельных фондов специального назначения (переселенческого, концессионного, лугового и других) и перечисление угодий из одного фонда в другой; в) изъятие земель для государственных и общественных надобностей; г) установление городской черты; д) раздел земель, состоящих в пользовании земельных обществ; выдел земель отдельным хозяйствам (дворам) и их группам; разверстание всех или некоторых угодий земельного общества на хуторские, либо отрубные участки; раздел земель обособленных трудовых земледельческих хозяйств (дворов); е) устранение или уменьшение чересполосности отдельных землепользований, вклинивания и вкрапливания их, дальнотельности, неправильности очертаний границ и других недостатков землепользования; ж) проложение, перемещение или упразднение дорог, предоставление водопоев и перемещение землепользований в связи с производством коренных улучшений земельных угодий (мелиораций); з) планирование сельских мест поселений; и) установление и изменение границ волостей (ст. 166 Зем. код.). Если стороны ходатайствуют об исполнении землеустроительных действий, противоречащих требованиям закона (не предусмотренных перечнем), то землеустроительные

учреждения отказывают в их производстве. Однако, такой отказ может последовать не только по этим формальным соображениям, но и в случае признания землеустроительных действий, заявленных к исполнению, нецелесообразными по хозяйственно-производственным соображениям. Здесь также проявляется момент регулирующего воздействия органов земельного управления на стихию земельно-хозяйственных стремлений населения.

Действующее земельное законодательство влияет землеустроительный процесс в организованное русло определенной последовательности исполнения. Это необходимо как для достижения правильности и целесообразности последних, так и в целях обеспечения участникам землеустройства гарантий соблюдения и защиты их законных прав и интересов. Главные этапы производства землеустроительных дел таковы: а) возбуждение землеустроительного дела; б) его подготовка; в) составление землеустроительного проекта и предъявление его участникам землеустройства; г) утверждение проекта землеустройства; д) приведение его в исполнение, с укреплением на местности границ образованных землепользований межевыми знаками; е) изготовление и выдача сторонам землеустроительных документов; ж) регистрация (государственная земельная запись) образованных при землеустройстве землепользований. Землеустроительные действия производятся при участии заинтересованных сторон или их законных представителей (уполномоченных земельных обществ, поверенных отдельных землепользователей, представителей учреждений, организаций и предприятий), при чем стороны (непосредственно или в лице их представителей) извещаются о явке для участия в землеустроительных действиях настолько заблаговременно, чтобы они, по местным условиям, могли прибыть к назначенному времени в указанное место. В уважительных случаях неявки к сроку, опоздавшим предоставляется право просить о новом производстве землеустроительных действий, выполненных в их отсутствии.

В тех случаях, когда производство землеустроительных действий направлено на переустройство существующих землепользований, участники землеустройства, согласно выраженному в действующем законодательстве принципу, имеют право на получение, в результате землеустройства, земельных участков, эквивалентных по своей хозяйственной ценности тем, которые находились в их обладании в момент приступа к землеустройству (за исключением случаев уравнительного разверстания земель внутри земельных обществ). Количество земель, отводимых участникам землеустройства (размер их прав на землю) определяется в зависимости от объектов землеустройства. Так, размер новых земельных отводов государственным и общественным учреждениям, организациям и предприятиям определяется в зависимости от их действительных потребностей в земельном обеспечении. Действующая граничная черта городских поселений определяется по признакам нахождения обнимаемой ею территории к определенному сроку в ведении городского совета. Наличие земельные общества и обособленные от них трудовые земледельческие хозяйства (дворы) получают земельные отводы соразмерную количеству земли, закономерно им предоставленной в трудовое пользование. При разверстаниях, разделах и выделах земель в земельных обществах, количество земель, отводимых участникам землеустройства, определяется по числу приходящихся на их долю разверсточных единиц. Из свободного земельного фонда земля отводится переселенцам и расселенцам по особому устанавливаемым для этого нормам, а при их отсутствии — по расчету фактической возможности трудового освоения земель теми, кому они предоставляются. Наконец, при предоставлении земель учреждениям, обществам и лицам на особых основаниях (аренды, концессии и проч.), количество причитающейся им к отводу земли определяется по условиям соответствующих договоров или по указаниям относящихся к этим случаям специальных распоряжений. В виду того, что землеустройство в значительном числе слу-

час неосуществимо без перемещений земельных участков и замены одних земель другими, возникает вопрос о допустимости и условиях таких замен и перемещений. Как уже отмечено, некоторые (т. е. привилегированные) участки вообще не подлежат перемещениям и заменам без согласия их пользователей (наприм., находящиеся под хозяйственными и иными строениями, огородами, заняты садами, виноградниками и другими особенно ценными насаждениями). Передвижки и замены других, менее ценных участков, ограничены случаями особой в том необходимости (например, мелнированных участков) и допускаются под условием компенсации прежних их пользователей за вложенные и неиспользованные трудовые и капитальные затраты. В остальных случаях допускается отвод участникам землеустройства взамен земель, бывших в их пользовании, других земель из тех же или иных угодий, с принятием во внимание качества земель по их сравнительной расценке (агрономической бонитировке почв), в целях соблюдения вышеупомянутого принципа эквивалентности.

Землеустройство связано с некоторою принудительностью. Прежде всего, земельные органы, при известных условиях, в праве постановить о производстве землеустройства в обязательном порядке. Далее, в процессе самого землеустройства допускается понудительное перемещение земельных участков, поскольку без этого невозможно составить целесообразный проект переустройства данной территории. Наконец, в землеустройстве могут быть вовлечены стороны не только не ходатайствовавшие о производстве по их землям землеустроительных действий, но и прямо против этого возражающие. Именно, если земля, которую требуется устроить, связана с другими землями чересполосицей, дальнотельем и пр., то все эти земли включаются в одну, так называемую общую, дачу разверстания, и землеустройство по ним производится одновременно и совместно. Кроме того, хотя сторона, возбудившая ходатайство о производстве землеустроительных действий, и имеет право

просить о прекращении дела во всяком его положении, однако, дело должно продолжаться исполнением, если ходатайство о его прекращении будет заявлено стороною уже после утверждения проекта землеустройства, или если на таком продолжении дела будет настаивать кто-либо из прочих участников землеустройства.

После возбуждения дела о землеустройстве и принятия его землеустроительными учреждениями к производству выполняется так называемая подготовка дела. Подготовка состоит в установлении на местности состава земель, подлежащих землеустройству, в хозяйственно-техническом обследовании землеустраиваемой территории, в выяснении действительных пожеланий участников землеустройства, в установлении объема и характера их земельных прав и в составлении, на основе произведенных обследований, предварительного проекта наиболее правильного и целесообразного устройства данной местности. Составленный проект предъявляется участникам землеустройства и затем со всеми их заявлениями и жалобами (если таковые окажутся) представляется землеустроителем в соответствующее землеустроительное учреждение. Последнее, по рассмотрении предварительного проекта и разрешении связанных с ним споров и жалоб, постановляет либо о назначении дела к дальнейшему исполнению, либо о внесении в землеустроительный проект соответствующих изменений, в порядке дополнительной подготовки дела, или же о направлении дела к прекращению, в случае выяснившегося несоответствия его задачам землеустройства. Далее наступает стадия составления окончательного проекта землеустройства, с подробным и точным указанием в нем мест, размера и границ отвода земель сторонам. Окончательный проект землеустройства также предъявляется сторонам, с составлением соответствующего акта, и поступает на утверждение землеустроительного учреждения. После такого утверждения, которому предшествует разрешение не устраненных в процессе составления проекта земельных споров и притязаний, наступает

стадия исполнения проекта землеустройства, заключающегося в перенесении границ образованных землепользований с землеустроительного плана в натуру (если это не сделано ранее), с укреплением проектированных на местности границ установленными межевыми знаками. Правильно исполненные проекты землеустройства окончательно утверждаются землеустроительными учреждениями, причем в постановлениях об их окончательном утверждении (как и в самых проектах) должны содержаться относящиеся к данным делам существенные сведения (время, место и основные исполнения землеустроительных действий; род, количество и положение отведенных земель; сроки и условия вступления в пользование вновь образованными участками; полномочия и повинности участников землеустройства по пользованию предоставленными им землями; взаимные расчеты и обязательства по компенсациям и оплате расходов по землеустройству и пр.). Заключительным актом землеустройства является составление и выдача сторонам землеустроительных документов (земельных записей) на право пользования образованными в процессе землеустройства участками. Предварительно выдачи документы эти вносятся в акты государственной записи землепользований (земельной регистрации). Подлинные землеустроительные планы, акты и делопроизводства хранятся при землеустроительных учреждениях. Формы, порядок составления и выдачи землеустроительных документов определяются Народным комиссариатом земледелия в инструкционном порядке. В заключение закон указывает (ст. 193 Земельного кодекса), что всякого рода планы и другие акты землеустройства, составленные помимо землеустроительных учреждений или подлежащие ими не удостоверенные, признаются недействительными и не могут служить доказательством закономерности происходящего по ним землепользования (но могут быть используемы для извлечения из них тех или иных фактических сведений, касающихся возникновения, изменения и прекращения

ния пользования показанными в актах землями).

Таким образом, землеустройство преследует двойного рода задачи: целесообразного в хозяйственно-техническом отношении преобразования существующих или образования новых землепользований и приведения объектов землепользования в соответствие с объемом и характером субъективных земельных прав. В одних случаях землеустройство не создает новых прав, а лишь преобразует и упорядочивает их вещные основания. В других — землеустроительные действия бывают направлены на образование новых земельных прав, ранее не имевших себе конкретного выражения. Во всяком случае, преобладающее большинство землеустроительных проектов, с момента их утверждения, несет с собою серьезные изменения в области земельно-правовых отношений: видоизменение одних прав, появление других, ограничение третьих и пр. Представляя, поэтому, множество поводов для возникновения всякого рода как споров между участниками землеустройства о размере и характере прав на землю, так и притязаний к земельным органам по поводу воплощения землеустройства в том или другом проекте, землеустроительный процесс не может не протекать в известной своей части по руслу судебного разрешения притязаний и споров, возникающих при землеустройстве. Равным образом, в судебном регулировании земельных отношений встречается потребность и вне землеустройства, при разрешении конфликтов, возникающих из осуществления прав по землепользованию. Отвечая этим потребностям, советское земельное законодательство устанавливает порядок рассмотрения земельных споров (см. ниже).

Землеустроительная политика СССР, являясь ветвью общей земельной политики, обнимает собою систему мер воздействия на сельскохозяйственное производство по линии организации территории хозяйства. В эту систему мер, на ряду с оказанием населению технической, материальной и культурной помощи, входит и развитие среди

населения агитации и пропаганды по вовлечению широких крестьянских масс в дело земельно-хозяйственного строительства и пробуждению в них активности в деле перестройки своего аграрного быта. Сюда относятся кампании в прессе, книжное землеустроительное издательство, устройство чтений, бесед, курсов, выставок, музеев, созыв земельных конференций, агитационная работа изб-читален и „домов крестьянина“, проведение показательных землеустроительных работ и проч. Под влиянием этих мер и общезакономерных условий в крестьянстве наметилась широкая и устойчивая тяга к землеустройству, с явной тенденцией к прогрессивному росту, при чем уже в 1924—25 г.г. запросы на землеустройство превышали те технические ресурсы государства, какие могут быть обращены на удовлетворение землеустроительных потребностей населения, а в 1925—26 г.г. эти запросы достигли таких размеров, что земельные органы оказались в состоянии удовлетворить (в общем по РСФСР) менее 40% всего количества заявок на землеустройство.

Помимо отмеченных организационно-технических мероприятий советская землеустроительная политика, как и политика общеземельная, обнимает собою ряд мер по социально-политическому регулированию землеустройства, носящих яркую печать отличия советского аграрного строя от земельного уклада буржуазно-капиталистических государств. Основами этой политики являются: ориентировка на постепенное обобществление сельско-хозяйственного производства через промежуточные формы кооперирования, ставка на массовый его подъем и опора на беднейшие и средние слои крестьянства, с учетом происходящего в деревне расхолаживания.

В отличие от дореволюционного землеустройства, образование индивидуальных землепользований отнюдь не занимает в системе советской землеустроительной политики места положительного мероприятия, рассчитанного на массовый агрикультурный эффект. Вместе с тем, в условиях советского режима отпадает и та социально-полити-

ческая цель, которая была поставлена перед дореволюционным землеустройством и составляла предмет главнейшего его устремления, заключааясь в насаждении, всеми мерами государственного принуждения и поощрения, мелкой частной земельной собственности в качестве опоры тогдашнему строю (с.м. ХХI, *землеустройство*). В противоположность этому, образование товарищеских форм землепользования, начиная с простейших типов коллективизации труда на земле, является в системе советской землеустроительной политики предметом всяческого содействия. В этих целях принимаются меры к снабжению деревни материальными средствами для коллективизации сельскохозяйственного производства. Сюда же направляются уже отмеченные агитация и пропаганда, причем одною из мер в этом отношении является проведение показательных землеустроительных работ по образцовому устройству территории товарищеского землепользования. В целях стимулирования движения к товарищеским формам землепользования производится первоочередная и наиболее льготная выдача землеустроительных ссуд и пособий группам населения, переходящим к коллективной обработке земли, а землеустроительные работы по заявкам таких групп производятся во внеочередном порядке и по максимально пониженной таксе. При помощи землеустроительных и мелиоративных работ устраняются те территориальные препятствия, которые мешают образованию коллективных форм землепользования. В целях укрепления и дальнейшего развития образуемых товарищеских хозяйств им оказываются налоговые льготы и усиленная агрокультурная помощь. Наконец, принимаются меры к возможному упрощению формальностей и устранению организационно-технических затруднений к образованию земельных коллективов. Такова совокупность культурно-экономических и хозяйственно-технических мер воздействия на образование коллективных форм землепользования. Первоначально эти мероприятия были не чужды методов приказов и запретов,

но с течением времени последние изживались и, наконец, уступили место твердой директиве земельным органам о том, чтобы воздействие на население в области земельно-хозяйственного строительства ни в каком случае не приобретало характера административного принуждения. В результате поощрительной политики в этом направлении и под воздействием общих экономических условий к настоящему времени (1926 г.) имеется до 20 тыс. вполне землеустроенных коллективов с общей площадью землепользования в 2½ млн. гектар. При этом, имеются местности, где образование товарищеских форм землепользования прогрессивно растет, приобретает массовый характер. Так, еще в 1923—24 годах в районах Среднего Поволжья отвод земель для товарищеской обработки обнимал собою около 10% общей землеустраиваемой площади, при полном почти отсутствии заявок населения на образование хуторских и отрубных форм землепользования. Однако, в общем, объективная обстановка текущего переходного периода не создаст еще достаточных предпосылок для быстрого и повсеместного развития коллективизма в землепользовании. Необходимых для этого средств производства и известной высоты культурного уровня земледельческих масс еще не имеется в наличности. Поскольку это так, постольку землеустроительная политика выдвигает на очередь меры к такому устройству единоличных землепользований (общинных, отрубных и хуторских), которые, уничтожая недостатки их территориального расположения, наиболее облегчали бы кооперирование землепользования при наступлении благоприятных для того условий.

Здесь, прежде всего, выявляется районный характер землеустройства, и оно ставит себе ближайшей целью уничтожение недостатков землепользования, составляющих отличительную особенность данного района. Затем, поскольку землеустройство преследует задачу организации территории, составляющую часть общей задачи организации хозяйства, постольку оно теснейшим образом увязывается с агро-

экономическими заданиями по проведению в районах определенных организационно-производственных типов хозяйства. Так, в Северо-Восточных и Восточных районах Советского Союза посредством землеустройства в первую очередь подлежит уничтожению исторически сложившаяся здесь между-волостная и междуселенная чересполосица, и земли с.-х. объединений, по возможности, сводятся к одним местам. В районах Юга и Юго-Востока первоочередной задачей землеустройства является уничтожение существующего здесь дальнеземелья, путем расселения крупных многодворных селений на выселки и поселки с наиболее оптимальными размерами землепользования, в связи с производством необходимых для этого мелиоративных работ и с организацией материального содействия к переносу построек. В местностях с развитым общинным, уравнильно-передельным землепользованием, землеустройство направляется также на разбивку крупных селений на более мелкие поселки, а внутри землепользования последних — на организацию широкополосицы и многопольных севооборотов. Наконец, по отношению к районам Северо-Западному, Западному и отчасти Центрально-Промышленному, где имеют развитие хуторские и отрубные формы землепользования, практическая политика землеустройства имеет перед собою две задачи. Одна из них сводится здесь к мобилизации культурно-экономических и хозяйственно-технических мер с целью создания противовеса стремлениям населения к названным единоличным формам и к ограничению этим путем хуторского расселения только рамками природной обусловленности и экономической целесообразности. Другая задача сводится к возможному смягчению отрицательных сторон этих форм землепользования, когда переход к ним населения не может быть предотвращен. Здесь руководящим началом является соображение о том, что, при прочих равных условиях, совместное проживание земледельцев в общем поселении создает более удобную почву для кооперирования и других обществен-

ных начинаний, в частности — для электрификации и механизации с.-х. производства, чем размещение землепользователей в одиночку на хуторах: В соответствии с этим, по отношению к описываемому району намечается следующая система мероприятий 1) образование отрубных поселков с наиболее выгодными размерами землепользования; 2) расположение хуторов гнездами; 3) применение технических способов такого планирования полевых частей хуторов и отрубов, при котором был бы наиболее облегчен переход к их коллективной обработке; 4) ограничение отводов под хутора таких земель, которые являются наиболее подходящими для образования поселков; 5) содействие объединению хуторских и отрубных хозяйств в земельные общества, в уставах которых была бы предусмотрена возможность изменения формы землепользования в сторону его кооперирования, и пр.

Далее землеустройство имеет не только хозяйственно-техническое, но и социально-политическое значение, являясь регулированием поземельных отношений различных социальных группировок деревни. Этим предопределяется проведение в землеустройстве классовой линии и классовый подход к разрешению землеустроительных дел и вопросов. Отсюда вытекает положение советской землеустроительной политики о том, что центром внимания во всех землеустроительных мероприятиях должны являться интересы бедных и средних слоев деревни и что выявление и защита их вменяются в особую обязанность как административных и судебных органов землеустройства, так и отдельных земельных работников. При этом, из состава указанных социальных групп не исключаются крепкие, зажиточные трудовые хозяйства. Напротив того, земельно-хозяйственная политика ставит себе задачей подтягивание к их уровню хозяйств малоимущих и упадочных. Но столь же решительно этой группе противопоставляются хозяйства т. н. „кулацкого“ типа, характеризующиеся ростовщическо-эксплуататорским отношением к окружающей среде по линиям закабаления ее денежными и ма-

териальными займами, торговлей и пр. на заведомо разорительных условиях уплаты или отработки. Выявление подлинных бедняцких и середняцких слоев деревни, в целях активной защиты их законных прав и интересов и отделения их от кулацко-эксплуаторских верхушек, земельные органы обязываются вести в теснейшей увязке своей работы с низовыми советскими и общественными организациями. В первую очередь сюда относятся крестьянские комитеты взаимопомощи, сельские советы и волостные исполнительные комитеты. Обязательной является и опора на активные силы деревни в лице партийцев, комсомольцев, отпусников, рабочих, на крестьянскую молодежь и, вообще, на возможно широкий актив деревни, образование которого стоит в числе первоочередных задач современного социально-политического строительства.

В качестве важной работы в направлении классового подхода к вопросам земельно-хозяйственного строительства ставится широкое доведение до сведения заинтересованных слоев деревни, а также фактическая реализация для них тех льгот, которые оказывает им в этом отношении советская власть. Сюда относятся льготы по ссудному кредитованию землеустройства, внеочередному его исполнению, скидки землеустроенным маломощным и коллективным хозяйствам с сельскохозяйственного налога, предоставление им семенных и племенных ссуд, льготный отпуск леса и др. Меры эти диктуются тем, что при недостаточно внимательном и активном отношении к данному вопросу, льготы не всегда доходят по своему прямому назначению и нередко перехватываются верхними слоями деревни, спекулирующими на забитость бедноты, ее темноту и неосведомленность. Однако, политика льгот чужда чисто благотворительного характера и является не чем иным, как средством усиления агрикультурного воздействия государства на перестройку с.-х. производства в направлении его обобществления, начиная хотя бы с простейших переходных типов кооперирования труда на земле. Недостаточно быть только бедняком, чтобы по-

лучить упомянутые льготы. Для этого нужно, в связи с землеустройством, определено стать на путь агрикультурных улучшений, при чем в первую очередь льготное содействие оказывается тем, кто соединяет проведение улучшений в системе и приемах хозяйства с переходом к товарищеским формам землепользования.

Следующим важным требованием классовой землеустроительной политики является наблюдение за тем, чтобы стремления сильных групп деревни к захвату земель лучшего качества и в преувеличенном количестве, в целях закрепления на этой почве своего социально-экономического влияния, были парализованы. В этих целях, а также для облегчения скорейшего подъема бедных и средних хозяйств, земля, более удобно и близко расположенная к селению, а также более легкая для обработки и лучше обеспеченная необходимыми угодьями, водой и дорогами, как правило, при всякого рода разверстаниях и выделах отводится преимущественно менее обеспеченным слоям деревни. Что же касается мер против количественного захвата земель, то они, помимо запрета купли-продажи, залога, дарения и завещания земли, заключаются еще в том, что при переделах земель в общинах и при разверстаниях их в обществах с участково-чересполосным порядком землепользования каждый двор получает землю не по фактическому пользованию (порою весьма значительному, как сложившемуся из надельных и бывш. купчих земель), а по уравнилельной разверсточной единице (едокам или работникам). Этим советский земельный режим существенно отличается от режима дореволюционного, с его свободной мобилизацией земель и возможностью для членов земельного общества укреплять за собою и выделять из общества в личную собственность землю в размерах фактического пользования ею к моменту укрепления и выдела. Наконец, задачи регулирования землеустройства вызывают необходимость систематического порайонного изучения совершающихся в деревне процессов земельно-хозяйственного строительства. С этой целью в про-

граммы изучения деревни включаются специальные вопросы учета социально-экономических итогов и перспектив землеустройства, а также объема и характера участия в нем различных социальных группировок деревни. Такое изучение обеспечивает дальнейшему регулированию землеустройства со стороны государства необходимую целесообразность.

Итоги землеустройства. Как уже отмечено, в первые годы революции была подвергнута распределению среди трудового земледельческого населения площадь сельско-хозяйственных земель бывшего нетрудового владения (помещиков, казны, уделов, церкви, монастырей и др.), достигавшая 50 млн. гект. Наряду с тем, протекал процесс внутреннего перераспределения земель между многоземельными и малоземельными слоями деревни, охвативший, примерно, такую же площадь (50—60 млн. гект). Помимо социально-политического значения этих процессов, их внешние итоги сказались в двух направлениях: 1) произошла инвентаризация земельного обеспечения крестьянских дворов, и 2) в трудовое крестьянское землепользование поступило до 97% всей сельскохозяйственной площади страны, с сохранением остальных 3% под землепользованиями государственных и общественных учреждений, организаций и предприятий. Последующие мероприятия по Положению о социалистическом землеустройстве 1919 г. и Земельному кодексу 1922 г. носили характер уже организованного государства. землеустройства и к 1926/7 г. охватили площ. до 125 млн. гект. из общего пространства с.-х. территории (РСФСР) в 225 млн. гект. Указанная площадь в 125 млн. гект. складается из землеустроительных работ различных категорий. Сюда входят, прежде всего, т. н. групповые работы, состоящие в уничтожении междовлостной и междуселенной чересполосности, с отводом земель селениям, частям их, поселкам, выселкам, с.-х. коллективам и другим объединениям. Второе слагающее составляют работы по устройству единоличных хозяйств, включая сюда образование хуторов, отрубов и широких полос для крестьян-

ских дворов в общинах. Затем идут работы по отводу земель различным государственным и общественным организациям, учреждениям и предприятиям: городам, советским хозяйствам, железным дорогам, под горные разработки, фабрикам, заводам, школам, курортам, больницам и проч. Наконец, в приведенный общий итог входят и работы по производству земельной регистрации (государственной записи землепользования), имеющей целью фиксирование границ землепользований, не требующих землеустройства, а также собиране и хранение, в систематизированном виде, достоверных и современных сведений о правовом и хозяйственном состоянии всех землепользований в республике. Но если из всей этой массы работ выделить собственно землеустроительные действия, направленные на ликвидацию территориальных и правовых недочетов землепользования между селениями и внутри их, т.-е. действия, являющиеся необходимой предпосылкой для проведения на трудовых землях агрикультурных улучшений, то окажется, что на 1/X 1926 г. названные действия охватили: по междуселенному землеустройству—80 млн. гект., или до 36% общей сельскохозяйственной территории РСФСР, и по землеустройству внутриселенному—13½ млн. гектар, или 6% названной территории. В таких же, примерно, процентных отношениях устроенных площадей выражается землеустройство и по всему СССР.

Таковы внешние итоги советского землеустройства, указывающие, что СССР стоит еще в начале пути земельно-хозяйственного строительства. Что же касается экономического эффекта землеустройства и оценки его качественной стороны, в смысле повышения производительности труда на устроенной земле и доходности хозяйства, то подвести итоги точного учета этого влияния землеустройства еще не представляется возможным. Этому препятствуют как недостаточная еще разработанность самой методики такого учета, так и сравнительно небольшая продолжительность времени, протекшего со времени исполнения тех или иных

землеустроительных действий, — тем более, что и самое землеустройство производилось в постоянно меняющейся экономической обстановке и при общем упадке сельского хозяйства и индустрии, в связи с военными и революционными событиями. Однако, отдельные статистико-экономические наблюдения и подсчеты, подтверждаемые и прежним обширным опытом землеустройства, показывают, что агрикультурное влияние его очень велико. Уже одно резкое понижение непроизводительных расходов на внутривладельческий транспорт и улучшение внешних условий приложения труда к земле, достигаемое уничтожением дальнотерритории и чересполосности, дает несомненный и при том весьма значительный эффект в смысле повышения доходности хозяйства и вовлечения земли в более производительное использование. Этот эффект еще возрастает в результате соединения с землеустройством урегулирования дорожной сети, улучшения условий водоснабжения, устранения нерационального соотношения между входящими в хозяйство угодьями и пр. Оказывает свое влияние и связанная с проведением землеустройства ликвидация спорности и неопределенности земельных прав и границ. С улучшением внешних условий землепользования облегчается хозяйственная инициатива населения. При прочих равных условиях, на устроенных землепользованиях, по сравнению с неустроенными, заметно повышается площадь посевов, улучшается уход за землей, расширяются ценные культуры, увеличивается количество скота, инвентаря и построек, сокращается площадь некультурных земель, развивается кооперирование и проводятся массовые агрикультурные улучшения. Это последнее

обстоятельство должно быть особо отмечено, как оправдывающее общую ставку советской аграрной политики именно на массовый подъем и улучшение крестьянского хозяйства. В частности, наблюдается не мало случаев, когда, вслед за землеустройством, подвигнутые ему селения, а иногда и целые районы, обнимающие собою совокупность селений или даже волости, полностью совершают массовый перевод всех своих хозяйств на многопольные севообороты. Разумеется, было бы неправильно приписывать осуществление этих агрикультурных сдвигов изолированному влиянию одного землеустройства. Здесь в сильной степени сказывается воздействие как стихийных факторов с.-х. развития (рынок, плотность населения и пр.), так и регулирующее влияние всей системы мероприятий, обнимаемых понятием аграрной политики. Однако, и крупная роль землеустройства, как регулятора поземельных отношений и необходимой предпосылки для самой возможности проведения агрикультурных улучшений, представляется совершенно несомненной, и на него приходится не малая доля участия в достижении общего производственного эффекта.

Нижеследующие цифровые данные могут иллюстрировать производственные достижения землеустройства, получаемые только от приближения полей к хозяйственным центрам (селениям), из которых они эксплуатируются. Цифры эти взяты для типичной по дальнотерритории и многодворности селений Самарской губернии и выведены из местных статистико-экономических наблюдений, охвативших 329 селений, из которых произведены земельные выделы, и 32.267 землеустроительных хозяйств.

И. До землеустройства.

Количество селений со средним расстоянием до наиболее отдаленного полевых участка:

до 3 верст.	от 3 до 5 в.	от 5 до 7 в.	от 7 до 10 в.	от 10 до 15 в.	более 15 в.	В с е г о
39	38	43	100	62	47	329
в%, 11.9	11.6	13.1	30.4	18.8	14.2	100

II. После землеустройства.

Выделено поселков.	Количество поселков со средним расстоянием до дальнего поля:			
	до 2 верст.	от 2 до 3 в.	от 3 до 5 в.	более 5 в.
333	116	111	64	32
в % 100	37.9	33.3	19.2	9.6

Из сопоставления приведенных таблиц видно, что если до землеустройства число сел.-хоз. объединений с расстоянием до дальнего поля менее 5 верст составляло только 23,5%, то после землеустройства такие объединения составляют уже 90,4%. Более детальный анализ показывает, что, в среднем, приближение к земле выражается для поселков, образованных посредством переселения, в 2,0 версты после землеустройства вместо 9,3 версты до него, для частей же селений, оставшихся на месте,—4,0 версты вместо 7,9 в. Так. обр., в общем, в результате землеустройства расстояния полей от усадеб сокращаются в 3,6 раза.

В какой мере сокращение внутрихозяйственного транспорта отражается на рабочем времени одного землеустроеного хозяйства, можно видеть

из помещ. ниже табл., иллюстрирующей расход времени по отдельным стадиям с.-х. работ при средн. расстоянии от усадьбы до середины поля в 4,3 вер. до землеустройства и 1,2 вер. после землеустройства. При этом, по данным обследования, среднее количество пахотных угодий на одно хозяйство составляет 12,3 дес., из которых, при трехпольном севообороте, под посевом должно находиться 8,2 дес. Для простоты расчета принимается, что засеваются только зерновые культуры с местной средней урожайностью в 30 пуд. с десятины. Рабочее время исчислено в переводе на однородную рабочую единицу (1 рабочий день мужчины=1 рабочему дню лошади и 1 рабочий день женщины=0,6 рабочего дня мужчины). Продолжительность рабочего дня принята в 12 часов.

Вид работ	Производительность в 1 час	При расстоянии усадьбы до серед. поля в 4,3 в. до землеустройства.				При расстоянии усадьбы до серед. поля в 1,2 в. после землеустройства.				Экономия времени в человеко-днях.
		Ежедневная затрата времени в час.		Производительность рабочего дня.	На 8,2 посева затрачивается всего человеко-дней.	Ежедневная затрата времени в час.		Производительность рабочего дня.	На 8,2 д. посева затрачивается всего человеко-дней.	
		На производит. работу.	На проезд из расч. 4 вер. в час.			На производит. работу.	На проезд из расч. по 4 в. в час.			
Вспашка	0,028 дес.	10	2	0,28 дес.	44,0	11,5	0,5	0,32 дес.	33,4	5,6
Бороновка и сев	0,042 дес.	10	2	0,42 дес.	29,4	11,5	0,5	0,48 дес.	25,6	3,8
Косьба хлеба	0,07 дес.	10	2	0,70 дес.	11,8	11,5	0,5	0,80 дес.	10,2	1,6
Вязка снопов	0,033 дес.	10	2	0,33 дес.	14,8	11,5	0,5	0,38 дес.	13,0	1,8
Возка снопов (900 п. массы)	—	—	—	4 оборота 80 п.	11,2	—	—	12 обор. 240 п.	3,6	7,6
Всего	—	—	—	—	111,2	—	—	—	90,8	20,4

Таким образом, одно только сокращение перевозок даст землеустроенному хозяйству, по сравнению с неустроенным, в период сел.-хоз. работ 20,4 дня экономии. Используя это время на с.-х. работы, т.-е. расходуя времени столько же, сколько расходовалось и до землеустройства, хозяйство в состоянии увеличить площадь засева на 1,8 дес. и довести его с 8,2 до 10 дес. При среднем урожае в 30 пуд. с десятины это может дать увеличение продукции на 54 пуда на одно хозяйство, а на все землеустроенные (до 1 окт. 1924 г.) в Самарской губернии 32.267 хозяйств с выделом из общины на поселки—1.742.418 пуд. Таков возможный производственный эффект в результате уничтожения землеустройством лишь одного из многочисл. недостатков крестьянского землепользования, именно—дальноземелья.

Ближайшие перспективы в области землеустройства обуславливаются, с одной стороны, наличием положением дела и, с другой,—задачами, которые в этой области ставятся, и средствами, которыми возможно располагать для их осуществления. В свою очередь, землеустройство не может рассматриваться в качестве изолированной меры и должно быть всесторонне увязано со всеми теми мероприятиями, в общую систему которых оно входит. При таком плановом подходе к землеустройству надо, прежде всего, учитывать весьма незначительный еще процент устроенности с.-х. территории СССР, из огромной площади которой охвачено внутрихозяйственным, т.-е. самым важным и нужным, землеустройством всего лишь 6 $\frac{1}{2}$ %. Отсюда первоочередная задача плана—всемерное развитие и ускорение землеустройства. При этом, в плане регулирования землеустройства остаются задачи сохранения наибольшей доступности его менее обеспеченным слоям деревни, классовый к нему подход и преимущественное содействие образованию форм землепользования, наиболее облегчающих его кооперирование. По линии увязки землеустроительных мероприятий с другими мерами воздействия на с.-х. производство необходимо иметь в виду, что землеустройство, преследуя спе-

циальные цели организации территории, является в этом отношении частью общей задачи организации хозяйства. Поскольку последнему в различных районах ставятся разные задачи, обуславливаемые всею суммой местных особенностей, постольку и землеустройство своими типами и формами приспособляется к хозяйственным организационно-производственным заданиям по отдельным районам. Вместе с тем, оно увязывается с агрономическими, мелиоративными и переселенческо-колониационными мероприятиями, в целях получения совокупным их действием наибольшего производственного эффекта. Эта увязка предусматривается в перспективных планах деятельности Народного комиссариата земледелия, утверждаемых высшими плановыми органами республики. Что касается ресурсов, то здесь имеется, во-первых, наличие кадров землеустроителей в СССР численностью в 8.500 техников, с перспективою увеличения их состава в течение ближайшего пятилетия до 10.000 чел. С другой стороны, на работу этого состава имеется все растущий спрос населения и готовность его оплачивать землеустройство из собств. средств. На помощь платежеспособности населения приходится осудно-кредит. финансирование землеустройства, также предусматриваемое в перспективном плане, с расчетом на постепенное расширение отпуска землеустроит. кредита, а также отпуск государственных средств на устройство беднейшего населения. Для оплаты землеустроительных работ, исполняющихся на государственных землях, равным образом предусматривается и обеспечивается отпуск необходимых сумм по госуцдарств. бюджету. Эти последние работы касаются землеустройства госуд. земельных имуществ и переселенческо-колониационного фонда, при чем завершение их, на общей площади до 15 млн. гектар (РСФСР), рассчитано на ближайшее пятилетие.

Исходя из описанной наличности ресурсов и нормальных условий развития страны, возможно предполагать, что, примерно, в течение ближайших полутора десятилетий потреб-

ности основного землеустройства с.х. территории будут удовлетворены, и в дальнейшем перед землеустройством будут стоять задачи текущего приспособления территории к наиболее выгоднейшему ее использованию в изменяющихся условиях сел.-хоз. производства.

9. *Рассмотрение земельных споров.* Специфичность природы земельных дел обусловила собою необходимость и целесообразность организации особых земельных судов, отдельных от общей судебной системы. В первые годы революции земельно-судебная юрисдикция принадлежала административным органам (коллегиям земельных управлений), но и тогда, в качестве процессуального руководства, им был предложен порядок рассмотрения дел в общих (народных) судах. С течением времени земельные суды получили специальное, отдельное от земельно-административных органов устройство, и законом 22 мая 1922 года были определены их состав, предметы ведомства и порядок деятельности. Затем, законом 1 декабря 1924 года в организацию земельного суда были внесены некоторые изменения, направленные в сторону ускорения и упорядочения рассмотрения земельных споров, и дополнительными узаконениями видоизменена структура и детализированы функции высшего контроля по земельным спорам. В настоящее время (1926) земельно-судебная система представляется в следующем виде.

Для разрешения споров по земельным делам учреждены (в РСФСР, с некоторыми видоизменениями для автономных и союзных республик) земельные комиссии (волостные, уездные и губернские), при чем дела в них рассматриваются в порядке состязательного процесса. Ведению земельных комиссий подлежат все спорные дела, возникающие при землеустройстве, так же как и все споры о правах на землепользование. В местностях бывшего Туркестана, где вопросы водного обеспечения играют решающую роль в хозяйстве, действуют земельно-водные комиссии, которым на ряду с земельными спорами подведомственны притязания по вопросам водо-

устройства и водопользования. Вышеупомянутым законом 1 декабря 1924 г. (постановление ВЦИК и СНК РСФСР, опубликованное 11 декабря 1924 года) к ведению земельных комиссий отнесено утверждение всех без изъятия (как спорных, так и бесспорных) проектов землеустройства, тогда как ранее утверждение таких проектов (после разрешения связанных с ними споров) лежало на обязанности административных земельных органов (так назыв. землеустроительных совещаний, образуемых в составе земельных управлений). Такое изменение подведомственности вопросов об утверждении землеустроительных проектов находит себе объяснение в важности момента утверждения проектов землеустройства как правообразующего и правопреобразующего акта.

В системе земельных судов (как и судов общих) соблюдено начало двух инстанций. Первой инстанцией, разрешающей дела по существу, является волостная земельная комиссия для споров по землепользованию (кроме таких, в которых в качестве стороны участвуют государственные или общественные учреждения) и уездная комиссия для споров, возникающих в связи с землеустройством. Второй, кассационной инстанцией служит губернская землеустроительная комиссия, куда могут быть обжалованы решения первой инстанции, в случае недовольства ими, в двухнедельный срок после объявления решения в окончательной форме. Порядок рассмотрения дел в земельных комиссиях, отвод их членов, представительство сторон, вызов свидетелей и сведущих лиц, их вознаграждение, последствия неявки и проч. определяются соответствующими правилами, установленными для рассмотрения дел в народных судах. Высший контроль по спорным земельным делам осуществляется Народным комиссариатом земледелия и Народным комиссариатом юстиции в особой коллегии высшего контроля по земельным спорам, состоящей при Наркомземе. Уездные и губернские земельные комиссии (или соответствующие им, при ином административном делении, окружные, областные

или краевые) состоят при местных земельных органах, чем обеспечивается проведение единой земельной политики как в административной, так и в судебной области земельного управления. Земельные комиссии заседают в трехчленном составе: председателя и двух членов. Председатели земельных комиссий избираются соответствующими исполнительными комитетами (для волостных комиссий—из числа членов волысполкома). Членами комиссий являются: в волостях—избираемые на волостных съездах советов; в районных земельных комиссиях один из членов избирается районным съездом советов и другой назначается окружным земельным управлением из числа землеустроителей; в уездных (окружных) и губернских (областных, краевых) земельных комиссиях членами являются заведывающие соответственными отделами землеустройства и народные судьи, назначаемые губернскими или областными (краевыми) судами. В особой коллегии высшего контроля по земельным спорам председатель и члены ее (частью по представлению Наркомзема, частью—Наркомюста) утверждаются президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Включение в состав уездных и губернских земельных комиссий избираемых исполкомами председателей, народных судей, и заведующих отделами землеустройства имеет целью обеспечить правильное политическое руководство деятельностью земельного суда, увязать их с системой общих судов и гарантировать как юридическую правильность, так и хозяйственно-техническую целесообразность выносимых судом решений и определений. Выборные члены земельных комиссий избираются на один год (с правом переизбрания и возможностью досрочного отзыва), при чем при отправлении судебных обязанностей все члены земельных комиссий пользуются правами народных судей. Подробные правила и инструкции по применению узаконений, относящихся к устройству, составу, предметам ведомства и порядку деятельности земельно-судебных учреждений, издаются по соглашению На-

родных комиссарриатов земледелия и юстиции.

10. *Государственная запись землепользований (земельная регистрация).* В целях рационального управления земельным фондом, правильного исчисления и справедливого распределения земельно-налоговых повинностей и проч. государству необходимо иметь сведения о состоянии его территории. Вместе с тем, регистрация земель, протекающая в порядке определенного процесса, служит к ограждению законных прав и интересов землепользователей. История поземельных отношений знает многочисленные примеры более или менее широкого проведения земельной регистрации. Так, в России, еще в период татарского владычества, производились земельные переписи в целях обложения покоренных княжеств данью и распределения ее между плательщиками. В эпоху поместной системы описание, измерение и межевание земель вызывалось потребностями их учета для наделения землями за службу и установления правильного соотношения между земельным наделом и объемом служебных прав и повинностей. Одной из задач так назыв. генерального межевания (вторая половина XVIII и первая XIX столетий) было поставлено определение количества и состояния как вообще всех земель в государстве, так и, в частности, принадлежавших казне. Земства производили земельные переписи в целях уравнительной раскладки земельных сборов и организации продовольственной помощи населению. В Западной Европе, для целей налогового-финансовых и внесения определенности в земельный оборот, приняты более или менее сложные системы земельной регистрации, кадастра и ипотечных книг. Тем более необходима земельная регистрация государству—собственнику земель, каким является Советский Союз. Поэтому составление земельного инвентаря республике ставилось одной из задач земельного управления с первых лет революции.

Земельный кодекс посвящает этой отрасли особый раздел, открывающийся статьей 194-ой, в которой указано, что государственная запись землеполь-

зований (земельная регистрация) имеет задачей, в интересах общегосударственного управления землями, а также для надобностей различных отраслей народного хозяйства и ограждения прав и интересов землепользователей, собирать и хранить в наглядном и систематическом виде верные и современные сведения о правовом и хозяйственном положении всех землепользований. Регистрации подлежат все отдельные участки обособленного пользования, при чем по каждому из них в актах регистрации означаются сведения: а) о местоположении и названии участка и количестве земли в нем всей вообще и по отдельным угодьям, а также о важнейших постройках и хозяйственных обзаведениях; б) о наименованиях землепользователей и об основаниях, по которым им предоставлены участки; в) об особых полномочиях и повинностях, связанных с использованием участка; г) другие сведения, включение которых будет предусмотрено последующими распоряжениями. Государственная запись землепользований ведется по каждой волости (или соответствующему ей административно-территориальному подразделению) отдельно, при чем основными актами регистрации являются: общая волостная карта землепользований, общий волостной реестр их (список), карты отдельных селений, реестры их усадебных участков и реестр (алфавитный список) земельных обществ волости. Земельная регистрация разделяется на основную и текущую. Основная регистрация заключается в первоначальном заполнении карт и реестров требующимися сведениями, текущая же имеет целью своевременное занесение в акты регистрации тех изменений в правовом, хозяйственном и природном состоянии зарегистрированных земельных участков, которые происходят с течением времени.

Государственная запись землепользований или происходит в связи с землеустройством, являясь в таком случае завершительным его актом, или может производиться самостоятельно, пося либо сплошной характер по целой волости, либо выборочный, когда регистрации подвергаются отдельные

участки по ходатайствам о том их землепользователей. Регистрация землепользований, не требующих землеустройства (в виду удовлетворительности их территориального расположения) соединяется с определением их размера, состава и границ и укреплением последних, в случае надобности, межевыми знаками. Таким образом, в случае этого рода земельная регистрация осуществляет функции прежнего института межевания.

Производство земельной регистрации возложено на сельские советы (в отношении дворохозяйств и происходящих в их персональном и земельном составе изменений), на волостные исполнительные комитеты (в отношении земельных обществ) и на местные органы Народного комиссариата земледелия. Кроме внесения в акты регистрации перечисленных выше основных сведений, обязательной отметке в них по каждому землепользованию подлежат еще постановления о производстве землеустройства и утверждении землеустроительных проектов; о трудовых заимках земли; о прекращении прав на землю, предоставленную в трудовое пользование; об изменениях в составе земель обществ и дворов; об избрании и изменении порядков землепользования; о разделах дворов; о сдаче и снятии земель в трудовую аренду; о возникновении и разрешении земельных споров; об обременениях, возникающих из предоставления землепользователям ссуд, а также из сервитутных отношений, и пр. Легко видеть, что заключая указанные сведения, земельная регистрация обрисовывает ход и результаты земельно-хозяйственной эволюции в охватываемых ею районах и поэтому является превосходным подспорьем при разрешении вопросов о плановом регулировании сельскохозяйственного производства.

Публично-правовой характер государственной записи землепользований проявляется в обязанности подчинения ей, а также представления землепользователями при ее производстве, под угрозой штрафа, всех имеющихся у них документов и сведений по регистрируемому земельным участкам. Вме-

сте с тем закон присваивает значение достоверности сведениям, содержащимся в актах регистрации и в выдаваемых из них выписях, пока противное не будет доказано в порядке рассмотрения земельных споров, а на органы земельной регистрации возлагает ответственность за правильность упомянутых сведений. Наконец, закон (ст. 201 Земельного кодекса РСФСР) предусматривает образование при органах земельной регистрации объединенных земельных архивов, в которых сосредоточивается хранение передаваемых из всех учреждений как ранее оконченных земельных дел, актов и планов, так и новых дел земельных учреждений, по мере их окончания. Подробности организации и исполнения земельной регистрации устанавливаются административными распоряжениями Народного комиссариата земледелия, при чем по РСФСР обширная и детальная инструкция по производству государственной записи землепользований издана 27 июля 1923 года.

11. *Переселение и расселение* (ср. XXI, 506/48 и прилож.). Под влиянием исторических причин, на территории ССР создалась крайняя неравномерность распределения трудовых сил и средств производства по сельскохозяйственной площади страны, выражающаяся в наличии аграрного перенаселения в одних районах и пустующих земель, пригодных для освоения,—в других. Вместе с тем, и в обжитых районах (местности с недостаточным водным обеспечением) наблюдается такое расположение землепользований, при котором эксплуатируемые земельные площади расположены в недопустимом (по хозяйственным соображениям) отдалении от центров (поселений), из которых производится их использование. По отношению к этой совокупности явлений возникает необходимость регулирующего воздействия, направленного, с одной стороны, на разгрузку избыточного населения в переуплотненных местностях и вовлечение в хозяйственный оборот не приносящих дохода, пустующих земель путем их заселения, и с другой—на такую реорганизацию территории (землеустройство), при ко-

торой хозяйственные центры были бы расположены в необходимой близости к эксплуатируемым из них земельным площадям. Эта отрасль регулирования земельно-хозяйственных отношений и обнимается совокупностью мероприятий по переселению и расселению, различающихся между собою, главным образом, тем, что переселение соединяется с перенесением хозяйственной деятельности населения на значительно удаленные территории, порою существенно иными природными, экономическими, бытовыми и организационно-производственными условиями, тогда как расселение ограничивается перегруппировкой землепользователей в обитаемом ими (или близком к нему) районе, с целью преодоления отрицательного влияния дальнотельности, и осуществляется в порядке местного землеустройства (раздел земель крупных селений на части, с образованием для пользования ими меньших по размерам земельных обществ; отвод и выдел земель группам дворов с образованием из них поселков и выселков; сведение к одним местам и округление границ землепользований незначительных по размеру селений, и т. п.).

Правовое регулирование переселения выражается, прежде всего, в том, что открытие и прекращение переселения в те или иные местности производится по постановлениям Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Здесь имеются в виду местности, входящие в состав территории РСФСР. Для данного момента (1926 г.) в качестве районов для переселения в них объявлены открытыми Северный Кавказ, Поволжье, Уральская область, Сибирь и Дальний Восток; местами же выхода переселенцев являются по преимуществу губернии центр.-земледельческого, центр.-промышленного, северо-западного и зап. районов. Однако, поскольку хозяйственная неравномерность распределения земледельческого населения проявляется на территории всего Советского Союза, постольку встречается потребность не только во внутреспубликанском, но и в междуреспубликанском переселении. Для удовлетво-

рения потребности в планировании, согласовании и контроле дела переселения во всесоюзном масштабе, в системе советских учреждений существует Всесоюзный Переселенческий Комитет при ЦИК СССР. Однако, по крайней мере, на ближайшие годы, в качестве „колонии“ должны будут остаться поименованные выше районы великороссийской части РСФСР, разве лишь с некоторым расширением переселенческого фонда за счет свободных излишков земель на территориях некоторых автономных республик, но не прежде, чем по завершении в них достаточного наделения землей и землеустройства туземного населения.

Следующей правовой основой переселения является провозглашенная в Земельном кодексе свобода и добровольность в его осуществлении. Лишь в исключительных случаях губернским исполнительным комитетам, по представлениям губернских земельных управлений, утвержденным Народным комиссариатом земледелия, предоставляется право объявлять принудительное переселение, но и то лишь при том условии, когда на расходы по переселению и земельно-хозяйственному устройству переселенцев будут отпущены общегосударственные или местные средства. Переселенцам, следующим с соответствующего разрешения и в установленном порядке (т. н. плановым переселенцам), закон предоставляет ряд льгот, имеющих в виду облегчить возможно быстрое и прочное обзаведение хозяйствами на новых местах. К числу этих льгот относятся: удешевленная перевозка переселенцев и их клади по путям сообщения; освобождение на первые годы по переселении от уплаты сельскохозяйственного налога, отсрочка призыва к исполнению воинской повинности, предоставление льготных денежных и материальных ссуд и пособий на хозяйственное устройство; сохранение за переселяющимися права в течение известного числа лет (2—3 года) на продолжение использования земель в местах выхода трудом остающейся части семьи или путем сдачи в аренду, и пр. Что касается расселенцев, то тем из них, которые попадают в сравнительно трудные условия организации хозяй-

ства на новом месте (необходимость поднятия целинных земель, раскорчевок, несения значительных расходов на перенос построек, устройства водоснабжения и т. п.), также оказываются некоторые льготы по аналогии с предоставляемыми в большем размере переселенцам. Следует отметить, что в Земельном кодексе содержатся лишь самые общие, суммарные постановления по регулированию переселения. Все же детали, касающиеся порядка выявления, обследования и подготовки земельных фондов для переселения, осмотра их ходами и зачисления, организации выхода переселенцев, их массового передвижения, водворения и хозяйственного устройства, определяются частью дополнительными узаконениями, частью распоряжениями Народного комиссариата земледелия, на который, в лице его центральных и местных органов, законом возложены по переселенческому делу заведывание, руководство и контроль.

12. Органы земельного управления. В отличие от дореволюционного времени, характеризовавшегося распыленностью земельного дела между многочисленными и разнообразными учреждениями, советская земельная организация построена на принципе сосредоточения всего дела земельного управления в органах Народного комиссариата земледелия. Единого Народного комиссариата земледелия, действующего на пространстве всего Советского Союза, не имеется, и функции земельного управления распределены между комиссариатами земледелия, имеющимися в каждой из союзных и автономных республик. Впрочем, в конституции Союза ССР предусмотрена возможность регулирования основ землеустройства, землепользования и переселения во всесоюзном масштабе, осуществляемая высшими органами Союза. В частности, как отмечено выше, в целях планирования, руководства и контроля переселения организован при ЦИК СССР Всесоюзный Переселенческий Комитет.

Устройство, состав, предметы ведения и порядок деятельности Нар. комис. земледелия РСФСР и его местных органов определяются особыми положениями, изданными в законодательном по-

рядке (в 1923 г.). Согласно этим положениям, Комиссариат земледелия заведует земельным и лесным государственным фондом РСФСР, намечает и осуществляет мероприятия в области сельского и лесного хозяйства, в целях наиболее полного развития в них производительных сил и связи с общим планом социалистического строительства, и руководит работой местных земельных органов. По отрасли собственно земельного управления, к предметам ведения Наркомзема относится организация земельных фондов РСФСР в установленных Земельным кодексом пределах; установление наиболее рациональных форм землепользования и проведение мероприятий по наилучшему использованию земельного фонда; в частности, — учет и эксплуатация государственных земельных имуществ. Для осуществления этих функций Наркомзем имеет в своем составе специальное управление землеустройства, мелиорации и государственных земельных имуществ (Управмелиозем), которое ближайшим образом ведает земельным фондом, его качественным и количественным учетом, упорядочением и записью землепользования, изысканием переселенческого фонда, использованием незаселенных территорий; заведует государственными имуществами; устанавливает план мелиоративных работ, содействует их проведению и развитию, а также производит те из них, которые имеют общегосударственное значение; разрабатывает мероприятия по развитию правильного водного хозяйства; ведает разработкой вопросов земельного права; участвует в разработке планов постановки землеустроительного образования и содействует повышению знаний по этим вопросам в населении. Управмелиозем разделяется на отделы: землеустройства, переселения, госуд. земельных имуществ, мелиорации, общий и (включенный в 1924 году) рыбоводства и рыбоводства. Сверх того, при Наркомземе состоит, для судебного регулирования вопросов землеустройства и землепользования, уже упоминавшаяся особая коллегия высшего контроля по земельным спорам, действующая на основании специального положения.

В пределах губерний (или соответствующих им административных подразделений территории) действуют губернские (областные, краевые) земельные отделы (управления) губернских (областных, краевых) исполнительных комитетов и, под руководством и ответственностью заведывающих отделами (управлениями), по плану и заданиям Наркомзема, осуществляют, в соответствии с местными условиями и в пределах подведомственной им территории, организационную и оперативную работу по всем отраслям землеустроительного строительства, в частности к высшему заведыванию Народного комиссариата земледелия. Губернские земельные отделы имеют в своем составе специальные подотделы землеустройства, мелиорации и государственных земельных имуществ (губмелиоземы), в ближайшую обязанность которых входит: проведение мероприятий по организации правильного землеустройства, регулированию земельных отношений, осуществлению землеустроительных работ, заведывание государственными земельными имуществами и их эксплуатацией, ведение работ по организации выхода, водворения и хозяйственного устройства переселенцев, и пр. При губернском земельном отделе состоит губернская земельная комиссия, в качестве кассационной инстанции земельного суда по спорам, возникающим при землеустройстве и по поводу землепользования.

Уездными земельными органами являются земельные отделы (управления) уездных исполнительных комитетов. На них возлагается регулирование и осуществление, в уездном масштабе, земельно-хозяйственного строительства по планам и заданиям губернского земельного отдела. Уездные земельные отделы не делятся на дальнейшие подразделения и для осуществления возложенных на них задач имеют в своем составе соответствующих специалистов, в том числе и уездного землеустроителя. При отделе состоит уездная земельная комиссия с объясненной выше подсудностью по разрешению земельных споров; на ней лежит также обязанность утверждения,

в качестве первой инстанции, всех без изъятия (спорных и бесспорных) проектов землеустройства. В составе волостных исполнительных комитетов специальных органов земельного управления не имеется, и при них состоят лишь волостные земельные комиссии, являющиеся первыми инстанциями по разрешению споров о землепользовании (если в этих спорах не участвуют государственные и общественные организации).

Низовой сетью земельной службы является т. н. участковая землеустроительная организация, имеющая своею задачей изучение и обслуживание земельных нужд соответствующих участков. Некоторые правомочия и обязанности в деле земельно-хозяйственного строительства несут также низовые советские и общественные организации: сельские советы, волостные исполнительные комитеты, крестьянские общества взаимопомощи и др., действующие на основании особых законодательных положений. В заключение необходимо оговорить, что собственнo землеустроительные мероприятия проводятся в тесной увязке с мероприятиями агрикультурными, в целях достижения наибольшей эффективности землеустройства, для чего землеустроительные учреждения находятся в плановом и оперативном контакте с агрономическими и мелиоративными организациями. Этот принцип советского земельно-хозяйственного строительства нашел себе законодательное выражение в постановлении Совета народных комиссаров РСФСР от 9 октября 1925 г. о мерах к улучшению качества землеустройства.

13. *Финансирование земельных мероприятий.* До революции оплата производства землеустроительных работ принималась на государственный счет. Аналогичный этому порядок действовал и при проведении сплошного и обязательного (т. н. социалистического) землеустройства по положению 14 февраля 1919 г. и инструкции к нему от 11 марта того же года (период 1919—1922 гг.). С переходом к новой экономической политике и перенесением инициативы по производству землеустройства из сферы государствен-

ного принуждения в область добровольного возбуждения о нем ходатайств заинтересованными сторонами, а также в связи с известными затруднениями государственного казначейства, оплата землеустройства возлагается на средства тех лиц (физических и юридических), в интересах которых оно производится. При этом, сверх денежной оплаты стоимости землеустроительных работ, на его участников (как и до революции) возлагается обязанность предоставлять землеустроителям удобные для жилья и занятий помещения, материалы для работ и устройства межевых знаков, подводы для перевозки инструментов и материалов для работ по землеустройству и необходимую рабочую силу (т. н. натуральные повинности участников землеустройства). Такса оплаты стоимости землеустроительных работ определена для РСФСР декретом Совета народных комиссаров от 14 июня 1923 года об оплате землеустроительных и поземельно-регистрационных работ (С. У. 1923 г., № 60, ст. 567), и порядок взимания, хранения и расходования сумм, взимаемых за эти работы, подробно нормирован инструкцией Народных комиссариатов земледелия и финансов от 9 14 апреля 1924 года. Размер оплаты землеустроительных действий колеблется от 50 к. до 2 руб. с устроенной десятины в зависимости от типа (сложности и детальности) работ по землеустройству (по сравнению с стоимостью землеустройства от 1 р. 50 к. до 4 руб. с десятины в дореволюционное время). Однако, эти ставки являются лишь максимальными, и губернским исполнительным комитетам предоставлено право снижения их по местным условиям и для отдельных групп населения. Работа по государственной записи землепользований (земельной регистрации) таксирована как одна из разновидностей землеустроительных действий. В случаях производства в обязательном порядке действий по образованию земельных фондов специального назначения (переселенческого, концессионного и др.), расходы по землеустройству относятся на местные или общегосударственные средства,

в зависимости от назначения образуемого фонда. Денежные и натуральные повинности распределяются между участниками землеустройства соразмерно площадям устраиваемых для них земель и сообразно роду производимых действий. При отказе или уклонении сторон от оплаты расходов по землеустройству, плата за землеустроительные действия взыскивается в административном порядке.

Классовая политика обеспечения наибольшей доступности землеустройства маломощным слоям дифференцированной деревни приводит к постепенному переводу расходов по их устройству на государственный бюджет. Помимо этого, наблюдается и общая тенденция принятия землеустройства на государственный счет, в целях внесения в него необходимой планомерности и расширения регулирующего воздействия государства в области проведения целесообразнейших типов землеустройства и форм землепользования. На ряду с законодательными постановлениями, направленными к постепенному переводу землеустройства на оплату из государственных ассигнований (в частности, для маломощных окраинных республик и областей, в особенности в случае необходимости проведения в них, по политическим или экономическим соображениям, сплошного и обязательного землеустройства), бюджетными узаконениями предусматривается ассигнование более или менее значительных сумм на ссудное (возвратное) кредитование землеустройства и связанных с ним операций по переносу построек на вновь отводимые земли и по устройству водоснабжения. По таким же линиям кредитования финансируется и переселение.

14. Особенности земельного законодательства автономных и союзных республик СССР. Земельный кодекс РСФСР, первый по времени разработки и издания, имел в виду, главнейшим образом, условия землепользования великороссийской части Советского Союза. Поэтому, естественно, в скором времени по введению кодекса в жизнь выявилась потребность в приспособлении отдельных его постановлений

к местным особенностям отдельных единиц Советской федерации. По отношению к автономным республикам, а также областям РСФСР порядок такого приспособления был прямо предусмотрен в постановлении Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета о введении в действие Земельного кодекса. В статье 3-й этого вводного закона (С. У. 1922 г., № 68, ст. 901) указано, что изменения постановлений Земельного кодекса РСФСР, необходимые в целях приспособления его к особым условиям автономных советских республик, а также автономных областей, производятся президиумом Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета, по представлению Федерального Комитета по земельному делу. Это последнее учреждение организовано в 1921 году в целях представления интересов автономных (национальных) единиц Российской Федерации, и согласование с ним законодательного проведения ряда основных вопросов земельно-хозяйственного строительства в названных единицах вменено в обязанность Нар. комисс. земледелия РСФСР. В частности, при рассмотрении в особой коллегии высшего контроля по земельным спорам (см. выше) вопросов, касающихся землепользования на территории автономных советских республик и областей и разрешения пограничных земельных споров как между ними, так и с соседними губерниями и областями, состав коллегии должен пополняться утверждаемыми Всеросс. Центр. Исполнител. Комитетом представителями (двумя) Федерального Комитета по земельному делу, с предоставлением им решающего голоса.

Под целым рядом статей Земельного кодекса РСФСР имеются проведенные законодательным порядком примечания, формулирующие те или иные изменения кодекса в целях их приспособления к местным условиям и особенностям. Так, внесены изменения по отношению к республикам Киргизской, Бурято - Монгольской, Крымской, б. Туркестанской, областям Марийской, Адыгейской, Коми, и др. Сущность этих изменений почти исчер-

пывается установлением сплошного и обязательного землеустройства в местностях, где население (в силу гражданской войны и иных причин) не могло полностью воспользоваться завоеваниями революции в области изъятия из нетрудового пользования и затем уравнительного распределения земель. Отражается также в видоизмененных законоположениях Земельного кодекса своеобразии административно-территориальных подразделений автономных единиц. Весьма важное отличие в процессе регулирования земельных отношений в некоторых автономных единицах, по сравнению с великороссийской частью РСФСР, составляет продолжение в них уравнительного перераспределения земель между волостями, селениями и другими сельскохозяйственными объединениями, тогда как этот перераспределительный процесс прекращен основными постановлениями великороссийского Земельного кодекса.

Земельные кодексы союзных республик отличаются от кодекса РСФСР также очень немногим. Естественно, что они восприняли из него все основные положения, характеризующие советский земельный строй, с отличающим его упразднением частной земельной собственности на землю и обращением последней в собственность государства (принцип национализации земли). Отличия имеются лишь в постановлениях, сущность которых обуславливается наличием существенных местных особенностей. Так, в Земельном кодексе Украинской ССР не допускается существования дворохозяйств, обремененных от каких-либо земельных обществ, и, с другой стороны, при внутринадельных разверстаниях земель отрицается принцип уравнительного распределения земель между дворами, по числу имеющих в них разверсточных единиц, в пользу проведения начала распределения земель по фактическому пользованию ими к моменту переверстки (дань господству на Украине участкового порядка землепользования, связанного с неизменной частью размера доли члена общества в пользовании его земельным наделом). В Земельном кодексе Бело-

руссии среди форм землепользования не встречается общинно-передельной, уравнительной формы, но предусмотрена возможность поравнения земель при участковой форме землепользования, в виду наличия на территории Белорусской республики крупной неравномерности земельного обеспечения земледельческого населения землей.

Земельные кодексы Туркменской и Узбекской республик, в виду лишь недавно происшедшего между ними размежевания среднеазиатских территорий СССР, только еще слагаются, причем организации в них прочного и устойчивого землепользования и хозяйства предшествует проведение т. н. земельной реформы, направленной на изъятие от многоземельных пользователей удерживаемых ими излишков земли и распределение их между нуждающимися в земельном наделении. Несколько отличаются также наименования и организация туземных земельных органов и землеустроительных учреждений, в зависимости от бытовых и прочих местных условий и особенностей.

Значительными особенностями отличается землеустройство в кочевых и полукочевых районах (Киргизской, б. Туркестанской республик и некоторых других местностях). Здесь приходится считаться с условиями хозяйства, одновременно и земледельческого и скотоводческо-кочегого, при чем некоторые районы пригодны исключительно для ведения пастбищно-кочегого скотоводства, с производством кочевания в них в течение весны, лета и осени. Своеобразие приемов землеустройства в таких районах, помимо осложняющих его моментов перехода кочегого населения к оседлому состоянию, заключается в необходимости сплошного и обязательного землеустройства, в отводе при этом земли по определенным нормам, обеспечивающим существование и развитие хозяйства применительно к местным системам и приемам его ведения, в обеспечении групп хозяйства, которым отводится пастбища, кочевыми дорогами, во включении в проекты землеустройства взаимоотношений по использованию

устроенной территории, и пр. Порядок, условия и особенности землеустройства кочевого, полукочевого и переходящего к оседлости населения автономных единиц Советской Федерации декретирован рядом постановлений высших органов республики (см. Собр. узак. и распор. Раб.-Крест. Правительства).

15. *Политика в области земельного устройства.* Кроме законодательных постановлений, входящих в состав Земельного кодекса или кодификационных продолжений к нему, имеется значительное число постановлений, выносимых общесоюзными и республиканскими советскими и директивными органами, служащих направляющими указаниями в области земельной политики. Наиболее полное и современное выражение они нашли себе в резолюциях XIV партийной конференции и III Всесоюзного съезда советов (весна 1925 г.). Этими резолюциями предусматривается принятие ряда мер по расширению и скорейшему завершению землеустройства как вообще на территории Советского Союза, так и, в особенности, в местностях его, наиболее важных в производственном отношении (центрально-земледельческий район, засушливая область, местности расположения сахарных заводов и пр.). В связи с этим стоит принятие мер по расширению наличного состава землеустроителей путем увеличения сети землеустроительных школ, усиления их пропускной способности, переподготовки землеустроителей, улучшения их снабжения, нормализации труда и т. д. Некоторые из приведенных директив уже получили свое законодательное оформление, и относящиеся сюда постановления входят в число действующих земельных узаконений.

Следующей категорией указаний, отчасти также воплощенных в законодательные постановления, отчасти еще ожидающих своего претворения в закон, являются директивы об обеспечении наибольшей доступности землеустройства маломощным слоям деревни, путем оказания им в этом отношении различных видов культурной, экономической, финансовой и технической помощи.

Особое значение приобретают директивы о содействии со стороны земельных органов образованию таких форм землепользования, которые наиболее облегчали бы механизацию сельскохозяйственного производства и его кооперирование. Этой директивой руководствуются земельные органы в своей практической деятельности. В том же направлении имеет постепенно перестраиваться землеустроительное законодательство.

Весьма важное значение имеет также совокупность указаний, направленных на улучшение качества землеустройства, путем сочетания собственно-землеустроительных мероприятий с мерами по проведению агрикультурных улучшений на устраиваемых территориях (агрономия), инженерному их оборудованию (мелиорация) и целесообразному размещению земледельческого населения (переселение и расселение). Эти указания должны будут повести к соответственной перестройке постановлений земельного законодательства в сторону построения комплексной системы мер воздействия на объекты земельно-хозяйственного переустройства.

К числу руководящих политических указаний, наконец, относится требование базирования земельно-хозяйственных мероприятий, в том числе и землеустроительных, на пробуждении инициативы широких слоев населения, их самостоятельности и проведении массовых мер содействия в этой области. Это одна из предпосылок перехода к обществу сельскохозяйственному производству через промежуточные формы кооперирования. В очерченной плоскости проявляется и коренное различие между дореволюционным (капиталистическим) и современным (социалистическим) земельным строительством. „Землеустройство прежнего времени (Б. С. Мартынов, „Земельный строй и земельные отношения РСФСР“) исходило из частного интереса, из стремления отдельных хозяйств обособиться и порвать ту связь с общим владением землею, которая оказывалась для таких хозяйств в данное время стеснительной. Соответственно этому, самый кругозор земельных за-

конов был ограничен целью обособления хозяйств. Если он поднимался в отдельных случаях выше, то и в общегосударственном масштабе он определялся как стремление дать техническое и юридическое воплощение для децентрализованного частного хозяйства. Совершенно иначе дело обстоит теперь. Государство есть единственный собственник земли. Оно же является организатором хозяйства в целом*. И оно организует переход на высшую ступень хозяйствования именно путем стимулирования массовых сдвигов на основе совместного проведения земельно-хозяйственной перестройки с широкими слоями населения, побуждаемыми к проявлению инициативы и самостоятельности. Предусмотренные для этого действующим законодательством организационные формы облегчают и стимулируют образование разного рода товариществ: земельных, мелноративных, машинных, переселенческих, дорожных, по огнестойкому строительству и др., которым государство оказывает различные виды помощи, содействуя в то же время законодательным путем их дальнейшему укреплению и развитию.

Таким образом, в советском земельном законодательстве мы видим попытку нормировать и оформить не имеющих себе примера в истории земельный строй и покоящуюся на его основе систему поземельных отношений. Советское земельное право отличается большим своеобразием и сложным переплетением частно-правовых и публично-правовых моментов. Согласно основных начал этого права, земля, изытая из гражданского оборота, представляется в частное, условное и зависимое пользование, но последнее получает защиту лишь постольку, поскольку выполняет полезную социальную функцию, и может быть прекращено в случае отклонения от этого предназначения. Формальная свобода выбора населением форм землепользования находит себе регулирующие ограничения в системе мер, направленных к постепенному обобществлению сельскохозяйственного производства. В направлении к той же цели производится

и использованию государственных земельных имуществ. Возможность широкого вмешательства государства, как организатора и руководителя общего планового хозяйства, в регулирование различных сторон текущих земельно-хозяйственных отношений является характерной чертой советского земельного строя и оформляющего его законодательства. Ряд законодательных мер продиктован расширением и углублением классового подхода к разрешению различных вопросов земельно-хозяйственного строительства в современной дифференцированной деревне. Контролирующая роль земельных органов по отношению к деятельности не только государственных сельскохозяйственных предприятий, но и частных хозяйств и их объединений, находит себе прямое выражение в законе. Возможность разностороннего, но вместе с тем планомерно-объединенного руководства и контроля обеспечивается концентрацией всего земельно-хозяйственного дела и всех отраслей управления им, как административного, так и судебного, в органах единого ведомства. Политика проведения земельных мероприятий выражается во втягивании в них широких масс на основе их самостоятельности и всестороннем охвате их разнообразными видами кооперации. С этих точек зрения советское земельное законодательство является органической частью общей системы советского хозяйственного права, с отражением в ней, разумеется, тех особенностей, которые отличают самый объект правового регулирования в его состоянии, данном для текущего исторического периода. Остается отметить огромность самого объекта регулирования: земельно-хозяйственных отношений стомиллионного крестьянства, в распыленном пользовании которого находятся сотни миллионов десятин с.-х. площади Советского Союза, и связанную с этим трудность и длительность перевода с.-х. производства в обобщественные формы.

ЛИТЕРАТУРА: Советское земельное право еще не имеет своей научно-построенной системы, в которую были бы стройно уложены все его институты. Молодость этого права, крайнее его своеобразие и вместе с тем бурная эволюция на очень коротком протяжении времени могут служить этому

некоторым объяснением. Из работ, прямо относящихся к теме, могут быть указаны: *И. И. Естихисев*, „Земельное право“ (с указат. литер. предмета д-1923 г.); *Д. С. Розенблюм*, „Зем. право РСФСР“; *С. П. Кавелин*, „Зем. право и Зем. процесс“ (догматическ. анализ земельн. законодат. СССР); *Б. С. Мартынов*, „Зем. строй и зем. отношения РСФСР“; *Н. П. Рудин*, „Основные начала зем. кодекса РСФСР“; *А. Г. Гойхбарг*, „Советское зем. право“; *А. А. Корф*, „Русское землеустр.“; *О. А. Хауке*, „Русское землеустр. законодательство“; *О. А. Хауке*, „Очерки землеустр. права“; *Н. П. Рудин*, „Методы составления зем. леустр. проектов“; *Б. С. Мартынов*, „Понятие землеустр.“; *Можжухин*, „Землеустройство в Богородицком уезде Тульской губ.“; *П. Н. Першин*, „Участковое землепользование в России“; *П. Н. Першин*, „Первые итоги аграрной реформы“; *А. В. Чалянов*, „Оптимальные размеры с.-х. предприятий“; *К. Н. Сазонов*, „Среднее расстояние земельной площади от хозяйственного центра“; журн. „Землеустроитель“, М., 1924—26 гг.: сб. „О земле“, вып. 1, М., 1921 г.; издания Земельн. кодексов (в том числе и комментирован.); „Сборн. законов, постановл. и циркул. по социалистич. землеустройству и землепользованию“, Белозерск, 1920 г.; „Собрание узаконений и распоряж. Рабоче-Крест. Правит.“.

Н. Рудин.

IX. Финансы СССР. 1. Ф. России накануне войны. Государственный бюджет. С бюджета, как плана финансового хозяйства, выраженного в цифрах, всего удобнее начинать описание финансов страны. Государственный бюджет России в последний довоенный год (1913) был выполнен в сумме 3.452.557 тыс. руб. по доходам и в сумме 3.382.913 тыс. р. по расходам. Государственный бюджет на следующий, 1914, год был утвержден в сумме 3.613.569 тыс. руб., как по доходам, так и по расходам, но война, начавшаяся в середине 1914 года, внесла в хозяйство страны столь крупные изменения, что исполнение росписи далеко отклонилось от первоначальных предположений, и в качестве последнего бюджета довоенной России приходится рассматривать бюджет 1913 г. Если принять цифру народного дохода России накануне войны кругло в 16 миллиард руб., что соответствует наиболее вероятным исчислениям (С. Н. Прокоповича), то государственный бюджет составлял от 21,1% до 21,6% народного дохода, смотря по тому, брать ли доходную или расходную его часть. Так как цифра народного дохода может быть исчислена лишь приблизительно, то и соотношение между нею и размерами бюджета не может претендовать на точность. Не впадая в крупную ошибку, можно, повидимому, утверждать, что

государств. бюджет составлял $\frac{1}{5}$ народного дохода страны.

Однако, государств. бюджет России включал целый ряд чисто хозяйственных доходов и расходов, проходивших по росписи лишь потому, что государство само эксплуатировало крупные хозяйственные предприятия. Эти расходы, по так наз. „казенным операциям“, следует исключить из государственного бюджета для того, чтобы получить ту часть его, которая действительно представляла *изъятие* средств из народного хозяйства для обращения их на те или другие государственные потребности. Расходы по „казенным операциям“ составляли в 1913 г.: по казенным железным дорогам—586.466 тыс. руб., по винной монополии—234.994 тыс. руб. и по прочим операциям (лесным, горнозаводским и др.)—62.555 тыс. руб., а всего—884.272 тыс. руб. За вычетом этой суммы из расходной части бюджета 1913 г. остается 2.498.641 тыс. руб., или 15,6% народн. дохода.

Рост госуд. бюджета совершался довольно быстро в довоенные годы, но не без существенных колебаний. Если брать исполнение росписи (по обыкновенным и чрезвычайным расходам), то госуд. бюджет впервые превысил один миллиард в 1890 г., превзошел два миллиарда в 1902 г. и перешагнул за пределы трех миллиардов в 1912 г. Если исчислить рост бюджета по пятилетиям (здесь, как и в предыдущем случае, мы имеем в виду расходную часть бюджета), то 1893—1898 г.г. дают увеличение на 55%, 1898—1903 г.г.—на 19%, 1903—1908 г.г.—на 26% и 1908—1913 г.г.—на 28%, или (при учете сложных процентов) около 10% в год для первого пятилетия, $3\frac{1}{2}\%$ в год для второго, 5% для третьего и для последнего.

Содержание госуд. бюджета 1913 г. сводилось к следующему. Обыкновенные расходы составляли 3.094.248 т. р. и чрезвычайные расходы—288.665 т. р. Официальные отчеты распределяют эти суммы вполне точно по ведомствам и классифицируют их приближенно по предмету назначения. Эти классификации друг с другом не совпадают, так как расходы на одни и те

же цели (расходы по просвещению, по путям сообщения, по управлению и др.) проходят часто по разным ведомствам. Мы приводим обе группировки, как имеющие существенное значение.

Роспись расходов 1913 года (израсходовано и подлежит выдаче в счет росписи данного года).

I. Обыкновенные расходы.	В тыс. руб.	к общему итогу.	В %/о
Министерство Двора	17.362	0,5	0,3
Высшие Государств. Учрежд.	9.440	0,3	0,3
Ведомство Синода	45.665	1,3	1,3
Министерство Внутр. Дел.	185.394	5,5	5,5
„ Финансов	482.258	14,2	14,2
„ Юстиции	90.609	2,7	2,7
„ Инстр. Дел.	11.501	0,3	0,3
„ Народного Просвещения	143.074	4,2	4,2
„ Путей Сообщения	640.686	19,0	19,0
„ Торговли и Промышл.	64.557	1,9	1,9
Гл. Упр. Землеустройства и Земледелия	135.842	4,0	4,0
„ Госуд. Коннозавод.	3.314	0,1	0,1
Военное Министерство	581.110	17,5	17,5
Морское „	244.446	7,2	7,2
Государственный Контроль	12.149	0,3	0,3
Платежи по государственным займам	424.378	12,5	12,5
Прочие	2.083	0,0	0,0
Итого обыкновенных расходов	3.094.248	91,5	91,5
I. Чрезвычайные расходы.			
Хозяйственно-операционные расходы военного ведомства	126.457	3,7	3,7
Сооружение жел. дор.	115.574	3,4	3,4
Выдачи обществам ж. д.	1.633	0,0	0,0
Улучшение казенного ж.-д. дела	17.720	0,5	0,5
Постройка и улучшение портов	18.000	0,5	0,5
Прочее	9.281	0,3	0,3
Итого чрезвыч. расх.	288.665	8,5	8,5
Всего расходов	3.382.913	100%	100%

Из министерств на первом месте стоит министерство путей сообщения, в состав которого входили казенные железные дороги—крупнейшее хозяйственное предприятие страны. На втором месте стоит военное министерство, которое вместе с морским поглощало четвертую часть всех расходов, а с чрезвычайными расходами еще больше. На третьем месте стоит министерство финансов, по смете которого проходили крупные расходы по выплате пенсий и по казенной винной монополии. Далее следуют министерство внутренних дел, министерство народного просвещения, главное управление землеустройства и земледелия. Однако, в такой группировке действительный

характер и размер различных назначений ясен только для того, кто знает содержание каждой министерской сметы. Для всякого другого представляет гораздо большую ценность группировка расходов не по ведомствам, а по предмету расхода, лишь частично совпадающая с предыдущей. По официальным исчислениям министерства финансов, с внесением в них небольших изменений в целях более полного сосредоточения в каждой графе действительно относящихся к ней цифр, классификация расходов по предмету назначения получает следующий вид:

I. Обыкновенные расходы	В тыс. руб.	к общему итогу.	В %/о
Двор	17.362	0,5	0,3
Военные государств. учрежд.	11.066	0,3	0,3
Церковное Управление (кроме школ)	22.510	0,7	0,7
Гражданское Управление (общие расходы)	175.041	5,5	5,5
Суд и тюремная часть	78.144	2,3	2,3
Полиция	67.147	2,0	2,0
Внешние сношения	6.684	0,2	0,2
Медицинская часть (кроме военной)	5.409	0,1	0,1
Ветеринарная часть	1.872	0,0	0,0
Просвещение и искусство (включая церковн. школы)	127.164	4,0	4,0
Почта, телеграф, телефон	76.246	2,3	2,3
Пути сообщения	648.160	19,1	19,1
Землеустройство и сельская промышленность	75.568	2,2	2,2
Межевая часть	1.556	0,0	0,0
Меры поощрения торговли и промышленности	8.923	0,3	0,3
Постройка зданий и приобретение имущества	46.368	1,4	1,4
Пособие и вознаграждение по разным случаям (кроме пенсий)	47.642	1,4	1,4
Оборона	799.134	23,7	23,7
Казенная винная операция	234.995	7,0	7,0
Разные операции (лесные, горнозаводские, монетн. двора и др.)	62.555	1,9	1,9
Займы	424.378	12,6	12,6
Пенсионное обеспечение	120.058	3,6	3,6
Невыполненные расходы прежних лет	4.327	0,1	0,1
Разные непредусмотренные сметами экстренные надобности	6.615	0,2	0,2
Итого обыкновенных расходов	3.094.248	91,5	91,5
Чрезвычайные расходы	288.665	8,5	8,5
Всего расходов	3.382.913	100,0%	100,0%

К этой стороне государственных финансов мы еще возвратимся для сопоставления современной структуры финансового хозяйства СССР с построением финансов довоенной России. Другая сторона финанс. хозяйства представлена доходной частью бю-

джета, которая по исполнению за 1913 г. выражалась в следующих цифрах:

Обыкновенные доходы.	В тыс. руб.	В % к общему итогу.
Прямые налоги.		
Поземельные, с недвиж. имущ. и податя	87.295	2,5
Государств. промысловый налог	150.118	4,4
Сбор доходов с денежных капиталов	35.104	1,0
	<u>272.517</u>	<u>7,9</u>
Косвенные налоги.		
Сбор с питей	53.729	1,6
Табачный доход	78.753	2,3
Доход с папирос, гильз и папиросной разрезной бумаги	4.878	0,1
Сахарный доход	149.175	4,3
Нефтяной доход	48.593	1,4
Спичечный доход	20.056	0,6
Таможенный доход	352.917	10,3
	<u>708.101</u>	<u>20,6</u>
Пошлины.		
Герб. суд., канц. и др.	111.844	3,3
С переходящих имущества	48.360	1,4
С товаров и судов в портах	11.044	0,3
С пассажиров и грузов на жел. дор.	30.812	0,9
С застрахованного от огня имущества	6.658	0,2
Разные	22.512	0,6
	<u>231.230</u>	<u>6,7</u>
Регалии.		
Горный доход	669	0,0
Монетный доход	5.117	0,1
Почтовый доход	79.050	2,3
Телеграфный и телефонный	40.733	1,2
От казенной винной операции	899.299	26,2
	<u>1.024.882</u>	<u>29,8</u>
Казенное имущество и капиталы.		
Оборотные статьи и промыслы		
Лесной доход	40.619	1,2
Казенные ж. д.	92.367	2,7
Казенные заводы	813.604	23,8
Прибыли от казенных капиталов и банк. операций	26.052	0,7
Прибыли от участия в части ж. д.	44.506	1,3
	<u>26.584</u>	<u>0,8</u>
	<u>1.043.740</u>	<u>30,5</u>
Отчужденное государств. имущество		
Выкупные платежи	2.857	0,0
	<u>1.194</u>	<u>0,0</u>
Возмещенн. расходы государств. казнач.		
Обязат. плат. Обществ.	20.530	0,6
Возврат ссуд	45.425	1,3
Пособ. государств. казн. из п. сторонних источников	34.784	1,0
Военное вознаграждение	15.817	0,5
	<u>116.677</u>	<u>3,4</u>
Доходы разного рода	16.160	0,4
Итого обыкновенных доходов	3.417.359	99,6

Чрезвычайные доходы.	В тыс. руб.	В % к общему итогу.
Вклады в Государств. банк на вечное время	1.536	0,0
Возврат долгов по прод. напикт.	8.547	0,2
Освободивш. специальные капит.	2.466	0,0
Возврат расходов казнач. по изыскан. Черном. жел. дор.	1.097	0,0
Прочие	200	0,0
Итого чрезвычайных доходов	13.845	0,4
Всего	3.431.205	100%

Основные статьи гос. доходов располагались в следующем порядке. Около $\frac{1}{3}$ всех доходов давали „каз. имущества и капиталы“, т.-е. гл. обр. железные дороги и леса. Вместе с почтой и телеграфом, которые классификация министерства финансов относила к „регалиям“, вся сумма доходов от гос. имуществ и предприятий даже превышала одну треть общих поступлений в казну. Больше четверти, но меньше трети давала казенная винная монополия. Несколько меньше четверти давали косвенные налоги вместе с таможенными пошлинами. Остальное приходилось на долю прямых налогов, игравших в бюджете не очень значительную роль, на долю пошлин разного рода и других сравнительно мелких доходов. Если же рассматривать бюджет не в целом, а за исключением расходов казны, как владельца хозяйственных предприятий, и тех доходов, которые шли на покрытие расходов по этим казенным предприятиям, т.-е. брать бюджет не брутто, а нетто, то на первый план выдвигаются доходы от казенной продажи питей и косвенные налоги и выдвигаются притом в такой степени, что бюджет можно считать построенным, главным образом, на них. Нетто-бюджет за этими вычетами составлял по расходной части, как мы видели выше, 2.498 млн. руб. Чистый же доход от казенной винной операции—665 млн. и от косвенных налогов вместе с таможенными пошлинами—708 млн., вместе же—1.373 млн. руб., или 55%.

На основных элементах доходной части этого бюджета необходимо остановиться для характеристики финансового хозяйства довоенной России.

Прямые налоги. Поземельный налог носил раскладочный характер. Общий размер обложения определялся для губернии путем помножения числа подлежащих обложению десятин (крестьянских и частновладельческих земель) на тот оклад, который был установлен для данной губернии. По уездам вся сумма губернского оклада разверстывалась губернским земским собранием, а в пределах уезда раскладка производилась уездными земскими собраниями. В неземских губерниях те же функции выполняли органы, заменявшие земские выборные учреждения. Госуд. земельный налог был невелик, для частных землевладельцев он был даже совершенно нечувствителен. Но вместе с земскими сборами он достигал заметных размеров. Для крестьянского же хозяйства имело значение то, что, во-первых, по существовавшим раскладкам среднее обложение десятины крестьянской земли госуд. земельным налогом и земскими сборами превышало обложение десятины частновладельческой земли, и что, во-вторых, только на крестьянских землях лежали, сверх этого, так наз. мирские сборы (по расходам волости и сельского общества).

Подомовое обложение до 1910 г. также носило характер раскладочного налога. В законодательном порядке устанавливались контингенты для отдельных губерний, которые распределялись затем между отдельными городами и далее (городскими думами) между отдельными владениями. В 1910 г. подомовое обложение было реформировано, и произошел переход к обложению городских владений по их чистой доходности. Несовершенство этого нового порядка, лучшего, чем предшествовавший ему, заключалось в том, что он создавал льготы для мало застроенных, хотя и ценных городских участков, находившихся в руках лиц, спекулировавших недвижимостью в городах.

Квартирный налог (с 1893 г.) распространялся на города и поселения городского типа. Высота обложения стояла в зависимости от размеров квартирной платы, которая доводилась до сведения органов фиска

декларациями домовладельцев. Города, в целях обложения, были разделены на классы ради учета неравномерной стоимости квартир в крупных и мелких центрах. Мелкие помещения были освобождены от налога. В пределах городов каждого класса налог был прогрессивным. Для некоторых категорий населения (христианское духовенство, дипломатические представители) установлено было полное освобождение от налога.

Промысловое обложение, которое в ряду прямых налогов стояло на первом месте, было существенно реформировано в 1898 г. и с тех пор подвергалось лишь частичным изменениям. Оно состояло из: 1) патентного сбора и 2) дополнительных сборов, которые были различны для предприятий, обязанных публичной отчетностью, и для остальных. Патентный сбор взимался с предприятий по разрядам (пять разрядов для торговли и восемь разрядов для промышленности) и по классам, в зависимости от местонахождения предприятия. Кроме патента, предприятия, обязанные публичной отчетностью, уплачивали: 1) прогрессивный процентный сбор с прибыли и 2) пропорциональный налог с капитала, при чем при уплате последнего зачитывалась сумма, внесенная за патент, так что патент гарантировал государству только известный минимум обложения капитала. Предприятия же, не обязанные публичной отчетностью, кроме патента, облагались раскладочным сбором и процентным сбором с прибыли. Сумма раскладочного сбора устанавливалась раз в три года для всей страны, разверстка же между губерниями, податными участками и предприятиями происходила ежегодно. Процентный сбор взимался с излишка прибыли над свободным от обложения минимумом, установленным для каждого разряда предприятий в соответствии с размерами уплачивавшегося ими патентного сбора. Предприятия имели право представлять свои торговые книги, и последние пользовались силой доказательства.

Сбор с доходов от денежных капиталов установлен был в размере 5⁰/₀ с доходов от процент-

ных бумаг, государственных, общественных и частных всех наименований и с доходов с вкладов всякого рода в кредитные учреждения (банки, общества взаимного кредита, банкирские заведения, меняльные лавки). Доходы по акциям и паям промышленных предприятий этому налогу не подлежали, ибо облагались промысловым налогом.

Косвенные налоги. Мы остановимся только на более крупных из них.

Обложение сахара состояло из патентного сбора в 5 руб. с каждой тысячи пудов выработанного сахара и акциза в 1 р. 75 к. с каждого пуда песка. При вывозе сахара за границу акциз подлежал возврату. Система обложения сахара, пошлин на сахар, возврата акциза при вывозе и проч. стояла в связи с общей системой регулирования сахарной промышленности, подвергавшейся несколько раз изменениям в течение последних десятилетий перед войной. В конце 80-х и в начале 90-х годов XIX столетия сахарозаводчики пытались нормировать производство в порядке частных синдикатских соглашений, с целью ограничения производства и сбыта на внутреннем рынке и поддержания высокого уровня цен. Наличие значительного числа заводов (226 в 1893—1894 гг.) препятствовало, однако, деятельности синдиката, и сахарозаводчики постоянно возобновляли ходатайства перед правительством о введении государственной нормировки. В 1895 г. такая нормировка установлена была законом. Ежегодно определялась норма потребления (т.е. сбыта внутри страны), которая развертывалась между заводами пропорционально их производству. Вне нормы каждый завод мог выпустить на рынок по 60.000 пудов. Из производства сверх нормы каждый завод отчислял определенное количество, — тоже по разверстке, — в запас, из которого разрешалось выпускать сахар на внутренний рынок при известном (высоком) уровне цен. Остальное, излишек, можно было либо реализовывать на внутреннем рынке, но при условии дополнительного акциза, либо вывозить за границу. Вывоз за границу при высокой себестоимости са-

хара в России был убыточен. Но контингентирование внутреннего потребления позволяло поддерживать достаточно высокие цены для того, чтобы из прибылей покрывать убытки по экспорту. Таким образом, государственная нормировка производства создавала скрытые экспортные премии. В 1903 г. в законе о нормировке произведены были некоторые изменения с целью поддержки быстрого роста сахарной промышленности, который искусственно форсировался существовавшей системой распределения между заводами контингента внутреннего потребления (участие заводов в реализации на внутреннем рынке зависело от размеров их производства). С 1907 г. Россия присоединилась к так наз. Брюссельской (международной) конвенции, целью которой было уничтожить премирование экспорта сахара и нездоровое соперничество ряда стран на почве такого премиривания. Россия, вступая в конвенцию, от скрытых экспортных премий, однако, не отказалась, а приняла на себя только обязательство вывезти в течение 6 лет не более 60 млн. пудов.

Обложение табаку построено было на взимании налога с готового продукта по системе обандероливания изделий табачной промышленности. Высота акциза зависела от сорта табаку и папирос, при чем акциз ложился относительно большею тяжестью на низшие сорта. Сверх акциза, оплачивавшегося по бандерольной системе, существовал дополнительный акциз, который уплачивался без дифференциации сортов на все изделия, при чем от него были освобождены низшие сорта. На торговлю табачными изделиями выбирался особые документы, и выборка их связана была с уплатой специального налога. Для облегчения податного надзора установлен был минимум бандеролей, которые должны были приобретаться табачными фабриками. Этот минимум варьировал в зависимости от местонахождения фабрики. Установление минимума было одним из существенных факторов концентрации табачной промышленности. Специальный налог введен был в 1909 г. на гильзы и папиросную бумагу.

Обложению нефти, начавшемуся в 1887 году, подлежали все нефтепродукты, служащие для освещения (осветительные нефтяные масла), и прочие продукты перегонки или химической и всякой иной обработки нефти. Размер налога составлял 60 коп. с пуда.

Доход от казенной винной операции. Винная монополия введена законом 1894 года в виде опыта в четырех восточных губерниях, затем постепенно распространена на другие губернии и с 1897 года—на всю Россию. Торговля спиртными напитками, водкой и водочными изделиями изъята была из частного оборота. Для торговли в трактирных заведениях издавались особые правила. В законодательном порядке устанавливались высшие и низшие (предельные) продажные цены; в пределах между ними министерством финансов устанавливались действительные продажные цены по районам. Предельные цены установлены были в 6 р. 40 к. и 9 р. за ведро ректифицированного 40° спирта и 12 р. до 20 р. за ведро водочных изделий. Подробно нормировался и несколько раз изменялся порядок заготовки спирта, и около вопроса об этом порядке шла напряженная борьба; интересы винокуренной промышленности защищались влиятельными в революционное время кругами землевладельцев—собственников винокуренных заводов. До 1903 года часть спирта заготавливалась казной в порядке разверстки между винокуренными заводами и другая часть покупалась на рынке в порядке торгов, на которых конкуренция между заводчиками часто вела к снижению цен. По правилам 1903 г. все количество необходимого спирта стало заготавливаться путем распределения между винокуренными заводами по заранее назначенным ценам, имевшим для винокуренной промышленности кровительственное значение. Последняя установленная законом ставка акциза составляла 4 р. 40 к. с ведра (11 коп. с градуса), однако, казенная винная операция давала доход, не только равный всей сумме акциза, исчисленного по этой норме, но значительно превосходивший ее. Казенная винная опе-

рация была в последние годы перед войной основой русского бюджета. По данным Департамента неокладных сборов и казенной продажи питей, она давала следующие финансовые результаты (в тыс. руб.):

Годы	Валовой доход.	Расход.	Чистый доход со включением акциза.	Прибыль от операций сверх акциза.
1904	546.705	162.145	384.560	75.188
1905	611.591	170.521	441 070	110.907
1906	695.438	189.227	506.211	130.157
1907	706.523	196 142	510 386	128.158
1908	703 768	199.469	509.299	130 880
1909	720.413	193.349	527.064	156.053
1910	764 434	189 978	574 456	180.469
1911	782.077	184.431	597.646	194.385
1912	823.894	197.586	626.308	210.610

Душевое потребление вина, понижавшееся в течение второй половины XIX столетия (в 1863 г.—1,23 ведра, в 1893 г.—0,49 ведра), остановилось затем на сравнительно устойчивом уровне от 0,50 до 0,60 ведра, приближаясь в десятилетие перед войной более к последней цифре.

Почтово-телеграфные доходы, в связи с ростом операций, обнаруживали накануне войны довольно значительное возрастание. Число всех почтовых отправок составляло в 1912 г.—2.397 млн., а в 1914 г.—2.944 млн. Число телеграмм в 1912 г.—241 млн. и в 1914 г.—273 млн. Доходы и расходы и сальдо по ним выражались в следующих цифрах (в тыс. руб.):

	1912 г.	1913 г.	1914 г.
Почтовый доход	72.486	78.832	80.616
Телеграфный доход	32.878	34 941	40 652
Телефонный доход	5.088	5.792	6.266
Прочие	934	1.290	935
	111.386	120.855	128.469
Расходы	74.113	80.245	86.317
Превышение дохода над расходом	37.273	40.610	42.152

Доходы от железных дорог также дали в последние годы перед войной существенный рост, при чем очень значительны были чистые доходы, отчасти в связи с финансовой политикой, направленной к извлечению крупных доходов, нередко за счет откладывания необходимых расходов по улучшению ж.-д. хозяйства. Длина сети казенных дорог составляла в

1912 г.—42.853 в. (при частной сети в 18.903 в.). За пятилетие она расширилась всего на 1.875 верст (а частная на 1.473 в.). Доходы же и расходы казенной сети выразились в следующих суммах (в тыс. руб.):

Годы.	Валовой доход.	Расход.	Чистый доход.
1908	586 050	488.143	97.907
1909	624.523	474.501	150.022
1910	654.656	464.577	200.079
1911	733 056	466.326	266.730
1912	821.967	511.247	310.720

За вычетом расходов на платежи по строительным капиталам казенных дорог и на покрытие дефицита по частным дорогам, железные дороги стали приносить чистый доход лишь с 1911 г. В этом году он выразился в сумме 46.254 тыс. руб. и в 1912 г.—в сумме 70.245 тыс. руб.

Государственный кредит. В бюджете 1913 г., общая сводка которого дана была выше, показан расход в 424.378 тыс. руб. на платежи по государственным займам. Эта сумма покрывает собой платежи по займам, как внутренним, так и внешним (кроме некоторых чрезвычайных платежей). Россия накануне войны была одним из наиболее обремененных займами государств. Если не считать выпуска бумажных денег (ассигнаций) и позаймствований в госуд. кредитных учреждениях для покрытия расходов госуд. казначейства, то внешние займы России начались при Екатерине II (1769) кредитными операциями у голландских банкиров, а внутренние займы—при Александре I (1809) объявлением о приеме вкладов на сроки от 5 до 10 лет круглыми суммами по 1.000 руб. Значительный рост госуд. долга относится уже ко второй половине XIX стол. По расчетам П. П. Мягулина задолженность России составила к началу эпохи реформ (при Александре II) 1.466.288 тыс. руб., в период Турецкой войны—3.716.847 тыс. руб. На 1 янв. 1904 г. госуд. долг составлял 6.636.112 тыс. руб. На 1 янв. 1914 г.—8.824.524 тыс. руб. В состав этого долга входили гарантированные правительством облигаций ж. д. на 1.671.577 тыс. руб. Старейшей операцией в ряде оставшихся непогашен-

ными до 1914 года был 6% заем 1817 г., выпущенный на сумму 95 м. р., по которому остаток долга составлял 37.560 тыс. руб. Это был единственный 6% заем. В составе госуд. долга сверх того было несколько пятипроцентных займов. Большая часть займов были трех, трех с половиной и четырехпроцентные—результат крупных конверсионных операций в министерство Витте. Часть займов были бессрочные, остальные—долгосрочные, за исключением билетов госуд. казначейства (так наз. серий) на 150,5 млн. руб. Текущий долг казначейства был, таким образом, незначителен. Формальное распределение долга на внешний и внутренний (по месту выпуска) дает (за исключением облигаций ж. д.) 2.688.235 по первому и 4.464.733 по второму. Однако, точно установить действительное распределение госуд. долга на внутренний и внешний не представляется возможным, потому что часть облигаций займов, выпущенных за границей, приобреталась при подписке или впоследствии русскими гражданами и возвращалась в Россию и, наоборот, значительная часть облигаций, выпущенных на внутреннем рынке, переходила в руки иностранных держателей. Притом данные о месте оплаты купонов по займам за последние несколько лет перед войной обнаруживают от года к году довольно значительные колебания. Поэтому и приводимые ниже цифры не могут претендовать на полную точность ни в отношении общей суммы, ни, тем более, в отношении распределения ее между отдельными странами. По подсчетам, произведенным уже после войны, и при исчислении сумм подвоенным монетным паритетам, задолженность за границей составляла накануне войны (по госуд. займам и ж.-д. займам, гарантированным правительством):

В Англии	331 м. р.
» Австро-Венгрии	50 » »
» Бельгии	200 » »
» Германии	1.029 » »
» Голландии	247 » »
» Швейцарии	57 » »
» Франции	3 859 » »
	<hr/>
	5.783 м. р.

Большая часть долга была, таким образом, размещена во Франции (2/3);

на втором месте стоит Германия ($\frac{1}{3}$). На все остальные страны приходилось меньше $\frac{1}{6}$ русского госуд. долга.

Денежное обращение России в том виде, в каком оно существовало накануне войны, создано было законодательными актами, изданными во второй половине 90-х гг. при министре финансов С. Ю. Витте, которого инспирировал в вопросах денежной политики, главным образом, известный русский экономист и статистик, проф. И. И. Кауфман. Денежная реформа Витте была подготовлена целым рядом мероприятий, проведенных при его предшественниках, Бунге и Вышнеградском, и сводившихся к укреплению бумажно-денежной системы, установившейся у нас во время Крымской кампании вслед за коротким периодом серебряного денежного обращения. Эти мероприятия заключались в сокращении количества кредитных билетов, находившихся в обращении, в образовании золотого фонда, который должен был служить основанием для будущего металлического обращения, и в мерах таможенной политики, направленных к укреплению торгового и платежного баланса. Создание бездефицитного бюджета, накопление значительного золотого фонда и предварительная стабилизация бумажной валюты позволили приступить к денежной реформе во второй половине 90-х гг. Сущность реформы заключалась в установлении в России системы золотого монометаллизма, т.-е. такой системы денежного обращения, в которой денежная единица была выражена в золоте, и банковые билеты могли быть свободно обмениваемы на золото по твердому курсу. Основные элементы денежной системы заключались в следующем. Денежной единицей был рубль: закон приравнивал его 17,424 долям чистого золота. Эта денежная единица воплощалась в золотых, серебряных и медных монетах и в кредитных билетах Госуд. банка. Золотые монеты чеканились достоинством в 10 рублей и в 5 рублей. Это были полноценные деньги, что означает, что десятирублевая монета содержала 1 зол. 78,24 долей, а пятирублевая монета—87,12 долей чистого золота. Золотые монеты были закон-

ным платежным средством без ограничения суммы. Серебряные и медные монеты были неполноценными: в серебряных и медных монетах, номинальная стоимость которых по совокупности составляла один рубль, содержалось меньше серебра или меньше меди, чем можно было купить на 1 рубль на рынке. Серебряные монеты чеканились двоякого рода: более ценные по своему металлическому содержанию (высокопробные) достоинством в 1 рубль, 50 коп. и 25 коп. (чеканка последних в последние годы была приостановлена) и менее ценные (низкопробные) в 20 к., 15 к., 10 к. и 5 к. Ценность серебра, содержавшегося в первых, составляла около 66—68% их номинальной стоимости, а во вторых—около 33—34%. Серебряные монеты также были законным платежным средством, но с ограничением суммы. Монеты достоинством в 1 р., 50 к. и 25 к. обязательны были к приему в платежи на сумму до 25 рублей, а монеты достоинством в 20, 15, 10 и 5 коп.—на сумму до 3 рублей. Только правительственные кассы (кроме таможенных) обязаны были принимать серебряные монеты без всякого ограничения суммы. Медные монеты чеканились достоинством в 5 к., 3 к., 2 к., 1 к., $\frac{1}{2}$ к. и $\frac{1}{4}$ к. Стоимость содержания металла составляла в них около $\frac{1}{3}$ номинала. Они были обязательны к приему в платежи на сумму не свыше 3 рублей. Госуд. кредитные билеты являлись обязательствами Госуд. банка, содержание которых заключалось в том, что банк должен был выплатить предъявителю за каждый рубль кредитными билетами 17,424 долей чистого золота. Госуд. банк мог выпустить кредитных билетов на неограниченную сумму, но, в целях обеспечения размена их на золото, устав банка требовал, чтобы он всегда имел соответствующие металлические резервы. Постановления устава Госуд. банка были в этом отношении крайне ригористичны; они были значительно более строги, чем требования уставов почти всех иностранных банков этого же рода. Сумма золота, обеспечивающего билеты, должна была быть не менее половины

общей суммы выпущенных в обращение кредитных билетов, пока эта последняя не превышала 600 млн. рублей. Кредитные билеты, выпущенные Госуд. банком сверх этой суммы, должны были быть обеспечены золотом рубль на рубль. Для установления столь строгих ограничений существовали основания в пассивности нашего платежного баланса и в желании дать возможно большую уверенность в устойчивости системы денежного обращения. Опыт показал, однако, что в совершенно ненормальных условиях никакая система не могла спасти денежную единицу от обесценения. Госуд. кредитный билет был законным платежным средством так же, как и металлические деньги. Так как он был обязательством, выраженным в золоте и вполне обеспеченным золотом, то он, подобно золотым деньгам, был обязателен к приему в платежи без ограничения суммы:

На 1-е января 1914 г. в обращении находилось:

Кредитных билетов Госуд. банка.	на 1.665 млн р.
Золотой монеты	" 494 " "
Серебра высокопробного	" 123 " "
Серебра низкопробного	" 103 " "
Медной монеты	" 18 " "

Справка о количестве золотой монеты дает несколько преувеличенную цифру, так как она учитывает данные монетного двора о чеканке и не принимает в расчет утечку монеты из обращения. Общее количество денег во всяком случае превышало 2 миллиарда руб. На ту территорию, которая входит в настоящее время в состав СССР, из этой суммы, вероятно, приходилось около 1,8 миллиард. рублей.

В первую половину 1914 г. наличность золота Госуд. банка превышала значительно ту норму, которой требовал закон; она превышала даже количество выпущенных в обращение кредитных билетов. Накануне войны, по балансу Госуд. банка на 1-е июля, в обращении было кредитных билетов на 1.630 м. рублей, а наличность золота Госуд. банка в России и за границей составляла 1.743 миллиона. Эта огромная наличность образовалась в главной своей части в течение последних десятилетий, ибо она достигала:

в 1880 г. на 1-е янв.	276 м. руб.
" 1890 " " " " " " " " "	475 " "
" 1900 " " " " " " " " "	843 " "
" 1910 " " " " " " " " "	1.414 " "

Организация финансового управления. Госуд. финансовым хозяйством ведало министерство финансов, состоявшее из нескольких центральных учреждений. Важнейшими из них, кроме отдельных советов и комитетов при министерстве, были: департамент железнодорожных дел, главн. управление неокладн. сборов и казенной продажи питей, департ. окладн. сборов, департ. таможенных сборов, департ. госуд. казначейства с состоявшим в непосредственном его ведении главн. казначейством, особая канцелярия по кредитной части.

Департамент ж.-д. дел ведал делами, касавшимися ж.-д. тарифов, и расчетами между казной и частными железными дорогами. Главн. управление неокладных сборов—акцизами, казенной винной монополией и некоторыми пошлинами. Департ. окладных сборов административовал прямые налоги и некоторые пошлины (гербовые, крепостные и пр.). Департ. таможенных сборов административовал таможенные учреждения и таможенные доходы. Департ. госуд. казначейства ведал рассмотрением смет, составлением госуд. росписи доходов и расходов и кассовым делом, т.-е. денежной наличностью казначейства и оплатой кредитов, открытых по бюджету. В ведении особой кредитной канцелярии по кредитной части находились, главным образом, дела по го уд. долгу и по надзору за кредитными учреждениями, а также монетный двор.

Органами финансового управления на местах были казенные палаты, заведывавшие счетоводством и отчетностью по приходу и расходу денежных сумм, подведомственные казенным палатам казначейства, органы податной инспекции, отчасти органы полиции и органы управления акцизами. Местного учреждения, которому были бы подчинены все чины финансового ведомства в пределах данной территории, не существовало. Этим дореволюционная система главным образом и отличалась от ныне существующей.

Кассовое дело с 60-х гг. XIX столетия сосредоточено было в ведении министерства финансов, и этим достигалось единство кассы, т.-е. более или менее полная централизация всех средств, притекающих в казну, в администрировании одного ведомства. Все ведомства, по общему правилу, получали только авансы на расходы. Ассигновки всех ведомств оплачивались кассами министерства финансов. Приходными кассами были казначейства и кассы специальных сборщиков. Последние взимали горные, пробирные, таможенные, почтовые, железнодорожные и некоторые другие виды доходов. Расходными кассами были казначейства. По правилам 1862 г. свободные суммы госуд. казначейства должны были храниться в Гос. банке и с этой целью пересылаться в банк в определенные сроки. С 1896 г. произошло слияние средств казначейства с оборотной наличностью Гос. банка, однако, без уничтожения отдельного существования казначейств. Все превышения поступлений в казначейства над расходами зачислялись последними с этого времени на текущий счет Гос. банка без пересылки сумм в наличности. В случае недостатка средств производилось обратное перечисление. Казначейства стали, таким образом, одновременно органами Гос. банка и министерства финансов. Вместе с тем казначействам разрешено было производство простейших банковских операций. Этой реформой достигнуто было использование всей казначейской наличности для финансирования народного хозяйства в банковом порядке и осуществлено было значительное расширение сети банковых учреждений. При огромных оборотах казначейства и крупных размерах постоянных остатков свободных средств, слияние наличности казначейства с наличностью банка имело очень большое значение. Свободная наличность гос. казначейства составляла:

На 1-е янв. 1909 г.	1.863	тыс. рубл.
" " " 1910 "	107.409	" "
" " " 1911 "	333.025	" "
" " " 1912 "	473.455	" "
" " " 1913 "	433.285	" "

На 1-е янв. 1914 г. она превысила полмиллиарда. Хотя накопление свободной наличности и означало, что государство брало у населения больше, чем необходимо было для покрытия текущих государств. расходов, но, так как наличность эта оставалась в Гос. банке и обращалась последним на его активные операции, то изъятые у населения средства не оставались мертвым фондом, а возвращались в народное хозяйство.

Государственный контроль. Во главе его стоял государственный контролер, пользовавшийся властью министра и входивший в совет министров. Органами контроля в губерниях были контрольные палаты. Функциями гос. контроля были: последующая документальная ревизия и дача заключений по сметам ведомств, но в некоторых случаях устанавливался предварительный контроль (особенно в области ж.-д. строительства). Применялся также фактический контроль в виде освидетельствований касс казначейств и специальных сборщиков, проверки складов военного ведомства, присутствия чинов контроля на торгах и т. п. Некоторые учреждения были изъяты из ведения гос. контроля: министерство двора и уделов, иностранное отделение особой канцелярии по кредитной части министерства финансов, министерство иностранных дел в части чрезвычайных секретных расходов, синод по части своих хозяйственных расходов и др.

Составление и утверждение бюджета является одним из существенных актов финансового управления. Порядок, установленный в 1906 г., заключался в следующем. Гос. роспись составлялась из смет всех ведомств, которые представлялись в министр. финансов, где они подвергались рассмотрению в департ. госуд. казначейства. Гос. контроль также получал все сметы, в том числе и смету министр. финансов, поверял их с точки зрения соответствия существующим законам и сопоставлял их с исполнением смет предыдущих лет. Роспись гос. доходов и расходов вносились в Госуд. Думу и Госуд. Совет

вместе с финансовыми сметами отдельных министерств и главных управлений. Предварительное рассмотрение происходило в Думе в ее бюджетной комиссии, которая выделяла докладчиков по отдельным сметам для доклада в пленуме Думы. Аналогичный порядок рассмотрения установлен был в Госуд. Совете. При обсуждении росписи не подлежали сокращению платежи по государственным долгам. Не подлежали обсуждению кредиты на расходы минист. двора и состоявших в его ведении учреждений в суммах, не превышавших ассигнований по росписи 1906 года. При обсуждении проекта гос. росписи, кроме того, не могли быть исключаемы или изменяемы доходы и расходы, которые внесены были в проект росписи на основании действующих законов, положений, штатов, расписаний, а также повелений, последовавших в порядке верховного управления. В случаях разногласия между Госуд. Думой и Госуд. Советом относительно размеров того или другого кредита, вопрос мог быть передан в особую комиссию, составляющуюся из равного числа членов Думы и Совета. Из комиссии дело с согласительным предложением снова передавалось в Думу. Если же разногласие оставалось неустранимым, в роспись вносилась цифра последнего в установленном порядке утвержденного бюджета. Когда обе палаты согласны были на изменение кредита, но в разных суммах, в роспись вносилась та цифра, которая была ближе к размерам ассигнования по последнему утвержденному бюджету. Рассмотрение росписи должно было быть закончено к 1 декабря (бюджетный год совпадал с календарным). Если же госуд. роспись не была утверждена к началу сметного периода, то должна была оставаться в силе последняя утвержденная роспись с теми изменениями, которые вытекали из изданных за истекший промежуток времени законов. Ведомства могли открываться кредиты в пределах этой росписи, не превышающие в месяц одной двенадцатой годового бюджета. В экстренных случаях совету министров предоставлялось разрешать открытие кредита сверх

утвержденной росписи с последующим внесением дела в законодательные учреждения. Особыми правилами регулировалось открытие в упрощенном порядке кредитов на потребности военного времени и на приготовления, предшествующие войне. Гос. займы утверждались в том же порядке, как и росписи. Но правительство стояло на той точке зрения, что в законодательном порядке утверждается лишь сумма займа и дается разрешение на его выпуск, а все условия займа определяются в порядке управления. Принцип, что взимание доходов и производство расходов может происходить только с утверждения законодательных учреждений, нарушался, таким образом, очень значительным числом изъятий, и бюджетно-финансовые права Госуд. Думы были весьма ограничены.

Земские и городские Ф. Земские бюджеты. Доходы земск. самоуправлений слагались из поступлений от обложения земли, от обложения промышленных и торговых предприятий по стоимости их оборудования, от особого сбора с выбираемых промышленными предприятиями документов, от обложения зданий и сооружений в уездах и городских недвижимых имуществ, из доходов от принадлежавших земствам имуществ и оброчных статей и некоторых других более мелких статей. К доходным статьям земских бюджетов относились также натуральные повинности, особенно подводная и дорожная, падавшие исключительно на так наз. податные сословия. По сводному бюджету на 1913 г. доходы по 34 земским губерниям и 6 губерниям с упрощенными земскими самоуправлениями, т.-е. всего 40 губерний, составляли 290.490 тысяч рубл., из коих доходы от обложения недвижимых имуществ в уездах и городах составляли 183.750 тысяч рубл. По 34 земским губерниям общая сумма доходов на 1913 г. составляла 253.755 тыс. рубл.

В расходной части земских бюджетов на первом месте стояли расходы на народное образование, медицинскую помощь и на дорожное строительство. Сводный бюджет на 1913 г. в своей

расходной части представляется в следующем виде:

1. Участие в расходах правительственных учреждений	11.972 т. р.
2. Содержание земского управлен.	19.720 " "
3. Устройство и содержание мест заключения	1.684 " "
4. Дорожное дело	21.577 " "
5. Народное образование	90.129 " "
6. Общественное призрение	4.509 " "
7. Медицинская помощь	71.444 " "
8. Ветеринарная часть	8.041 " "
9. Содействие экономическому благосостоянию	22.220 " "
10. Уплата долгов	17.247 " "
11. Разные расходы	8.449 " "
12. Отчисления на образование капиталов	8.430 " "
13. Запасные суммы	4.255 " "
14. Прочее	415 " "

ИТОГО: 290.082 т. р.

Самые значительные бюджеты (свыше 10 млн. р.) имели губернии: Вятская, Екатеринославская, Московская, Пермская, Полтавская, Харьковская, Херсонская и Киевская. На первом месте стояло Харьковское земство, на втором — Полтавское. Рост бюджетов земств происходил довольно быстро. В 1900 г. бюджет по 34 губ. составлял 89.142 т. р., в 1910 г. — 171.687 т. р., в 1913 г., как указано выше, — 253.755 т. р. Отношение правительства к росту земских бюджетов, с которыми связано было расширение и оживление ра-

боты местных самоуправлений, было очень сдержанное и скорее неблагоприятное. Губернаторам предоставлены были очень обширные права в отношении надзора за финансовой деятельностью земств.

Городские бюджеты опирались в доходной своей части на гораздо более разнообразные поступления, чем бюджеты земские. К доходным статьям принадлежали: оценочный сбор с недвижимых имуществ, специальные сборы с домовладельцев, сборы с промысловых свидетельств, с провозимых товаров, с тракторов и иных лавок, с извозного промысла, с лошадей, экипажей, велосипедов, собак, сбор больничный, сборы за совершение, засвидетельствование, протест и предъявление к взысканию различных актов, за клеймение мер и весов, с аукционных продаж, доходы с городских имуществ, капиталов и оброчных статей, от прибылей городских банков, от городских предприятий (водопровода, скотобоев, трамваев, электрических станций и проч.), от пособий казны по расквартированию войск и т. д.

По исполнению за 1909 г. городские бюджеты по доходам выразились в следующих цифрах (в тыс. руб.):

	Города до 20.000 жит.	От 20 000 до 50.000 жит.	Свыше 50.000 жит.	ВСЕГО.
I. Городские налоги	5.044	6.025	40.134	51.203
<i>В том числе:</i> а) оценочн. сбор с недвиж. имуществ	2.785	3.484	21.243	27.512
б) сборы с промысловых свидетельств	687	704	3.005	4.396
II. Пошлины разного рода	199	263	1.258	1.720
III. Доходы с городских имуществ, предприят. и капиталов	13.407	14.048	75.700	103.155
<i>В том числе:</i> а) с городских имуществ, оброчных статей и капиталов	10.106	8.227	24.470	42.803
б) с городского водопровода	154	681	11.325	12.160
IV. Пособия из посторонних источников	2.851	2.634	7.084	12.569
V. Городские займы	1.547	1.800	8.801	12.258
VI. Прочие поступления	4.212	3.016	11.809	19.037
Всего	27.260	27.846	144.786	199.892

Всего здесь данные приведены по 881 городу с 18.648 тыс. жителей. Из них в группу мелких городов входят 701 с 5.042 тыс. жит., в среднюю группу—122 города с 3.010 тыс. жит. и в высшую группу—58 городов с 9.796 тыс. жит.

Рига), в 1913 г.—7 городов (кроме названных, Баку Харьков, Саратов). Бюджеты этих семи городов дали за десятилетие очень значительный рост (см. верхн. табл.).

Что касается расходов, то в 1909 г. они следующим образом распределя-

	1904 г.	1913 г.	Приращение в %.
Москва	19.507 т. р.	48.103 т. р.	146
Петербург	29.745 " "	47.394 " "	59
Баку	1.535 " "	12.378 " "	706
Одесса	5.428 " "	9.662 " "	78
Рига	4.046 " "	8.146 " "	104
Харьков	2.112 " "	5.954 " "	182
Саратов	1.477 " "	5.393 " "	217

Города Польши в этот перечень не введены.

На эту высшую группу с половиной всего городск. населения приходится около $\frac{3}{4}$ доходов всех городск. бюджетов.

В 1909 г. имелось 19 городов с бюджетами, превышавшими 1 млн. р. В 1904 г. их было 13. В 1913 г. их стало 32. С бюджетами, превышающими 5 млн. рублей в 1904 г. было 3 города (Петербург, Москва, Одесса), в 1909 г.—4 города (кроме названных,

лишь по различным назначениям (в тыс. рублей): (см. нижн. табл.)

Эта таблица относится к тем же городам, для которых приведены были данные о доходах. На 1 жителя в мелких городах приходилось 5,2 рубл. расходов по городскому бюджету, в средних городах—7,1 р. и в крупных городах—14,5 рубл.

2. Ф. России во время войны и при Временном Правительстве. Описанная

	Города до 20.000 жит.	От 20.000 до 50.000 жит.	Свыше 50.000 жит.	ВСЕГО.
1. Участие в расходах государства	3.931	4.276	16.046	24.247
2. Содержание городских обществ. управлений	3.568	2.962	8.928	15.458
3. Сооружение и содерж. городских зданий и т. п.	2.315	2.054	6.761	11.130
4. Расходы по благоустройству	4.606	5.770	40.359	50.735
5. Культурные расходы	5.776	6.476	41.318	53.570
6. Уплата долгов	2.140	2.996	19.399	24.535
7. Разные расходы	4.033	2.517	9.714	16.264
ВСЕГО	26.349	27.045	142.525	195.939

система финансового хозяйства формально, в отношении построения бюджета и организации управления, претерпела во время войны малосущественные изменения. Главные последствия войны для финансов страны лежали не в области порядка управления, а в области материального содержания всего финанс. хозяйства. Война увеличила в небывалой степени государственные расходы, изменила соотношение между обыкновенными и чрезвычайными расходами в гос. бюджете, ликвидировала некоторые источники гос. доходов (запрещение продажи питей), заставила использовать новые источники, направила в огромной мере гос. кредит, изменила денежн. систему и в общем глубоко распатала финансы государства.

Крымская кампания 1853—1856 г.г. обошлась России в 538 млн. рублей, Турецкая война 1877—78 г.г.—в 1.075 млн. рублей и Японская война 1904—1905 г.г.—в 2.295 млн. рублей. Стоимость войны 1914—1917 г.г. была для России несравненно большей как в силу ее продолжительности и огромной численности мобилизованной армии, так и в силу совершенно иного оборудования армии и флота и, следовательно, более высокого расхода на одного солдата. По 1 сентября 1917 г. на нужды войны было ассигновано:

на содержание армии	30.944,6	млн. рубл.
" флота	2.057,9	"
на пайки семьям солдат	3.264,1	"
на помощь беженцам	569,5	"
на развитие почтово-телеграфных учреждений	122,4	"
на постройку новых ж. д.	369,3	"
на усиление существующих ж. д.	1.172,7	"
на заказы паровозов и вагонов	617,6	"
на оборудование портов	115,2	"
" водных и шоссейных путей	79,7	"
на прочие назначения	2.079,7	"

ВСЕГО: 41.392,7 млн. рубл.

Однако, по другим данным, сумма военных расходов до окончания войны была еще значительней и превосходила 50 миллиардов рубл. (С. П. Прокопович, „Война и народное хозяйство“, М., 1918, стр. 81). Оценить действительно значение этих цифр затруднительно, потому что они показывают расходы в номинальных рублях, между тем как обесценение рубля, начавшееся уже с последних месяцев

1914 года, стало очень значительным в начале 1917 года, а к моменту Октябрьской революции покупательная сила рубля составляла всего 13 довоенных копеек. Если принять в соответствии с расчетами Г. Д. Дементьева военные расходы второго полугодия 1914 г. в 2,2 миллиарда рублей, 1915 года—в 8,3 млрд., 1916 г.—в 14,6 млрд. и расходы 1917 года приблизительно в 25 миллиардов; если затем перечислить эти расходы в рубли довоенной покупательной силы по индексу цен статистики труда („Статистика Труда“, дек. 1922, № 1, стр. 4), то стоимость войны определится в довоенных рублях в 20,8 миллиардов.

Для покрытия расходов,—притом, однако, не для удовлетворения нужд войны в прямом смысле, а для того, чтобы заткнуть брешь, образовавшуюся в бюджете вследствие прекращения казенной продажи питей—повышены были некоторые налоги и тарифы. Однако, при падавшей покупательной силе рубля и понижавшейся с 1915 г. платежеспособности населения, „реальные“ поступления по обыкновенному бюджету сокращались. Расходы по ведению войны были покрыты за счет чрезвычайных ресурсов, а именно за счет увеличения госуд. долга, как внутреннего, так и внешнего, и за счет выпуска госуд. кредитных билетов Гос. банка. Формально последняя операция тоже была кредитной, так как казначейство депонировало в Гос. банке свои краткосрочные обязательства. По существу, за безнадежностью составившегося таким образом долга казначейства банку, выпуск кредитных билетов превратился в казначейскую эмиссию, на погашение которой уже в 1916 году не приходилось рассчитывать.

Таким образом, важнейшими чисто финансовыми последствиями войны были: увеличение гос. долга и рост эмиссии бумажных денег. Что касается гос. долга, то он был аннулирован советским правительством в 1918 г. Бумажные же деньги, выпущенные в обращение во время войны, остались в обращении и подготовили всю дальнейшую эволюцию нашего денежного обращения.

Возрастание госуд. долга, если брать фактические поступления, выражалось за время войны по различным операциям и суммам, вырученным от них, в следующих цифрах:

Внутренние займы.

Внутренний 5% заем 1914 г.	466,6	млн.	рубл.
Внутренний 5% заем 1915 г.	462,2	"	"
2-й внутренний заем 1915 г.	980,0	"	"
Государственный 5 ¹ / ₂ % военн. заем 1915 г.	935,8	"	"
Государственный 5 ¹ / ₂ % военн. заем 1916 г.	1.884,6	"	"
То же, второй выпуск	2.819,7	"	"
Заем свободы	3.098,1	"	"
4% государственная рента	8,0	"	"
Билеты государственного казн. (серии)	850,0	"	"
ИТОГО:	11.505,0	млн.	рубл.

Сверх того реализовано на рынке краткосрочных обязательств государственного казначейства (около)

4.363,0 " "

ВСЕГО: 15.868,0 млн. рубл.

Внешние займы.

	млн. рубл.	
В Англии	4.787,4	
" Франции	1.333,3	
" Америке	305,3	
" Японии	217,3	
" Италии	81,8	
Итого	6.785,1	

Всего на внутр. и внешн. рынках 22.653,1

Что касается влияния войны на денежное обращение, то в первые же дни после объявления военных действий приостановлен был обмен кредитных билетов на золото и разрешен был дополнительный выпуск кредитных билетов для учета краткосрочных обязательств госуд. казначейства, при чем закон 27 июля 1914 года разрешил Гос. банку этот учет „в размере, вызываемом потребностями военного времени“. Мы уже видели, насколько велики были эти потребности. Правда, эмиссия не была единственным способом покрытия дефицита. Этой цели служили в значительной мере займы. Но эмиссии пришлось сыграть в этом деле большую роль.

Год.	Дефицит.	Эмиссия.	Отношение эмиссии к дефициту.
1914	1.898	1.283	67%
1915	8.561	2.670	31%
1916	13.756	3.490	25%
1917	22.568	16.403	73%

Несколько раз издавались новые постановления, расширявшие эмиссионное право Гос. банка. В первый раз, 27 июля 1914 г., оно было увеличено на 1¹/₂ миллиарда руб., 17 марта 1915 г. еще на 2¹/₂ миллиарда, затем 22 августа 1915 г.—на 3¹/₂ миллиарда, 29 августа 1915 г.—на 5¹/₂ млрд. и 27 декабря 1916 г.—на 6¹/₂ миллиардов. Хотя роль займов в покрытии бюджетных дефицитов возросла, такие выпуски бумажных денег должны были внести глубокое расстройство в денежное обращение.

Начало войны, несмотря на крупные выпуски денег в 1914 г., не сопровождалось сколько-нибудь заметным падением покупательной силы рубля. Закрытие границ отрезало те рынки, на которых в обычное время реализовались хлеб и экспортное сырье, и цены на эти продукты на первых порах даже упали. Кроме того, те изменения, которые война вызвала в народном хозяйстве, в течение первого времени не только не вызвали сжатия торгового оборота, но, наоборот, вызвали расширение его. Производительность сельского хозяйства не могла еще сократиться в 1914 г., уборка урожая этого года прошла благополучно. Работа промышленных предприятий, приспособленных к изменившимся потребностям рынка, была доведена до большого напряжения благодаря тому спросу на предметы снабжения и снаряжения армий, который был вызван войной. Далее, рынок расширился благодаря тому, что многие продукты, потреблявшиеся раньше внутри хозяйства и не поступавшие в оборот, должны были появиться на рынке, т.-е. сделались товарами. Это произошло вследствие мобилизации мужского населения деревень. То, что крестьянин потреблял в своем собственном хозяйстве, он в качестве солдата,—и притом часто в большем количестве,—стал получать в порядке государственного снабжения, а государство приобретало соответствующие продукты на рынке. Наконец, золото, после прекращения обмена кредитных билетов, ушло из обращения в накопление, и соответствующая сумма должна была быть замещена в обращении бумажными

деньгами. Поэтому увеличение количества кредитных билетов в 1914 г. на 1.283 млн. рублей не вызвало на первых порах инфляции, и цены стали подниматься лишь в 1915 г. В среднем за 1914 г. индекс цен, исчисленный впоследствии для этого периода по тому же методу, по которому вычисляется в настоящее время индекс статистики труда, составлял всего 1,01, т.е. цены повысились в среднем за этот год всего на 1%, на величину совершенно ничтожную и лишенную практического значения. Впрочем, к концу года повышение цен начало становиться заметным фактом в хозяйственной жизни.

Однако, чем дальше, тем больше народно-хозяйственные и финансовые последствия войны стали сказываться на уровне цен, т.е. на покупательной силе рубля. Такой же средний индекс за 1915 г. составляет 1,30, т.е. показывает увеличение цен по сравнению с 1913 годом на 30%, а на январь 1916 г. индекс составлял уже 1,43. В течение 1916 и 1917 гг. цены неуклонно возрастали, индекс повышался из месяца в месяц; в январе 1917 г. он составлял 2,94, в феврале—3,10, в марте—3,15. Другими словами, покупательная сила рубля упала ко времени февральской революции более, чем в три раза, и накануне переворота рубль по покупательной своей способности составлял только 32 копейки. Уже к этому времени было совершенно ясно, что возврат к довоенной системе денежного обращения на основе полного восстановления ценности бумажного рубля не может быть. Однако, до февральской революции возможности использования государственного кредита были еще значительны, и максимальное использование эмиссии для извлечения дохода относится лишь к следующему периоду, а именно, к эпохе временного правительства. Количество бумажных денег в обращении, составившее на 1 марта 1917 г. 11.786 млн., повысилось к 1 ноября 1917 г. до 22.446 млн., т.е. увеличилось на 10.660 млн. руб.

Хозяйственная разруха все более превращалась в полный развал. Производительность труда упала, транспорт разлагался, предприятия, работавшим

на оборону, приходилось выдавать все большие субсидии, налоговые поступления сокращались при возрастающих государственных расходах, „заем свободны“, выпущенный Временным правительством, принес небольшие финансовые результаты. Процент бюджетного дефицита, покрываемый эмиссией, от 25 в 1916 году поднялся до 73 в 1917 г. Временное правительство не могло уже ограничиться выпуском кредитных билетов прежних образцов. Техника их печатания была слишком сложна. Были выпущены в обращение новые кредитные билеты достоинством в 250 и 1.000 рублей и казначейские знаки в 20 и 40 рублей (так наз. „керенки“), знаки мелкого формата, печатавшиеся сразу на больших листах бумаги и целыми листами выдававшиеся из госуд. казначейства. В условиях этой хозяйственной разрухи, несмотря на продолжавшееся накопление бумажных денег крестьянством и все большее вытеснение сделок в кредит сделками за наличный расчет, потребность оборота в деньгах стала быстро падать. Реальная ценность всей денежной массы, составлявшая на 1-е марта 3.741 млн. (по индексу цен в рубл. довоенной покупательн. силы), понизилась на 1 ноября до 2.200 млн. И в то время, как количество бумажных денег в обращении возросло на 90%, цены товаров увеличились в среднем на 224%. Новые нажимы на эмиссию давали относительно все худшие результаты. Однако, эти нажимы были настолько сильны, что сумма ценностей, которая была извлечена при временном правительстве из оборота при помощи эмиссии, оказывается огромной. Эта сумма составила в реальных рублях (по индексу) около 1.861 млн. руб., т.е. в среднем почти по 233 млн. руб. в месяц. В этом смысле на период от февральской до Октябрьской революции приходится максимальное использование эмиссии. Высшая точка была достигнута в октябре, когда реальная выручка от эмиссии составила 402,7 млн. руб. После этого началось быстрое падение этой выручки. Такое использование эмиссии не могло, конечно, пройти для бумажного рубля даром. К моменту Октябрьской революции рубль стоил

уже немногим более 10 копеек. Довоенная система денежного обращения была окончательно похоронена.

3. *Финансовое хозяйство после Октябрьской революции. Эпоха военного коммунизма.* Идеи экономической политики, постепенно выкристаллизовавшиеся в течение этой эпохи и определившие направление хозяйственного и финансового строительства 1918—1920 гг., в основных своих чертах сводились к следующему.

Все народное хозяйство подлежало обобществлению. То, что производилось в государственных и кооперативных предприятиях, а также и в крестьянских хозяйствах (за покрытием потребностей самих крестьян-производителей), должно было поступать в общий фонд и распределяться затем согласно общему плану, в основу которого клалась государственная необходимость и классовый принцип. Рынок с его вольными ценами рассматривался, как отживающая хозяйственная категория, разрушительно действующая на вновь строящуюся хозяйственную систему. Его приходилось терпеть лишь постольку, поскольку мелкое производство не в полной мере поддавалось обобществлению и государственному регулированию. Методы планового распределения, удовлетворения потребительских потребностей при помощи системы пайков и производительных потребностей при помощи выдач по ордерам должны были постепенно оттеснить вольный рынок и затем привести к полной ликвидации его. Реализация на деньги продуктов производства государственных предприятий и их услуг и того сырья, которое собирал Народный комиссариат продовольствия, постепенно теряла всякий смысл. Она противоречила основным принципам нового хозяйственного строя и утрачивала свое практическое значение. Потребителями этих предметов были преимущественно те же гос. предприятия и учреждения и рабочие или служащие, получавшие в свою очередь заработную плату от гос. предприятий и учреждений. К тому же распределение, покуда и поскольку оно оставалось денежным, происходило по твердым ценам, все более отставав-

шим от вольных рыночных цен. Эти твердые цены не служили реальным эквивалентом предоставляемых продуктов и услуг и имели лишь весьма условное учетное значение. Госуд. власть стала поэтому переходить к принципу бесплатного распределения. К концу 1920 г. законодательство вполне определенно стало на эту точку зрения, и декрет СНК от 11 октября 1920 г. поручал Нар. ком. фин. разработать технически мероприятия по отмене платы за почтовые и телеграфные услуги всеми гос. учреждениями и предприятиями, платы за пользование телефоном, водопроводом, канализацией, газом и электричеством, платы за предоставляемое Главным топливным комитетом топливо всякого вида, платы за продукты, отпускаемые Н. к. прод., платы за жилые помещения госуд. рабочих и служащих (включая лиц, проживающих при них) в национализированных и муниципализированных помещениях, при чем под отменой платы декрет понимал не только отмену платы наличными, но и расчет какими-либо бухгалтерскими перечислениями. Впоследствии этот перечень был еще дополнен. Декретом 16 августа 1920 г. был установлен порядок бесплатных перевозок по железным дорогам и водным путям.

Поскольку все продукты поступали в натуре в распоряжение органов гос. власти, постольку всякое денежное обложение производства, обмена и даже потребления становилось и неужным и по большей части даже невозможным. Отказываясь от системы денежного хозяйства, госуд. власть должна была отказаться и от системы денежных налогов. В 1918—1919 гг. шла еще работа по приспособлению старой налоговой системы к новым хозяйственным условиям. Налоги частично преобразовывались и частично изменялись. В 1920 г. поставлен был еще вопрос о реорганизации налоговой системы в смысле унификации всего прямого обложения, и пленумом второй сессии ВЦИК вынесена была 18 июня 1920 г. соответствующая резолюция. Однако, в конце 1920 г. поставлен был уже вопрос о принципиальной целесообразности самого существования налоговой

системы, и взимание налогов было затем приостановлено постановлением ВЦИК от 3 февраля 1921 г., накануне самого перехода к новой экономической политике. По исчислению С. А. Голованова („На новых путях“, вып. II, стр. 10), налоговые поступления составляли в бюджете 1918 г. 153,2 млн. зол. руб. (исчислено по индексу статистики труда), в 1919 г.—10,2 млн. руб., в 1920 г.—0,2 млн. руб. и в 1921 г. (когда налоговая система начала уже восстанавливаться)—3,7 млн. руб. Но это цифры ожидавшихся, а не действительных поступлений, при чем в сумму 1918 года включен чрезвычайный революционный налог, который собран был лишь частично.

Из гос. бюджета, таким образом, последовательно исчезали все денежные ресурсы, и эмиссия все более становилась единственным источником покрытия денежных расходов. Между тем, потребность в деньгах хотя и суживалась все более и более, однако, не исчезла вовсе. Финансирование войны не могло происходить исключительно за счет тех продуктов, которые давали хлебная монополия, национализированная промышленность, а также реквизиции и конфискации; для ведения ее необходимы были еще и деньги. Деньги нужны были частично и для содержания всех отраслей госуд. управления и, кроме того, еще для финансирования транспорта и промышленности, работавших в убыток, так как система натурального снабжения никогда не была проведена до самого конца. Единственным источником покрытия этих денежных расходов в сложившихся условиях оставалась эмиссия. Она оставалась необходимой, хотя во всем госуд. хозяйстве, взятом в целом, она и играла к концу этого периода лишь подчиненную роль.

С. А. Голованов определяет на основе различных догадок и вычислений весь доход по гос. бюджету 1920 г. в 1.726 млн. зол. рублей. Это был бюджет не в дореволюционном и не в современном смысле слова, так как в него должен был быть включен весь валовой доход от национализированных отраслей народного хозяйства. Как ни велико было в 1920 г. падение произ-

водительных сил, обусловившее уже в следующем году переход к новой экономической политике, эта цифра все же, быть может, несколько преуменьшена, тем более, что гос. бюджет поглощал в то время не только народно-хозяйственные *доходы*: жизнь шла в немалой мере за счет потребления ранее накопленных в транспорте и в промышленности *капиталов*. Как бы то ни было, из этих 1.726 млн. зол. руб. на долю денежных доходов приходится по тем же вычислениям только 126 млн., или 7,3%. Эти 7 процентов почти целиком давала эмиссия, и главным их назначением была выплата денежной части заработной платы. Эмиссия бумажных денежных знаков чрезвычайно быстро развивалась в течение этого периода. Она составляла 2.523 млн. за ноябрь 1917 г. и достигла 223.844 млн. в течение июня 1921 г., т. е. примерно к тому времени, когда стал совершаться переход к новой экономической политике. Всего в обращении находилось на 1 ноября 1917 г. бумажных рублей 22.446 млн., а на 1 июля 1921 г.—2.346.139 млн. рублей. Так как территория хождения этих бумажных денег до 1920 г. суживалась и в различных районах появилось множество денег местных правительств и денежных суррогатов, так как сверх того сокращался, в связи с натурализацией хозяйства, и товарный оборот страны, то темп инфляции, т. е. переполнения рынка деньгами и обесценения их, опережал, как уже и при временном правительстве, темп возрастания самой денежной массы. Это можно иллюстрировать следующими цифрами:

За первое полугодие	1918 г.	1919	1920	1921	Увеличение	
					денежной массы в %	цены в %
■ первое	1918	40	80	60	323	
■ второе	1919	64	304	40	84	
■ первое	1919	125	269	125	269	
■ второе	1920	127	237	127	237	
■ первое	1920	128	106	128	106	
■ второе	1921	101	380	101	380	

Эти цифры отражают не только народно-хозяйственные процессы, совершавшиеся в стране, но и последствия изменения территории, находив-

шейся под властью центрального советского правительства, чем и объясняется, что показатели второй половины 1920 г.,—времени побед Красной армии на фронтах гражданской войны,—благоприятны для денежного обращения, и в течение этого полугодия цены повышаются медленнее, чем возрастает эмиссия. Но это „благополучие“ было, конечно, весьма относительно.

Все более ничтожными становились и доходы от эмиссии не в номинальном их выражении, а по реальному их содержанию. При Временном Правительстве эмиссия давала еще в среднем по 233 млн. довоенных рублей в месяц; в среднем за 1918 г. она стала приносить казне по 46 млн. рублей; в 1919 г. средний месячный доход упал до 18—19 млн., в 1920 г.—до 10 млн., и, наконец, в первую половину 1921 г.—до 5,6 млн. руб. Июль 1921 г. принес уже всего 3,1 млн., и это была низшая цифра за все время использования казначейской эмиссии бумажных денег. Вместе с тем понижалась и реальная ценность всей денежной массы. Во время Октябрьской революции (на 1 ноября 1917 г.) она составляла 2.200 млн. руб., на 1 января 1919 г.—370 млн., на 1 января 1920 г.—93 млн., на 1 января 1921 г.—70 млн. и, наконец, на 1 июля она достигла своего минимума—29 млн. руб.

Ежегодно выпускались бумажные деньги все более упрощенных образцов и все более крупных купюр. Для облегчения счета,—собственно уже в следующую эпоху,—произведены были две „деноминации“. Денежный знак образца 1922 г. достоинством в 1 рубль приравнен был 10.000 руб. денежными знаками всех прежних выпусков. Это дало уменьшение чисел, которыми приходилось оперировать, но было неудачным преобразованием, так как было в высшей степени неудобно делить привычные числа на 10.000. Затем денежный знак образца 1923 г. достоинством в 1 рубль был приравнен 100 руб. знаками образца 1922 г. или 1.000.000 знаками образцов всех предыдущих выпусков. Это изменение наименований было более простым и удобным, и оно действительно привилось.

Денежное обращение постепенно отмирало. До начала 1921 г. такое его отмирание и составляло прямую задачу экономической политики. Советская власть строила хозяйственную систему, в которой деньги в старом смысле слова не были нужны, и после некоторых колебаний она стала прямо ориентироваться на отмену денег. Второй Всероссийский съезд советов народного хозяйства в Москве в последних числах декабря 1918 г. подошел вплотную к формулированию новой идеологии в области денежного обращения в следующих словах: „Развитие социалистического переустройства в области экономической жизни требует отвлечения от прежних капиталистических отношений в производстве и устранения, в конечном итоге, всякого влияния денег на соотношения хозяйственных элементов. Искоренение частных финансовых учреждений, концентрация основных отраслей производства в руках государства и сосредоточение распределения в ведении государственных органов являются достаточным основанием для *последовательного устранения* в хозяйственной жизни денежного обращения в тех размерах, в каких оно было до сих пор“.

Принципиально еще определенной высказывается программа Российской Коммунистической Партии, принятая VIII съездом в марте 1919 года. „В первое время перехода от капитализма к коммунизму,—гласит § 15 ее,—пока еще не организовано полностью коммунистическое производство и распределение продуктов, уничтожение денег представляется невозможным. При таком положении буржуазные элементы населения продолжают использовать остающиеся в частной собственности денежные знаки в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся. Опираясь на национализацию банков, РКП стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и *подготавливающих почву к уничтожению денег*“.

В 1920 г. один из главных вдохновителей экономической политики этой эпохи, Ю. Ларин, оценивал состояние

денежного хозяйства страны и перспективы его развития в следующих словах: „Постоянное умирание денег нарастает по мере роста организованности советского хозяйства... Деньги, как единое мерило ценности, не существуют вовсе. Деньги, как средство обращения, могут быть упразднены уже в значительной степени... Деньги, как средство платежа, окончат свое существование, когда советское государство... избавит (рабочих) от необходимости бегать по сухаревкам. И то, и другое находится в пределах нашего предвидения и практически разрешится в ближайшие же годы. А тогда деньги потеряют свое значение, как сокровище, и останутся только тем, что они есть в действительности: цветной бумагой“ („Деньги“, „Экономическая Жизнь“ 7 ноября 1920 года, № 250).

В последующие годы и теоретическая мысль и финансовая практика последовательно работают в указанном направлении. Проблема заключалась, в частности, в том, чтобы заменить платежи наличными деньгами так называемыми безденежными расчетами, т.-е. бухгалтерскими записями в книгах на основании тех или других документов: чеков, оборотных ассигновок и т. п. В этом направлении приходилось справляться лишь с техническими затруднениями, вызванными тем, что задачу нужно было разрешать в очень широком масштабе и в условиях крайне распатанного счетоводства всех предприятий и постоянной их реорганизации. Но самая практика безденежных расчетов была хорошо знакома и капиталистическому хозяйству; речь шла лишь об использовании и приспособлении к новой обстановке известных уже методов и образцов. Декрет Совнаркома от 2 мая 1918 г. потребовал, чтобы все денежные средства, находившиеся в заведывании и на хранении советских учреждений или должностных лиц, вносились в кассы Народного банка или государственного казначейства и чтобы все платежи производились только по ассигновкам и чекам. Разрешалось держать в кассе лишь авансы, отпускаемые на мелкие операционные

или командировочные расходы. Постановление ВСНХ от 30 августа 1918 г. требовало, чтобы все национализированные предприятия сдавали продукты своего производства на учет соответствующим „центрам“, главным комитетам или отделам и получали от последних все необходимые материалы и сырье с тем, чтобы „расчет за сданные и полученные таким образом продукты производился бухгалтерскими записями без участия денежных знаков“. Бухгалтерскими же записями должны производиться и расплаты со всеми потребителями—советскими организациями и учреждениями. Декрет Совнаркома от 23 января 1919 г. устанавливал определенный порядок расчетных операций между национализированными, муниципализированными и находящимися под их контролем (на учете) учреждениями ВСНХ, Наркомпрода и провинциальных советов народного хозяйства и подотделов, а также между правительственными и торговыми предприятиями: все взаимные расчеты должны были производиться „бухгалтерским способом без участия денежных знаков“. Декретом 6 января 1920 г. эти постановления были распространены на кооперацию.

Внутренняя реорганизация органов Наркомфина должна была приспособить их к выполнению основной функции—производства расчетов между советскими учреждениями. Народный банк РСФСР все более превращался из кредитного учреждения в центральный расчетно-кассовый аппарат республики. В начале 1920 г. с ликвидацией Народного банка (декрет 19 янв. 1920 г.) таким аппаратом сделалось центральное бюджетно-расчетное управление Наркомфина. Правда, то же управление продолжало эмиттировать денежные знаки. Но самые эти денежные знаки законодательство стало уже называть „расчетными знаками“, и речь шла лишь о выполнении функции, обреченной на постепенное отмирание. Резолюция второй сессии ВЦИК (18 июня 1920 г.) по докладу Наркомфина всецело проникнута была идеей уничтожения денежной системы и ставила соответствующие

требования комиссариатам. „Признавая деятельность Наркомфина, выразившуюся: 1) в проведении такого упрощения аппарата Наркомфина в центре и на местах, которое делает возможным превращение его в центральную бухгалтерию пролетарского государства, 2) в содействии проведению сметного принципа для превращения прежнего гос. бюджета единого хозяйства РСФСР в целом и 3) в стремлении к установлению безденежных расчетов для уничтожения денежной системы,— в общем соответствующей основным задачам хозяйственного и административного развития РСФСР“, ВЦИК поручал принять действительные меры к дальнейшему проведению в жизнь намеченной системы хозяйственного управления.

Налоги (денежные) были отменены, гос. предприятия сдавали свои изделия в общегосударственный фонд, откуда они безвозмездно шли в распределение между государственными же предприятиями и населением, в такой же фонд поступали и в таком же порядке распределялись продукты, которые сдавало крестьянское население, последний источник денежных „доходов“ казны,—эмиссия бумажных денег,—все более иссякал, существование финансового хозяйства в старом смысле слова постепенно утрачивало всякий смысл, и преобразование Народного ком. финансов с возложением на него новых задач готовило полную ликвидацию всего наследия довоенных финансов. Таково было положение финансовой системы в первой половине 1921 года, когда крайнее истощение производительных сил страны заставило отказаться от непосредственного проведения в жизнь всех принципов коммунизма, совершить, как отмечал В. И. Ленин, отступление и перестроить хозяйство на новых началах. Тогда последовало провозглашение так наз. „новой экономической политики“.

4. *Финансовое хозяйство эпохи новой экономической политики.*—Задачей новой экономической политики было построить систему советского хозяйства на основах рыночных отношений при сохранении в руках государства

крупной промышленности и торговли, особенно внешней, и основных предприятий в транспорте, страховании, кредите, т.-е. всех отраслей хозяйства, организованных в крупных предприятиях. Плановое распределение продуктов отменялось. Все предприятия (или, по крайней мере, подавляющее их большинство) должны были работать на рынок. Хозяйство становилось снова товарным. Товарное хозяйство на данной стадии развития, как подтвердил опыт первых же месяцев новой экономической политики, могло быть только денежным. В новой системе,—государственного капитализма,—финансы должны были быть построены на основе тех финансово-технических принципов, которые определяют их устройство в капиталистических странах с теми лишь особенностями, которые вытекали из политических, социальных и хозяйственных особенностей СССР. Во всяком случае финансовое хозяйство должно было стать денежным, опираться на систему доходов от государственных предприятий и налогов и расходовать средства в денежной форме на удовлетворение административных, хозяйственных и культурных государственных потребностей. Бюджет новой эпохи, в отличие от бюджета эпохи военного коммунизма, должен был, таким образом, стать прежде всего денежным бюджетом. Затем он не мог,—к чему в идее стремился бюджет предыдущих лет,—охватить все хозяйство страны и стать балансом всего национального производства и потребления. Хозяйственные предприятия, за некоторым исключением (почта, телеграф, железные дороги, некоторые заводы), стали вести обособленное существование (перевод на „хозяйственный расчет“), не переставая быть гос. предприятиями и сдавая свою чистую прибыль в доход казны. Финансовое хозяйство отделилось от народного хозяйства и по *типу* своему стало приближаться к довоенному образцу.

Уже приказ СНК от 9 августа 1921 г. объявил, что „необходимо проведение ряда мер к обратному приливу денег в кассы государства, исходя из принципа, что в области народного хозяй-

ства „государство, при данном состоянии своих государственных ресурсов и впредь до поднятия хотя бы основных отраслей его, никаких хозяйственных услуг никому даром оказывать не может“. В течение долгого времени одни вслед за другими издавались декреты и постановления, восстанавливавшие принцип платности, ликвидация которого незадолго перед тем только была закончена. Принцип платности железнодорожных услуг был прокламирован уже в июле 1921 г., а в январе 1922 г. он стал получать действительное практическое осуществление. В августе 1921 г. были восстановлены таксы за услуги, оказываемые Нар. ком. почт и телеграфов. С сентября 1921 г. восстановлена была общим декретом плата за пользование услугами коммунальных предприятий (водопровод, канализация, электричество, трамвай и проч.) и т. д.

Еще в 1921 г. началось и восстановление денежной налоговой с стемы. Началом явился промысловый налог на торговые и промышленные предприятия (постановление ВЦИК от 26 июня 1921 г.), введенный первоначально в очень грубой форме, с крайне незначительной дифференциацией гипов торговых предприятий, с уделением преимущественного внимания рыночной торговле; уже в начале 1922 г. „Положение о промысловом налоге“ пришлось поэтому значительно изменить. Постановление ВЦИК и СНК от 10 декабря 1921 г. пыталось регулировать местное налоговое творчество, которое стало развиваться с чрезвычайной быстротой и пестротой. 25 мая 1922 г. ВЦИК утверждает положение о подворно-денежном налоге. В области косвенного обложения новое законодательство начинает с введения акциза на виноградные и иные вина (декрет от 9-го августа). В 1922 г. акцизом обложены уже табак, гильзы, спички, пиво, квас, фруктовые воды, чай, кофе и их суррогаты, сахар, соль и нефтяные продукты.

Вместе с тем возобновилась серьезная бюджетная работа, в которой приходилось так же идти на ощупь, как и во всех других областях, строя заново всю роспись госуд. доходов и рас-

ходов. Первой элементарной попыткой подойти к реальному бюджету было составление бюджета на 9 месяц. 1922 г. Постановление ВЦИК (10 окт. 1921 г.) требовало, чтобы все ведомства ограничили свои сметные предположения о расходах „пределами исключительной и крайней необходимости, сократив в этих видах все свои штаты и все плановые и программные предначертания“. Местные расходы покрываются из местных средств, т.-е. вновь устанавливается упраздненное ранее деление бюджета на государственный и местный. Наркомфин должен был представить сведения об ожидаемых доходных поступлениях, включая выпуск новых бумажных денег, с указанием „действительной стоимости их“. Исчисленная таким образом твердая цифра разверстывалась между комиссариатами, и полученные цифры служили основой для составления смет отдельных ведомств. Сделана была попытка установить бюджет в твердых единицах, и за такую единицу принят был „довоенный рубль“, который по покупательной силе должен был быть равен рублю 1913 г. Условно он приравнен был 60.000 советских рублей по их покупательной силе в октябре 1921 г. Этот бюджет, в котором расходы были чрезвычайно сжаты, получил название „жесткого бюджета“. Он был утвержден IX Съездом Советов, но первые же попытки провести его в жизнь обнаружили его совершенно фантастический характер и крупные ошибки, допущенные при сведении воедино отдельных его частей.

В начале 1922 г. его пришлось коренным образом переделывать. Второе приближение оказалось более реальным, чем первое, но и бюджет 1922—23 г. носил только грубо „ориентировочный“ характер и служил лишь некоторым основанием для составления кварталных и месячных планов.

Мы не можем останавливаться в настоящем очерке на всех даже главнейших этапах финансового строительства в области налоговой и бюджетной и ограничиваемся общей характеристикой процесса и важнейших его тенденций. Исследование работы первого периода восстановления финансового хозяйства показывает, до какой степени эта

работа, особенно на первых порах, была элементарна и груба. Но необходимо признать, что иначе и быть не могло, ибо строить приходилось, в сущности, на пустом месте. Так, в 1921 г. не только не существовало налогового аппарата, но едва только намечались и самые народно-хозяйственные объекты, которые могли подвергнуться обложению. Народное хозяйство, может быть, на четыре пятых оставалось в 1922 г. еще натуральным. Финансовое хозяйство было натуральным по крайней мере наполовину, потому что в основе его продолжал лежать натуральный продовольственный налог. В области бюджетной, особенно в расходной части бюджета, не существовало ни традиций, ни каких-либо иных надежных критериев, на которые можно было бы опереться. Прием фиксации общей суммы всего бюджета и распределения ее затем между отдельными ведомствами на основании общих соображений об их расходах в довоенное время, об их изменившемся значении в процессе революции, о денежных ассигнованиях на их расходы в годы военного коммунизма,—прием этот был необыкновенно упрощенным. Но едва ли какой-либо иной прием в существовавшей обстановке мог быть более „точным“ или „реальным.“ Необходимо было как-нибудь нащупать действительные финансовые потребности отдельных отраслей гос. управления и народного хозяйства после полной утраты самой возможности их денежного учета.

Годовые бюджеты, естественно, становились как бы теоретическими попытками набросать абрис картины, более или менее соответствующей действительности. „Практическая“ бюджетная работа шла параллельно в порядке составления месячных бюджетных планов. Лишь с июля 1924 года удалось перейти к составлению не месячных, а квартальных планов, и лишь в апреле 1925 г. совершился переход к твердому полугодовому плану на второе полугодие 1924—25 бюджетного года (апрель—сентябрь), за которым должен впервые последовать твердый годовой бюджет на 1925—26 г. Самая система падающей

валюты до 1 октября 1923 г. (когда началась оплата кредитов по курсу дня) значительно отклоняла исполнение смет не только от годового ориентировочного, но и от месячных планов. Эти месячные планы устанавливались на базисе условной твердой единицы, которая приблизительно должна была соответствовать рублю покупательной силы 1913 г. Затем, при утверждении месячного бюджетного плана определялся тот коэффициент, по которому происходила оплата кредитов денежными знаками, при чем за основу брались индексы товарных цен. Так как этот коэффициент оставался постоянным для кредитов, открытых в течение данного месяца, а кредиты оплачивались и в начале, и в середине, и в конце месяца, а нередко оплачивались и по истечении весьма долгого срока за отсутствием достаточного количества денег в гос. казначействе, то картина реально произведенных расходов в конце-концов далеко отклонялась от месячных бюджетных планов. Приходилось делить кредиты на оплачиваемые в первую и не в первую очередь, производить время от времени те или другие платежи во внеочередном порядке, и все это отражалось на реальных размерах выплачиваемых сумм, так как платежи производились в падающей валюте.

Первейшей задачей этого периода финансовой истории Союза было восстановление денежной системы, пришедшей к началу эпохи новой экономической политики в состояние полного расстройств. При возвращении к денежному хозяйству укрепление валюты было, естественно, одним из основных условий хозяйственного, а тем более финансового восстановления. Однако, именно эта задача представляла огромные затруднения в виду того, что здоровое денежное обращение, обуславливая, с одной стороны, здоровые финансы, с другой стороны—само бывает всегда обусловлено здоровой финансовой системой, т.е. сведением гос. бюджета без дефицита и отсутствием необходимости прибегать к выпуску бумажных денег для покрытия бюджетных расходов. Доходная часть бюджета 1921 г. (денежного

бюджета) была почти целиком покрыта эмиссией бумажных денег, и еще в январе 1922 г. в этом же порядке было оплачено более $\frac{9}{10}$ всех гос. расходов. В течение 1922 г. и последующих лет доходная часть бюджета, состоявшая из налогов, поступлений от гос. имуществ и предприятий и выручки от гос. займов, неуклонно возрастала, и доля расходов, покрываемых эмиссией, соответственно уменьшалась. Но так как при этом увеличивались абсолютные размеры бюджета, то лишь к концу 1923 г. удалось уменьшить использование казначейской эмиссии для бюджетных целей. В начале же рассматриваемого периода, особенно в течение второй половины 1921 и первой половины 1922 г., при совершавшемся переходе от твердых цен к вольным ценам, при денатурализации хозяйства и оплате деньгами многих расходов, которые раньше покрывались в натуре, при начавшемся тогда же росте заработной платы и при необходимости выдавать большие субсидии гос. предприятиям, произошло огромное расширение бюджета, вызвавшее такое использование казначейской эмиссии, которого не знали 1919—1920 гг. И так как это имело место в год сильнейшего неурожая и голода, то денежное обращение к началу 1922 г. пришло в такое состояние, которое заставляло думать о возможности наступления полной катастрофы. Лишь с лета 1922 г., благодаря удовлетворительным видам на урожай и некоторым успехам работы по восстановлению гос. финансов, положение стало улучшаться.

Однако, несмотря на такие временные улучшения, эмиссия бумажных денег для покрытия бюджетных дефицитов была настолько велика, что денежное обращение постепенно загнивало. Бюджет требовал ежемесячно от эмиссии гораздо более значительных сумм, чем в эпоху военного коммунизма, и в результате темп обесценения бумажных денег был более быстр, чем до 1921 г. Между тем, именно в эту эпоху финансовое и народное хозяйство стало вновь действительно нуждаться в твердом мериле ценностей. Калькуляция цен, фиксация заработной платы, составление балансов, ведом-

ственных смет и гос. бюджета на основе быстро обесценивавшейся валюты были совершенно невозможны. Без твердого мерила ценности немыслимо было выйти из состояния хозяйственного хаоса и вести сколько-нибудь плодотворную работу по экономическому восстановлению страны. В этой трудной обстановке стал намечаться своеобразный выход из положения. При отсутствии твердых цен хозяйство стало прибегать к идеальным счетным единицам, которые должны были выполнять одну из функций денег—функцию мерила ценности. Такими идеальными счетными единицами служили „довоенные рубли“ разного вида: так наз. „товарный рубль“, или „индексный рубль“, и „золотой рубль“. Суть дела заключалась в следующем. В первом случае по индексу товарных цен, т.-е. по показателю средней высоты товарных цен, определялась степень обесценения бумажного рубля. Если товар стоил 1.000.000 руб. казначейскими денежными знаками (совзнаками), а индекс составлял 2.000.000, т.-е. указывал на то, что бумажный рубль обесценился в два млн. раз, то в „довоенных рублях“ товар стоил полтинник. Цена назначалась в довоенных рублях и затем множилась на то число, которое соответствовало индексу товарных цен на данный срок. Аналогичный расчет производился при исчислении цен в „золотых рублях“ с той только разницей, что степень обесценения рубля определялась не по индексу товарных цен, а по курсу золота или иностранной валюты. Такой ценностный счет в течение 1922 года получил весьма широкое распространение.

Это облегчало положение, но этого было совершенно недостаточно. Хозяйство нуждалось не только в устойчивом мериле ценности, но и в устойчивых деньгах. Стабилизировать советские (казначейские) знаки при существовавшем финансовом положении представлялось невозможным. Необходимо было идти каким-либо иным путем, и такой путь найден был в создании наряду с обесценивавшимися казначейскими деньгами еще других денег, а именно: банковых билетов

Гос. банка. Гос. банк РСФСР учрежден был в 1921 г. Постановлением Совнаркома от 11 октября 1922 г. ему предоставлено было право выпуска банковых билетов, к осуществлению которого Госбанк приступил в последних числах ноября. Подробности эмиссионного закона изложены будут в дальнейшем, когда дано будет описание действующей денежной системы. Банковский билет выпущен был в денежной единице нового наименования—червонце. Червонец приравнивался 10 рублям золотом в деньгах довоенного времени, и в соответствии с этим и с установленными законом нормами Госбанк строил его металлическое обеспечение. В своей валютной политике Гос. банк на первых порах стремился, и притом в общем успешно, поддерживать такой курс, при котором червонец равен был бы приблизительно фунту, т. е. стоял бы (при тогдашнем курсе фунта) на 10—15% ниже своего золотого паритета. Лишь с 1924 г. курс червонца был поднят до паритета. Покупательная сила червонца на первых порах была очень высока—выше довоенного рубля; впоследствии она снизилась довольно значительно. Об ее уровне в 1925 г. сказано будет ниже. Несмотря на такое снижение (происходившее относительно медленно и лишь в отдельные промежутки времени), червонец являлся сравнительно с „совзнаком“ устойчивой валютой.

Таким образом, начиная с декабря 1922 г. (и до начала 1924 г.) в стране существовали две валюты, из коих одна обесценивалась с чрезвычайной быстротой, а другая оставалась относительно устойчивой. Такое параллельное обращение двух бумажных валют представляло известные преимущества по сравнению с положением, существовавшим до декабря 1922 года: предприятия могли не только устанавливать цены и составлять балансы в червонцах, но могли также расплачиваться червонцами и держать их в своих кассах. Но параллельное обращение имело и свои в высшей степени тягостные стороны. Всякий держатель совзнаков стремился обменять их на банкноты; на этой почве, при быстрых колеба-

ниях курса, развивалась повсеместная спекуляция, которая в свою очередь вносила неустойчивость в хозяйственные расчеты. Вместе с тем червонец постепенно оттеснил совзнак и ускорял его обесценение. Границей оттеснения служило то, что червонец был сравнительно крупной денежной единицей, и сфера мелких платежей оставалась в полной мере за казначейскими бумажными деньгами, но эта сфера была крайне ограничена, и новые казначейские эмиссии приводили к все более быстрой утрате совзнаками их покупательной силы. С осени 1923 г. темп обесценения совзнаков стал настолько быстрым, что невозможность сохранения системы параллельного обращения сделала очевидной, и на очередь поставлен был вопрос о денежной реформе. К этому времени финансовое хозяйство Союза значительно упрочилось. В месячных бюджетах эмиссией покрывалось уже не более 10% всех расходов. Абсолютные размеры месячных выпусков совзнаков для покрытия бюджетных расходов составляли с октября 1923 г. около 15 млн. руб. В дальнейшем можно было предвидеть сокращение этой цифры и переход в 1924 г. к бюджету, не нуждающемуся в покрытии дефицита эмиссией бумажных денег. Расчетный баланс страны (баланс ее внешней торговли в связи с другими статьями международных платежей) также складывался более благополучно, чем в предшествующие годы. Наконец, наблюдался общий подъем хозяйства, который облегчал осуществление мероприятий по преобразованию денежной системы. В феврале 1924 г. началось проведение денежной реформы, основные элементы которой заключались в следующем. Фиксирован был курс совзнаков в отношении к червонцу. По этому курсу выкуплены были казначейские бумажные деньги (совзнаки). В качестве денег более мелких, чем червонец, выпущены были „государственные казначейские билеты“ достоинством в 5 р., 3 р., 1 р. золотом, серебряные и медные монеты с таким же содержанием металла, как монеты прежней чеканки. При подготовке и проведении реформы очень распростра-

нено было крайне скептическое отношение к ней. Однако, реформа прошла удачно, и с момента фиксации курса совзнаков в Союзе существует относительно устойчивая валюта.

Приведем еще несколько цифр, характеризующих состояние денежного обращения за время до денежной реформы. На 1 июля 1921 г. в обращении было совзнаков на 2.346.139 млн. рублей. На 1 марта 1924 г. их было 809.625.216.667 млн. рублей (по старому счету). Это составляло увеличение в 350.000 раз за время новой экономической политики по сравнению с увеличением в 13 раз за время от начала войны до Октябрьской революции и в 100 раз за эпоху военного коммунизма. Эта фантастически огромная эмиссия вызывалась необходимостью извлечения крупных доходов для бюджета в условиях, когда только лишь начиналось восстановление денежного хозяйства. Реально (в довоенных рублях по всероссийскому индексу статистики труда) эмиссия дала за 1922 г. 296,5 млн. руб. и в 1923—327,8 млн. руб. против 129 млн. руб. в 1920 г. С весны 1923 г. реальное значение совзнаков в денежном обращении все более уменьшалось.

Отмирание совзнаков совершалось с чрезвычайной быстротой в течение последнего полугодия их существования. Ликвидация их произошла в порядке проведения денежной реформы.

Д. Современная финансовая система СССР. Государственный бюджет в качестве годового плана госуд. хозяйства, подлежащего точному исполнению в своей расходной части, т.-е. закрепляющего за отдельными ведомствами право на получение определенных сумм, и подлежащего возможно полному исполнению в своей доходной части, утвержден впервые на 1925—1926 год. Бюджет 1924—25 г. носил еще „ориентировочный“ характер, т.-е. представлял собою план, который давал ведомствам основание рассчитывать на получение кредитов в указанных в нем размерах, но юридически не закреплял за ними никаких прав. Бюджетами в точном смысле в 1924—25 г. были квартальные планы на октябрь—декабрь 1924 г., январь—март 1925 г.

и полугодовой план на апрель—сентябрь 1925 года. Ориентировочный бюджет 1924—25 года в течение года несколько раз перерабатывался, и еще в последнем квартале в него были внесены существенные изменения. Вместе с тем полугодовой план, указанный выше, не отличался еще полной твердостью. Такой твердостью не отличается и годовой бюджет на 1925—1926 г., но он в всяком случае являлся годовым планом, не просто ориентирующим при составлении более кратких планов, а подлежащим исполнению, и есть полное основание ожидать, что с 1926—27 г. бюджетная работа, сделавшая за последние несколько лет очень крупные успехи, вполне войдет в нормальную колею.

В соответствии с конституцией Союза и со сложностью построения всего государства, как федерации, состоящей из нескольких частей, известную сложность представляет и гос. бюджет СССР. Построение и порядок утверждения его определяется, главным образом, утвержденным Центр. Исп. Комитетом Союза 29 октября 1924 г. законом о бюджетных правах Союза и входящих в его состав союзных республик. Единый гос. бюджет состоит из общесоюзного гос. бюджета, гос. бюджетов союзных республик, каждой в отдельности, и общего свода всех бюджетов—общесоюзного и всех республик. Бюджеты автономных республик и автономных областей не утверждаются отдельно в составе единого гос. бюджета. Их доходы и расходы общегосударственного характера сливаются с общими бюджетами союзных республик и Союза, а местные расходы входят в их местные бюджеты, при чем они пользуются лишь некотор. особыми правами, не присвоенными другим административным делениям республик.

Сложный состав бюджета Союза требует дифференциации доходных источников и приведения доходов в соответствие с расходами не только в отношении „единого гос. бюджета“, взятого в целом, но и в отношении отдельных его частей. В основу существующей системы положено деление доходов на общесоюзные и республиканские, установленное законом

29 октября 1924 г. К числу общесоюзных доходов отнесены все основные виды прямого обложения, как единый сельскохозяйственный налог, промысловый налог, госуд. подоходный налог, далее все косвенные налоги, гербовый сбор, неналоговые доходы общесоюзных ведомств и объединенных наркоматов Союза, займы Союза, доход от выпуска серебряной и медной монеты. В число доходов союзных республик входят те налоги, сборы и пошлины, которые отнесены на бюджеты этих республик особыми постановлениями ЦИК СССР, неналоговые доходы необъединенных наркоматов и такие же доходы от имущества и предприятий республиканского, а не общесоюзного значения и, наконец, отчисления от общесоюзных налогов или иных общесоюзных доходов в бюджеты союзных республик, устанавливаемые постановлениями ЦИК СССР.

В области бюджетной работы очень многое находится еще в стадии преобразования и приспособления к новым условиям государственной и хозяйственной жизни. В частности, это относится к делению доходных источников на общесоюзные и республиканские. Тенденция финансового законодательства заключается в том, чтобы на основе предоставленных им доходных источников союзные республики могли строить свои республиканские бюджеты бездефицитно, и чтобы рост республиканских доходов соответствовал росту их расходов. В то же время, которое существует в настоящее время, в дальнейшем поэтому несомненно будут вноситься изменения, пока не будет достигнуто состояние относительно устойчивого равновесия.

В расходной части бюджета самого Союза проходят расходы по общесоюзным ведомствам и учреждениям, по объединенным ведомствам и учреждениям в части обслуживания союзных органов этих ведомств, резервный фонд Совнаркома Союза, расходы по операциям гос. казначейства, чрезвычайные расходы, имеющие, главным образом, целью хозяйственное строительство, и расходы на покрытие дефицитов союзных республик. По расход-

ной части бюджетов союзных республик проходят расходы по объединенным ведомствам и учреждениям в части их республиканских органов, по необъединенным ведомствам и учреждениям, резервные фонды совнаркомов союзных республик, субвенционные фонды для поощрения расходов по местным бюджетам и чрезвычайные расходы также преимущественно хозяйственно восстановительного характера.

Бюджет, основные элементы которого перечислены выше, является уже в настоящее время единым, но не является еще единственным. К нему существует еще (только до конца 1924—25 г.) добавление в виде т. н. валютной росписи, т. е. свода государственных доходов и расходов в иностранной валюте. Такая роспись существует только для Союза. Происхождение ее объясняется, во-первых, тем, что бережное отношение к расходам в золоте и иностранной валюте началось раньше, чем в гос. бюджете можно было установить достаточный порядок, во-вторых, тем, что при падающей валюте невозможно было объединить в одних ведомствах расходы, исчисленные в золоте, с расходами, исчисленными в бумажных казначейских денежных знаках, и тем, наконец, что расходы по валютной росписи приходилось производить из другой кассы, чем расходы по общему бюджету. Денежная реформа, твердый курс советской валюты и упорядочение всего финансового хозяйства превращают особую валютную роспись в исторический пережиток.

После этих замечаний мы можем перейти к описанию материального содержания гос. бюджета СССР.

Бюджет 1924—1925 г. в том виде в каком его содержание определилось к концу июня 1925 г., и представленный тогда же в Совнарком СССР и утвержденный последним схематический проект бюджета на 1925—26 г. дают следующие цифры (в тыс. рублей): (см. табл. на след. стр.).

Необъединенными ведомствами и учреждениями, по которым показана здесь общим итогом сумма расхода в 258.531 тыс. рублей, являются:

Государственные расходы.

	1924—25 г.	%	1925—26 г.	%
А. Обыкновенные				
Общесоюзные ведомства и учреждения				
ЦИК Союза	9.439	0,4	11.000	0,3
СНК	3.107	0,1	3.700	0,1
Госплан	2.111	0,1	2.500	0,1
Верховный Суд	302	0,0	400	0,0
Народный Комиссариат Иностранн. Дел	2.683	0,1	3.000	0,1
Народный Комиссариат Внешней Торговли	11.852	0,4	13.000	0,4
" " Почт и Телеграфов	88.400	3,3	110.000	3,2
" " Путей Сообщения	855.000	31,8	1.175.000	34,0
" " Военный и Морской	417.647	15,5	525.750	15,2
Военно-Санитарное Управление	8.156	0,3	9.350	0,2
Комвойная стража	4.562	0,2	5.400	0,1
Прочее	27.753	1,0	27.500	0,8
Итого	1.431.012	53,2	1.886.600	54,5
Объединенные Ведомства и учреждения				
Народный Комиссариат Финансов	76.893	2,8	95.000	2,7
Высший Совет Народного Хозяйства	21.839	0,8	27.000	0,8
Народный Комиссариат Внутренней Торговли	5.108	0,2	6.250	0,2
" " Труда	4.924	0,2	5.500	0,2
" " Рабоче-Крестьянской Инспекции	6.859	0,2	7.900	0,2
Центральное Статистическое Управление	9.216	0,3	16.500	0,5
Прочее	—	—	2.250	0,1
Итого	124.829	4,6	160.400	4,7
Необъединенные ведомства и учреждения				
	258.531	9,6	348.000	10,0
Резервные фонды				
СНК Союза	70.220	2,7	105.000	3,0
СНК Союзных Республик	14.553	0,5	—	—
Итого	84.773	3,2	105.000	3,0
Субвенционный фонд и отчисления в местный бюджет				
	249.037	9,2	300.000	8,7
Операции государственного казначейства				
Покупка металлов	100.000	3,8	100.000	2,9
Платежи по займам	75.455	2,8	178.000	5,1
Итого	175.455	6,6	278.000	8,0
Итого обыкновенных расходов	2.323.637	86,4	3.078.000	88,9
Б. Чрезвычайные				
Финансирование сельского хозяйства	138.027	5,2	140.000	4,0
" " промышленности	109.918	4,2	83.000	2,4
Электрификация	41.973	1,5	60.000	1,8
Коммунальный кредит	34.500	1,3	60.000	1,8
Организация общественных работ	6.000	0,2	10.000	0,3
Кооперация	12.000	0,4	25.000	0,7
Финансовое санирование	8.000	0,3	—	—
Восстановит. работы в Ленинграде	12.000	0,4	3.000	0,1
Прочее	2.456	0,1	1.000	0,0
Итого	365.974	13,6	382.000	11,1
Всего расходов	2.689.511	100,0	3.460.000	100,0

Центр. Исп. Комитеты союзных республик с расходом	8.586 тыс. руб.
Советы Народных Комиссаров республик с расходом	4.280 " "
Народный Комиссариат Внутренних Дел	11.068 " "
Конвойная стража	4.500 " "
Народный Комиссариат Юстиции	15.822 " "
Народный Комиссариат Просвещения	114.601 " "
Народный Комиссариат Здравоохранения	28.506 " "
Народный Комиссариат Социального Обеспечения	7.176 " "
Народный Комиссариат Земледелия	54.691 " "
	<hr/>
	249.260 тыс. руб.
Дополнительные назначения по разным ведомствам	9.271 тыс. руб.

Общей сумме расходов по бюджету 1924—1925 г., т. е. 2.689.511 тыс. руб., противостоят расходы 1923—1924 г. в сумме 1.916.775 тыс. рублей и 1922—1923 г. в сумме 1.485.994 тыс. руб. При отсутствии твердой единицы ценности в течение указанных лет, на основании этих цифр нельзя судить о действительном росте бюджета Союза, тем более, что изменялся и территориальный объем бюджета по мере объединения всего финансового хозяйства Союза в единое целое. Во всяком случае не подлежит сомнению, что в связи с восстановлением всего народного хозяйства совершался очень значительный рост гос. бюджета и что он будет происходить и в ближайшие годы в быстром темпе. По намеченным предположениям бюджет 1925—1926 г. вновь оставит далеко позади тот бюджет 1924—1925 года, о котором выше сообщены были подробные данные. Расходы по бюджету 1925—1926 г. предположены пока в сумме 3.460.000 т. р., при чем в постановлении СНК имеется оговорка об их увеличении на 100 млн. при хорошем урожае.

Все эти цифры приобретают гораздо большее значение, и содержание их становится более ясным, если сопоставить их с данными довоенного времени. Бюджет 1913 года составлял по расходной части 3.382.913 тыс. руб. Бюджет 1924—1925 года—2.689.511 т. р., т. е. номинально на $\frac{1}{5}$ меньше.

Необходимо, однако, учесть для сопоставления уменьшение территории и населения Союза сравнительно с довоенной Россией. Принимая это уменьшение в круглых цифрах в $\frac{1}{5}$, мы по-

лучаем, что номинально бюджет 1924—1925 г. приблизительно равен был довоенному. Однако, эта цифра в свою очередь преувеличена, так как при исчислении не принято во внимание падение покупательной силы рубля. Если перевести рубль 1924—1925 г. в довоенные рубли, исходя из условного коэффициента 1,80, то современный бюджет составлял лишь немногим более половины (55%) довоенного. Производительные же силы Союза достигли в 1924—1925 г. значительно больше половины довоенных производительных сил страны в границах современной территории. Их можно расценивать для 1924—1925 г., примерно, в 75 процентов. Такое отставание бюджета объясняется рядом причин. Прежде всего тем, что самая доля изымаемых казною у населения средств должна была уменьшиться при обеднении страны, так как казна может брать только из излишков, а не из абсолютного минимума средств существования. Далее тем, что политика финансового ведомства была чрезвычайно жесткой при разрешении всех расходов, считая своей первой целью восстановление бюджетного равновесия.—Так как в бюджете 1924—1925 года не фигурировали некоторые крупные расходы, игравшие значительную роль в 1913 г.: расходы по казенной винной монополии и по платежам по довоенным государственным займам, то для проверки мы сделаем еще один расчет. Без хозяйственных операций расходная часть бюджета 1913 года составляла 2.498,6 млн. руб. За исключением платежей по займам, она составляла 2.074,2. Если сбросить отсюда $\frac{1}{5}$ на уменьшение территории, то получается около 1.660 млн. Этой цифре корреспондирует в бюджете 1924—1925 года приблизительно сумма в 1.670 млн. руб., что дает такое же соотношение с довоенным бюджетом, как и предыдущий расчет. Для того, чтобы при современном уровне товарных цен иметь бюджет, равный применительно к нынешней территории довоенному, Союз должен был бы получить бюджет на сумму около 4 миллиардов рублей за исключением платежей по государственным займам.

Бюджет на 1925—1926 год будет уже не очень далек от этой цифры, а бюджет на следующий 1926—1927 год, несомненно, достигнет ее. В течение двух ближайших лет следует еще поэтому ожидать быстрого роста бюджета, и к 1926—1927 г. потребности, на которые расходуются государственн. средства, вероятно, в общем и целом, будут удовлетворены не менее полно, чем в 1913 г.

Сравнение отдельных частей бюджетов за разные годы при столь сильном изменении всей системы хозяйства, как то, которое произошло с начала войны 1914 г., представляет не только огромные, но, в сущности, даже и непреодолимые затруднения. За это время изменились система управления, распределение функций по ведомствам, исчезли некоторые ранее существовавшие расходы и появились такие, которых прежде не было вовсе. Тем не менее мы сделаем попытку сопоставить отдельные расходы 1913 и 1924—1925 гг. в их относительном значении для того, чтобы дать некоторые, хотя бы и очень приблизительные, выводы. (В целях сравнимости, данные 1913 г. перегруппированы и поэтому отличаются от приведенных выше в отделе А.). Расходы на высшие государственные учреждения составляли в 1913 году 28 млн. и в 1924—1925 году—15 млн., т.-е. в последнем году около 54% довоенных. Расходы на гражданское управление, суд и полицию составляли в 1913 году 528 млн. и в 1924—1925 г.—211 млн., т.-е. 40%. Расходы на просвещение в 1913 году—173 млн. и в 1924—1925 г.—115 млн., т.-е. 66%. Расходы на сельское хозяйство в 1913 году—132 млн. и в 1924—1925 году (за исключением расходов по оказанию помощи неурожайным губерниям)—124 млн., т.-е. 94%. Расходы на оборону в 1913 г.—949 млн. и в 1924—1925 г.—426 млн., т.-е. 45%. Расходы по оплате займов в 1913 году—452 млн. и в 1924—1925 г.—75 млн., т.-е. 16%. Расходы на пути сообщения сопоставлять без детального анализа не представляет интереса в виду изменения длины сети (сокращение общей сети и национализация частных дорог). Целый

ряд расходов нет возможности сопоставить в виду того, что расходам 1924—1925 г. (скупка драгоценных металлов, электрификация, ссуды кооперации и др.) ничего не корреспондирует в бюджете 1913 года, и наоборот.—Что процентные числа в приведенных выше расчетах всюду ниже 100%, вытекает из общего сокращения бюджета. Но сокращения весьма различны по разным видам расходов. Они очень велики по статьям гражданского управления, т.-е. по общеадминистративным расходам, по обороне и по оплате государственного долга. Они сравнительно невелики по расходам на просвещение и особенно на сельское хозяйство. Некоторые изменения, отражающиеся во всех этих цифрах, вызваны понижением окладов в органах управления. Но те немногие данные цифры, которые приведены нами, при всем том обнаруживают несомненную общую тенденцию, которая сводится к следующему. Имеется значительный сдвиг в сторону расходов хозяйственных и отчасти культурных в более узком смысле за счет расходов военных и административных.

В доходной своей части современный бюджет также существенно отличается от росписи доходов 1913 г. Главнейшие статьи заключаются в следующем (в тыс. руб.): (см. табл. на след. стр.).

Распределение поступлений от акцизов и дополнительных к ним сборов по проекту на 1925—1926 г. представляется в следующем виде (в тысячах руб.):

Акцизы с виноградных, плодово-ягодн. и изюмных вин	7.700
Сбор за производство и продажу крепких напитков	1.200
Акциз со спирта	201.000
Дополн. акциз с водочных изделий и коньяка	90.000
Акциз с пива	36.000
Патентн. сбор с завед., производ. мел., квас. и пр.	900
Патентн. сбор с заводск. подвалов, складов и завед., производ. продажу питей	200
Акциз с дрожжей	8.800
Взыскания и штрафы	1.500
Итого	356.300

	1924—1925 г.	%%	1925—1926 г.	%%
А. Обыкновенные доходы.				
1. Прямые налоги:				
а) единый сельхозналог	345.000		240.000	
б) промысловый налог	147.000		200.000	
в) подоходный налог	95.000		120.000	
г) рентный доход	8.500		8.500	
д) единовременный налог	18.000		—	
е) налог с наследств и прочие прямые налоги	229		200	
	613.729	22,9	563.700	16,0
2. Косвенные налоги:				
а) акцизы	443.000		750.000	
б) таможенные доходы	82.500		120.000	
	525.500	19,6	870.000	24,4
3. Пошлины:				
а) гербовый сбор	85.000		105.000	
б) прочие сборы и пошлины	15.655		25.000	
	100.655	3,6	130.000	3,7
Итого налоговых доходов	1.239.864	46,1	1.558.700	44,1
4. Доходы от почт и телеграфов	88.400		120.000	
5. Доходы от транспорта	855.000		1.250.000	
6. Доходы от гос. имущ. и предприятий:				
а) от гос. промышленности и торговли	86.843		130.000	
б) от банков	20.050		40.000	
в) от лесов	103.154		130.000	
г) от недр	8.001		32.000	
д) от прочих гос. имущ. и предприятий	13.900		15.000	
	228.948		347.000	
7. Возмещение гос. расходов	25.645		26.000	
8. Доходы разного рода	7.634		5.300	
Итого неналоговых доходов	1.205.627	44,8	1.748.300	49,1
Итого обыкновенных доходов	2.445.511	90,9	3.317.000	93,2
Б. Чрезвычайные ресурсы.				
1. От реализации гос. фондов	23.000	0,9	13.000	0,4
2. От кредитных операций:				
а) от 2-го выигрышного займа	31.000	}	100.000	
б) от 8% золотого внутреннего займа	30.000			
в) от крестьянского займа	50.000			
г) от прочих займов	30.000			
	141.000	5,2	100.000	2,8
3. От выпуска серебряной и медной монеты	80.000	3,0	30.000	0,8
Итого чрезвычайных ресурсов	244.000	9,1	143.000	97,2
Итого	2.689.511	100,0	3.460.000	
Дальнейшее возможное увеличение исчислений доходов (в условиях высокого урожая)	—		100.000	2,8
Всего	2.689.511	100,0	3.560.000	100,0

Перенос	356.300
Акциз с свекловичного и крахмальн. сахара и патоки	171.700
„ с чая и кофе	16.580
„ со спичек	18.080
„ с табачных изделий и патентн. сбор	84.450
„ с папиросных гильз и бумаги	1.820
„ с соли	15.540
„ с нефтепродуктов	26.520
„ со свечей	1.515
„ изделий текстильной промышленности	53.980
„ с резиновых калош	3.515
Всего	750.000

В довоенном бюджете гос. имущества и капиталы давали около одной трети всех доходов казны; среди этих имуществ и капиталов доминирующее место занимали железные дороги; все доходы составляли 3.431 млн., доходы от государственных имуществ и капиталов—1.043 млн., в том числе от казенных ж. д.—813 млн. В бюджете 1924—25 г. госуд. имущества и предприятия играют еще большую роль. На них (обыкновенные доходы 4, 5, 6) приходится 1.205 млн., из 2.689 млн. всего дохода по бюджету, т.е. почти 45%, при чем один транспорт дает около трети доходной части бюджета. Прямые налоги и косвенные налоги дают почти одинаковые суммы, а вместе более $\frac{2}{5}$ всех государственных доходов. Доход от питей, который стоял на втором месте в бюджете 1913 года и даже на первом месте, если рассматривать бюджет без оборотных расходов железных дорог, начинает приобретать заметное значение в госуд. бюджете СССР лишь с 1924—25 г., благодаря разрешению с этого года продажи спиртных напитков. Благодаря этому доходу косвенные налоги вновь опережат прямые в бюджете на 1925—1926 г. Мотивировка разрешения продажи водки и водочных изделий заключалась в том, что в стране, особенно в деревне, получило широкое распространение тайное производство и потребление водки с очень высоким содержанием алкоголя и очень низкого (с вредными для здоровья примесями) качества (самогон).

Приведем еще краткие сведения об отдельных видах государственных доходов.

Прямые налоги. Единый сельскохозяйственный налог. Законодательство, регулирующее его, изменялось пока ежегодно, и форму его нельзя считать твердо установившейся. Это следует, впрочем, сказать относительно многих видов обложения в Союзе; в наспах проделанную работу первых лет финансового восстановления непрерывно вносятся те или другие поправки. Единый с.-х. налог связан преемственно с так наз. продразверсткой, существовавшей до 1921 г., и с продналогом, сменившим продразверстку и бывшим первым крупным финансово-экономическим актом новой экономической политики. До 1921 г. (и начиная с введения хлебной монополии при временном правительстве в 1917 г.) крестьяне обязаны были сдавать государству все излишки зерна сверх установленной законом потребительской нормы. Частная торговля хлебом была воспрещена законом. В 1921 г. вместо этой системы вводится натуральное обложение крестьян, обязанных сдавать определенное количество продуктов (впоследствии только хлебных) в соответствии с мощностью отдельных районов и хозяйств (продналог). Продналог преобразовывается, наконец, в единый с.-х. налог, который взимается сперва в смешанной форме,— натурой и деньгами,—а с 1 января 1924 г.—только деньгами. Налог построен на учете внешних признаков хозяйства: земли сельскохозяйственного назначения и крупного рогатого и рабочего скота. По определенному коэффициенту скот пересчитывается в единицы площади нахотной земли. Коэффициент изменяется в зависимости от района и обеспеченности хозяйства скотом. Сенокосные угодья также перечисляются в единицы пашни. Путем суммирования получается число десятин, с которых хозяйство уплачивает налог. Обложение является прогрессивным с полным освобождением маломощных хозяйств, большими скидками для хозяйств слабых и сильно выраженной прогрессией при переходе к более крупным крестьянским хозяйствам. Скидки установлены также для хозяйств, в составе которых имеются инвалиды гражданской войны, красно-

армейцы и проч. Размеры обложения с единицы площади, исчисленной как указано выше, устанавливаются на год по районам, при чем делаются попытки уловить при этом доходность хозяйства не только от земледельческих, но и от других промыслов. Единый с.-х. налог является налогом реальным, т.-е. взимаемым по внешним признакам, а не с чистого дохода, но в законодательстве заметна тенденция по возможности приблизить его к подоходному обложению. По исчислениям Наркомфина, единый с.-х. налог составляет около 5% условно чистого дохода сельского хозяйства, т.-е. валового дохода за вычетом расходов, кроме расхода рабочей силы.

Промысловый налог взимается со всех торговых и промышленных предприятий и заведений и единоличных ремесленных и других промысловых занятий. В основном он нормируется законом 18 января 1923 г. Он делится на патентный и уравнильный сборы. Патентный сбор установлен для торговых и промышленных предприятий, для складочных помещений при них и для личных промысловых занятий. Сверх того взимается дополнительный патентный сбор с предприятий, торгующих предметами роскоши, и с сезонных предприятий. Для взимания патентного сбора территория делится на 5 полос; особые ставки существуют для Москвы. Для торговых предприятий установлено 5 разрядов. Принадлежность к тому или другому разряду определяется характером торговли, количеством занятых в ней лиц и в некоторых случаях—размерами оборотов. Для промышленных предприятий установлено 12 разрядов в зависимости от числа рабочих в предприятии и характера оборудования механическими двигателями. Для личных промысловых занятий установлено 5 разрядов. Патентный сбор по общему правилу не составляет самостоятельной части промыслового налога. Общие размеры последнего определяются уравнильным сбором, а патентный сбор зачитывается при уплате уравнильного. Уравнильный сбор взимается с торговых предприятий, начиная со 2-го разряда, и со всех про-

мышленных предприятий. Ставки различны в зависимости от характера торгово-промышленной деятельности; средняя ставка составляет (кроме надбавки в местный бюджет) $1\frac{1}{2}\%$ с оборота. Оборот предприятия должен исчисляться на основании представленных им отчетов и книг.

Государственный подоходный налог взимается на основании положения, утвержденного 29 октября 1924 г. Подлежат налогу все физические лица, имеющие самостоятельные доходы и проживающие на территории СССР, юридические лица, правления которых находятся на территории СССР, и представительства иностранных фирм, допущенных к операциям на территории СССР. Освобождены от налога: лица, получающие доходы от занятий с.-х. промыслом, облагаемым единым с.-х. налогом; ремонтно-строительные рабочие, поденщики и др. неквалифицированные рабочие с неопределенным месячным заработком, рабочие и служащие, если размер получаемой ими заработной платы менее 75 руб. в месяц, госуд. пенсионеры и др. Все, подлежащие налогу, разделяются на следующие категории: А) Лица, получающие доход от личного труда по найму. Б) Лица, получающие доход от личного труда не по найму. В) Лица, получающие доход от владения промышленными и торговыми предприятиями, строениями, капиталами, от арендования имущества и от других нетрудовых источников. Г) Юридические лица: акционерные общества (паевые товарищества) и кредитные учреждения, а также товарищества полные, на вере и с ограниченной ответственностью. Налог делится на основной, взимаемый со всех лиц, подлежащих обложению, и прогрессивный. Основной налог зачитывается при уплате прогрессивного. Прогрессивный налог взыскивается по совокупности доходов, при чем его обязаны уплачивать плательщики, получающие доход свыше определенного минимума, установленного по поясам. Для Москвы и Ленинграда этот минимум составляет 1400 руб. в полугодие, для городов 1-го пояса—1350 р., для городов последнего пояса—1200 р. При обложении

по совокупности доходов из дохода вычитается заработная плата, но не более 900 руб. Плательщики, получающие свыше указанного минимума, обязаны подавать декларации о своих доходах. Домоуправления обязаны подавать списки лиц, проживающих в доме. Ставки налога изменяются в зависимости от того, к какой категории принадлежит плательщик и в зависимости от пояса. Налог уплачивается по полугодиям. В известных случаях установлены скидки.

Внимание ренты распространяется на земли, находящиеся как в черте городских поселений, так и вне этой черты. Закон делит ренту на основную и дополнительную. Первая поступает (1925 г.) в доход по бюджету Союза, вторая—по бюджетам союзных республик. Плательщиками являются все лица (физические и юридические), коим предоставлены в пользование земли или строения. Арендная плата там, где она существует, зачитывается при уплате ренты. Ставки устанавливаются особой таблицей.

Единовременный налог посыл чрезвычайный характер и был установлен в 1924—25 г. в связи с необходимостью покрытия экстренных расходов по оказанию помощи неуражанным губерниям.

Налог с наследства не приобрел пока практического значения.

Акцизы и патентные сборы с питей. Сюда относятся: а) акциз с виноградных и иных вин и патентный сбор со складов и заведений, производящих продажу вина, б) акциз со спирта, в) дополнительный акциз с водочных изделий и коньяка, г) акциз с пива и патентный сбор со складов и заведений, производящих продажу пива, а также патентный сбор с заведений, выделяющих мед. квас и проч., д) акциз с дрожжей.—Ставки на виноградные вина установлены с ведра в зависимости от содержания алкоголя (свыше 14° и до 20°—восемь рублей, до 14°—3 р. 20 к., игристые вина—12 р.). С иностранных вин взимаются повышенные ставки. Для Закавказья установлен пониженный акциз. Точно так же установлен специально понижен-

ный акциз для винодельческих районов. Особые правила регулируют продажу вина. Ставки на спирт варьируются в зависимости от его назначения (пониженные ставки на спирт, используемый для технических надобностей). В 1924—25 г. разрешен был выпуск 30° водки. В 1924—25 г. выпускается 40° водка. Доход от акциза на спирт приобретает снова крупное значение в бюджете. Однако, возрастание дохода от акциза на спирт сопровождается пока уменьшением дохода от акциза на вино, а также на пиво, для которого акциз установлен в размере 1 р. 75 к. с ведра. Акциз на спирт состоит из основного и дополнительного и взимается с градуса чистого спирта. Основной акциз составляет для сырца от 4 до 24 коп. с градуса, в зависимости от назначения спирта, и для ректификата—от 5 до 30 коп. Дополнительный акциз составлял в 1924—25 г. на водочные изделия крепостью до 30°—14 коп. В 1925—26 г. имеется в виду снизить дополнительный акциз, установить его в размере 12 коп. с градуса на водочные изделия крепостью до 40° и коньяки крепостью до 60° и в размере 6 коп. на сорокаградусное хлебное вино.

Акциз на сахар. Облагается акцизом свежловичный кристаллический сахар (песок, рафинад, прессованный сахар) и крахмальный сахар в жидком и твердом виде (крахмальная патока и пр.), кристаллический и некристаллический. Привозимый из-за границы тростниковый сахар приравнивается в отношении уплаты акциза к свежловичному сахару. Акциз установлен в размере 24 коп. с килограмма свежловичного сахара (около 4 руб. с пуда) и 10 коп. с килограмма крахмального сахара.

Акциз с чая (привозного) установлен в размере от 49 коп. с килограмма (плиточный чай) до 1 р. 80 к. (листовой высшего сорта). Акциз взимается сверх пошлины. Не подлежат обложению чай кирпичный (черный и зеленый) и всякий натуральный листовый чай, производимый на территории Закавказской СФСР. На кофе установлен акциз в размере 1 руб. 95 коп. с килограмма.

Акциз с зажигательных спичек установлен в размере 0,6 к. с коробки до 75 штук спичек.

Акцизом с табачных изделий облагаются готовые табачные изделия в виде курительного табака, папирос, выделяемых из желтых листовых табаков, сигар, сигарет, махорки и махорочных папирос. Курительный табак (не махорка) и выделяемые из желтых (не махорочных) листовых табаков папиросы подразделяются на пять сортов. Акцизные ставки установлены: высшая—с курительного табака высшего сорта за килограмм—7 р. 60 коп., низшая (второй сорт В)—2 руб. 30 коп. С папирос от 6 р. 45 к. за 1000 штук до 1 р. 40 к. С махорки 32 к. за килограмм.

Акцизом с гильзовых изделий обложены папиросные гильзы, папиросная и курительная бумага в бобинах, стогах, кипах и проч.

Акциз с поваренной соли установлен в размере 1 р. 34 к. со ста килограммов. Пониженные ставки введены на соль, употребляемую в производстве предприятий гос. химич. промышленности и гос. и кооперат. предприятий рыбной промышленности, на соль, добываемую в Узбекской и Туркменской республиках, и на соль, потребляемую в пределах Закавказья.

Акцизом с нефтяных продуктов обложены осветительные нефтяные масла и прочие прозрачные продукты перегонки, химические и всякой иной обработки нефти. Ставки установлены следующие: керосин—3 р. 65 к. со 100 килограммов (60 коп. с пуда); бензин—10 к. с килограмма (1 р. 60 к. с пуда); прочие продукты—5 к. с килограмма (80 коп. с пуда). На керосин, потребляемый в пределах Закавказской республики, установлен пониженный акциз.

Акциз со свечей установлен в размере 1 руб. 95 коп. с килограмма (80 к. с фунта).

Акцизом с текстильных изделий обложены: а) производимые фабричными заведениями на территории Союза всякого рода пряжа (кроме шелковой) и ткани шелковые и полушелковые; б) привозимые из-за границы всякого рода пряжа (кроме шел-

ковой), всякого рода ткани и изделия из них. Заведения, производящие пряжу, признаются фабриками, если в них имеется более 10-ти веретен, или, если для приведения в движение орудий производства в них применяется механическая сила или животная сила. Заведения, производящие шелковые и полушелковые ткани, признаются фабриками, если в них имеется более двух работающих ткацких, вязальных, вышивальных, набивных и др. станков, или, если в них для приведения в действие орудий производства применяется механическая или животная сила. Более мелкие заведения признаются кустарными и их изделия акцизом не облагаются. Акциз взимается по весу пряжи или тканей в зависимости от номера волокна, номера пряжи, рода и качества тканей по особому тарифу.

Акциз с резиновых калош установлен в размере 26 коп. с пары внутреннего производства, 56 к. с пары заграничного производства. С детских калош взимается половина ставки.

Доходы от транспорта, по почт и телеграфов. Описание железнодорожного и почтово-телеграфного хозяйства дано в другом месте. Здесь отметим лишь некоторые финансовые итоги. Транспорт дал в 1922—23 году валовой доход в сумме 363.972 тыс. рублей, в 1923—24 г.—630.429 тыс. рублей, в 1924—25 г. доход составляет по бюджету—855.000 тыс. рублей, при чем это есть первый год бездефицитного транспортного хозяйства. Доходы от почт и телеграфов составляли в 1923—24 году 45,6 млн. руб. В бюджете на 1924—25 год он фигурирует в сумме 88,4 млн., при чем и в данном случае этот год является первым годом бездефицитного хозяйства.

Государственный кредит. Октябрьская революция объявила все гос. займы, заключенные как до Февральской революции, так и при временном правительстве, аннулированными, и с 1918 года в госуд. бюджете исчезли расходы на платежи по гос. займам. Новое образование госуд. долга началось с 1922 г., когда в виде опыта выпущен был первый заем Союза—Хлебный заем в натуральной форме, на 10 млн. пудов ржи. С этого

времени ежегодного бюджета появляются доходы от госуд. кредитных операций и расходы на уплату процентов и погашения по займам. В 1922—23 бюдж. году в доходной части госуд. бюджета поступления от займов фигурируют в сумме 87,1 млн. рублей, или 6,7% всех доходов, в 1923—24 году — в сумме 195,8 млн. рублей, или 10,7%, и в 1924—25 г. — в сумме 141,0 млн. руб., или 5,2%. За эти именно годы происходит переход от покрытия дефицита эмиссией бумажных денег к покрытию его госуд. кредитными операциями. В 1922—23 г. займами покрываются 18,9% дефицита, в 1923—24 г. — 52,0% и в 1924—25 г. весь дефицит. Восстановление внутреннего гос. кредита явилось, таким образом, одним из существенных орудий создания такого бюджета, который не требовал эмиссии бумажных денег и позволил провести реформу денежного обращения.

Новая политика государственного кредита началась с выпуска натуральных займов. Таких кредитных операций было три: 1-й хлебный заем 1922 года, 2-й хлебный заем 1923 года и Сахарный заем 1924 года. Выпуск натуральных займов вызывался общим состоянием народного хозяйства, в котором преобладали еще натуральные элементы, и состоянием финансового хозяйства, в котором такие элементы еще не были полностью изжиты. Период натуральных займов можно считать уже законченным. Второй чертой, характеризующей первые займы Союза и сохраняющейся до настоящего времени в некоторых госуд. кредитных операциях, является связь между займами и налогами. Первый и второй хлебные займы, так же как и Крестьянский заем 1924 года, имели целью получение в кредитном порядке за несколько месяцев до наступления срока того дохода, который ожидался от продналога в 1922—23 г. и от с.-х. налога в 1923—24 г. Наконец, третьей чертой, характеризовавшей начало политики государственного кредита Союза ССР, является принудительный метод размещения тех займов, для которых на рынке не находилось добровольных покупателей. Это относится особенно к 1-му и 2-му выигрыш-

ным займам. Таким образом, начало политики госуд. кредита является в Союзе лишь дополнением к его налоговой политике сперва на натурально-хозяйственной, позднее на денежно-хозяйственной основе. Лишь к началу 1925 года, да и то не в полной мере, политика государственного кредита сбрасывает с себя свои налоговые придатки. К этому времени денежный рынок Союза оказывается уже способным поглощать облигации гос. займов, и финансовое ведомство прокламирует (при выпуске пробного десятиллионного займа 1925 г.) отказ от методов принуждения.

Что касается длительности займов и процентов, уплачиваемых по ним казначейством, то первые годы не позволяют обнаружить какую-либо определенную тенденцию. Действительная стоимость кредита, для исчисления которой необходимо учитывать не только процент, уплачиваемый по купонам, но также выпускной курс и срок займов, постепенно понижалась по мере улучшения общих хозяйственных условий и роста денежного рынка. Но в кредитной политике не видно определенного перехода от высокопроцентных займов к низкопроцентным. Первые займы не были действительными кредитными операциями, и вопрос о высоте процента не имел даже существенного значения: при выпуске и размещении их довольно мало думали о том, чтобы условия их отвечали требованиям рынка. В 1924 г. финансовое ведомство начало делать попытки приспособляться к реальной рыночной обстановке, и лишь в 1925 г. оно более твердо стало на этот путь. Хлебные займы были беспроцентными, выигрышные, следовавшие за ними, 6-ти процентными; в 1924 г. выпущен 8% заем, в 1925 г. вновь выпускается 5% годовой заем. Политика госуд. кредита только еще ищет правильных путей.

Мы остановимся на отдельных кредитных операциях.

Первый хлебный заем выпущен был в июле 1922 года в ржаных единицах на 10.000.000 пудов в беспроцентных облигациях от 1 до 50 пудов каждая. Выпускная цена

установлена была по соглашению между Наркомфином и Наркомпродом. Облигации принимались в 1922—23 году в зачет при сдаче продналога или по желанию держателей погашались натурой в начале 1923 года. Заем был фактически реализован (через Гос. банк) накануне самого сбора продналога, и его финансовые результаты были совершенно ничтожны. Но он проложил путь к следующим кредитным операциям.

Второй хлебный заем был выпущен в 1923 году также в ржаных единицах, но на значительно большую сумму, около 100 млн. пудов. В отличие от первого займа он выпущен был облигациями трех разрядов для трех районов, на которые с этой целью разделена была территория Союза, при чем основанием для этого районирования служили средние цены ржи. Облигации (беспроцентные) выпущены достоинством от 1 до 10 пудов. Погашение производилось приемом облигаций в уплату налога, выдачей хлеба в зерне и выплатой денег по цене хлеба. Техническое проведение операции, особенно в части погашения, отличалось большой сложностью. Но в целом операция, будучи дорогой, оказалась все же несравненно более успешной, чем первая. Заем дал только краткосрочный кредит, но все же был в среднем реализован за несколько месяцев до срока внесения налога.

Сахарный заем выпущен в конце 1923 года в пудах сахара-рафинада на сумму 1.000.000 пудов в беспроцентных облигациях достоинством от 10 фунтов до 25 пудов. Облигации продавались по цене, установленной НКФ, и погашались натурой с 1 февраля по 30 апреля 1924 года и деньгами с 1 мая по 30 сентября 1924 г. Реализация и погашение производились в ряде губернских городов, список которых был опубликован при выпуске займа. Это была небольшая операция, явившаяся последним отзвуком натуральных форм финансового хозяйства. Результаты ее были незначительны, но не плохи, главным образом потому, что в период между началом реализации и погашением займа произведено было снижение ак-

циза, цена же облигаций исчислена была с включением акциза, еще не сниженного.

Первый выигранный заем выпущен на основании постановления СНК от 31 октября 1922 г. Валюта займа выражена в золотых рублях (по официальному курсу, ныне госуд. казначейскими билетами и червонцами) и в долларах по золотому паритету. Заем выпущен на сумму 100 млн. рублей сроком на десять лет из 6%. Купюры займа мелкие: пятирублевые с одним номером и двадцатипятирублевые с 5 номерами. Для выигранных выделен особый фонд. Высший выигрыш 100.000 рублей. Реализация займа началась в конце декабря 1922 года, но протекала вяло, несмотря на сильную агитацию и скидки при коллективной подписке. За первые полгода была реализована сумма, не достигавшая 20 млн. рублей. Напряженное состояние госуд. казначейства и невозможность использовать эмиссию бумажных денег в большей мере, чем она была уже использована, побудили перейти к принудительной реализации этого займа. Принудительное размещение среди служащих и рабочих основано было на циркуляре Всеросс. Центр. Совета Проф. Союзов (24/VIII, 1923), а принудительное размещение среди других групп населения и предприятий—на постановлении СТО (3/IX, 1923). Количество облигаций, подлежащих „выборке“, зависело от высоты заработной платы, патента, суммы подоходного налога и пр.; принудительное размещение велось по принципу прогрессивного обложения. Оно было очень обременительно для населения, но результаты его для казначейства были успешны. Реализация займа закончилась в марте 1924 года.

Второй выигранный заем 1924 года выпущен вслед за прекращением реализации первого. С самого начала было декларировано, что размещение его будет производиться в принудительном порядке, при чем, однако, на этот раз из числа облагаемых были изъяты рабочие и служащие. Заем выпущен на сумму 100.000.000 рублей из 6% в облига-

циях пятирублевого, десятирублевого и пятидесятирублевого достоинства. Погашение займа начинается в 1926 г. и заканчивается в 1929 г. На выигрыши выделен специальный фонд. Высший выигрыш 5.000 рубл. В начале 1925 г. улучшившееся состояние гос. Ф. позволило отказаться от принудительного размещения займа, и оно было прекращено в феврале, когда общая сумма, на которую реализован был заем, составила около 70 млн. рублей. В добровольном порядке этот заем совсем не реализовывался. Прекращение принудительного размещения второго выигрышного займа сопровождалось декларацией Наркомфина о том, что финансовое ведомство не намерено прибегать впредь к принудительному размещению займов и будет сообразовывать свою политику гос. кредита в отношении размеров и условий займов с действительными условиями денежного рынка.

Ближайшим результатом принудительного размещения выигрышных займов было падение их курса. В конце 1924 г. первый заем стоил около 50% номинала, а второй заем— около 20%, а местами в провинции в периоды выборки облигаций плательщиками и еще ниже. В начале 1925 г. Наркомфин принял меры к поднятию курса сперва первого, а затем (по прекращении принудительной реализации) и второго займов. В течение нескольких месяцев эти меры дали благоприятные результаты, и с рынка пришлось снять для этого довольно незначительное количество облигаций, которые вскоре были снова реализованы. Летом 1925 г. курс облигаций составлял уже 70—80% номинала, что соответствовало высоте учетного процента на денежном рынке Союза.

К р е с т ь я н с к и й в ы г р ы ш н ы й заем 1924 г. явился продолжением кредитных операций с хлебными займами. Назначением его было привлечь крестьянство к госуд. кредитным операциям. От хлебных (натуральных) займов он отличается тем, что он является займом чисто денежным. Общее у него с хлебными займами то, что он является займом антиципационным, т. е. предвосхищающим по-

ступление налога, при чем, однако, при выпуске крестьянского займа сделана была попытка сочетать антиципационный заем, предоставляющий деньги в распоряжение казначейства всего за несколько месяцев до ожидаемого их поступления по налогу, с операцией более длительного характера. Эту цель удалось пока достигнуть в очень незначительной мере. Заем выпущен сроком с 1 апреля 1924 г. по 31 дек. 1926 г. на сумму в 50 млн. рублей, в облигациях однорублевого, трехрублевого и пятирублевого достоинства. Облигации имеют купоны (пятипроцентные), оплачиваемые 1 февраля 1925 и 1926 г. Кроме того, держатели облигаций участвуют в тиражах выигрышей, общее число которых восемь; высший выигрыш 1.000 рублей. Облигации займа принимаются в уплату единого сельскохозяйственного налога по номиналу и погашаются, если они не использованы для уплаты налога, деньгами с 1 апреля 1926 г. Заем был реализован в течение лета 1924 г., и около $\frac{4}{5}$ его возвратились в кассы Наркомфина при уплате крестьянами сельскохозяйственного налога в 1924—25 г. Поступившие в кассы облигации летом 1925 г. выпущены были вторично. Реализация займа как в 1924, так и в 1925 г. производилась Наркомфином по курсу ниже номинала, при чем продажная цена постепенно повышалась по мере приближения к сроку начала сбора единого с.-х. налога.

Золотой 8% заем 1924 г. разрешен на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 7 марта 1924 г. на сумму 100 млн. рублей с специальным назначением. Согласно особого постановления СТО, гос. предприятия, имеющие запасные или резервные капиталы, обязаны 60% этих капиталов держать в облигациях займов. Список таких займов публикуется Наркомфином, при чем в этот список внесен пока один только 8% заем. Заем не был выпущен на рынок. Предприятия, обязанные приобретать его, получают его по курсу 96 за 100. Реализация происходит постепенно, что вытекает из самого способа размещения облигаций.

Краткосрочный 5% заем 1925 г. выпущен на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 23 февраля 1925 г. на сумму 10 млн. рублей в облигациях 10 р., 50 р. и 100 р. достоинства, сроком на один год с 1 апреля 1925 года по 1 апреля 1926 г. Заем был выпущен вслед за прекращением принудительной реализации выигрышных займов и последовавшим тогда же заявлением финансового ведомства о том, что принудительное размещение не будет более иметь места. Небольшой заем должен был иметь значение пробного шара и с этой целью,—для полной гарантии успеха и для привлечения частных сбережений,—был выпущен по очень низкому курсу 82 за 100. Подписка на заем прошла весьма успешно и превысила 50 млн. рублей. Это был первый успешно, быстро и добровольно реализованный заем.

Платежные обязательства центральной кассы Наркомфина СССР выпущены впервые в 1923 г. на основании постановления СНК от 7 февраля 1923 г. Первоначально обязательства выпускались только трехмесячные, при чем проценты в размере 6% годовых уплачивались лишь по истечении этих трех месяцев в течение одного года. Выпущены были обязательства, еще при существовании совзнаков, в золотых рублях. Впоследствии, кроме трехмесячных обязательств, стали выпускаться шестимесячные, и начисление процентов было установлено со дня выпуска. Реализация происходила до 1925 г. в порядке выдачи кассами Наркомфина при оплате открытых по бюджету кредитов. В 1925 г. Наркомфин стал реализовывать частично эти обязательства и на бирже. Обязательства образуют наиболее текучую часть госуд. долга Союза. На денежном рынке на них существует устойчивый спрос. Если принять во внимание их биржевой курс, то они фактически приносят держателям $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}\%$ в месяце (1925 г.).

Вся задолженность СССР на 1-е авг. 1925 г. составляла:

По 1 выигрышн. займу 1922 г.	98 935 тыс. руб.
" 2 " " 1924 " "	67.041 " "
" крестьянск. выигр. 1924 " "	41.996 " "

По 8% золотому внутр. 1924 ..	51.062 тыс. руб.
" 5% краткосрочному займу 1925 г.	9 922 " "
Итого	268.956 " "
Поплатежным обязательствам Центрокассы трехмесячного и шестимесячного срока.	70.648 " "
Всего	339.604 тыс. руб.

Денежное обращение СССР складывается из нескольких частей. Денежная система, будучи по существу единой, носит на себе следы своего происхождения, т.-е. постепенного создания устойчивой бумажной валюты в трудных условиях валютного хаоса. Денежное обращение состоит из: 1) банковых билетов Госуд. банка СССР, 2) госуд. казначейских билетов, 3) металлической монеты, серебряной и медной.

Выпуск банкнот регулируется постановлением Совнаркома от 11 октября 1922 г. и Наказом эмиссионному отделу Госбанка, утвержденному Наркомфином СССР. Банкноты выпускаются в денежной единице, носящей название червонца. Банковский билет достоинством в один червонец приравнен 1 золот. 78,24 доли чистого золота, т.-е. количеству золота, которое содержалось в золотой монете десятирублевого достоинства дореволюционной чеканки. Банковые билеты обеспечиваются по закону драгоценными металлами и устойчивой иностранной валютой не менее, чем на $\frac{1}{4}$ выпущенной в обращение суммы червонцев, а на остальную сумму краткосрочными векселями и легко реализуемыми товарами. Наказом установлено, что обеспечение это относится не к сумме, фактически находящейся в обращении, а к банкнотам, переданным эмиссионным отделом Госбанка в кассу его правления. Последняя сумма всегда больше первой, так как часть червонцев находится не в обращении, а в кассах Госбанка, в пути между учреждениями банка или в обменном фонде Валютного управления Наркомфина (см. ниже). Поэтому действительная высота покрытия банковых билетов золотом и иностранной валютой всегда относительно выше, чем та, которая выявляется эмиссионными балансами банка. Обеспе-

ченные золотом банкноты, однако, не разменны на золото. В законе сказано, что „срок начала размена банкнотных билетов на золото устанавливается особым правительственным актом“.

Выпуск госуд. казначейских билетов регулируется постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 февраля 1924 г. Госуд. казначейские билеты выпускаются в денежной единице, именуемой „рублем золотом“. Рубль золотом до выпуска казначейских билетов не был воплощен ни в какой реальной денежной единице, но был единицей ценностного счета, которая фактически с сентября 1923 г. равна была одной десятой червонца. Это равенство получалось потому, что официальная котировка золотого рубля так наз. специальной котировальной комиссией с указанного времени фактически всегда равна была одной десятой биржевой котировки червонца. И та и другая котировка до денежной реформы происходила в казначейских денежных знаках (совзнаках). При проведении денежной реформы легального соотношения между червонцем и рублем золотом госуд. казначейскими билетами также не было установлено. Но соглашением с банками и распоряжением по кассам госуд. казначейства было определено, что червонцы обмениваются на казнач. билеты и последние на червонцы, исходя из твердого соотношения: червонец равен десяти рублям. Госуд. казнач. билеты выпускаются достоинством в 5 р., 3 р. и 1 р. Сумма выпуска не может превышать половины выпущенных Госбанком банкнот. Это постановление имеет целью предотвратить чрезвычайные выпуски мелких бумажных денег. Гос. казн. билеты выпускались сперва для выкупа денежных знаков, обращавшихся в стране до реформы, для покрытия бюджетных дефицитов, для размена червонцев на деньги более мелких купюр и для покупки иностранной валюты. С 1 июля 1924 г. выпуск казнач. билетов для покрытия бюджетных дефицитов фактически прекратился, а вскоре вслед за этим он воспрещен был и в законодательном порядке. В 1925 г. госуд. казн. бил. выпускались уже исключительно для

размена червонцев. При этом до середины года (до июля) покрытие казнач. билетов было тождественно с покрытием банкнот, так как червонцы, полученные по обменной операции, не выпускались вновь в обращение, а хранились в кладовых Валютного управления НКФ. В целях сокращения потребности в металле и иностранной валюте для обеспечения денежного обращения, с июля 1925 г. Наркомфин начал помещать червонцы своего обменного фонда в Госбанк в виде своего депозита, и, таким образом, эти червонцы снова попадают в обращение. Этим изменен характер покрытия казнач. билетов. Ныне они имеют обычное банковое обеспечение, кроме драгоценных металлов и иностранной валюты.

Декретом ЦИК и СНК СССР от 22 февраля 1924 г. регулируется порядок выпуска серебряной и медной монеты. По содержанию металла, лигатуре, диаметру, а также по условиям хождения она не отличается от монеты дореволюционного времени. Отличны только рисунки монет. Серебряные монеты в 1 р. и 50 к. („банковое серебро“) высокопробны, серебряные монеты в 20 к., 15 к. и 10 к. низкопробны („разменное серебро“); серебряные монеты в 25 к. и в 5 к. не чеканятся. Медные монеты чеканятся достоинством в 5 к., 3 к., 2 к., 1 к. и $\frac{1}{2}$ к. Банковое серебро обязательно к приему на сумму до 25 руб., разменное серебро и медная монета—на сумму до 3 руб. Во время реформы 1924 г., в виду недостатка заготовленных металлических монет, выпущены были временные боны достоинством в 50 коп., 5 коп., 3 коп., 2 коп. и 1 коп. Они подлежат обмену на металлическую монету с 1 января 1925 г. и постепенно изымаются из обращения.

Как было указано выше, часть червонцев, выпущенных Госбанком, остается в кассах его учреждений и в обменном фонде НКФ. Поэтому суммирование данных баланса эмиссионного отдела Госбанка с данными эмиссионного отдела Валютного управления НКФ не даст цифры всего денежного обращения Союза. Мы приводим для примера оба эти баланса на 1 августа

1925 г. и, кроме того, справку об общем состоянии денежного обращения на то же число.

Баланс эмиссионного отдела Государственного банка СССР на 1 авг. 1925 года.

Актив.

1. Металлическое обеспечение:	
А. Золото в монете и слитках	16.657.456 ч.
Б. Платина в слитках	2.369.773 ч.
2. Иностранные банкноты	4.685.266 ч.
3. Тратты в иностр. валюте	169.614 ч.
4. Ученые векселя	44.532.019 ч.
5. Долговые обязательства, обеспеч. материальными ценностями	85.867 ч.
<hr/>	
Итого	69.500.000 ч.

Пассив.

1. Банкноты, переданные в кассу правления	67.750.000 ч.
2. Свободный остаток эмиссионного права	750.000 ч.
<hr/>	
Итого	69.500.000 ч.

Баланс эмиссионного отдела Валютного управления Наркомфина СССР на 1 авг. 1925 г.

Актив.

Выкуп денежных знаков прежних эмиссий	32.776.339 р. 40 к.
Обменный фонд НКФ СССР в банкнотах Госбанка и иностр. валюте	237.875.407 р. 48 к.
Бюджетные расходы 1923—24 г.	84.891.182 р. 38 к.
Бюджетные расходы серебром и медью в 1924—25 г.	54.261.000 р. —
<hr/>	
Баланс	409.803.929 р. 26 к.

Пассив.

Выпущено в обращение:

Казнач. билетов	273.543.808 р. —
Казнач. разменных знаков	10.311.675 р. 35 к.
Серебр. монеты	120.365.652 р. 55 к.
Медн. монеты	5.582.743 р. 36 к.
<hr/>	
Баланс	409.803.929 р. 26 к.

Состояние всего денежного обращения СССР на 1 авг. 1925 г.

		в % к общ. сумме.
Банкнот Госбанка	550.370,3 тыс. руб.	55,2
Госуд. казнач. билет	2.354,8 " "	29,9
Серебр. монеты	120.365,6 " "	13,2
Медн. монеты	5.582,8 " "	0,6
Разменных бан.	10.311,7 " "	1,1
<hr/>		
Всего	915.174,2 тыс. руб.	100,0

Со времени денежной реформы 1924 г. курс рубля (червонца) стоит устойчиво на уровне золотого паритета. Покупательная сила рубля составляет 50—60% довоенной (в зависимости от измерения ее по тому или другому индексу цен). Она ниже покупательной силы иностранных золотых валют. Разрыв между курсом и покупательной силой объясняется, главным образом,

очень повышенными ценами на промышленные изделия.

Организация финансового управления в некоторых частях глубоко отличается от той, которая существовала в дореволюционной России, хотя во многом она и построена по старым образцам. Администрирование финансового хозяйства лежит на Народном комиссариате финансов, который является, согласно конституции Союза, объединенным наркоматом, что означает, что наряду с Наркомфином Союза существуют Наркомфины во всех союзных республиках, при чем союзный Наркомфин дает республиканским как общие задания относительно направления их деятельности, так и прямые распоряжения по отдельным вопросам оперативной работы. Круг деятельности Наркомфина виден из перечня и функций его центральных управлений.

Во главе Наркомфина СССР стоят народный комиссар финансов, его заместитель и коллегия комиссариата, на обсуждение которой восходят важнейшие вопросы, подлежащие ведению комиссариата, при чем, однако, круг этих вопросов точно не очерчен и определяется наркомом. В состав комиссариата входят следующие управления: 1. Общее, ведающее вопросами административного устройства комиссариата, личного состава, составлением и исполнением сметы самого комиссариата. 2. Бюджетное, ведающее сметно-бюджетным и кассовым делом Союза. 3. Управление государственных налогов, ведающее налоговым делом на всей территории Союза. 4. Управление государственных доходов, наблюдающее за поступлением в кассу доходов от госуд. имущества и предприятий, промышленных, торговых, кредитных, от лесов и недр (но не от железных дорог, почт и телеграфов). 5. Валютное, в ведении которого находятся вопросы денежного обращения, валютной политики, гос. кредита, международных финансовых расчетов, надзор за кредитными учреждениями, Монетный Двор, государственный золотой фонд, скупка и реализация благородных металлов. 6. Управление местными финансами, ведающее разработкой

вопросов, касающихся местных бюджетов, и сводкой местных бюджетов. 7. Финансово-Контрольное, ведающее проверкой отчетности и составлением отчета об исполнении гос. бюджета. 8. Финансово-Экономическое бюро по научной разработке вопросов финансового управления и хозяйства. 9. Управленческие фабриками заготовления гос. знаков. Сверх того, к составу Наркомфина СССР принадлежат Гос. банк СССР, Главное управление госуд. трудовыми сберегательными кассами и Главное управление госуд. страхования.

Каждая из шести союзных республик имеет свои комиссариат финансов, построенный в общем по схеме комиссариата Союза и состоящий из тех же (кроме управления заготовления государственных знаков) управлений. К предметам ведения Наркомфинов союзных республик относится составление бюджетов республик и их исполнение, непосредственное руководство деятельностью всех местных финансовых органов (с которыми Наркомфин Союза не имеет, по общему правилу, непосредственных сношений), непосредственный надзор за деятельностью кредитных учреждений местного значения. Наркомфины союзных республик обязаны выполнять директивы союзного Наркомфина и его оперативные распоряжения, первые—во всей своей финансовой работе, последние в области финансовых вопросов общесоюзного масштаба. Наркомфины республик имеют также общее наблюдение за органами сберегательных касс и Госстраха на территории республик.

Кроме союзных республик, Наркомфины существуют еще в автономных республиках, при чем структура их либо вовсе не отличается, либо несущественно отличается от организации губернских финансовых отделов.

Губернский финансовый отдел (ГФО) находится в составе Губисполкома, но ведет свою работу под непосредственным руководством и контролем Наркомфина. Он является органом, осуществляющим в пределах губернии всю работу по государственным и местным финансам, руководящим и наблюдающим за деятельностью фи-

нансовых учреждений губернии. Таким образом, в отличие от дореволюционного порядка, во-первых, в пределах губернии в одном органе объединена вся работа по гос. финансам, во-вторых, в том же органе объединена работа по финансам как государственным, так и местным и, в-третьих, этот орган образует отдел учреждения, объединяющего всю административную работу на местах—Губисполкома. Во главе ГФО стоит заведующий. ГФО разделяется на управления в соответствии с делением на управления Наркомфинов. Ему непосредственно подчинены уездные финансовые отделы, а последним—финансово-налоговые части при волостных исполнительных комитетах.

Там, где в порядке нового районирования (Урал, Сев. Кавказ) губернии уничтожены и административными делениями являются области и округа, вместо губернских Ф. О. и уездных Ф. О. существуют областные и окружные Ф. О., при чем компетенция областных Ф. О. расширена по сравнению с компетенцией губ. Ф. О.

Для общего руководства некоторыми губерниями существуют уполномоченные Наркомфина с управлениями при них (Сибирь, Северо-Западная область). Уполномоченные НКФ стоят также во главе финансового управления республик Грузии, Армении и Азербайджана.

Кассовое устройство в течение последних лет несколько раз претерпевало изменения. В основу его положен принцип единства кассы, т. е. сосредоточения в кассах казначейства всех денежных средств советских учреждений, финансируемых в бюджетном порядке, и в некоторых отношениях этот принцип проводится строже и последовательнее, чем в довоенное время. Так, средства, поступающие по гос. бюджету, образуют единую наличность со средствами местных бюджетов. Некоторые изъятия существуют и неизбежны. Нар. ком. путей сообщения и Нар. ком. почт и телеграфов финансируются в особом порядке, и их поступления и расходы входят в гос. бюджет на особых основаниях; с этим связано и разрешение этим комиссариатам не вносить свои доходы в кассы

гос. казначейства. Существенные преобразования происходили со времени Октябрьской революции в области организации управления кассами. Декретом 4 мая 1919 г. Департамент гос. казначейства был слит с Народным банком (образованным из бывш. Гос. банка после соединения с последним всех кредитных учреждений). Осенью того же года было издано постановление о введении в состав губернских (и уездных) финансовых отделов местных филиалов Народного банка. В начале 1920 г. был упразднен Народный банк и заменен Центральным бюджетно-расчетным управлением. В 1922 г. подотделы губернских и уездных финансовых органов, выполнявшие кассовые функции, были переименованы в приходо-расходные кассы. Еще до этого они были изъяты из ведения и подчинения исполкомам и подчинены непосредственному руководству Наркомфина — мероприятие, которое в существовавшей обстановке имело большое практическое значение. Банковые операции в приходо-расходных кассах в связи с учреждением Госбанка были постепенно почти ликвидированы. Кроме касс Наркомфина, прием налогов и сборов производится еще волостными и районными кассами, учреждениями Госбанка, почтово-телеграфными учреждениями, коммунальными банками (местные налоги) и некоторыми кассами специальных сборщиков. Руководство кассовым делом лежит на Бюджетном управлении Наркомфина Союза, в составе которого находится и Центральная касса.

В течение 1924—1925 г. происходило постепенное сближение работы касс НКФ с работой учреждений Госбанка, который, согласно положения о нем, должен был взять на себя обслуживание госуд. хозяйства в кассовом отношении. Имело место привлечение Госбанка к инкассированию налогов и к хранению сумм гос. казначейства. В 1924 г. кассам НКФ было предписано все свободные суммы сверх необходимых для производства ближайших платежей держать в Госбанке. В 1925 г. проведено объединение всей наличности казначейства с наличностью Госбанка. Приходо-расходные

кассы НКФ сохраняются, но средства их числятся в составе наличности Госбанка. Вместе с тем, в виду связи касс НКФ с Госбанком, на приходо-расходные кассы вновь возлагается производство простейших банковских операций. Система очень близко подходит к дореволюционной, но имеется в виду осуществить в дальнейшем полное слияние касс НКФ с учреждениями Госбанка.

Финансовый контроль осуществляется Финансово-Контрольным управлением, находящимся в составе Наркомфина. Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции имеет свою финансовую секцию, но последняя не ведет текущего контроля, а занимается изучением деятельности отдельных финансовых органов, преимущественно с точки зрения рациональности существующей постановки финансового (и кредитного) хозяйства и желательных ее изменений.

Финансовый контроль: а) производит последующую документальную проверку доходов и расходов общегосударственного бюджета, а также поверяет обороты всех денежных и в случае необходимости материальных ценностей, находящихся в подотчетных кассах и учреждениях; б) производит фактическую проверку денежных и материальных ценностей, сооружений, построек и других операций в связи с проверкой документальной отчетности, а также по особым распоряжениям Финансово-Контрольного управления СССР; в) составляет отчет по исполнению общегосударственной росписи доходов и расходов и сводку по исполнению местных бюджетов; г) разрабатывает и представляет на утверждение НКФина СССР, по соглашению с Рабоче-крестьянской инспекцией, общие правила приема и расходования сумм, обращающихся в подотчетных кассах и учреждениях, а также единообразные, обязательные для всех распорядителей кредитов как по государственному, так и по местному бюджетам правила и формы финансового счетоводства и отчетности по исполнению государственной росписи; д) наблюдает за правильной постановкой финансово-счетных частей всех ведомств Союза

СССР; е) производит внезапное освидетельствование касс всех ведомств.

В случае неправильностей и злоупотреблений, обнаруженных в порядке последующей ревизии, финансовый контроль принимает меры к устранению нарушений и к возмещению убытков казны.

Порядок составления и утверждения государственного бюджета в основах своих установлен постановлением ЦИК Союза от 29 окт. 1924 г. Более детально правила составления и рассмотрения бюджета регулируются специальными постановлениями. Коряной вопрос в условиях современной структуры Советского Союза заключается не столько в определении компетенции тех или других органов Союза, сколько в разграничении прав Союза и входящих в его состав республик. Указанное постановление ЦИК СССР и посвящено в первую очередь такому разграничению. В состав единого гос. бюджета СССР входят: общесоюзный гос. бюджет и гос. бюджеты союзных республик. Бюджеты последних, по утверждению их ЦИК'ами республик, и общесоюзный бюджет рассматриваются Совнаркомом Союза, объединяются им в проект единого гос. бюджета СССР, включающего свод всех доходов и расходов Союза, и вносятся на окончательное утверждение ЦИК'а СССР. Последний утверждает общесоюзный бюджет и бюджеты союзных республик единым законодательным актом. Исполнение бюджета, как указано было выше, происходит на основе единства кассы, но при разделении бухгалтерских счетов по доходам и расходам общесоюзной росписи и росписей каждой из союзных республик.

Совет народных комиссаров СССР рассматривает общесоюзный бюджет совместно с бюджетом союзных республик по докладу Наркомфина с предварительным затребованием заключения Госплана СССР. Для рассмотрения всех смет и установления цифр сметных назначений, подлежащих внесению в проект росписи общесоюзных государственных доходов и расходов (в общесоюзный бюджет), при Наркомфине Союза образуется Сметно-Бюд-

жетное совещание, состоящее из председателя, назначаемого Наркомфином Союза, и представителей Наркомфина, Нар. ком. рабоче-крестьянской инспекции и Госплана СССР, а также ведомства, смета которого рассматривается, и Нар. ком. труда (по вопросам заработной платы). Госплан СССР сообщает Совнаркому СССР и одновременно Наркомфину СССР свое заключение по общесоюзному бюджету и бюджетам союзных республик с точки зрения соответствия этих бюджетов общим планам государственного и народного хозяйства, а также с точки зрения реальности их выполнения. Совнарком СССР вносит проект единого гос. бюджета в ЦИК Союза на утверждение. Общесоюзный бюджет утверждается ЦИК Союза по параграфам государственной росписи доходов и расходов. Бюджеты союзных республик, утверждаемые ЦИК'ами союзных республик по параграфам, ЦИК Союза утверждает в составе единого гос. бюджета СССР лишь по сводам росписей доходов и расходов, а самые росписи, разделенные на параграфы и сметы, прилагаются к этим сводам только как обоснование соответствующих исчислений. — Если Совнарком Союза при рассмотрении доходов и расходов по той или другой союзной республике признает необходимым изменить сумму, исчисленную самой союзной республикой, то он возвращает роспись Совнаркому союзной республики для нового ее рассмотрения. В союзных республиках рассмотрение смет и росписей доходов и расходов проходит через Наркомфину (Сметно-Бюджетные совещания). Совнаркомы и ЦИК'и этих республик. При невозможности балансирования бюджета союзной республики дефицит покрывается за счет общесоюзных ресурсов в размере, устанавливаемом общесоюзным бюджетом.

Местный бюджет начал восстанавливаться лишь со второй половины 1921 г., когда изданы были постановления о местных денежных средствах, о местных налогах и о перечне местных расходов. До конца 1923 г. состояние местных бюджетов было в высшей степени хаотическим. Потребности были огромны, ибо 1921 год

застал все местное хозяйство в глубоко разоренном состоянии. Эти потребности возрастали еще потому, что центральные ведомства, сами постоянно нуждавшиеся в деньгах, перелагали на местные бюджеты ряд расходов, не считаясь с тем, что и на местах не было ресурсов для их покрытия. Лишь постановлением ВЦИК от 17 августа 1922 г. было определено, что „ни один расход, покрываемый из общегосударственных доходов, не может быть перенесен на местные средства иначе, как постановлением ВЦИК и СНК по согласованному представлению народных комиссаров финансов и внутренних дел и заинтересованного ведомства с указанием срока, с которого расход этот переносится на местные средства“. Лишь с этого момента местные органы перестали стоять перед перспективой внезапного появления новых расходов, которые они вынуждены были бы покрывать за счет местных ресурсов. Хаотическому состоянию расходной части местных бюджетов соответствовало такое же состояние их доходных статей. Так называемое „местное налоготворчество“ получило самое широкое развитие и, вероятно, повсеместное распространение. Центральные органы вели длительную и едва ли даже теперь (1925) в полной мере закончившуюся борьбу с изданием на местах постановлений о налогах и сборах, не имевших никакого основания в законе. Вместе с тем за период гражданской войны и централизации всего финансового хозяйства был утрачен опыт местной финансовой работы и лишь постепенно этот опыт стал приобретаться вновь. Можно считать, что лишь в 1923—24 г. началась сравнительно упорядоченная работа в области местного финансового хозяйства. По словам официального издания Наркомфина РСФСР, посвященного местным бюджетам, „к 1924—1925 бюджетному году местное хозяйство вошло в свои нормальные берега, разносторонне охватив собою потребности хозяйственной и культурной жизни страны, и местный бюджет 1924—25 г. впервые дает картину местного хозяйства Советов в его организационно оформленном виде“. Мы оста-

новимся только на содержании местных бюджетов по РСФСР, так как они охватывают около $\frac{3}{4}$ всего местного хозяйства, и по этой республике имеются более свежие данные.

В 1924—25 г. местный бюджет по РСФСР (после рассмотрения представленных бюджетов в центре) составил по доходам 629.976 тыс. руб. и по расходам 629.312 т. р., а без Московской и Ленинградской губ.—по доходам 417.479 т. р. и по расходам 422.615 т. р. В предшествующем (1923—1924) году доход равен был 494,6 млн., а расход—479,8 млн., что дает прирост по доходу в 27,4% и по расходу в 31,2%. Из общей суммы местных бюджетов приходится: на общегубернские, областные и краевые 15,4%, на бюджеты губернских и областных городов 39,0%, на окружные, уездные и кантонные 21,9%, на бюджеты уездных, окружных и кантонных городов 9,2%, на волостные и районные 14,5%. Всего на города приходится, таким образом, около $\frac{1}{2}$ всей суммы. Однако, это объясняется в значительной мере большим весом бюджетов Москвы и Ленинграда. Если исключить из сводки Московскую и Ленинградскую губ., то на города приходится всего 29,3% общей суммы бюджетов по остальной территории.

Доходная часть общего свода местных бюджетов складывается из следующих статей:

	В тысячах рублей.	%
Остатки	15.579,2	2,5
Недопустившие доходы и недоимки прежних лет	25.602,5	4,1
Доходы от предприятий и имущества с-х. значения	18.126,2	2,9
Доходы от коммунальных имущества и предприятий	189.919,0	30,2
Доходы от промышленн. местн. значения	24.366,8	3,9
Доходы от разных предприятий и мероприятий	17.601,3	2,8
Разные поступления	14.179,9	2,3
Отчисления от государственных доходов	29.026,9	4,6
Отчисления от государственных налогов	38.766,7	6,0
Надбавки к государственным налогам	176.140,9	27,9
Местные налоги и сборы	42.731,6	6,8
Пособия из губ. запасного фонда	1.824,9	0,3
Пособия из общегосударственных средств	33.440,2	5,0
Займы	2.669,8	0,4
Итого	629.975,9	100,0

На первом месте стоят доходы от коммунальных имущества и предприя-

тий (30,2⁰/₀), затем следуют надбавки к государственному налогу (27,9⁰/₀). Если же присоединить к этим надбавкам еще и отчисления от государственных налогов, так как деление на надбавки и отчисления является довольно искусственным, то эта статья переходит на первое место и дает 33,9⁰/₀. Следующее место занимают местные налоги и сборы.

Относительно доходов от коммунальных имуществ и предприятий необходимо прежде всего отметить, что они имеют различное значение для Московской и Ленинградской губ., с одной стороны, и для остальных губерний — с другой. Из общей суммы доходов по этой статье на Московскую и Ленинградскую губернию приходится 56,1⁰/₀, а на все остальные губернии только 43,9⁰/₀. В то же время в бюджетах Московской и Ленинградской губерний доходы от коммунальных имуществ и предприятий дают 52,1⁰/₀ всех поступлений, а в прочих бюджетах, вместе взятых, — 21,1⁰/₀. По отдельным видам доходов эта статья распадается следующим образом: имущества и оброчные статьи (жилые строения, торгово-промышленные помещения, места под торговлю, городские земли и проч.) дают 90,2 млн., из коих торг.-пром. помещения дают 55,1 млн. и места под торговлю — 12,3 млн., а вместе 67,4 млн. р. или 75⁰/₀ дополнительная рента дает 9,8 млн.; коммунальные предприятия — 90 млн. руб. (в том числе московские и ленинградские 70 млн.).

	Доход в т. р.	Расход в т. р.	Чистый доход (+) или убыток (-)
Водопровод	13.168	10.280	+ 2.888
Канализация	4.250	5.623	- 1.373
Трамвай	49.140	40.659	+ 8.481
Ассенизац. обоз.	2.038	1.364	+ 724
Электрич. станции	6.073	4.176	+ 1.897
Газовые заводы	2.037	2.021	+ 16
Телефоны	445	417	+ 28
Бойни и кладобойни	4.328	2.369	+ 1.929
Бани	2.481	1.470	+ 1.011
Транспортные обозы	3.811	3.432	+ 379
Прочие предприятия	2.943	5.516	- 2.573
Итого	90.764	77.557	+ 17.353 - 3.946 = + 13.407

Крупное значение имеют прежде всего трамвай, водопроводы, электрические станции и бойни как по объему предприятий (валовой доход), так и по чистой доходности. Вообще коммуналь-

ные предприятия к 1924—25 г. снова стали доходными. Но так как в покрытии расходов местных бюджетов они участвуют только своими чистыми доходами, то в этом отношении они играют пока небольшую роль и занимают место позади почти всех остальных видов доходных поступлений. Необходимо иметь в виду эту поправку к первой, приведенной выше таблице.

Отчисления от государственных доходов объемлют отчисления от лесных доходов (71⁰/₀ всех отчислений), рыбных ловель, госуд. земельных имуществ и др. Отчисления от государственных налогов идут почти целиком от промыслового налога. Надбавки установлены к промысловому, подоходному и сельско-хозяйственному налогам, к судебным пошлинам, сборам за засвидетельствование в нотариальных конторах и охотничьему сбору.

Местные налоги очень разнообразны. Сюда относятся: налог со строений в городских поселениях, с фабрично-заводских и торгово-промышленных помещений вне городов, сбор с древесины, налог с промышленных садов и огородов, с транспортных средств, разовый сбор с торговли, налог со скота, с грузов, с публичных зрелищ, с плакатов, реклам и объявлений, со сделок, регистрируемых на бирже и т. д.

Пособия из общегосударственных средств идут преимущественно в форме субвенции на определенные цели (увеличение платы учителям, врачам, агрономам), и выдача их связана с тем, что часть расхода местные исполкомы производят за свой счет.

Расходы местного бюджета по отдельным их статьям могут быть представлены в следующем виде:

	В тысячах рублей.	Проц.
Общедминистрат. учреждения	73.101,5	11,6
Охрана общественного порядка	40.189,1	6,4
Органы юстиции	11.393,4	1,8
Народное образование	169.784,0	26,9
Народное здравоохранение	83.366,2	13,2
Социальное обеспечение	10.845,0	1,7
Коммунальные предприятия	77.147,4	12,3
Содерж. отд. местн. хоз., коммун. зданий и благоустройство	54.604,6	8,7
Пути сообщения	10.419,1	1,7
Содержание помещений для войск	7.633,2	1,2
Сельское хозяйство	24.913,7	4,0
Погашение задолженности	21.804,1	3,5
Суммы, перечисл. в запасн. фонд	22.066,2	3,5
Чрезвычайные расходы	22.039,6	3,5
Итого	629.312,1	100,0

Расходы на народное образование, здравоохранение и благоустройство составляют почти половину, а за вычетом оборотных расходов на коммунальные предприятия — более половины всех расходов.

Что касается отдельных видов местных бюджетов (губернских, городских, уездных и проч.), то по ним можно еще сделать следующие указания.

Губернские бюджеты. Основными доходными источниками являются надбавки к госуд. налогам и отчисления от них и от госуд. доходов (более 55%), а также доходы от местной промышленности (около 12%). В расходной части бюджета на первом месте стоят культурно-социальные потребности (37,8%), на втором — административно-судебные (29,5%), на третьем — хозяйственно-производственные (16,2%).

Городские бюджеты. Более половины (50,5%) доходного бюджета составляют доходы по коммунальному хозяйству и более 1/5 (20,9%) надбавки к госуд. налогам. Из других источников только местные налоги и сборы (8,6%) имеют более или менее значительный вес. В расходах на первом месте стоят расходы по коммунальному хозяйству (36,4%), на втором — расходы на народное образование (24,3%), на третьем — расходы на народное здравоохранение (13,6%).

Уездные (кантональные) бюджеты. Доходные источники повторяются те же, что в общегубернских бюджетах, при чем некоторое значение имеют еще доходы от сельско-хозяйственных имуществ и предприятий. Более половины расходов идет на удовлетворение культурно-социальных потребностей, около четверти — на административно-судебный аппарат.

Бюджеты уездных (окружных, кантональных) городов в доходной части по построению близко подходят к бюджетам губернских городов, но в расходной части существенно отличаются от последних. Здесь на первом месте стоят не расходы по коммунальному хозяйству, а расходы на народное образование.

В бюджетах волостных и районных (неразделенных областям) половину доходов составляют надбавки к

госуд. налогам, на ряду с которыми сравнительно крупное значение имеют еще доходы от с.-х. имуществ и коммунальных предприятий. В расходной части районных бюджетов на первом месте стоят административно-судебные и на втором — культурно-социальные расходы. В волостных бюджетах порядок обратный. Расходы хозяйственно-производственные играют небольшую роль.

В 1925—26г. предвидится весьма значительное увеличение местных бюджетов, особенно районных и волостных.

Литература и материалы. Библиограф. указания в след. изд.: С. Каратаев, Библиография финансов, промышленности и торговли со времен Петра Великого по настоящее время, 1890; И. И. Анжиа, Книга о книгах, 1892; П. П. Гензель, Библиография финансовой науки, 1908.—Основные курсы на русском языке последнего десятилетия до войны: И. И. Анжиа, Основные начала финансовой науки, 4 изд., 1904; П. Х. Озеров, Основы финансовой науки, 4 изд., 1911; Т. Ходский, Основы государственного хозяйства, 4 изд., 1913. По отдельным вопросам: П. П. Миущин, Русский государств. кредит 1769—1903; М. И. Боголюбов, Государств. долг, 1910; П. Швансбах, Денежное преобразование и народное хозяйство, 1901; А. А. Миущин, Учение о деньгах, 5 изд. 1918; Реформа денежного обращения в России, изд. Волного Экон. Общества, 1895; А. Буковцкий, Материалы по денежной реформе 1895—1897, вып. 1, 1922; Очень ценны издания: "Министерство финансов 1802—1902", т. I—II, и "Министерство финансов 1904—1913". Краткая, но хорошая характеристика финансов начала XX столетия у М. Фридмана, Наша финансовая система, 1905, и в сборнике "Вопросы государственного хозяйства и бюджетного права", изд. Долгорукова и Петрункевича, 1907. Официальные издания: Отчеты государственн. контроля, Объяснительные записки к проектам росписей госуд. доходов и расходов, Ежегодники министерства финансов, Доклады бюджетной комиссии Гос. Думы, Отчеты главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей, Свод сведений о поступлении и взимании казенных, земских и общественных окладных сборов, Статистические сборники министерства путей сообщения.—Сведения о финансовом хозяйстве военного времени у С. П. Прокоповича, Война и народное хозяйство, 2 изд., 1918; также у З. С. Канцельгаума, Денежное обращение и кредит 1914—1924.—Относительно эпохи военного коммунизма см. "Социальная революция и финансы", сборник к III конгрессу Коминтерна, изд. НКФ, 1921, и "Денежное обращение и кредит в России и за границей", изд. Инст. экон. исследований НКФ, т. I, 1914—1921. М., 1922.—Относительно финансового хозяйства эпохи новой экономич. политики: "На новых путях", изд. СТО, т. I—III, 1923; П. Гензель, Система налогов советской России; С. Котляревский, Бюджетное право РСФСР и ССФСР; Д. Кузовов, Финансовая система в период первоначального социалистического накопления; его же, Основные моменты распада и восстановления денежной системы, 1925; Л. Юровский, На путях к денежной реформе; его же, Соврем. проблемы денежной политики, 1926; Л. Сокольников, Денежная реформа.—Статьи в журналах "Вестник Комм. Академии", "Вестник Финансов", "Социалистическое Хозяйство", "Экономическое Обозрение". Издания НКФ: "Государственный бюджет" (на такой-то год) и "Местный бюджет" (на такой-то год). Статист. издания финансово-эконом. бюро Наркомфина СССР.

Л. Юровский.

Приложение к циклу статей
*„Союз Советских Социали-
стических Республик“.*

Деятели Союза Советских
Социалистических Республик
и Октябрьской Революции.

(Автобиографии и биографии).

ЧАСТЬ II.

1

Автобиографии, авторизованные биографии и биографии свода:

<i>Ст.б.</i>	<i>Ст.б.</i>		
Н. Г. Маркин	1	М. Л. Павлович (Вельтман)	98
А. С. Мартынов (Пикер)	1	С. С. Пестковский	110
Ю. Ю. Мархлевский	19	Г. И. Петровский	114
Ф. И. Махарадзе	20	В. Н. Подбельский	118
Г. Н. Мельничанский	27	М. Н. Покровский	118
И. П. Мешковский	32	Е. А. Преображенский	120
Н. Л. Мещеряков	33	П. П. Прошьян	132
Н. А. Милютин	38	Г. Л. Пятаков	133
В. С. Мицкевич-Капсукас	42	Л. Л. Пятаков	136
С. И. Мицкевич	44	К. Б. Радек	138
А. С. Моисеев	53	Х. Г. Раковский	169
П. А. Моисеенко	54	Ф. Ф. Раскольников	187
В. М. Молотов	57	И. Рахья	192
Н. И. Муралов	65	Л. М. Рейснер	193
А. Ф. Мясников	67	М. А. Рейснер	197
Н. Н. Нариманов	69	М. И. Рогов	205
С. М. Нахимсон	74	Е. Ф. Розмирович	206
В. И. Невский	74	С. Г. Рoshаль	212
В. П. Ногин	81	Я. Э. Рудзутак	213
М. С. Ольминский	82	А. И. Рыков	223
М. Д. Орахелашвили	85	Д. Б. Рязанов	230
Г. К. Орджоникидзе	86	Я. П. Ряппо	282
Н. Осинский (В. В. Оболенский)	89		

Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции.

Продолжение *).

Маркин, Николай Григорьевич, род в 1892 г., родители—ткачи, работали на фабрике Пензенской губ., затем переехали во Владикавказ. Детство М. протекало в тяжелых материальных условиях. Не получив почти никакого образования, он должен был поступить мальчиком в писчебумажный магазин, и это его сильно тяготило. Он начинает читать нелегальную литературу, а в 1909 г. был арестован за попытку поджечь магазин своего хозяина. В тюрьме М. сблизился с политическими заключенными и по выходе на свободу набросился на книги общественно-политического содержания. Военную службу он отбывал в минной батарее в Балтийском флоте. После революции работал в Петроградском совете с переходом его на сторону большевиков и принимал деятельное участие в организации вечерней газеты „Рабочий и Солдат“. М. входил делегатом от Балтийского флота во ВЦИК второго созыва. В дни Октябрьского переворота он сражался в первых рядах, затем работал в следственной комиссии Петроградского совета. После того перешел помощником Л. Троцкого в Наркоминдел и среди царившего там в первые дни хаоса и растерянности принялся налаживать работу. Им было опубликовано много секретной дипломатической переписки. Во время чехословацкого восстания М. проявил большую энергию в деле организации волжской речной флотилии, в которой он был главным комиссаром, а затем помощником командующего флотилией. Погиб во время боя парохода „Коммунист“ с береговыми батареями осенью 1918 г. (См. „Пам. бор.“ и „Тр. пр.“).

Мартынов-Пикер, Александр Самойлович (автобиография). Я родился в 1865 г. в г. Пинске в купеческой семье, которая принадлежала к мелкой еврейской „аристократии“, но дела которой сильно пошатнулись во время моего отрочества. Отец—лесоторговец, интересовался политикой, читал усердно газеты и ругал

социалистов. Мать же, хотя и получила светское воспитание, смутно сочувствовала передовым идеям, которые в конце 60-х г. стали проникать в наше захолустье. Ее к этому склоняли отчасти ее борьба с подкрадывавшейся нуждой, отчасти ее беседы с племянником, киевским студентом, и с дядей Год-Ошером Левиным, оригинальным стариком, который на 60-м году жизни под влиянием немецкого домашнего учителя своих внуков круто порвал с религией и поехал за границу на поклон к материалисту Бюхнеру. В доме у нас тон задавала мать, более энергичная и более интеллигентная, чем отец. Она не стесняла меня в выборе товарищей, и я, поступив в реальное училище, дружил преимущественно с учениками пролетарского происхождения, зараженными носившимися тогда в воздухе революционными бациллами, что весьма шокировало моих богатых и чванлых родственников.

Впервые я стал знакомиться с социализмом в 1879 г. при переходе в 4-й класс. Я случайно нашел у моего школьного товарища Робинзона под подушкой книгу Флеровского „Азбука социальных наук“. Она произвела на меня сильное впечатление. Еще более сильное впечатление на меня произвел позже роман Чернышевского „Что делать“. Я помню, что, подражая Рахметову, я медленно тушил папиросы на руке, а один мой школьный приятель шел еще дальше: он прокалывал себе руку перочинным ножиком. Убедившись, что я созрел для жатвы, Робинзон и его сподручный, по прозвищу „Капитанчик“, приняли меня в кружок.

Не прошло и год, как мне уже довелось столкнуться с жандармами и подвергнуться допросу с пристрастием. Два ученика из нашего кружка изрезали царский портрет, висевший в актовом зале училища, выкололи на портрете у царя глаза и всадили ему в рот нож. Подозрение пало на наш 4-й класс. Всех нас жандармы подвергли допросу, но винов-

*) I часть автобиографий „Деятели СССР и Октябрьской Революции“ на буквы А—Л была помещена в I ч. 41 тома.

ника не раскрыли. Попав на ложный след, решив что это „польская интрига“, жандармы подвергли гонениям ни в чем неповинных учеников-поляков. Через год, будучи в 5-м классе, я сделал первый опыт „хождения в народ“, который чуть не кончился печально для меня. Я пошел пропагандировать крестьян, сплавлявших плоты по Припяти. Когда я весьма непочтительно отозвался о царе, крестьяне решили меня утопить и бросили меня с плота в воду.

По окончании 6 классов реального училища первым учеником, я покинул родительский дом и уехал в Екатеринослав, где я поступил в общее отделение дополнительного 7-го класса, но вскоре оставил училище, чтобы готовиться по древним языкам на аттестат зрелости для поступления в университет. Почувствовав себя после многолетней школьной учебы вольным человеком, я поселился под Екатеринославом, в пригородном селе Мандриковке, в колонии политических поднадзорных, освобожденных из тюрьмы после убийства Стрельникова (Энгель, Зацепин, Настасья Шехтер, Софья Оржих и др.). В этой народовольческой колонии меня впервые посвятили в тайны настоящей подпольной работы и тюремной конспирации. Моя жизнь в этой колонии, в которой я имел счастье узнать про революционную работу таких людей, как Валериан Осинский и Желябов, из уст лично с ними знакомых товарищей, омрачилась еврейским погромом. На беду я сам подал к нему повод: какой-то парень из мещанской части Мандриковки обзвал одного из поднадзорных жидом. Я дал ему оплеуху. Мещане потребовали выдачи обидчика. Меня, конечно, не выдали, но в результате начался еврейский погром, который, к счастью, ночью прекратился благодаря смелому выступлению моей соседки и революционной наставницы, Настасьи Шехтер, обратившейся с речью к разъяренной, пьяной толпе.

Из Екатеринослава я переехал в Николаев, где я в впервые завязал связи с рабочими и обучался по запискам Грачевского изготовлению взрывчатых веществ. Сдав в Николаеве экзамен на аттестат зрелости при классической гимназии, я в 1884 г. уехал в Петербург и поступил в университет на юридический факультет. В Питере я поступил в партию „Народной Воли“, был членом рабочей и военной организации партии, вел пропаганду среди рабочих и офицеров. По делам военной организации я ездил нелегально в Одессу. Работая по истории под руков. проф. Вас. Ив. Семс-

ского, я связал его с партией „Народной Воли“, и он через меня передал одну статью, кажется в 10-й номер „Народной Воли“. В Питере меня посетил Борис Оржих, впоследствии шлиссельбуржец, который приехал в столицу по террористическому делу.

Как член рабочей организации „Нар. Воли“, я сносился также с первой в Питере социал-демокр. организацией, с группой Благоева, в которую входили тогда Харитонов, Аршаулов, князь Кугушев и др. Отношения между нами, народовольцами, и социал-демократами, были в то время самые дружеские. Грань между нашими организациями часто стиралась. Из народовольцев я и Козьцов, прочитавши „Наши разногласия“ Плеханова, „Капитал“ и некоторые другие произведения Маркса, в 1885 году стали теоретически эволюционировать от народничества к марксизму (на практике, впрочем, я был так далек от марксизма, что когда на нелегальном рабочем собрании один рабочий, приехавший из Новгорода, с горящими от возбуждения глазами рассказывал про вспыхнувшую там забастовку из-за заработной платы, я его деликатно остановил, заметив, что это не имеет отношения к задачам нашего кружка); с другой стороны, члены благоевского соц.-демокр. кружка, с которым я сносился, на практике еще не освободились от народнических пережитков. Они, напр., признавали аграрный террор, не отказались еще от надежды на военный заговор и вели поэтому пропаганду среди юнкеров; они же собирали весьма оригинальным способом сведения о крестьянских настроениях—в тюрьме у уголовных арестантов из крестьян.

В Питере я был в студенческие годы дважды арестован, оба раза по студенческим делам. Второй раз—за участие в демонстрации по случаю 25-летия со дня смерти Добролюбова. После второго ареста я был исключен из университета и выслан на родину. Через два месяца был опять арестован и препровожден в Одессу поговору николаевского рабочего и одесского студента и по подозрению в революционных связях с офицерами. В Одессе я просидел два года в одиночном заключении в очень тяжелых условиях. Дело мое кончилось ссылкой в административном порядке на 10 лет в Средне-Колымск. Тогда Сибирской железной дор. еще не было, и я путешествовал в Колымск два года: от Тюмени до Красноярска я шел пешком, от Якутска до Колымска я ехал три месяца верхом. Перед отправкой в Колымск мы в Бутырской тюрьме учинили тюрем-

ный бунт—мы устроили баррикаду в Часовой башне, за это нас солдаты подвергли жестокому избиению, после чего нас посадили на трое суток в темные, покрытые испражнениями ямы, находившиеся под фундаментом главного арестантского корпуса. Дорога в Колымск тоже была не усеяна розами. По дороге мы узнали про „каринскую историю“ (коллективное самоотравление), вызванную телесным наказанием Сигиды, а когда мы приехали в Якутск, мы там в тюрьме застали отправляемых на Вилюйскую каторгу участников „якутской истории“—вооруженного сопротивления, окончившегося расстрелами и повешением трех товарищей. в том числе моего товарища по питерской организации „Народной Воли“—Гаусмана.

В Колымске я прожил только первые 4 года ссылки. Мы там были совершенно оторваны от России; почта получалась лишь три раза в год. Я занимался физическим трудом, неводил рыбу, плотил, свечи лил, охотился, печи ставил. Печному искусству меня научил Дионео, занимавшийся изучением истории театра, который в свою очередь научился этому у участника процесса 193, бывш. мирового судьи Ковалика, специалиста по математике. В долгую полярную зимнюю ночь я занимался наукой—изучал иностранную классическую художественную литературу, много читал по истории, философии, психологии: после якутской резни ссыльным разрешили брать с собой в Колымск книги, и там составила недурная библиотечка на 4 языках.

Жизнь в Колымске с его лютыми морозами, доходящими до 67 град. Цельсия, меня физически очень закалила. Пищу же уму мне давали, кроме книг, наблюдения над чрезвычайно своеобразным бытом местных казаков, обусловленным их своеобразным экономическим положением, и над якутами и дикарями-чукчами, сохранившими много черт родового коммунистического быта. В общем, однако, жизнь была нудная, монотонная, как монотонно было завывание местных собак, которые не лают, а воют по-волчьему. Следующие 4 года ссылки я провел в Якутске и Киренске, где я вначале отбывал воинскую повинность под надзором. Изголодавшись по общественной деятельности, я на военной службе в Якутске сразу вступил в упорную борьбу с начальством по поводу избияния солдат. Конфликт угрожал мне дисциплинарным батальоном, но кончился очень благополучно: ротный командир, капитан Зуев, дал мне „честное слово офицера“,

что в его роте солдат бить больше не будут, а когда какой-то генерал приехал в Якутск с ревизией, Зуев меня уговорил взять месячный отпуск и „погулять“: в то время с нами в Якутске еще церемонились или, вернее, уже церемонились после якутской резни 1889 г. Военную службу я кончил в Киренске.

В Якутске я имел возможность познакомиться с последними могиканами народнического и народовольческого периода: Войнаральским, Коваликом, Софией Ивановой, Конами и др. Особенно светлую память я сохранил о Чекоидзе. Были среди них и самородки из народа, напр. крестьянин Егоров, удивительно умелый агитатор, который даже сказку о рыбаке и рыбке так декламировал, как-будто в пей закладывается таинственный смысл, и старик крестьянин Чепурный, участник Чигиринского бунта, который, по его словам, вторично был сослан за то, что „расштурмовывал штунду и наводил ее на политическую линию“.

В Киренске я впервые познакомился с новым поколением революционеров, которым принадлежало будущее, с ссыльными социал-демократами—живыми представителями массового рабочего движения в России и Польше, о котором мы, народовольцы, и не мечтали. Особенно меня поразили бундисты-ремесленники. Я вначале никак не мог понять, как это еврейские ремесленники из западного края, эти парии из париев, могли в массе усвоить революционные социалист. идеи, и как можно было вести пропаганду марксизма на еврейском жаргоне. Под впечатлением рассказов ссыльных молодого поколения о начавшемся массовом рабочем движении в России, я в Киренске окончательно порвал с народовольчеством и стал социал-демократом.

В 1899 году я вернулся из ссылки в Россию. Возвратившись из ссылки с запрещением права въезда в 32 города, я после нелегального посещения Киева, где жила тогда моя семья, поселился в Чернигове. В Чернигове я попытался завести связи с рабочими, точнее с ремесленниками, но они были так отсталы, что даже не знали слова „забастовка“. Вместо того, чтобы сказать: „устроить забастовку“, они говорили: „поступить по-гомельски“ (Гомель был тогда одним из центров бундистского движения). Но интеллигентов-марксистов там было довольно много. В Чернигове я принял участие в разгоревшейся тогда идейной борьбе между марксистами и бернштейнцами. Совместно с И. Биском и

А. Смирновой я перевел на русский язык и отпечатал на мимеографе ответ Каутского Бернштейну. В Чернигове же я написал первую свою публицистическую статью — против Струве, по поводу его ревизии марксовой теории кризисов. Статья эта, пересланная Туган-Барановскому, вследствие моего ареста не была напечатана.

Из Чернигова я поехал в Екатеринослав. Там я вначале на полулегальных собраниях читал лекции о Чернышевском, потом я прочитал курс лекций в нелегальном рабочем кружке по истории царского самодержавия, которые впоследствии были изданы в Женеве и дважды переизданы в России под заглавием „Очерки русской истории“. В Екатеринославе я вступил в Екатеринославский комитет РСДРП, членами которого были тогда Лалоянц с женой, „Андрей“ (Гинзбург, писавший впоследствии под псевдом Наумова), Миха Цхакая и Машинский. Сейчас же по поступлении в комитет я был избран в редакцию „Южного Рабочего“, первый номер которого мы редактировали вместе с Лалоянцом.

В апреле 1900 года во время общих повальных арестов я тоже был арестован и препровожден в Харьков, где я просидел в тюрьме полгода. Вскоре после освобождения из тюрьмы я эмигрировал за границу.

За границей я вступил в „Союз русских социал-демократов“. В это время там формировалась группа „Искры“, которая начала поход против „экономистов“. Я вначале поселился в Берлине и вступил в берлинскую группу союза РСД. В этой группе я и Базаров (Руднев) тоже решили бороться против „экономистов“, которых брал под свое покровительство орган союза — „Рабочее Дело“. Но мы понимали „экономизм“ гораздо хуже, чем искровцы; в организационных вопросах мы всецело разделяли взгляды „Рабочего Дела“, и мы возмущались тем, что искровцы вместо того, чтобы реформировать союз изнутри, стремятся его взорвать, ведя раскольническую политику. По поручению берлинской группы я совершил объезд западно-европейских групп, с целью придать им более яркую политическую окраску. После объезда групп я послал в „Рабочее Дело“ статью — „Очередные вопросы“ (она помещена была в № 9 „Рабочего Дела“), в которой я, прямо не называя редакции и не употребляя даже выражения „экономизм“ из дипломатических соображений, подверг обстоятельной критике два основных положения экономистов — „теорию стадий“ и „теорию частичных

прав“. Кричевский, редактор „Рабочего Дела“, сделав, как французы говорят, „хорошую мину к худой игре“, поместил эту статью с одобрительным примечанием от редакции, с несущественной оговоркой, после чего я согласился вступить в редакцию „Рабочего Дела“. Вскоре после этого питерский „экономист“ Лохов (Ольхин) устроил мне в Женеве свидание с Лениным и Мартовым. Ленин на свидании прощупывал меня по политическим вопросам, и мы как будто по всем пунктам столковались, пока дело не дошло до организационного вопроса. Тут у нас вскрылись непримиримые расхождения во взглядах. Организационный план Ленина представлялся мне абсолютно не социал-демократическим, каким-то сколком из организации македонских чет. Ленин же считал борьбу с партийным „кустарничеством“ и осуществление своего централистского плана началом всех начал. И он сказал мне: „Мы расходимся только в организационных вопросах, но в них теперь вся суть“. Это значило, что нам не по пути.

Моя попытка оздоровить союз и гальванизировать его труп потерпела полную неудачу. Она привела лишь к крайнему обострению отношений между мной и искровцами. Когда я, лежа в больнице, узнал, что в Женеве на июльском совещании рабочедельцев и искровцев состоялось соглашение, я поднял бунт и потребовал пересмотра соглашения. По моему настоянию „Рабочее Дело“ вступило в полемику с „Искрой“. В журнале помещены были две статьи против „Искры“ — моя и Кричевского, кстати говоря друг с другом совершенно несогласованные, что возможно было только в такой „демократической“ редакции, как ред. „Рабочего Дела“. На второй, Цюрихской конференции между рабочедельцами и искровцами, по моему настоянию, рабочедельцы не выставили в своей платформе пресловутую „теорию стадий“, ограничившись внесением других поправок к женевскому соглашению. Искровцы все поправки отвергли и объявили нам войну, которая кончилась нашим поражением. Особенно сокрушительный удар нанесла нам брошюра Ленина „Что делать?“ Хотя автор меня избрал главной мишенью для своего нападения, брошюра вызвала у меня раздвоенное чувство: те места брошюры, где автор делал борьбы с „экономистами“ сознательно „перегибал лук“ (как Ленин это впоследствии признал) — в вопросе об отношении между стихийностью и сознательностью и о тредюнио-

низме рабочего движения, внушили мне убеждение, что брошюра принципиально противоречит марксизму. С другой стороны, автор брошюры пленил меня своим революционным энтузиазмом и своим широким революционным размахом, до такой степени пленил, что я, несмотря на настоячивые требования рабочедельцев, упорно отказывался отвечать на „Что делать?“, откуда я не сведу концов с концами в новых вопросах, выдвинутых Лениным. Это двойственное отношение к Ленину у меня сохранилось на долгое время, и впоследствии, несмотря на мою неустанную борьбу против него, Мартов меня не без основания упрекал, что я питаю к нему тайную любовь. Особенно двойственные чувства вызывала у меня неслыханная дерзость мысли Ленина, его смелое плавание против течения, его пренебрежительное отношение ко многим, упрочившимся во всем втором Интернационале, взглядам и обычаям.

Видя, что „Союз социал-демократов“ гибнет, я сделал в 1902 г. последнюю попытку его спасти. Отделившись фактически от Кричевского и Акимова, я вместе с Колокольниковым стал издавать популярную газету „Красное Знамя“ и одновременно изложил свои взгляды на революцию в брошюре „Рабочие и революция“. Эти издания более или менее выдержанного направления уже не дали повода для нападок „Искры“, но они моря не загли: в ярком свете „Искры“, объединившей все лучшие силы русской революционной социал-демократии, они казались слишком бледными и бесцветными. Не такой язык требовался во время кануна революции!

На Лондонском съезде РСДРП 1903 г. я участвовал, как делегат от союза, выступал с докладом, участвовал в работах программной комиссии. Но никакого влияния на ход съезда мы, рабочедельцы, недавно еще хозяева партии, уже не имели. Даже когда наметился раскол на съезде, меньшевики, у которых со мной лично в то время уже не было никаких разногласий, не искали сближения со мной, боясь штампея „экономистов“. Только Плеханов, стоявший выше всяких подозрений, уже тогда дружил со мной. После съезда, когда меньшевики с легкой руки Плеханова, стали подвергать пересмотру прежнюю огульную критику „экономизма“, наши взаимоотношения резко изменились. Я поселился в Берлине, туда приехал Троцкий, который вышел из новой „Искры“, не поладивши с Плехановым. Троцкий уговорил меня выйти из состояния изоляции,

поехать в Женеву и вступить в редакцию „Искры“, что я и сделал. С тех пор началась моя работа в меньшевистской фракции, которой я верой и правдой служил 15 лет.

Мой первый дар меньшевизму была брошюра „Две диктатуры“. Под непосредственным впечатлением Лондонского съезда 1903 г., который в первых своих заседаниях произвел на меня впечатление подражания Конвенту 1793 г., я стал изучать в Париже, затем в Берлине историю Конвента, чтоб выяснить себе, возможно ли повторение его истории. Результатом этого и явилась указанная брошюра. В „Двух диктатурах“ я очень верно предсказал и очень неверно оценил пути, по которым пойдут большевики. Эта брошюра, наряду с послесъездовскими фельетонами П. Аксельрода в „Искре“, стала в известном смысле теоретическим *сredo* меньшевизма.

Наша работа в новой „Искре“ и в меньшев. фракции вообще протекала гладко, почти без внутренних трений до начала 1905 г. Только раз в редакции „Искры“ возникло разногласие с Плехановым. После убийства Плеве Плеханов хотел поместить статью, более или менее сочувственную террору. Редакция этому воспротивилась. Когда вспыхнули январские события 1905 г., которые мы все восприняли, конечно, как начало революции, я хотел поехать в Россию. Наша организация находила, что это преждевременно, что пока необходимо сохранить за границей идейный центр в лице ред. „Искры“.

О революционных событиях 1905—1907 г., об участии в них меньшевиков и об их борьбе с большевиками я писать здесь не буду, как ни заманива эта тема. Мой круг наблюдений был ограничен: я до октябрьской забастовки жил за границей, а после октября жил только в Питере. Я участвовал только в центральном политическом руководстве меньшев. фракции и в разных съездах и конференциях. Организационной партийной работой я не занимался, а с массами соприкасался только, как публицист, митинговый оратор и докладчик. Тем не менее, если бы я стал здесь описывать мои переживания и наблюдения в эти бурные годы, мне нужно было бы написать целый том. Я ограничусь поэтому только беглыми замечками о внутренней жизни нашей меньшевистской партийной верхушки, о возникших в ней разногласиях и о позиции, которую я занимал в этих разногласиях.

После 9 января возникли первые крупные разногласия между основным ядром

меньшевиков, с одной стороны, Троцкий и Парвусом — с другой. Я на это реагировал в марте 1905 г. в „Искре“ серией статей под загл. „Революционные перспективы“, в которых я, наряду с обычной для меня полемикой против большевиков, полемизировал также против непосредственного курса на социал-революцию в России, взятого Парвусом и Троцким, в которых, к стати говоря, было не меньше доктринерства (только меньшевистского доктринерства), чем в статьях Троцкого. Если Троцкий преуменьшил возможную революционную роль крестьянства в будущем, то я преувеличивал будущую революционную роль городской буржуазной демократии. В мае 1905 г. я участвовал в меньшевистской „общерусской конференции“. Тут наметились новые разногласия внутри меньшевистской фракции — по организационному вопросу. Плеханов покинул конференцию по поводу того, что меньшевики согласились признать „совет партии“ распущенным и отказались претендовать на то, чтобы „Искра“ называлась центральным органом партии. Он мотивировал свой уход тем, что меньшевики страдают организационным нигилизмом. На этой же меньшевистской и общерусской конференции разгорелась горячие споры по вопросу о демократизации партии и об отношении к беспартийным рабочим организациям. Мартов и рабочий Горбунов из Ростова защищали выборность всех партийных учреждений, я же считал полную демократизацию партии несовместимой с нелегальным существованием партии. Если Мартов в этом вопросе сильно перегибал лук в одну сторону, стеля дорожку для будущего „ликвидаторства“, то я склонен был перегибать его в другую сторону, недостаточно учитывая перемены, произошедшие в России с 9 января по май 1905 г. Забегая вперед, отмечу, что аналогичное расхождение выявилось между нами позже по отношению к Петербургскому совету рабочих депутатов. Я в газ. „Начало“ формулировал меньшев. взгляд на совет рабочих депутатов в том смысле, что беспартийный совет имеет историческое оправдание лишь, пока и поскольку социал-демокр. партия не стала и не могла стать еще массовой партией (считать совет рабочих депутатов зачаточным органом власти я, как меньшевик, конечно, не мог). Мартов усматривал в этом некоторый уклон в сторону большевиков, которые, как известно, в начале до выступления Ленина относились тоже недоверчиво к совету, как к беспартийной организа-

ции, опасаясь, чтобы он не оттеснил на задний план партию. Мартов, поэтому, в своей „Истории русской социал-демократии“ назвал мою статью дипломатической и не вполне точно отражавшей взгляды меньшевиков. Еще позже, когда П. Аксельрод выдвинул лозунг „рабочего съезда“ и „диалектически“ комментировал этот лозунг на частных меньшевистских совещаниях, как нечто такое, что должно и усиленно пропагандироваться и отнюдь не сразу быть проведенным в жизнь, что должно одновременно и упразднить и спасти нашу старую партию, я к этой кампании тоже отнесся весьма отрицательно. Вообще, в целом ряде вопросов — в отношении подпольной организации, к вооруженному восстанию, к осуществлению гегемонии пролетариата — я теоретически склонялся больше на сторону Плеханова, чем Аксельрода и даже Мартова.

После октябрьской забастовки мы закрыли „Искру“ и всем меньшев. штабом (кроме Плеханова) перекочевали из Вены, где редакция жила накануне октября, чтобы быть ближе к России, в Петербург. Это было время, когда на революционной авансцене одиноко стоял Петерб. совет раб. деп. Не буржуазно-демократическая, а пролетарская революция в России, — то что меньшевики на майской конференции 1905 г. считали одной из исторических возможностей, к которой мы должны будем „на худой конец“ приспособиться, и то, к чему Троцкий и Парвус стремились сознательно, как к единственной революционной возможности, стало как будто осуществляться. Это привело к примирению между меньшев. штабом и Троцким с Парвусом, и мы вместе стали издавать в Питере газ. „Начало“. В газете я в двух редакц. статьях в духе Троцкого защищал „перманентную революцию“, что вызвало большое неудовольствие Плеханова, следившего за событиями из женевского далека, а Луначарскому дало повод шутить, что „Начало помчало“.

Весной 1906 г. я попал в засаду и был арестован в Питере на конференции городского района. Через два дня я был выпущен: у меня был паспорт на имя австрийского купца Густава Эриха Риделя, и я не был опознан. Через несколько дней в газетах сообщали, что полиция вновь разыскивает Риделя, но я уже был по дороге в Стокгольм, куда я поехал на партийный съезд. На съезде я выступил от меньшевиков докладчиком по вопросу о „современном моменте

и задачах пролетариата". По возвращении в Петербург я после разгона Первой Думы был делегирован центр. комит. партии на Выборгское совещание; во время Кронштадтского и Свеаборгского восстаний—на совещание революционных партий и организаций. Когда созвана была 2 я Дума, я делегирован был центр. комитетом в комитет думской фракции, руководивший ее выступлением, где я по каждому вопросу регулярно сражался с Алексинским совместно с И. Церетелли. Весной 1907 г. я поехал на Лондонский съезд партии, где был выбран в центр. комитет.

После Лондонского съезда я лечился в Женеве. Оттуда переехал в Цюрих. Там я подружился со студенткой Цюрихского университета—Анной Романовной Файнман, которая в 1905 г. работала в Риге в большевистской организации. Ей я, кстади говоря, не в малой степени был обязан тем, что, пережив три полосу контр-революции и вынужденный три раза рвать со своими друзьями—при переходе от „Народной Воли“ к соц.-дем., от „экономистов“ к меньшевикам и от меньшевиков к большевикам, я все же в полной мере сохранил аппетит к жизни и к работе.

Я познакомился с ней в начале столыпинской эры и окончательной ликвидации первой революции. Я ушел в это время на несколько месяцев в личную жизнь. Анна Романовна меня за это упрекала, и я в ноябре 1907 г. уже опять попытался возобновить партийную работу в России. Я уехал в Финляндию, где участвовал на заседаниях центр. комитета. После двух месяцев пребывания в Финляндии мне и другим товарищам пришлось в виду усиленной слежки полиции опять уехать за границу, и я осел вторично в эмиграции надолго. В 1908 г. мы, бывшая редакция „Искры“, стали издавать в Швейцарии периодич. орган „Голос Социал-демократа“. Я был секретарем редакции. Это было время сильных идейных штатий в нашей партии, вызванных поражением революции; появились „богоскатели“, расцвел „махизм“. Параллельно с этим в большевистской фракции возникло „отзовистское“ течение, а в меньшевистской— „ликвидаторское“. В области философской меньшев. центр. марксистской позиции не покинул: Плеханов в „Голосе Соц.-дем.“ открыл кампанию против „махизма“ Богданова. И я на собраниях вел в это время горячие споры с меньшевистским „махистом“ Симковским и в частных беседах с ярым „махистом“ Фрицом Адлером. Гораздо меньшую

устойчивость проявил меньшев. центр по отношению к „ликвидаторству“, которое заразило почти всех меньшевиков в России и на $\frac{3}{4}$ меньшевиков из заграничного фракционного центра. В связи с этим произошел наш раскол с Г. В. Плехановым. Конфликт возник у нас из-за ликвидаторской статьи Потресова в пятитомном издании „Общественное движение в России в начале XX века“. По требованию Плеханова я поместил в пятитомнике параллельную по теме статью—„Основные моменты в истории русского марксизма“. Эта статья, расходящаяся в оценке нашей партийной истории со статьей Потресова, Плеханова удовлетворила. Но он требовал большего—чтобы мы публично осудили Потресова. На это мы не пошли. Тогда Плеханов открыл поход против ликвидаторства „голосовцев“. Когда же я в печати отметил, что не Плеханов, а Аксельрод впервые конкретно развил идею гегемонии пролетариата, Плеханов обрушился на меня страстной полемической статьей, несмотря на то, что я из всех „голосовцев“ стоял ближе всего по взглядам к Плеханову.

В 1910 г. я принял участие на январском пленуме центрального комитета. Это был момент наиболее острого кризиса большевистской фракции, вызванный тем, что большевики слишком долго не примирились с поражением революции и до последней крайности не хотели распустить боевых организаций, покуда они не начали разлагаться, заражая партийную атмосферу. Пропась между большевиками и меньшевиками, проникшимися все более ликвидаторскими настроениями, была в то время так велика, что мы на пленуме совершенно не могли понимать друг друга, несмотря на то, что „тов. Иннокентий“ (Дубровинский) всячески старался найти между нами общий язык.

С 1910 по 1914 гг. я сотрудничал в легальных сборниках, вел иностранные обозрения в журнале „За рубежом“, сотрудничал регулярно в журнале „Наша Заря“, выходявшем в России, где я, не называя „ликвидаторов“ из фракционной добродетели, спорил с ними, доказывал, что столыпинская аграрная реформа не закрывает пути к возрождению революционного движения крестьян, а стало быть, к возрождению революции. В том же журнале я, между прочим, выступал против распространившейся тогда среди марксистов ереси, будто в условиях буржуазного строя можно развить „пролетарскую культуру“. В 1912 г. я принял участие в Венском объедине-

тельном съезде „августовского блока“, организ. Троцким.

Накануне войны я участвовал в Базельском интернац. конгрессе, где я заменял Плеханова в Интернац. Бюро. На заседании бюро я имел случай убедиться, как мало в этот момент вожди II Интернационала рассчитывали на свои силы в деле предупреждения мировой катастрофы. Жорес в бюро рассказывал про свою беседу с министром Рибо. Рибо, боясь разгрома Франции в случае об'явления войны, спросил Жореса, ответят ли социалисты на об'явление войны всеобщей забастовкой, явно желая получить от Жореса утвердительный ответ. Жорес ответил утвердительно, хотя, по его словам, не верил в возможность это выполнить. Бебель по этому поводу заметил меланхолически: „К нам с такими вопросами члены правительства не обращаются“. К стати замечу, что и во французском правительстве тогда далеко не все с такими вопросами обращались к социалистам.

Я с самого начала войны занял ту же позицию, что и Мартов—позицию меньшевика-интернационалиста. Я выступал на собраниях и в печати против социал-патриотов, поместил в парижском „Нашем Слове“ в этом духе серию статей под загл. „Благочестивая легенда“ (половина их не была пропущена цензурой), издал в России легальную брошюру против социал-патриота Потресова — „Патриотизм и международность“, и т. д. По приезде Мартова в Цюрих я вместе с ним, П. Аксельродом, Семковским и Астровым редактировал „Известия загран. секрет. ЦК“. В редакции мы с Астровым неизменно, почти на каждом заседании, спорили с П. Аксельродом который занимал позицию „пацифистскую“ и соглашательскую по отношению к социал-патриотам, приблизительно такую, какую занимал в Германии Каутский и вообще правые циммервальдисты, и который чувствовал себя в нашей редакции пленником.

Когда вспыхнула Февральская революция, мы получили телеграмму, подписанную Чхендзе, Церетелли и Даном, в которой они „умоляют“ нас (*vous vous suppriions*) не ехать через Германию. Мы, однако, поехали следующим поездом после Ленина в „пломбированном вагоне“ и в первый же день после приезда в Петербург вступили в борьбу с Даном и Церетелли по поводу вступления меньшевиков в коалиционное правительство— в борьбу, которая закончилась примирением после выхода меньшевиков из коалиционного правительства. В Питере я

вначале вместе с Ерманским редактировал „Интернационал“, был членом городской думы, участвовал в Демократическом совещании и Предпарламенте. После примирения участвовал в работе м-ского ЦК и в редакции питерской м-ской газеты. После Октябрьского переворота я принимал участие в „викжелевских“ переговорах с большевиками; затем, будучи выставлен кандидатом в Учредительное Собрание от тульской организации, я совершил агитационную поездку в Тулу. Накануне разгона Учредительного Собрания я выступил на железнодорожном съезде против большевиков, при чем во мне заронило сильную тревогу за судьбу меньшевизма одно обстоятельство. Зал съезда был разделен на три сектора. Два сектора заполняли железнодорожные служащие, а один— рабочие. И вот, оказалось, что в двух секторах, где сидели служащие, все голосовало за нас и эсеров, в рабочем же секторе все голосовало за большевиков. Один рабочий после моего выступления сказал мне: „Вы, т. М., нас очень худо понимаете. Мы уже не те рабочие, что были раньше“. Такую же отповедь я получил на тульском патронном заводе от одной молодой работницы. Когда я в своем выступлении доказывал, что экономическая политика большевиков свергнет рабочих в голод, работница мне ответила: „Ничего, товарищ, мы поголодаем, мы привыкли“. Все это были весьма дурные предзнаменования для меньшевиков.

В июне 1918 г. я с семьей—с женой и дочерьми, 4-летней Татьяной и однолетней Еленой, уехал из Москвы на Украину, где моя сестра служила заводским врачом на Ялтушковском заводе. После восстания, происшедшего в Ялтушкове и кроваво подавленного австрийцами, я по приглашению Жигалки поехал в Николаев, чтобы поставить там социал-демократ. газету. Нам удалось выпустить только 9 номеров. После того, как газета была один раз приостановлена немецкой цензурой, а второй раз закрыта, я вернулся во время падения Скоропадского через Киев в Ялтушков.

С конца 1918 до 1922 гг. я жил в Ялтушкове, не имел никаких связей с партией и занимался учительством в заводских труд- и профшколах. В конце этого периода я переоценил свои социал-демократ. взгляды и стал на точку зрения коммунизма. Это был самый трудный перелом в моей жизни.

Переход от народофильства к социал-демократии был для меня нетруден: я

вступил в „Народную Волю“ в 1884 г. после доплатинского провала, когда „Народная Воля“ находилась уже в упадке, и я сразу же стал, хотя бы только *теоретически*, эволюционировать к марксизму. Когда же я в 1897 г. в Киренске после возвращения из Колымска стал определенно социал-демократом, народолюбивым, как революционного движения, уже в России не было—остались только одиночки народолюбцы в ссылке, а их эпигоны эс-эры только еще начали подымать голову. Переход от „рабочедельчества“ к меньшевизму в 1903 г. был для меня тоже нетруден. Ведь я уже до вступления в редакцию „Рабочего Дела“ не разделял специфических взглядов „экономистов“ и по-своему с ними боролся. То, что у меня было общего с „экономистами“, кроме некоторой путаницы во взглядах, объяснявшейся тем, что я в Сибири не мог получить достаточной социал-демокр. подготовки, унаследовали от „экономистов“ впоследствии и меньшевики. Когда я в 1902 г. фактически отделился от Кричевского и Акимова и стал издавать „Красное Знамя“, я уже был по своим взглядам определенный меньшевик—за год до того, как образовалась меньшев. фракция. Я, как и некоторые другие товарищи (не все), работавшие в „Южном Рабочем“, был, можно сказать, еще в 1899 г. в подпольной России зародышевым меньшевиком.

Неизмеримо труднее был для меня переход от меньшевизма к большевизму. Тут мне приходилось рвать с товарищами, с которыми я, уже совершенно сложившийся политический деятель, работал 15 лет, с которыми я пережил революцию 1905 г., с которыми я связан был партийными узами и узами тесной личной дружбы; тут мне приходилось ломать политическую систему взглядов, которые у меня вошли в плоть и кровь, я имею прежде всего в виду взгляды на демократию и диктатуру.

Переход был труден, но я должен был поднять эту тяжесть, поскольку *я не хотел* политически умереть и *не способен* был стать ренегатом. Уже когда разразилась мировая война, в меньшевизме образовалась глубокая трещина, большинство меньшевиков изменили своим интернационалист. взглядам эпохи первой революции и стали явными или скрытыми социал-патриотами. Во время Февральской революции они еще ниже скатились, вступив в коалицию с буржуазией. Мы, меньшевики-интернационалисты, этого падения с ними не продавали, но, поскольку мы цеплялись за

старые меньшевистские формулы 1903—1905 гг., мы обречены были на более или менее призрачное существование. Историю делали в то время не мы, а социал-патриоты, с одной стороны, большевики—с другой. Когда произошла Октябрьская революция, и когда мы, меньшевики-интернационалисты, в обстановке гражданской войны определенно стали перед дилеммой—стать по ту или сию сторону баррикады, я после нескольких месяцев топтания на месте уехал на Украину и фактически ушел от партийной работы. Там, на Украине, живя в 30 верстах от румынской границы, в самом пекле контр-революционной стихии, где я пережил 18 переворотов, где я и моя семья были не один раз на волосок от смерти, я имел случай наглядно убедиться, как безжизненны наши старые „ортодоксально“—меньшевистские, парламентско-демократ. формулы. Я увидел воочию, что русская революция, в условиях лихорадочных колебаний настроения в крестьянстве, не может победить без диктатуры пролетариата, без диктаторских мер по отношению ко всем тем, которые саботировали революцию и сеяли недоверие к ней. Это было бы уж достаточно для меня, чтобы стать на точку зрения большевиков. Но экономические последствия „военного коммунизма“, растущий развал хозяйства, продолжали питать во мне мое прежнее недоверие к большевизму. Когда же большевики, выйдя победителями из гражданской войны, взяли курс на новую экономическую политику, и когда они во время Гаагской конференции остановились в своем экономическом отступлении, сохранивши в руках главные заручки для постепенного продвижения к социализму, у меня всякие сомнения исчезли. Я понял, что многолетний спор между меньшевиками и большевиками историей решен в пользу последних. Подробно я всю эту эволюцию в своих взглядах под влиянием переживаний и наблюдений на Украине описал в статье „Мои украинские впечатления и размышления“, помещ. в „Красн. Нови“, а потом изд. на русском и нем. языках отд. брошюрой. В 1922 г. я с семьей переехал в Москву. На XII съезде РКП я был принят в партию. Работал вначале в „Институте Маркса и Энгельса“, затем в редакции издат. „Красной Нови“. В 1923 г. я провел агитационную кампанию по делу ликвидации меньшевизма в Грузии, посетил Тифлис, Кутаис, Самтредиа, Чиатуры, Озургеты, Батум, Поты и Сухум, где я выступал на собраниях, конференциях и на ликвидационном меньшев. съезде. Мой доклад об этой агитацион-

ной поездке был напечатан в „Правде“. Последние два года я работаю в Коминтерне, как член редакции журнала „К. И.“, и читаю лекции в Свердловском уезде и в Коммакадемии.

Мархлевский (псевд. Карский), Юлиан Юзефович, род. 1866 г. в г. Воцлавске, учился в реальном училище в Варшаве, окончил в 1886 или в 1887 г. Чтобы поддержать семью, находившуюся в большой бедности, М. поступил рабочим на красильную фабрику в Варшаве. Затем уехал в Германию, работал красильщиком на фабриках Саксонии. Здесь он знакомится с рабочим движением и, возвратившись в Польшу, в 1889 г. участвует в организации „Союза польских рабочих“, который сначала сильно склонялся в сторону чистого экономического. Поступив на хлопчатобумажную фабрику Познанского в Лодзи, М. здесь ведет агитацию. В 1891 г. он был арестован, в 1892 г. был, как иностранец (родители его были прусскими подданными), выслан за границу и уехал в Цюрих. Здесь он поступил в университет, кончил его в 1895 г., написав диссертацию „О физиократизме в Польше“, затем переехал в Дрезден, где вместе с Парвусом редактировал орган левого крыла герман. с.-демократии „Sächsische Arbeiterzeitung“. В бытность еще в университете М. писал статьи в легальной польской прессе, затем участвовал в выходявшем в Париже (с 1893 по 1896 г.) — „Рабочем Деле“, в польском „Красном Знамени“, „Рабочем обозрении“, „Социал-демократ. Обозрении“, писал воззвания, листовки, брошюры. В конце 1898 г. М. был выслан из Саксонии, переезжает в Мюнхен, сотрудничает в „Vorwärts“ и „Neue Zeit“, с 1898 г. в „Leipziger Volkszeit“. В 1903 г. М. написал обширный труд об общественно-экономическом положении Прусской Польши, в 1908 г. — работу о положении еврейских масс в Польше (на польск. языке), кроме того ряд брошюр агитационного характера. В декабре 1905 г. М. переезжает в Варшаву, принимает участие в революционной работе и в конце 1906 г. был арестован. Выйдя из тюрьмы весной 1907 г. он был делегирован польской партией на лондонский съезд РСДРП, а затем на международный конгресс в Штутгарте. С 1908 г. М. принимает ближайшее участие в „Leipz. Volkszeitung“. С началом войны занимает непримиримую позицию против войны, участвует в редакции революционного издания „Die Internationale“, в основании „Союза Спартака“ в 1916 г. попадает в тюрьму, затем в лагерь во-

енно пленных, где остается до 1918 г., когда по требованию сов. правительства был освобожден и отправлен в Россию. Весной 1919 г. М. возвращается в Германию, в Рурскую область, где пишет для горячков брошюру о социализации рудников. Вскоре, однако, во избежание ареста М. принужден был бежать опять в РСФСР. Здесь М. делается членом ВЦИК, работает во многих государств. учреждениях, участвует в качестве дипломатич. представителя РСФСР в переговорах с Польшей, Литвой, Финляндией, Японией и Китаем. В 1919 г. ему удалось добиться приостановления военных действий на польском фронте в момент наступления Деникина. В 1920 г. во время наступления на Польшу М. был назначен председателем польского ревкома. М. состоял профессором москов. универ. и ректором универ. нац. меньш. Запада. Ум. в 1925 г. (См. *Изя.* № 68, 1925).

Махарадзе, Филипп Исеевич (*авторизованная биография*). Род. в 1868 г. в Гурии в с. Карискуре (Озургетск. у.). Отец его был бедный крепостной сельский священник, которому в 60-х г. удалось выкупить себя. Он был без всякого образования, умел только читать по грузински и подписать свое имя и фамилию. Мать была из простых крестьянок и неграмотна. У них было пять душ детей — три сына и две дочери, и так как семья бедствовала, всем взрослым и незрелым членам семьи, и М. в том числе, приходилось непрерывно работать. С 8-9-летн. возраста М. отдали в Озургетское духовное училище, где в то время учился его старший брат. Здесь обучение происходило на русском языке, которого почти никто не понимал. Окончив училище в 1884 г., М. перевелся в Тифлискую духовную семинарию. Первое время М. находился на хорошем счету у администрации семинарии: его причисляли к категории скромных, примерных и верующих учеников. Но через год, благодаря существовавшему в семинарии режиму, он сделался протестантом и атеистом. Администрация семинарии в то время энергично преследовала тайно существовавшие тогда самообразовательные кружки учеников. В один из таких кружков попал и М. У кружка не было ясной программы занятий. Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Шелгунов и пр. — вот духовная пища членов кружка. По временам к ним в руки попадали народовольческие издания, которые изучались членами почти наизусть. Все симпатии М. были тогда на стороне

партии „Народной Воли“, хотя в то время, как он сам говорит, он мало понимал учение народников. Учение же Маркса было еще совершенно незнакомо учащимся семинарии. При окончании семинарии (1890 г.) никто из учеников ничего не знал о марксизме.

Отношения между семинарской администрацией и учениками были всегда натянутыми, а в последнее время они до того обострились, что в 1890 г., т. е. за несколько месяцев до окончания М. семинарии, ученики устроили настоящую забастовку, перестав ходить в класс и заниматься. Забастовка эта продолжалась целую неделю. М. был душой забастовки. Для ликвидации ее администрация намеревалась прибегнуть к крутым мерам, арестовать всех главарей, в том числе и М. Но такая репрессия могла еще больше обострить положение, начальство пошло на уступки ученикам, и конфликт был улажен мирно. М. дали возможность окончить семинарию; однако, в наказание дали аттестат с баллом 4 по поведению. Т. обр., хотя М. и вышел из семинарии одним из лучших учеников, но ясно, что с таким „поведением“ двери всех высших учебных заведений для него были закрыты. Однако, в 1891 г. он вместе с Н. Жордания (лидер грузинск. меньшевиков) поступил в Варшавский ветеринарный институт. Борьба польского пролетариата в то время носила характер и социалистический и национальный (защита прав польского народа). Кое-где в рабочие массы проникал и марксизм. С осени 1891 г. М. сблизился с той группой студентов, которая была знакома с марксистским учением и соц.-демократ. движением. Этот кружок от теории переходит к практической деятельности. Он ведет пропаганду среди рабочих, распространяет соц.-демократические идеи и нелегальную литературу, издаваемую за границей „Группой освобождения труда“.

И вот благодаря этому кружку в Грузию впервые проникли соц.-демократ. идеи, гл. обр. посредством пересылки туда нелегальной литературы, а также и личных связей. В 1893 г. при получении из-за границы одного из таких транспортов соц.-демократ. литературы была арестована вся группа товарищей, в том числе и М., который просидел в Варшавской Александр. крепости около двух лет, откуда в начале 1895 г. был освобожден и до конца 1899 г. оставался под гласным надзором полиции. В это время он не имел права проживать в каком-либо городе Закавказья, но, несмотря на это, он ухитрялся време-

нами нелегально приезжать в Тифлис и работать, что выражалось в сотрудничестве в издаваемой группой „М е с а м и Д а с и“ (так называли в начале грузин соц.-демократов) еженед. журн. „Квали“. В журнале М. помещал марксистские статьи публицистич. и историко-экономич. характера, поддерживая к тому же тесную связь с тифлисскими рабочими. По истечении срока полицейского надзора М. решил поехать за границу, но тут полиция вспомнила, что он должен был отбыть воинскую повинность, и в 1900 г. он призывается на военную службу, пробыв в ней 6 месяцев. После отбывания воинской повинности М. поселился в Тифлисе, где вместе с Н. Жордания сделался активным работником и сотрудником „Квали“. В 1901 г. 2 раза подвергался аресту за пропаганду соц.-демократ. учения, но за отсутствием конкретных обвинений был освобожден, а в конце 1901 г. все-таки был выслан в Кутаис под надзор полиции, откуда руководил редактур. „Квали“, так как Жордания в это время сидел в тюрьме.

В 1902 г. в Западной Грузии среди крестьян начинает развиваться движение, и вместе с другими товарищами М. принимает участие в создании Гурийско-Мингрельского комитета. В том же 1902 г. по предложению Л. Кецохели, которому было поручено создание нелегальной типографии, М. решил поехать за границу, чтобы организовать там издательство соц.-демократ. литературы на груз. языке. В это время небольшая группа федералистов готовилась к изданию в Париже газеты „Сакартвело“. М. нелегально отправился в Европу, но на границе его паспорт оказался почему-то негодным, и он принужден был вернуться обратно в Кутаис. В начале 1903 г. М. принимал участие на I-м съезде соц.-демокр. организаций Кавказа. Ему было, м. пр. поручено заготовить по аграрному вопросу в Закавказьи доклад, который должен был быть представлен 2-му съезду партии. Это поручение М. было выполнено. В том же 1903 г. М. перевел на груз. язык брошюру Ленина „К деревенской бедноте“, которая тогда же нелегально была издана в Кутаисе. В 1904 г. правительство закрыло журнал „Квали“. В конце этого же года М. вновь появляется в Тифлисе, где совместно с С. Цулукидзе (умер в 1905 г.) и др. издает еженед. маркс. журнал (большев. направления) — „Могзаур“. В начале 1905 г., при появлении № 1 означенного журнала, М. был арестован и просидел 1½ мес. К этому же времени почти окончательно сложились и

оформились фракционные несогласия между меньшевиками и большевиками. М. с самого же начала был ясно определенным твердокаменным большевиком-ленинцем. Органом, проводящим большев. тактику, был журнал „Могзаури“, разумеется, поскольку это было возможно в рамках легального органа. После манифеста 17-го октября 1905 г. тенденция объединения обеих фракций настолько усилилась, что журнал „Могзаури“ был закрыт, слившись, как литературная сила, со вновь основанной тогда меньшев. легальной газетой „Схиви“. В конце 1905 г., как только реакция усилилась, М. подвергся аресту, но в мае 1906 г. был освобожден. Осенью 1906 г. по совету друзей М. отправляется в Германию, откуда в феврале 1907 г. за немалым средств вновь возвращается в Тифлис. В это время происходили выборы во 2-ю Государств. Думу, а через некоторое время выборы делегатов на Лондонский с'езд; на обоих выборах победу одержали меньшевики. В партии тогда еще формального раскола не было, но обе фракции уже вели работу отдельно, и большевики имели в Тифлисе свою организацию в виде идейного издательского бюро. В работе этого бюро М. принимал самое энергичное и горячее участие. В январе 1908 г. он был арестован, благодаря пролезшему в большев. организацию провокатору. Он обвинялся в том, что состоял членом „бюро“ и был делегатом на 7-м Закавказье соц.-демократ. организаций. В виду отсутствия документальных данных для судебного процесса, дело было решено в административном порядке. После 8-мес. тюремного заключения М. был приговорен к высылке в Туруханский край, который впоследствии был заменен Астрах. губ. М. находился в ссылке до середины 1911 г.; срок ссылки кончился, но вернуться в Грузию ему было все-таки невозможно; поэтому местом жительства он избрал г. Ростов на Дону, откуда затем перекочевал на Александро-Грушевские Парамоновские каменно-угольные копи, где супруга М. получила место учительницы; здесь М. остался до 1913 г. В этом промышленном районе при его ближайшем участии за короткое время была создана большев. ячейка. Сближение М. с рабочими произошло сначала во время выборов в Государств. Думу, а затем посредством распространения выходившей тогда в Питере большев. газеты „Правда“. В начале 1913 г. М. переезжает по болезни в Баку; а в то время большев. организации в Баку не существовало, след-

ствие имевших место систематических арестов и провалов. Некоторое оживление в жизни бакинской организации наступило при активном участии М. в начале 1914 г., но с объявлением войны М. был арестован и, просидев 4—5 мес. в Баилловской тюрьме, в феврале 1915 г. был выслан в один из глухих городов Бакинской губ., откуда он самовольно ушел и до революции 1917 г. нелегально жил то в Тифлисе, то в Кутаисе. Из оставшихся еще на свободе большевиков с участием М. в Кутаисе образовалась небольшая, но хорошо организованная ячейка и работа закипела. Благодаря этой группе было составлено кавказское бюро большевиков, от имени которого были выпущены листки против войны, а также первомайский листок 1916 г. В мае 1916 г. ячейка эта была провалена благодаря доносу провокатора Николая Рамишвили, который работал тогда у меньшевиков: некоторые члены ячейки были арестованы, другим удалось бежать из Кутаиса. В числе последних был и М. В начале лета 1916 г. М. удалось пробраться в Тифлис, где большев. организация в то время была совершенно разгромлена. Здесь он, будучи на нелегальном положении, принял участие в сельскохозяйственной переписи, разъезжая по провинции; осенью 1916 г. вернулся в Тифлис и, живя нелегально, получил в Земском Союзе должность статистика. Февр. революция 1917 г. застала М. в Тифлисе, где он первый взялся за организацию в Тифлисе совета рабочих депутатов. Затем принял горячее участие в создании Тифлисской большев. организации. По его же инициативе была организована первая большевистская газета — „Кавказский Рабочий“ в Тифлисе.

Через некоторое время личным содействием и активным участием М. появились большев. газеты на грузинском и армянском языках. В апреле 1917 г. он был послан в Питер на всеросс. партийную конференцию (большевиков). Возвращаясь вместе с М. Цхакая в Тифлис, М. проездом остановился в Баку, где сделал доклад, так как Баку своего делегата на конференцию не имел. М. принял самое активное участие в созыве Кавказского с'езда большев. организаций, который состоялся в Тифлисе во второй половине сентября 1917 года. Последние месяцы этого года, в особенности с декабря месяца, контр революционные партии меньшевиков, дашнаков и мусаватов уже берут верх и начинают принимать открыто репрессии против большевиков: закрывают газеты,

производят аресты и т. д. С этого момента М. уже окончательно переходит на нелегальное положение. 10 го февраля вовремя обстрела меньшевиками митинга в Александровском саду в Тифлисе он случайно спасся от смерти. После этого события он едет в Кутаис для участия в губернской парт-конференции (большевиков). В это время во многих местах Кутаисской губ. возмущенное режимом меньшевиков крестьянство устраивало восстания, но за неимением хороших руководителей участие нашей партии в этих восстаниях было невелико. Спустя несколько недель М. вернулся опять в Тифлис, чтобы выяснить ближайшую тактику партии в Краевом комитете. Здесь ему, м. пр., было поручено проведение Тифлисской губернской нелегальной конференции. По решению руководящих органов партии, последняя должна была руководить восстанием. В мае 1918 г. в Кутаисе вновь было назначено специальное совещание по этому вопросу, на котором было решено до поры до времени удерживать крестьянство от несвоевременных выступлений. Одновременно было решено снабдить их оружием с Северного Кавказа, где в это время была советская власть. После этого М. вернулся в Тифлис и вскоре пешком через Юго Осетию совместно с Г. Чхеидзе при невероятно тяжелых условиях, через Жомакский перевал, перешел на Северный Кавказ. По дороге он по поручению Краевого комитета приветствовал съезд юго-осетинского народа, боровшегося против меньшевиков.

В это время на Северном Кавказе советская власть находилась в крайне критическом положении, и прибывшим товарищам было не до Грузии. Всем прибывшим была предоставлена работа. Во Владикавказе, где никто не был уверен, что, выходя из дома или из учреждения, вернется домой живым и невредимым, М. был выбран народным комиссаром финансов Терской области. Но в начале 1919 г. в виду наступления денкинцев он совместно с другими товарищами отступил в горы, где в течение двух месяцев ему вместе с другими товарищами пришлось пережить много тяжелых моментов, когда жизнь висела буквально на волоске. Через некоторое время М. удалось нелегально перейти на грузинскую территорию. Это было в начале апреля 1919 г. После одного месяца нелегальной работы в разных местах Грузии он поехал в Баку на Закавказскую партийную конференцию. После окончания конференции М.

пришлось пробыть там еще около 1—1½ месяца. Время это было самое критическое для Баку и для бакинского пролетариата, — в особенности в виду угрозы нападения со стороны Деникина, который уже к тому времени занял весь Дагестан и посылал своих эмиссаров в Баку, где его с распростертыми объятиями готовы были принять и мусаватистское правительство Азербейджана и английское командование. Лишь после того, как эта опасность миновала, М. вернулся в Грузию и приступил к руководству по подготовке восстания для свержения меньшевистского правительства. После подавления этого восстания все главы его были арестованы, в числе них также и М.; но в феврале 1920 г. он совместно с тремя товарищами сумел бежать из Тифлисской тюрьмы и снова приступил к созданию военных отрядов для подготовки восстания. В это время Северный Кавказ был очищен от денкинских войск, Азербейджан был советизирован, а Армения еще раньше. Грузия тоже готовилась к выступлению, но неожиданно 8-го мая между Москвою и меньшевистским правительством был заключен мирный договор, в силу которого коммунистическая партия Грузии была легализована. В конце 1920 г. М. был выбран делегатом на II Конгресс Коминтерна и поехал в Москву, где сделал подробный доклад в ЦК РКП о положении в Грузии. По получении директив от ЦК РКП он должен был вернуться в Грузию, но по дороге остановился в Баку, где принял участие в работах съезда народов Востока. Здесь по его инициативе, с участием прибывших товарищей из Грузии, состоялось совещание для выяснения положения в Грузии. М. прочел доклад на тему „Положение в Грузии и наши задачи“, в котором проводил ту мысль, что переход целиком на легальную работу партию окончательно может погубить. Он считал необходимым устройство рядом с легальным аппаратом и нелегального аппарата партии. Громаднейшее большинство членов совещания разделяло его точку зрения. В это время неожиданно ему пришлось выехать обратно в Москву, где он и оставался до начала 1921 г. 18-го февраля 1921 г по совету Ленина и Сталина М. выехал в Грузию, где по приезде в начале марта месяца занял место председателя Революционного Комитета Грузии. После создания Советов и организации ЦИК Грузии на съезде Советов в феврале 1922 г. он был выбран председателем ЦИК'а.

Первый марксистский труд, который М. написал в 1892 г., касался теории Шульце-Делича и попытки ее перенесения представителями молодой грузинской буржуазии в грузинск. действительность. К сожалению, работа эта не была напечатана тогда, но она сыграла все-таки известную роль в распространении марксизма в Грузии. С 1895 г. М. принимается за обоснование и защиту марксизма, вначале, гл. обр., в легальной печати. Из легально изданных его книг в царское время заслуживают внимания: 1) „Даниил Чонкадзе и его время“ и 2) „О народной поэзии“. В 1921 г. в Москве вышла его брошюра — „Диктатура меньшевистской партии в Грузии“, на русском языке. М. написано много по самым разнообразным вопросам. В 1926 г. в Тифлисе вышла его книга „1905 год“. В 1923 году ЦК КПГ постановил издать собрание сочинений М. в 15 томах (что не удалось издать в царское время). Пока изданы только 4 тома (I, II, III и IV).

С. Чихладзе.

Мельничанский, Григорий Натанович (*автобиография*). Род. 6-го июня 1886 г. в мещанской семье в г. Бобринце Херсонской губ. Елисаветгр. у. (ныне Зиновьевск.). Отец — из мещан, не приспособившийся к торговле, временами жил мелкими доходами от сдачи в аренду части дома и лавки, временами работал мелким служащим. В 1905 г. он эмигрировал с семьей в Америку и стал рабочим обойщиком и маляром. В детские годы я проявлял большую драчливость и бойкость и в наказание за таковую, за дружбу с уличными мальчишками, детьми рабочих ремесленников и за „нежелание учиться“ был отдан 11 лет в ученье к часовщику по условию на 3 года. 14 лет кончил ученье, получил свидетельство подмастерья и оставил родной город.

Во время ученья у часовщика слышал о студенческих волнениях, крестьянских порках, об аресте и ссылке студентов бобринчан, в том числе и Льва Давыдовича Бронштейна (Троцкого); родители его жили недалеко от Бобринца и еженедельно наезжали в наш город. Вокруг всех этих событий создавались легенды, передаваемые шопотком. На меня все эти рассказы произвели большое впечатление. Большое впечатление на меня также производили частые набеги на нашу квартиру полицейских и судебных приставов, описывавших и продававших с молотка зретья от времени всякий хлам, так как отец не отличался аккуратностью при выплате долговых обязательств и налогов. Очень рано при-

страстился к чтению, ночами напролет зачитывался рассказами из французской революции, книги доставал по тому времени содержательные и влияющие на развитие фантазии и создававшие осадок неудовлетворенности окружающими условиями. Чтением моим никто не руководил, читал беспорядочно то, что доставал.

По окончании учебы переехал в поисках работы в Елисаветград (Зиновьевск), проходил несколько месяцев без работы и законтрактывался в Кривой Рог, где подвергался возмутительной эксплуатации. Надо считать, что обстановка Кривого Рога окончательно повлияла на дальнейшее формирование моего революционного настроения. Работал я с 6—7 другими подмастерьями от зари до глубокой ночи, жил на хозяйской квартире и там же харчевался. Квартирой служил пол мастерской, который после 12 ч. ночи превращался в общую спальню. Харчевали нас так, что были всегда голодны. Кроме „харчей и квартир“, я получал 3 рубля в месяц. Так как хозяин-еврей был „религиозен“, то суббота служила выходным днем, но и этот день нас держали под опекой. Помимо этих условий моей работы, Кривой Рог — центр горнорабочих, шахт по добычии руды, где я видел, наблюдал жизнь шахтеров, с одной стороны, и жизнь их хозяев, — с другой. Это также не мало влияло на мое настроение. Там я впервые познакомился с ссыльными, от них впервые получил для прочтения пару прокламаций и книжку Толстого „Неужели так надо“. Я очень быстро, после 2—3 месяцев работы, взбунтовался против условий труда, повел агитацию среди остальных товарищей, и мы надели на хозяина с требованием изменения условий. После изменения их к лучшему мне пришлось оставить свой паспорт на память хозяину и уехать из Кривого Рога. Это относится к середине 1901 г. Проходя опять без работы, я потом таковую получил в маленьком мест. Богополь, смежном со ст. Голта (теперь Первомайское). Там связался с приезжающими учащимися, с рабочими железнодорожных мастерских, получал от них прокламации, прочитывал, пытался сам писать их, пытался написать рассказ призывника, направленный против военщины и взяточничества; тогда не было ни рабкоров, ни внимательного отношения к таким попыткам — и я сжег его. Много в это время читал и вел весьма примитивную агитацию среди ремесленников и рабочих самолично, в одиночку. Часто сражался с сионистами, которые пользова-

лись влиянием среди еврейских ремесленных рабочих. Осенью 1902 г. во время поездки в Николаев Херсонской губернии, где провел несколько недель и куда имел адреса, я формально связался с организацией РСДРП, получил литературу и связи с Елисаветградом и вернулся на работу в Богополь. Поддерживал связь с Елисаветградом, получал отсюда литературу. В 1903 г. руководил целым рядом мелких стачек пекарей, портных, кузнецов. Получаемую время от времени литературу из Елисаветграда распространял, провел несколько массовок портных, кузнецов, а осенью—среди призывников. Во избежание начавшегося преследования со стороны хозяев и полиции уехал в Елисаветград, затем в Николаев. В Николаеве моя квартира была использована, как склад, место для явок и собраний, сам я занимался агитацией и после целого ряда провалов должен был уехать. После работал опять в Елисаветградской организации, затем в Кременчуге. Осенью 1904 г. получил первое тюремное крещение в Кременчуге—был арестован, привлечен к суду Харьковской судебной палаты, после 3 месяцев одиночного заключения был выпущен под надзор полиции до суда. От надзора полиции я сразу ушел—перешел на нелегальное положение и с тех пор ни разу не жил легально в царской России.

Работал в целом ряде городов юга, организовал распространение литературы в эшелонах, едущих на Дальний Восток и обратно во время Японской войны, принимал участие в Потемкинских событиях в Одессе, работал в центрально-промышленном районе Сибири. Второ́й раз был арестован, нелегальный, в Керчи, был предварительно избит до полусмерти черной сотней, выпущен до окончания следствия под надзор, ушел из-под надзора, переименовал паспорт, и уехал опять в Одессу. Принимал активное участие в октябрьских событиях, организовывал профсоюзы, от них же был избран в Одесский совет рабочих депутатов.

Был арестован в декабре 1905 г., судился военно-окружным судом за принадлежность к партии и, как член Одесского совета, был осужден на поселение (открыл свою фамилию только на суде), был сослан в Тобольский уезд Тобольской губернии, откуда на второй день бежал в Сормово. В Сормове работал недолго нелегально на заводе, после одного провала пересек в Кунавино, откуда был избран членом Нижегородского комитета, проводил кампа-

нию выборов во 2-ю Думу и кампанию смешанных комиссий. После нескольких месяцев работы и получения сведений, что одесская полиция опубликовала меня убитым (в одном неизвестном убитом анархисте опознали меня), я вернулся на юг в Одессу, затем в Николаев, где был арестован на общегородской конференции по выборам на Лондонский съезд партии под именем Ивана Гусева. Был приговорен административно к 3 месяцам тюрьмы и к высылке за снятием военного положения. Незадолго до отправки этапа мой паспорт был раскрыт, я отказался назвать себя—меня перевели, как бродягу, на уголовное положение. При помощи друзей с воли мне удалось устроить, чтобы при предъявлении моей карточки знакомым и родственникам на родине они бы меня по ней не признали, а признали бы по ней моего брата Бориса, жившего уже тогда в Америке. Эта операция удалась, и меня под именем моего брата отправили в Вятскую губернию, откуда я через две недели при попытке арестовать меня за агитацию среди крестьян бежал пешком в Казань и пробрался отсюда в Нижний. В Нижнем в это время организация была разбита, мне пришлось поселиться в харчевне на Бурлаковской пристани у родных моего товарища—Анардович. Работать пришлось в открытую; перевыборы в 3-ю Думу, организовывал съезд уполномоченных по выборам; через 5—6 недель работы нагрнула полиция и арестовала меня, я сразу назвался бежавшим из административной ссылки из Вятки, под именем, под которым был выслан из Николаева. После восьмимесячной ссылки меня сослали в Обдорск Тобольской губ. на 3 года. Оттуда я сразу бежал, пробрался по Оби и Иртышу в Тобольск, затем в Тюмень. Здесь задержался работой в местной организации, ездил на Урал, издавали газету „Тюменский Рабочий“, которая обслуживала Урал и Сибирь. После 5 месяцев работы вся организация провалилась (было не то 2, не то 3 провокатора), сидел опять под именем брата. Был судим и осужден на поселение. На этот раз сослали в Преображенскую волость Киренского уезда Иркутской губ. Так как я следовал последней осенней этапной ленинской партией, то, чтобы не остаться в ссылке на зиму, бежал с пути из Чечуйска, откуда пешком пробрался в Киренск, а оттуда последним пароходом пробрался дальше. Из Иркутска проехал в Елисаветград, там ушел от ногоня полиции, которая меня опознала. Издержанный арестами побегам, эмигрировал в конце 1910 г.

в Америку. В Америке сразу вошел в активную работу, принял участие в организации и редактировании газеты „Новый Мир“, принял участие в организации русской федерации социалистической партии, организовывал русские отделы тред-юнионов, принимал активное участие в руководстве целого ряда стачек, сам организовывал и руководил несколькими стачками. В связи с этой работой подвергался 4 раза кратковременным арестам. В марте 1917 года, после получения первой телеграммы о Февральской революции, организовывал возвращение на родину первой партии в 40 человек политэмигрантов, в которую входил и сам. В Галифаксе (Канада), при опросе пассажиров был снят с парохода и взят англичанами в плен вместе с Троцким и Чудновским. Вернулся в Россию после освобождения из плена 4 мая 1917 г.

Мои первые связи с партией по фракционной линии были с меньшевиками не потому, чтобы я особенно сильно в первые годы разбирался в разногласиях. Как рабочему активнику, мне теоретически проработать свое мировоззрение не удавалось, как активнику весьма подвижному и энергичному мне для этого и возможности не давали. Более ясно начал разбираться в разногласиях в 1905 г. во время октябрьских событий; так, несмотря на призыв одесского комитета к пассивности во время постройки баррикад, я принимал активное участие в их постройке и в сражениях на них. Принимал активное участие в знаменитой в Одессе борьбе за „примиренчество“ обеих фракций. Во время спора о „рабочем съезде“ выступал противником его, во время спора об использовании легальных возможностей, о роли профсоюзов, работая в подполье и в профсоюзах, поддерживал линию большевиков. В полосу ликвидации резко выступал против ликвидаторов, работая активно в подпольной организации большевиков (Нижний Новгород, Тюмень). С фракцией меньшевиков, ее лидерами в центре я персонально не был связан, дисциплиной их себя не связывал. В Америке занимал по отношению к России примиренческую линию, в американском движении боролся с оппортунизмом, с адвокатским социализмом, свойственным американским сторонникам II Интернационала.

В 1914 г., при объявлении империалистической войны, работая в Минниаполисе, будучи оторван от русских социал-демократов, выступил с первых же дней против войны, против немецких соц.-демократов и русских меньшевиков. Разыграв-

шиеся события не давали сидеть вдали, бросил работу и по пути обратно в Нью-Йорк останавливался в каждом городе, где выступал на митингах и собраниях против войны. По приезде в Ленинград сразу же связался с ЦК РКП и отдал себя в распоряжение партии. Работал в Финляндии, Донбассе, затем в Москве, будучи связан с Советами партийной, но главным образом профсоюзной работой. В Октябрьские дни был членом военно-революционного комитета в Москве, как представитель профсоюзов. До Октября работал с июля в Московском союзе металлистов, секретарем областного комитета металлистов Центрального Промышленного района. После Октября — секретарем, а затем председателем Московского губ. совета проф. союзов, секретарем ВЦСПС, членом президиума Моссовета, членом исполнительного комитета МК РКП, членом ЦИК. С 1918 г. по 1920 г. был членом Совета Обороны от ВЦСПС. Небольшое время был на военной работе, в настоящее время член президиума ВЦСПС и МГСПС, член ЦИК и исполн. бюро Профинтерна.

Мешновский (псевдоним Иосифа Петровича Гольденберга) род. в 1873 г., сын симферопольского купца, уч. в нижегор. реал. уч. и еще здесь участвовал в марксистск. кружке учащихся. В 1893 г. уехал в Бельгию, поступил в Льежск. политехникум, писал оттуда корреспонденции в „Русск. Вестн.“ о бельгийск. рабоч. движении, завязал связи с рабочими Бельгии и Франции. Переехав в Париж, М. окончил физико-матем. фак. Парижск. универ., вернулся в Россию, жил в Саратове и сделался одним из видных деятелей сарат. большев. организации. В 1905 г. М. был вызван в Петербург, вошел в ЦК партии и принял участие в большевист. изданиях. В 1907 г. участвует на конференциях РСДРП, лондон. съезде и в 1908 г. был арестован и отдан под надзор полиции. В 1909 г. он был избран в числе 5 членов ЦК для общего руководства всей партийной работой и работой думской фракции. В 1910 г. был арестован и выслан в Якутскую область, а потом по болезни в Арханг. губ. В 1914 г., в начале войны, он был за границей, прикинул к Плеханову и Геду и агитировал за „оборону“. В 1917 г., после Февральской революции, он был инициатором объединительного съезда в Петрограде представителей различн. течений РСДРП. На съезде М. выступил с критикой доклада Ленина. С делегацией первого ВЦИК'а М. уехал за границу. По возвращении он опять вступил в партию большевиков. Ум. в 1922 г. (См. „Мам“).

Мещеряков, Николай Леонидович (*автобиография*). Род. 25 февраля 1865 г. Отец был сыном крестьянина Рязанской губ., но деду удалось каким-то образом устроить его для ученья в Московск. земледельч. школе. Мать происходила из мещанской семьи. Детство провел в деревне, где отец служил агрономом. Отец умер, когда мне было 8 лет. Учился в реальном училище г. Зарайска (Рязанской губ.); окончил курс в 1883 г. Никакому идеологическому воздействию в революционном смысле со стороны товарищей или окружающих не подвергался. На путь революции толкнули меня исключительно книги.

Сильное влияние оказали в этом отношении русские журналы того времени, особенно „Отечеств. Записки“, а в частности статьи Михайловского. Но уже находясь в последнем классе училища, я, роюсь в книгах одной знакомой семьи, случайно наткнулся на первый том „Капитала“. Имя Маркса я встречал раньше в журнальных статьях, и меня неудержимо потянуло к этой книге. Принялся за чтение, которое подвигалось с величайшим трудом. На несколько месяцев Маркс стал книгой, с которой я не расставался. Из народнической литературы я вынес еще раньше несколько враждебное отношение к Марксу, но несокрушимая логика книги, с одной стороны, а с другой — тот твердый, прочный фундамент, который она подвела под революционное движение, притягивали к книге и заставляли продолжать изучение ее. В течение двух лет я прочитал первый том „Капитала“ три раза. Результатом этого чтения было то, что, начав позже революционную работу в рядах „Народной Воли“, я как-то инстинктивно старался пристроиться к работе среди рабочих.

Окончив курс реального училища, поступил в Петербургский Технологич. институт. Это было время разгрома народо-вольческого движения, к которому меня тянуло, а потому трудно было найти революционные связи. Только осенью 1885 г. мне удалось найти эти связи и начать работу пропагандиста в петербургских рабочих кружках. Работу эту пришлось вести под руководством А. Гинзбурга, бывшего тогда народо-вольцем, а впоследствии ставшего социал-демократом и известного под псевдонимом Кольцова. Как курьез, можно отметить, что первая явка, по которой меня послали, была у швейцара одного из домов, находящегося как раз напротив известной Предварилки. В маленькой комнатке этого швейцара

у нас и происходил потом ряд собраний рабочего кружка. Работа эта продолжалась недолго: весной 1886 г. я был арестован, исключен из Технологического института и выслан под надзор полиции в Рязанскую губ.

Эта высылка разорвала революционные связи. Только осенью 1891 г. мне удалось возвратиться в Петербург и завязать связи с рядом товарищей, которые также стремились к восстановлению революционной работы. Это были: М. С. Александров (Ольминский), его жена Е. М. Александрова, Черняк, А. А. Федулов, доктор Фейт и я. Все мы стояли в то время еще более или менее на точке зрения народо-вольчества. С другой стороны, к кружку примыкали или даже входили в него А. Н. Потресов (Старовер), Н. Д. Соколов, Неведомский и др., которые уже явно шли к марксизму. Такой разнокалиберный кружок существовать, конечно, не мог, и уже вскоре пришлось разрушить его, чтобы создать новую, более однородную организацию из одних народнических элементов. Работая под названием „Группы народо-вольцев“, она выпустила в 1891—1892 г. ряд прокламаций (в том числе прокламацию группы Астырева), набросок программы (пересмотренная программа „Народной Воли“) и ряд гектографированных брошюр. Между прочим, группой же были изданы речи четырех рабочих, произнесенные на первом в России праздновании 1 мая (1891 г.), хотя речи эти были вполне соц.-дем. характера.

Во время этой работы приходилось часто сталкиваться с питерскими марксистами и вести с ними борьбу (гл. обр. с Н. К. Крупской, З. П. Кржижановской, Брусневым и др.). Отчасти под влиянием этих споров, больше под влиянием соц.-дем. книг и брошюр, с которыми приходилось основательно знакомиться, чтобы вести споры, а еще больше под влиянием Маркса, которого я продолжал все время перечитывать, а в основе, конечно, под влиянием жизни, безжалостно разбившей народнические иллюзии, я уже весной 1892 г. стал чувствовать, что между мной и другими товарищами нашей группы нет полного согласия во взглядах. Летом эти разногласия стали так заметны, что я вышел из группы и уехал из Питера. В Рязани, где я поселился, этот процесс расхождения с народо-вольчеством продолжался. Особенно важную роль сыграла при этом бельгийская всеобщая стачка весны 1893 г., которая показала мне, какую громадную силу представляет революционное движение пролетариата.

Летом 1893 г. мне представилась возможность добыть средства, чтобы уехать за границу и окончить там неоконченный в России курс высшего образования. Под влиянием упомянутой выше стачки решил ехать в Бельгию, чтобы своими глазами увидеть и изучить бельгийское рабочее движение. Поселился в Льеже и поступил на технический факультет. Жить было трудно, а работы много, так как денег было очень мало, и наряду с учебой приходилось зарабатывать средства к жизни уроками русского языка и переводами. Под влиянием бельгийского рабочего движения я в 1894 г. уже окончательно превратился в марксиста, хотя еще в 1892—93 гг., до отъезда, я уже принимал некоторое участие в марксистских московских студенческих кружках, оказывая, впрочем, в то же время помощь и народолюбцам. Но с 1894 г. я навсегда прервал всякие сношения со всякими народниками.

Начавшее развиваться с конца девяностых годов бернштейнианство произвело на меня отталкивающее впечатление и удерживало от сближения с некоторыми революционерами, находившимися под его влиянием. Совершенно обратное впечатление произвело появление „Искры“, которая сразу покорила меня своим ярким боевым характером, своей ортодоксальностью. Летом 1901 г. я снова уехал за границу, чтобы окончить годичный курс в электротехническом институте и там (по рекомендации Н. К. Крупской) вступил в организацию „Искры“ или, точнее говоря, в „Заграничную Лигу русск. соц.-дем.“, став ее представителем для Бельгии. Весной 1902 г. познакомился с В. И. Лениным. Встреча с ним произвела на меня неизгладимое впечатление. В. И. сразу покорила меня настолько, что из-под его знамени я после не отходил никогда.

Осенью 1902 г. вернулся в Москву, как представитель „Искры“. Вступил членом в моск. соц.-дем. комитет, но уже через месяц был арестован на собрании с тремя другими членами комитета, который был уже предан провокаторами и выслежен еще до моего приезда. После 13-месячного сиденья в тюрьме был выслан до приговора в Иркутскую губ., а вскоре после приезда туда переправлен по административному приговору на 4 года в Якутскую область (весна 1904 г.).

Раскол партии на большевиков и меньшевиков застал меня, когда я сидел в Московской Таганской тюрьме. Тюремный режим был в то время легкий, и мы могли свободно делиться револю-

ционными новостями и мыслями по поводу происшедшего раскола. Я склонился к большевикам. Еще решительнее стал я на эту сторону в якутской ссылке, ибо революционная литература проникла туда в то время довольно свободно, а споры в кружках ссыльных значительно способствовали уяснению разногласий.

Революция 1905 г. освободила меня из ссылки. В Москву я попал только в половине января 1906 г. и немедленно вступил в московский окружной комитет соц.-дем. партии, работая на стороне большевиков. От этого комитета я был делегирован в московскую соц.-дем. литературную группу и для связи представителем в моск. комитет. Летом 1906 г. был избран членом моск. областного бюро. 20 октября 1906 г. был арестован на явке бюро. Пробыл в тюрьме около 3 лет и был сослан по приговору суда в ссылку на поселение в с. Яланское Енис. уезда. Через год был выслан оттуда на Ангару за крайне скромную попытку празднования 1 мая. В 1913 г. поселился в Красноярске, где работал в качестве инженера на городской водопроводно-электрической станции. Вместе с тем начал работу в кооперативном движении г. Красноярска. Весной 1916 г. оставил работу инженера и всецело занялся кооперацией, работая членом правления красноярского потребит. общ-ва „Самодельность“, имевшего почти исключительно рабочий состав, редактором небольшого журнала, издав. этим обществом, а также и по организации енисейского союза потребит. обществ.

После Февральской революции 1917 г. стал членом красноярского комитета, который на первое время объединял и большевиков и меньшевиков. В апреле 1917 г. приехал в Москву и вошел в редакцию „Известий Моск. Совета Раб. Деп.“, но через месяц ушел оттуда вместе со всеми другими большевиками. Летом 1917 г. ездил читать лекции по Костромской губ., состоял членом редакц. коллегии моск. большев. газеты „Социал-Демократ“, в конце июля или в августе был избран председ. моск. губ. совета раб. депутатов, был редактором журнала „Моск. Металлист“, а с осени 1917 г., когда большевики получили большинство в моск. совете, снова вошел членом редакции (вместе с Скворцовым, М. Н. Покровским и Волгиным) в редакцию „Известий Моск. Совета“. В Октябрьские дни был членом „Известий Моск. Военно-Революц. Комитета“. Был избран от Московск. губ. членом Учредительного Собрания. После революции рабо-

тал редактором „Известий Моск. Совета“, вплоть до прекращения этой газеты в июне 1918 г., после чего перешел членом редакционной коллегии в газету „Правда“, где и оставался до весны 1922 г.

На ряду с этим в разное время работал заведующим редакционно-издат. отделом Моск. центр. раб. кооператива, Всеросс. совета рабочей кооперации, Центросоюза и (недолгое время) членом правления Центросоюза. Состоял членом научнo-политич. секции Госуд. ученого совета. С осени 1924 г.—членом квалификац. комиссии ЦКУБУ. При образовании кооперативной секции Коминтерна был избран членом ее президиума и как таковой делал доклады на III и IV конгрессах Коминтерна по вопросу о кооперации. Летом 1920 г. был назначен после ухода В. В. Воровского председат. редакц. коллегии Государств. издательства и оставался на этой работе до осени 1924 г. С зимы 1924 г. работают в Междунар. крестьянском совете (Крестинтерн).

Никоян, Анастасий Иванович, род в 1895 г. в Тифлисской губ. в рабочей семье. Образование получил среднее. В партию вступил в 1915 г. С первых дней Февральской революции М. работает в Баку, состоя членом президиума бакинского комитета партии. В том же 1917 г. М. работает в Тифлисе, в качестве секретаря тифлисского комитета большевиков. В 1918 г. М. состоял комиссаром фронта против наступающих турок. После разгрома советской власти в Баку и ареста Шаумяна и др., М., вернувшись с фронта, становится во главе подпольной организации большевиков до 1920 г., когда советская власть победила в Баку. В 1918 г. М. во время захвата города турками, освободив с группой товарищей арестованных большевиков (Шаумяна, Фиолетова, Джапаридзе и др.), вместе с ними был арестован английскими властями в Красноводске и только случайно не был расстрелян вместе с 26 коммунарками. Проведя конец 1918 г. и начало 1919 г. в тюрьмах Красноводска, Кизыл-Арвата и Асхабада, М. в марте 1919 г. по требованию бакинских рабочих возвращается англичанами в Баку и возглавляет там партийное и рабочее движение. Во время оккупации Баку английскими войсками (в мае 1919 г.) М. руководит всеобщей забастовкой бакинских рабочих и, будучи арестован вместе со всем стачечным комитетом, бежит из тюрьмы и продолжает нелегальную работу. Через несколько месяцев М. снова арестовывается под

чужой фамилией и высылается в Грузию, откуда нелегально возвращается и продолжает работу в Баку. После победы советской власти в 1920 г. М. работает в Нижнем Новгороде, как секретарь губкома партии, а с 1922 г. состоит секретарем северо-кавказской краевой партийной организации. На XI съезде партии М. избирается кандидатом в члены ЦК, а на последующих съездах—членом ЦК ВКП(б) и является кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б). С 1919 г. состоит членом ВЦИК, а после и членом ЦИК СССР. В 1926 г. назначен народным комиссаром внешней и внутренней торговли СССР. (См. „Изв.“ 15 авг. 1926 г.).

Милютин, Николай Александрович (автобиография). Родился я в Петербурге 8 декабря 1889 г. в семье рыбака. Жили мы на Петербургской стороне в квартире, где в 3-х комнатах ютилось 15 человек. В период моего раннего детства отец торговал рыбой на рынке, где собирались все питерские грибки (боски), жившие в лесу (на Каменке). Среди них было не мало людей развитых, ушедших в лес из-за протеста, хотя большинство и представляло из себя обычную спившуюся публику. Круг знакомых отца был необычайно обширен и разнохарактерен. Были среди них—пара толстосумов-купцов, рабочие, рыбаки, сапожники, студенты и мн. др. Встречи со всеми этими людьми очень рано выработали во мне резкий протест против всего строя тогдашней жизни, где на моих глазах одни безобразно самодурничали, а другие голодали и жили, как звери.

Довольно часто нужда заставляла отца отправлять нас в деревню к родственникам. Здесь наиболее сильное впечатление у меня осталось от моего прадеда, который до 106 лет сам пахал, решительно отказываясь от какой-бы то ни было помощи от своих детей. Из которых некоторые жили, для деревни, довольно зажиточно. Жил он вместе с доброй старушкой прабабкой (пережившей его лет на 5) в хилой избенке, никому не кланяясь, питаюсь хлебом да луком, в вечном труде. Какая-то особенная ясность ума и доброта светились в каждой черте его простого лица. Его беседы в долгие деревенские вечера всегда дышали необыкновенной любовью ко всему живущему. От него я научился любить человечество и понимать красоту простоты.

Несколько иное влияние имела на меня моя бабка. Муж ее, мой дед, рабочий крючник, после какого-то недоразумения скрылся неизвестно куда,

оставив ее с тремя ребятами. До поздней старости бабка таила обиду и умерла, не простив. Она научила меня гордости и умению ненавидеть. Одно время мне пришлось жить у деда по матери. Убежденный старообрядец, он был охвачен идеей построить старообрядческую церковь, что по тем временам не допускалось. Тысячью ухищрений и невероятным упорством он все же строил в течение пары десятков лет здание церкви под видом дома для себя. Было ясно, что ни средств, ни надобности в таком «доме» у старика нет. Однако, он своего добился, и церковь была построена. У него я научился ценить гибкость и настойчивость.

Вот главнейшие влияния детства. Школа (в детстве я окончил лишь начальную школу) оставила у меня немного. Здесь у меня лишь развилась страсть к знанию, но удовлетворить ее там не было никакой возможности. По окончании школы я всячески пытался продолжать учение, однако возможность этого была невероятно затруднена. Отец в это время, работая чернорабочим, надорвался, а потому пытался из меня сделать продавца, чтобы что-нибудь добывать семье, но я всей душой ненавидел это дело и всю среду базара. Вынужденный думать о средствах существования, я все же настоял на своем и учился сначала в воскресной школе Барташевича, а затем, года два спустя, в художественной школе Штиглица, работая одновременно сначала в рыбной лавке, а затем где придется, последовательно побывав столяром, смазчиком, декоратором, статистиком и т. п.

Январь 1905 г. произвел полный переворот в моих взглядах. Подхваченный толпой, я очутился на Троицкой площади. Сначала ничего не понял. Лишь на другой день, после случайно услышанного рассказа одного офицера о том, как они готовились и произвели расстрел, с моих глаз упала пелена. Я дал себе слово активно бороться с существующим строем жизни. Для меня тогда не было ясно, где враги. Враждебным мне казался почти весь мир. Я ненавидел религию и царя. Буржуазная среда вызывала во мне чувство гадливости, роли пролетариата я не понимал, крестьянство (а я много жил в деревне) казалось мне забитым и трусливым. Я с жаром набрасывался на каждый клочок печатной бумаги, многого не понимал, но все же искал и искал ответа на мучившие меня тогда вопросы. Лишь в 1907 г. я впервые столкнулся с организацией. Это была организация молодежи, возглавляемая

В. И. Веревкиным, весьма беспочвенная, но охватывавшая до 1000 человек. Здесь я впервые встретил марксистов: меньшевика Н. Земницкого и большевиков Кавона и Гордынского. К этому времени я успел познакомиться почти со всеми философскими теориями до Ницше включительно. После долгих бесед, споров, ссор, сомнений и дум я взялся за изучение марксизма. Товарищи снабжали меня литературой, помогали беседами. В 1908 г. я уже организовал в кружке Веревкина марксистскую группу, связался с заводами Московско-Заставского района, откуда удалось привлечь к кружковой работе свыше 400 рабочих. Удалось привлечь и несколько рабочих с Выборгской стороны. К концу этого года началось бегство интеллигентов из кружка. Ушли: Пекарский (б. член 1-го Петерб. совета), Лавров, Зенгер и др. К началу 1909 г. кружок Веревкина окончательно распался. Однако, связи с Веревкиным и со многими из лучших ребят я не потерял. С Веревкиным мы остались близкими друзьями до самой его смерти. Это был исключительно одаренный, честный, но несколько взбалмошный человек. Идеалист до мозга костей, он почти до конца верил в господство добрых начал. Лишь к концу жизни он, под влиянием ряда разочарований, понял, что мир построен на борьбе, а не на взаимной любви людей. Работая в литографии, он у станка начал перевариваться, но не ослился и сошел с ума. Это был один из лучших людей, которых я когда-либо встречал.

В этот же период (около 1910—12 г.) я встретился с А. М. Лежавой, Елизаровым и Н. М. Шверником. С оживлением рабочего движения я, по совету М. С. Ольминского, начал активно работать в профессиональных союзах и в начале 1913 г., по списку РСДРП (больш.), был избран в правление союза работников торгово-промышленных предприятий. К этому времени мои взгляды окончательно сложились. К концу 1913 года я начал работать в области социального страхования, а в начале 1914 г. был послан секретарем основной кассы Путиловского завода. К этому периоду относится мое знакомство с Н. И. Подвойским, А. Н. Винокуровым, Н. Н. Крестинским, А. Ф. Михельсоном, К. К. Комаровским (Данский), И. Ф. Сундуковым, С. С. Даниловым, П. Скрипником (Асник), Сейферт (Старый приказчик), В. В. Шмидтом, М. И. Калининным и др. Осенью 1914 г. я поступил на вечерние курсы Черняева, где мне и удалось, наконец, получить систематическое общее образование.

трения с редакцией центрального органа СДЛП. Они привели к тому, что при моем самом активном участии была создана отдельная организация, выросшая из т.-н. группы „Драугас“ и выступившая в начале 1905 г. под назв. „Литовской С.-Д. Рабочей партии“. Главная руководящая роль в ней принадлежала мне. Заслугой этой организации является то, что она, несмотря на свои мелкобуржуазные уклоны по национальному вопросу, вплотную подошла к рабочим массам в деревне (сельско-хоз. рабочим). Летом 1905 г. я провел около 2 мес. в имениях Ковенской губ. и руководил там забастовками с.-х. рабочих. СДЛП под влиянием революции 1905 г. тоже подошла ближе к рабочим массам. Политическая программа ЛСДРП и СДЛП оказалась одна и та же (федеративная республика). В сентябре 1905 г. наступило их слияние, и я вошел в объединенный ЦК СДЛП. В конце 1905 г. был арестован, но в начале марта 1906 г. было сделано вооруженное нападение (в Сувалках) на больницу, где я находился, и я был освобожден. Больше года работал нелегально в Вильне. В СДЛП началась тогда борьба между так наз. автономистами и федералистами. Я сначала принадлежал к последним, но уже к началу 1907 г. сдал позиции. Начал выступать за объединение с РСДРП. В мае 1907 г. был арестован; за принадлежность к СДЛП и вооруженный побег получил 8 лет каторги. Вышел из каторги в ссылку на поселение в 1913 г. Находясь в тюрьме, я окончательно самоопределился, как марксист-интернационалист, партиец, антиликвидатор. В начале 1914 г. бежал из ссылки. Принимал активное участие в партработе. Работал в литовской с.-д. газете, издавав при ближайшем участии литовских рижских рабочих - большевиков. Без оговорок принимал политические лозунги большевиков, но не терял еще надежды на возможность объединения с меньшевиками, поскольку они откажутся от ликвидаторства и будут проводить в жизнь решения пленума 1910 г. и конференции 1908 г. Только во время войны, в конце 1915 г., стал на большевистскую точку зрения, но по некоторым вопросам был еще ближе к старой СДКПЛ (нац. вопрос, отношение к крестьянству); кроме того, стоя за создание III Интернационала, возражал против „механического отсечения“ от него центра. Работал по партийной линии (ред. литовск. газет и пр.) в Великобритании, потом в С. - Амер. С. Штатах. После Февральской рево-

люции возвратился в Россию, как большевик. Работал в Ленинграде. Во время Октябрьской революции был назначен первым комиссаром главного казначейства; был в качестве комиссара на гатчинском фронте против Краснова. Потом был назначен комиссаром по литовским делам. В декабре 1918 г. был выдвинут председателем времен. револ. рабоче-крест. правит. Литвы, потом председателем правительства ССР Литвы и Бел. Тут, не считая целого ряда других недочетов, объясняемых, гл. обр., самыми тяжелыми объективными условиями виленского периода (в Минске эти недочеты были устранены), была сделана огромная политическая ошибка в отношении к крестьянству. Только в 1922 г. была окончательно осознана эта ошибка. От конца 1918 г. состою членом ЦК КП Литвы. До 1920 г. был в разное время членом и канд. ВЦИК, в 1919 г.—членом ЦИК'а Литбел. От начала 1923 г. работаю в ИККИ в качестве зам. зав. Орготдела, являюсь канд. ИККИ; кроме этого, работаю, как литератор, лектор и пр., занимаюсь истпартом Литвы.

Мицкевич, Сергей Иванович (автобиография). Родился я 6 августа 1869 г. в г. Яранске Вятской губ. Отец мой был офицер. Когда мне было 6 лет, мы переехали в Либаву. В 1879 г., когда мне исполнилось 10 лет, меня отдали в военную гимназию (в 1883 г. переименованную в кадетский корпус) в Нижнем-Новгороде. Время моей учебы в гимназии совпало с героической борьбой, которую вела „Народная Воля“ с самодержавием. Покушение на Александра II, а потом казнь его (1-го марта 1881 г.) нас—учеников, волновали; но мы не могли понять их смысла и значения. Только в 1883 г., уже будучи в 6-м классе, я прочитал „Новь“ Тургенева, и глаза мои открылись: я понял, что революционеры—не злодеи, какими их пытались представить наши руководители, а люди, борющиеся за свободу, за народ. Это открытие произвело полный переворот в моих взглядах. Я стал много читать—читал Белинского, Добролюбова. Писарева, сочинения которых нелегально попадали в стены кадетского корпуса. Особенно сильное впечатление произвела на меня статья Писарева „Мыслящий пролетариат“, в которой изложено содержание романа Чернышевского „Что делать?“. „Итти в народ“, „работать для народа“—вот лозунги, которые стали направляющими для меня. Понятно, что мне, проникнутому такими настроениями, военная служба в цар-

ской армии—обычная карьера всех оканчивающих кадетские корпуса—стала противна, и я после окончания корпуса (1885 г.) решил порвать с военщиной и готовиться на аттестат зрелости, чтобы поступить в университет на медицинский факультет. Мечтал пойти врачом в деревню. В то время сдать на аттестат зрелости было не так легко: надо было овладеть огромным курсом классических гимназий по латинскому и греческому языкам. Я стал готовиться, живя в своей семье в Нижнем. (отец в это время у меня уже умер, и семья жила очень бедно) и зарабатывая частными уроками. Так прожил я в Нижнем 3 года.—Вторая половина 80-х годов была очень глухим, мрачным временем. „Народная Воля“ была разгромлена, реакция, казалось, торжествовала безраздельно. В это время я много занимался, много читал (Лаврова „Исторические письма“, соч. Лассаля, Луи-Блана „Ист. франц. революции“, Ч. Дарвина „Происхождение видов“, Бокля и т. д.) принимая участие в гимназических кружках саморазвития, вел знакомство со студентами, высланными за студенческие волнения из Московского и Казанского унив-ов¹⁾. Осенью 1888 г., я поступил в Московский универс. на медицинский фак. Глухая реакция продолжалась. Уже 4-й год действовал новый университет. устав, одевший всех студентов в чиновничью форму, за самое легкое уклонение от которой сажали в карцер. Студенчество увлеклось декадентством, толстовщиной, некоторые даже мистицизмом. Самый распространенным был тип человека „без догмата“. Роман Боборыкина „На ущербе“ хорошо рисует настроения московской интеллигенции того времени. На фоне этого безвременья у меня были встречи с двумя старыми революционерами—Зайчневским и Сабуняевым.

Зайчневский, автор первой русской революц.-социалист. прокламации, вышедшей в 1862 г. в Москве, отбыл каторжные работы и поселение, потом был еще раз в ссылке, а в это время проживал в Орле и организовывал кружки среди интеллигенции и военных в Москве, Орле, Курске, Смоленске. В Москву он наезжал время от времени. На меня Зайчневский произвел большое впечатление своим революционным подсьмом и красноречием. По взглядам он был якобинец-бланкист. Проповедывал необ-

ходимость создания крепкой централизованной революционной организации из передовой интеллигенции и военных. Эта организация должна стремиться к захвату политической власти; захватив власть, она должна создать временное революционное правительство, которое и проведет необходимые социалистические реформы: передаст землю крестьянам и фабрики государству. Он говорил, что не надо после переворота скоро созывать Учредительное Собрание, а надо провести сначала социалистические реформы, а потом уж созвать и Учредительное Собрание, по надо его созывать так, чтобы не попали туда реакционеры, с которыми следует беспощадно расправиться.—В его взглядах было много большевистского. Ленин сказал, что якобинцев, связавшийся с рабочим классом, и есть революционный социал-демократ—большевик. Но вот в том то и дело, что именно этого базирования на рабочий класс и не было у Зайчневского, и это отсутствие базы и делало всю его систему утопической. По делу Зайчневского я первый раз познакомился с жандармами. Впрочем, это первое знакомство было для меня благополучным. Я был привлечен к делу только в качестве свидетеля летом 1889 г.

Вторая моя встреча была со старым народовольцем Сабуняевым, бежавшим из Сибири; он задался целью восстановить старую народовольческую организацию и с этой целью ездил по всей России и заводил связи. Он был большой конспиратор, ходил в парике, загримированный. Но почва для революционеров-заговорщиков старого типа уже не было. Ему удалось, правда, завязать связи со многими городами (Кострома, Нижний, Казань, Саратов, Москва), но вся организация вскоре целиком провалилась, не оставив следа и преемников.

Это были „последние могикане“ старой, когда-то грозной рати. Это были последние попытки возродить движение на старой народнической основе, но время для них прошло, они были фатально обречены на неудачу. Наступала новая эпоха; нужны были новые идеи, новые методы работы. Мы инстинктивно чувствовали, что старое уже мертво, но нового, живого, идущего ему на смену, мы еще не видели, не понимали.

С осени 1889 г. в московской жизни стал заметен некоторый перелом в настроении: появилось среди студенчества больше кружков саморазвития, стали изучать Маркса, читался парасхват только-что переведенный роман Белла-

¹⁾ Более подробно об этом периоде моей жизни см. мою статью „На грани двух эпох“ в журн. „Пролет. революция“, № 2(14) за 1923 г.

ми „Через сто лет“, рисовавший будущей социалист. строй. Усилилось политическо-протестантское настроение среди студенчества, которое к весне вылилось в форму студенческих „беспорядков“.

В марте 1890 г. собралась сходка на университет. дворе; выражался протест против университет. устава, были речи и на политические темы. Нас оцепили конные жандармы и погнали сначала в Манеж, а потом в Бутырскую тюрьму. Арестованных оказалось человек 500 слишком. Дней через 10 нас рассортировали и выпустили: кого оставили в Москве, кого выслали на родину, кого в другие города. Я поехал в Нижний¹⁾.

В Нижнем собралась тогда масса высланных студентов не только из Москвы, но и из других городов. Из Петербурга выслали группу лиц, принимавших участие на демонстративных похоронах публициста Шелгунова, на гроб которого был возложен между другими и венок от петербургских рабочих. Высланная в Нижний публика устраивала часто вечеринки, на которых велись дебаты на общественные и политические темы. На этих дебатах выступали только-что появившиеся тогда на русской почве русские марксисты в лице двух высланных из Петербурга студентов технологов, братьев Красных.

Их выступление произвели на меня сильное впечатление. Я бросился искать литературу по вопросам русского марксизма и в библиотечке у нижегородских народников нашел „Наши разногласия“ Плеханова. Новый мир открылся передо мной: найден был ключ к пониманию окружающей действительности, найдена была база для работы, выход из тупика, из тисков казавшейся ранее всеильной реакции. Русский рабочий класс—вот куда надо идти, надо нести в него светоч научного социализма. Он произведет ту политическую и социалист. революцию, базу для которой тщетно старались найти Зайчневский и др. революционеры 60-х и 70-х гг. Прочитал я тогда и „Манифест коммунист. партии“ Маркса, и громадное впечатление он произвел на меня: я понял основы великой историко-философской теории Маркса. Я стал марксистом и уже на всю жизнь.

Я вступил в новую эпоху своей жизни. Она счастливым образом совпала с новой эпохой русской жизни: кончился тридцатилетний период господства (под конец и разложения) народническо-кре-

стьянского социализма, начиналась новая эпоха—90-е годы,—эпоха быстрого развития русского капитализма—эпоха роста русского рабочего движения—русской революционной социал-демократии.

Приехав в 1890 г. осенью в Москву, я целый год искал в Москве марксистов, но никого найти мне не удалось. Пытался достать 1 том „Капитала“ Маркса, но тоже не удалось. Летом 1891 г. в Нижнем я познакомился с земским статистиком Пав. Ник. Скворцовым, одним из самых первых русских марксистов. Около него группировался уже небольшой марксистский кружок, который заводил свои первые связи с рабочими. У него же я нашел 1 том „Капитала“, который и начал изучать. Этим же летом я познакомился у Скворцова с В. И. Ульяновым, !проезжавшим из Питера в Самару после сдачи университет. экзамена¹⁾.

В Москве зимой 1891—92 гг. я, наконец, нашел небольшой кружок марксистов, в который входили А. И. Рязанов, А. Н. Винокуров, И. А. Давыдов, Г. Н. Мандельштам, М. Н. Мандельштам-Лядов, Д. П. Калафати и др.—У них было много марксистской литературы на русском и немецком языке. Немецкую литературу они деятельно переводили и распространяли в рукописном виде среди интеллигенции. В 1892 г. у меня завелись первые знакомства и среди московских рабочих в Брестских жел.-дор. мастерских (С. И. Прокофьев, Семенов, Немчинов и др.). Заводили знакомства среди рабочих и другие члены марксистского кружка. В сентябре (28 сентября ст. ст.) 1893 г. из интеллигентского марксистского кружка выделился кружок, с целью организации систематической пропаганды среди рабочих, из шести человек (А. Н. и П. И. Винокуровы, Е. И. Слонти, М. Н. Мандельштам-Лядов, С. И. Мицкевич и С. И. Прокофьев)²⁾.

Этот кружок и положил основание московской соц.-демократической организации. Нашему кружку посчастливилось найти очень дельных, энергичных и сознательных рабочих. Надо сказать, что в это время среди московских рабочих было уже много элементов, рвущихся к знанию, стремящихся осознать стихийное брожение рабочей массы, которое проявлялось в те годы на почве быстрого роста русской промышленности в виде стачек во многих местно-

¹⁾ Об нижегородской работе см. мои воспоминания в сб. „Материалы по ист. револ. движения“ в Нижн. Новг. под. ред. Илларионова, т. II.

²⁾ Об этом периоде подр. см. мою статью в сб. „На заре рабочего движения в Москве“, 1919 г. М.

¹⁾ Об этих студенч. беспорядках подр. см. в „Красной Ниве“ за 1925 г.

стях России. Заводить связи в рабочих кружках было легко. Началась работа в небольших рабочих кружках.

Но кружковая работа очень скоро перестала нас удовлетворять. Мы решили перейти к агитации в рабочей массе. Для этой цели уже с весны 1894 г. мы стали выпускать листки на гектографе, которые имели огромный успех среди рабочих. Распространялась также агитационная литература, которая с весны 1894 г. стала нами получаться через виленскую еврейскую соц.-дем. организацию, с которой мы вошли в тесную связь. Я для этой цели в 1894 г. 2 раза ездил в Вильно. Там вместе с виленцами мы сформулировали методы новой агитационной работы среди рабочих, которые и были изложены в виде брошюры „об агитации“, брошюра, которая сыграла в свое время значительную роль в смысле популяризации агитационного метода работы в массах. Чтобы ближе организационно связаться с массой, мы организовали весной 1894 г. центральный рабочий кружок, в который входили представители фабрично-заводских кружков. Более широко пропагандистско-агитационная работа пошла летом 1894 г.: летом легче можно было устраивать собрания за городом, в рощах и лесах. Летом же этого года на даче около Москвы жил В. И. Ульянов-Ленин, который очень интересовался нашей работой. Сам он в это время был очень занят окончанием своей первой большой работы „Что такое „друзья народа“ и как они борются с соц.-демократами“, которая потом и была издана членами нашего кружка, бр. Масленинковыми, на автокописте. Осенью 1894 г. наш кружок обзавелся мимеографом и ручным типографским станком, на которых и работали листки и брошюры для рабочих.

Но не дремала и полиция. В декабре 1894 г. был первый погром нашего кружка: арестован был я и Винокуровы. У меня нашли мимеограф и много литературы. Винокуровых выслали в Екатеринбург, а меня посадили в Таганскую тюрьму, где я и просидел до марта 1897 г. В июне 1895 г. были новые аресты членов нашего кружка, преимущественно интеллигентов, а в августе арестовали несколько десятков рабочих. Создали большое дело. Дознание длилось до февраля 1897 г. Все это время я провел в одиночке. Хорошей стороной этого 27-месячного одиночного заключения было то, что разрешалось получать „с воли“ книги, чем я и пользовался широко. Много перечитано и пе-

редумано было за это время. Хорошую академическую учебу проделал я тогда. В феврале 1897 г. объявлено было мне, что я приговорен „по высочайшему повелению“ (т.-е. без суда, административно) на 5 лет ссылки в Якутскую область. Но еще почти ровно год провела после этого в тюрьме; и только в конце января 1898 г. я был освобожден в г. Ольминске Якутской области. За этот год я просидел до 3 июня в Москве в Бутырской пересыльной тюрьме; с 3 июня начались этапные скитания в течение почти 8 месяцев: повезли сначала поездом до г. Канска Енисейской губ., потом 2 месяца пешим этапом до Иркутска (жел. дор. тогда доходила только до г. Канска), 1 месяц в Иркутской тюрьме, 4 месяца в Александровской пересыльной тюрьме (в 60 вер. от Иркутска), затем 3 недели ехали на лошадях и, наконец, я в г. Олекминске, „на свободе“ после 3 лет и 3 мес. тюремного заключения. В это время побег из ссылки еще не были налажены, и пришлось жить в ссылке. Мое положение в ссылке было сравнительно благоприятно, так как я был уже врачом, а врачебный труд очень ценился в Якутской области. Мне было предложено место врача на золотых приисках, я там пробыл около полугода, а потом поехал по предложению администрации врачом, на крайний северо-восток Якутской области—в Колымский край. Там я проработал в качестве врача и ссыльного в одно и то же время 4 года.

С удовольствием вспоминаю это время: интересный, совсем не исследованный край, своеобразный быт местного населения, интересная врачебная и исследовательская работа. Много тысяч верст пришлось поехать по этому обширному пустынному краю. Колония ссыльных была человек около 20—интересная публика, много споров, много читали и работали¹⁾. В апреле 1903 г. я выбрался, наконец, из Колымска, но только в октябре удалось добраться до Москвы.

В Москве в это время было затишье в партийной работе. В рабочем классе почти безраздельно еще господствовали зубатовские организации, но в это время они были все же уже на закате. Партийной работой в Москве в это время руководил Бауман, убитый в 1905 г. Я тоже принял участие в партийной работе, но скоро, летом 1904 г., организация провалилась, Бауман был арестован, я вы-

¹⁾ Этот период ссылки в Колымске хорошо описан у Циперевича в его книге „10 лет за полярным кругом“.

слан из Москвы. Я поехал в Тверь и там поступил врачом на Морозовскую Тверскую мануфактуру, принял участие и в нелегальной работе. В Твери в это время работали А. А. Богданов, А. П. Смирнов и др. Шла в это время японская война, чувствовалась предреволюционная под'ем; шли широкие собрания, пока на частных квартирах, обострилась борьба большевиков и меньшевиков, соц.-дем. и эс-эров, но рабочие массы как-то притихли, шла только мало заметная со стороны подпольная работа. Но вот пришло 9 января 1905 г., и массы пришли в движение: началась первая великая русская революция. Меня потянуло в Москву, куда в'езд стал возможен, благодаря, несколько ослабленным полицейским рогаткам. Переехал я в Москву в конце января 1905 г. и здесь опять всецело отдался партийно-общественной работе ¹⁾. Вскоре московск. комитет соц.-дем. партии предложил мне и В. А. Обух организовать лекторскую группу при М. К.

Группа эта организовалась в марте 1905 г. (в нее входили: М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, А. Н. Рожков, В. М. Фриче и др.—всего около 20 человек) и проявила большую работу в течение 1905—07 гг. Ею было организовано за это время множество лекций, докладов, выступлений на митингах и в пропагандистских кружках; она выполняла почти всю литературную работу для М. К., поставила 2 легальных газеты— в 1905 г. „Борьбу“ и в 1906 г. „Светоч“, принимала участие в издательстве массы брошюр и книг.

Осенью 1906 г. у меня было 2 обыска, после чего пришлось уехать из Москвы, тем более, что я потерял работу. Переехал 6 сентября 1906 г. в Нижний-Новгород врачом в психиатрическую колонию Ляхово. Осенью 1907 г. нижегородским и сормовским комитетом была выдвинута моя кандидатура при выборах в 3 Гос. Думу. Я принял участие в избирательной кампании, но был побит кадетом. В 1908—1909 г. наступило большое затишье в общественной жизни в России вообще и в Нижнем-Новгороде в частности—реакция торжествовала свою победу над революцией. В январе 1910 г. я переехал из колонии в город Нижний. Было первое время очень глухо, партийной работы—никакой. Составилась у нас небольшая группа из 4 лиц и задалась целью работать над оживлением прежде всего культурной работы. Около групп-

ки постепенно сплотился ряд культурных работников, и работа закипела; прежде всего в Народном Доме „Общества распространения народного образования“, далее были устроены в городе и Сормове детские площадки, клуб подоростков; оживилась кооперативная работа, был создан кооперативный союз, открыт ряд библиотек в губернии и т. д. Все эти начинания использовались, по возможности, и для оживления среди рабочих культурной работы вообще и партийной работы в частности („использование культурных возможностей“). В 1912 г. была попытка создать соц.-дем. легальную еженедельную газету; она называлась „Поволжская бль“, но она просуществовала только 7 недель и была закрыта. Так проработали мы около 5 лет.

В конце 1914 г. я по личным мотивам уехал из Нижнего, взял работу в качестве школьного врача в Саратове. Шла империалистическая война. В начале 1915 г. в Саратове возобновилась партийная работа, в которой принял участие и я. Наша группа заняла определенную большевистскую позицию по отношению к войне и вела пропаганду и агитацию среди рабочих, студентов и учащихся вообще. Работали и в легальных культурно-просветит. организациях „Маяк“ и в обществе „Народных Университетов“ ¹⁾.

В 1915 г. наша организация издавала еженедельную газету „Наша газета“—единственную, кажется, легальную большевистскую газету в России во время войны, просуществовавшую 10 недель.

В феврале 1917 г. произошла революция. В Саратове, как и везде, велась нами, большевиками лихорадочная работа по организации масс, по агитации среди рабочих и солдат. Во главе Саратовской организации стояли в это время М. И. Васильев-Южин и В. П. Антонов-Саратовский. Лично я работал в это время, главным образом, в культурно-просветительной области, используя в частности для большевистской пропаганды „Об-во Саратов. Народных университетов“, которое развилось в 1917 г. большую работу в Саратове и губернии. Работал я там до тех пор, пока меня не исключили за большевизм из правления об-ва (в ноябре 1917 г.). Работал я также в качестве гласного в новой демократической городской думе до тех пор, пока она не была ликвидирована сара-

¹⁾ Об этом периоде см. мои воспоминания в № 9 „Пролетарской революции“ за 1925 год.

¹⁾ Этот период, а также и 1917 г. в Саратове хорошо описан Антоновым-Саратовским в его книге „Под стягом пролетарской борьбы“, 1925 г.

товским советом при моем деятельном участии после Октябрьского переворота. В октябре принял активное участие в захвате власти Советом. После ликвидации думы был назначен Саратовским Советом заместит. председ., а потом председателем Совета городских комиссаров, так называлась организация, заменившая городскую управу после ее роспуска 1 марта 1918 г. переехал в Москву. Здесь стал работать в качестве члена коллегии Моск. Отдела Народного образования (МОНО). Принял активное участие в организации „единой трудовой школы“ в Москве и в организации загородных школьных колоний.

Летом 1919 г. поехал на южный фронт, где был пом. начальника санитарной части южного, потом юго-западного фронта. В марте 1920 г. был выбран на IX съезд партии. В мае 1920 г. был назначен зам. зав. внешкольным отделом Наркомпроса. По моей инициативе внешкольный отдел был преобразован в Главполитпросвет в конце 1920 г. В январе 1921 г. я был избран председ. Московского губ. отдела профсоюза раб. просвещения, одним из организаторов которого я был в начале 1919 г. 2 года я проработал в качестве его председателя; осенью 1921 г. организовалось при губ. пресе Московское бюро секции научных работников, председателем которого я состою с тех пор в течение 5 лет.

С лета 1922 г. я принял участие в инициативной группе по созданию Музея Революции. Осенью 1922 г. удалось организовать его в виде „Музея Красной Москвы“, с осени 1923 г. он получил название „Московского Историко-Революционного Музея“. Все это время я работал по его организации в качестве представителя Истпарта, а в марте 1924 г., когда музей перешел в ЦИК Союза ССР и получил название „Музея Революции Союза ССР“, я был назначен его директором, каковым состою до сих пор (осень 1926 г.). Работаю еще в качестве лектора по истории русского революционного движения и истории ВКП.

Моисеев, Алексей Сергеевич, еще в 1901 г. 13-летним гимназистом участвовал в революционной работе, в 1904 г. был активным членом соц.-дем. партии (партия „Леня“) и выполнял самые ответственные поручения. 15 лет был арестован, приговорен к 15 годам каторги, которая была заменена ссылкой на вечное поселение в Сибирь. Пробыв в ссылке 2 года, М. устроил смелый побег в Россию, откуда перебрался во Францию. Там он прожил эмигрантом 10 лет, добывая средства к жизни физическим тру-

дом разного рода, а позже стал сотрудничать в левых социалистических изданиях Запада. Во время пребывания за границей примыкал к группе „Наше Слово“. Приехав после Февральской революции в Россию в 1917 г. М. был членом междурайонной организации с.-д. интернационалистов и сотрудником журнала „Вперед“. Летом М. приехал в Воронеж, примкнул к партии большевиков, руководил газетой „Воронежский Рабочий“, в Октябрьские дни руководил переворотом в Воронеже и затем был председателем воронежского революц. комитета. 12 окт. 1919 г. по занятии белыми города, М. был арестован и расстрелян. (См. „Пам. бор.“).

Моисеенко, Петр Анисимович организатор знаменитой „Морозовской“ стачки, род. в 1852 г. в дер. Обыденной Смоленск. губ. Сычевск. у., провел безотрадное детство, четырех лет оставшись сиротой. Застав еще крепостное право, он ребенком испытал произвол помещика; следы избиения остались у него на всю жизнь. М. самоучкой выучился грамоте, 13 лет поступил на ткацкую фабрику, где опять-таки испытал жестокое обращение, которое обычно постигало рабочих-подростков. „Бил всякий. кому не лень было: и смотритель, и прядильщик, и старший мальчик“. С фабрики М. перешел в торговое предприятие, 18 лет женился и опять поступил на фабрику Зимина в Зуеве ткачом. В 1873 г. брат товарища привез из Нижнего нелегальные книги: „Сказку о четырех братьях“, „Хитрую механику“, „Сказку о копейке“ и пр. „О, что такое было!“ вспоминает М. „Мы с товарищем зачитывались, не верили себе и удивлялись тому, что читали. Мысль заработала: мы стали доискиваться правды и решили проверить то, что открывали нам книги“. „Мы мучались, искали выхода и нам казалось, что выход может быть только один: уехать в Питер, где мы можем все узнать“. В 1874 г. М. уезжает в Петербург, поступает на фабрику Шау, вступил в артель молодежи, которая ходила на вечерние курсы, а затем после их закрытия—на квартиры студентов, и жадно набросился на книги. М. познакомился с Пресняковым, Дейчем, Чубаровым, Лизогубом и др., вступил в народнические кружки. Особенно сильное влияние на М. оказали Плеханов и С. Халтурин. „Первый научил меня мыслить, второй действовать“, говорит М. В 1875 г. М. вместе с Александровым производит первую экономическую стачку на фабрике Шау, в 1876 г. участвует на Казанской площади в известной демонстрации, ор-

ганизованной при участии рабочих, и в тот же день отбивал от полиции оратора, выступившего в трактире „Карс“ за Нарвской заставой с рассказом о демонстрации. Четырехлетняя работа в революционных кружках, усиленное чтение и общение с революционной средой оформили революционное сознание М., создали из него борца и дали ему необходимый для борьбы опыт. М. перешел на Ново-Бумагопрядильную фабрику, где шире развил пропаганду, а в 1877 г. поступил в артель посыльных и между прочим использовал это положение для выполнения революционных поручений. В 1873 г. М. участвовал вместе с Халтуриним и Обиорским в организации „Сев.-русск. рабочего союза“, а затем поступил на Ново-Бумагопрядильную фабрику, где „зрело недовольство рабочих вычетами за челноки и низкой заработной платой“. Забастовка интересна тем, что рабочие решили подать прошение наследнику (будущему импер. Александру III), несмотря на уговоры М. и его друзей. „Это означало, как выразился Плеханов, просить сатану отслужить молебен угоднику“. Прошение пришлось писать М. Он же идет во главе толпы подавать прошение наследнику. М. арестовывают, но по распоряжению наследника освобождают. М. возвращается на фабрику. Забастовка продолжалась и окрепла. Результат был тот, что требования рабочих были удовлетворены. Скоро М. арестовывают и отправляют на родину под надзор полиции. В деревне М. оставался недолго. Приехавшая из Петербурга жена сообщила ему о процессе В. И. Засулич, а скоро получилось известие об убийстве Мезенцева. Все это побудило М. бежать в Петербург. М. переходит на нелегальное положение, делается профессиональным революционером, организывает кружки, тройки и пятерки. В начале 1879 г. на Новой Бумагопрядильне опять вспыхнула забастовка, которая захватила и др. фабрики, и опять М. делается одним из руководителей. Его скоро арестовывают, и в тюрьме он организует голодовку политических заключенных, как протест против сурового режима, и добивается ряда уступок. В тюрьме М. много читал. После полугодового тюремного заключения М. ссылают в Вост. Сибирь, откуда он вернулся в 1883 г. и поступил на Орехово-Зуевскую фабрику Саввы Морозова, где был записан под фамилией М. (раньше числился Петром Анисимовым). Произвол на фабрике царил такой, какого нигде не было. Снижения и без того низкой заработной платы,

штрафы за все, за громкий разговор в казармах, пение, игру на гармошке и т. п. При выдаче и приемке обсчитывали и обвешивали, работа длилась 16—17 часов, „а ежели чуть заболел—на улицу, как собаку“. Вычеты составляли 25—50% заработка, давая Морозову десятки тысяч в год. М. повел агитацию. После пасхи 1884 г. он перешел в Ликино, на соседнюю фабрику Смирнова, но проработав 2 месяца вернулся к Морозову с решением „во чтобы то ни стало устроить забастовку“. Забитость рабочих была ужасающая, и тем не менее М. удалось сдвинуть эту массу с мертвой точки. 7 января 1885 г. началась знаменитая Морозовская стачка. Уговоры М. и его ближайшего сотрудника, рабочего Волкова, не делать насилий не вполне удалась. Рабочие разгромили несколько квартир администрации, харчевню и пр. Забастовало 8.000 человек. 8-го января приехал губернатор, собрал небольшую группу рабочих, и Волков прочитал ряд требований экономического характера, составленных М. Губернатор велел арестовать и Волкова и еще 51 рабочего. Результатом разговора губернатора с Морозовым было объявление о расчете всех рабочих, утверждение сбавки заработной платы, объявленной 1 окт. 1884 г., бывшей одной из причин стачки. Рабочие сорвали объявление и расклеили свои требования. По уговору М. рабочие собрались толпой и пошли освобождать арестованных. Удалось освободить больше 40 человек. Вслед за этим произошло целое побоище. До 600 человек наиболее активных рабочих было на другой день арестовано и выслано на родину. Забастовка прекратилась. Сам М. был арестован позднее. В день побоища он предложил послать министру внутренних дел телеграмму с требованием назначить специальную комиссию для расследования дела, и рабочие решили отправить самого М. в Москву для посылки телеграммы, так как в самом Орехово-Зуеве этого сделать было нельзя. М. исполнил поручение и вернулся опять в Орехово с решением „взять вину на себя, зная вперед, что ссылки все равно не миновать“. Немедленно же по возвращении М. был арестован. Во время следствия и суда М. вел себя с большим достоинством и независимостью. Судили два раза, в судебной палате, которая приговорила М. и Волкова к трем месяцам тюрьмы, как зачинщиков стачки, и в суде присяжных, который их оправдал. По окончании суда М. и Волков были опять арестованы и в административном порядке сосланы в Архангель-

скую губ. Значение для русского рабочего движения Морозовской стачки, которой руководили сами рабочие и которая сопровождалась столкновением с войсками, было огромно. Она отразилась и на той стачечной волне, которая прокатилась почти по всей России в 1885 г. Практическим результатом стачки было издание в 1886 г. закона о штрафах, который являлся уступкой требованиям, предъявленным морозовскими рабочими. М. водворяется в Мезени, быстро научается столярному ремеслу, что ему весьма пригодило впоследствии при неоднократных ссылках, устраивает артельную мастерскую, где работают политические ссыльные. В 1889 г., по окончании срока ссылки, М. уехал в Челябинск, откуда опять был выслан на родину и, после долгих странствований, попал в Ростов на Дону. Здесь он вступает в соц.-дем. партию и ведет пропаганду среди местных рабочих. М. опять арестовывают, держат в тюрьме 7 мес. и отправляют в г. Вельск Волог. губ. В 1901 г., по окончании ссылки, М. уезжает в Донецкий бассейн. На донецких рудниках М. опять ведет усиленную пропаганду и работает там до 1908 г., все время преследуемый полицией и не прекращающий своей революционной работы. В 1916 г. М. опять играет руководящую роль в охватившей 30.000 человек Горловской забастовке. М. должен был опять скрываться вплоть до Февральской революции. В 1918 г. М. работает в Красной армии, вступает в РКП, живет затем на Кавказе, в Харькове, Москве и Орехово-Зуеве. Ум. 30 нояб. 1923 г., погребен в Орехово-Зуеве. (См. *Моисеевко, П. А.*, „Воспоминания (1873—1923)“. Истпарт; *Давидов*, „Рабочий-революционер П. А. М.“).

Молотов Вячеслав Михайлович (*автобиографическая биография*), род. в феврале 1890 г. в дер. Кукарки Вятск. губ. Нолинского у. Настоящая фамилия Молотова—Скрябин. Он является одним из сыновей, третьим по счету, мещанина г. Нолинска—Михаила Скрябина. Родители отдавали много усилий и времени на то, чтобы предоставить возможность детям получить образование. Дети были отправлены в губернский город для поступления в школу. В Казани и получали образование братья. Вячеслав учился в реальном училище. Надо сказать, что очень характерна для семьи Скрябиных художественная черта. Вячеслав играл на скрипке и весьма недурно, с большой силой чувства и выразительностью.

Все братья Скрябины, живя дружно в одной комнатке, вращались к кругу

наиболее левого студенчества и вообще учащихся. Казань, в особенности в то время, была буквально переполнена лево настроенной интеллигенцией. Уезжая на лето домой в Нолинск, Скрябины и там встречали либо ту же революционно настроенную разночинную интеллигенцию, либо административно-ссылных политиков. Происходя сами из трудовой семьи, братья естественно мало по малу пропитывались теми идеями и настроениями, какие навевались им средой, где они вращались. Обыкновенно в средней школе революционные идеи прививались двум различным типам учащихся и соответственно этому двумя различными методами усваивались и осознавались. Во-первых, это были элементы, настроенные по озорному в отношении к начальству, по преимуществу „жители Камчатки“, т. е. сидящие на последних партах, стреляющие в преподавателей горохом и пр. Юноши вольные и свободные, большую частью хорошие ребята, но не очень склонные к усвоению наук, они воспринимали революционные идеи, как нечто, что освобождало их от необходимости подчиняться преподавателям и прочей „челяди“ школьной, что освящало и оправдывало небрежное отношение к занятиям и пр. Ко второй категории относились ученики прилежные, из лучших по успехам, но не тупоприлежные, не т. наз. „зубрилы“, а прилежные по интересу к знанию, которое в скромном количестве все же давалось учащимся. У такой категории юношей революционные идеи вызывали к себе вдумчивое отношение и не только не отвлекали от научных занятий, но еще более развивали интерес к теоретической работе и будили умственную самостоятельность. Благодаря этому, занимаясь предметами лишь урывками, среди занятий такими научными дисциплинами, какие не преподавались в школе, учащийся все же делал и в области „казенного“ знания гораздо большие успехи. К такой категории учащихся и принадлежал Вячеслав.

Впервые революционные идеи коснулись его в его родных „Нолях“, т. е. Нолинске, в 1905 г. Достаточно назвать эту дату, чтоб стало понятно, что первые революционные прикосновения к душе 15-летнего мальчика произошли в тот момент, когда вся она была размягчена, открыта, приготовлена событиями. Красноречивее всех бесед и речей действовали тогда на учащихся простые сообщения о железнодорожной, а потом и о всеобщей забастовке, о деятельности питерского Совета рабочих депута-

тов, о запыхавших помещичьих усадьбах в Самарской, Саратовской, Тамбовской, Пензенской губ. и т. д. Как раз в это время в Нолинске в ссылке жил Васнецов, брат известного художника. По словам самого М., именно Васнецов и был тем, от кого впервые он услышал не только комментарии всего совершающегося, но и прямо стал получать некоторые практические революционные поручения. Тот же Васнецов поставил перед молодым М. вопрос, кого считает он для себя более подходящим: меньшевиков или большевиков. Впрочем, этот же вопрос ставился и всей окружающей жизнью. Что касается действовавшей и гремевшей тогда партии соц.-револ., то о принадлежности к ней даже тогда у М. как то и не возникало вопроса, — м. б. потому, что случайно М. вращался в с.-д. среде, а, во-вторых, здесь имело значение и то обстоятельство, что М. был воспитанником реального училища. В то время и после можно было наблюдать такое явление, что гимназисты, люди т. наз. „классического“ образования устремлялись к партии с.-р., а реалисты, б. ч. будущие инженеры, руководящие работники индустрии, примыкали преимущественно к с.-д. Учащиеся той категории, к которой по своему способу восприятия революционных идей принадлежал М., опять-таки распались на две категории. Так как это были юноши научного интереса, вдумчивые и внимательные к мысли, к теории, то иные из них — и весьма не малый процент их — революционные идеи воспринимали слишком абстрактно, по книжному. Маркс постигался только как ученый, а не как революционер. Его „Капитал“ читался только как теоретическая работа, а не как призыв к живому действию. Для таких „революционеров“ конспиративные кружки были, гл. обр., организациями для самообразования.

М. был в числе тех, которые, стремясь к научному познанию социального вопроса, не видели в революционных идеях только научно-познавательный интерес. Они чувствовали в этих идеях призыв к деятельности. К тому же конкретная обстановка складывалась так, что на ряду с теоретическими занятиями приходилось уже работать и практически. Тот же самый Васнецов в Нолинске организовал группу боевиков для изготовления взрывчатых снарядов¹⁾. В этой группе был и М. Т. обр., для М. кружки самообразования были и революционной школой, и школой конспи-

рации, которая должна пригодиться еще надолго, и боевым отрядом, состоя в котором, надо учиться сражаться и на улице. В то время в революционной кружковой среде и в особенности в провинции было не мало скороспелых твердо-убежденных, которые у каждого выспрашивали, какой он партии и почему, какой он фракции внутри партии и почему, какого он мнения о последнем выпаде Мартова против Ленина или Плеханова против Мартынова и т. п. Такой вопрос сбивал с толку многих и многих, заставляя их торопиться как можно скорее решить, куда примкнуть. М. не смущали такие скороспелые домогательства. На них в течение всего бурного 1905 г. он отвечал неизменно: „Я еще не разобрался, к какой фракции с.-д. я принадлежу“. С таким ответом М. оставался в революционной среде едва ли не до половины 1906 г. И только в конце этого последнего симпатии М. начинают склоняться в сторону фракции большевиков. Отходили, разочаровывались люди старших поколений, но на смену им шел „свежих работников строй, на подвиг и на смерть готовый“. И так как их революционная настроенность складывалась именно во времена дубасовские, треповские, столыпинские и Дурново, то выходцы этого молодого поколения были очень немногочисленны, за то по своим душевным качествам, по своей стойкости в последующей борьбе оказались куда крепче многих, примкнувших к революции в ее романтический период, в период, когда она была не на спаде, а на подъеме, в годы 1904 — 1905.

С осени 1906 г. М. работает в местной революционной организации средних и высших школ, именовавшей себя беспартийной. В этой организации едва ли не единственным настоящим, т.-е. уже самоопределившимся, большевиком был В. А. Тихомирнов¹⁾. С ним и вступил в тесный и деловой блок М. Следствием этого получилось то, что т. наз. беспартийно-революционная организация являлась в сущности ареной, на которой составлялись в идейной борьбе Тихомирнов и М., с одной стороны, и многие члены этой организации и, гл. обр., лидеры с.-ров, находящиеся в организации, — с другой. Идеиные дискуссии были хорошим методом для выработки миро-созерцания и укрепления в выработанном и для воспитания той идейной дис-

¹⁾ Был членом коллегии Наркомвнудел с 1917 по 1919 г., когда внезапная смерть сразила этого во многих отношениях замечательного товарища в Казани.

¹⁾ Так наз. „химическая“ группа.

циплины, которая потом остается на долгие годы. Эти дискуссии привели реально к тому, что многие с.-р'ы, найдя себя в организации, и даже их лидеры к концу 1907 г. перешли в лагерь марксистов и вместе с Тихомирновым и М. вошли в состав РСДРП фракции большевиков.

В этой организации М., приобретая знания сам, учился тут же быть пропагандистом. Другой стороной была чистейшая практика. Для организации в тех условиях необходима была конспиративная техника, т.-е. надо было иметь квартиру для собраний, способы сношения между различными кружками, скрытую где-то кассу и присущую ей спутницу — маленькую бухгалтерию. Помимо этого организация имела свою нелегальную библиотеку. Во всей этой конспиративной технике М. участвует самым живейшим образом, и, кроме того, надо было расширять численность организации. Он устанавливает связь с елабужской организацией в лице Бажанова ¹⁾ и с пензенской организацией. Возникает идея создания Всеросс. революц. союза средних и высших школ, а для осуществления этого естественно необходим был созыв нелегального съезда. Одновременно организуется „печатание“ и выпускается первая первомайская прокламация, написанная М., что следует считать первым литературно-политич. выступлением М. Но особенно много проработал М. над составлением устава „Всеросс. революц. союза средних и высших школ“. М. был главным вдохновителем поднятия снова в 1909 г. силами нашей организации всей массы учащихся на борьбу с администрацией за старые лозунги школьной свободы, провозглашенные в 1905 г.

Не обошлось, разумеется, дело и без провокаторов. Как раз с того момента, когда соц.-демокр. часть организации, скрепившаяся вокруг Тихомирнова и М., начала свою настоящую пропаганд. и идейную работу, т.-е. в период с 1907 г. до 1909 г., в число членов организации проникли два провокатора. Весной, в марте, первым был арестован Тихомирнов, за ним последовал через несколько дней М., а еще через несколько дней и многие другие члены этой организации.

Казанская тюрьма, в которой режим был еще такой, какой в столичных тюрьмах господствовал в 1905 г., т.-е. весьма свободный, была настоящим университетом для всей той молодежи, какая была

туда посажена. М. в тюрьме отдается научным занятиям, при этом не замыкается только в рамки социальных наук. Естественно-исторические дисциплины, на ряду с продолжением занятий по политической экономии, истории революционного движения и т. п., привлекают его внимание.

Осенью М. был выслан (с другими товарищами) в Вологодск. губ. на два года. Все они являлись воспитанниками средних школ, за исключением Китаина, профессионала-партийца, и Тихомирнова, который в это время был уже окончившим реальное училище. М., как и другие высланные реалисты, был посажен в тюрьму почти накануне выпускных экзаменов, он был в это время в последнем, седьмом, классе. М. направлен был вологодским губернатором Хвостовым в г. Тотьму. Там одной из забот М. было еще добиться через министерство разрешения держать экзамен за курс реального училища. Однако, едва только министерство разрешило М. держать экзамен за курс реального училища при вологодском реальном училище, и он вследствие этого разрешения был переведен из Тотьмы в Вологду, как начал немедленно налаживать связи с местными партийными кругами и прежде всего с рабочими. Этим обстоятельством экзамены как-то сразу отеснились на задний план. Впрочем он их выдержал и по забывчивости полицейской организации остался жить в Вологде. Тут он развернул энергичную работу среди железнодорож. рабочих. Связь к ним он нашел через рабочих сырьевых, которые были связаны с мытищенскими рабочими, высланными из Моск. губ. и поселившимися в Вологде, где они работали, гл. обр., на железной дороге.

Под полицейским надзором, среди маленького городка, М. сумел совместно с другими товарищами, как, напр., с Мальцевым, наладить правильно действующую партийную организацию, провести несколько массовок под открытым небом за городом и, наконец, даже выпустить первомайскую прокламацию (1911 г.), автором которой был он совместно с другими. Эту прокламацию М. и ближайшие его два товарища расклеили сами за одну ночь по городу. Операция сошла совершенно безболезненно. Вскоре после того, 16-го июня ст.ст. 1911 г. М. кончает срок ссылки. К этому же времени окончил свой срок и Тихомирнов, которому разрешено было ссылку заменить за границей. Там Тихомирнов выдался с Лениным и, обладая со-

¹⁾ Ныне член президиума Госплана РСФСР.

ответственной материальной возможностью, вел с Владимиром Ильичом разговоры об издании в России легальной большев. газеты. Эти разговоры привели к тому, что, по инициативе Владимира Ильича, Тихомирнов присоединил свои материальные средства, свою энергию, знания к почину легального органа большевиков. Разумеется, Тихомирнов прежде всего обратился к М. и другим его сотоварищам. В 1911 г. устроено было под Саратовым совещание по вопросу об организации газеты. Это было как раз после конца ссылки М. Затем М. поехал в Петроград и поступил в Политехн. институт на экономич. отделение. Став там в ряды активных большевиков, он принял самое ближайшее участие в организуемой тогда газете, сначала „Звезде“, а затем и „Правде“. Работая в Петрограде, он не оставляет связи со своими прежними товарищами, использует все возможные связи для привлечения большего количества товарищей к моральному или материальному участию в начавшемся большом деле.

Вскоре по организации „Правды“ М. становится секретарем ее редакции. В то же время он работает нелегально и как член П. К. и как пропагандист и, наконец, он принимает самое активное участие в работе думской фракции. М. естественно участвует во всех самых злободневных обсуждениях вопросов, и он же сносится с заграничным центром и персонально с Владимиром Ильичом.

Такое положение заставляло его знакомиться ближе, вплотную с вопросами чисто государственными. Энергией, находчивостью, теоретической подготовленностью многих работников „Правды“, в том числе и М., можно объяснить тот теснейший контакт, который существовал между газетой и фракцией, с одной стороны, заграничным центром, с другой, и массой питерского, московского, владимирского, иваново-вознесенского и вообще обще-российского пролетариата, с третьей стороны.

К этому же времени относятся первые литерат. выступления М. Первая статья его была помещена в „Правде“ за подписью „Аким П та“, что должно было означать „Аким Простота“—одна из кличек, под которой был известен тогдашний М. След. свои статьи в „Правде“ С. подписывает б. ч. „В. Михайлов“. В литературе впервые под именем „Молотова“ он выступает в своей брошюре, вышедшей в 1919 г. в Питере: „Как рабочие учатся строить свое хозяйство“.

В 1913 г. М. приходят арестовать в редакцию. Он выпрыгивает в окно

и убегает. Переходит на нелегальное положение, не прекращая революционной работы среди петерб. пролетариата.

Когда в Питере становится трудно жить нелегально, он перебирается на революц. работу в Москву. Москва, как стало это доподлинно только теперь известно, была городом провокаторов (тогда мы об этом могли только лишь догадываться). Немудрено, что здесь, по предательству провокатора, М. кончает свои вольные дни и снова садится в тюрьму. Для внутренней жизни М. это означало переход от практической работы к теоретич. занятиям. Правда, что последовавшее вскоре распоряжение о ссылке в Иркутскую губ. прервало книжные занятия. На этот раз этажом, в самых неблагоприятных условиях, отправляется он в Сибирь. Там его направляют в дер. Манзурку. В этой ссылке М. встречается с новыми товарищами—Лацисом, Пылаевым и др. Вместе с ними он обсуждает вопрос о возможности создания в России уже нелегального органа большевиков. Для осуществления этой идеи и продолжения революционной борьбы он бежит из Манзурки и попадает прежде всего в Казань. Там он находит себе убежище на даче под Казанью, в местечке, известном под именем Чукашовка, у того же В. А. Тихомирнова, вместе с которым, а также и с другими своими прежними товарищами, обсуждает вопрос о восстановлении разрозненных большев. организаций и о создании нелегальной газеты.

Осенью 1915 г. направляется он вместе с Тихомирновым опять в Петербург, и там они организуют группу, которая наименовала себя „большевистской группой 1915 г.“. В нее входили: Бокий, Бажанов, Аросев и др. товарищи. Главной заботой этой группы было создание такого постоянно действующего организац. ядра, где бы не было провокаторов. Поэтому в эту группу могли входить только такие товарищи, в отношении вхождения которых в группу должно было быть полное единогласие. Эта же группа приняла меры к тому, чтобы поставить дело нелегальной газеты. Однако, с чрезвычайным усилением правительств. репрессий кружок рассыпался. М. начал восстанавливать связь. Почти всех удалось разыскать и от каждого заручиться помощью для организации газеты. Пылаев и т. Эмма,—все бежавшие из ссылки, приготовлялись сесть в нелегальную типографию и начать печатание газеты. В конце 1916 г. из-за границы, как агент Ц. К., приехал Шляпников. В Питере составлялось бюро Ц. К., куда вошел

членом и М. Питерская организация, в которой участвовал активнейшим образом М., развертывала свою деятельность все шире и шире.

Революция 1917 года застала М., как и многих других его товарищей, наготове. В Октябрьские дни он становится членом Питерского Военно-Революц. комитета.

После установления советской власти он работает как председатель совета нар. хозяйства пстрогр. района. В 1919 г. ЦКРКП направляет его в Нижний Новгород, где он становится председ. губ. исполкома. Из Нижнего-Новгорода он переходит на работу в Донбасс в качестве секретаря губком'а. Затем на Всеукр. парт. конференции в 1920 г. избирается секрет. ЦК Украинской Коммунист. партии. В 1921 г. он едет делегатом на Всеросс. съезд партии. И тут по предложению Ленина избирается членом и секретарем ЦКРКП

А Аросев.

Музалов, Николай Иванович (*автобиография*) Род в 1877 г. близ г. Таганрога (хутора «Роты») на хуторе, сын хуторянина — мещанина. С детских лет и до 17-летнего возраста помогал в работах своему отцу (пахал, бороновал, косил, молотил и пр.). Зимой учился грамоте (отец начал обучать грамоте с 6-летнего возраста). Отец, Иван Анастасьевич, был культурный человек — окончил 6 классов классической гимназии, во время Крымской кампании вступил волонтером в войска, сражался под Балаклавой, за храбрость, проявленную в боях, был награжден орденом Георгия 4 степени, вскоре попал в плен к англичанам, у которых (в г. Плимуте) пробыл 2 года, познакомился с Герценом. сделался его поклонником, по возвращении в Россию получал «Колокол». Отец был очень начитанный человек. Потеряв зрение, заставлял читать вслух всякую литературу, беллетристику, историю, философию, научную, естественно-научную и пр. На 17 году М. поехал учиться, выдержал экзамен во второй класс сельскохозяйственной школы, которую окончил на 20 году, вернулся к отцу, который вскоре умер. Поступил на практику в имение помещика Плохово в Тамбовский уезд в селе Знаменка. Пробыл там сезон, разругался с помещиком (обвиняли в «панннбратском» отношении к рабочим), поступил управляющим имением Мейен Московской губ. при с. Назарове. Пытался отбыть воинскую повинность в Москве, в гренадерском полку. Полк принял, как вольноопределяющегося, но всесильный Трепов не дал свидетельства о политической благо-

надежности. Полк пришлось оставить и ехать на родину в Таганрог отбывать повинность. Во время набора оказались «излишки», поэтому дали льготу, зачислив ратником ополчения 1 разряда. Уехал после этого (осень 1899 г.) на Кавказ в г. Майкоп, где управлял сначала винокуренным, а потом маслособойным заводом. В Майкопе участвовал в марксистском кружке (читал «Капитал», «Искру» и т. п.), в рабочем кружке, в воскресной школе. В начале 1902 г. приехал в Москву в отпуск, был арестован, просидел три месяца. Осенью того же года участвовал в марксистском кружке в г. Серпухове. Занимался земской статистикой и земским страхованием. В начале 1903 г. поступил помощником земского агронома в г. Подольск (Моск. губ.). Тогда же и там же вступил в партию РСДРП (б). В ноябре 1905 г. во время черносотенного погрома пробил себе путь с оружием в руках, бежал в Москву, где принимал участие в декабрьском восстании, после подавления которого (в январе 1906 г.) бежал на Дон, на хутора. Работал в донской организации, в таганрогском коллективе (смешанная организация, почти противоположенная — большевики и меньшевики), в котором ведал аграрными делами. Претерпел два обыска, затем был арестован, сидел в Таганрогской, а потом в Новониколаевской тюрьмах, после выхода из тюрьмы уехал опять в Москву, затем переехал в Тульскую губ. и в 1907 году поступил управляющим имением. В селе Подмоклове вместе с другими товарищами открыл народную чайную под флагом «Общества трезвости», где печатались прокламации для серпуховской организации, распространялась нелегальная литература, читались лекции по агрономии, рабочему движению и пр. Во время империалистической войны мобилизован в 215 пехотный полк, затем из полка переведен в Автороту, в которой и застала Февральская революция. Организовал вместе с другими товарищами солдатскую секцию Московского Совета. В Октябрьские дни был членом Московского Военно-Революционного комитета и членом Революционного Штаба. После победы над юнкерами был назначен командующим войсками Московского Военного округа. 19 марта 1919 г. приехал в третью армию востфронта на должность члена РВС. В июле 1919 г. был назначен членом РВС востфронта, в августе того же года назначен членом РВС 12 армии, в августе 1920 г. назначен членом коллегии Наркомзема, 1 марта 1921 г. назначен командующим войсками Московского Военного округа, в мае 1924 г. назначен командую-

щим войсками Северо-Кавказского Военного округа, в феврале 1925 г. назначен для «особо важных» поручений при РВС СССР. Награды: орден Красного Знамени, золотые часы, два золотых портсигара.

Мясников. Александр Федорович (*автобиографическая биография*), (он же Мясникьян, литерат. имя — Ал. Мартуни, партийная кличка — Алеша), партийный организатор, литератор и советский деятель — род. в 1886 г. 9 февраля (н. с.) в гор. Нахичевани н/Д в мещанской армянской семье. Очень рано лишился отца. Семья осталась без всяких средств к существованию. До 8 лет находился он на иждивении матери, женщины патриархальной и отсталой. В семье были еще другие дети — братья и сестры. 8-ми лет был отдан в монастырскую (близ Нахичевани) церковно-приходскую школу, в которой обучался до 12 лет. Преподавание в школе было приоровлено к дисциплинам, во всяком случае, не реальных училищ того времени. До поступления на учебу армянского языка не знал; говорил лишь на нахичеванском диалекте (армяно-русско-турецкий жаргон) и по-русски. По окончании приходской школы поступил в нахичеванскую армянскую семинарию, все шесть классов которой окончил в 1903 г. Преподавание в семинарии было светского характера, с уклоном в сторону классицизма. Большое внимание обращалось, гл. обр., на армянскую и русскую литературу.

Рано стал жить самостоятельной жизнью, с 13-летию возраста зарабатывая на пропитание уроками и т. п. С 15-летию возраста вступает в нелегальные и полуполигальные ученические кружки культурнического и революционного характера. Издаёт нелегальный ученический рукописный журнал. В 1905 г. поступает в гимназические классы Лазаревского института в Москве, которые оканчивает в 1906 г. В эти годы принимает участие в школьном революционном движении. Уже во 2-й половине 1904 г., под влиянием российских событий, вступает в русское революционное движение этого периода, на короткое время (несколько месяцев) подвергшись влиянию армянских революционно-националистических вей-

1905 год его целиком захватывает. Эта знаменательная эпоха полностью и безразделно налагает на М. свой отпечаток. В конце 1905 г. проникается идеями социал-демократии, а в начале 1906 г. оформляется, как с.-д., и летом того же года вступает в ряды РСДРП через ростовскую на Дону организацию. В течение всего лета 1906 г. работает в ро-

стовских рабочих кружках. Для М. начинаются годы студенчества и революционной работы. Эти годы полны непрерывных студенческих беспорядков, забастовок, манифестаций и демонстраций, в которых он принимает деятельное участие. Годы эти для него проходят в марксистской учебе. Изучает он революционный марксизм по первоисточникам и по произведениям Плеханова (философия), Ленина (философия, тактика и организация партии) и Каутского (экономика). После провала, обыска и ареста в 1906 г. из Москвы он перебирается в Закавказье. Во второй половине 1906 г. попадает в Баку и начинает там подпольную работу в с.-д. кругах. Работа в Баку М. продолжается два года. Он работу ведет в рядах армянской соц.-демократии и одновременно в большевистской бакинской организации РСДРП, подвергаясь некоторым царским преследованиям.

В 1909—1911 гг. опять проживает в Москве, это время проходит как в академических занятиях, так и в работе в с.-д. студенческих и других кружках. В 1911 г. кончает юридич. фак. московск. универс. по экономическому отделению. В 1911—12 г. М. по призыву отбывает воинскую повинность. В течение 1912—14 гг. ведет легальную жизнь в Москве в качестве голодного помощника присяжн. поверенного, с.-демократического лектора и литератора. Летом 1914 г. выезжает на Кавказ для работы, но в Нахичевани-Дону его застают объявление войны и мобилизация. В качестве военно-обязанного попадает в армию, сперва в далекий тыл, а вскоре на фронт, где остается вплоть до февральской революции, находясь, гл. обр., в тыловых запасных частях, но участвуя также в некоторых небольших фронтовых операциях. В своей части создает маленький кружок социал-демократов, настроенных порожженчески.

С начала Февральской революции вплоть до весны 1919 г. М. живет в западной России и в Белоруссии, ведя ответственные работы по поручению партии. Был членом фронтового комитета западного фронта и руководителем его большевистской фракции. В Октябрьские дни вторым фронтовым съездом зап. фронта единогласно избирается главнокоманд. западным фронтом. Одновременно заменяет верховного главноком. Далее был военным комиссаром западной области, председателем сев.-зап. обл. комитета РКП, председателем Ц. Б. коммунистической партии Белоруссии, председателем ЦИК'а Белоруссии и т. д. Весной 1918 г. до Муравьева назначается ко-

манующим Поволжским фронтом и участвует в операциях против чехо-словаков.

В течение 1919—21 гг. он работает в Москве в качестве члена МК РКП (б), секретаря МК, члена президиума Моссовета, начальника Глав. Полит. Управл. по водному транспорту и члена президиума Цектрана. Летом 1920 г. назначается Ц. К. партии на польский фронт начальником Политуправления зап. фронта.

В 1921 г. он переезжает в Армению в качестве председателя Совнаркома Армении. С лета 1922 г. М. работает в Тифлисе, сначала, как председатель Союзного Совета новообразованной Закавказской федерации, а затем, как секретарь Закавказского краевого комитета РКП (б), является кандидатом ЦК РКП (б), состоит редактором газеты «Заря Востока», издав. закрайкомом в Тифлисе, членом Рев. Совета Кавказской армии, членом Рев. Совета Союза ССР и членом президиума ЦИК'а Союза ССР.

Был редактором моск. «Коммунист. Труда», минской «Звезды», армянской «Хордаин Айастан». Сотрудничал в «Правде», «Известиях», «Гудке», «Экономич. Жизни» и т. д. Имеет много литературных трудов на русском и армянском языках, как в виде отд. изданий, так и во многих периодич. издан. московск., кавказ. и западных (Белоруссии и др. мест). Отдельные издания «М. Налбандян», «Соц. значение поэзии Ов. Туманяна» (на армянском яз.), «Армянское полит. партии за рубежом», «О национальном вопросе», «Об эсерах», «Беспартийная конференция», «За партию» и др. (на русском яз.)¹⁾.

К. Юсуф.

Нариманов, Нариман (*автобиографил*), род. в Тифлисе в 1872 г. в бедной семье, рос в ранние годы под влиянием матери, отличавшейся в высокой степени отзывчивостью к нуждам и страданиям других. Отец занимался мелкой торговлей. 12-ти лет Н. поступает в Горийскую учительскую семинарию; здесь в атмосфере строгого пансионного режима идет его образование. Он выдается своими успехами; любимым предметом его становится психология. Здесь же начинается его литературная деятельность: первые два акта его драмы „Невежество“ написаны в стенах семинарии. Мысли о предстоящей педагогической работе в деревне вели от будущих питомцев, крестьянских детей, к самой крестьянской массе и ее темноте, отсюда — за-

рождение пьесы. По окончании семинарии он получает место учителя в селе Гизиль - Аджалу Тифлисской губ. Он впервые знакомится с крестьянской жизнью, с ее отсталостью во всех отношениях. Под впечатлением этих наблюдений он перерабатывает и дополняет свою пьесу и дает в ней изображение крайнего невежества тюркского крестьянства и его отношения к образованию. Убийство Александра II застало Н. в младших классах семинарии, но тем не менее произвело на него громадное впечатление и оказало большое влияние на его последующее политическое развитие. Он все носился с вопросом: „почему убили царя?“ Только уже в старших классах один из близких товарищей, грузин, дает ему какое-то воззвание к народу. Он начинает понимать то, что так долго стояло перед ним загадкой. Под этими впечатлениями является мысль дать массам хоть некоторое изображение существующего режима, и он переводит на тюркский язык „Ревизора“ Гоголя, который еще в старших классах семинарии, на ряду с Достоевским, Толстым и Лермонтовым, стал его любимым писателем. Пролжив год в сельской школе, Н. назначается в частную прогимназию в Баку, где развивает широкую литературно-общественно политическую деятельность. Богатейший капиталистический центр в Закавказье — Баку — с его преобладающим отсталым тюркским населением, отсутствие в достаточном количестве интеллигентных сил, потребность разрешения неотложных вопросов, выдвигаемых жизнью, отсутствие всякой периодической печати (в 1890 г. не разрешали издавать газеты на тюркском языке) — все это заставляет Н. больше всего заниматься культурной работой. Он открывает впервые в мусульманском мире — в Баку — народную общедоступную библиотеку читальню, куда собирает пожертвованные русские и тюркские книги для чтения; чтобы получить даром газеты для мусульман, он пишет в константинопольских и калькутских газетах корреспонденции. Через короткое время библиотека - читальня приобретает симпатии мусульманского населения, которое, не имея своей газеты, с жадностью бросается на константинопольские и индоостанские газеты, в особенности на калькутскую „Абдул Матин“, более либеральную в то время среди мусульманских газет. Очень скоро библиотека - читальня делается культурным центром не только для Баку, но и всего Закавказья. Сюда приезжают из других го-

¹⁾ М. трагически погиб 22 марта 1925 г. во время полета из Тифлиса (загорелся самолет).

родов Закавказья, знакомятся с постановкой дела. Тут же происходят совещания работников по культурной части среди тюрков, читаются новые произведения на тюркском языке, происходят репетиции благотворительных спектаклей в пользу бедных учеников и студентов. Принимая во всем этом живейшее участие, Н. свободное время — ночи — проводит над составлением необходимых учебников или же пишет драмы, повести или статьи в газеты. К этому времени относятся: 1) его учебники: грамматика тюркского языка, самоучитель тюркского языка для русских и самоучитель тюркского языка для тюрков; 2) литературные произведения: „Надальык“ (Невежество), „Длин Беласи“ (Беда от языка), „Надир Шах“ (историческая драма), „Бегадир и Соиа“ (роман) и перевод „Ревизора“. В то же самое время Н. был активным сотрудником „Переводчика“, единственной в то время газеты в России, которая издавалась на русском и тюркском языках в Бахчисарае, а также выступает в главных ролях в спектаклях с благотворительной целью. После 10 лет такой работы Н., считая себя недостаточно подготовленным для широкой общественной работы, решает, 30 лет от роду, готовиться к выпускным экзаменам в гимназии, чтобы продолжать образование. Получив аттестат зрелости, Н. поступает в 1902 г. на медицинский факультет Новороссийского университета. Выбирает этот факультет в духе заветов матери оказывать помощь страдающим. Первые три года все внимание Н. было сосредоточено на научных занятиях, только иногда он пишет корреспонденции в „Переводчик“. 1906—1907 г. Н. в водовороте революции; он избирается курсовым старостой и проводит все университетские забастовки. Во время забастовок в Баку (1906 г.) Н. находился там; на ряду с тем он принимал близкое участие в газете „Иршад“ (Путь), помещает свои известные в то время фельетоны на политические темы вначале под названием „Пятничные беседы“, а потом, в газете „Геяг“ — „Хафта Ферьяды“ (Недельные крики). Нельзя тут не отметить один эпизод, характеризующий среду, в которой приходилось Н. работать. В это время происходил съезд тюркских учителей Закавказья. Н. избирают вторым председателем съезда (первым был Гасанбек Меликов, известный публицист-националист). По желанию съезда все политические вопросы разбирались под председ. Н. На одном из заседаний съезда разбирался вопрос

относительно национального самоопределения. Съезд единогласно принял предложение Н. Это постановление съезда показалось Меликову чересчур революционным и чтобы оказать давление на съезд, он на другой день приглашает на съезд всемогущего тогда миллионера Г. З. Тагиева. Тагиев взял слово и сказал: „Вчерашнее ваше решение указывает на то, что съездом руководят недальновидные люди в роде Н. Вы знаете, кто такой этот Н. Он в кармане не имеет ни одной копейки, учится на мой счет, а тут смеет произносить революционные речи и вводить вас в заблуждение. Я прошу отменить вчерашнее решение, так как оно бросает тень на всю нацию перед правительством“. При гробовом молчании съезда Н. отвечает: „Товарищи, в числе других стипендиатов Г. Тагиева нахожусь и я, по я не знал, что Тагиев помогает бедным учащимся для того, чтобы они не имели своего мнения. Если до сих пор Тагиев помогал студентам для того, чтобы жить только мнением Тагиева, то во всяком случае я не могу молчать там, где нужно кричать. Никому я не давал права и не позволю за презренный металл заставить меня молчать в то время, когда другие в это же время не только открыто говорят, но проливают свою кровь за освобождение от царского гнета. Перед всем съездом я с радостью отказываюсь от стипендии Тагиева, чтобы быть свободным от тиранов нашего времени“. После этих слов Н. весь съезд встает, как один человек, и устраивает ему овацию Г. Тагиев, конечно, не ожидавший такого исхода, покидает собрание. — В это же примерно время Н. основал персидскую соц-демпартию „Ичтмаюн Амиюн“, которая в короткое время настолько окрепла, что считалась тогда руководящим органом в революционном движении Персии. После прекращения забастовок Н. возвращается в университет и опять в качестве старосты продолжает свою научную и политическую работу в стенах университета. Политическая его работа здесь ограничивается борьбой с черносотенными профессорами Новороссийского университета: во главе с Левашевым, ректором университета. Н. кончает медицинский факультет, несмотря на ненависть черносотенной профессуры, и на память от курсовых товарищей за три года борьбы с черносотенными профессорами получает богатейший набор для акушерских операций. Н. приезжает в Баку в 1908 г., но оказывается, что Гази Тагиевым, влиятельнейшим гласным думы, дан при-

каз никуда не принимать Н. Не имея средств открыть кабинет, Н. покидает Баку и переселяется в Тифлис для работы в лечебнице. Спустя месяц Н. арестовывают за пропаганду среди персидских рабочих в Баку и сажают в Метехский замок. Спустя семь месяцев Н. высылают в Астрахань на 5 лет. Здесь он продолжает литературную и политическую работу. В тюркской газете „Бурхон Таракки“ Н. помещает статьи на научные и политические темы, читает лекции на тюркском языке, печатает брошюры: „О холере“, „О чахотке“, „О женском вопросе“. Вместе с Шаумяном и Хумарьяном Н. является идейным руководителем газ. „Астрах. Край“, хотя основатель газеты и был либерал. Недовольный идеями, проводимыми в газете, основатель ее прекратил отлук денег, и газета закрылась. В это время открывается в Астрахани Народный университет, куда Н. избирается сначала тов. председателем, а затем председателем. В секретари Н. приглашает Шаумяна, и в Народном университете начинается новая политическая жизнь. Вопреки желанию губернатора Н. избирают в гласные городской думы. Отбыв ссылку, Н., с разрешения наместника Кавказа, переезжает в 1913 г. в Баку, где с новой энергией начинает работать в местных газетах, но скоро редакции отказываются принимать его статьи в виду революционности их содержания. Н. усиленно начинает заниматься научной и литературной работой. пишет повести: „Пир“, „Священный очаг“, „Дядя“ (где изображается Г. Тагиев, как благотворитель), переводит „Казнь“ Ге Подпольная политическая работа шла в организации „Гуммет“ до 1917 г. и в этом же году „Гуммет“ сливается с партией большевиков. Н. снимается партией с должности врача и получает ряд ответственных постов. В 1918 г. он член Сов. Нар. Комисс. — комиссар городского хозяйства и вместе с тем редактор партийной газеты „Гуммет“. От трудной работы Н. лишается одной ноги, и по совету врачей его везут на астраханские грязи. Несколько оправившись, он назначается комисс. народ. просвещения. В это же время Н. пишет свое воззвание, распространенное в Азербейджане в тысячах экземпляров: „С каким лозунгом мы идем на Кавказ“ В 1919 г. Н. вызывается партией в Москву для доклада об Азербейджане и остается здесь работать в качестве заведующего восточным отделом при Наркоминделе и затем заместителем народ. комисс. по делам национальностей. Н. помещает

в газетах свои воззвания к народам Востока и письмо к Неджмеддину в Дагестане. В 1920 г. Н. — председатель Азербейджанского Революц. ком., а затем председатель Совета Нар. Комисс. Азербейджанской республики. В этой должности Н. отправляется делегатом на Генуэзскую конфер., по возвращении откуда избирается предс. д. Союзного Совета Закавказья, а затем председателем Центр. Исп. Ком. Союза ССР. Литературная работа Н. ограничивается в это время помещением статей в газетах „Известия“ и „Бакинский рабочий“. С 1923 г. Н. принимается за литерат. работу. Им написаны за это время на тюркском языке „Ленин и Восток“ (перев. и на узбекский язык), „Путь к коммунизму“ и „Национ. вопрос“¹⁾.

Нахимсон, Семен Михайлович, род. в 1885 г. в Либаве, где получил средн. образование. Еще учеником участвовал в „Бунде“ и в латыш. с.-д. партии, в 1905 г. играл большую роль в революц. движении и затем, приговоренный заочно к смерти, казни, скрылся за границу. В 1907 г. он возвращается в Ковно, входит в с.-д. военн. организацию (кл. „Павел“), которой он был делегирован в Лондон на партийный съезд. Из Ковно он переезжает в Брест-Литовск, ведет подпольную работу. Принужденный бежать за границу, Н. продолжает образование в разн. университетах, в г. Берне получает диплом доктора филос.-эконом. наук, затем снова в России, в Петрограде, где входит в партию большевиков, сотрудничая в „Правде“. В съезде торг.-промыш. служащих Н. принимает деятельное участие, подвергается аресту и высылается в Либаву, где опять работает в латыш. с.-д. группе. Затем опять арест, тюрьма, потом работа в Петрограде, лекции в Нар. унив., работа в Кременчуге. В 1916 г. Н. заведует санит. отр. всер. союза городов, в 1917 г. подвергается аресту и предается военно-полев. суду. Февр. революция освобождает его, и Н. опять в Петрограде, работает в город. районе, входя в Петроградск. комит. партии и в секцию совета, затем едет на фронт в качестве агитатора и комиссара. В дальнейшем деятельность Н. переносится в Ярославль в военную организацию. В начале яросл. восстания в 1918 г. он был арестован и расстрелян. (См. „Пам. бор.“).

Невский, Владимир Иванович (автобиография), род. 2 мая 1876 г. в семье богатого купца в Ростове на Дону, собствен-

¹⁾ Н. Н. скоропостижно скончался 19 III 1925 г. в Москве.

ной инициативой и энергией составлявшего три раза большое состояние. Дед (И. М. Кривобок) был николаевским солдатом, а прадед, вольный казак, помнил еще последние дни Запорожья.

Купеческая семья, в которой вырос Н., была своеобразным миром, где наряду с необыкновенной религиозностью уживался русский купеческий разгул и вместе с чисто-буржуазной жестокостью мирился самый крайний демократизм: отец ценил просвещение и любя книгу, тем не менее враждебно относился к интеллигенции, «к панам», как он говорил, и не думал давать особенно блестящего образования детям, намереваясь пустить их по коммерческой части. Занятый делами, постоянно разъезжая по югу России (у отца были парусные морские суда, соляное дело, угольное дело, рыбные промыслы и т. п.), отец как-то отдалился от семьи, и создавшаяся вследствие этого тяжелая обстановка особенно много горя причиняла матери. Мать же была необыкновенной и чудной женщиной. Не получившая никакого образования она своей исключительной добротой, отзывчивостью и лаской, каким-то особым умением подходить к людям, какой-то жадной постоянной жертвы «за други своя» являлась тем нравственным элементом, который и заставил всех детей ее пойти на служение народу. Под ее влиянием Н. решил по окончании 6 классного городского училища (уже после смерти отца) поступить в гимназию. Отец незадолго до смерти какой-то рискованной операцией сильно расстроил свое состояние, и старшему сыну, оставшемуся опекуном двух несовершеннолетних братьев, приходилось покончить с беспорядочной и безалаберной жизнью, какая шла дома при жизни отца.

Чтобы не быть в тягость семье, Н. решил самостоятельно приготовиться в гимназию, что он и сделал, в течение шести месяцев приготовившись к поступлению в гимназию в 1894 году (в 5 кл.).

Ростовская на Дону гимназия была гимназией богатого торгового буржуазного общества. Вместо ожидаемых красот классического мира в гимназии царил сухой формализм учителей да неразвитая компания товарищей, мечтавших о карьере. Быстро охладев к гимназической науке, Н. продолжал свое самообразование, начало которому еще было положено в городском училище, где учителя по своему развитию целой головой были выше гимназических преподавателей. В 1894 г. Н. уже организовал кружок саморазвития, где читались

Белинский, Добролюбов, Чернышевский, «Колокол», «Полярная Звезда» и т. п.

Такой уклон кружка объясняется знакомством Н. с семьей поляка-интеллигента, высланного из Польши под надзор полиции в Ростов на Дону и вынужденного работой в железнодорожных мастерских зарабатывать кусок хлеба. Этот рабочий-интеллигент — вернее сын его, заставил Н. задуматься над многими вопросами общественной жизни, а наблюдение над жизнью рабочих, служивших у отца и влчивших жалкое существование, толкнуло к знакомству с представителями пролетариата.

В 1895 г. Н. познакомился с двумя рабочими, один из которых, Солдатов, входил еще в кружки Мотовилова, полупародника-полумарксиста. Этот Солдатов, а в особенности его товарищ, указали Н. новую, неизвестную ему область жизни — подпольные организации. Начинается знакомство с нелегальной литературой народников и с новым кругом людей. В течение 1895 и 1896 г. Н. перечитал все, что имелось из нелегальной народнической литературы в Ростове на Дону, но эта литература не удовлетворяла его: знакомство с начатками естествознания и занятия математикой приучили его искать и в области общественных наук точности и обоснованности. В 1897 г. в руки Н. попадает «Коммунистический Манифест» Маркса. Это произведение произвело переворот в мировоззрении, а знакомство с компанией соц.-демократов, кружком Е. В. Торсуевой-Быстрицкой, довершило обращение в соц.-демократии. Это совпало с окончанием гимназии и поступлением в московский университет на естественный факультет. В этом году Н. вместе с Е. В. Быстрицкой и ее товарищами приступает к организации соц.-демократической организации, получившей вскоре название донского комитета РСДРП.

В то же время в Москве Н. вместе с двумя своими товарищами, Петром Ивановичем Квитой и Александром Федоровичем Нефедовым, студентами естественными, организует кружок саморазвития, в 1898 г. превратившийся в кустарническую социал-демократическую организацию, имевшую хорошие связи с рабочими помимо московского комитета. В этом кружке Квита был пропагандистом, Нефедов — казначеем, а Н. занимался, главным образом, расширением связей и привлечением новых сил со стороны интеллигенции. Кружок был построен против «экономистов». В течение лета 1898 г. Н. работал в ростовской организации (занимался пропагандой в

рабочем кружке), а Нефедов печатал на гектографе, для усиления средств, Коммунистический Манифест. Тогда же был проштудирован первый том «Капитала» Маркса. «Анти-Дюринг» Энгельса.

В 1899 г связи кружка расширились, но вследствие этого в него вошел и провокатор В марте этого года перед студенческими беспорядками кружок был «ликвидирован» жандармами (Н., Квита, Нефедов, рабочий Капустин и другие) вместе с остальной соц.-демократической организацией. Однако, жандармам не удалось установить связей кружка с московским комитетом, ибо этих связей и не было, так как кружок Н., Квиты и Нефедова держался особняком. В тюрьме (в Таганке) пришлось просидеть 3 месяца. Квита и Нефедов получили ссылку в Уфимскую губернию под гласный надзор, а Н., отрекавшийся на допросе от всяких знакомств, получил гласный надзор в своем родном городе, где он и окупился снова в работу донского комитета. В январе 1900 г. Н. снова был принят в университет и снова принялся за создание новой социал-демократической организации, отдельной от комитета. Этот сепаратизм объяснялся тем, что некоторые из товарищей (например Грацианов) предостерегали Н. от посещения дома известной тогда Серебряковой, впоследствии оказавшейся провокаторшей, а в те времена связанной с московским комитетом. Дело ширилось, завязались связи с московским комитетом (через А. Н. Ляпунова и Е. А. Немчинову), удалось организовать техническую группу, во главе которой стоял покойный ныне проф. медик, коммунист М. М. Рязанов (впоследствии муж Быстрицкой), тоже ростовец; через оставшихся рабочих от первого кружка удалось снова завязать связи с рабочими, удалось наладить получение денег (через А. Д. Высоцкого, переехавшего затем к социал-революционерам, М. М. Рязанова и его знакомых врачей, М. И. Попова и Н. Я. Кейзерова и др.). Встал вопрос о постановке техники. Н. завязал связи с петербургским Союзом борьбы. Лето 1900 г. было использовано для добывания средств. В конце 1900 и начале 1901 г. Н. ездил в Петербург, связался с Союзом и условился о получении техники, для которой было уже приготовлено место под Москвой в какой-то больнице (через М. М. Рязанова). В это же время велись переговоры об объединении работы с московским комитетом (с А. И. Елизаровой, а может быть и с кем-либо другим). В феврале арест товарища в Петербурге на вокзале, с письмом в кармане и с адресом

для конспирированной переписки с Москвой, а также общие аресты моск. комитета провалили Н., М. М. Рязанова, А. Д. Высоцкого и Л. В. Филиппову, принимавшую близкое участие в работе кружка. Жандармам и на этот раз не удалось установить связи ни с М. К., ни с Петербургом, но они зато привлекли Н. еще по другому делу, за пропаганду в Ростове (Н. был ненадолго арестован по этому делу еще до ареста в феврале 1901 г.): выдал рабочий Пивоваров. В тюрьме был проштудирован второй том «Капитала» и началось изучение аграрного вопроса. После 9-ти месячной отсидки в Таганке, допросов «самим» Зубатовым, был выслан под надзор полиции в Воронеж в декабре 1901 г. Здесь в то время находилась группа В. А. Носкова — «американцы»: Л. Я. Карпов, А. И. Любимов, Д. В. Кастеркин, Н. Н. Карташов, Ф. И. Щеколдин, А. Н. Карташова и «экономистка» Ю. П. Махновец.

Через несколько времени Н. было предложено войти в организацию «Северного соц.-демократ. Союза», деятельное участие в котором принимали В. А. Носков и его товарищи. Не отказываясь от этого, Н. приступил к созданию новой организации в Воронеже в противовес существующей «экономистской» организации Ю. П. Махновец. Это удалось сделать вместе с высланным в Воронеж поляком И. Э. Росоловским, поднадзорным, высланным за перевозку нелегальной литературы через границу. Организация получила название «Кассы борьбы», примкнула к «Искре» и, утвердившаяся комитетом в 1904 г. (после раскола она примкнула к большевикам), в 1905 г. имела своим представителем на третьем съезде П. П. Румянцева.

В 1904 г. Н. удалось получить заграничный паспорт и уехать за границу, получив рекомендацию от покойного ныне Любича (Саммера) и звавшуюся Землячки.

В октябре 1904 г. в Женеве Н. встретил впервые с Владимиром Ильичем и Н. К. Крупской (а также познакомился с П. Н. Лепешинским, его женой Ольгой Борисовной, В. В. Воровским, В. Д. Бонд-Бруевичем и многими другими большевиками из женевской колонии). Владимир Ильич произвел неизгладимое впечатление. Это была новая полуса жизни: ни Плеханов, ни Мартов, ни Засулич не произвели такого сильного впечатления. Владимир Ильич дал совет не задерживаться за границей и двинуться поскорее обратно в Россию на работу. В Россию Н. попал вскоре после 9 января в Петербург, исполнив предварительно

несколько поручений Н. К. Крупской, окрестившей Н. «Спицей» Из Петербурга Ц. К. большевиков отправил Н. в Орел и Брянск, в Екатеринослав и Ростов с докладом о положении дел в партии и с агитацией за третий съезд. По выполнении этих поручений Н. отправился на нелегальную работу в Ярославль, где Н. и пробыл до лета (здесь встретился с Менжинским, Н. Н. Плаксыным, Н. И. Подвойским, Н. А. Подвойской и другими товарищами). Летом уехал в Ростов на Дону, а в сентябре уехал вместе с И. Я. Жилиным в Москву, где и пробыл в течение всего времени вплоть до окончания октябрьской забастовки, когда вызванный в Воронеж был избран на Таммерфорскую конференцию делегатом от Воронежа. С конца 1905 г. весь 1906 г., 1907 г. и начало 1908 г., живя нелегально, работал в Петербурге за Московской и Невской Заставой: был членом П. К. членом исполнительного комиссии П. К., делегатом от Воронежа на объединительном съезде, за это время сидел в тюрьме в Воронеже, два раза попадал в лапы полиции в Петербурге и благополучно ускользал из ее рук и, наконец, в начале 1908 г. был арестован и просидел до суда в конце 1909 г. Судился военным судом по делу военной организации П. К. и был оправдан в числе пяти человек (Б. В. Авилов, Песковой и др.).

В 1910 г. жил некоторое время в Ростове на Дону и в сентябре переехал в Харьков, где удалось, хотя и без свидетельства о благонадежности, получить диплом об окончании университета, даже остаться при университете и в то же время работать в подполье. В течение 1910 и 1912 гг. был арестован дважды, принимал участие в выборной кампании в Г. Думу (проводил М. К. Мурачова), пока, наконец, в 1913 г. не был арестован и выслан в Полтаву. Находясь здесь, узнал, что предстоит высылка в Сибирь; при помощи жены, организовавшей буквально накануне высылки побег, бежал. (Еще раньше во время ареста в Воронеже, высланный в Елец, получил ссылку в Вологодскую губернию, также при помощи жены бежал и уехал в Петербург).

Прожив там некоторое время, в конце 1913 г. попал снова в Воронеж, где снова был арестован по указанию члена Думы Малиновского, донесшего, что в 1912 г. Н. был кооптирован в Ц. К. партии. В 1914 г. с наступлением войны жандармы предложили выехать из Воронежа и указали на Пермскую губ., куда и пришлось отправиться. Из Перми, где вскоре удалось нащупать нелегальную организацию, пришлось переехать в Екатеринбу-

бург. Здесь произошел разгром организации, но и здесь удалось завязать связи с работающими товарищами (покойный А. А. Кузьмин в Лысьеве и др.). Революция 1917 г. в феврале застала в Екатеринбурге. После выборов в Советы (Сосновский, Лепя и др.) был вызван П. К. (б) в марте в Петербург, где создал вместе с Подвойским и другими военную организацию, подготовлял июльское выступление, участвовал в Октябрьском перевороте (был членом Военно-Революционного комитета), был народным комиссаром путей сообщения (до марта 1919 г.), членом президиума ВЦИК (с марта 1919 и 1920 г.), ректором Свердловского университета заведующим Отделом по работе в деревне при Ц. К., членом всевозможных коллегий и комиссий (Нар. комис. земледелия, Госиздата Центрархива и т. д.). В течение всего пребывания в рядах партии с 1897 г. никогда не был экономистом, с 1903 г. (после второго съезда) примкнул к большевикам, никогда не уходил из партии, был профессионалом, все время работал в подполье (за исключением времени сиденья в тюрьме), сидел в тюрьме, был судим, высылаем (но бежал и до ссылки не доходил), перенес множество обысков и арестов устроил в 1903 г. нелегальную типографию (она потом перешла к воронежскому комитету), много писал в нелегальной (до 1917 г.) и в легальной прессе (заметки в «Пролет.» и «Вперед» 1905 г., в «Эхо», «Волне», «Правде» 1912 г. и т. п.), в общем же нес всегда работу рядового работника и, как лучшие минуты своей жизни, вспоминает жизнь по фальшивкам, вироголоды, но с верой и энтузиазмом.

Из литературных работ и исследований известны: 1. «Южнорусский рабочий Союз в г. Николаеве в 1897 году» (1922 г.). 2. «Харьковское дело Ювеналия Мельникова и других» («От группы Благоева к «Союзу Борьбы», 1921 г.). 3. «Рабочее движение в Харькове в 1912 г.» (две работы в т. II сб. «Из эпохи «Звезды» и «Правды»). 4. «Очерки по истории ЮКП (б)» т. I изд. «Прибой», 1924 г. 5. «Материалы для биографич. словаря с.-д., вступ. в движение за период 1885—1895 г.г.». 6. Исследование о массовом рабочем движении в 1905 г., о «Южно русском Союзе» Заславского и т. д., и т. п.

Организовал и был редактором «Солдатской Правды», «Деревенской Бедноты» и «Солдата» в 1917 г., организовал и был редакт. «Красной Летописи», редакт. «Истор. революц. сборники» и т. д. Написал много популярных брошюр и листовок, статей в журналах и т. п.

Ногин, Виктор Павлович (литературн. псевдоним—М. Новоселов), род. в 1878 г. в Москве, в небогатой семье приказчика крупных мануфактурных фирм. В 1892 г. Н. окончил город училище в уездн. городе Калязине Тверск. губ. В следующем году отец отдает его в конторские мальчики на Богородско-Глуховскую мануфактуру. Пробыв некоторое время в конторе, Н. переходит в красильню на должность подмастерья. В 1896 г. Н. уезжает в Петербург и поступает в красильню на фабрику Паля, а затем, после столкновения с директором фабрики, требовавшим открытия секрета некоторых красок, переходит на Невский механический завод, бывш. Семьянникова. Работая на фабрике, Н. сперва посещает воскресную школу, а через некоторое время входит в кружок, руководимый с-д., студентом В. Забрезиневым. Так Н. втягивается в революционную работу и становится марксистом. Уже в 1897—98 г. Н. принимает участие в организации забастовок на петербургских заводах и подвергается первому аресту. С этого времени начинается непрерывная цепь высылков, побегов, арестов, сидений по тюрьмам, путешествий за границу и возвратов вновь на революционную работу в Россию. „Макар видал виды“, пишет про него Муралов („Старый большевик В. П. Ногин“, стр. 29): „Как-то, вспоминая прошлое, он подсчитал количество тюрем, известных ему по личному сидению в них. Таких тюрем он насчитал 50“. Скитаясь по тюрьмам и местам ссылки, Н. все время занимается своим самообразованием и самоучкой выходит на литературную дорожку. Во время первой эмиграции, в 1900—01 гг., Н. примыкает к „искровскому“ течению в партии, а со второго партийного съезда в 1903 г. становится большевиком. Слежка, аресты и партийная работа заставляют Н. перекочевывать с места на место: он работает в Полтаве, в Лондоне, в Москве, в Петербурге, в Екатеринославе, в Ростове, снова в Москве, в Ростове, в Женеве, снова в Петербурге, в Баку, в Москве, в Лондоне, в Петербурге, в Москве, в Париже, в Туле, в Якутске, в Саратове и, наконец опять в Москве. То он организует крупные стачки, стараясь связать их с политической агитацией; то собирает рассыпавшиеся партийные ячейки; то едет за границу на партийный съезд; то принимает участие в создании легальных рабочих организаций; то, наконец, входит в революционный комитет, организующий восстание (1905 и 1917 гг.). „В. П. прошел все ступени партийной и рево-

люционной работы“, пишет о нем А. И. Рыков, — „он был и пропагандистом, и литератором, и организатором, и неоднократно избирался членом ЦК партии. Начиная с X съезда партии, он был обязательным членом и главой ревизионной комиссии партии“ (Ibid, 13). Для партийной линии Н. характерно стремление стягивать воедино все, что, по его мнению, может быть полезным для дела. В 1906—07 г. он выступает горячим защитником легальных рабочих организаций; в 1911 г. он становится на сторону „примиренческого“ направления в партии, считавшего нецелесообразным разрыв с меньшевиками-„партийцами“; в 1917 г. он выходит из Совнаркома и ЦК партии, отстаивая необходимость образования „социалистического правительства из всех советских партий“. Однако, несмотря на временные отклонения, Н. неизменно вновь возвращается в основное русло большевизма. Так, уже в ноябре 1917 г. Н. избирается на должность областного комиссара труда Московским советом профсоюзов, а в апреле 1918 г. назначается замест. нар. комиссара труда. В дальнейшем он последовательно занимает посты: члена президиума ВСНХ, члена президиума Центротекстиля, председателя главного правления текстильных предприятий, председателя Всероссийского союза рабочей кооперации, члена делегации для переговоров с Англией в 1920 г., члена Международного бюро Профинтерна, члена Туркомиссии ВЦИК, председателя Главного хлопкового комитета и председателя правления Всероссийского текстильного синдиката. Литературная деятельность Н. началась в 1898 г., когда им была написана брошюра „Фабрика Паля“; в дальнейшем он принимает участие в „Искре“ и других газетах и журналах, издаваемых партией в России и за границей; им написано несколько работ о взаимоотношении партии с профессиональными союзами и кооперацией; см. также книгу „На полюсе холода“, 1915 г., сборники: „Под старым знаменем“ и „Прилив“. Ум. Н. в мае 1924 г. (о Н. см. „Старый большевик В. П. Н.“ изд. Рабоч. Москва, 1924 г.; Н. Нелидов „В. П. Н.“, Госизлат, М.).

Ольминский (Александров), Михаил Степанович (прозвено М. С. Ольминским), род. в Воронеже в 1863 г. в многодетной семье мелкого чиновника из дворян. Отец О. был большим человеком и никогда в жизни не получал больше 40 р. в месяц, хотя имел гимназическое образование. Мать О. — дочь „профессора семинарии“, урожденная Чехова. Детство

О. провел частью в Воронеже, частью в Бирюче (ныне Буденный). Учился грамоте сперва у пропившегося дьячка, затем — у отца, у старшего брата. Учиться О. не любил, не любил дружить с барскими детьми и пользовался у взрослых репутацией „скверного и непослушного мальчишки“, платя им за это скрытностью. Научившись читать, зачитывался Майн-Ридом, Жюль-Верном и Купером. Любил Пушкина и Гоголя, а позже особенно Некрасова. Рано узнал о существовании подпольной литературы, вытаскивая случайно из дивана „какие-то маленькие книжечки“, засунутые туда, по видимому, студентами, бывавшими в доме Ольминских: мать О. увлекалась одно время переплетной артелью. Девяти лет О. был отдан в гимназию, где держался особняком и старался тратить минимум времени на приготовление уроков. С пятого класса О. начинает увлекаться мыслями о революции; под впечатлением выстрела Соловьева в Александра II, он покупает револьвер, — научиться заранее стрелять, чтобы не промахнуться. В это время его исключают из Воронежской гимназии; пятый и шестой классы он проходит в Петербурге; кончает, однако, снова в Воронеже. В мае 1883 г., накануне окончания гимназии, О. пришлось впервые познакомиться с жандармами (в связи с участием его в двух кружках), однако, он не был арестован за отсутствием улик. И он поступил в петербургский университет. В это время он стал уже сознательным народовольцем и занимался пропагандой среди рабочих. В декабре 1885 г. был арестован по воронежским делам 1883 г. Арест сблизил О. с семьею: отец с гордостью говорил об аресте сына, заявляя, что в России все крупные деятели проходили в молодости через тюрьму. Из Петербурга О. был переведен в Воронеж, где просидел 4½ месяца. В 1887 — 1889 гг. О. отбывает воинскую повинность. В 1894 г. подвергается второму аресту по делу группы народовольцев в Петербурге. За арестом следует длительное тюремное заключение (до осени 1898 г.) и затем ссылка в г. Олекминск Якутской области. В ссылку О. едет уже социал-демократом. Здесь, в Олекминске, началась литературная деятельность О. О литературе О. мечтал еще с гимназических лет. Пытался дважды поместить написанное в газете, но получал отказы и надолго разочаровался в своих литературных способностях. В тюрьме О. снова берется за перо. В это время он обратил внимание на то, что даже такие таланты, как Пушкин, Лер-

монтов и Щедрин, долго и упорно работали над своим слогом. Это заставляет его впервые начать работу над внешней стороной своего стиля. Прибыв в ссылку в Олекминск, О. под видом частного письма отправляет корреспонденту редактору „Восточного Обозрения“. Напечатание корреспонденции окрылило литературные мечты О., и с этого времени он выходит на более широкую литературную дорогу.

По окончании ссылки О. пробыл несколько месяцев в России; обехав Нижний Новгород, Феодосию и Симферополь, Воронеж, Харьков и Тверь, в феврале 1904 г. отправился за границу разбираться в партийных разногласиях. За границей О. быстро примкнул к большевикам и был задержан Лениным для литературной работы. Писал под псевдонимом „Галерка“. В газете „Вперед“ был одним из членов редакции; фактически — и в „Пролетарии“. В конце 1905 г. О. возвращается в Петербург и отдается редакторской работе: сначала в „Новой Жизни“, затем в „Вестнике Жизни“, в „Нашей Мысли“, в „Волне“, в нелегальной „Казарме“ и в партийном издательстве „Вперед“. Для заработка сотрудничает в толстых журналах: в „Образовании“ и в „Современном Мире“. „Образование“ вскоре, однако, закрывается, а из „Современного Мира“ О. уходит сам после напечатания в нем „Королевского парка“ Куприна и „Купли“ Винниченки. В результате О. приходится уехать на заработки в Баку, где он поступает на городскую службу, принимая в то же время участие в работе большевистской организации и входя в правление профсоюза конторщиков. В 1909 г. О. вновь возвращается в Петербург и поступает на службу в статистическое отделение петербургской городской управы. В это время им написана книга: „Государство, бюрократизм и абсолютизм в истории России“. Со второй половины 1911 г. О. принимает близкое участие в газетах „Звезда“ и „Правда“ и в журнале „Просвещение“, организуя „стариков“ (Флорова и др.) для содействия этим изданиям. В 1914 г. О. лишается службы вследствие неутверждения его градоначальником и уезжает в Саратов. Входит там членом в общество „Мачк“ и работает в „Нашей Газете“ и в сборнике „Под старым знаменем“. В августе 1916 г. О. переехал в Москву, где редактировал „Голос печатного труда“ (орган профсоюза печатников), был членом московского бюро Ц.К. партии и принимал близкое участие в составлении сборника „Прилив“. В дни Февральской револю-

ции О. ведал вместе с Ореховым распределением партийных работников в М.К., затем был вызван в редакцию петербургской „Правды“. В марте 1917 г. О. вновь возвращается в Москву. В Москве О. работает в качестве члена М.К. и одного из редакторов „Социал-Демократа“ и избирается (от большевиков) в районную думу, в совет районных дум и в Учредительное Собрание. Приняв активное участие в Октябрьской революции, О. в декабре назначается членом коллегии Наркомфина. Болезнь отрывает О. в это время от серьезной работы. Пробыв еще некоторое время в редакции „Правды“, О. назначается в 1920 г. председателем комиссии по истории партии при Наркомпросе и затем заведующим Истпаротделом ЦКВКП, где он и работает до конца 1924 г. Более подробный биографический материал — см. статью „Давние связи“ в сборн. „От группы Благаева к союзу борьбы“; ст. „Группа народолюбцев“ в „Былом“ 1906 г. № 11; „Москва в октябре“, изд. „Моск. Рабочий“; ст. „Как я стал литератором“ в книге О. „По вопросам литературы“ и книгу „3 года в одиночной тюрьме“.

Орахелашвили, Мамия Димитриевич (*авторизов. биография*), род. в 1883 г. в бедной крестьянской семье (шоропанского у., бывш. Кутаисской губ. в Грузии). Кончил кутаисск. классич. гимназию, поступил на медицинский факультет харьковск. университета, откуда в 1903 г. перевелся в Петерб. Военно-Медиц. Академию. Был предан военному суду за участие в беспорядках в студенческих лагерях под г. Ярославлем. Участник революционных событий 1905 г. в Петербурге. Летом 1906 г. выехал за границу (Париж, Женева), по возвращении был арестован и через год судим в тифлисской Судебной палате по делу „Авларской подземной типографии“ партии с.-д. большевиков. В партии большевиков состоит с 1903 г., работал, гл. обр., в Петербурге и Закавказье. В империалистическую войну в качестве военного врача побывал почти на всех фронтах. После Февральской революции вел революционную работу на Сев. Кавказе (председ. владикавказского комитета с.-д. р. партии (б), председ. владикавк. совета раб. и солд. депутатов). В начале 1918 г. перешел на работу в Закавказье (Тифлис, Батум, Кутаис) в „демократической“ меньшевистской Грузии просидел в тюрьме 18 месяцев и был освобожден лишь в силу мирного договора Сов. России с меньшевистским правительством Грузии (май 1920 г.). Но вскоре пришлось вновь уйти в подполье

для партийно-революционной работы в качестве председателя Ц. К. компартии Грузии и члена кавказского бюро ЦК РКП (б). С переходом власти в руки большевиков (февраль 1921 г.) О. ставится партией на пост председателя Ревкома Советской Грузии.

С тех пор последовательно занимает ряд высших ответственных партийно-советских постов: председателя Совнаркома, ответственного секретаря ЦК компартии Грузии, секретаря Закавказского краевого комитета РКП (б). При образовании Закавказской Социалистической Советской Федеративной Республики (декабрь 1922 г.) О. был избран закавказским съездом Советов председателем Совета Нар. Ком. ЗСФСР. Переизбирался на последующих съездах (1924 и 1925 гг.). В 1923—25 гг. — зам. пред. СНК СССР.

Одновременно состоит членом президиумов ЦККП Грузии и Закавказского краевого комитета ВКП (б). С 12-го съезда ВКП (б) — кандидат в члены ЦК ВКП (б), с октября 1926 г. переведен в члены ЦК (взамен умершего Ф. Дзержинского). Редактор краевой партийно-советской газеты „Заря Востока“. (Ср. „Изв.“, № 31, 7/II, 1924 г.).

Орджоникидзе, Григорий (Серго) Константинович (*автографованная биография*), род. в 1886 г. в западной Грузии в сел. Гореша шоропанского уезда в семье мелкого дворянина. Первоначальное образование получил в харагаульском 2-классном училище, после чего поступил в тифлисскую фельдшерскую школу при Михайловской больнице, которую и окончил в 1905 г. В 1903 г. О. вступил в РСДРП и до переименования состоял все время во фракции большевиков. По окончании школы некоторое время работал в западной Грузии в качестве пропагандиста-агитатора. Осенью 1905 г. в Гудауте (Абхазия) он принимает самое активное участие в партийной и революционной работе.

24 декабря 1905 г. О. был арестован недалеко от Гудауты в сел. Бомбары вместе с другими товарищами во время выгрузки оружия, привезенного им и другими товарищами из Гагр. Просидел в Сухумской тюрьме до конца апреля месяца, где ему было предъявлено обвинение по 126 ст., часть 2 я. Из тюрьмы был выпущен под залог, после чего на короткое время уехал в Германию, откуда вернувшись в начале 1907 г. в гор. Баку, ведет партийную работу, будучи одновременно фельдшером на промыслах Шамси Асадуллаева в Романах.

В день 1 мая 1907 г. О. был арестован на первомайской демонстрации

на горе „Стенька Разин“ и просидел в бакинской тюрьме под фамилией Кучишвили 26 дней. По освобождении продолжает работу там же. В это время здесь работают: Сталин, С. Шаумян, А. Джапаридзе, Спандарян, Мдивани и др. В октябре месяце того же года вновь был арестован и за принадлежность к бакинской организации РСДРП (больш.) по 102 ст. был присужден к ссылке на поселение после чего был отправлен в Сухум по делу 1905 г., где был приговорен к 1½ годам крепости.

В 1909 г. весной был отправлен в ссылку в Приангарский край в дер. Патаскуя пичукской волости Енисейской губ. После двухмесячного пребывания в ссылке вернулся в Баку; уехал в Персию, где в это время продолжалась персидская революция, в которой О. принял участие. Из Персии у О. была не прерывная связь с большевистской группой Парижа. Ведя переписку через Надежду Константиновну Крупскую, получая наши заграничные издания и создавая группы содействия в гг. Эзели и Реште, в конце 1910 г. выезжает в Париж.

По приезде он начал работать в парижской группе большевиков-ленинцев. Летом 1911 г. он некоторое время пробыл в партийной школе под Парижем, организованной Лениным. После раскола в заграничном бюро и создания заграничной организационной комиссии по созыву партийной конференции, он был командирован организационной комиссией, вместе с Рыковым, Шварцем, Бреславом, в Россию для работы по организации русской Оргкомиссии.

После объезда ряда городов на севере, юге и Закавказья, к концу лета или начале осени ему, совместно с посланными товарищами, удалось создать Оргкомиссию по созыву Всероссийской партийной конференции. Первое заседание этой комиссии имело место в Баку, куда прибыли представители Урала (С. Шварц), Киева, Екатеринослава. Московские и питерские делегаты были арестованы по дороге в Баку. После первого заседания комиссии в Баку она переехала в Тифлис из-за провала в Баку и здесь закончила свою работу. После проведения выборов на конференцию, он выезжает в Париж, а оттуда в Прагу к месту заседания конференции. На конференции О. был выбран в ЦК партии. По окончании ее он немедленно вернулся в Россию для организации русского бюро ЦК и поехал в Вологду к находившемуся тогда там в ссылке Сталину. Сталин был выбран членом ЦК на парижской конфе-

ренции и членом русского бюро. Оттуда О. и Сталин уехали на Кавказ.

Вместе со Сталиным О. вернулся в Петербург, где и был арестован в апреле 1912 г. под фамилией Гусейнов. Петроградская охранка скоро выясняет личность О., и он предается суду за побег из ссылки. Просидев 6 месяцев в предварилке, он был присужден к 3-м годам каторги, которую отбыл в Шлиссельбурге.

Осенью 1915 г. был выслан в Сибирь в Александровскую пересылку, и просидев до весны 1916 г., был отправлен в Якутск. До Февральской революции жил в селе Покровском под Якутском, служа фельдшером при лечебнице. Вместе с Губельманом (Ярославский), Кирсановой, Петровским Г. И. и другими товарищами продолжает вести работу. После Февральской революции вместе с упомянутыми и другими товарищами вел работу по организации революционной власти в Якутске и был членом Исполкомитета. В мае месяце с первым же пароходом он вместе с другими товарищами уехал из Якутска и в июне месяце прибыл в Петроград.

Здесь, по предложению Ленина, был введен в петроградский комитет и исполнительную комиссию ПК. Работал в Петрограде до начала осени со Сталиным и др. Осенью на некоторое время уехал на Кавказ, откуда вернулся в Петроград 24-го октября. После Октябрьского переворота петроградским комитетом он вместе с Мануильским был командирован в наши действующие части против Керенского под с. Пулково. Затем был назначен чрезвычайным комиссаром Украины, юга России и Северного Кавказа.

В эпоху гражданской войны он все время был на фронтах — сначала под Царицыным, затем на Северном Кавказе. После разгрома северо-кавказской армии и отхода ее частей на Астрахань, О. вместе с Назаретяном А., Ф. Махарадзе и группой горцев, Калмыковым Б. и Аркановым во главе удалились в горы Ингушетии, откуда весной 1919 г. через Кавказский хребет О. пробирается нелегально в меньшевистскую Грузию, а оттуда в Баку и на рыбацкой туркменской лодке вместе с Камо. Варо Джапаридзе и др. отправляется в Астрахань, куда и прибыл через 13 суток скитаний по морю. По прибытии в Астрахань он оттуда выехал в Москву.

Из Москвы О. был отправлен на западный фронт к Сталину, тогда члену Ревсовета западного фронта. О. назначается членом РВС XII армии, где он

работает до мамонтовского прорыва южного фронта. В это время он вместе с латышской дивизией перебрасывается на южный фронт и назначается членом РВС XIV армии После занятия Харькова его перебрасывают на кавказский фронт членом РВС Кавфронта и председателем кавказского Ревкома. Здесь он работает с Кировым, Мдивани, Стопани, Тухачевским и др. Вместе с Кировым и др. товарищами на рассвете 1-го мая вступает в Баку, а затем в 1920—21 г. является одним из активных участников в установлении советской власти в Армении и Грузии.

В настоящее время О. состоит предс. ЦКК., Нарком. РКИ, зам. предс. Совнарк. СССР и зам. предс. СТО. С X съезда партии состоит членом ЦК Всесоюзной коммунист. партии большевиков; ответственный секретарь закавказьевого комитета ВКП(б); член РВС Союза и ККА; член ЦИК'а СССР; член зак. ЦИК'а; член ЦИК'а Грузии и целого ряда советск. и профес. организаций *Бомбин.*

Н. Осинский (Оболенский), Валериан Валерианович (*автобиография*), родился 25 марта (6 апреля) 1887 г. в с. Быках льговского у. Курской губ., где отец мой служил управляющим конного завода Малютина. Отец был сыном мелкого помещика Орловской губ., по смерти своей оставившего детей без средств к жизни. Княжеского титула, часто и неосновательно мне приписываемого, отец также не имел и жизнь свою должен был пачать за свой страх и риск, перебиваясь уроками еще в гимназии и частью голодая. Так же, как и его братья, отец все же выбился в люди, кончил ветеринарный институт, стал работать по своей специальности и впоследствии стал известным знатоком своего дела (ветеринария и коннозаводство), а также автором нескольких специальных книг. Другие братья его стали — врачом, учителем и т. д., а старший брат (Л. Е. Оболенский) довольно известным в свое время писателем-народником, основателем журнала „Русское Богатство“; он был второстепенным участником карачаевского процесса.

Моя мать была дочерью военного инженера Петриченко, сына военнопоселенца из Чугуева. Дед мой учился в школе кантонистов и благодаря выдающимся способностям и большой силе характера из „простого звания“ выбился в военные инженеры, что при старом режиме сделать было не так-то легко.

Отец мой был человеком радикальных убеждений и высокой культуры.

Еще когда он был человеком очень малого достатка, он усиленно заботился о том, чтобы дать детям наилучшее образование, нанимая нам учителям для обучения иностранным языкам. По-немецки и по-французски я говорю с детства. Поощрял он детей и к чтению Белинского и Добролюбова, не говоря уже о классиках-беллетристах, я мальчиком читал по его совету. На выборах в Думы отец голосовал за наиболее левый из подавленных списков и, между прочим, подавал голос и за большевистский список (И. И. Скворцов), когда таковой был в Москве выставлен.

Учился я в 7-й московской гимназии, куда поступил в 1897 г. Уже с четвертого класса гимназии я попал в кружок, занимавшийся сперва чтением беллетристики и литературно-критических сочинений, а также издававший гимназический журнал. Этот журнал дал мне и однокласснику моему, В. М. Смирнову (член президиума Госплана), отличную писательскую тренировку. В восьмом классе гимназии он превратился даже в еженедельную гимназическую газету, издаваемую на гектографе. В нашем деле вращались также и радикальные студенты, товарищи моего двоюродного брата. ныне профессора метеорологии, В. Н. Оболенского. Хорошо помню, как двоюродного брата обыскивали и арестовали во время студенческих беспорядков (кажется, 1902 г.), как его затем высылали со всеми его товарищами. С такого же типа студентами (однако, с определением партийной, с.-д. окраской) сталкивался я и в доме одноклассника моего и члена нашего кружка, Дм. Лебедева; здесь я познакомился с П. М. Лебедевым (Керженцевым).

Кружок наш эволюционировал к марксизму довольно медленно, но радикально-политического и материалистического направления был почти с самого начала. Лет четырнадцати, вероятно, написал я первую свою статью о религии и этике, где дал утилитарное обоснование этики, которое — как я с большим удовольствием констатировал через год — совпало с построением Спенсера в Основаниях этики“. В 1903 или 1904 г. появились на нашем горизонте „Монистический взгляд“ Бельтова и „Коммунистический манифест“, которые, однако, прямого и непосредственного переворота в наших взглядах еще не произвели.

К зиме 1904—1905 гг. в нашей умственной жизни определенно стали перевешивать интересы политические. В это время мы уже имели связи с другими гимназическими кружками в Москве,

ходили на дискуссионные собрания гимназистов в особняк Морозовой, читали нелегальную литературу и пр. Зимой 1904—1905 гг. мы и свою работу в гимназии повернули в политическое русло, стали издавать ежедневную газету, устраивали в гимназии (где господствовал либеральный режим) рефераты и дискуссии на смежные с политикой темы и в то же время решили окончательно политически самоопределиться.

Для этого (что весьма характерно в смысле *теоретического* уклона нашего духовного развития) мы решили совместно проработать под руководством П. М. Лебедева историю революционного движения в России. Мне достался на долю реферат о декабристах. Засев на три месяца в Румянцевскую библиотеку, я прочел все, что можно было достать по этому вопросу (до сих пор я еще очень хорошо знаю этот эпизод нашего революционного движения) и представил свой реферат. Мне всегда было свойственно усиленное сопротивление всему „модному“, воспринимаемому интеллигенцией в порядке „психической заразы“. Тогда мне казался „модным“ течением стихийно распространявшийся среди интеллигенции марксизм (для интеллигенции, для части моих же товарищей, он и оказался только модой). Я усиленно старался поэтому дать декабристскому движению *не* марксистское объяснение. Это объяснение стало в противоречие мною же разработанным фактам, оно сбивалось в бессодержательно либеральную колею. Не большого труда стоило Лебедеву-Керженцеву при явном сочувствии моих сотоварищей разбить меня на голову. Добросовестно поразмыслив над причинами своего „поражения“, я пришел к убеждению, что шел по неверному пути и что старик Маркс, видимо, совершенно прав. Революция 1905 г. давала тому много и еще более осязательных доказательств.

Осенью 1905 г. (время моего поступления в университет) я уже вступил вместе с большей частью моих одноклассников в студенческий с.-д. клуб и под руководством В. И. Яхонтова работал в кружке высшего типа, бегал в то же время на сходки, демонстрации и пр. В декабре 1905 г., во время восстания, опять вместе с моими однокашниками выступал в качестве летучего репортера „Известий Московского Совета Рабочих Депутатов“.

По окончании восстания я выехал за границу и год пробыл в Германии, занимаясь политической экономией в Мюнхене и Берлине, а также усиленно читая

работы Плеханова и Ленина. Осенью 1906 г. я вернулся в Россию, где тотчас же вместе со своими приятелями взялся за довершение своего политического образования. Мы прочли совместно первый том „Капитала“, „К критике политической экономии“, „Нищету философии“ и ряд других книг, в том числе и ряд работ критиков марксизма из буржуазного и анархистского лагеря. Осенью 1907 г. мы сочли себя вполне готовыми к тому, чтобы быть сознательными членами партии (мы так ставили себе этот вопрос), решили определенно проблему своей фракционной принадлежности и всей группой в шесть человек вступили в замоскворецкую районную организацию РСДРП (б). Из этих шести человек четыре поныне являются членами ВКП (пишущий эти строки, В. М. Смирнов, Д. П. Боголепов, В. М. Фирсов).

Зима 1907—1908 гг. была последней после 1905 г. зимой, когда в Москве существовала массовая нелегальная организация и велась большая агитационно-пропагандистская работа. В нашем районе одно время велось целых двадцать пять пропагандистских кружков. Мы выпускали листовки даже и на отдельных заводах (заводские организации очень любили выпустить *свою* листовку, и помню, как энергичный Блохин заставлял писать меня такие для Густава Листа, где было более сотни организованных членов партии), собирали собрания, массовки и пр.

Уже в следующую зиму все это изменилось вследствие наступления реакции. Мне, правда, уже не пришлось работать в эту зиму полным ходом. Летом 1908 г. я тяжело заболел брюшным тифом, года на полтора совсем ослабел физически, с полгода почти перестали работать глаза, и только с весны 1909 г. смог я начать вести кружок высшего типа на Пречистенских курсах (из лучших моих учеников предшествующей зимы — Андреева, Блохина, Анфирова, Поли и др.). Здесь я столкнулся впервые с Бухариным, который явился проконтролировать мое ведение кружка по поручению М. К. С этим кружком продолжал я работать и следующую зиму, когда московская организация все более слабела под ударами охранки. Я поближе познакомился в университете с Бухариным, и мы вместе организовали первую (после годов упадка) большую студенческую сходку — протест против речи Пуришкевича в Думе.

Осенью 1910 г. наш контакт с Бухариным, выпущенным под залог из тюрьмы, окреп. Мы провели сходку протеста

против выступления проф. Евг. Трубечкого (вместе с Овсянниковым и Членовым), а затем стали усиленно раскачивать студенческое движение к моменту смерти Льва Толстого. В это время появилась в Москве группа во главе с Варв. Ник. и Ник. Ник. Яковлевыми, стремившаяся восстановить московскую нелегальную организацию. Не успели мы с Д. П. Боголеповым установить с ней контакт и предоставить ей квартиру (квартиру Боголепова, где жил и я), как эта группа была арестована, кажется на первом же собрании. Был арестован и Бухарин. Я же уцелел вплоть до наибольшего обострения студенческого движения, начавшейся забастовки и арестов. От последних я пытался укрыться, поехав на время в Киев. По возвращении оттуда я, однако, был немедленно арестован и водворен в Сушевский полицейский дом, где в скорости зажил душа в душу в одной камере с Н. Бухариным.

Я забыл отметить в предшествующем: 1) что в разногласиях, возникших вокруг вопроса об участии в Гос. Думе, я был „отзовистом“ (отсюда идут корни последующего моего „левого коммунизма“), 2) что тем не менее я никогда не был богдановцем или эмпирикритиком какой-либо разновидности, но всегда был последовательным сторонником диалектического материализма и 3) что зимой 1908—1909 и 1909—1910 гг. я много читал (а частью и мне читали, вследствие болезни глаз). Я не только прочел II и III том „Капитала“, но прочел (опять с группой друзей) работы экономистов-классиков и ряд работ буржуазных экономистов. Вместе с Смирновым, Членовым и Бухариным я выступал на университетских семинариях, защищая марксистскую точку зрения в политической экономике против ее критиков.

Отсидка моя закончилась высылкой „с пунктами“. Среди последних не числилась Тверь, куда я отбыл с Ек. Мих. Смирновой, моей женой. Здесь мы бедствовали первый год весьма усиленно, второй год — в ослабленном масштабе. Постепенно завязались связи с местной публикой, не говоря уже о других высланных. На второй год вместе с под'емом рабочего движения повсеместно — и в Твери пошли стачки, начались массовки, кружки и пр. В Твери я, между прочим, попал под жандармское расследование (но без последствий) из-за кружка учащихся, только что пытавшегося организоваться. Там же я пробовал превратить в рабочую газету неопределенно-либеральную местную газету „Тверской

Вестник“ и добился введения в ней рабочей хроники и сильного ее полевения; на этой стадии газета и была закрыта. Из Твери же начал я посылать первые статьи в партийную прессу: сперва в „Звезду“ (пара статей за подписью В. Коларович), затем в „Правду“ и „Провещение“ (за подписью Н. Осинский). Разумеется, и в Твери я много читал (перечитывал III том „Капитала“) и работал над книгой о русской каменноугольной промышленности, которая издана не была, хотя и была позже закончена. В Твери я получил первое письмо от В. И. Ленина, которое доставило мне большую радость.

Весной 1913 г. срок мой кончился. Одновременно кончился срок Н. Н. Яковлева, отбывавшего высылку за границей (медельтейщиком в Ганновере). Он вернулся с поручением от Ц. К. поставить в Москве ежедневную газету. Он предлагал мне взяться за литературную сторону дела, оставляя себе секретарско-организационную. У нас был заключен характерный договор: мне не встречаться с Малиновским (участие которого в организационной работе было неизбежно) до самого пуска в ход газеты. Мы еще в 1911 г. подозревали его в провокации и поэтому держали передовика под прикрытием, во избежание провала.

В августе 1913 г. мы выпустили первый номер „Нашего Пути“. Об истории этой газеты я писал не раз. В ней работали непосредственно Н. Яковлев, Н. Осинский, В. Максимовский, А. Усагин, В. Лобова, Л. Суница, В. И. Соловьев, М. Булах и др. Нам удалось выпустить шестнадцать номеров, после чего мы все и еще двести человек были арестованы. Часть из нас поехала в места не столь отдаленные, другие (в том числе и я) получили высылку „с пунктами“.

На этот раз я (вместе с Максимовским, Булахом, Усагиным) отправился в Харьков, где первоначально мы попали под жесточайший жандармский надзор, мешавший заниматься какой-либо активной работой. Мы не смогли поэтому примкнуть к А. Бубнову, Ю. Шиллерту с женой и М. Розенштейну, ею занимавшимся. Тем не менее, осенью 1914 г. всех нас „замели“ вслед за названными товарищами. Разница получилась та, что их выслали, нас же к новому году выпустили на свободу. В результате, немало осматрившись, я вновь пошел по греховной стезе политики и, установив связи через Базанова и его жену с вновь скопившимися в Харькове большевиками, в следующий сезон (зима 1915—1916 г.г.) уже читал рефераты в пар-

тийном кружке, писал резолюции и листовки для нашей партийной организации. Самому защищать таковые резолюции на собраниях было для меня невозможно.

За это же время я читал по с.-х. статистике и хлебной торговле и выпустил в издании Харьковского общества сельского хозяйства (где имел платную работу) монографии — „Урожай хлебов на юге России“ и „Хлебные фрахты на Черноморско-Азовском побережье“. Вместе со старым большевиком (ныне по недоразумению в партии не числящимся) проф. И. А. Трахтейбергом вел кампанию по завоеванию харьковской газеты „Утро“ для превращения ее в легальный антиоборонческий орган (в этом нас поддерживали и левые эсэры—Карелин и Алгасов-Трипольский. Кончилось это тем же, что и в Твери: полевешая газета окончила свое существование за недостатком средств.

Осенью 1916 г. я поехал в Крым лечиться от начавшегося туберкулеза и здесь был мобилизован на военную службу, попав в писаря, а затем в зауряд-военные чиновники. Я странствовал по призывам и разным военным учреждениям до января 1917 г. Февральская революция застала меня в Каменец-Подольске, в интенданстве армий юго-западного фронта. Оттуда, кажется, уже через месяц, я под предлогом командировки уехал в Москву, где начал работать в „Социал-Демократе“ и в московской областной организации (был на ее весенней конференции).

Скоро меня хватились в Каменце, и, чтобы не попасть в дезертиры и не дать лишнего повода для травли большевиков, я вернулся в свое интенданство. Я участвовал вместе с Крыленко и Розмирович в фронтовом съезде, на который непосредственно попал. Затем мне удалось попасть в Киев (откомандировались в Земсоюз), и тут опять усиленно занялся работой в „Голосе с.-д.“, на митингах, партсобраниях и пр. Тут я впервые познакомился с Ю. Пятаковым и рядом других товарищей. Я пробыл здесь до июльских дней, когда московские товарищи перевели меня в Москву. Я вошел в редакцию „С.-Д.“. С Н. Бухарным и В. Смирновым мы провели печатную кампанию в корниловские дни. Мы ездили на партийный съезд в Питер. Мы вели работу по разработке партипрограммы, агитировали на митингах, выступали на съездах, конференциях фабзавкомов, в муниципальных органах и пр., словом, делали не мало работы. В партийной среде мы быстро сориентировались на вооруженное восстание

и вели за него усиленную агитацию, при значительном сопротивлении большей части старшего поколения московских работников.

Раздосадованный этим, как мне казалось, „саботажем“ вооруженного восстания, я в 20-х числах октября выехал в Харьков—город, где совет уже взял фактически власть в свои руки и где, казалось мне, должен был быть создан барьер против Каледина. Не успел я приехать туда, как в Москве фактически началось вооруженное восстание. Несколькими днями проработав в Харькове, я отправился обратно, но прибыл в тот самый день, когда пушки перестали уже стрелять.

Ревком посадил меня, как экономиста и бывшего „интенданта“, продовольствовать воинские части. На этой работе, однако, я также просидел лишь пару дней: из Питера приехал Бубнов набирать людей в Питер на смену товарищам, ушедшим из Ц. К. и с ответственных постов. Решено было ехать мне и Смирнову. Прибыв в Питер, мы, по указанию Ленина, занялись подготовкой к созданию В. С. Н. Х., вступив в контакт с бюро фабзавкомов (Скрипник, Чубарь, Амосов и др.), а затем быстро были переброшены в Госбанк, куда я был назначен управляющим, а прибывший из Киева Ю. Пятаков—заместителем (Смирнов скоро уехал в Москву). Мы сломали стачку в банке и пустили его в ход на новых началах. Вслед за разрешением банковского кризиса (он имел тогда очень важное значение—не платит банк, все может остановиться) я перешел в только что сформировавшийся В. С. Н. Х. первым его председателем.

В феврале 1918 г. я выехал в Харьков—проводить национализацию донецких копей и участвовать в учредительном съезде областного С. Н. Х. Когда в начале марта я вернулся в Питер, в полном разгаре была дискуссия между партийным центром и „левыми коммунистами“. Я был в числе последних, был главным автором их платформы, напечатанной в журнале „Коммунист“ и занимал наиболее „левую“ позицию. Ленин заслуженно высмеял меня тогда за мою идею „полевой революции“. Вместе с другими левыми коммунистами, удивившими с ответственных постов, я в марте 1918 г. покинул место председателя В. С. Н. Х.

Затем я работал последовательно: в отделе металла В. С. Н. Х., в редакции „Правды“ (летом—осенью 1918 г.), в отделе советской пропаганды ВЦИК (после

отъезда Радека в Германию), выступал с докладом по международному положению на первом съезде Коминтерна и пр.

Весной 1919 г. я был отправлен уполномоченным ВЦИК сперва в Пензенскую, а затем в Тульскую губернию. Эти поездки принесли мне огромную пользу. Я увидел революцию в ее конкретных проявлениях и в самых глухих местах; я ознакомился с практикой нашего хозяйственного и государственного строительства; я заинтересовался вопросами нашего сельского хозяйства. Политически это привело меня к участию в т. н. «группе демократического централизма», борющейся на партийных съездах за расширение прав местных органов и за развитие внутривластной демократии.

Поздней осенью 1919 г. я из Тулы был переброшен в Вятку на продовольственную работу, которой заинтересовался еще в Туле. В начале 1920 г. я вернулся в Тулу, где пробыл председателем Губисполкома до августа месяца. В августе я перешел в Наркомпрод членом коллегии, продолжая по поручению продовольственного ведомства разъезжать по провинции и организовывать взаимные разверстки.

Мне становилось все более ясным, что наше сельское хозяйство под влиянием системы разверстки переживает серьезный кризис и что нужны какие-то кардинальные меры для борьбы с этим кризисом. В ряде статей я выдвинул систему государственного регулирования крестьянского хозяйства, как единственный возможный выход в пределах военного коммунизма. Ленин весьма заинтересовался моими соображениями. Он подержал и практические выводы из них (попытку поставить земледелие в плановое русло), энергично возражая, однако, против элементов принудительности в этих выводах. В конечном счете это последовательное социально-политическое построение было им использовано в другом смысле: оно дало материал для выявления необходимости *вообще оставить систему военного коммунизма.*

В январе 1921 г. я был поставлен во главе Наркомзема, но мне пришлось осуществлять отнюдь не государственное регулирование крестьянского хозяйства, а проводить планомерно организованные кампании за поднятие сельского хозяйства и постепенно подготавливать переход от «ударной» работы к постоянной культурно-органической деятельности.

Я пробыл в НКЗ до 1923 г., когда мне удалось уйти оттуда, чтобы заняться те-

оретической работой, к которой у меня устанавливалась все более непреодолимая тяга. Я получил сперва отпуск на четыре месяца для научных занятий, затем назначение на дипломатическую работу (подпредом в Стокгольм), оставлявшую много свободного времени, затем отпуск для поездки в Америку. Я написал за это время (1923—25 гг.) целый ряд книжек и брошюр по мировому хозяйству пограничному аграрному вопросу и в частности — по американскому сельскому хозяйству. Мне кажется, за это время я вновь расширил свой кругозор и углубил свои воззрения, так же как в 1919—20 гг., только по другим направлениям.

В начале 1926 г. против моего желания и ранее окончания цикла моей работы по иностранному сельскому хозяйству, я был назначен управляющим ЦСУ СССР. Однако, теоретическая экономическая работа попрежнему стоит в центре моего внимания.

Работы (книжки и брошюры): «Морские хлебные фрахты (Черноморско-Азовское побережье)», Харьков, 1914; «Урожай хлебов в Южной России», 1915; «Строительство социализма», 1918; «Государственное регулирование крестьянского хозяйства», Москва, 1920; «Мировое хозяйство в сценке наших экономистов», Петр., 1923; «Мировой сельскохозяйственный кризис», М., 1923; «Мир все хозяйство и кризисы», М., 1924; «Очерки мирового сельскохозяйственного рынка», М., 1925; «Американское сельское хозяйство по новейшим исследованиям», М., 1925; «По сельскохозяйственной штатам Сев. Америки», М., 1926; «Мои лжеучения о Соед. Штатах Сев. Америки», М., 1926.

Павлович (Мих. Павлович)—Вельтман (Волонтер), Михаил Лазаревич (*автобиография*). Я родился в 1871 г. в еврейской семье. Отец мой был служащим в хлебной конторе и был человеком «умственным», любившим в свободное время читать книги. Знал хорошо еврейскую литературу и читал произведения русских классиков. Мать в молодые годы училась в пансионе, говорила по-французски и немецки и читала «Что делать» Чернышевского; однако, скудный заработок отца и большая семья (12 душ детей, из которых остались в живых до сих пор семь моих братьев и две сестры) заставили мать отдать ее исключительно хозяйственным обязанностям. Мать сама подготовила меня к экзамену в гимназию. Умерла мать в период гражданской войны, когда Одесса находилась в руках белогвардейцев. Отрезанная от своих сыновей, мать психически заболела, воображая, что все сыновья ее убиты белогвардейцами и изрезаны на куски. Все время искала она останки своих детей.

Одесса в период моего детства была оживленным торговым городом; в порту

стояли десятки английских, итальянских, греческих, турецких судов. Одесситы гордились своим городом и считали своєю Одессу европейским городом. Однако, может-быть, не было другого города в России в котором было бы столько контрастов, сколько их было в Одессе. С одной стороны, кипучая торговая жизнь, большие иностранные пароходы, вечное движение, неумолчный шум и говор на улицах, с другой стороны, в двадцать минут ходьбы от центральных улиц, в нынешнем парке, на берегу моря расстиралась необозримая первобытная степь, покрытая высокой травой, в которой скрывались табуны лошадей, попадались змеи и т. д. С одной стороны, в порту на пароходах и парусных судах мы видели вежливых иностранных капитанов, которые охотно пускали детей входить на суда и рассматривать последние, с другой стороны, одесский градоначальник, контр-адмирал Зеленой, полусумасшедший человек, разгуливал по улицам Одессы, ругая по-матушке прогнивших его чем-либо обывателей, городских и т. д.

Кроме Зеленого, другими знаменитыми лицами в Одессе были отцы города — Маразли, городской голова, члены думы Анатра, Родоконаки и др. Происхождение богатства всех этих капиталистов было описано в запрещенном авантюрном романе „Одесские катакомбы“, который произвел на меня сильнейшее впечатление и был первой книгой, заставившей меня задуматься над вопросом о ненормальностях существующего строя.

Когда мне было девять лет, родители по моему настоянию решили отдать меня в гимназию в отличие от других братьев, которые учились в ремесленной школе. Отец мой был противником гимназии и стоял за ремесленное образование. Так как в это время была введена десятипроцентная норма для евреев и в гимназию легче всего попадали дети богатей, мне не удалось попасть в одесскую гимназию, и родители решили отправить меня в Елисаветград, где проживал мой дядя, бывший учителем в еврейской школе, писавший, что я, благодаря его связям, сумею поступить в елисаветградскую гимназию, если сдать хорошо экзамены. В Елисаветграде я поступил в гимназию.

Занимался я удовлетворительно, но все свободное время дома, а порой украдкой на уроках в гимназии тратил на чтение Майн Рида, Жюль Верна, Густава Эмара, любимых книг юношества той эпохи. Я пробыл в елисаветградской

гимназии два года и затем по ходатайству владельца хлебной конторы, в которой служил мой отец меня приняли в 3й класс одесской гимназии. Таким образом, я снова очутился в родной семье. В одесской гимназии на меня сразу повеяло новым духом. Некоторые гимназисты скоро сообщили мне что в пятом классе имеется один гимназист, который прочел всего Михайловского, а о другом гимназисте шестого класса рассказывали по секрету, что он читает знаменитую книгу „Капитал“ Маркса и знает ее наизусть. Я постарался познакомиться с этими великими людьми, и они дали мне список книг для чтения: Оммулевского „Шаг за шагом“, Герцена „Кто виноват“, а из более серьезных книг Писарева, Добролюбова, Бокля, Дрепера и т. д. В 3м классе мы имели уже тайный кружок для самообразования и собирались для совместного чтения. Я был очень честолюбивым мальчиком и мечтал о том, чтобы стать великим писателем, ибо ученические работы (переложения) мне очень удавались, а одна работа, заданная учителем, описание какого-нибудь путешествия, была даже напечатана в виде рассказа в одном иллюстрированном детском журнале. Но благодаря своеобразному характеру Одессы, обилию здесь силачей биндюжников, кулачным боям, поножовщине и т. д. мои честолюбивые мечты шли в различных направлениях: мне хотелось быть силачем, первоклассным борцом. Я брал уроки гимнастики и борьбы в чешской гимнастической школе, впоследствии закрытой по предписанию градоначальника, посещал цирк и принимал участие во всех кулачных боях между группами гимназистов. Среди одесских революционеров были также некоторые знаменитости, славившиеся большой силой. Так, большой популярностью в этом отношении пользовался Давид Гольдендах (Д. Рязанов), и мне трудно сказать, что тогда больше привлекало меня к нему: его ли большая физическая сила или его феноменальная начитанность и революционность, о которой много рассказывали. Между тем в гимназии развивались события. Получив распоряжение произвести чистку в старших классах гимназии, наш директор уволил человек тридцать за „малоуспешность“, „плохое поведение“ и т. д., и за эту расправу один из учеников старшего класса, первый ученик, бывший на блестящем счету у начальства, дал пощечину директору. После этого директор был переведен в какую-то провинциальную гимназию. Новым

директором был назначен Стефани, человек добрый по натуре, но, однако, не знавший как совместить свою доброту с соображениями карьеры. В 4-м классе я принял уже участие в первом в моей жизни революционном выступлении. В это время в Одессу приехал знаменитый министр народного просвещения Делянов, друг Победоносцева, игравший громадную роль в качестве одного из вдохновителей реакционной политики Александра III. Некоторые гимназисты старших классов одесских учебных заведений решили подать Делянову заявление с характеристикой порядков, господствующих в гимназиях и с требованием большей свободы и т. д. Один из учеников старшего класса предложил мне принять участие в этой сходке. Я был очень польщен, что ко мне, ученику IV класса, проявляется такое доверие. На сходке за городом принимало участие около 70 человек. Произносились горячие речи, выработана была программа требований, и решено было в случае отказа на наши требования объявить гимназическую забастовку, действовать как будущие студенты, а не как „приготовишки“, позаявлению одного оратора. С необычайным энтузиазмом разошлись мы по домам. На следующий день во время урока латинского языка открылась дверь, и помощник классного наставника объявил: „Вельтман, пожалуйста в кабинет к директору“. С бющим сердцем, при изумленных взглядах всего класса и самого учителя латинского языка пошел я в кабинет. Директор сразу сказал мне: „Вы были вчера на преступной сходке?“ Когда я стал отрицать, он перебил меня: „Не отрицайте, вы падаете в пропасть, моя обязанность даже против воли вашей спасти вас. Как вы решились на такой безумный шаг? Знаете ли вы, что английский мичистр лорд Салисбюри из ненависти к России сеет все икне интриги в нашей стране, чтобы подорвать нашу силу и захватить Константинополь. И вы бесознательно становитесь агентом коварных англичан, которые начинают свои козни уже среди гимназистов 4 го класса“. Директор еще несколько минут говорил на эту тему. Я ожидал страшного для меня исключения из гимназии или очень строго наказания, но директор неожиданно закончил: „Идите в класс и никому не смейте заикнуться о моем разговоре и зачем я вызвал“. До меня директор вызвал еще нескольких участников сходки и всем устроил головомойку. Скоро обнаружилось, как директор раскрыл вероломные англий-

ские планы и положил на обе лопатки Салисбюри. Дело в том, что на сходке участвовал сын самого директора и под строгим секретом рассказал в тот же вечер об этом событии своей сестре. Та сообщила отцу. Директор узнал у сына фамилии всех учеников III гимназии, участников сходки, обещав никого не наказывать. Само собой разумеется, что не в интересах директора было раздувать всю эту историю. наоборот, надо было ее замять всеми силами, чтобы грозный министр не узнал о ней. Как бы то ни было, когда инициаторы выступления узнали о том, что имена всех участников сходки из III гимназии известны, решено было отказаться от проекта.

Скоро в стенах гимназии случилось новое событие, которое всполошило всех учеников. Один из учеников 6 го класса, видный участник пресловутой сходки, знаменитый знаток Михайловского, на уроке греческого языка послал записку другому ученику, где было написано следующее: „Герой романа Шпильгагена „Один в поле не воин“— Лео—это Лассаль“. Учитель греческого языка перехватил записку. Был созван педагогический совет, и любитель романов Шпильгагена, знавший такие запрещенные имена, как Лассаль, был исключен из гимназии без права поступления в учебные заведения. Из гимназии исключали за чтение Писарева, Добролюбова, Чернышевского, Белинского и т. д. Исключали и за книгу Бокля „История цивилизации“, ибо Бокль, этот богобоязненный англичанин, осмеливался тем не менее доказывать, будто история народов обуславливается их географической средой. При чем же здесь было божеское благоволение, попечение монархов и т. д. Ясно, что книга Бокля была вредной, безбожной книгой. Все эти бессмысленные придирки только усиливали наше оппозиционное настроение и решимость бороться с режимом мракобесия и насилия. У нас создался гимназический кружок, в который из старших учеников входили Цыпирович, Нахамкис (Стеклов), Илья Шиф, временно скончавшийся в позапрошлом году, и другие; был и младший гимназический кружок. Из учеников других гимназий был особенно близок к нам Сергей Волошкевич.

В 7-м классе я начал работу вне заведения. Мне был поручен кружок из 8 девиц (в том числе две сестры Рязанова), с которыми читал Писарева, Чернышевского, Добролюбова и т. д. До окончания гимназии я успел прошту-

дировать „Капитал“ Маркса, „Наши разногласия“ Плеханова и был убежденным марксистом и социал-демократом. Читал много по истории России, поли истической экономики, народному хозяйству Большой подмогой для нас всех служил ходивший по рукам под строгим секретом каталог, составленный Рязановым, где раздeldывался Туган-Барановский и прочие оппортунисты и катедер-социалисты.

По окончании гимназии я сделал вид, будто хочу поступить на юридический факультет и подал соответствующее заявление. Но будучи принят, я не посещал факультета и затем заявил ректору свою просьбу уволить меня, так как не имею средств платить за праволение и должен зарабатывать себе хлеб на существование. На самом деле я просто не хотел набивать себе голову университетскими глупостями и решил идти по другому пути. Подал же прошение для отвода глаз, чтобы не бросалось в глаза жандармам. Скоро приступил я к пропаганде в рабочей среде. Я уходил за город, шел по линии железной дороги и вступал в разговоры с одиночками рабочими, говорил о правительстве буржуазии и т. д. Помню, что в подавляющем большинстве случаев мои собеседники соглашались со всем, что я говорил о капиталистах, министрах, отсутствии народных школ, о политике и т. д., но как только я начинал намекать на царя, меня переставали понимать. Иногда после долгой беседы собеседник, вздыхая, вдруг говорил: „Эх, если бы можно было дойти до царя и ему все рассказать. Досталось бы всем этим министрам и околоточным“. Скоро мне дали одного рабочего Николая, к которому я стал ездить на квартиру. Через его посредство я познакомился еще с четырьмя рабочими, к каждому из них я ездил отдельно. Чтобы попасть к Николаю пришлось менять трех-четыре извозчика с целью замести следы.

1892 г. я был арестован (дело Цыперовича) и заключен в одесскую тюрьму. Здесь по этому же делу сидели Калашников, штурман дальнего плавания, рабочие Гедрашко, Ошманец, Дериглазов, Сэнжур, Пименов, Соифер. Яковлев, Артемов, из товарищей по гимназии—Сергей Волошкевич, Иосиф Шиф, Бетя Шиф, Давид Гринцер и т. д. В нелегальной литературе это дело охарактеризовано как „первый большой социал-демократический процесс в России“. После 14-го годичного тюремного заключения я был сослан в Сибирь, в город Верхоянск Якутской области на пять лет. В ту пору

сибирская дорога не была еще сооружена, и мы шли пешком, этапным порядком, в течение нескольких месяцев. В Верхоянске я встретился с Мих. Брусневым, осужденным к 4 годам тюрьмы и 10 годам ссылки за социал-демократическую пропаганду (группа Бруснева), с Басовым (Верхоянцевым, автором сказки „Конек-скакунок“), Лядовым (ныне ректором Свердловского университета), Брониславом Веселовским, одним из основателей польской соц.-демократической партии, сосланным в Верхоянск в 1897 г. и расстрелянным в 1919 г. в делегации „Красного Креста“ в Полше, Марианом Абрамовичем (п. п. с.), скончавшимся в 1925 г. в Варшаве, вполне примиренным с польской шляхтой, Владимиром Галкиным, в то время еще сторонником Народной Воли, но скоро по возвращении в Россию ставшим деятельным с.-д. большевиком (скон. в 1925 г.), далее Яном Питкевичем (п. п. с.), Самуилом Рабиновичем (из народовольцев) и др. Можно себе представить, ареной каких горячих споров была наша маленькая колония, сколько в ней было групп. Имея много свободного времени, многие из нас чуть ли не каждый день целые часы проводили в горячих спорах о русской общине, судьбах капитализма, о книгах В. Б., Николай—она, Струве, Бельтова и т. д. Мы очень много читали, обдумывали свои мысли и каждый раз начинали спор с новыми аргументами и новыми данными. В Верхоянске этом полжсе холода, где мы пились исключительно мерзлым хлебом и мясом, которые приходилось оттаивать, я, сверх ожидания, замечательно поправил свое здоровье, не мало расстроенное тюремной и ужасным этапным путем и по окончании срока ссылки вернулся в Россию уже по железной дороге бодрым и жаждущим деятельности.

Не имея права проживания в университетских городах, я выбрал город Кишинев. Но мне хотелось подольше остаться в Одессе. Я пробыл в Одессе около трех недель, однако был арестован и водворен в Кишинев. Кишинев был в этот момент (1899—1901 г.г.) оживленным революционным пунктом на юге России. Здесь уже находились Давид Гольдендах (Рязанов), Мойсей Ханжи (анархист), Быховский (с.-р.), две сестры Корнблом (с.-д.), Боград, расстрелянный чехо-ловаками в Красноярске, Басовский (с.-д.), Роза Гальберштадт (с.-д.), Илья и Бетя Шиф, прибывшие со мной из ссылки, Александр Квятковский (с.-д.), Квита (большевик, погибший неизвестно где), Годлевский и Елена Годлевская и многие

другие. Среди местной интеллигенции было не мало элементов, сочувствовавших ссыльным и оказывавших последним всяческое содействие. Особенно выделялись д-р Дорошевский, его жена Теофилия Дорошевская, дочь предводителя дворянства Екатерина Кристи и другие. Естественно, что при наличии такого числа ссыльных и благодаря наличности благоприятных условий в Кишиневе закипела работа. Но здесь не бездействовали и черносотенцы, сгруппировавшиеся вокруг пресловутого Крушевана.

В это время в области внешней политики самым крупным событием была англо-бурская война. Я очень внимательно следил за этой войной и доказывал, что она явится началом новых событий во внешней международной политике, которые окажут громадное влияние на внутреннее положение во всех государствах. Так как в Кишиневе много лиц из окружающей нас среды интересовалось этой войной, решено было устроить мой доклад, чтобы собрать деньги на наши цели. Доклад пришлось повторить три раза. Конечно, устраивать его приходилось секретно. Надо заметить, что многие товарищи в то время очень мало интересовались внешней политикой, полагая, что все, что лежит вне области непосредственной классовой борьбы и борьбы с царизмом, не представляет особого значения. Однако, по окончании первого доклада ко мне подошел один из товарищей и, пожав поощрительно мне руку, сказал: „Ничего, и это пригодится“. Все эти вопросы тоже не мешают изучать“. Доклад мой я выпустил в свет в 1901 г.: „Что доказала англо-бурская война. Регулярная армия и милиция в современной обстановке“ (Одесса). Конечно, по условиям цензуры пришлось многое опустить. Основная идея брошюры заключалась в доказательстве позиционного характера будущей войны и в подчеркивании превосходства милиции над регулярной армией.

Из Кишинева я отправился в Париж, который в это время являлся одним из важнейших центров нашей революционной эмиграции. Русский Париж представлял в эти годы клокоущий котел. Все русские студенты и студентки считали себя социалистами, посещали все собрания, принимали участие в демонстрациях и манифестациях французских рабочих. Русские революционные организации вели здесь деятельную работу: собирали деньги, организовывали кружки из молодежи и выбирали подходящих лиц для работы в России. На митинги, доклады, лекции в зале ресторана Ave-

nu du Choisy собиралось по 800—1000 человек.

За границей я сотрудничал в „Искре“, причем писал исключительно на темы о необходимости вооруженного восстания, тактике уличного боя и т. п. В 1905 г. я приехал в Петербург и здесь работал исключительно в военных организациях, ведя пропаганду в Преображенском и Семеновском полках, среди гарнизона Петропавловской крепости. Практически работал с большевиками, мало вникая в партийные разногласия и интересуясь, главным образом, агитацией и пропагандой в войсках, с целью подготовки вооруженного восстания, вопроса тактики уличного боя и т. п. Когда вспыхнуло восстание в Москве, мы изыскивали пути поднять движение в Петербурге. В марте 1906 г. я вместе с Антоновым (Овсеевко) был командирован в качестве представителя петербургского гарнизона в Москву на военную конференцию, где и был арестован 27 марта 1906 г. вместе с Ем. Ярославским, Саммером, Бруком, капитаном Клоповым и др. Просидев в Таганке 6 месяцев, я был выпущен на поруки. В 1907 г. я вернулся в Петербург и здесь снова стал заниматься работой в военных организациях, сотрудничал в нелегальной газете „Казарма“. Будучи арестован в октябре того же года и заключен в Кресты, я впоследствии скрылся в Финляндию, а оттуда бежал за границу и поселился в Париже. Русский Париж был уже не тот, что до 1905 г. Студенты и студентки отошли от революционного движения и зачитывались „Саниным“ Арцыбашева. В январе 1910 г. я принимал участие в пленарных заседаниях Ц. К. Р. С. Д. Р. П., происходивших в Париже, там был избран членом комитета общепартийной школы пропагандистов, входя в него, как представитель меньшевиков. В 1911 г. читал лекции по национальному вопросу в партийной школе в Болонье (где читали Богданов, Луначарский и др.). При расколе в партии я остался с меньшевиками. Партийными разногласиями, к сожалению, не интересовался, не читал ничего, кроме имеющего непосредственное отношение к международной политике и к Востоку. Находясь в Париже, посещал всех восточных революционеров: младотурок, персидских конституционалистов, индусских эмигрантов, китайских офицеров и т. д. У меня на квартире постоянно собирались индусские, персидские, китайские революционеры, с которыми мы обсуждали планы революционной рабо-

ты. Я сопровождал персидских революционеров — д-ра Абдулла-Мирзу и рабочего Раим-Заде во время их поездки по Европе, редактировал прокламации для персидских, китайских, индусских революционеров и сотрудничал в их журналах и газетах. Эта интенсивная работа в восточном национально-революционном движении, которому я придавал огромное значение, захватила меня целиком. Я сотрудничал в „Голосе Социал-Демократа“, где писал по вопросам международной и, главным образом, восточной политики и где я опубликовал секретные письма Ляхова, переведенные скоро на все европейские языки и наделавшие много шума в европейской прессе. Накануне мировой войны по уговору с Чичеринным я отправился в Марсель и здесь вместе с Гиком принимал участие в организации Марсельской конференции моряков Центрального Всероссийского Союза судовых команд русского торгового и военного флота. Во время мировой войны сотрудничал с момента основания в парижском „Нашем Слове“, где писал и Троцкий, Антонов Овсенко, Лозовский и другие интернационалисты, начавшие борьбу против Плеханова, Каутского и проч. социал-патриотов. После Февральской революции я был назначен одним из членов „тройки“ (Агафонов, Покровский) для ознакомления со всеми документами, захваченными в „черном кабинете“ русского посольства в Париже. На основании изучения этих документов нам удалось обнаружить 60 провокаторов, имена которых и были опубликованы в русской прессе. Затем на собрании представителей всех зарубежных организаций я был избран генеральным секретарем организации по отправке в Россию всех политических эмигрантов. Закончив отправку почти всех наиболее энергичных и видных работников, я и Покровский с последней партии эмигрантов отправились на судах „Царица“ и „Двинск“ в Россию. Получить эти суда было очень не легко. Вся политика Керенского-Терещенки была направлена к тому, чтобы не дать возможности по итическим эмигрантам, находившимся во Франции, Англии и т. д., вернуться в Россию.

По прибытии в Петербург я подал в военное министерство докладную записку, подписанную, кроме того, делегатами из Англии и Швейцарии, Бердниковым и Абрамовичем. В этой записке указывалось, что порядок, установленный циркуляром за № 630 и дополнениями к нему, поставил политическую эми-

грацию в крайне тяжелое положение. Докладная записка подчеркивала, что контрразведочный отдел генерального штаба, прикрываясь интересами обороны и защиты России от германского нашествия, фактически сводил политические счета с несимпатичными ему революционными элементами.

На другой день после Октябрьской революции я был приглашен работать в только что образованном Наркоминделе. Работа в блиндированных комнатах Наркоминдела над документами бывшего министерства иностранных дел продолжалась до начала Брестской конференции, куда я был командирован в качестве эксперта. После работы на Брестской конференции я вернулся в Петроград, и здесь на меня была возложена задача взять руководство строительным делом в РСФСР. Таким образом, был создан главный комитет государственных сооружений, председателем коего я оставался до моей мобилизации на фронт в момент продвижения Деникина. В этом комитете были разработаны и частично начаты осуществлением проекты Свирстроя, Волховстроя, Волго-Донского канала. Это была эпоха Sturm und Drang периода нашего строительства, прерванная гражданской войной. На фронте был назначен на пост особо уполномоченного по строительным работам на южном фронте.

С фронта был командирован в Москву. Прибыв в Москву, я явился на заседание ответственных коммунистов в Леонтьевском переулке (сент. 1919) и здесь был контужен осколками бомбы и помещен в санаторию „Габай“. После отражения наступления Деникина я был прикомандирован к штабу Сталина (южфронта) и затем был командирован Серебряковым для вручения знамен от красного Питера 13-й армии и 14-й армии, отличившимся при защите подступов к Москве. Я посетил армию командарма Ан. Геккера, латышскую дивизию Калнина и затем совершил от Харькова путь вместе с отрядом червонных казаков под командой Богинского и комиссара Колесова, пока нагнал у Перекопа в самый разгар боев 8-ую червонную дивизию Примакова, которого в это время заменял Трутовский. По поводу моей деятельности на фронте интересно следующее остроумное замечание Ленина, которое привожу, так как оно приложимо и ко многим другим, подобным мне, товарищам. Когда я однажды вернулся с фронта и неожиданно на сезде попался на глаза Ленину в военной шинели, с ремнями

через плечо и с большим наганом у пояса, Ленин, остановив меня и расспросив о дивизии Примакова, похвалил меня и сказал, прищурив хитро один глаз и улыбаясь: „Скажите, т. Павлович, до чего довела нас Антанта, если даже вас посадила на лошадь“.

Выполнив все возложенные на меня поручения, я снова вернулся в штаб Сталина (в Харьков) и скоро был назначен замнаркомпросом Украины (наркомом был Гринько).

Затем я был вызван в Москву для работы по подготовке съезда народов Востока в Баку; принял участие в этом съезде и был оставлен в Баку для руководства вместе с Стасовой советом действия и пропаганды народов Востока. В октябре 1920 г., во время восстания, организованного Нажмудином Гоцинским в Дагестане, я отправился в горы вместе с Каркмасовым, председателем Дагревкома, членом Реввоенсовета Оружонкиндзе, командиром Геккером и др. Вызванный затем в Москву, я был назначен членом коллегии Наркомнаца (1921—1923) и председателем Научной Ассоциации Востоковедения. В настоящее время, кроме последней обязанности, выполняю также обязанности ректора Института Востоковедения и председателя Союзной восточной торговой палаты. Кроме того, состою профессором Военной академии. Несу партийные обязанности лектора, агитатора, выполняю литературные задания.

Наиболее крупными работами моими являются: „Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего“, „Борьба за Азию и Африку“, „Мировая война 1914—1918 гг и будущие войны“, „Империализм“ (курс лекций, читанных в академии), „Французский империализм“, „Русско-японская война“ и др. В настоящее время Гиз печатает собрание моих сочинений. Основная идея, которую я проводил в своих работах еще до мировой войны, заключается в подчеркивании роли тяжелой индустрии во внутренней экономике и внешней политике империалистических государств. На вопрос: противоречит ли этот взгляд теории Ленина отвечаю: ни сколько. Раз империализм есть монополистический капитализм, естественно, что металлургическая промышленность, как наиболее монополистическая по своему характеру, как ранее других созревающая к картеллированию, к организации в форме национальных и интернациональных трестов, синдикатов, концернов, является царицей современной капиталистической промышленности, гегемоном в современной индустрии.

Из моих работ, описывающих события, участником которых я был, укажу: „На высотах красного Дагестана“ (из истории контрреволюции на Кавказе, путевые наброски), „взрыв в Леонтьевском пер. 25 сентября 1919 г.“, „К истории возникновения Академии“, в сборн. „Военная академия за пять лет“ (М 1923 г.).

Пестновский, Станислав Станиславович (автобиография). Родился я в средней помещичьей семье в Польше, в имении Келчиглов Калишской губ. 3 декабря 1882 г. До десятилетнего возраста я провел мое детство почти безвыездно в этом имении. Уже с 4-летнего возраста меня обучали грамоте, а затем языкам (французскому и немецкому), географии и истории. Последняя была всегда и осталась до сих пор моим любимым предметом. Это, отчасти, объясняется моей заинтересованностью в истории Польши, заинтересованностью, возбужденной во мне моими родителями, горячими польскими патриотами.

В десять лет я поступил в классическую гимназию в Лодзи. Прямо из тихой деревенской обстановки я попал в шумный промышленный город. Здесь я подвергся сразу разным влияниям, имевшим большое значение для моей судьбы. Классическая казенная гимназия в эпоху „деляновского“ режима имела много общего с царской казармой. Этот казарменный режим уже с низших классов вызывал „бунтарское“ настроение у большинства юношества. Лишь небольшая группа „маменькины сынки“—подчинялась режиму.

Будучи весьма патриотически настроен, я живее, чем многие другие товарищи, чувствовал гнет руссификаторской деятельности гимназии и, будучи весьма крепкого здоровья и горячего темперамента, вскоре стал одним из вожаков бунтарской массы. В лодзинских условиях эта бунтарская школьная масса всегда держала связь с так называемыми элементами, т.-е. детьми рабочих. Я очень скоро приобрел много знакомств в этой последней среде. Большую часть свободного времени я проводил на улице с пролетарской молодежью. Наше времяпрепровождение в этом возрасте (от 10 до 15 лет) сводилось, главным образом, к играм и разным хулиганским выходкам. Тем не менее это время имело для меня большое значение: оно разрушило во мне поклонение „аристократическим принципам“, вынесенное мною из дому, и дало моему „патриотизму“ радикальное демократическое направление.

Приблизительно с 15-летию возраста я начинаю принимать участие в тайных патриотических кружках польской молодежи. В то же самое время у меня развивается склонность к чтению более серьезных книг. Из общеизвестных книг, имевших самое большое влияние на образование моего мировоззрения, выделяю: 1) „Историю цивилизации“, Бокля, 2) „Историю отношений между верой и разумом“, В. Дрэпера. До тех пор, пока познакомился с этими книгами, я был верующим католиком. После прочтения их ударился в атеизм. Тогда-то я стал тяготиться патриотическими „обществами“. В этих обществах господствовал клерикально-консервативный дух, развиваемый партией „национальных демократов“ (тогда Длювшаго), руководившей националистическим движением польской молодежи. В 1900 г. в 6-й класс нашей гимназии поступил Зигмунд Дроздович, тесно связанный с П. П. С. Это был очень способный юноша, романтично-социалистического направления. Он начал в нашей среде социал-патриотическую агитацию и вскоре организовал „союз польской социалистической молодежи“. Я стал активным членом этого союза, т. е. стал работать фактически под руководством П. П. С. Но вскоре П. П. С. перестала меня удовлетворять. Дело в том, что с того времени, как я стал „критически-мыслящим“ юношей, я больше всего тяготился показной сентиментальностью и мешаниной мысли польского общества, польской интеллигенции и примкнул к социализму потому, что он мне обещал разрыв с „обществом“, а П. П. С. пыталась установить мост между пролетариатом и „обществом“. Поэтому я весьма скоро стал разочаровываться в социал-патриотизме.

Весной 1902 г., будучи еще связан с П. П. С., я основал первый мой рабочий кружок из моих личных знакомых рабочих большой текстильной фабрики Бенниха в Лодзи. Вскоре после этого я вошел в контакт с польскими социал-демократами. Здесь самое большее влияние оказал на меня Иосиф Биренцвейг (умерший впоследствии во время заключения в Варшавской цитадели в 1904 г.). С тех пор я стал социал-демократом.

Для моего марксистского развития сильное влияние имели статьи Розы Люксембург, где блестяще критиковался польский социал-патриотизм. В начале 1904 г. я был арестован в первый раз по делу лодзинской организации С. Д. П. и Л. и заключен в Варшавскую

цитадель. Во время заключения я прочел несколько научных книг, в том числе политическую экономию А. Богданова и Железнова, которые немного укрепили мое мировоззрение. Но самое сильное влияние на мое развитие имела революция 1905—1906 гг. Эта революция в Польше отличалась особым обострением классовой борьбы. Мне пришлось все время в качестве нелегального работать в самой гуще пролетарских масс. Для моего развития сильное влияние имели несколько экономических забастовок, где я был организатором. До октября 1905 г. я был членом лодзинского комитета С. Д. П. и Л., затем членом комитетов Ченстоховского, Варшавского и Домбровского каменноугольных бассейнов. У нас в Польше, вследствие очень малого количества интеллигентов в партии, не был проведен принцип строгого разделения труда, и поэтому мне приходилось работать агитатором, пропагандистом, техником, литератором и даже организатором боевых дружин.

Осенью 1906 г. я был арестован по делу ченстоховского комитета С. Д. П. и Л. и в августе 1907 г. приговорен Варшавским военным окружным судом к 4 годам каторжных работ. Каторжный режим в послереволюционное время отличался особой жестокостью. В большинстве каторжных тюрем, где я отбывал срок, начальство старалось сжить со света политических каторжных. Поэтому очень часто обстановка была такова, что немислимо было работать. Несмотря на то, мне за время моей каторги удалось довольно основательно проработать „Капитал“ Маркса, многие сочинения по политической экономии, философии и довольно основательно познакомиться с историей международного и русского рабочего движения. Наказание я отбывал в Варшавской, Ломжинской, Смоленской и Александровской (в Сибири) каторжных тюрьмах.

Весной 1911 г. я вышел на поселение в Иркутскую губ. в тутурскую волость. Два месяца спустя я бежал отсюда и был арестован в Иркутске. После 6 месяцев тюрьмы был отправлен обратно в тутурскую волость. Летом 1912 г. я был арестован в той же волости карательной экспедицией жанд. ротмистра Соловьевича и водворен опять в Иркутскую тюрьму по обвинению в участии в „сибирской боевой дружине“, анархистского характера организации, с которой я не имел ничего общего. После года заключения был отправлен опять на

поселение в каранчанскую волость киренского уезда.

Осенью 1913 г. совместно с Владиславом Плятком я удрал из ссылки и прибыл за границу. Поселился сперва в Кракове. Здесь встречался иногда с Лениным, Зиновьевым и Каменевым, гл. обр. у Ганецкого. Считая Краков захолустьем, я переехал летом 1914 г. в Бельгию, в Льеж. Здесь меня застала война. В Льеже я был арестован по приказу германского командования, но был временно освобожден под надзор полиции. Воспользовавшись этой передышкой, я в компании нескольких русских и бельгийцев пешком тайком переправился в Голландию, а затем в Лондон. В Лондоне я поступил в университет и занимался в знаменитой библиотеке Британского музея. Но уже в 1915 г. был вынужден искать работы в качестве рабочего, так как Польша была занята немцами, и всякий приток денежных средств из дому прекратился.

Я поступил на работу в качестве помощника электромонтера на лондонские трамваи. Одновременно я поступил в Британскую социалистическую партию, где работал активно, стоя близко к Ц. К., и в тред-юнион торгово-промышленных служащих, где вскоре стал членом районного комитета. Все это дало мне возможность довольно основательно познаться с английским рабочим движением, что, в свою очередь, сильно расширило мой горизонт. В Лондоне я состоял все время членом большевистской секции Р. С. Д. Р. П. совместно с Литвиновым, Клышко, Керженцовым, Гольцманом и мн. др.

В начале 1916 г. образовалась в Лондоне социалистическая международная комиссия для борьбы за право политических эмигрантов. Я был в этой комиссии представителем больш. секции. Эта комиссия, под предлогом борьбы за права политических эмигрантов, вела широкую антимилиитаристскую работу среди английских тред-юнионов и навлекла гнев английской полиции. От ареста спасла нас Февральская революция. В июне 1917 г. я вернулся в Петроград. Стал работать сперва управделом петербургского совета профсоюзов, а затем, с корниловского восстания, членом секретариата центр. ком. партии большевиков под непосредственным руководством покойного Я. М. Свердлова.

24 октября Ф. Держинский от имени петербургского военно-революционного комитета отправил меня брать главный телеграф. Я занял телеграф без выстрела и в течение 10 дней оставался

комиссаром телеграфа. После этого я был назначен, против моей воли, управляющим Гос. банком, но после трех дней отпросился в отставку. Затем до лета 1919 г. работал сперва членом коллегии, а затем заместителем наркома в Нар. Ком. Нац. Эта работа имела для меня большое воспитательное значение. Моим непосредственным руководителем был Сталин. Кроме того, я принимал участие почти в всех заседаниях Совнаркома под председ. Ленина. Если вообще я заслуживаю название „государственного человека“, то этим я обязан, гл. обр., этой совнаркомской школе и руководству Ленина и Сталина.

Летом 1914 г. я был назначен председателем военно-революционного комитета Киргизского края. Летом 1920 г. во время наступления поляков я отпросился на западный фронт, где работал сперва помощником, а затем начальником политического управления фронта. Эту работу на фронте я считаю самой приятной в моей жизни. В 1921 г. я был назначен председателем русско-украинской делегации пограничной комиссии с Польшей. Летом 1922 г. я перешел на партийную работу, в которой пребывал вплоть до моего назначения летом 1924 г. полпредом СССР в Мексике.

Петровский, Григорий Иванович (*автобиография*), родился в 1877 г. в г. Харькове. Дядя и деды мои были крестьяне, занимались сельским хозяйством в селе Печенеги Харьковской губернии. Отец — ремесленник портной, а мать у меня была прачка. От отца остался я трех лет, всех же детей у матери было трое, из коих один только я уцелел. Приблизительно с трех-четырех лет вместо отца у нас был отчим, от которого у матери были трое детей; отчим был человек грубый и зарабатываемые им 50 копеек в день почти всегда пропивал; жили мы чрезвычайно бедно, частенько в это время приходилось питаться одной тюрей. В Харькове два с по овинной года я учился в образцовой школе при семинарии и из-за отсутствия средств, необходимых для платы за право учения, я был исключен. Продолжать учебу путем самообразования и работать, гл. обр., чтобы самостоятельно в дальнейшем бороться за существование, да и найти работу было чрезвычайно трудно, а страшно хотелось обязательно быть слесарем или токарем. „Чтобы сделать паровоз“ Таковы иллюзии детства. Преодолев тяжелые препятствия, мне удалось поступить в слесарню котельную мастерскую, но издевательства и эксплуатация мастера были так гнусны, что только за жалобу на это по начальству я был

выброшен. Года полтора тянулась тяжелая и временная поедишина. А перед семей вновь повторялись периоды полуголодного существования, усилившегося голодными 91 и 92 гг. Это обстоятельство заставило меня покинуть Харьков и ехать к брату, с которым я вел переписку, в Екатеринослав, и в 1902 г. опять-таки с большими затруднениями, через всякие рекомендации и просьбы старшего брата моего, я поступил на Брянский завод. Сначала очень не везло. Я проходил, как полагается, все этапы учебы в кузне, слесарне, на станках, пока, наконец, не попал на токарный станок в инструментальной мастерской мостового цеха и отсюда уже фортуна профессиональной удачи пошла у меня в гору.

В 1897—98 гг. я уже владел токарной профессией зарабатывать до двух с половиной рублей в день, что по тогдашним временам считалось порядочным заработком. Приблизительно в 1895—98 гг. среди рабочих мастерской, где я работал, начинает развиваться критическое отношение к тому тяжелому положению, в котором находилась громадная масса рабочих. Низкая заработная плата, вначале 13-часовой, а потом 11½-часовой день не давали рабочему-семьянину возможности хотя бы безбедно существовать. Страшный произвол монтеров, мастеров, начальников и еще хуже — полици-и, все это вместе взятое не могло не побуждать рабочих к обсуждению тяжелой окружающей обстановки, и то, что было в моей мастерской, было по всему заводу; рабочие группами прячась, а потом и на массовках приводили в систему свои взбодурженные мысли.

В 1896 г. я перехожу на квартиру рабочего Игнатова которого вскоре арестовывают. Мне пришлось помогать не только своей семье, но и семье Игнатова и тут же с непопавшими под арест товарищами Игнатова усваивать первые уроки социалистической учебы в кружках, которые мы на основе только что полученного опыта лучше конспирировали и очень усердно занимались в них. В эти годы молодежи приходилось от 6 часов утра до 6 часов вечера работать; во время завтрака, обеда и др. коротких перерывов мы с жадностью волоков поглощали запрещенные брошюры, а главное, тут же в проходах и око у станков разбирались вопросы организации и критического подхода к только-что усвоенному свежем социалистическому материалу. А параллельно с этим каждодневно приходилось на опыте вести практически классовую

борьбу против слуг капитала и изворачиваться, чтобы не быть пойманным с прокламацией или брошюрой бригадиром, мастером, начальником, сторожем или полицейским шпионом, кругом шнырявших и всегда следивших за нами. Первое социалистическое движение тогда захватило солидных возрастом рабочих, а после первых арестов все больше вовлекалась молодежь, училась организовываться и бороться против капиталистов и фабрикантов. В тот же рабочий день, или скорее рабочие сутки, нужно было на вечерних курсах раза 3 в неделю часа по три заниматься по улучшению технического своего образования.

В 1897 г. в Екатеринослав ссылается группа петербургских рабочих. Из них особенно много проработали в области пропаганды и агитации среди екатеринославских рабочих Бабушкин и Морозов от которых я и получил более правильное и чет-ое понимание учения о социализме и классовой борьбе рабочего класса против капитализма.

В 1898 г. летом вспыхнул бунт на Брянском заводе: рабочие разбили проходные ворота, главную контору, потребилку и избали стороже; это было вызвано непомерным произволом заводской администрации. Бунту этому я очень сочувствовал и немного принимал в нем участие.

В 1899 г. я призываюсь на военную службу, но за слабостью здоровья меня оставляют на поправку. Несколько месяцев после этого я работаю на Харьковском паровозостроительном заводе, но вскоре уезжаю в Николаевск и там с рабочими Сонькиным и теперешним членом коллегии НКВД Коопом, Жмуркиным и др. ведем организацию николаевского комитета РСДРП и рабочих кружков, в которых проходили краткий курс экономической науки Богданова. За участие в забастовках летом в 1900 г. в числе первых трех рабочих меня высылают из Николаева. Я приехал в Екатеринослав, связался с местной социал-демократической организацией, и тогда, приблизительно в средние лета, был арестован и потом просидел около года в одиночке. За этот тюремный год я прочел лучшие тогда марксистские книги, занимался арифметикой, геометрией и немецким языком. После освобождения работать в Екатеринославе полиция мне не дала, и я, проработав два с половиной года в Донецком бассейне на рудниках, был вновь арестован в 1903 г. еще за первое дело и отсидел 6 месяцев. На этот раз мне удалось найти работу в Екатеринославе, и здесь же я переживал

1905 г. Связавшись вскоре с местной социал-демократической организацией, при начавшемся тогда рабочем движении я был избран сначала цеховым депутатом, а потом в екатеринославский совет рабочих депутатов, будучи его секретарем. Когда организовался во время забастовки стачечный боевой комитет, я также был избран членом его и назначен секретарем.

Торжество реакции после 1905 г. заставило меня сначала скрываться, а потом уехать на три месяца за границу, где я работал в Саарбрюкене (Германия). В 1907 г. я поселяюсь в Мариуполе, сначала работаю на Николаевском заводе, а потом на заводе „Провиданс“. Этот период партийной работы проходит мертвым штилем, слабо поддерживается кое-где тлеющей искоркой социалистического движения, изредка встречаются разочарованные обломки разбитого корабля крушения 1905 г.

В 1911 г. наступает оживление, а в 1912 г. меня выбирают рабочие депутатом в IV Государственную Думу, где я вместе с моими товарищами работал до 1914 года ноября м.ц., когда нас арестовали. Сначала наша фракция была в 13 человек, потом от меньшевиков мы, 6 депутатов-рабочих, откопались и стали называться Российской социал-демократической фракцией 4й Думы. Московский депутат Малиновский в нашей фракции оказался провокатором, и нам, 5 рабочим депутатам, пришлось обслуживать за это время почти всю рабочую Россию. От имени фракции я участвовал в нескольких социал-демократических совещаниях за границей, которые проходили под руководством Ленина, на которых вырабатывалась тактика фракции нашей партии в Государственной Думе и выполнение партийной работы по всей России. Арестовали нас депутаты на совещании с рабочими в ноябре 1914 г., где обсуждался вопрос об отношении к войне, но не было еще вынесено окончательное решение, и обвинили в принадлежности к партии с.-д. большевиков. Меня с Камневым, Яковлевым и Ворониным сослали сначала в Туруханск, потом обратно вернули в Енисейск, а через год я был сослан в Якутскую область в Средне-Колымск. До Средне-Колымска я не доехал, а пришлось работать в Якутске; и уже только революция меня освободила. Там же в Якутске меня избрали областным комиссаром, а потом, по приезде сюда в Россию в ноябре 1917 г. был назначен уже комиссаром по внутренним делам РСФСР.

В 1919 г. на Всеукраинском съезде советов меня избирают председателем Всеукраинского центрального исполнительного комитета на каковой работе я нахожусь и до сих пор, совмещая ее с председательством в Союзе ЦИК'а. В то же время я состою членом ЦК ВКП(б).

Подбельский, Бадим Николаевич, род. в 1887 г., сын известного революционера, давшего пощечину министру народного просвещения Сабурову и сосланного за это в Якутск. обл., где он и был убит во время первой якутской бойни. Мать его за участие в вооруж. сопротивлении полиции также была сослана на каторгу. Молодость П. прошла в Сибири среди бывших политических каторжан и ссыльных, и с первых классов гимназии П. становится революционером. В 1904 г. он принимает участие в нелегальн. съезде учащихся в Москве, в 1905 г. — в революционном движении учащихся в Тамбове, затем вступил в ряды соц.-дем. партии, в 1906 г. был арестован и выслан из Тамбовск. губ., а в 1908 г. отправлен в Вологодск. губ. на 3 года. В 1912 г. П. возвращается в Тамбов, редактирует основанную им же газету до 1914 г., когда она была закрыта за антимилиитаристич. агитацию. Агитацию он продолжает и в Москве в Зем. Союзе и столич. прессе, и лишь Февральская революция спасла его от нового ареста. В этой революции ему принадлежит организация первого революционного протеста в Москве (за бастовка наборщиков моск. газет). Затем он работает в районных организациях, моск. комитете, в моск. городск. думе, в которую он был избран по списку большевиков. В Октябрьской революции П. принимает участие в партийн. пятерке, руководившей московск. восстанием, занимает моск. почтамт. В мае 1918 г. он назн. наркомом почт и телеграфов и положил много энергии на воссоздание правильной почт.-тел. связи в республике, принимая в то же время оживленное участие в агитационной и организационной работе. Ум. в 1920 г. (См. „Лит. бор.“).

Покровский, Михаил Николаевич (см. XXXII, 473/4) (авториз. биография), по сведениям, помещ. в „Кал. Ком.“ (на 1925 и 26 г.), член партии с 1905 г. В 1905 — 1906 гг. состоял членом литерат. группы при МК, а позже и членом МК. Был делегирован моск. организацией на Лондонский съезд и вскоре после возвращения эмигрировал во Францию, где прожил до революции, ведя литер. и научную работу. По возвращении в Россию вскоре после Октябрьской революции сменил Поггина в качестве председателя Московского Совета Р., К. и К. Д. В 1918 г. — предсе-

датель Моск. Областного Совнаркома, затем назначен заместителем народного комиссара по просвещению, каковым состоит и в настоящее время; в НКпросе работал, гл. обр., над созданием пролетарской, высшей школы и марксистского кадра преподавателей; с этой деятельностью П. связано возникновение рабфаков и организация Института Красной проф-ры. В послесловии к ст. Н. Рубинштейна („М. Н. П.—историк России“— в журн. „Под знам. маркс.“, 1924, 10/11), М. Н. делит свое развитие, как историка, на три периода. 1-ый период—до 1905 г.; его он характеризует в своих работах, как период „демократических иллюзий и экономического материализма“. „Как типичный «академик»—пишет он,—политически я (да и не один я, а думаю, мы, тогдашние историки-марксисты) был настолько мало чуток, что отлично уживался с буржуазными демократами.. Классовой борьбы не было *около нас*, а с массами мы, академики, соприкасались мало.. Классовая борьба оставалась теорией и как чистая теория, мало отражалась в историч. построениях“. Во 2-й период (1905—1917) классовая борьба, благодаря 1905 г., из теории стала жизненным фактом—без нее уже нельзя было понять историч. процесса. Пребывание во Франции, этой „первой демократии Европы“, окончательно рассеяло „демократ иллюзии“, и в противовес распространенному тогда среди партийной интеллигенции тезису: „буржуазная революция кончена“ П. выдвигает лозунг: „Буржуазная революция *невозможна*. Мир вышел из периода буржуазных революций—грядущая революция может быть только социалистической“. Революция 1917 г., с которой начинается третий период. „доделала то, что было уже заложено во втором периоде,.. но доделала так радикально, что здание получило совершенно новый вид“. „Впервые вставшая предо мною во всей своей грандиозности действительно материалистическая картина русского исторического процесса замечает П.—открыла предо мною ряд прорех в моих старых изложениях русской истории, но чинить их, как следует было... некогда И меня, конечно, можно „убить“ целой тучей мелких противоречий, которые имеются между тем, что написано, хотя бы, в „Русской истории с древнейших времен“, и тем, что я говорю и пишу теперь. Если бы я был только профессором—костюм, от которого я долго отбивался, пока Октябрьская революция не надела его на меня насильно—это, может быть, было бы и действительно для меня убий-

ственно. Но я на своем, хотя и очень скромном, месте тоже участник революции: а она разве не переполнена мелкими противоречиями? Она соткана из них, но только педант может к ним придираться. Историки следующего поколения... признают, что уж кому-кому, а нам, работавшим в сверхдьявольской обстановке, нельзя ставить всякое лыко в строку. Но признают также, надеюсь я, что, благодаря нам, им есть с чего начать“..

Преображенский, Евгений Алексеевич (*автобиография*) Родился я в 1886 г в гор. Болхове Орловской губ. в семье священника. Очень рано научился читать и уже в 4 года читал рассказы в азбуке Толстого. В детстве был очень религиозен. Много времени проводил на колокольне тех двух церквей, где служил отец: ловил голубей, разорял гнезда ворон и недурно звонил в маленькое колокола. Из социальных чувств, пробудившихся у меня очень рано, было отращивание к материальному неравенству. Когда мне было лет 8, я, помню, демонстративно выбросил магери купленные для пасхи новые сапоги на том основании, что мой приятель детских игр Мишка Успенский, сын сапожника, должен был из бедности надеть на пасху рваные сапоги. Сначала я учился в частной школе моего отца; потом перед поступлением в гимназию прошел два класса болховского городского училища. Первые два—три года в орловской гимназии учился хорошо, был вторым учеником, но потом потерял интерес к гимназическим наукам потому что увлекался чтением газет, журналов либерально-народнического направления, романов наших классиков и учебников истории. На четырнадцатом году самостоятельно пришел к убеждению, что бога не существует, и с этого момента началась у меня упорная борьба внутри семьи против посещения церкви и прочих религиозных обрядов. Это отращивание к религии еще более укреплялось благодаря тому, что я наблюдал всю религиозную кухню с ее закулисной стороны собственными глазами. Мои атеистические воззрения еще более укрепились, когда я прочитал два тома „Истории культуры“ Кольба. Это поверхностное произведение оказало на меня столь сильное влияние именно потому, что автор последовательно разоблачает все религиозные суеверия и религиозное невежество, не умея, впрочем, понять их исторической закономерности. Последнее, однако, было для моего тогдашнего развития скорей плюсом, а не минусом. Меня интересовало тогда не столько

объяснение религии, сколько ее абсолютное отрицание.

Прежде чем в мои руки попало первое подпольное произведение, я был уже достаточно радикально настроен под влиянием чтения „Русского Богатства“, „Русских Ведомостей“, „Отечественных Записок“, Салтыкова Щедрина и особенно Добролюбова и Писарева. С другой стороны, во время каникул я постоянно наблюдал в деревнях болховского, мценского и брянского уездов, где часто проводил каникулы, бедственное положение, нищету и забитость крестьянства.

Когда я был в пятом классе гимназии, мне впервые попала в руки кое-какая нелегальная литература. Из этих первых произведений вспоминаю отчетливый на гектографе фельетон Амфитеатрова „Господа Обмановы“, перед этим напечатанный в газете „Россия“, прокламацию революционного комитета студентов Екатеринбургского института, описание избиения студентов казаками и несколько революционных стихотворений, как „Марсельеза“, „Дубинушка“, „Смело, друзья, не теряйте“ и т. д. Как сейчас вспоминаю один очень важный момент из своей биографии. Дело было летом, когда я приехал на каникулы домой в Болхово, забрался в самый темный угол нашего сада, где за баней была расположена маленькая лавочка в кустах сирени и начал перечитывать все мое нелегальное достояние как старое, так и вновь полученное, в том числе рукописную тетрадь с различными студенческими прокламациями, юмористическими и лирическими стихами, а также с некоторыми фактами из революционной хроники. В определенном моменте передо мной встал во всем объеме чисто практический вопрос: что же делать. Согласен ли я стать в ряды революционеров, со всеми вытекающими отсюда последствиями, как исключение из гимназии, разрыв с семьей, тюрьма, ссылка и т. д. И вот здесь то я принял решение и твердо сказал себе: да, я перешоу в ряды революционеров, чтобы ни случилось.

В нашем городе этим летом единственная революционная „ячейка“ состояла, повидимому, из меня и моего товарища детства, сына местного купца—Ивана Анисимова впоследствии ставшего меньшим и, кажется, эмигрировавшего вместе с белыми. Мы отправлялись с ним вдвоем за город в наиболее глухие места и выражали наш протест против самодержавия пеннем марсельезы, но так, чтобы никто, кроме нас, не слышал.

Когда мы проходили мимо болховской городской тюрьмы—жалкого старомодного здания, где обычно содержалось десятка два мелких ворюшек и конокрадов, наши мысли уходили к Крестам и Бутырмам, где томились дорогие нам борцы против самодержавного режима.

Вернувшись после каникул на гимназию, я решил употреблять на гимназические предметы минимум времени, чтобы не спускаться только ниже тройки, а центр тяжести своей деятельности перенес на жадное чтение по ночам заграничных произведений на папировной бумаге, посвящая все время днем чтению книг по истории культуры, по общей истории, особенно по истории революции, а также первым начаткам политической экономии. Кроме того мы с Иваном Анисимовым начали расширять свою пропаганду среди учащихся, завели пару кружков, вступили в сношения с поднадзорными города Орла. В этот период у меня появляется мистическая страсть к размножению нелегальной литературы. Рукописный журнал „Школьные досуги“, журнал, который я основал и вел вместе со свихнувшимся потом поэтом Александром Тиняковым, я к этому времени забросил в виду его политической бесполезности. Печатание на гектографе некоторых небольших вещей точно так же меня не удовлетворяло, хотя с одной и той же массы гектографа мы получали сто экземпляров. Я мечтал о типографии и для осуществления своей мечты к следующим каникулам подготовил повышение уровня техники. В числе прочей революционной молодежи того времени в нашем кругу в Орле были дети владельца местной типографии Алексина. По моему настоянию Саша Алексин украл из касс типографии своего отца пять фунтов шрифта, который я предполагал употребить для более усовершенствованного печатания „Сборника революционных песен“ марсельезы и других. С этим шрифтом я приехал домой на каникулы и „открыл“ типографию в бане своего отца в саду. Сделал кассы, разложил по ним шрифт и начал набирать „Отречемся от старого мира“. Чтобы мои единственные занятия в бане не были подозрительны для семейства, я убедил отца в том, что мне физически полезно вставать на рассвете и ходить купаться в местную реку Нугрь. Купаться я, конечно, не ходил, а все время проводил в бане, пытаясь овладеть типографским ремеслом. Из моего набора ничего не выходило: буквы рассыпались, некоторых букв не хватало, а когда с огромными

усилиями я набрал первый куплет и с душевным трепетом попытался получить первый оттиск, то все буквы вышли вверх ногами. Когда, наконец, я добился правильного набора, то букв не хватило на два куплета. Промучившись две недели над своим предприятием, я решил „закрыть“ типографию, закопал шрифт в землю, а осенью отвез его обратно в типографию Алексина. Пришлось по-прежнему остаться на уровне гектографской техники. с тем, чтобы потом перейти к mimeографу на котором мы по поручению орловского комитета печатали те или другие воззвания.

Когда я перешел в седьмой класс гимназии, я уже не мог долго оставаться в состоянии неопределенной и неоформленной революционности. Надо было выбирать между социалистами революционерами и социал-демократами. Решающее влияние на выработку моего мировоззрения имели в это время два произведения: „Коммунистический манифест“ и „Развитие научного социализма“ Энгельса. Долго размышляя над этими произведениями, я решил, что народническое мировоззрение является несостоятельным и ненаучным и что только марксизм может указать мне правильную дорогу. Этот перелом в моем мировоззрении имел также и известные практические последствия. До этого момента я распространял среди учащейся молодежи не только социал-демократическую литературу, которая к нам шла от членов орловского комитета с-д. партии—Валерьяна Шмида, Петра Семеновича Бобровского (впоследствии ставших меньшевиками), но и с. р. литературу, которой нас снабжала поднадзорная с-рка Никкелева. Вспоминая, как я с мрачной решимостью заявил однажды Никкелевой, что я уже не могу помогать ей в распространении эсеровской литературы, потому что я теперь стал социал-демократом.

Из товарищей, которые в это время участвовали в нашей ученической революционной организации, я вспоминаю особенно отчетливо Александра и Евграфа Литкенсов, которые оба трагически погибли (Евграф был впоследствии зам-наркомпрос'ом), Д. Кузовкова, Н. Михеева, Ледовского, Е. М. Котину. Из семинаристов Романова, М. Феноменова и др. Вспоминая один весьма курьезный инцидент, участниками которого были упомянутый Анисимов старший Литкенс и я Мы составляли с-д. тройку в гимназии и должны были хранить постоянно довольно большое количество нелегальной литературы. Чтобы не пользоваться

кустарными методами — закапыванием литературы в землю, затыканием в дупло деревьев и т. д., мы решили на квартире поднадзорного Барнинова организовать маленький склад. Для этого в подгрубке русской печки мы решили проложить вторую стену из кирпичей и за этой двойной стеной хранить наши нелегальные сокровища. имея один слегка замазываемый сверху выдвижной кирпич. В одно из воскресений мы осуществили с огромными усилиями и предосторожностями всю эту конструкцию и торжественно поместили в этом новом хранилище все наши нелегальные резервы. Но тут случилось маленькое несчастье. Хозяйка дома, которая приходила время от времени топить печь в квартиру Барнинова, занимавшего отдельную половину дома, протопивши печь, захотела всунуть под грубку кочергу, которая вдруг теперь не входила туда целиком. Перепуганная хозяйка пошла сказать об этом хозяину, они вместе с фонарем явились обследовать отверстие, но ничего там не нашли, стена была как стена, но кочерга все-таки не входила. Вокруг этой печки пошли разговоры среди соседей, и в следующее воскресенье мы благоразумно решились ликвидировать наш склад с такими же предосторожностями, с какими он был построен. Кирпичи ночью унесли и потопили в реке Орлике. Но когда в следующий раз хозяйка снова пришла топить печь, кочерга уже теперь опять входила как и прежде нормально в грубку до самого конца. Снова появился хозяин, снова обследовали с фонарем подгрубку и опять ничего не нашли. На этот раз они были испуганы еще более, чем в первый раз, и хозяйка начала говорить о действии какой-то нечистой силы, связывая это с поднадзорностью своего квартиранта Барнинова. В общем, этот инцидент кончился для нас без особых последствий. Осенью этого же 1903 г. мы развернули более интенсивную работу среди учебных заведений и действовали в качестве с-д. ячейки орловского комитета партии.

Собственно с конца 1903 г. я считаю себя членом партии, хотя формальный торжественный прием меня, Литкенса и Анисимова в партию состоялся месяца на два-три позже.

В начале 1904 г., когда началась русско-японская война, орловский комитет партии выпустил прокламацию против войны и поручил нам трем распространить ее в большом количестве в гимназии. Мы осуществили это следующим образом. Во время одного урока мы одновременно все трое из разных классов

вышли в раздевальню, где висели пальто всех гимназистов, и, улучив удобный момент, разложили полгоры или две сотни прокламаций в карманы пальто всех гимназистов старших классов. Операция прошла благополучно, и когда гимназисты одевались и расходились по домам, они все с удивлением находили в карманах произведение орловского комитета. Получился громадный скандал, администрация металась в поисках виновников, жандармы учинили следствие, но виновников не нашли. После этого первого нашего организационного выступления орловский комитет счел возможным принять нас формально в группу пропагандистов при комитете, что после некоторого легкого коллоквиума было сделано в феврале 1904 г.

Весной этого года я получил маленький кружок из двух человек рабочих с Хрушевского механического завода и довольно длинно, но не очень убедительно разъяснял им программу партии. Летом того же года, перейдя в восьмой класс гимназии, я, посоветовавшись с комитетом, взял летний урок в центре Мальцевских заводов, на Дядьковской фабрике брянского у. у сына местного становой пристава Золотова. Своего ученика, Николая Михайловича Золотова, ныне живущего во Франции, я обратил в с.д. веру. Занимаясь с ним официально латынью, мы главные наши усилия употребляли на пропаганду среди рабочих Дядькова, Ивота и др. Мальцевских заводов. Здесь впервые я познакомился с Фокиным, который играл впоследствии большую роль в строительстве наших организаций советской власти в Брянском районе. Становой пристав Золотов, отец моего ученика, предлагал много усилий, чтобы выловить дядьковскую ячейку нашей организации, которая распространяла нелегальную литературу и выпускала прокламации на мимеографе. Хранение этого мимеографа и нелегальной литературы мы осуществили довольно своеобразным способом. Мой ученик жаловался отцу, что ему негде хранить свои книги и тетради и попросил дать ему один ящик в столе отца, который запирался на ключ. Отец охотно дал ему этот ящик с ключом и в этом ящике мы хранили и мимеограф и нелегальную литературу, в то время, как отец Золотова устраивал обыски по Дядькову, разыскивая зловредный аппарат распространения. Точно так же, когда нам нужно было устраивать массовки в лесах на отдельных фабриках, мы просили у становой пристава его пару лошадей, чтобы съездить на охоту, и ничего не подозре-

вавший становой пристав охотно давал нам своих лошадей с бубенчиками, на которых мы объезжали организации нашего района. Вот эта история раскрылась только год спустя.

В 1905 г. наша группа провела всеобщую забастовку учебных заведений города Орла в апреле и мае и, несмотря на все это, несмотря на открытые выступления на митингах учащихся, где мы принимали наши академические требования, я не был арестован и даже получил аттестат зрелости. Летом 1905 г. я отправился на партийную работу в Брянск и там руководил вместе с двумя другими товарищами работой брянского комитета партии. Жил я на ст. Брянск, за отсутствием кровати в моей комнате спал на подостланных на полу двух газетках, питался одной колбасой с хлебом, расходуя не свыше 20 к. в день, и каждый вечер ходил пешком туда и обратно в Бежицу, т.-е. проделывал 18 верст, чтобы вести рабочие кружки на Брянском паровозостроительном заводе. В октябре того же 1905 г. по предложению Олимпия Квиткина был кооптирован в орловский комитет. Орловский комитет был тогда организацией примиренческой. Лидер комитета Пономарев, когда Олимпий Квиткин уехал, смеясь говорил другим членам комитета: „У нас имеется два солидных большевика: Михаил Екатеринославский, 20 лет и Евгений Преображенский, 19 лет“. Несмотря на эти шутки, я держался твердо своей линии и защищал позицию третьего съезда нашей партии. С орловским комитетом перед этим произошел один курьез. Он послал своим представителем на 3-й съезд Олимпия Квиткина, который поехал туда меньшевиком, возвратился же убежденным большевиком и всячески поддерживал меня и Михаила Екатеринославского в наших большевистских настроениях. В октябре я участвовал после опубликования знаменитого манифеста в борьбе с погромщиками в Орле, а затем был послан на работу на Брянский завод. В Брянске я пробыл до половины ноября, а затем по предложению Н. М. Михеева, работавшего тогда в Москве, и с согласия московского комитета я переехал на работу в Москву, где меня назначили ответственным пропагандистом Пресненского района. Здесь я работал все время до восстания и во время восстания, присутствовал на заседаниях районного комитета, руководившего пресненским восстанием, когда нашими силами командовал Седой. Моя функция в это время заключалась, главным образом, в

проведении митингов на бастующих заводах, обстреливавшихся уже в это время артиллерией с Ваганьковского кладбища. Когда Пресня была уже оцеплена семечковцами и горела, я, спрятавши свой браунинг в ватер-клозете своей квартиры, пробрался через цепь солдат ночью в центр города, с'ездил на несколько дней в Орел и потом вернулся в распоряжение бюро нашего центрального комитета в Москве, которым руководил тогда Рыков. А. И. Рыков предложил мне на выбор две организации, где произошли наиболее большие провалы — Костромскую или Пермскую на Урале. Я избрал Урал и через пять дней был уже на месте и был введен в пермский комитет. В Перми в это время постоянно работала Клавдия Тимофеевна Новгородцева; туда назжал также Яков Михайлович Свердлов, сколачивавший после январского провала уральское объединение нашей партии. В Перми я проработал около двух с половиной месяцев и по провокации неизвестного в Мотовилихе Вотинова был арестован вместе с другими товарищами 18 марта. Это было первое мое тюремное сидение. Через пять месяцев, после четырехдневной голодовки, меня вместе с Биной Любовей, Лизой Кин и другими товарищами освободили из тюрьмы за недостатком улик под надзор полиции. Когда я вышел из тюрьмы и пошел по городу с маленьким узелком вещей под мышкой, меня встретил на улице Александр Минкин, который познакомил меня с состоянием организации и предложил начать работу. На другой день я уже выступал в дискуссии с эсэрами на другом бере у Камы, и колесо обычной подпольной работы снова закрутилось. В виду провала областной организации я отправился в Екатеринбург, Челябинск и Уфу, чтобы восстановить связи, назначил осенью областную конференцию в городе Вятке, но самому мне не пришлось принять на ней участие. Командированный пермским комитетом для закупки браунингов для боевой дружины пермской организации в Петроград, я по провокации Фомы Лебедева (впоследствии мною опознанного случайно в Орле в 1919 году и затем расстрелянного в Перми) был арестован на Казанском вокзале и снова отправлен в Пермь. Второй раз я сидел в пермской тюрьме, а затем в знаменитых Николаевских ротах около восьми месяцев, а потом, когда дело нашей группы перешло в казанскую судебную палату, был снова освобожден за недостатком улик.

Выйдя из тюрьмы, я поехал на Южный Урал, где работал преимущественно на

Уфе на Симских заводах и в Златоусте. Нам удалось восстановить снова уральскую областную организацию, одним из самых видных работников которой в это время был Николай Никандрович Накоряков (кличка Назар). В прекрасной уфимской нелегальной типографии мы возобновили издание нашего уральского областного органа „Уральский рабочий“, кроме того начали издавать „Крестьянскую газету“ и „Солдатскую газету“. В 1907 году я присутствовал в качестве делегата от Урала на Всероссийской конференции нашей партии в Финляндии, где впервые познакомился с Лениным. Работа моя на Урале продолжалась до марта 1908 г., во все более ухудшающихся условиях, при растущих провалах и в обстановке все усиливающейся реакции. В марте я был арестован на челябинской городской конференции, проглотил порядок дня и шифрованные адреса и в ту же ночь благополучно бежал из полицейского участка. Будучи окончательно провален на Урале, я, однако, не смог его покинуть и бежал из Челябинска в Уфу, переодевшись реалистом. Мне надо было созвать уральскую конференцию, которая была назначена в Златоусте. В Уфе я продержался недолго, и на конференции мне не пришлось быть. Я был арестован на улице шпиками в конце апреля и тут же опознан. Перед моим арестом в Уфе со мной произошел следующий интересный инцидент. У Брюханова, нынешнего наркомфина и бывшего тогда члена уфимского комитета, происходил обыск, при чем жандармы рассчитывали поймать меня и имели лист с моими приметам присланный из Челябинска. Встретившись в дверях с жандармским ротмистром, я, переодетый попрежнему реалистом, сообразил в чем дело и спросил его, где здесь живет студент Верниковский (это был сын владельца обоих домов, в одном из которых жил Брюханов). Жандармский ротмистр, не подозревая с кем имеет дело, вежливо указал мне дорогу в соседний большой дом, куда я радостно направился. Свою ошибку жандармы узнали уже значительно позже.

Меня продержали некоторое время в Уфимской тюрьме, а потом отправили в Челябинск. В Челябинске я просидел до суда, который состоялся осенью 1909 г. Во время суда, ожидая каторжного приговора, я пытался бежать от конвоя, но неудачно и был жестоко избит конвойными солдатами. Между тем приговор оказался очень мягким: нам дали всем ссылку на поселение. После чего я вторично судился по 102 ст. в Перми

и получил второй раз ссылку на поселение. Пропустишь воров по этапу до А. Александровской пересылки под Иркутском и просидев там до лета, я летом был водворен в караганскую вол. киренского у. В ссылке мы жили дружной семьей в коммуне, в которой вместе с прочими принимали участие покойный Артём Сергеев, Петр Коваленко, Анатолий Галкин и др. товарищи. Занимался я, кроме полевой работы у крестьян, главным образом охотой. Зимой 1911 г. екатеринбургский комитет нашей партии предложил мне бежать из ссылки приехать в Екатеринбург и поехать от екатеринбургской организации делегатом за границу на конференцию нашей партии, которая несколько позже состоялась в Праге в 1912 г. Я с радостью принял это предложение, тем более что об этой конференции я имел уже переписку с Надеждой Константиновной Крупской и получил небольшое шифрованное письмо от Владимира Ильича. Незадолго до моего бегства из ссылки по направлению к Екатеринбургскому департаменту полиции распорядился произвести у меня обыск и послал для этого знаменитого ротмистра Терещенкова, известного растерянным ленских рабочих. Вследствие зимнего ледохода на Ангаре Терещенков не смог переехать реку и без всяких результатов вернулся обратно в Киренск. Несколько позже в первый день рождения, становой пристав Нижнего - Илимска, в ведении которого мы, ссыльные, тогда находились, получил телеграмму из департамента полиции о моем немедленном аресте, так как екатеринбургская организация была уже арестована и следствием была установлена моя связь с этой организацией. По случаю первого дня рождения становой пристав лежал пьяный, телеграмму вскрыл его секретарь, который пробоялся об этом нашим товарищам-ссыльным в Н. Илимске. Товарищи немедленно послали ко мне гонца, который проскакал ночью 80 верст, а минут через 30 я уже сидел на крестьянской подводе и мчался по направлению к железнодорожной станции Тулун. Когда становой пристав проснулся, прочитал телеграмму и поехал меня арестовать, я уже проехал навстречу ему Н. Илимск и подвезжал к Тулуну. Из Тулуна я отправился в Новониколаевск, где начал работать в качестве сотрудника в легальной марксистской газете „Обская Жизнь“ В этой газете я помещал несколько статей с защитой нашей большевистской позиции по основным политическим вопросам того времени. Кстати, я тогда списался с Зиновье-

вым, просил его сотрудничества в газете и получил одну статью, которая пошла за подписью Г. З. Обещал сотрудничать и Владимир Ильич, но ничего не успел послать. Осенью 1912 г. вся наша новониколаевская организация была по провокации арестована. Еще раньше был арестован работавший в организации Пётр Коваленко. Я был арестован за день до отъезда за границу, куда меня приглашала приехать на какое-то совещание Надежда Константиновна Крупская. Из Новониколаевска я был переправлен в Екатеринбургскую тюрьму, при чем на этапе встретил отправлявшихся в ссылку Л. Серебрякова, Зеленского, Кузменко и других.

В Екатеринбурге я привлекался по процессу с Семеном Шварцем, Евг. Бош, А. Н. Трубиной, А. Пармоновым и др. товарищами. Вследствие глупости прокурора, который смешал меня в своей обвинительной речи с другим Евгением, я, при содействии защиты, в которой участвовали Н. Д. Соколов, А. Ф. Керенский и Н. М. Михеев, был ко всеобщему удивлению оправдан.

Из Екатеринбургской тюрьмы я был снова отправлен в ссылку, получили предвзвительно шесть месяцев тюрьмы за побег. В ссылке этот раз я пробыл недолго, и в 1915 г. мне разрешили переехать в Иркутск. В Иркутске я вступил в местную организацию партии, которая вскоре провалилась. После провала, во избежание новой провокации, мы организовали новую группу из самых „надежных“ товарищей в составе Завадского, Рома, Дзярского, Крута, Самсонова и меня, обзавелись типографией и хотели начать работу изданием написанной мною прокламации против войны. Вскоре оказалось, что среди нас, шести „надежных“, оказался провокатор. Мы распустили нашу группу и только после Февральской революции на основе архива Иркутского жандармского управления установили, кто нас выдавал. Это был Давид Крут, привлеченный в 1926 г. к суду в Москве по этому делу. Во время моего пребывания в Иркутске я участвовал в с. д. органе „Забайкальское Обозрение“, где поместил две статьи против войны. После Иркутска я поехал в Читу, где меня застала Февральская революция. Из Читы я уехал в апреле делегатом на состоявшийся несколько позже первый съезд советов р и с. депутатов и до съезда остановился на Урале, где начал работать в Златоусте со своими старыми уральскими друзьями.

После первого съезда советов я снова вернулся на Урал, был избран членом

уральского областного комитета, присутствовал делегатом Урала на 6-м съезде партии где был избран кандидатом в ЦК.

В городе Златоусте, куда я вернулся работать, наша партия среди рабочих была в меньшинстве, даже в Октябрьские дни. Большинство рабочих было за с-р'ов. В Октябрьские дни я участвовал в вооруженной демонстрации нашей партии с лозунгами „вся власть советам“ и до полной потери голоса убеждал рабочих Златоустовского завода вместе с другими товарищами поддержать переход власти к советам. Это нам удалось только отчасти. Зато, наоборот, в Симском районе, куда я отправился 26-го октября, нашим организациям удалось всюду взять власть и провести национализацию предприятий Симского горного округа. После Октябрьских дней я принял участие вместе с остальными товарищами в строительстве советской власти на Урале и в укреплении наших партийных организаций.

С весны 1918 г. нашим уральским организациям пришлось выдержать натиск чехо-словаков, а затем создать фронт против Колчака. Летом 1918 г. я, будучи делегатом от Урала на 4-м съезде советов, участвовал в подавлении лево-эсэровского восстания, был легко контужен в левый висок при наступлении на центральный телеграф. занятый эсэрами, а затем был командирован на несколько дней Ревсоветом в район Курска, чтобы поддержать дисциплину в наших войсках, стоявших на границе с Украиной. Из Москвы я снова отправился на Урал, где Екатеринбург был уже взят колчаковцами и наши отступали на север. В это время я был председателем уральского областного комитета, который взял на себя функции политотдела 3-й армии и выполнял всю соответствующую работу силами своих организаций. При наступлении на Пермь колчаковцев наш Ревком под обстрелом белых эвакуировался из Перми с последними отрядами дивизии Мрачковского, после чего мы стали отступать со всеми силами по направлению к Глазову и Вятке. После того, когда уральское областное объединение потеряло фактически почти всю свою территорию, уральский областной комитет был распущен постановлением Центрального Комитета, я был отозван в Москву, где начал работать в редакции „Правды“. Был делегатом на 8-м съезде партии и участвовал в комиссии по выработке партийной программы. Затем я был послан уполномоченным от ВЦИК'а в Орловскую губернию.

Вернувшись в Москву, присутствовал при взрыве в Леонтьевском переулке. После освобождения Урала снова был откомандирован на партийную и советскую работу в Уфу. От уфимской организации я был избран на 9-й партийный съезд, на съезде был избран в Центральный Комитет, а ЦК был избран одним из трех секретарей. После 10-го партийного съезда я был назначен председателем финансового комитета ЦК и СНК, руководил его работами по приспособлению нашего денежного обращения и финансового хозяйства к условиям новой экономической политики, был затем председателем Главпрофобра, был одним из редакторов „Правды“ и выполнял ряд других функций перечислять которые было бы неинтересно.

Из моих литературных работ, кроме мелких брошюр и многих статей в „Правде“ и в журналах, упомяну следующие: „Анархизм и коммунизм“, написанную с Н. Бухариным „Азбуку коммунизма“, „Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры“, „Причины падения нашего рубля“, „От нэп'а к социализму“, „О морали и классовых нормах“, „В. И. Ленин“, „Экономика и финансы современной Франции“, „Об экономических кризисах при нэп'е“ и, наконец, первый том еще не законченной работы „Новая экономика“.

Прошьян, Проша Перчевич, род. в 1883 г. Будучи студентом Новороссийского университета, работал в подпольной организации партии с-р. и в 1905 г. был присужден к 6 годам каторги за попытку освобождения политических заключенных из одесской тюрьмы. По окончании каторги был послан на поселение, откуда ему удалось бежать. Вскоре однако, он был арестован и снова приговорен к каторжным работам. В 1913 г. бежал за границу. В годы войны П. стал на интернационалистскую точку зрения, участвуя в издании „пораженческих“ журналов. После Февральской революции он вернулся в Россию и стал издавать в Гельсингфорсе газету „Социалист-революционер“, ведя резкую кампанию против оборонческой позиции центрального комитета партии с-р. Порвал с правым крылом, сделался членом ЦК левых с-р. и был выбран во ВЦИК второго созыва. П. стоял за совместную работу с большевиками, участвовал в Октябрьском перевороте и в 1917 г. входил в первый совнарком в качестве наркома почт и телеграфов. Являясь решительным противником Брестского мира, он участвовал в убийстве Мирбаха и был приговорен к трехгодичному заключе-

нию. По дороге в ссылку заболел и умер в дек. 1918 г. (См „Лит. и с.“, № 2, 1924 г., „Лит. бор.“).

Пятаков, Георгий Леонидович (автобиография), род. 6/19/VIII/1850 г. на Марьинском сахарном заводе (Киевской губ черкасск. у.) в семье директора этого завода, инженер-технолога Леонида Тимофеевича Пятакова. В 1902 г. поступил в III класс киевского реального училища св. Екатерины. В 1904 г. вступил в ученический революционный кружок неопределенно социал-демократ. характера. В 1905 г. принимал активное участие в ученическом движении в качестве руководителя „возмущения“; входил в состав общеученического комитета, в то же время участвовал в уличных демонстрациях и митингах. За руководство „училищной революцией“ исключен из училища. В это время сблизился с анархистами. За 6 классов сдал экзамен экстерном. Летом 1906 г. вел активную анархистскую работу среди крестьянской и рабочей молодежи; был руководителем кружка в 50 человек. Из этого кружка и соседнего, руководившегося Иустином Жуком, выделилась экспроприаторская группа во главе с Жуком. После экспроприации кружки распались. В 1906—1907 гг. снова поступил в то же реальное училище, но снова был исключен за „дерзкий спор“ с училищным попом. В 1907 г. экстерном окончил реальное училище. Летом 1907 г. анархистский кружок распался. В Киеве осенью вошел в совершенно автономную террористическую группу в целях убийства киевского генер.-губери. Сухомлинова. Однако, в это время начинается тяжелый внутренний кризис. Анархистская практика отталкивала. Анархистская идеология (я принадлежал к анархистам-коммунистам кропоткинского толка) не удовлетворяла. Я начал тщательно и в большом количестве изучать революционную литературу. Огромное впечатление произвели Плеханов—Кравитию мистического взгляда“ (еще до этого я был уже материалистом и дарвинистом), и Ленин—„Развитие капитализма“ и „Что делать“. После этого я отхожу от анархизма совершенно и сажусь за Маркса. В это же время сдал экстерном экзамен латинского языка, поступаю в питерский университет. Годы 1907—1910 посвящаю исключительно теоретической работе, а именно—изучению Маркса марксистской литературы, классиков полит. экономии (Кене, Смит, Рикардо), современной экономической литературы, хозяйства России, статистики (особенно математической статисти-

стики), философии (Спиноза, Кант, Фихте, Гегель и новейшие течения) и др. К 1910 г. я оформился вполне и бесповоротно в качестве ортодоксального марксиста. Связываюсь с университетскими с.-д. и становлюсь социал-демократом. В конце 1909 г. происходят университетские беспорядки („толстовские“ и „сазоновские“ дни), в которых принимаю активное участие. Арестован и просидел в административном порядке 3 месяца, после чего исключен приказом министра просвещения Кассо из университета и выслан из Петербурга в Киев. В Киеве в это время произошел большой провал с.-д. организации. По приезде в Киев нахожусь связи, и вместе с Е. Б. Бош, Я. Шильганом и др. образуем инициативную группу для возрождения нелегальной организации. Находим остаток киевского комитета РСДРП и вместе с ними созываем городскую конференцию, которая оформляет организацию, избирает комитет (в который вошли Е. Б. Бош, Д. Шварц, В. Аверкин, Пигосниц. я и др.) и посылает Д. Шварца на общероссийскую конференцию (январь 1912 г.), созданную большевиками, на которой был переизбран ЦК РСДРП. Нелегальная работа сопровождалась бесшумной борьбой с ликвидаторами. Ленская трагедия дала нам повод выступить открыто (стачка и митинги). После этого произошел провал организации и комитета. Я и несколько членов комитета остались на воле. Нужно было возрождать всю работу, что и было сделано; мне лично пришлось быть сразу и секретарем комитета, и хранить нелегальную литературу, и руководить нелегальной типографией, и писать прокламации и печатать их, и восстанавливать связи и вести кружки; одним словом, для нелегальных условий чересчур „разнообразная“ работа. В июне 1912 г. меня и часть комитета арестовали. В XI/1913 г.—суд; осужден по 102 статье и приговорен с 5-ю товарищами к ссылке на поселение. В IV.1914 г. пришел в ссылку (Иркутская губ.) и в октябре бежал через Японию за границу. За границу бежал потому, что хотел разобраться в крахе II Интернационала и в между родных перспективах, ибо с первых дней войны занял резко интернационалистскую и антивоенную позицию.

В Швейцарию приехал прямо на бернскую конференцию большевиков, в которой принял непосредственное участие и целиком стал на позицию бернских решений. Затем с Лениным, Зиновьевым, Бухариным и Бош приступили к выпуску журнала „Ком-

мунист". Вышел № 1—2. С Лениным у меня, Бухарина и Бош произошел в конце 1915 г. конфликт по национальному вопросу, а затем по вопросу о дальнейшем ведении журнала „Коммунист". Мы трое заняли неверные позиции. Журнал прекратил свое существование. Бухарин, Бош и я переехали в Стокгольм, где вели работу. После конгресса шведских левых, в подготовке которого мы принимали некоторое участие, шведов арестовали; арестовали Бухарина, а позже меня, Сурица и Гордона. После ареста нас четверых выслали в Христианию, где меня и застала Февральская революция. Немедля мы (я и Бош) поехали в Россию. На границе меня арестовали (ибо у меня был фальшивый паспорт), продержали в тюрьме г. Торнео 3 дня, а затем под конвоем выслали в Питер. Оттуда я поехал в Киев. Вошел не медля в работу большевистской организации. Стал председателем киевского комитета с.-д. большевиков и членом исполкома С.Р.Д. В сентябре избран председателем киевского СРД. В дни Октября был председателем ревкома. Арестован юнкерами и казаками вместе с рядом других товарищей Освобожден восставшими рабочими и солдатами. Затем вызван Лениным в Питер для овладения Госуд. банком, что и сделал вместе с Осинским. До Бреста был сначала помощником гл. комиссара Госуд. банка, а затем гл. комиссаром. По вопросу о Бресте разошелся с ЦК и отправился воевать на Украину с наступающими немецко-гайдамацкими войсками. Вступил в отряд Примакова, в котором исполнял разнообразные должности: вел политработу, выпускал с Лебедевым газетку „К оружию!", чинил суд и расправу, ездил в разведку и был пулеметчиком. К апрелю 1918 г. нас отгеснили к Таганрогу—Ростову. Здесь собралась инициативная группа товарищей и создала орг. комитет по созыву конференции комм. партии (большевиков) Украины, а центр. исполн. комитет Украины создал нелегальное рабоче-крестьянское правительство Украины. В обе организации я вошел и до конца 1918 г. активно участвовал в руководстве нелегальной партийной и повстанческой работой на Украине и в создании комм. партии (большевиков) Украины. Летом 1918 г. участвовал в подавлении лево-эсеровского мятежа в ХИ/1918 г., когда восстание на Украине, после германской революции, началось, становлюсь председателем временного рабоче-крестьянского правительства Украины. До июля 1919 г. участвую в партийной и совет-

ской работе на Украине. Во время наступления Деникина назначуюсь членом РВС 13 армии, а позже комиссаром 42 дивизии той же армии. После начала разгрома Деникина отъезжаю в Москву, где ненадолго получаю назначение комиссара Академии ген. штаба, а затем вместе с Троцким еду на Урал в 1 армию труда. Но началась польская война; в мае 1920 г. меня назначают на польский фронт членом РВС 16 армии, где я проработал до осени 1920 г. После заключения мира с Польшей меня перебрасывают на врангелевский фронт членом РВС 6 армии. После разгрома Врангеля получил назначение председателя Центр. правления каменноугольной промышленности Донбасса, с какого времени непрерывно нахожусь на хозяйственной работе (и. о. нач. Гут'а, зам. пред. Госплана, пред. Главн. конц. комитета и с лета 1923 г. зам. предс. ВСНХ).

Пятансв, Леонид Леонидович, род. в 1888 г. там же, где и Георгий Пятаков. В 1904 г. окончил киевское реальное училище св. Екатерины и поступил в Киевский политехнический институт, каковой окончил в 1908 г. В политической жизни Леонида произошел в 1908 г. крутой перелом. До этого он был активным „академистом" (так назывались черносотенные студенческие организации борющиеся против внесения „политики" в высшие учебные заведения и за академический „порядок"). Он был отличным химиком и только химией интересовался. Годы реакции на него подействовали, однако, отрезвляюще. Он начинает интересоваться „общими" вопросами. На первых порах ему в этом отношении помогает его профессор М. М. Тихвинский. Затем начинается сближение со мной. Он с головой уходит в Маркса, Плеханова, Ленина. Читает много и добросовестно по вопросам общественно-научной философии и истории рабочего движения. После 1918 г. идет в солдаты вольноопределяющимся. Ближко сходится с солдатской массой и ведет там индивидуальную пропагандистскую работу, уже приобретая с.-д. мировоззрения. Из армии он выходит вполне сформировавшимся революционером, социал-демократом большевиком. Для меня не ясно, как он вошел в с.-д. организацию, ибо в это время мы были географически далеко друг от друга. С начала войны 1914 г. его призывали в действующую армию рядовым солдатом (т. к. за „неблагонадежность" он не был произведен в прапорщики). Как он мне позже разъяснял, первое время

непрерывных боев было временем его отступления от большевизма: оторванный ото всех, на передовых позициях, постоянно в окопах и боях (он участвовал в 3-х боях), Леонид не сумел противопоставить „войне империалистской“ „войну гражданскую“ и был заражен „оборончеством“. В 1915 или 1916 году его послали в тыл в качестве инженера-химика на завод в Баку для работы на оборону. Тут он сразу нашел себя, отошел от оборонческого угара и вошел в бакинскую большевистскую организацию. Летом 1917 г., когда я был уже в Киеве, он приехал в Киев и стал во главе нашей военной организации. Он был блестящим „солдатским“ оратором; будучи высоко образованным марксистом-большевиком, он много времени жил с солдатами одной жизнью, знал их психологию и знал, как надо подходить к солдату; не мало помогало и то, что, выступая на солдатских собраниях он неизменно одевал свои георгиевские кресты, чем не мало импонировал: — не тыловик-де, а боевой солдат. После Октябрьского восстания в Киеве сначала установился компромисс между большевиками и Центр. Радой, ибо часть гарнизона (солдат) стояла за Ц. Раду. Затем перевес сил временно перешел к Ц. Раде. Начались преследования большевиков. Руководящие товарищи уже в XII 1917 г. перебрались в Харьков. Леонид оставался в Киеве и вел активнейшую работу в т. н. „украинских“ частях (полк им. Тараса Шевченко и др.). Уже несколько частей ему удалось перетянуть на сторону большевиков Ц. Рада была в бешенстве. Леониду грозила громадная опасность. Все требовали, чтобы он уехал из Киева, ибо его там хорошо знали. Накануне отъезда группа офицеров Ц. Рады ночью ворвалась к нему в квартиру, избива его и увезла. Леонид исчез, и никто не мог узнать где он. Мы и до сих пор не знаем, где он был. Только после овладения Киева большевиками в январе 1918 г. труп Леонида был найден около Киева на посту Вольнском. Труп был в ужасном состоянии видно было, что его зверски мучали пред смертью; достаточно сказать, что на месте сердца была глубокая воронка, просверленная, очевидно, шашкой, а руки были совершенно изрезаны; как объясняли врачи, ему, живому, высверливали сердце, и он конвульсивно хватался за клинок сверлящей шашки. Похоронен Леонид в братской могиле в Марининском парке.

Г. Пятаков.

Раден, Карл Бернгардович (*автобиография*), род. в 1885 г. во Львове, в Восточной Галиции. На пятом году жизни потерял отца и воспитывался матерью, которая была народной учительницей в городе Тарнове в Западной Галиции, где и окончил гимназию. Вся семья матери состояла из самоучек, жадно стремящихся к культуре. Так как польская культура — клерикально-католическая, то источником образования семьи матери была, как всех евреев Галиции, классическая германская литература, с ее общечеловеческими, гуманитарными идеями. „Натан Мудрый“ Лессинга был любимой книгой старшего брата матери, пивовара, который в свободное от работы время усвоил ряд европейских языков и пожирал философскую литературу. Гейне был любимым писателем другого дяди, офицера австрийской армии, который трогательнейшим образом помогал матери. С малых лет я читал по немецки, пользуясь книгами, оставшимися от отца, среди которых „Всеобщая история“ немецкого демократа Ротека играла главную роль. Но скоро в школе я попал под влияние польской литературы и польской истории. Польский патриотизм пленял меня, несмотря на его католическую оболочку. Я и ее принял. И до тринадцатого года жизни был не только польским патриотом, но и имел склонность к католицизму. Вопрос о причинах раздела Польши, о средствах ее восстановления, чтение старой демократическо-патриотической литературы, которая видела причины упадка Польши в господстве шляхты, которая связывала будущее Польши с международным революционным движением, толкнули меня к социальным вопросам. Само собой понятно, что большую роль играла при этом и нужда, царившая в нашей семье — матери приходилось кормить, воспитывать меня и сестру на нищенские гроши — нужда в нашем окружении, состоявшем из бедных ремесленников. Когда мне было десять лет, я в деревне на капикулах услышал от старого батрака рассказ о крестьянском восстании 46-го года, когда крепостные крестьяне вырезали польских помещиков при нейтралитете австрийского правительства, которое таким образом пыталось покончить с опасностью польской дворянской ирреденты. Центром этого движения был весь район над реками Вислокой и Бугой, т. е. именно район, в котором я воспитывался. Этот рассказ, коррегирующий мои представления о событиях, почерпнутые из патристических брошюрок, которые скрывали классовые причины восстания и свали-

вали всю вину на подстрекательство австрийской бюрократии, потряс меня до глубины. От него дуло на меня первым впечатлением большого революционного движения, и я с жадностью стал прислушиваться к тому, что делается в крестьянстве. А крестьянство в Галиции переживало уже тогда полосу политической мобилизации. Среди него работали крестьянские партии людовцев (народники), католический ксендз Стояловский, одно время проклятый папой, жестоко преследуемый правительством и дворянством, ищущий помощи у социал-демократии. Я начал прислушиваться к сведениям о социал-демократии. Первое крупное впечатление о ней я получил, будучи еще ребенком, когда читал в газетах о ее борьбе за всеобщее избирочное право, когда читал о сценах парламентской обструкции против графа Бадени и об уличных демонстрациях в Вене. Как сегодня помню, какое впечатление на меня произвела картина из венского парламента, когда полиция выносила на руках рабочих депутатов и когда Хибеш, вождь горнорабочих, вырвавшись верхней частью тела из рук полиции, стучал головою по каменным лестницам парламента, влекомый за ноги полицейскими. С первым рабочим я познакомился, когда мне было лет четырнадцать. Я ходил ежедневно в пять часов утра в городской парк читать. И в одно воскресенье меня задержал при выходе из парка строительный рабочий Стажик, неграмотный, и спросил меня, не могу ли я ему прочесть газету. Он вынул из кармана социал-демократическую газету „Напшут“ („Вперед“), и я должен был ему ее прочесть от начала до конца. От него я узнал, что в городе имеется профсоюз шапочников, текстилей и несколько человек организованных строителей. Пошедши в связь с ним, я начал получать от него социал-демократические брошюры и издания зарубежной ИПС, которые дали мне смутное представление о героической борьбе польского пролетариата против царизма. Будучи учеником гимназии, я начал поддерживать тайную связь с этой группой рабочих. В маленьком помещении в котором они собирались, состоявшем из одной комнаты, квартиры еврейского пекаря, я нашел шкаф с немецкой социал-демократической литературой. Шапочники принадлежали к обще-австрийскому союзу, который рассылал своим отделениям библиотечки на немецком языке. Там я нашел Каутского „Эрфуртскую программу“, Бебеля „Женщины и социализм“, речи Лассаля, Меринга „Историю германской социал-демократии“. В про-

долженне года я запустил школьную учебу, читая днем и ночью эту литературу. Усвоив азбуку социализма, я, по-нятию, взялся за пропаганду в гимназии. В гимназии существовала традиция нелегальных организаций. Я сам принадлежал к патриотической нелегальной организации, которая ставила себе неизвестные мне ближе цели и которая нас, мальчиков, посылала поздно вечером на кладбище для испробования наших сил и нашего характера. Эта организация в дальнейшем произвела покушение на собственника большого пивоваренного завода Геца, чтобы от него добыть деньги на освобождение Польши. Старший мой товарищ по гимназии, который это покушение производил, был арестован и получил четыре года каторги. Это произошло тогда громадную сенсацию, и для исправления наших мозгов приезжал инспектор всех галицийских школ, консервативный историк Божинский. Надва года трагическая развязка загугала нас, но потом, когда в моих руках очутились социалистические брошюры, я взялся за организацию новых кружков на социалистической основе. В состав их входило около 20 человек, между прочим, известный теперь в Польше актер Стефан Ярач и Марьян Кукель, польский военный историк и начальник военной академии освобожденной Польши. Социализм объединялся в наших глазах со стремлением к независимости Польши. О марксистской социал-демократии Польши и Литвы мы ничего не слышали. Разгромленная арестами 1896 г., она начала в более широком размере выступать публично только в 1902—1903 году. Патриотизм, демократия, социализм—в этих трех словах, являющихся заголовком сборника статей ветерана польского патриотического социализма—Болеслава Лимановского, выражалась совокупность наших политических идей. Но встречаясь с рабочими, я должен был запясться вопросами их ежедневной борьбы, вопросами охраны труда, страхования, заработной платы, и я чувствовал, что эта их борьба за их ежедневные требования не увязывается с борьбой за независимость Польши, что она ведет не к сепаратной борьбе польских рабочих трех частей, на которые была разделена Польша, а к совместной борьбе польских рабочих Австрии, Германии и России за вопросы, выдвигаемые развитием этих государств. Я начал читать польскую прессу Австрии, Германии и Царства Польского, начал выписывать центральный орган германской социал-демократии „Форвертс“ и лейпцигскую „Народ-

ную Газету», главный орган левого направления германских с.-д. Борьба с ревизионизмом, которая велась в этой газете со страстностью и решительностью Мерингом. Розой Люксембург, ставила предо мною вопросы социал-демократической тактики, и я уже тогда начал чувствовать неувязку в своем мировоззрении. Это чувство усилилось, когда в 1901 г. я прочел „Анти-Дюринга“ Энгельса и первый том „Капитала“ Наша агитационная работа в гимназии не ушла от внимания наших учителей. Некоторые из них, как Новицкий, один из первых социалистических поэтов Польши, или как известный историк польской литературы, Тадеуш Пини, помогали нам, защищали нас, другие травили. Наконец, терпение властей кончилось. В 1901 г. летом, в годовщину битвы под Грунвальдом, состоялась большая публичный митинг крестьян в городишке Домброво, центре польского крестьянского движения в Западной Галиции. Из этого района происходили некоторые мои товарищи по гимназии, и мы, по приглашению крестьян, поехали на крестьянских телегах на митинг. Я тогда в первый раз в жизни выступал на большом митинге на рынке с речью. Речь эта направлена была не только против помещиков, не только против капиталистов, но и против австрийского, германского и русского правительства и кончалась призывом совместной борьбе рабочих и крестьян за независимую социалистическую Польшу. После митинга крестьяне нас угощали, и один старый крестьянин, который в своей жизни, наверное, видел не одно предательство хорошо начинающих интеллигентов, глядя меня по спине, говорил мне ласковым голосом: „Смотри, не предавай“. Это выступление вызвало корреспонденцию в антисемитской краковской газете „Голос Народа“, написанную адвокатом Галецким, теперешним воеводой Западной Галиции. И однажды я, возвращаясь из городского парка утром, узнал от директора гимназии, что я исключен.

Благодаря настоянию учителя польской литературы Тадеуша Пини, приехавший на экзамен гимназии инспектор польских гимназий Герман, переводчик на польский язык песни о Нибелунгах, вызвал меня и спросил, не могу ли я с социальной революцией подождать годик, когда кончу гимназию. Когда я после долгой дискуссии на это согласился, он разрешил мне кончить гимназию в Тарнове, но мне все-таки не хотелось ждать, и в скором времени я провалился с пачкой социалистической

литературы, был второй раз исключен из гимназии, но все-таки с представлением мне права держать экзамены на аттестат зрелости в другом городе.

Мать очень волновалась, боясь, что меня провалят, а у нее отберут право на учительство; я потерял уроки, на которые жил, но был очень счастлив. Я взялся открыто за организацию рабочих. После двух—трех месяцев организационной работы я поехал в Краков и уговорил редактора краковского „Напшода“, Геккера, приехать к нам с публичным докладом. Геккеру я очень многим обязан: несмотря на свой социал-патриотизм, он зачитывался классической социалистической литературой, знал ее хорошо и помог мне начать читать систематически. От него я узнал, понятно в искаженном виде, о позиции Розы Люксембург в польском вопросе и о том, что один из молодых членов галицийской социал-демократии, Зигмунд Жулавский, является ее сторонником. Я поспешил познакомиться с Зигмундом Жулавским, который вскоре занял пост секретаря немого выросших за это время профсоюзов в Тарнове, и от него получил первую литературу социал-демократии Царства Польского, первые номера великолепного марксистского журнала „Шпеглонд Социал-демократичны“, издававшегося Адольфом Варским, Розой Люксембург и Тышкой. Этот журнал, а особенно статьи Варского произвели на меня ошеломляющее впечатление. Из них я узнал, как польские марксисты ставят программные вопросы польского движения, и порвал внутренне с идеологией польского социал-патриотизма. Весь этот год прошел в чтении марксистской литературы — тогда появились первые тома юношеских работ Маркса, изданные Мерингом, и они ввели меня в лабораторию, в которой родился марксизм — и в практической работе среди пекарей, шапочников, строительных рабочих. Летом 1902 г. я держал экзамен на аттестат зрелости и, получив его, начал делать первые шаги на литературном поприще. Я написал первые свои три статьи детскую работу об историческом материализме, напечатанную в социалистическом журнале молодежи „Промень“ („Луч“), статью о положении пекарей в Тарнове в газете „Напшуд“, за которую меня хотели побить мастера, и статью о прекрасной книге Макса Шниппеля „История производства сахара“ У местного адвоката Симхэ я нашел комплект научного журнала германской социал-демократии, который я читал номер за номером. Осенью я отправился в уни-

верситет в Краков, где решил не столько заниматься юридическими науками, как завоевывать галицийскую социал-демократию для последовательной марксистской политики. Этого я должен был добиться совместно с Зигмундом Жулавским, который, между прочим, говоря, теперь в качестве председателя центральной комиссии польских профсоюзов и депутата польского сейма совершенно эту задачу отбросил и является правозверным ППС'овцем и решительным врагом коммунизма. Меня включили, несмотря на мои взгляды, в редакцию „Напшода“, ибо, как смеялся Далинский, вождь галицийской социал-демократии, детская болезнь радикализма не долго продолжается, и всякий начал свою партийную работу с убеждением, что с него начинается история партии. Этот год, прошедший в большой материальной нужде и энергичной умственной работе в работе среди краковских рабочих, закончил первый период моей жизни. Я познакомился с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским, революционная страсть, товарищеская прямота и сердечность которого ускорили мое развитие, и мне стало ясным, что завоевания социал-демократии в мелко-буржуазной стране без промышленного пролетариата не так легки, что более продуктивно будет работать в Царстве Польском, но для этой работы надо серьезно подготовиться. Поэтому после конфликтов с Геккером, на которого я напал на публичном собрании, я уехал в Швейцарию, без копеек в кармане, но с надеждой прокормиться сотрудничеством в марксистском еженедельнике, издававшемся в Варшаве под названием „Глос“, в котором руководящую роль играл главный публицист социал-демократии Адольф Варский. В этом журнале я дебютировал в 1904 г. статьей о развитии крестьянского движения в Галиции и начал еженедельно помещать статьи о рабочем движении Запада, рецензии на книги по вопросам польской экономики и международного рабочего движения. Я начал тогда переписываться с Розой Люксембург и был неслыханно горд, когда Варский доверил мне перевод рукописи Каутского, представлявшей вступление к новому изданию „Коммунистического Манифеста“.

Осенью, оставив в Кракове неуплаченные долги, с головою, полной веры в будущее, я отправился в Швейцарию. В Швейцарии я ушел в теоретическую учебу и в участие в рабочем движении. Для учебы условия были значительно лучше, чем в Кракове. Велико-

лепно оборудованная университетская библиотека, содержащая все необходимое для студента по истории экономики, в государственной библиотеке—громоздкий материал по истории рабочего движения. Занятия пошли по этим двум основным руслам. В так называемом „Международном обществе“—организации иностранных рабочих Швейцарии, в первую очередь немцев,—прекрасная библиотека старых социалистических изданий, читальня с газетами не только центральными, но провинциальными рабочими газетами, еженедельные собрания, на которых обсуждались все вопросы рабочего движения,—все это давало возможность, несмотря на маленькие размеры Швейцарии, шире охватить международную действительность, глубже продумать вопросы рабочего движения. Заграничная ячейка социал-демократии Польши и Литвы, в которую я вступил, начала связывать меня с русским рабочим движением. Она входила в федерацию социал-демократических организаций России, и через нее я познакомился с рядом русских социал-демократов. В Берне учился тогда Зиновьев, из известных бундовцев там жил Медем, выдававший блестящим красноречием, там я в первый раз слышал выступавшего на собрании Ленина, но из его речи не понял ни слова, там в первый раз слышал Плеханова, произведшего на меня лично отвратительное впечатление. Гремела русско-японская война, революция бросала свои тени, раскол на меньшевиков и большевиков заставлял занимать позицию по отношению к основным вопросам революции.

Позже я переехал в Цюрих, где встретился среди иностранных рабочих, организованных в общество „Единство“—с сильными влияниями анархо-синдикализма и анархизма. В первый раз пришлось публично выступать против полуанархиста, члена социал-демократической партии, а теперешнего коммуниста, доктора Брупбахера, который на собрании анархистов самым резким образом напал на швейцарскую социал-демократию, как на чисто оппортунистическую организацию. Будучи врагом реформизма, я с симпатией относился к его критике, но был глубоко возмущен тем, что он выносит сор из партии на враждебное собрание. Я на него так обрушился, что анархисты чуть не побили меня.

Грянула русская революция и меня потянуло из Швейцарии в царскую Польшу на непосредственную партийную работу. Уже в 1904 г., еще будучи членом галицийской социал-демократии, я переписыв-

вался с Розой Люксембург и сотрудничал в „Народной Газете“, издававшейся ею в Познани. И теперь я обратился к ней с предложением поездки в Польшу. Люксембург предложила мне сначала поработать за границей, где существовал литературный центр партии, и скоро я получил приглашение переехать в Берлин. Там мне не пришлось долго жить. Но за эти несколько недель, прошедших за литературной работой в библиотеках, я присмотрелся к рабочим собраниям, организациям, с глубочайшим трепетом познакомился с Каутским, упрочил литературные связи с лейпцигской „Народной Газетой“ издававшейся Мерином и Иекком. С последним я завязал сношения еще из Швейцарии, откуда посылал ему материалы о польских участниках Первого Интернационала.

Пришел день, когда я с нелегальным паспортом переезжал русскую границу, не зная ни одного слова по-русски. Первый человек, которого я встретил в Варшаве на нелегальной квартире, был Феликс Дзержинский, второй — Леон Иогихес — Тышка, главный руководитель нашей партии. Я был сразу определен в редакцию центрального органа партии, принимал участие в выпуске первого легального ежедневного издания партии „Трибуны“ и ушел с головою в агитационную работу среди варшавских рабочих масс. В первый раз прикоснулся к пролетариату громадных заводов, выступал на многотысячных митингах, видел, как быстро растет в революционной борьбе масса, и стряхивал с себя пыль социал-демократических традиций. В Варшаве проходил прекрасную школу. Если непосредственное участие в широком революционном массовом движении, участие в создании массовой революционной партии и массовых профсоюзов в огне революции само по себе уже было достаточно, чтобы перетряхнуть все, чему я научился в первую очередь в школе германской социал-демократии, то этот процесс перетряхивания был тем более плодотворен, что он совершался в ближайшем сотрудничестве с такими прекрасными революционерами, как Роза Люксембург, приехавшая тогда в Варшаву, Тышка и Варский. Самое сильное влияние имел на меня Тышка, который был лучшим редактором, какого мне приходилось встречать в жизни. Для него революционная газета не была сбором революционных статей, а была боевым орудием, как пушка, в котором всякая статья, всякая малейшая заметка была винтиком, обслуживающим центральные задачи дня. Тышка не редактировал го-

тового материала, составленного литераторами, он, центральный политик партии, сам составлял номер газеты, как боевой снаряд, и распределял задачи между пирущими. Двумя тремя друзьями он умел связать одну статью с другой, и наша легальная и нелегальная пресса концентрировалась на себе весь натиск всей буржуазной прессы и вела одна атаку против нее. Близкая связь сотрудников с партийными массами обеспечивала нашей прессе характер газеты, которой масса дышала. Тышка не допускал никаких литературных излишеств, самоволия. Все, что сотрудник писал, должно было отвечать цели, поставленной партией в газете в данный момент. Скоро были арестованы Тышка и Роза Люксембург, провалился Варский; в газете остались Мархлевский, Малецкий и я. Одновременно началась выборная кампания в первую Думу. Мне приходилось с группой рабочих захватывать типографии буржуазных газет, дабы обеспечить ежедневное издание нашего нелегального центрального органа. Это вызывало сцены, часто полные юмора, как, например, дискуссия о свободе печати с редактором либеральной газеты Кемпнером, который перестал болтать и покинул свою либеральную позицию, увидев в руках наших боевиков браунинги. Одновременно приходилось выступать на легальных собраниях, созываемых буржуазными партиями, принимавшими участие в выборах в первую Думу. Наша партия выборы не только бойкотировала, но срывала выборные собрания, часто вооруженной силой. В марте или апреле 1906 г. я провалился в Варшаве, но так как я взят был на улице случайно, — „лицо не понравилось“, — то партийным товарищам удалось освободить меня из тюрьмы за деньги. Через две недели снова провалился. На этот раз сел уже на полгода, которые провел великолепно на „Павиаке“, изучая русский язык, читая Ленина, Плеханова и „Теорию прибавочной стоимости“ Маркса, тогда только что изданные Каутским. В тюрьме написал первую статью в „Neue Zeit“ (теоретический орган германской социал-демократии) о вопросах продвижения в Польшу и был ужасно горд, когда получил номер журнала Каутского со своей статьей. Выйдя из тюрьмы, был делегирован партией в центральную комиссию профсоюзов, редактировал ее орган, принимал участие в руководстве рядом забастовок. Благодаря знакомству с русским языком, приобретенному в тюрьме, начал ориентироваться более точно в русских партийных спорах, от

которых наша партия стояла в значительной мере в стороне. Мы поддерживали вообще большевиков, в первую очередь в их борьбе против меньшевистских тенденций коалиции с либеральной буржуазией — в Польше либерализм был ничтожен — но безусловно недооценивали революционную роли крестьянства, будучи под впечатлением польских отношений, где кулак играл еще центральную роль в крестьянском движении. Участие в профессиональном движении усилило мой интерес к непосредственной борьбе рабочих масс за улучшение своего положения, мое внимание к вопросам быта рабочего класса. Весной 1907 г. я „сел“ снова, был перевезен из Лодзи немедленно в „Десятый павильон“ Варшавской крепости. Там в одиночке провел наиболее плодотворные, в смысле учебки, месяцы своей жизни, переработал сразу Адама Смита и Рикардо (на них учился английскому), три тома „Капитала“, занимался много чтением книг по логике, упражнялся в формальной логике на диалогах Платона, к которому имел влечение еще с гимназической скамьи, когда, благодаря прекрасному учителю греческого, читал эти диалоги в оригинале и заучивал многие наизусть.

Зимой был выслан в Австрию и по приказу ЦК немедленно через Берлин отправился в Триери, где находился и Барский и Тышка, бежавший с каторги, куда приезжал Дзержинский, где находилась значительная часть русского Центрального Комитета. Там в первый раз ближе познакомился с вождями русской партии. В Триерках, откуда мы издавали центральный орган партии, мы жили только несколько месяцев. Подлицейские условия заставили польский ЦК перевести нас за границу. Весной 1908 г. я отправился с Тышкой через Швецию в Берлин, где была организована редакция центрального органа партии, теоретического журнала партии „Пшеглонд Социалдемократичны“ и ряда других партийных изданий. Я вошел в состав их редакции, но работа в них не заполняла моего времени полностью, и я начал сотрудничать постоянно в левой социал-демократической печати Германии и вошел вплотную в германское социал-демократическое движение.

Это был 1908 г., год балканского кризиса, приближался новый мароккский кризис, столыпинская Россия перешла на почву активной политики на Балканах, в Константинополе и в Персии. В Турции произошла революция, в центре вопросов стала международная политика. Я заинтересовался ею сильно еще во

время русско-японской войны. Теперь взялся изо всех сил за изучение литературы, посвященной современному империализму, и следил за его нарастанием по всей международной печати. Я начал писать ежедневно о вопросах международной политики в лейпцигской „Народной Газете“, франкфуртском „Голосе Народа“, в бременской партийной газете, в „Форвертсе“ — центральном органе германской социал-демократии, в „Neue Zeit“, теоретическом органе герм. с.-д., и в польском теоретическом органе „Пшеглонд“. Познакомившись с движущими силами международной политики, с их освещением в социал-демократической печати, я сразу натолкнулся на теоретическую неувязку в позиции социал-демократических партий, на их пацифизм, обрекавший на полную бездеятельность пред лицом приближающихся громадных опасностей, на переоценку контр-революционного значения царской России, переоценку, которая толкала к анти-русской ориентации, являвшейся, как оказалось позже, мостом к позиции 4 августа 1914 года. Осенью 1908 г. я выступил с систематическим изложением своих взглядов на международное положение, на задачи и ошибки социал-демократии в бременском партийном органе. Вызванный в Лейпциг, я принял на себя ежедневную разработку в лейпцигском партийном органе вопросов международной политики, не переставая по этим вопросам сотрудничать и в других партийных органах. Одно время слушал лекции по истории Китая в лейпцигском университете и работал научно в области внешней политики в семинарии Лампрехта. Эта работа, а особенно разработка истории отношений социал-демократии к вопросам международной политики, начиная с позиции, занятой Марксом в 48 году, по первоисточникам привела меня к убеждению, что социал-демократия находится на грани двух эпох, что традиции социал-демократических политиков эпохи освободительных войн в Западной Европе мешают ей в выработке правильных взглядов, что такой же бессмыслицей является делать зависимой точку зрения рабочего класса на надвигающиеся конфликты от того, кто дипломатически начнет войну, как и вести политику сближения с либеральной буржуазией для того, чтобы избежать войны при помощи пацифистских договоров между буржуазными империалистическими державами, которые будут на деле договорами о дележе колоний. Против этой политики выступала и часть реформистов, требовавшая участия партии

в борьбе за колонии, что заставило меня заняться подробно колониальной практикой европейских держав. К концу 1910 года у меня сложилось убеждение, что пред лицом надвигающихся военных опасностей радикальная социал-демократия должна перейти от радикальных протестов против капитализма непосредственно к массовой подготовке революционной борьбы. За все эти годы я принимал непосредственное участие в пропагандистской и агитационной работе среди немецких рабочих, был очень близко связан с наиболее революционно настроенным социал-демократическим молодежником, и поэтому вопрос борьбы с империализмом стал предо мной сразу, как вопрос вообще борьбы за изменение характера германского и международного рабочего движения. Вопрос борьбы с империализмом связался ближайшим образом с вопросом агитации за всеобщую стачку и вообще за внепарламентские методы борьбы рабочего класса. Переехав по личным обстоятельствам обратно в Берлин, а позже на два года в Бремен, я имел возможность ближе по этим вопросам сойтись с Розой Люксембург и голландским революционным марксистом Антоном Паннекуком и проверить свои взгляды в близком соприкосновении с ежедневной практикой социал-демократической партии и ее представителями всех направлений. Германская социал-демократия представилась мне при близком соприкосновении с ее буднями чем-то совершенно другим, несответствующим той картине, которая существовала в головах польских и русских революционеров, изучающих ее по решениям съездов или по литературе. Агитация партии с парламентской трибуны и массовые собрания велись в чисто реформистском духе. В жизни профсоюзов не было даже попытки связать их повседневную работу с революционными задачами рабочего класса. Несмотря на то, что опасность войны, рост вооружений, полное исчезновение возможностей социально-политических завоеваний ставили вопрос о недостаточности парламентской борьбы, о необходимости выхода из рамок реформистской политики, о необходимости перехода на рельсы массовой революционной агитации и перехода к непосредственным массовым действиям, — вопрос о всеобщей забастовке встал пред германской социал-демократией только в связи с русской революцией. Всеобщая забастовка в России в 1905 г. вызвала громадный энтузиазм в рабочих массах Германии. Под влиянием этого настроения Бебель пред-

ложил на съезде в Иене в 1905 г. резолюцию, которая допускала всеобщую забастовку как средство борьбы на случай, если реакция будет покушаться на всеобщее избирательное право в парламенты. Под влиянием поражения русской революции профсоюзная бюрократия начала работать над ликвидацией этого шага вперед. На Мангеймском съезде Бебель дал в значительной мере ход назад. Но обострение борьбы с прусской реакцией, заседавшей в прусском ландтаге, выбираемом на основе плутократического избирательного права, поставило вопрос о борьбе за всеобщее право в прусский ландтаг. Было ясно, что прусские юнкеры не сдадут позиции без большого массового нажима и что борьба за всеобщее избирательное право в Пруссии может разрастись в общую борьбу с германской капиталистической реакцией. Поэтому крайняя левая партия, во главе с Розой Люксембург и Паннекуком, начала кампанию за всеобщую забастовку для завоевания всеобщего избирательного права в Пруссии. Пропаганда и агитация этой идеи охватывала весь комплекс вопросов германской и международной политики. В ней увязывалась борьба с империализмом и опасностью войны с борьбой против внутригерманской реакции. Свое выражение борьба эта нашла в выдвинутом Розой Люксембург требовании, чтобы партия, спрятавшая в своей программе лозунг республики, этот лозунг бросила в массы.

Сказанное показывает и силу позиций левых радикалов и ее слабость. Всякая революционная борьба в Германии должна была перерасти в борьбу за социализм. При остроте классовых противоречий в Германии иначе и быть не могло. Все мы это знали, но у нас отсутствовала система переходных требований подводящих программно к борьбе за социализм, а главное отсутствовала конкретизация лозунга о диктатуре пролетариата. В живых дискуссиях, которые велись в наших рядах и которые находили выражение в прессе, мы высказывали убеждение, что завоевание власти пролетариатом невозможно без разрушения буржуазного государства (Каутский клеймил эту идею в полемике с Паннекуком, как анархизм); но подошедши вплотную к вопросу о диктатуре пролетариата как государственном переходе от капитализма к социализму, мы этого вопроса не разработали. Время от 1910 г. по 1913 г., время создания левого радикального направления в германской социал-демократии, было для

меня заполнено большой работой. Я писал ежедневно в бременской и лейпцигской народных газетах; кроме того, издавал для партийной печати—два раза в неделю—бюллетень, посвященный мировой политике, печатавшийся регулярно в пятнадцати газетах. В 1912 г. издал работу о германском империализме, которая пыталась показать историческую линию его развития и ставила вопрос о социалистической революции. Борьба, которую мы вели в рядах германской социал-демократии, привела к расколу радикального крыла, к его распаду на центр, возглавляемый Каутским и Бебелем, и левую радикальную часть, предшественницу теперешней коммунистической партии. Кроме названных выше уже Розы Люксембург и Паннекука, ближайшее участие в этой работе принимали теперешние члены коммунистической партии Германии: Клара Цеткин, Август Тальгеймер, Брандлер, Вальшер, Фрелих, Пик, с которыми я уже тогда связался узами не только боевого сотрудничества, но и личной дружбы. В то время, когда из нас, левых радикалов, спланивалось ядро будущей коммунистической партии Германии, росла вражда наша не только по отношению к правым руководителям партии, но и к партийному центру; с каждым днем мы чувствовали больше, что нам с ним не по дороге. Но, находя живой отклик в массах рабочих в промышленных центрах Германии, мы были убеждены, что когда, под влиянием обострения классовой борьбы, рабочие массы войдут в движение, то им удастся с легкостью побороть сопротивление партийного и профессионального бюрократического аппарата. Поэтому нам даже в голову не приходила мысль о необходимости раскола партии, как условия победы будущей германской революции. Но вскоре пришлось нам увидеть более наглядно, что представляет собой бюрократический аппарат германской социал-демократии.

Мой приятель Тальгеймер был редактором партийного органа в Геппингене в Вюртемберге. Геппинген—маленький город с быстро развивающейся металлургической промышленностью, был, вместе с Штутгартом, центром радикального движения на юге Германии. И штутгартская и геппингская газеты находились полностью в наших руках. Правление вюртембергской социал-демократии опираясь на организацию неиндустриальных районов страны, находилось в непрерывной борьбе с этими двумя радикальными организациями. Для успешного ведения этой борьбы оно

решило свернуть шею геппингской газете, которая принадлежала несмотря на свой маленький объем, к наиболее выдержанным органам левых радикалов. Для этой цели правление использовало факт, что геппингские рабочие, руководившие партийной организацией, из-за незнания законов допустили ряд ошибок при постройке типографии, которые могли их посадить на скамью подсудимых. По германским законам кооперативы могут принимать долговые обязательства только в известном процентном отношении к их собственному капиталу. Типография, основанная на кооперативных началах, имела долги выше нормы, допускаемой законом, и находилась в финансовом затруднении, как, между прочим, и много других партийных типографий. Тальгеймер не имел обо всем этом ни малейшего понятия. Когда он уехал в отпуск и я его замещал, вюртембергское правление предъявило вдруг к руководству организации ультиматум. Оно соглашалось ликвидировать задолженность типографии при условии слияния геппингского органа с реформистскими и снятия Тальгеймера. В случае несогласия на это организации, вюртембергский ЦК отказывался помочь газете, что должно было привести к банкротству и к процессу, который подвел бы руководителей геппингской организации под параграф о злостном банкротстве. Когда я узнал обо всем этом, я вызвал телеграфно Тальгеймера, мы мобилизовали партийную организацию и апеллировали к обще-германскому ЦК, не зная о том, что вся эта игра велась с ведома Эберта, второго председателя партии. Эберт приехал для разбирательства дела вместе с Брауном, теперешним премьер-министром Пруссии.

На совместном заседании руководителей геппингской организации и представителей обще-германского и вюртембергского ЦК мы доказали, что дело здесь идет о шантаже, об использовании финансовых затруднений лево-радикальной газеты для отдачи ее в руки оппортунистов. Тогда Эберт и Браун заявили нам, что они приехали для улажения конфликта, а так как мы на это не идём, то они прерывают заседание. Они отказали нам в протоколировании доказанных нами фактов. Но геппингские металлисты, придвинув столы к дверям, заявили Эберту, что его не выпускают с заседания пока то, что доказано, не будет запротоколировано. Взбешенный Эберт заявил нам: „В партии назрел лево-радикальный нарыв, и мы его вскрыем“. Тогда мы поняли, во что превратился

аппарат германской социал-демократии. Геппингская организация, не рискуя идти на полный развал, который последовал бы несомненно, если бы ее руководители были приговорены за злостное банкротство, должна была подчиниться. Борьбу пришлось вести Тальгеймеру и мне, причем против меня были изданы все средства, начиная с того, что, как иностранец в Германии, вдобавок переживающий по политическим соображениям из одного города в другой, я не уплачивал регулярно партийных взносов, и кончая тем, что вследствие раскола в социал-демократии Польши и Литвы теперешний зампредреввоенсовета Уишлихт и я, имея за собой вагшавскую партийную организацию, были исключены из партии главным правлением. Борьба между оппозицией партийной в Польше, возглавляемой Ганцким, Уишлихтом, Малецким, Домбским и мною, с одной стороны, и главным правлением, возглавляемым Варским, Мархлевским и Дзержинским — с другой, не носила принципиального характера, а касалась организационных вопросов; она была бунтом выросшей во время революции массовой рабочей организации против заграничного центра, не понявшего, что одним из последствий революции является большая самостоятельность рабочих). Прикрываясь моим исключением из польской социал-демократии, правление германской социал-демократии заявило, что не считает меня больше членом своей партии. На Хемницком партсъезде оно имело великодушный козырь в руках: какая-то темная личность иностранного происхождения смеет обвинять германский ЦК в коррупции. Геппингское дело было замято, но участники его знали уже, что такое представляет собой бюрократический аппарат германской социал-демократии. К чести германских рабочих я должен сказать, что несмотря на весь нажим партийной бюрократии, ей не удалось заставить бременских рабочих отказаться от меня. В продолжение недели шла борьба за то, может ли исключенный из партии быть главным политическим сотрудником бременской партийной газеты. Бременские рабочие, под руководством погибшего в 1919 г. моего друга Иоганна Книфа (в нем коммунистическое движение потеряло человека, соединявшего железную волю, талант организатора с недюжинными знаниями, человека, который, несомненно, был бы одним из лучших вождей германской компартии) и Антона Паннекука, отстаивали мое право на руководство их органом, и в продолжение многих лет бременская

газета представляла зрелище, невиданное в международном рабочем движении: исключенный из двух партий освещал в одной из лучших партийных газет не только все общие вопросы политики, но и все вопросы партийной тактики. Скоро междуфракционная комиссия российской социал-демократии ликвидировала бесследно личные упреки, поднятые против меня в пылу фракционной борьбы в Польше, и я мог бы на следующем германском партийном съезде достигнуть чести сделаться снова членом германской социал-демократии, если бы... история не повернулась так, что перестало быть честью для революционера быть членом германской социал-демократии. Съезд, на котором должно было заново стать мое дело, уже не состоялся. 1 августа 1914 года началась мировая война; германская социал-демократия перешла на сторону империализма.

Начало войны застало меня в Берлине. С момента убийства австрийского эрцгерцога было ясно, что мы стоим пред мировой войной. Недели, предшествовавшие началу войны, были неделями бешеной кампании в бременской газете. Зная, что скоро рот нам будет зажат, мы делали все для того, чтобы долбить рабочим массам за что идет борьба и что надо бороться против опасности войны. В Берлине мы создали под руководством Либкнехта малую организацию, которая стремилась обострить демонстрации, создаваемые социал-демократией, привести к столкновениям с полицией, чтобы заставить рабочие массы усилить борьбу. Вот факт, что брутальная берлинская полиция избегала всеми силами столкновения, говорил нам ясно, что правительство решилось воевать. Война была провозглашена. Рабочие, призываемые к оружию, были вполне дезориентированы. Партия молчала. По кабакам шла пьянка, пушечное мясо пыталось заглушить свою тревогу. Мы радикалы, метались, как угорелые, проклинали партию, что не дает сигнала, хотя бы к массовым демонстрациям. Наиболее пессимистически настроенные боялись, что социал-демократическая фракция в парламенте воздержится от голосования, но не было такого пессимиста, который бы допустил, что парламентская фракция социал-демократии может голосовать за кредиты. Когда вечером 3-го августа вышедший из заседания парламентской фракции депутат Хенке известил меня, что фракция решила голосовать за военные кредиты, мы немедленно условились, что он будет голосовать против, что я до утра напишу деклара-

цию, мотивирующую голосование, и что он попытается вокруг этой декларации собрать несколько левых депутатов. Я был вполне огорочен и только на пути в предместье, в котором жил, оставшись один в вагоне, понял, что случилось, что провалилась позорно в пропасть целая эпоха рабочего движения. Когда я утром вручал набросок декларации Хенке, по лицу его было уже видно, что он не решится плыть против течения. Либкнехт, которого я встретил еще 4 го, объяснял, почему и он не решился голосовать против: по его мнению, не подлежит сомнению, что правительство перейдет очень скоро к преследованиям партии, и тогда вся партия повернет фронт против войны. Я уже в это не верил. Социал-демократическая пресса представляла уже теперь смердящую клоаку, отравляющую своим зловонием рабочую массу. Вся она перешла на службу империализма.

В первые дни у меня, как, наверно, у многих других товарищей, было чувство, что незачем писать. Сорок лет продолжалась социалистическая пропаганда, и разве она сумела спасти хотя бы вождей социал демократии от рокового четвертого августа? Но само собой понятно, что такие настроения могли продолжаться только несколько дней. Я взялся за работу и начал, несмотря на цензуру, в бременском партийном органе освещать характер войны. Большую помощь оказывали мне при этом детальное знакомство не только с книжной и брошюрной империалистической печатью, но и военные германские журналы, которые хвастались тем, как хорошо германский империализм подготовил войну. Цензура, видно, считала, что эти длинные вереницы цитат приводятся во славу осмотрительного германского правительства, но рабочие передовики великолепно понимали цель этих упражнений. В маленьком готайском органе начали свою кампанию Роза Люксембург и Меринг. Скоро начал откликаться штутгартский партийный орган Либкнехт начал раз'езжать по стране и прощупывать партийные организации, Роза Люксембург начала выступать в окрестностях Берлина. Раскол, происшедший в польской организации в двенадцатом году, создал понятию, отчуждение между мною и Розой Люксембург. Но я держал ближайшую связь с Либкнехтом и Мерингом и через них был не только в курсе начинаний группы Розы Люксембург, из которой вышел впоследствии Союз Спартака, но и согласовывал свои действия с ними. Так как я был наиболее

близок к организации северо-запада, то поставил себе задачей собрание революционных сил в Гамбурге и Бремене и в связанных с ними городах. В Бремене, несмотря на то, что и Пауль Фредих и Иоганн Книфф были мобилизованы на военную службу, старое ядро партийной организации осталось полностью в наших руках. Депутат округа и редактор партийной газеты Хенке держался очень неуверенно под напором профсоюзной бюрократии, но все-таки еще не рвал с нами, и газета была в наших руках. В Гамбурге организация была полностью в руках правых, но в партийных низах действовали доктор Лауфенберг, историк гамбургского рабочего движения, пользующийся в его рядах большим влиянием, и молодой агитатор Вольфгейм, вынесший революционную закваску из американской организации „Индустриальных рабочих мира“. С ними я встретился в сентябре в Бремене, и мы решили начать издательство пропагандистских брошюр, направленных против войны. Лауфенберг относился недоверчиво к теоретической позиции Розы Люксембург, не хотел устанавливать непосредственной связи с ее группой, но обязался через меня координировать действия. В Берлине существовала частная школа марксистской пропаганды, руководимая большим чудачком, но очень стойким человеком, Борхардом. Борхард издавал перед войной популярный пропагандистский журналчик „Лучи Света“, имевший значительное распространение в рабочих низах. Он без всякого колебания предал свою пропагандистскую школу и журнал к услугам антивоенной пропаганды. Под видом лекций по истории английского империализма я читал в этой школе перед сотней рабочих лекции, которые должны были дать подготовку нашим пропагандистам для борьбы с предательством Шейдеманов. Автомобильные гудки, которые во время лекций сигнализировали приближение нескольких автомобилей, заставляли собравшихся думать, что с лекции отправимся прямо на Александер-плац в гостеприимное помещение берлинской полиции. Долго работа, проводимая мною не могла быть скрытой. Социал-демократы знали великолепно все наши связи, и я скоро получил от Хейльмана — редактора хемницкого партийного органа, одного из самых ярких застрельщиков реформистской политики перед войной и одного из самых решительных застрельщиков социал-патриотической политики, письмо, в котором он давал анализ позиции, занимаемой

нами. Он пытался уговорить меня, что если уж мы хотим занимать оппозиционную позицию, то пусть это будет не принципиальная позиция, а оппозиция, направленная на завоевание конкретных уступок со стороны правительства. Одновременно шла большая переписка со старым моим другом Конрадом Генишем, одним из лучших людей радикального направления, который после первых недель войны перешел на сторону социал-патриотического большинства. Я пытался его удержать, и эта наша переписка попала в руки гамбургских реформистов, которые ее напечатали брошюрой и пустили по организации. Атмосфера сгущалась. Либкнехт уговорил меня отправиться в Швейцарию для налаживания связей с итальянской партией и французскими интернационалистами. Это мне удалось, и в Швейцарии я условился с Робертом Гриммом, редактором партийного органа „Бернер Тагвахт“, насчет нашей нелегальной переписки и насчет корреспонденций для его газеты. Он отдал полностью в распоряжение немецкой оппозиции свою ежедневную газету, и мы условились, что будем ее распространять в Германии, пока правительство не спохватится. Я виделся с Анжеликой Балабановой, которая жила в Швейцарии для связи с итальянским ЦК. Владимира Ильича, который, освободившись из тюрьмы в Австрии уехал в горы, я не мог найти, но манифест, выпущенный им от имени ЦК, произвел на меня громадное впечатление резкостью постановки вопросов. Я был вполне согласен и с оценкой войны и с оценкой Интернационала, содержащимися в манифесте, но, находясь под влиянием обстановки германской социал-демократии, первых слабых шагов, которые мы делали в Германии, я считал, что путь к гражданской войне еще очень далек, что нельзя еще ставить вопроса о расколе. Троцкий, который тогда находился в Цюрихе, соглашался со мною насчет последнего, но был очень оптимистичен насчет революционных перспектив и упрекал меня в пессимизме по поводу доклада, который я читал в союзе иностранных рабочих в Цюрихе. Я имел тоже длинные разговоры с Павлом Борисовичем Аксельродом, который, будучи противником точки зрения, проводимой социал-демократическими партиями, находил для нее тысячи объяснений, сбивавшихся в действительности на защиту социал-патриотизма. Захватив все неизвестные в Германии документы, я вернулся обратно в момент, когда второй раз собирался германский рейхстаг. Либкнехт решил

на этот раз голосовать открыто против кредитов с соответствующей революционной декларацией. Меринг и Роза Люксембург считали, что он должен это сделать только в том случае, если совместно с ним будет голосовать еще несколько левых. Они боялись, что если только он будет голосовать, то это произведет на массу удручающее впечатление полного его одиночества. Но из людей, на которых можно было полагаться, Ленч перешел на сторону социал-патриотов; Ледебур не решался восстать против партийной дисциплины; надежда была только еще на Рюле и Хенке. Обработка этого последнего была моей задачей. Совместно с Либкнехтом мы встретились с Хенке. Либкнехт прочел проект своей декларации. Хенке начал делать возражения. Либкнехт сразу согласился поверить мне составление декларации, обязываясь принять ее, если Хенке с нею будет согласен. Я вернулся домой и взялся за ее составление. Мы встретились снова втроем за несколько часов до заседания рейхстага второго декабря в кафе Иости. И Либкнехт и Хенке оказались довольными моим наброском. Но, несмотря на это, Хенке заявил, что голосовать против кредитов не будет и мотивировал очень открыто свое решение: профессиональная бюрократия в Бремене усилилась, среди рабочих не видно еще никакого движения, он — человек семейный, не может рисковать. Когда же Либкнехт ответил ему, что количество детей не может определять позиции революционера, Хенке ответил ему злобно, что ему легко говорить, ибо он материально независим, но между прочим, вряд ли и Либкнехт посмеет один стать против партии. Либкнехт ничего ему не ответил. Мы отправились в рейхстаг. И я с галереи парламента наблюдал, какое громадное впечатление произвел момент, когда одинокий Либкнехт поднялся, чтобы бросить свой вызов империалистскому миру. Вся пресса загудела. Либкнехта начали изображать сумасшедшим. Даже так называемые левые, не решившиеся поднять совместно с ним протест, начали шипеть по углам. Но все, что было еще в партии живого и революционного, подняло голову. Из конспиративных собраний, из партийных кружков борьба перешла на денной свет. было поднято знамя, вокруг которого могли собираться рабочие. Корреспонденции, которые я посылал конспиративным путем в бременскую газету и которые там появлялись за подписью Парабеллум, обратили внимание социал-демократической и буржуазной печати,

ибо они сигнализировали вопре консолидацию оппозиции, открыто развертывали ее идеологию. Догадки социал-демократической прессы насчет авторства кивки по моему направлению ставили вопрос, стоит ли рисковать арестом, не разумнее ли попытаться в Швейцарии создать конспиративную базу для оппозиции. Товарищи высказались за последнее, и я пробрался в Швейцарию.

На этот раз я сразу нашел Владимира Ильича и Зиновьева. Мы установили единство по основным вопросам. Разногласия существовали по вопросу о лозунге самоопределения наций; что касается открытого провозглашения лозунга раскола, то и Ленин считал его вопросом тактическим, не решимым независимо от силы оппозиции во всякой стране. Я поселился в Берне, где читал лекции по империализму в партийной школе, писал в бернском и цюрихском партийных органах, писал для бременского органа и для „Лучей Света“ Борха, да и организовал нелегальную связь с Германией через жену, которая работала врачом в Моабитском госпитале в Берлине. Ежедневное общение с Лениным, обмен мнениями убедили меня окончательно, что большевики являются единственной революционной партией в России, и уже на апрельской международной конференции женщин в пятнадцатом году я помогал в борьбе против центристских построений Клары Цеткин. Одновременно мы совместно действовали среди молодежи, издававшей „Интернационал Молодежи“, совместно вели пропаганду в швейцарской социал-демократии. Когда по инициативе Троцкого, Балабановой и Роберта Гримма началась подготовка к созыву Циммервальдской конференции, то уже была установлена связь части немецкой левой, так называемых северогерманских левых радикалов, большевиков, шведских левых, части швейцарских левых с большевиками. Жена, приехавшая на несколько недель в Швейцарию, возвращаясь в Германию, взяла с собою приглашение на Циммервальдскую конференцию. К Циммервальдской конференции мы подготавливались очень тщательно. Я написал тезисы, которые подверглись тщательной критике со стороны Ленина; он настаивал на придании им агитационного характера, на большей сжатости. Принципиальных разногласий между нами при составлении тезисов не было. Когда конференция собралась, картина соотношений на ней была следующая. Правое крыло представляли немецкие центристы с Ледебуrom в главе, центр представляли французы,

итальянцы, Коларов от болгар, Раковский, Мартов, Троцкий, спартаковцы с Маиером во главе, Ланнский от левого крыла ППС, на левом фланге находилась наша группа в составе Ленина, Зиновьева от большевиков, Берзина от лагашей, меня от краевой польской с.-д., Борхарда от немецких левых, Нермана и Хеглунда от шведов и Фрица Платена от левых швейцарских с.-д. По поручению нашей группы я выступал докладчиком; отвечал Ледебур, которого позже громили Ленин и Зиновьев. Борьба шла по двум вопросам — об обязательности голосования против военных кредитов и о необходимости стремления выйти из пропагандистских кружков на улицу, о необходимости развертывания массовой классовой борьбы против последствий войны, с целью сделать эту борьбу по мере ее нарастания борьбою против войны. Для защиты нашей точки зрения мы послали в комиссию Ленина. Несмотря на неудовлетворительность резолюции, принятой комиссией, мы решили единогласно подписать воззвание, считая, что момент разрыва с центром придет только тогда, когда массовое рабочее движение примет более широкие размеры. После конференции мы имели собственную конференцию циммервальдской левой, на которой решили издать воззвание конференции и доклад о ней с острой критикой ее половинчатости, создать постоянную организацию циммервальдской левой, секретарем которой я был назначен. Босвой фонд этой организации составлен был таким образом, что Владимир Ильич внес от ЦК большевиков 20 франков, Борхард от немецких левых — 20 франков, а я из кармана Ганецкого от имени польских социал-демократов — 10 франков. Будущий Коммунистический Интернационал располагал, таким образом, для завоевания мира пятьюдесятью франками, но для издания брошюры о конференции на немецком языке понадобилось 96 франков. Сорок шесть пришлось одолжить у Шкловского, который, эксплуатируя труд Зиновьева и Сафарова, был фабрикантом каких-то минеральных солей. Недостающие 46 франков мы выручили от продажи брошюры. Циммервальдская левая действовала в дальнейшем дружно, борясь против центристских элементов во всех странах. Ее секретариат рассылал по поводу всех изменений в положении и по поводу тактики, проводимой центристами, циркулярные письма, которые составлялись мною и после критического пересмотра Лениным и Зиновьевым переписывались мною соб-

стенноручно на гектографе. Роскоши пишущей машинки мы не могли себе еще позволить. За это время „Лучи Света“ начали появляться еженедельно, и мы имели в них в Германии широко распространенный легальный орган. В шестнадцатом году бременские друзья, собрав рабочими взносами капитал в двести рублей, приступили к изданию журнальчика „Рабочая Политика“, половину которого я писал из Швейцарии; из русских большевиков сотрудничали в нем Зиновьев, Колонгай, Бухарин, Евгения Бош. Очень курьезные приемы применялись для нелегальной связи с журналом. Вся переписка шла обыкновенной почтой, но для избежания пограничной цензуры на конвертах я ставил надпись — „подлежит газетной цензуре на месте. Срочный манускрипт. Не задерживайте“. Не было ни одного случая, чтобы статьи и письма не попадали или задерживались для цензуры в Мюнхене. В Бремене же они отдавались без просмотра редакции, которая со своей стороны в цензурную представляла только то, что было предназначено для печати. Всякую же печатную нелегалку я посылал точно так же открыто по почте, но всегда наклеивая почтовые марки в недостаточном количестве. Тогда швейцарская почта при отправке вносила посылку в штрафной список и, не вскрывая, срочным порядком вручала ее редакции с единственной целью выколотить от нее лишних двадцать копеек штрафа. Бременцы не сразу догадались, в чем тут дело, и ругали меня за небрежность, причиняющую им такой материальный ущерб. Еще лучше поставлено было дело с посылками журнала „Предвестник“, который мы начали издавать в Швейцарии на деньги Роланд Гольст. Этот журнал, который ясно и открыто ставил все вопросы, мы поставляли со скидкой в пятьдесят процентов социал-патриотическому издательству Баумейстера, к которому направляли за заказами своих товарищей. Издательство Баумейстера, находившееся под покровительством правительства, получало посылки регулярно и за пятьдесят процентов прибыли распространяло большевистскую литературу.

На Кинтальской конференции, состоявшейся в 1916 г., мы уже представляли значительную силу. Продолжение войны везде привело уже к сдвигу налево. Большевики оказались на деле единственной революционной организацией России. Меншевики раскололись на открытых социал-патриотов и на нерешительных интернационалистов, за кото-

рыми в России не было реальной силы. В Польше наша организация вела героическую борьбу против немецких оккупантов, в Германии, несмотря на арест Либкнехта и Розы Люксембург, движение спартаковцев разрасталось и само определялось. Во Франции Монат и Росмер вытесняли более умеренного Мергейма. Нам удалось завязать сношения с Америкой. В Англии обострилась оппозиция рабочего класса. На Кинтальской конференции благодаря этим сдвигам мы сумели уже навязать циммервальдцам нашу антипацифистскую позицию, отклонить попытки переговоров со Вторым Интернационалом. В целом ряде основных вопросов с нами голосовали спартаковцы и представители итальянского ЦК. После конференции на заседании циммервальдского бюро мы перешли в прямое наступление против Роберта Гримма, который, будучи секретарем циммервальдского объединения, вел оппортунистическую политику в Швейцарии. Через циммервальдскую левую проводилось влияние большевистской идеологии во всех странах.

После Кинтальской конференции я переехал в Давос, откуда поддерживал связь с Ильичом и с Германией. Ильич имел непосредственную связь с Францией, Англией, Америкой и Скандинавскими странами. Мы часто встречались, когда Ильич переехал из Берна в Цюрих. В Цюрихе он заставил меня и Бронского завязать непосредственные сношения с швейцарскими рабочими, считая, что даже самые левые из швейцарских партийных вождей представляют собой колеблющиеся элементы. Он разработывал аграрную программу для швейцарских революционных социал-демократов и ходил с нами на малые собрания швейцарских рабочих.

Однажды за обедом в базельской санатории в Давосе, между мясом и компотом, швейцарский врач гнусавым голосом сообщил мне, что в городе расклеены телеграммы агентства о революции в Петербурге. Это было сказано с таким невозмутимым спокойствием, что ни я, ни Павел Леви, который был у меня в гостях, не поверили. Но все-таки нас охватило беспокойство, и, не дождавшись уже кофе, мы побежали в город, где и прочли первые телеграммы агентства. Когда мы вернулись домой, меня вызвал к телефону Бронский и от имени Владимира Ильича попросил немедленно приехать. Поезд шел только на следующий день. Встретил нас Владимир Ильич, с готовым решением сразу двух вещей: надо рвать с Циммерваль-

дом и ехать в Россию. Что касается первого, то, несмотря на его аргументы, что оставаться в Циммервальде — это означает вызвать впечатление блока с меньшевиками, мы с Зиновьевым добились следующих уступок от Ильича: не подписывать никаких совместных воззваний с Мартовым, но не уходить из Циммервальда. Что же касается второго вопроса, то по поручению Ильича я, совместно с Леви, переговорил с корреспондентом „Франкфуртер Цейтунг“ — фамилия его, кажется, Датман или Дитман, — который должен был нащупать почву у немецкого посланника, не согласится ли Германия пропустить русских эмигрантов взамен за соответствующее количество военнопленных. Скоро мы получили ответ, что германский посол готов обсудить этот вопрос. Тогда совместно с Мартовым мы дали полномочия для переговоров Роберту Гримму. Но его рассказ о переговорах убедил нас, что этот честолюбивый политикан может запутаться в какие-то общие политические разговоры. Поэтому мы отказались от его услуг и поручили с нашей стороны дальнейшее ведение переговоров Платену, который довел их добросовестно до конца. Все рассказы об участии в этих переговорах Парвуса не соответствуют действительности. Попытки Парвуса вклиниться в переговоры были Лениным отклонены, что не исключает возможности, что германское правительство запрашивало Парвуса об его мнении по этому вопросу. Так же точно не отвечают действительности легенды опломбированном вагоне. Никаких пломб на вагоне не было; мы только обязались не выходить из вагона. Сношения с немцами вел Платен. Я, будучи австрийским подданным и, кроме того, нелегальным в Германии (моя жена только что была арестована в Германии), переезжал без ведома германских властей, если не ошибаюсь с паспортом Войкова, до Стокгольма. Там остался вместе с Ганецким и Воровским в качестве агента ЦК для связи с за границей. В Стокгольме начался период работы, охватывающий только несколько месяцев, но полный интереснейших эпизодов.

В Стокгольме создалась с самого начала русской революции международная обстановка. Русская революция учитывалась немецкими социал-демократами, как возможность переговоров о мире. И немедленно там сконцентрировались их попытки и завязались сношения с правительством Керенского, меньшевиками и эсэрами. В качестве помощ-

ников германской социал-демократии действовали датские социал-демократы с Борбергом во главе. Исполком советов первого созыва со своей стороны послал сюда свое представительство в лице Розанова и Мешковского. Социал-демократы стран Антанты в свою очередь имели агентом вождя шведской социал-демократии Брантинга. Зашевелилось международное бюро Второго Интернационала с Гюисмансом во главе, который переехал в Стокгольм и организовал там свое бюро. Началась подготовка к созыву Стокгольмской конференции Второго Интернационала; приезжали делегации из всех стран. Приехали австрийцы, с тяжело больным Виктором Адлером и Ренером во главе, приехали венгерцы с Кунфи, приехали бельгийцы. Мы пытались завязать связь с левыми элементами во всех этих делегациях для того, чтобы получить информацию о положении, завязать сношения с элементами, способными к развитию налево. Наиболее комичное дело вышло с австрийцами. Вместе с их делегацией приехала старая деятельница австрийской социал-демократии, сестра Густава Экштейна. Сней — другая деятельница партии, симпатизировавшая нам. Почтенный Ренер, совершенно этого не зная, вез в своем чемодане письма от наших австрийских товарищей, которые перелали ему на хранение сочувствующие нам в австрийской социал-демократии. В одном из этих писем товарищи передавали нам, что Ренер перед самым выездом на конференцию был принят австрийским императором на тайной аудиенции, сведение, которое мы поспешили напечатать к немалому удивлению Ренера. Из приезжающих социал-демократов наиболее потрясающее впечатление произвел на меня вождь бельгийских социал-демократов Дебрукер, которого я перед войной знал, как одного из лучших левых марксистов и который теперь не был в состоянии говорить и думать ни о чем другом, как о войне до конца. Кунфи передал нам сведения о революционном положении в Венгрии. Он был единственным из социал-демократов, который был твердо убежден в предстоящей в Центральной Европе революции. Самое жалкое впечатление производили независимые германские социал-демократы, которые на словах очень были революционны, но которые боялись передать более конкретные сведения о положении в Германии. Мы, понятно, наладили связь и с Союзом Спартака, от которого приезжал к нам Фукс, и с нашими единомышленниками, с кото-

рыми переписывались нелегально. Иоганн Книфф, перешедший на нелегальное положение и скитавшийся тогда по Германии, сумел доставлять нам сведения о революционном движении, которые мы передавали по телеграфу в „Правду“, к большой радости Владимира Ильича. Для информации западноевропейской социал-демократической печати мы начали издавать сначала гектографированный бюллетень, появлявшийся два раза в неделю под названием „Корреспонденция Правды“. Этот бюллетень широко использовывали в рабочей печати. Он издавался одновременно по-французски в Женеве. Скоро он уступил место еженедельнику, носившему название „Вестник Русской Революции“. Издание бюллетеня и „Вестника“ было сопряжено с очень большими затруднениями. Не только наши средства были очень скромные, что принуждало нас издания эти поставить кустарным образом (весь технический персонал состоял из жены Ганецкого и моей), но мы были отрезаны от сведений, ибо петроградская цензура не пропускала за границу большевистской печати. Однако, Ганецкий скоро разузнал, что этот запрет не относится к печати, издаваемой в Финляндии, и мы могли получать не только орган нашей финской партии „Тюмес“, имевший много сведений из большевистской печати, но получали и „Волну“, наш большевистский гельсингфорский орган. „Волна“ состояла в значительной мере из перепечаток из „Правды, и мы, таким образом, были снабжены всеми основными сведениями. Представительство тогдашнего ВЦИК издавало со своей стороны бюллетень, но, несмотря на свой официальный характер, оно получало известия через курьеров с таким опозданием, что не могло с нами конкурировать. Старик Аксельрод, который после июльских дней приехал в Стокгольм, хвалил нас за умелость и был убежден, что мы имеем тайную радио связь с Балтийским флотом. Это убеждение было общее и привело к очень комичным происшествиям. В гельсингфорской „Волне“ был напечатан приказ Керенского, данный адмиралу Вердеревскому, в случае попытки гельсингфорского флота продвигаться в Кронштадт потопить гельсингфорские корабли при помощи подводных лодок. Мы, получив номер „Волны“ с этим известием, решили его пустить в печать под заглавием „Государственная измена Керенского“. Узнав об этом, представитель ВЦИК сказал мне, что мне представляет собою государственную измену, ибо нельзя пе-

чатать тайных военных документов и что за напечатание не только будем уголовно отвечать мы, но и Центральный Комитет большевиков. Он добавил, что не подлежит сомнению, что мы эти сведения получили тайным путем из Гельсингфорса. Мы не хотели его в этом разуверять и сказали только патетически, что принимаем полную ответственность за наши шаги и что сведения напечатаны. А потом ужасно смеялись, когда под разными предлогами начали на квартиру Ганецкого являться шведские шпики, пытавшиеся вынюхать, где у нас помещается радиоприемник.

В сентябре месяце должна была состояться Циммервальдская конференция. Мы подготовлялись к ней самым тщательным образом, чтобы дать бой меньшевикам и принудить циммервальдские партии занять определенные позиции по отношению к борьбе пролетарских и мелкобуржуазных течений в русской революции. Со стороны меньшевиков выступал Ерманский и Аксельрод. В нашей делегации — Воровский, Ганецкий, Семашко и я. Борьба приняла очень острые формы, главным образом потому, что старик Аксельрод защищал открыто подлые меры, принятые правительством Керенского против нашей партии. Припертый нами к стене Гаазе, вождь германских независимцев, пытался перевести спор на вопрос, отрицаем ли мы насилие по отношению к другим социалистическим партиям. Мы ответили с полной ясностью, что насилие по отношению к якобы социалистическим партиям, предающим революцию, признаем и будем практиковать, если очутимся у власти. Циммервальдцам же ставил вопрос, признают ли они связь с мелкобуржуазными партиями, применяющими насилие против борцов пролетарской революции. В борьбе мы были поддержаны не только спартаковцами, но даже старик Ледебур не выдержал адвокательства Гаазе и открыто выступил в нашу защиту. Конференция кончилась принятием резолюции, призывающей к массовым революционным действиям для защиты русской революции. Надо заметить, что Владимир Ильич в своих письмах из Питера настаивал на подготовке разрыва с циммервальдцами, считая, что пришло время готовить организацию Третьего Интернационала. Мы не могли решиться на этот шаг, считали его преждевременным.

Обострение борьбы в Петрограде увеличивалось с каждым днем, и мы проводили бессонные ночи в ожидании решающих сведений. Они пришли поздней ночью,

и венгерский журналист Гутман передал нам под утро из телеграфного агентства речь Владимира Ильича при открытии второго съезда советов. Мы с Ганецким немедленно собрались в путь, но были задержаны телеграммой, что для свидания с нами едет представитель ЦК германской социал-демократии. Этим представителем оказался никто иной, как Парвус, который от имени германской социал-демократии привез заверения, что она немедленно вступает в бой за мир с нами. Частным образом он заявил нам, что Шейдеман и Эберт готовы объявить всеобщую забастовку в случае, если бы германское правительство под давлением военных кругов не пошло на почетный мир. Об этих переговорах мы напечатали открыто в шведской партийной газете и отправились с Ганецким в Питер, имея в кармане только удостоверение от Воровского, что являемся членами заграничного представительства большевиков. Не зная, в чьих руках граница, мы послали финского товарища, который передал собранные нами сведения об отзвуке вызванном Октябрьской революцией. Он вернулся скоро со сведениями, что граница в руках наших товарищей, и мы отправились ночью через границу. Нашли мы там молодого матроса Светличного с корабля „Республика“, горячего, преданного, который связал нас немедленно с Гельсингфорсом, так как в Финляндии происходила тогда железнодорожная забастовка и без разрешения забастовочного комитета нельзя было отправляться дальше. Получив разрешение на экстренный поезд, мы послали в Гапаранду за русскими рабочими, приехавшими из Америки и ожидавшими возможности дальнейшего следования в Россию. По дороге мы получили петроградскую буржуазную прессу, раздувавшую разногласия в большевистском ЦК. С очень тяжелым чувством подъезжали мы к Петрограду, но когда через окно вагона увидели отряды красной гвардии, обучавшиеся владеть винтовкой, нас охватила дикая радость. Как во сне приехали в Смольный и через минуту были в кабинете Ленина.

Десять лет работы в рядах русской революции черезчур свежи, чтобы о них дать связную картину. Я ограничусь поэтому только перечислением основных фактов своей работы за эти годы. Немедленно после приезда в Петроград был послан обратно в Стокгольм для предварительных переговоров с представителем немецкого правительства Ричлером. После возвращения поехал с

Троцким в Брест-Литовск. По возвращении в Петроград после разрыва переговоров был назначен членом Комитета обороны Петрограда. После заключения Брестского мира руководил отделом Центральной Европы в Наркоминделе и отделом внешних сношений ЦИК'а. После начала германской революции был послан совместно с Раковским, Иоффе, Бухариным и Игнатовым в делегацию ВЦИК'а на первый съезд немецких советов. Когда легально не удалось проехать, отправился нелегально. Принимал участие в организации первого съезда компартии в Германии. После убийства Розы Люксембург и Либкнехта остаюсь нелегально в Берлине и принимаю участие в руководстве партии. Арестованный 15-го февраля, сижу до декабря в тюрьме, откуда мне удается издать семь брошюр, посвященных злободневным вопросам германского рабочего движения, и принимать деятельное участие в руководстве германской компартией, поддерживать близкую связь с австрийской и завязывать сношения с английским движением. Одновременно из тюрьмы удается мне налаживать сношения с Талат-пашей и Энвер-пашей и с представителями восточной ориентации германского политического мира, с бывшим министром иностранных дел Гинце и т. д. Освобожденный из тюрьмы, возвращаюсь в Россию через Польшу, на основании соглашения, заключенного Пилсудским с советским правительством. В марте 1920 года назначаюсь секретарем Коминтерна. Принимаю деятельное участие в организации второго конгресса Коминтерна, на котором выступаю докладчиком. После конгресса отправляюсь в качестве члена польского Ревкома на польский фронт. Поражение застаёт меня в Седлеце. Совместно с Зиновьевым принимаю участие в организации первого съезда народов Востока, на котором выступаю докладчиком. В октябре 1920 года отправляюсь нелегально в Германию для участия в организации съезда, на котором должно было произойти объединение левых независимцев с спартаковцами. В январе 1921 г. даю инициативу к тактике единого фронта так называемым открытым письмом. Вернувшись, принимаю участие в третьем конгрессе Коминтерна в качестве докладчика по тактике. На четвертом конгрессе являюсь докладчиком о тактике единого фронта и рабочем правительстве. В 1922 г. руковожу делегацией Коминтерна на съезде трех Интернационалов. К концу 1922 г. послан председателем русской профсоюзной

делегации на Гаагский съезд, посвященный борьбе с военной опасностью. В начале 1923 г. отправляюсь в Христианию для предотвращения раскола норвежской коммунистической партии. После возвращения в Германию отправляюсь в Гамбург, как наблюдатель во время конгресса Второго Интернационала. Принимаю участие в организации кампании по поводу захвата Рура и в Лейпцигском съезде германской компартии. По возвращении в Россию командируюсь Коминтерном в октябре для участия в руководстве предполагаемым восстанием. Приезжаю 22 октября уже после начала отступления. Одобряю это решение ЦК. Возвратившись в Россию, принимаю участие в дискуссии 1924 года на стороне партийной оппозиции. На XIII съезде партии выступаю против намечающегося изменения коминтерновской тактики. Не вхожу больше в Центральный Комитет, членом которого состоял с 1919 г. На 5 конгрессе Коминтерна выступаю против намеченного тактического курса и не вхожу больше в Исполком Коминтерна. За все годы революции состою сотрудником „Правды“ и „Известий“. Пишу в первую очередь по вопросам внешней политики и международно-рабочего движения. Избранное собрание моих статей и извлечений из брошюр составляют сборники: „Пять лет Коминтерна“, 2 тома (изд. „Красн. Нови“), „Германская революция“ (изд. Госиздата), 3 тома; статьи по вопросам текущей международной политики образуют том „1924 год“ (изд. Госиздата). На немецком языке часть предвоенных работ издана в 1920 г. под заглавием: „In den Reihen d. russischen Revolution“. С 1925 г. являюсь ректором Китайского унив. им. Сунятсена и принимаю участие в редакции Большой Советской Энциклопедии.

Раковский, Христиан Георгиевич (*автобиография*). Я родился 1/13 августа 1873 г. в болгарском городке Котеле. Уже в первой половине XIX столетия Котел становится важным хозяйственным и политическим центром. Семья, в которой я родился, принадлежала к зажиточнейшему классу в городе. Мой отец занимался сельским хозяйством и торговлей. В связи с последним обстоятельством он ежегодно проводил несколько месяцев в Константинополе. Он принадлежал к так называемой „демократической партии“, отличался любовью к образованию и знал греческий язык. Однако, по линии отца я не унаследовал ничего такого, что должно было предопределить мое дальнейшее развитие.

Иное дело наследство по линии матери. Она принадлежала к семье, которая играла крупнейшую роль в политической и культурной истории болгарского народа. Из этой семьи вышел капитан Георгий Мамарчев, бывший офицером в русской армии Дибича-Забалканского, который сделал в 1834 г. первую попытку организованного восстания против турецкого владычества. Восстание было подавлено, Мамарчев сам был арестован и сослан сначала в Малую Азию, а потом на остров Самос, где и умер. Он приходился родным братом матери знаменитого революционного деятеля Саввы Раковского, личность которого господствовала над всей политической и культурной историей Болгарии с 1840 по 1867 г. Савва Раковский, будучи в Румынии, организовал там в 1841 г. повстанческий отряд для вторжения в Болгарию. Он был арестован, приговорен к смертной казни, но спасся бегством во Францию. Амнистия дала ему возможность вернуться в свой родной город, но ненадолго. Вскоре отец и сын были отправлены в Константинопольскую тюрьму. Мстительность их политических противников перенеслась и на оставшуюся беззащитную семью, между прочим и на мою мать, тогда еще девочку. Семья была „отлучена“ от церкви, и к ней был запрещен всякий доступ соседям, так что она в то время отсутствия спичек,—когда зажигали камин, беря огня у соседей должна была холодом и голодом платить за политические грехи своих отца и братьев. Хотя я начал свою сознательную жизнь через много лет после смерти Саввы Раковского, но воспоминания матери и бабушки были еще достаточно свежи, чтобы заставить работать мое воображение.

С раннего детства у меня развилась сильная и горячая симпатия к России — не только потому, что революционная деятельность моих дедов и дядей большей частью была связана с Россией, но еще и потому, что я был свидетелем русско-турецкой войны. Мне было тогда не больше 5 лет, но в моей детской памяти сохранился смутный образ русских солдат, которые проходили тогда через Балканы. Наш дом был одним из лучших в городе и стал поэтому квартирой для высшего офицерского состава. Встречал я и генерала Тотлебена, организатора осады Плевны; встречал и провожал князя Виземского, одного из начальников дивизии Болгарского ополчения, который, будучи ранен, пролежал в нашем доме больше сорока дней. Среди офицеров находились и лица

имевшие отношение к подпольным организациям, о которых в моей семье сохранилось предание, что они говорили: „Мы вас освобождаем, но кто нас освободит?“ Война внесла пертурбацию и в жизнь моей семьи: наше имение очутилось в пределах румынского государства, и вся семья должна была эмигрировать в румынскую Добруджу.

Начальное образование я получил еще в г. Котеле, а потом продолжал его в Добрудже под руководством матери. Последний год начальной школы я провел в Варне. Здесь же я поступил в гимназию. Это было в тот период, когда даже самая юная учащаяся молодежь увлеклась политикой. Среди других стал увлекаться общественными интересами и я. В 1887 г. политическое брожение среди гимназистов, к которому примешивались и элементы личного недовольства некоторыми учителями, вылилось в форменный бунт, который пришлось усмирять вызовом роты солдат. Я был среди арестованных, а также среди исключенных из всех болгарских школ. Один год я провел в отцовском доме в Мангалии, без разбора читая все, что было в библиотеке отца или что можно было найти у знакомых. В 1888 г. мне разрешили снова поступить в гимназию, и я отправился в Габрово, где поступил в 5-й класс. Здесь я провел меньше двух лет, так как до окончания 6-го класса меня снова исключили из всех болгарских школ и на этот раз — бесповоротно.

В Габрово я оформил свои политические взгляды и стал марксистом. Моим учителем был один из ветеранов болгарского революционного движения, Дабев. Вместе с моим товарищем Балабановым, трагически умершим впоследствии в Женеве, мы издавали подпольную гектографированную газету „Зеркало“, в которой было решительно все: и педагогических взглядах Руссо, и о борьбе между бедными и богатыми и о плохом поведении учителей и т. д. Мы вели некоторую работу среди крестьян, распространяя переведенные на болгарский язык женевские подпольные издания. Еще в 5 классе, отправившись пешком в мой родной город Котел, я выступил в церкви с проповедью о „первой христианской церкви св Якова“, иными словами — с речью о христианском коммунизме. Но вообще наша деятельность не выходила за стены гимназии. Осенью 1890 г. я отправился в Женеву, чтобы поступить на медицинский факультет. Я выбрал медицину потому, что она в нашем представлении давала возмож-

ность войти в непосредственный контакт с народом. Мы знали тогда только индивидуальное воздействие, о массовой работе еще не думали. Нам казалось, что режим болгарского диктатора Стамбулова будет продолжаться вечно.

Очутившись в Женеве, я в ближайшие же месяцы познакомился с русской политической эмиграцией и, в частности, с русскими социал-демократическими кружками. Некоторое время спустя я познакомился с Плехановым, Засулич и Аксельродом, и долгие годы их влияние на меня было решающим.

В Женеве я был три года, с 1890—1893 г. Хотя я числился студентом и даже сдавал экзамены, но к медицине я был совершенно равнодушен. Мои интересы были вне стен университета. Я быстро втянулся в работу среди русского студенчества. Вместе с Розой Люксембург, которая некоторое время жила в Женеве, мы руководили марксистскими кружками для самообразования.

Моя деятельность не исчерпывалась, однако, русскими интересами. Вместе с другими товарищами, иностранцами и русскими, мы организовали социалистические элементы женевского студенчества. Мы связались со студентами-социалистами других стран, в частности Бельгии, где зимой 1891—1892 г.г. имел место первый международный съезд студентов-социалистов. Участвовать на этом съезде мне не удалось, хотя я состоял в переписке с организаторами. Но зато вся подготовительная работа по устройству второго съезда, имевшего место в Женеве, была возложена фактически на меня. Во всех трудных случаях моей работы я советовался с Плехановым. Я связался, кроме того, с женевским рабочим движением и с французской рабочей партией. В Женеве я также был близок к польским и армянским социалистическим революционным кружкам, однако главной моей работой являлась болгарская. Я перевел книгу Девиля „Эволюция капитала“, сопроводив ее большим вступлением с анализом экономических отношений в Болгарии. Позже из Женевы мы редактировали в Болгарии журнал, который не только по имени, но и по формату и по внешней обертке, являлся подражанием русскому заграничному журналу „Социал-Демократ“. Но это было и понятно, так как Плеханов являлся вдохновителем и нашего журнала. Ряд статей я переводил прямо с его рукописи. Когда в Болгарии был создан первый марксистский журнал „День“ и основана первая еженедельная с.-д. газета „Работник“ и „Дру-

гар" („Товарищ“), я, конечно, стал их постоянным сотрудником, в особенности—последней. Иногда полноты было заполнено моими статьями под различными псевдонимами. В 1893 г. в качестве делегата от Болгарии я присутствовал на Социалистическом международном съезде в Цюрихе. Женевский период кончился для меня укреплением моих марксистских взглядов и усилением моей ненависти к русскому царизму.

Еще находясь студентом в Женеве, я ездил в Болгарию, где прочел ряд докладов, направленных против царского правительства. В 1897 г., когда я окончил университет, я выпустил в Болгарии большую книгу „Россия на Исток“, которая годами давала пищу не только болгарской социалистической партии против русского царизма, но и всем так наз. руссофобским течениям в Болгарии и на Балканах. Я следовал директиве Плеханова: „Царскую Россию нужно изолировать в международном отношении“. Но болгарская буржуазная печать уже до этого обратила на меня внимание при первых моих поездках в Болгарию. Руссофильская печать вела против меня кампанию уже тогда, когда я был студентом. Осенью 1893 г. я поступил на медицинский факультет в Берлине, с целью ближе ознакомиться с немецким рабочим движением. В Берлине я стал сотрудничать в „Форвертсе“ по балканским делам. Я также участвовал в немецких студенческих социалистических организациях, имевших подпольный характер, и вошел в близкую связь с Вильгельмом Либкнехтом. У Либкнехта я познакомился и с другими вождями немецкой с.-д. партии. Либкнехт имел на меня большое влияние. Я поддерживал с ним личную связь и переписку до 1900 г. Он проявлял очень большой интерес к Балканам, очень интересовался русским, польским и румынским революционным движением. В Берлине вся моя студенческая политическая жизнь развертывалась в русской колонии. Это было время расцвета русского легального марксизма. Русская колония в Берлине жила спорами: о народничестве и марксизме, о субъективистской школе, о диалектическом материализме. Но мне приходилось принимать участие и в более специальных спорах (напр., против сионистов).

После шестимесячного пребывания в Берлине я был арестован и через несколько дней выслан. Летний семестр 1894 г. я провел на медицинском факультете в Цюрихе, где в то время жил и П. Б. Аксельрод. Зиму 1894—1895 г.

я провел в Нанси. Я продолжал связь с болгарским движением, также и личную переписку с Плехановым и В. И. Засулич, жившей тогда в Лондоне.

Последние два года моего студенчества я провел в Монпелье (Франция). Продолжая свою связь с Болгарией и свою работу среди русских и болгарских студентов, я в то же время стал подходить к французскому социалистическому движению и сотрудничать в марксистском журнале „Социалистическая Молодежь“, который издавался в Тулузе под редакцией Лагарделя, а также и в еженедельном социалистическом органе „La Petite Republique“, когда он перешел под редакцию Жюля Геда. Спор среди русских студентов в Монпелье велся вокруг тех же вопросов, что и в Берлине. Сионисты, между прочим, здесь имели больше сторонников. Я вел с ними решительную борьбу. Я участвовал, кроме того, во французском студенческом кружке и выступал на закрытых рабочих собраниях. Уже в Нанси я находился под наблюдением французской полиции и расширил свою деятельность при наличии этого факта я, конечно, не мог.

Конец моего студенчества совпал с международными событиями, оживившими политическую атмосферу Европы: восстанием в Армении и на острове Крите. В связи с этими событиями, я в ряде статей постарался обратить внимание французской социалистической партии и французского пролетариата на целесообразность заступничества за армян, критян и македонцев. Я считал вообще, что незнание и непонимание восточных вопросов было одной из слабых сторон международного социалистического движения. Этому вопросу, между прочим, был посвящен доклад, который я представил от имени болгарской с.-д. партии на Лондонском международном социалистическом съезде в 1896 г. Он был напечатан впоследствии Каутским в „Neue Zeit“.

Свое медицинское образование я закончил докторской диссертацией на тему: „Причины преступности и вырождения“. Я хотел подойти к этому вопросу с марксистской точки зрения. Эта диссертация вызвала сенсацию среди студентов и профессоров и нашла свое отражение в местной печати и впоследствии в специальной мировой литературе.

В Монпелье я стал также интересоваться ближе румынским рабочим движением. Хотя по своей государственной принадлежности я считался румыном, но лишь поздно вступил в формальную

связь с румынскими товарищами. В Лондоне на международном социалистическом конгрессе я сблизился с поляками из ППС. Я участвовал в их французских изданиях, направленных против русского царизма. Из других революционных партий меня интересовали особенно армяне-хинчакисты, с секретарем которых я был в личной связи еще с Женевы.

В 1893 г. в Цюрихе я имел счастье видеть и слышать Энгельса. С Энгельсом мы были в случайной переписке, когда я находился в Женеве. Он прислал письмо нашему болгарскому „Социал-Демократу“. Впоследствии, когда нужно было к нему обращаться, я это делал через В. И. Засулич, к которой он относился с глубокой любовью и уважением.

В 1896 г., когда я окончил университет, передо мной встал вопрос: куда дальше? Моя работа протекала, гл. обр., в болгарской социалистической партии. С другой стороны, по своему подданству, я был румын. Наконец, мое горячее желание,—усилившееся фактом, что я женился на русской из Москвы, близком друге Плеханова и Засулич, революционерке-марксистке Е. П. Рябовой,—было поехать на работу в Россию.

Побывавши в Болгарии, об'ехав все центры, где я читал доклады на разные темы, и выдержав медицинский проверочный экзамен, чтобы иметь, на всякий случай, право медицинской практики в Болгарии, я решил временно остановиться в Румынии, как этапе по пути в Россию. Я должен был, кроме того, отбывать воинскую повинность, выдержав предварительно медицинские экзамены и в Бухаресте. Я отбывал воинскую повинность в качестве военного врача. В 1899 г., в феврале, я получил двухнедельный отпуск и поехал в Петербург, где уже находилась моя жена. В России в это время легальной марксистской литературе уже удалось иметь свой собственный журнал „Наше Слово“ и потом „Начало“. В первом из этих журналов я поместил статью ополитических партиях Болгарии, под псевдонимом Радев В Петербурге тогда велась горячая полемика между народниками и марксистами. Я использовал свое пребывание там, чтобы выступить на ту же тему в одном из филиалов Вольного Экономического Общества. Так как я не скрывал своей фамилии, русской полиции нетрудно было добраться до меня. Но когда она узнала мой адрес, меня уже не было в Петербурге.

Отбывание воинской повинности мешало моим литературным работам.

Я продолжал усердно сотрудничать в болгарских социалистических журналах. Органом партии вместо „Дня“ теперь было „Новое Время“, выходившее ежемесячно под редакцией Благоева. Кроме того, я выпустил на болгарском языке книгу „О политическом значении дела Дрейфуса“, а также полемическую брошюру против спиритуалистов под заглавием „Наука и Чудо“. Я также переработал для популярного издания в России свою докторскую диссертацию, и мне удалось провести ее через царскую цензуру под новым заглавием „Несчастенькие“ за подписью женщины-врача Станчовой. Она была выпущена и на болгарском языке, но уже под фамилией ее настоящего автора. В то же время я подготовлял книгу о „Современной Франции“, которая была мне заказана петербургским издательством „Знание“. Во время моего кратковременного пребывания в Петербурге я рассчитывал встретиться с Лениным, который в это время находился в Пскове. Но мне это не удалось. Срок моей военной службы в Румынии закончился 1 января 1900 г. Сняв с себя офицерский мундир, я мог открыто выступить в румынской социалистической печати и на рабочем митинге в Бухаресте. Но это я сделал только для того, чтобы констатировать полную ликвидацию румынского рабочего движения в результате предательства его вождей, перешедших целиком почти в либеральную партию Братиану. Но так как я стремился в Россию, тогдашняя моя деятельность в румынском рабоч. движении ограничилась этим выступлением. Через мои руки в Румынии проходила большая переписка между Засулич и Плехановым, с одной стороны, и петербургскими марксистами—с другой; я ее пересылал моей жене в Петербург. Пред моим отъездом в Россию сама Засулич приехала в Румынию, откуда я ее, снабдив румынским паспортом на имя Кировой, отправил в Россию, куда я собирался последовать через несколько месяцев. В этот период уже велась борьба между бернштейнцами, т. е. Струве, и революционными марксистами. Плеханов особенно возмущался ренегатством своего близкого товарища. Он написал мне в Румынию о том, что необходимо заключить блок даже с Михайловским—против Струве, и предложил, чтобы я по приезде в Петербург помог его сотрудничеству в „Русском Богатстве“ под именем Бельтова.

В Петербурге я застал следующую картину: резкий поворот Струве направо.

Он горько упрекал В. И. Засулич в том, что она вернулась в Россию, так как она может в случае провала скомпрометировать своих „друзей“. Это страшно огорчило Засулич, которая сильно была привязана к Струве еще в Лондона, (в 1896 г.), где он оставался после международного с.-д. съезда несколько недель. Получилось такое положение, что в то время, как Михайловский, Карпов Анненский, не говоря уже о наших марксистах (Туган-Барановский, Вересаев, Богучарский и др.), встречались на квартире моей жены с В. И. Засулич, Струве ее долго не хотел видеть.

Что касается плана Плеханова—сотрудничать в „Русском Богатстве“, то мы, обсудив этот план в русском кругу, нашли его неподходящим. Мы думали, что более целесообразно, чтобы Плеханов сотрудничал в издаваемом Поссе и Горьким журнале „Жизнь“.

Лично я был чрезвычайно счастлив своему приезду в Петербург. Полной грудью я дышал зимним воздухом и мечтал о более длительной работе в России. Вместе с женой и товарищами (среди них и А. Н. Калмыкова, Н. А. Струве, бывшая левее своего мужа) мы составляли планы о работе среди молодежи и среди рабочих; я писал свою книгу „Современная Франция“. Однако, очень скоро после моего приезда мне было объявлено, что я в 48 часов должен выехать из пределов России. Эта высылка разрушила все мои планы. Возвращаться на Балканы у меня не было никакой охоты. Интерес к ним у меня уменьшался, чем больше я приближался к революционному движению России. Мне было предложено поехать под наблюдением полиции в Ревель и ждать отъезда парохода. Я и уехал туда вместе с моей женою. Там я закончил „Современную Францию“, изданную под псевд. Инсаров (выбранным моими петербургскими друзьями).

Между другими, которые принимали живое участие в хлопотах о моем оставлении в Петербурге, был и Н. И. Гурович, оказавшийся впоследствии провокатором. Перед отъездом он меня убеждал, что, благодаря своим связям при дворе (не то с братом, не то с зятем барона Фредерикса), он уверен, что через некоторое время ему удастся вернуть меня в Россию. То же самое он повторил и в Париже, куда он приехал летом 1900 г. Заверения Гуровича о возможности возвращения становились все более частыми. Наконец, дело свелось к тому, чтобы дать деньги „для подкупа родственников барона Фредерикса“. Конечно,

за этим дело не стало, и я вернулся снова в Россию. Пред своим отъездом в Россию я записался студентом на юридический факультет в Париже. Я считал, что после того, что мне пришлось испытать в Петербурге, мне не удастся долго удержаться в России и придется снова поехать во Францию.

В Петербурге я застал пустыню. После студенческих беспорядков весной 1901 г. оттуда была выслана масса литераторов, среди них много легальных марксистов. Единственная связь, которая у меня осталась, была с подпольным миром, где скоро на очереди дня стала брошюра Ленина „Что делать“.

К этому периоду относится мое усиленное сотрудничество в русских „толстых“ журналах, продолжавшееся до 1904 г. включительно, гл. обр. под псевдон. Инсаров и Григорьев. Но все это не могло удовлетворить моей жажды живой деятельности, и после постигнутого меня несчастья—потери жены—я вернулся во Францию в конце 1902 г. и стал сдавать экзамены по юридическому факультету с намерением устроиться там и, сделавшись французским гражданином, активно участвовать в революц. движении.

К этому времени относится моя единственная вольная врачебная практика, продолжавшаяся не больше 6 месяцев во французской деревне Болье в департаменте Луары. У меня создались не только профессиональные, но и политические отношения с крестьянами, в особенности после моего выступления на официальном банкете, где я произнес речь, очень не понравившуюся присутствовавшим сенаторам и депутатам. Мне предлагали оставаться в Болье. Смерть моего отца летом 1903 г. заставила меня вернуться домой. С этого момента я опять возвращаюсь к балканским партиям, в частности к румынскому рабочему движению.

Зимой 1903—04 г. я вернулся в Париж. В Париже меня застала Русско-японская война. На громадном митинге, где присутствовали представители всех революционных партий, выступил также и я. Моя речь своим пораженческим духом вызвала упреки моего учителя Плеханова, который был председателем митинга. Он приехал в Париж для прочтения реферата еще до объявления войны, и, так как он был выслан из Франции, нужно было прибегнуть к содействию Клемансо, чтобы ему был разрешен временный въезд. Я помню, как на другой день после этого митинга Плеханов, обедая вместе со мною у Жюля Геда,

жаловался последнему на мое пораженческое настроение. Помню, как Жюль Гед на это сентенциозно ответил: „Социальная демократия никогда не может быть анти-национальной“. Многократно потом Плеханов мне напоминал эту фразу Гед. После трехмесячного пребывания в Париже я вернулся в Румынию и оттуда направился в Болгарию, где уже раскол между „тесняками“ и „широкими“ был завершившимся фактом. Я стал активно и решительно на сторону „тесняков“.

В том же году я отправился в Амстердам, в качестве болгарского делегата, на Международный социалистический съезд. Одновременно я получил мандат также и от сербской социал-демократ. партии. В Амстердаме я принял деятельное участие в работах комиссии по тактике. Здесь же в Амстердаме, по поручению уже российской делегации, я выступил на рабочем митинге, темой которого было убийство Плеве.

Я вернулся опять в Румынию. События 9 января 1905 г. были сигналом к пробуждению румынского рабочего класса. Мы основали еженедельную газету „Рабочая Румыния“, положив начало рабочей политической организации под этим же именем. В отличие от ликвидированной румынской социал-демократ. партии мы направили свое главное внимание на организацию профсоюзов, для того, чтобы подвести под социал-демократ. партию чисто пролетарскую базу. Существовавшее раньше движение в Румынии отличалось именно отсутствием пролетарского характера. Оно составлялось из интеллигентов, мелкой буржуазии и из сравнительно малого числа рабочих. Период оказался чрезвычайно благоприятным. Румынский рабочий класс отозвался с готовностью на призыв „Рабочей Румынии“. Стачечное движение приняло такие размеры, что даже городские города Бухареста обратились к нам с просьбой организовать их забастовку. Создавались новые и новые профсоюзы. И капиталисты и правительство были застигнуты врасплох, и первые забастовки кончались быстро и с успехом. Но хозяева уступали только для того, чтобы лучше подготовиться к наступлению.

Годы 1905 и 1906 прошли в Румынии под знаком острой классовой борьбы. Румынская печать всех оттенков увидела в моем лице вдохновителя всего этого движения и, сосредоточив свою кампанию против меня, иностранца по происхождению, полагала, что может скомпрометировать таким образом все

рабочее движение Румынии. Два события еще больше ожесточили румынское правительство и румынские господствующие классы против меня: прибытие броненосца „Потемкина“ в Констанцу и крестьянское восстание весной 1907 г. В появлении „Потемкина“ в Констанце и в моем участии в устройстве матросов правительство усматривало скрытую цель организовать потемкинцев для того, чтобы с их помощью вызвать революцию в Румынии и этим помочь русской революции. Мы ставили себе, однако, более скромную цель— политическое воспитание потемкинцев. Между прибытием „Потемкина“ и румынским крестьянским восстанием 1907 г. имел место другой факт, настороживший еще более румынское правительство. Нагруженный оружием из Варны (как я впоследствии узнал— Литвиновым) пароход, предназначенный для Батума, был выброшен на румынский берег и захвачен румынскими властями. Я имел встречу с командой, среди которой находился и делегат большевиков Камо. Я понял со слов последнего, что здесь был случай предательства, что капитан парохода сам повернул руль к берегу. Но, так или иначе, этот чрезвычайно ценный груз, не менее 50.000 винтовок,— формально направляющийся по адресу македонской революционной организации в Турции, очутился в руках румынского правительства. Румынская печать стала утверждать, что это оружие предназначалось для организации восстания в Добрудже, и к этому делу было приращено мое имя.

В феврале 1907 г. в Румынии вспыхнуло крестьянское восстание. Оно было направлено сначала против евреев-арендаторов северной Молдавии и было вызвано антисемитской травлей румынских либералов и румынских националистов-антисемитов. Однако, крестьяне, разгромивши усадьбы, занимаемые арендаторами-евреями, перешли к арендаторам-румынам, а потом к помещикам. Положение Румынии стало критическим. Вся страна, т.-е. все деревни были объята пламенем крестьянского восстания. Крестьяне жгли поместья и резали помещиков, которые находились в деревне. Румынское правительство расстреливало крестьян и сносило деревни артиллерией. Вторым его делом была быстрая расправа с рабочим движением, которое накануне крестьянских восстаний держало государственную власть в городах в постоянной тревоге. Правительство боялось объединения рабочих с крестьянами. Чтобы обезвредить рабочее дви-

жение, в городах был принят целый ряд мер: обыски, конфискация социалистических газет, закрытие помещений профсоюзов и профорганизаций, арест вождей рабочего движения. Первым арестован был я. Вскоре затем последовало мое явно противозаконное изгнание из Румынии. В течение пяти лет вопрос о моем возвращении стал практической задачей, вокруг которой развертывалась классовая борьба румынских рабочих. В период моего изгнания я продолжал участвовать в руководстве румынским рабочим движением, продолжал сотрудничать в газетах партии и профессионального движения, издавал брошюры, а также социал.-демократич. журнал „Социальное будущее“. Кроме того, я подготовил две книги: одну по-румынски—„Из царства произвола и трусости“, другую по-французски—„Боярская Румыния“. Первая была предназначена для рабочих в Румынии, вторая—для сведения социалистических партий и общественного мнения за границей; обе они были связаны с гонениями против румынских рабочих и крестьян. В них было освещено и мое дело. Я вернулся нелегально в 1909 г. в Румынию, был арестован, но меня не отдали под суд за нарушение закона, а я был лишь вновь выслан. Здесь разыгрался большой скандал, так как я сопротивлялся, и меня должны были силой втолкнуть в вагон. С другой стороны, венгерские власти отказались меня принять, и меня послали на другую, пока, наконец, после дипломатических переговоров между румынским и австро-венгерским правительствами, венгерские власти меня приняли на свою территорию. Мои расчеты и расчеты моих товарищей из нашей организации были все построены на повторяющихся процессах вокруг моего дела, которые служили нам средством для агитации среди рабочих организаций. До этого уже в мое отсутствие из Румынии, в 1908 г. в марте и апреле, румынское правительство устроило против меня два процесса, при чем (чтобы оправдать мою высылку, которая являлась незаконным актом, так как в Румынии не было закона, на основании которого правительство могло бы высылать своих собственных граждан) прибегало к самому невероятному юридическому крючкотворству и не постеснялось даже сфабриковать против меня фальшивые документы. Мы стремились поставить процесс в моем присутствии, но румынское правительство предпочитало пустить меня скорее на свободу за границу, чем держать в тюрь-

ме и создавать против меня процесс, который был бы в руках румынской рабочей партии и в моих руках средством борьбы против правительства и против буржуазии. Я рассказал, как в 1909 г. румынская полиция, арестовав меня, выбросила на венгерскую территорию.

Хотя факт ареста скрывался, тем не менее проник в печать. Румынское правительство стало его категорически отрицать. Румынский рабочий класс, который из опыта знал, что румынское правительство было способно на всякое беззаконие, усмотрел в попытке румынского правительства скрыть мой арест и мое неприятие на венгерскую территорию плохой признак преступных намерений румынского правительства по отношению ко мне. В день 19 октября 1909 г. в Бухаресте рабочие, обьятые негодованием, в особенности после того, как в вечерних газетах появилось сообщение о намерении Братиану меня „скорее уничтожить, чем пустить, обратно в Румынию“,—устроили демонстрацию на улицах, закончившуюся кровавой дракой с полицией. Кроме десятков раненых, около 30 рабочих было арестовано, среди них вожди профессионального и политического рабочего движения, которые в ту же ночь были подвешены избиению в полицейских подвалах Бухареста. Все эти возмутительные факты вызвали протест не только в самой Румынии—во всех ее больших и малых рабочих центрах и в буржуазно-демократической печати,—но и вне Румынии. Борьба между рабочими и правительством обострялась. Происходит неудачное покушение на Братиану, в организации которого, как оказалось, принимала участие сама полиция. Покушение на Братиану было сигналом к новым гонениям против рабочих и к исключительным законам против права забастовок и прав союзов. Правительство Братиану не могло больше оставаться у власти; оно ушло, проклинаемое рабочими, уступив место правительству консерваторов во главе с Карпом. В феврале 1911 г. я вновь приезжаю нелегально в Румынию; на этот раз мне удается добраться до самой столицы, и после того, как я связался со своими товарищами, я отправился и отдался в распоряжение судебных властей. И на этот раз, вместо того, чтобы открыть предо мной врата тюрьмы, румынское правительство предпочло опять бросить меня на чужую территорию, и так как уже венгерские пути были скомпрометированы, румынское правительство старалось переправить меня в Болгарию.

Но его попытки перебросить меня через два пограничных пункта на болгарскую территорию также не удалось. Еще оставался открытым для высылки меня российский путь, к которому правительство не могло прибегнуть, и, наконец, путь морской. Я был погружен на пароход, снабжен румынскими паспортами и отправлен в Константинополь. Однако и здесь через несколько дней, по требованию румынской полиции, младо-турецкие власти меня арестовали. Вмешательство турецких социалистических депутатов выручило меня из турецкой тюрьмы. Я приехал в Софию и поставил ежедневную социалистическую газету «Вперед», главной задачей которой являлась борьба с болгарским воинственным национализмом, готовившим балканскую войну. Конечно, я стал мишенью для нападков всех болгарских националистов.

Между тем в Румынии подготавливался перелом в мою пользу. Главным врагом нашего рабочего движения была либеральная партия, которая представляла не только помещиков и арендаторский капитал, но еще, гл. обр., и промышленный капитал. После некоторых уступок, сделанных крестьянам, вызвавших в деревне некоторое успокоение, консерваторы решили, что они могут до поры до времени не опасаться новых выступлений со стороны крестьян и что рабочее движение может в этот период сослужить консервативной стратегии полезную роль в борьбе с либералами. Так или иначе, после второго моего возвращения, после второй высылки моей за границу, консерваторы заявили, что они готовы допустить, чтобы мое дело было пересмотрено. Декрет о высылке был снят, и специальный суд восстановил меня в моих политических правах. Это было в апреле 1912 г.

Недолго пришлось нам пользоваться периодом «мирного» партийного строительства. Осенью 1912 г. вспыхнула первая балканская война, и с того момента Румыния и весь Балканский полуостров вошли в эпоху войн. Не прошло и года после окончания балканских войн, как надвинулись предвестники мирового конфликта. Начиная с августа 1914 года по август 1916 г., когда Румыния вступила в войну, румынской социал-демократической партии пришлось перенести очень тяжелую борьбу. Внутри самой Румынии мы должны были отстаивать нейтралитет страны против двух военных партий — руссофильской и германофильской. Борьба не ограничивалась неслыханной по своей остроте газетной полемикой,

митингами и уличными демонстрациями. Она принимала иногда более трагический характер. В июне 1916 г. произошли расстрелы рабочих в Галаце. Было убито 8 человек. Я был арестован, и против меня началось судебное следствие за организацию «бунта» против властей. Это вызвало взрыв негодования среди рабочих. В Бухаресте была объявлена всеобщая забастовка, которая грозила распространиться по всей Румынии. Правительство, очевидно, побоялось накануне самой войны вызывать в стране беспорядки и освободило как меня, так и других арестованных товарищей.

В период 1914 — 1916 гг. моя деятельность не ограничивалась борьбой против румынской буржуазии и румынских помещиков. Как член ЦК румынской партии, я предпринял все зависящее от меня, чтобы связаться с теми партиями, группировками и отдельными товарищами, которые за границей остались верны заветам рабочего Интернационала.

В апреле 1915 г., по приглашению итальянской социалистической партии, я отправился на международный митинг против войны в Милане. На обратном пути, остановившись в Берне, снесся с Лениным и с швейцарской рабочей партией. До этого еще я сносился с Троцким, который руководил тогда газетой «Наше Слово» в Париже, и где я тоже писал. Эти переговоры и встречи кончились созывом Циммервальдской конференции.

До того в течение лета в Бухаресте собралась конференция всех балканских социалистических партий, стоящих на определенно классовой и интернационалистической платформе. Т. обр., из этой конференции была исключена партия болгарских социал-демократов оппортунистов (широких). Была создана «революционная балканская рабочая социал-демократическая федерация», охватывающая румынскую, болгарскую, сербскую и греческую партии. Было выбрано центральное бюро, секретарем которого был выбран я. Т. обр., уже до Циммервальда балканские партии наметили свою линию непримиримой борьбы с империализмом.

Мне удалось участвовать весной 1916 г. на Бернской конференции циммервальдцев и выступать там вместе с Лениным на международном рабочем митинге. Присутствовать на Кинтальской конференции я уже не имел возможности, т. к. вследствие подготовки Румынии к вступлению в войну границы были для меня закрыты. Война Румынией была объявлена в августе 1916 г., а месяц спустя после этого я был уже под арестом

Румынское правительство тащило меня за собой во время отступления из Бухареста к Яссах. Первого мая 1917 г. я был освобожден русским гарнизоном в Яссах. Первый город, посещенный мною после освобождения, была Одесса. Здесь я начал свою борьбу против войны и против оборончества. Приехавши в Петроград, я продолжал ту же самую борьбу. Хотя я тогда еще не входил в партию большевиков и в некоторых вопросах не сходил с ними, но мне грозили высылкой, если я буду продолжать свою деятельность.

Во время корниловских дней меня скрывала большевистская организация на Сестрорецком патронном заводе. Отсюда я перебрался в Кронштадт. После ликвидации корниловщины я решил поехать в Стокгольм, где должна была быть созвана конференция циммервальдцев. Здесь меня застала Октябрьская революция. В декабре я был в Петрограде и в начале января уехал в качестве комиссара организатора Совнаркома РСФСР на юг вместе с экспедицией матросов во главе с Железняковым. Провив известное время в Севастополе и организовав там экспедицию на Дунай против румынских властей, занявших уже Бессарабию, я отправился с экспедицией в Одессу. Здесь была организована Верховная автономная коллегия по борьбе с контр-революцией в Румынии и на Украине, и в качестве председателя этой коллегии и члена Румчерода я оставался в Одессе до занятия города немцами. Из Одессы я приехал в Николаев, отсюда в Крым, потом в Екатеринослав, где участвовал на втором съезде Советов Украины, потом в Полтаву и Харьков. После прибытия в Москву, где я оставался в общем не больше месяца, я отправился в Курск с делегацией, которая должна была вести мирные переговоры с Украинской Центральной Радой. В Курске мы получили сообщение о перевороте Скоропадского. Здесь мне пришлось заключить перемирие с немцами, продолжавшими свое наступление. Правительство Скоропадского предложило нам приехать в Киев. В Киеве задача руководимой мною мирной делегации заключалась в том, чтобы пред рабочими и крестьянскими массами Украины выяснить истинную политику советской власти, противопоставляя ее политике Скоропадского, Центральной Рады и других агентов германского империализма и русских помещиков. В сентябре я получил экстренную миссию в Германию продолжать там переговоры с германским правительством о

заключении мирного договора с Украиной. Отсюда я должен был отправиться в Вену, где в это время была уже республика. Будучи в Берлине, я получил согласие австрийского правительства, министром индела которого был тогда вождь австрийской соц. - демократии Виктор Адлер. Но германские власти не разрешили мне поехать в Вену. Наоборот, очень скоро вместе с советским послан в Берлине Иоффе, Бухариным и другими товарищами я был выслан германским правительством. Мы находились еще в дороге, в Борисове, в германском плену, когда получили сведения о германской революции. Через некоторое время Центральный Исполнительный Комитет отправил меня в числе других делегатов (Мархлевского, Бухарина, Иоффе, Радека, Игнатова), которые должны были поехать в Берлин, чтобы присутствовать на I-м съезде германских советов рабочих и солдатских депутатов. Но мы были задержаны германскими военными властями в Ковно и после нескольких дней «плена» возвращены обратно в Минск. После краткого пребывания в Минске, а потом в Гомеле, где тогда ликвидировалась германская власть, я приехал в Москву. Оттуда был вызван Центральным Комитетом коммунистической партии (б) Украины, чтобы занять на Украине пост председателя Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Украины. Созванный в марте 1918 г. 3-й Всеукраинский съезд советов и вышедший из него Центральный Исполнительный Комитет выбрал меня в качестве председателя Совета народных комиссаров Украины. В качестве такового я работал до половины сентября того же года сначала в Харькове, потом в Киеве, а после эвакуации Киева — в Чернигове.

В середине сентября приехал в Москву и, сохраняя пост председателя Совета народных комиссаров Украины, был поставлен во главе Политического управления революционного военного совета республики. Руководителем этого учреждения я был до января, в тяжелые дни деникинского, колчаковского и юденинского напора.

Когда Харьков был освобожден из под власти белых, я был назначен через некоторое время снова председателем Совета народных комиссаров Украинской советской республики и членом Реввоенсовета сначала юго-западного фронта, который доканчивал войну с Деникиным и провел войну с поляками, а впоследствии был заменен Реввоенсоветом южного фронта, во главе которого находился покойный М. В. Фрунзе

и в котором я продолжал участвовать в качестве его члена. Пост председателя Совета народных комиссаров Украинской советской республики я занимал одновременно с постом председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с бандитизмом, председателя Чрезвычайной санитарной комиссии, председателя особой комиссии по топливу и продовольствию и председателя Украинского экономического совета. На Украине я оставался без перерыва до июля 1923 г., за исключением периода, когда ездил вместе с Чичериным Литвиновым и др. товарищами за границу, как член советской делегации на Генуэзской конференции.

В июле 1923 г. я был назначен полпредом в Англию, где провел переговоры о признании Советского Союза английским правительством, а впоследствии во главе советской делегации заключил известные договоры с Макдональдом, которые были потом отвергнуты появившимся на его смену консервативным правительством.

Из Лондона я вел переговоры сначала с Эррио, а потом с Эррио и де-Монзи, которые закончились признанием Советского Союза французским правительством. С конца октября 1925 г. я был переведен полпредом в Париж.

С 1918 г. я состою членом Центрального Исполнительного Комитета, сначала РСФСР, а потом Союза, а также членом его президиума до 1925 г. До 1924 г. состоял также членом Центрального Исполнительного Комитета Украины. С 1919 г. состою членом Центрального комитета РКП, а потом ВКП, а также до 1924 г. состоял членом Центрального Комитета коммунистической партии Украины и его Политбюро.

Раскольник в, Федор Федорович (*автобиография*). Я родился 28 января (ст. стиля) 1892 г. на окраине Петербурга, на большой Охте. До 1900 г. я воспитывался у матери, а осенью этого года был отдан в ученье в приют принца Ольденбургского, обладавший правами реального училища. В этом кошмарном училище, где еще не перевелись бурсацкие нравы, где за плохие успехи учеников ставили перед всем классом на колени, а поп Лисицын публично драл за уши, мне пришлось пробыть пансионером в течение восьми лет. В 1908 г. я окончил училище. К этому времени мне было шестнадцать лет. В седьмом классе я сделался атеистом. В том же году я познакомился с новейшей литературой, т. е. с произведениями Максима Горького, Леонида Андреева и других.

Эта литература способствовала укреплению моего атеизма. В 1909 г. я поступил на экономич. отделение СПб Политехнич. института.

Здесь необходимо вкратце остановиться на формировании моих политических взглядов. Еще в 1905—1906 гг. в 5 и 6 классах реального училища я дважды принимал участие в забастовках, при чем один раз был даже избран в состав ученической делегации и ходил к директору училища с требованием улучшения быта, за что едва не был исключен из училища. Революция 1905 г. впервые пробудила во мне политический интерес и сочувствие к революционному движению, но так как мне было тогда всего 13 лет, то в разногласиях отдельных партий я совершенно не разбирался, а по настроению называл себя вообще социалистом. Сочувствие к угнетенным и эксплуатируемым поддерживалось чтением произведений Шеллера-Михайлова, из которых особенно сильное впечатление на меня произвел роман „Лес рубят—щепки летят“. Т. обр., политические переживания во время революции 1905 г. и острое сознание социальной несправедливости стихийно влекли меня к социализму. Эти настроения тем более находили во мне горячий сочувственный отклик, что материальные условия жизни нашей семьи были довольно тяжелыми.

В 1907 г. умер отец, и мать моя осталась с двумя сыновьями. Получавшееся ею жалование в размере 60 рубл. в месяц целиком уходило на текущие жизненные расходы, а между тем нужно бы о давать образование мне и моему младшему брату Александру (работает в партии под фамилией Ильина-Женевского). Последнего за недостатком средств пришлось перевести из реального училища, где он был пансионером, в Введенскую гимназию.

Залезая в долги, матери удалось, однако, дать мне окончить среднюю школу. Точно так же первое время ей приходилось платить за меня в Политехнич. институте. В последующие семестры, в виду тяжелого материального положения, совет профессоров иногда освобождал меня от платы за ученье. В общем наша семья в это время нуждалась.

На первом курсе мне довелось познакомиться с литературными работами Г. В. Плеханова, которые сделали меня марксистом. Летом 1910 г. я проштудировал „Капитал“. В декабре того же года я вступил в партию. После выхода первого номера легальной большевистской

газеты „Звезда“, я отправился в редакцию и, заявив свою полную солидарность с направлением газеты, отдал себя в распоряжение редакционной коллегии. Восприимчивым у моей партийно литературной купели был К. С. Еремеев. С этого момента я стал ближайшим сотрудником „Звезды“ и „Правды“. Начав с хроникой, я постепенно перешел к статьям, при чем первая моя статья была напечатана весной 1911 г. В эпоху „Звезды“ и „Правды“ я, кроме того, вместе с В. М. Молотовым работал в большевистск. фракции Политехнич. института и по ее поручению поддерживал связь с ПК.

Когда 22 апреля 1912 г. возникла рабочая газета „Правда“, то я занял место секретаря редакции. Но на этом посту мне пришлось пробыть всего только месяц, так как в ночь с 21-го на 22-е мая я был арестован и отвезен в „предварилку“. Мне было предъявлено обвинение по 102 ст. в принадлежности к РСДРП. После 4½ месяцев одиночного заключения я был приговорен к административной высылке на три года в Арханг. губ. Но ссылка была заменена выездом за границу. 9-го октября я выехал в Германию, но недалеко от границы, в Инстербурге, где я решил остановиться для отдыха на одни сутки, меня арестовали немецкие жандармы по обвинению в шпионаже в пользу России. Главной уликой служил схематический план эмигрантского квартала в Париже, нарисованный перед моим отъездом из Питера К. С. Еремеевым. Через несколько дней я был освобожден и отправился обратно в Россию в целях подпольной работы, но на границе в Вержболове был арестован и по этапу отправлен в Арханг. губ. Но в Мариамполе я заболел и слег. К этому времени дало себя знать нервное потрясение, вызванное тюремным заключением. Вскоре мне было дано разрешение на пользование санаторным лечением в окрестностях Питера.

21 февраля 1913 г. я, как студент, подпал под амнистию и благодаря этому снова приобрел право жительства в Петербурге. Разумеется, я тотчас возобновил свое сотрудничество в „Правде“, в силу цензурных преследований выходявшей тогда под разными, часто менявшимися именами. Мое участие в газете усилилось весной 1914 г., со времени приезда из-за границы Л. Б. Каменева. К этому времени стали появляться мои большие статьи, написанные по заказу редакции и обычно пускавшиеся фельетонами в подвальном этаже газеты. Почти ежедневно я посещал „Правду“ и от времени до вре-

мени редакцию „Просвещения“, где также помещались мои статьи. С наступлением войны „Правда“ была разгромлена. Только случайно я не был арестован, так как в день разгрома успев закончить свои дела раньше обыкновения, я ушел домой, как впоследствии оказалось, незадолго до прихода полиции.

С первых дней империалистической войны я занял интернационалистскую, ленинскую позицию. Принимал участие в коллективном составлении ответа Вандервельде. Война превратила меня, подобно другим современникам, в военного человека. Издавна тяготея к морской стихии, в качестве рода оружия я избрал флот и, несмотря на отсутствие свидетельства о политической благонадежности, поступил в отдельные гардемаринские классы. За эти годы мне удалось побывать в двух плаваниях на Дальнем Востоке и посетить Японию, Корею и отдаленную Камчатку. Февральская революция застала меня в гардемаринских классах, где в это время происходили выпускные экзамены.

Я тотчас связался с ПК и со вновь возникшей, как феникс из пепла, газ. „Правда“. Здесь я поместил целый ряд статей, пока, наконец, в середине марта не был командирован ред. „Правды“ в Кронштадт для руководства местным партийным органом „Голос Правды“. В красном Кронштадте мне пришлось, не ограничиваясь редактир. газеты, окунуться в самую гущу партийной и советской работы. В Кронштадте составила дружная, сплоченная группа руководителей, куда входили: С. Г. Рощаль, Кирилл (Орлов), П. И. Смирнов и я, а несколько позже к нам присоединились: Смилга, Дешевой, Брегман и Флеровский.

Вскоре я был избран тов. председ. кронштадтского совета (председ. состоял беспартийный Ламанов, впоследствии в 1921 г. в кронштадтском мятеже открывший свое белогвардейское лицо). После июльского выступления, в котором вместе с другими кронштадтцами мне пришлось принять активное участие, я был арестован, посажен в „Кресты“ и привлечен по „делу большевиков“. 13-го октября был освобожден и через несколько дней получил от Центр. Комитета партии командировку в Новгород и Лугу для подготовки пролетарской революции.

В Октябрьской революции принимал непосредственное участие в боях под Пулковым. После разгрома банд Керенского и Краснова был отправлен во главе отряда моряков на помощь крас-

ной Москве. Вскоре был вызван из Москвы и назначен комиссаром морского генер. штаба, затем членом коллегии морского комиссариата и в 1918 г. заместит. наркома по морским делам. В июне 1918 г. ездил с секретным поручением Совнаркома в Новороссийск для потопления Черноморского флота, чтобы не допустить его стать добычей империалист. держав. В июле 1918 г. я был направлен на чехо словацкий фронт в качестве члена Реввоенсовета восточного фронта, а 22-го августа состоялось мое назначение командующим Волжской военной флотилии, которая 10-го сентября принимала непосредственное участие во взятии Казани, а затем, с ежедневными боями преследуя белогвард. флотилию, совершила поход по Каме, при чем ей удалось загнать неприятельские суда в реку Белую и заставить их укрыться в Уфе.

Освобождение Камы от белогвардейских банд удалось довести выше Сарапула до Гальян, где нас застал начавшийся ледоход, в виду чего Красной Волжской флотилии пришлось срочно итти на зимовку в Нижний-Новгород. После окончания кампании я вернулся в Москву, где в качестве члена Реввоенсовета республики принимал участие в его заседаниях и вместе с покойным Василием Михайловичем Альтфатером руководил морским комиссариатом.

В конце декабря 1918 г. на миноносце „Спартак“ я отправился в разведку к Ревелю и наткнулся на значительно превосходящую нас английскую эскадру, состоявшую из пяти легких крейсеров, вооруженных шестидюймовой артиллерией. С боем отступая по направлению к Кронштадту, наш миноносец потерпел неожиданную аварию, врезавшись в каменную банку и сломав все лопасти винтов. Так обр., оказавшись в плену у англичан, я был отвезен ими в Лондон и посажен в Брикстонскую тюрьму. После пятимесячного плена я был освобожден в обмен на 19 английских офицеров, в свое время задержанных в Советской России. Обмен происходил в Белоострове 27-го мая 1919 г. Тотчас после возвращения из Англии я был назначен командующим Каспийской флотилии. Вскоре к ней была присоединена вернувшаяся с Камы Волжская флотилия, и объединенные речные и морские силы получили наименование Волжско-Каспийской военной флотилии. Нашим судам приходилось действовать отдельными орядами на огромном пространстве от Саратова на Волге до Лагани и Ганюшкина—на Каспии. Наибо-

лее горячие бои флотилии пришлось вынести под Царицыном и под Черным Уром. В обоих случаях суда флотилии, подвергались почти ежедневным налетам аэропланов. Однако, соединенными действиями Красной армии и Красной флотилии нам удалось отсгоять советскую Астрахань, которая, находясь в белогвардейском окружении, висела на одной тонкой нитке железной дороги, соединявшей ее с Саратовым. Наконец, в 1920 г. занятие форта Александровского с захватом в плен остатков белого уральского казачества и изгнание англичанин Энгели завершила боевую кампанию флотилии.

Во время гражданской войны я был награжден двумя орденами Красного Знамени. В июне 1920 г. я был назначен командующим Балтийским флотом. В связи с нашим наступлением на Варшаву Красный Кронштадт во всеоружии готовился принять английских гостей. Но к огромному разочарованию моряков-балтийцев Ллойд-Джордж не прислал в кронштадтские воды ни одного английского корабля.

В марте 1921 г., в виду окончания гражданской войны и перехода к мирному строительству, я демобилизовался и был назначен полпредом в Афганистан. В декабре 1923 г. я вернулся в Москву. Состоял ответств. редактором „Молодой Гвардии“, „Красн. Нови“ и издат-ва „Моск. рабочий“. Весной 1926 г. вторично ездил в Афганистан в качестве председателя нашей делегации в смешанной союзно-афганской комиссии.

Рахья, Иван (Юкка), род. в 1887 г. в Кронштадте, учился в мастерской металлистов, еще учеником распространял подпольную литературу, входил в состав подпольн. комитета партии в Кронштадте, после неудачи. восстания в 1905 г. бежал в Финляндию, учился здесь в промышленн школе, принимал участие в рабоч. движении, как оратор, и в движении среди молодежи. В 1913 г. Р. возвратился в Петербург, где работал в мастерских и принимал участие в подпольн. работе. В 1917 г. входил в состав петрогр. комитета большевиков, участвовал в выступлениях, после Октября уехал в Финляндию в качестве помощн. высш. комисс. по финл. делам и организатора финск. красной гвардии, был один из основателей Финской Коммун. партии в Москве в 1918 г. и энергичн. ее руководителей, член ЦК. В 1919 г. был председат. Финск. К. П. в учредительн. конгрессе III Интернац. Уб. при нападении на клуб имени Куусинена в Петрогр. 31 авг. 1920 г. (см. „Г. и М.“, „Кал. Комм.“).

Рейснер, Лариса Михайловна, дочь коммуниста-профессора М. А. Рейснера, род. 1 мая 1895 г. в Люблине, в царстве Польском, где отец был преподавателем в Пулавском агроном. институте. Детство провела и первое образование получила в Германии (Берлине и Гейдельберге), где росла в атмосфере созданной близкими отношениями отца с русской революционной эмиграцией и руководящими кругами германской соц.-демократии. Эти годы положили основание к ее близкому отношению к германской культуре. Годы, проведенные с родителями в Париже, расширили культурный круг интересов ребенка. В России воспитывается в атмосфере разгрома первой революции, и уже в гимназии проявляются литературные способности и революционный темперамент Р. Очень рано начинает заниматься литературой, при чем с формальной стороны сильно на нее влияет живший в дружбе с ее родителями Леонид Андреев, который занимается с ней по истории литературы. Что влияние Андреева не распространилось на ее идейную жизнь, доказательством тому служит написанная ею на 17-м году жизни драма „Атлантида“, напечатанная в 1913 г. издат. „Шиповник“. Содержание этой драмы — попытка человека спасти общество личной жертвой. Источники, из которых Р. почерпнула содержание для своей драмы, — между прочими „История Коммунизма“ Пельмана, — указывают ясно на круг идей, в котором Р. уже тогда жила. С самого начала войны Р. переживает острейшим образом крушение международной социал-демократии и переход русской интеллигенции на почву шовинизма. Разрыв родителей с Андреевым на этой почве нашел полное сочувствие с ее стороны. Чувство невозможности оставаться вне борьбы против войны толкнуло проф. Рейснера на издание журнала „Рудин“, который всей своей внешностью (блестящие карикатуры против перебежчиков в лагерь патриотизма) и всем своим содержанием был ярким протестом изолированной интеллигентской революционной группы против войны. Душой „Рудина“ была Р., которая в нем печатала не только блестящие по форме стихи, но и целый ряд острых очерков. Одновременно на ее плечах лежала вся борьба с цензурой, заботы об изыскании средств на издательство. Когда, за отсутствием их, прекращено было издание „Рудина“, Р. начинает сотрудничать в „Летописи“ Горького. В 17-м г., еще пред революцией, Р. завязывает сношения с рабочими кружками. Февральская революция

встречает ее сразу в кругах противников коалиции с буржуазией. Яркий памфлет, направленный против Керенского и напечат. в „Новой Жизни“, вызвал не только нападение буржуазной печати, но даже испугал редакцию горьковского органа. Р. завязывает связи с широкими рабочими организациями, с просветительными кружками среди кронштадтск. матросов.

Октябрьская революция находит в ней глубокий отклик. Первые месяцы после переворота она работает по сохранению памятников искусства, и работает не с чувством спасителя старого пред нашествием варваров, а с чувством работника, сохраняющего лучшее наследство прошлого для создателей нового. Но начало гражданской войны не позволяет ей оставаться на этом посту. Ее тянет к непосредственной борьбе, и Свяжск под Казанью, где в борьбе с чехо-словаками реально складывалась Красная армия, видит Р. в передовых рядах борцов. с оружием в руках. как об этом свидетельствуют непосредственные участники этих боев (см. А. Кремлев, „Красная Звезда“ от 14/II 1926 г.)

Так проделала она позже весь поход и все бои в нашей Волжской флотилии. Свидетель этих боев, старый кадровый русский офицер Ф. Новицкий, рассказывает (в „Изм.“ от 12/II—26 г.) о том, какое уважение внушала эта молодая революционерка старым солдатам своей неустранимостью в самой опасной обстановке. После окончания борьбы с чехо-словаками и освобождения Волги, срочаясь с Красным флотом Р. назначается комиссаром штаба флота. Ее энтузиазм и чуткость, соединенные с холодным разумом, дают ей возможность завоевать себе уважение тех руководящих офицеров старого флота, которые, как адмирал Альтфатер и Беренс, перейдя на советскую службу, нуждались в живом человеке, который сумел бы им помочь ближе связаться с революцией.

Когда снова в борьбе с Лениным была пущена в ход наша флотилия, Р. продельывает с ней путь от Астрахани до Эизели. После окончания гражданской войны Р., живя в Ленинграде, пытается непосредственно на фабрике изучить жизнь рабочей массы, переживает неслыханно тяжело кронштадтский мятеж, начало нэпа и полная тревоги за будущее сов. России отправляется в Афганистан, как жена советского полпреда Ф. Ф. Раскольникова В Кабуле она не остается зрителем дипломатической борьбы, которую ведет советское представительство с английским империализмом. Она принимает ближайшее

участие в дипломатической борьбе, завязывая связи с эмирским гаремом, играющим немаловажную роль в афганской политике. изучает индийскую политику Англии, для которой Афганистан играет роль одного из форпостов, изучает индийское национальное движение. Вернувшись в 23-м г. из Кабулы, она издает свою книжку „Фронт“ и „Афганистан“. „Фронт“ останется одним из блестящих литературных памятников нашей гражданской войны. В то же время он показывает, с какой чуткостью и вниманием автор присматривается не только к героям и руководителям борьбы, но и к массе, непосредственно ее ведущей. В октябре 1923 г. Р. отправляется в Германию с двойной задачей: она должна дать русскому рабочему картину гражданской войны, назревающей там под влиянием захвата Рура французами и экономической разрухи. Одновременно она должна была, в случае захвата власти в Саксонии, служить офицером связи между той частью ЦК германской коммунистической партии и представительства Коминтерна, которое находилось в Дрездене, и остальной частью. Однако, ход событий в Саксонии не позволил Р. даже приступить к исполнению данных ей поручений. Находясь в Берлине в самые тяжелые моменты после саксонского поражения, она помогает представителям Коминтерна, живущим в полной конспирации, ориентироваться в настроениях масс. Она стоит в хвостах безработных перед биржей труда, перед лавками, бывает на фабричных собраниях, на митингах соц.-дем., в госпиталях, принимает участие в первых демонстрациях, которые удается организовать несмотря на роспуск компартии правительством.

При первых известиях о гамбургском восстании Р. спешит туда, но вследствие непродолжительности его поездки только после его разгрома. Она собирает среди семей беглых участников восстания сведения о героической борьбе гамбургского пролетариата, проникает в залы судов, чинящих расправу над побежденными. Проверяет собранный материал у выдающихся участников восстания и, вернувшись из Германии в Россию, дает в своем „Гамбурге на баррикадах“, напечат. в № 1 журн. „Жизнь“, единственную в своем роде книгу, которую не имеют ни финское восстание, ни советская Венгрия. Германская цензура и германский имперский суд запрещают немецкое издание книги и приговаривают ее к сожжению. Эстет из либеральной „Франкф. газеты“ протестует против этого приговора во имя

высоких художественных достоинств книги, но классовый суд германской контрреволюции знает, что делает: он уничтожает книгу, которая сохраняет для германского пролетариата дух гамбургского восстания. Едва оправившись от жизни в тяжелых условиях конспирации, которую приходилось вести в Гамбурге, Р. отправляется на Урал для изучения условий жизни уральского пролетариата. И эта поездка является для нее не только и полчищем литературной задачи. Имея сомнения насчет эпа, она ищет их разрешения в живой жизни и находит их в тяжелом труде людей железа и угля, в работе наших хозяйственников, работающих в заброшенных поселках Урала, ответ на вопрос о том, что мы строим—социализм или капитализм. Она возвращается, полная веры в наше будущее, и бросается в изучение нашего хозяйственного строительства. От книг отрывается для поездок в Донбасс, в текстильный район. Книга „Железо, уголь и живые люди“ рисует русский пролетариат за работой. Эта книга отличается в художественном отношении тем, что Р., выросшая среди акмеистов и владеющая очень изысканным стилем, начинает писать проще, понятнее для рабочей массы. Это не искусственное упрощение, а результат сближения с рабочими во время поездок, на работе пропагандиста в технических частях московского гарнизона. В 1925 г., большая малярией со времени персидского похода, она отправляется на лечение в Германию, но даже болезнь не удерживает ее от сношений с гамбургским пролетариатом. Из малярийной лечебницы она тайком уходит, чтобы участвовать в демонстрации гамбургских коммунистов, и, оправившись немного от болезни, раз'езжает по Германии для изучения положения рабочего класса и социальных сдвигов, происходящих на основе стабилизации. Она проникает также в техническую лабораторию Юнкера, как и в контору Крупна, в громадную газетную машину Ульштейна и, наконец, в угольные шахты Вестфалии, в квартиры рабочих, в массовые казармы нужды. Книга „В стране Гинденбурга“ это уже не художественные очерки, а большие социально-политические полотна нарисованные рукой мастера, связанного глубочайшим образом с борьбой рабочего класса. Только что окончив эту работу, она берется за разработку материалов о восстании декабристов. Ее очерки о Трубецком, Каховском, Штейнгеле, вызвавшие горячую похвалу лучшего русского марксистского историка, представляют

нального. Советскому строю был затем посвящен литографированный курс лекций, читанных в Военной академии Красной армии и являющийся едва ли не первым по времени теоретич. обзором советской конституции. Антирелигиозная пропаганда получила выражение в популярной книжке „Надо ли нам верить в бога“. Написанная еще во время гражданской войны и выпущенная лишь в 1923 г., книга „Государство буржуазии и РСФСР“ (в 3-х частях) представляет собой опыт разработки учения о государстве Советов с точки зрения социально-психологического подхода, разработанного в духе исторического материализма. В 1924 г. Р. много работал в области социальной психологии, дал по этим вопросам ряд статей в „Вестнике Коммунист. Академии“ и других журналах, проредактировал и снабдил предисловием русский перевод английского издания „Плебса“, посвященного основам марксистской психологии. В 1925 г. Р. выпустил книгу под назв. „Право, наше право, чужое право, общее право“, в которой дал научную теорию права с марксистской точки зрения с подробным анализом советского права, и в том же году „Проблемы социальной психологии“, где на основе данных рефлексологии и новейшей психологии построил при помощи марксистского метода теорию „социальных раздражителей“. В 1926 году закончил труд по классовому анализу восточных религий под названием: „Идеологии Востока“. „Энциклоп. словарь Гранат“ Р. в свое время дал ряд руководящих статей по вопросам права и государственного. Характеризовать научное направление Р. можно след. образом: он являлся одним из пионеров марксистской разработки вопросов социальной идеологии и психологии, а в частности таких ее образований как религия, право и государство. Своей научной школы Р. создать не удалось до революции потому, что тогда марксистский подход к социальной психологии вызывал классовую и политическую вражду буржуазных научных кругов, а после революции—благодаря тому обстоятельству, что восторжествовали течения, резко враждебные социально-психологическим методам в марксизме. В общем и целом научной теории Р. было отказано в признании.

Рогов, Михаил Иванович, род. в 1880 г. в Москве, сын железнодорожного служащего. Экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости и за университетский курс. С 1905 г. состоит в РСДРП (б). Принимал участие в подпольной работе

московской организации в качестве пропагандиста. Подвергался заключению и ссылке на полтора года. С октября 1917 г. состоит членом президиума московск. совета рабоч. и крестьянск. депутатов, член президиума ВЦИК. (См. „Кл. Комм.“ 1925).

Розмирович, Елена Федоровна (автобиография) Я родилась в 1886 г. Первые впечатления моей жизни связаны с землей и деревней. Первые годы жизни я провела в деревне Петропавловке, Херсонской губ., где отец мой арендовал часть имения крупных южных помещиков Сухомлиновых. Насколько я помню и знаю по рассказам, отец вместе с двумя братьями начал с того, что работал в качестве механика при паровой молотилке и обрабатывал хлеб у окрестных помещиков, потом перешел к аренде земли, а там и к покупке своего собственного имения.

Отец и его братья были немцами, выходцами не то из Германии, не то из Австрии. Мать моя—дочь помещика из дворян, разорившегося кутилы и самодура. Семья у нас была большая, сложившаяся в результате двух браков моей матери, поочередно вышедшей замуж за двух братьев.

Общий тон нашей жизни был необычайно суров. Мать и отец (пока он был здоров) проводили все время в постоянной заботе о земле и работали сами от зари до поздней ночи, не покладая рук. Дети не знали роскоши, не знали излишеств, часто даже были лишены необходимого. Все усилия семьи были направлены на увеличение состояния, к дальнейшему обогащению, берегли каждую копейку, часами обсуждая даже незначительные затраты на семью.

Атмосфера отягощалась еще тем, что в семье чувствовалась всегда какой-то надлом, надлом—результат какой-то скрытой драмы. И то, что она строилась из двух частей—детей от первого и второго брака, было источником тяжелого и неприкрытого неравенства не смягчавшегося и тем, что дети от первого брака были родными племянниками своего отца.

Все это вместе тяжело отзывалось на психике детей, калечило их и было источником постоянных страданий, но вместе с тем закаляло, воспитывало и укрепляло и без того твердый, видимо переданный всем детям по наследству от отца характер. Не все, однако, из нас равно вынесли эти тяжелые годы.

Первой жертвой царившего режима была моя старшая сестра, 19-летняя девушка, погибшая от скоротечной чахотки.

Тяготаясь окружающей обстановкой, горя желанием приобрести к какой-то другой, более осмысленной жизни, она ушла в соседний уездный город учительницей воскресных школ. Оставшись без гроша, без теплых вещей, без обуви — простудилась и сгорела в полтора месяца.

На детей в этот период времени (мне тогда было не более 8 лет) обращали мало внимания, росли, как хотели. Мать мы видели только тогда, когда надо было кого-нибудь наказать за испорченную или разбитую вещь. До ставалось в такие минуты обычно всем, времени разбирать, кто именно виноват, обыкновенно не тратили. И дети росли, предоставленные самим себе, зараженные волюнтаризмом, протестом против окружающей обстановки, с независимыми характерами.

Характерна история старшего брата Алексея, который, будучи в николаевской гимназии, попал под гнев гимназического начальства за чтение Добролюбова и Чернышевского. Так как он был один из первых учеников и отличался большими способностями, к нему отнеслись снисходительно, предложили пообещать, что больше запрещенных книжек он читать не будет, на что брат ответил: «обещаю, что больше не попадусь, но читать буду». Брата исключили из гимназии, и так как он вернуться домой не мог, то пошел бродяжить с одним из своих приятелей школьников.

Позже брат «образумился», вернулся в семью и стал ближайшим помощником отца по управлению имением и затем стал и сам землевладельцем. Умер он уже после революции в 1918 г. от разрыва сердца, не выдержав картин глумления над крестьянами его бывшего имения во время немецкой оккупации на Украине.

Второй брат — Федор, единственный оставшийся до сих пор в живых из всей семьи, кроме меня, не получая от родителей возможности учиться, пошел работать мальчиком подмастерьем на завод, уговорил одного из родственников ему помочь, самостоятельно подготовился, продолжая работать, и сдал экзамен экстерном. Добившись диплома, уехал в Германию в политехникум и сразу же после окончания получил должность старшего инженера на известном машино-строительном заводе Эльворти в Елисаветграде, куда он представил изобретенную им новую конструкцию какой-то машины.

Этот брат имел большое влияние на мою судьбу и мое политическое само-

определение, хотя сам в конце концов дальше обыкновенного либерально-буржуазного радикализма не пошел. Именно он, однако, дал толчок моему политическому развитию, когда после смерти отца, я, получив впервые возможность поступить в среднее учебное заведение, столкнулась с иными вопросами, чем те, которыми до сих пор была наполнена моя жизнь дома, где в это время уже не скупилась для меня на всякого рода гувернанток, учительниц и т. д.

Поехав после гимназии к брату за границу, я попала там с его помощью в студийскую среду и революционные кружки, в которых он вращался, считая себя тогда (1903 г.) социал-демократом. Здесь я познакомилась впервые с революционной литературой и вернулась в Россию уже с полным сознанием о предстоящей революционной работе.

Прежде чем перейти к описанию своих первых шагов на этом поприще, мне бы хотелось сказать несколько слов об остальных членах семьи. Жизнь и судьба которых все же интересна с точки зрения изучения окружающей меня среды, ее положительных и отрицательных сторон. Брат Александр поочередно исключался из всех земледельческих училищ, куда он был отдан. Его жизнь в доме была особенно тяжела благодаря его беспечности и склонности к излишествам. Много он прошел разных мытарств и скитаний, пока, наконец, не попал на военную службу в кавалерийский полк. Вскоре он был назначен чиновником особых поручений при иркутском генерал-губернаторе Бантыше, явно покровительствовавшем ему. Пред ним, казалось, открывалась блестящая карьера. Случайно он был командирован Бантышем для расследования на место лесского расстрела 1912 г. Там, увидав на месте подлинную картину дикой расправы с рабочими, он стал на сторону рабочих и принял все меры, чтобы восстановить историю событий так, как она была в действительности. Впоследствии этот материал был использован Керенским в Думе. Брат был вызван в Петроград для доклада, его ждала тяжелая кара. Страдая, что он подвел старика Бангыша, брат покончил с собой.

Наконец, последний член семьи, недавно похороненная здесь, в Москве, моя сестра — Евгения Бош. Ее революционная работа хорошо известна далеко за пределами коммунистической партии. Рано уйдя из семьи, она точно так же перенесла не мало горя в личной жизни и вся ушла в партийную революционную

работу, где занимала видные и ответственные посты, в особенности в первые годы революции на Украине. Ее отличительным качеством были непоколебимое мужество и смелость в самые решительные моменты нашей революции.

Такова была та среда, из которой я вышла.

Свою революционную работу я начала в Киеве немедленно после возвращения из за границы. Сначала, в первые годы до 1906 г. моя работа ограничивалась техническими обязанностями в организации „Спилки“: предоставлением квартир, хранением оружия и т. д., затем я перешла к самостоятельной работе по пропаганде в крестьянских кружках Киевской губ. С 1907 г. я начала работать в киевском железно дорожном районе, когда окончательно определилась в партийно политическом отношении, как убежденная большевичка. Одновременно на мне лежали обязанности секретаря южного областного железнодорожного бюро.

Эта работа была прервана первым недолгим моим арестом в 1907 г. Второй арест был более серьезным (1909 г.). В результате процесса в киевской Судебной палате по обвинению в принадлежности к социал-демократ. организации по 102 ст. угол. улож., я была осуждена к годи ному заключению в крепость. Одновременно по этому же делу я получила административную ссылку в Нарымский край на 3 года, так как судебный приговор жандармам показался слишком мягким. Крепость я отбыла полностью; ссылка же мне была по ходатайству родных заменена высылкой на тот же срок за границу. Эти 3 года эмиграции были лучшей политической школой, которую мне удалось пройти под непосредственным руководством Владимира Ильича Ленина, Каменева, Зиновьева и др., с которыми я встретилась в Парижской группе. Из Парижа я перекочевала в Вену где исполняла различные поручения заграничного Бюро Центрального комитета, с 1912 г. переехавшего в Краков ближе к русской границе. В это же время я была делегирована ЦК в качестве представителя нашей партии на экстренный международный социалистический конгресс в Базеле, где в первый и последний раз в своей жизни видела старика Бебеля. Вскоре по поручению Центр. комитета я была направлена в Россию на нелегальную работу в качестве доверенного лица ЦК. После осеннего совещания руководящих работников нашей партии в Поронине в Галиции я была направлена еще раз в Россию в качестве назначенного Центр.

комитетом секретаря большевистской думской (IV Дума) депутатской „шестерки“ и секретаря русской части Центр. комитета (т.-е тех членов ЦК, которые работали в России в подполье). В это же время я принимала деятельное участие в тогдашней „Правде“, журн. „Прогрессивение“, „Работница“ и др. легальных большевистских изданиях. Эти годы были годами нового подъема революционного движения рабочих масс и широкого развития легальных форм рабочего движения. Новый арест в феврале 1914 г. снова прервал мое легальное существование. После трехмесячной отсидки я была выслана из столиц на 2 года под гласный надзор полиции. Поселившись в Харькове и снова войдя в работу, через несколько месяцев я, однако, была вынуждена бежать за границу, скрываясь от очередного ареста. Последнее было тем более необходимо, что Центр. комитет срочно вызывал меня из России в связи с уходом Малиновского из Думы и слухами о его провокаторстве. В августе 1914 г., почти накануне войны, я нелегально перешла границу и участвовала в Поронине у Владимира Ильича в разборе дела Малиновского. На этот раз я пробыла за границей около года. Вспыхнувшая империалистическая война остановила развитие революции, обрушившиеся на рабочий класс жестокие полицейские репрессии и патриотический угар, охвативший либеральные слои, сделали невозможной на первое время широкую революционную работу. Обнаружившийся одновременно крах II Интернационала и поголовное предательство его вождей заставили заграничное Бюро ЦК во главе с Владимиром Ильичом направить все силы на борьбу с разложением, которое империалистическая война внесла в ряды заграничной социал демократии. Бежав из Вены в Швейцарию и поселившись около Лозанны, мне удалось близко наблюдать лихорадочную работу Владимира Ильича по собиранию сил революционеров и социалистов, оставшихся верными старым лозунгам. Я приняла в этот момент непосредственное участие в конференции нашей партии в Берне и созванной там же международной социалист. женской конференции (весна 1915 г.).

В июле же 1915 г. по новому поручению Центр. комитета я выехала вновь в Россию для подпольной работы, чтобы связаться с русскими товарищами и успешными оправиться от разгрома организациями. Выданная в Москве провокатором Соколовым я была вскоре же после приезда вновь арестована и,

просидев несколько месяцев в Бутырской тюрьме, выслана по этапу в Харьков, как разыскиваемая по старому делу.

После 6 месяцев заключения постановлением Особого совещания при министре внутр. дел я была выслана на 5 лет в Иркутскую губ., где и пробыла до самой Февральской революции.

Во время последнего тюремного заключения я лишилась матери, бывшей моим лучшим и беззаветным помощником с первых же шагов моей революционной работы. Только благодаря ей моя маленькая дочь Галя, окруженная ее постоянными теплыми заботами, была избавлена от скитания со мной по тюрьмам и ссылкам. Со смертью отца моя мать всю свою неукротимую энергию обратила на нас с сестрой и наших детей, оставшихся на ее руках. Она стала нашим лучшим другом и помощником во всех наших житейских бедах и изредка лишь грустно вздыхала о нашей горемычной, как ей казалось, судьбе.

Февральская революция застала меня в самом Иркутске. Во время революции я была членом иркутского городского партийного комитета и делегатом от большевиков в Комитете общественных организаций вместе с Церетели и Вайнштейном, которые входили туда же от меньшевиков.

В марте 1917 г. я уже вернулась из ссылки в Петроград. Весь период кержинщины прошел для меня в лихорадочной организационной и агитационной работе среди военных частей ленинградского гарнизона, в качестве члена бюро военных организаций при Ц. К. Одно- временно я редактировала „Солдатскую правду“.

Знаменитые дни 3—5 июля мне пришлось провести на улице вместе с стихийно выступившими полками. Во время Октябрьской революции, как член той же военной организации, я выполняла ближайшие распоряжения Военно-революц. комитета, работая по его заданиям в частях гарнизона и на фронтах под Ленинградом при наступлении Краснова и Керенского. От военной работы отошла только к январю 1918 г., когда была избрана петроградским советом членом следственной комиссии первого Революционного трибунала.

За этот период была избрана членом Учредительного собрания от большевиков и принимала участие в его первом и последнем историческом заседании 5 января 1918 г. После переезда правительства в Москву, участвовала в IV съезде советов, ратифицировавшем Брестский мир.

В 1919 г., не оставляя работы по руководству следственной комиссией Верховного трибунала, работала в НКПС в качестве председателя Главполитпути (управление всем командным политическим составом на жел. дорогах) до весны 1922 г., когда по прямому указанию Ленина я была направлена на ответственную работу в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции. Первоначально заведывала там юридическим отделом, а с 1923 г. после XII съезда партии, реорганизации Рабкрина и слияния его с ЦКК целиком ушла в работу по изучению научной организации труда и реконструированию нашего государственного аппарата на основах НОГ.

Состоя членом коллегии наркомата, я работаю в настоящее время по вопросам научного управления и руководжу работой наркомата в этой области. По поручению наркомата стою во главе специально работающего в той же области акционерного о-ва „Оргстрой“ и „Научно-Экспериментального института техники управления“. Как результат своей работы в этой области выпустила недавно книгу „НОГ, РКИ и партия“.

Со времени XIII съезда партии состою членом Центральной контрольной комиссии ВКП (б).

Рошаль, Семен Григорьевич, род. в 1896 г. в Петербурге, в средней буржуазной семье, по своему психологич. складу скорее являвшейся типично-мещанской. Учился в 10-й петерб. гимназии до 1912 г.; в 1910 г., скончалась скоропостижно мать. К этому времени в характере его неметился перелом: он вышел из детского возраста, у него появились новые интересы и запросы; из гимназич. товарищей Р. постепенно образовался небольшой кружок, близкий к революции. В 1912 г. после ареста жандармами собрания учащейся молодежи в женской гимназии Витмера, Р. вместе с другими был исключен из гимназии и с этого времени все больше уходит в революц. работу. Фактически активно начал работать в партии большевиков с середины 1914 г. До этого года он склонялся к меньшевизму, но вспыхнувшая война заставила порвать с ними. Начал он работу в Нарвском районе—в большой кассе Путиловск. завода. Во время войны работал в доме граф. Паниной на Обводном кан. В это же время ему удалось с большим трудом попасть в Психоневрологич. институт, где он работал активно среди студентов. Тут начинаются многочисленные обыски, кратковременные аресты. Период до конца 1915 г. был

наиболее активным в его подпольной работе. В сент. 1915 г. он был мобилизован и отправлен на северный фронт Отпущенный с фронта в отпуск, Р. приезжает в Питер, где арестовывается за работу на фронте (после встречи с предавшим его провокатором Черномазовым). За работу в войсках ему грозили смертной казней. В Крестах просидел до революции. В июле 1917 г. Р. был арестован правительством Керенского вместе с Троцким, Раскольниковым и др. и заключен в „Кресты“, откуда освобожден Октябрьским переворотом. Он тотчас же ушел в кипучую боевую деятельность активного революционера, которая вскоре оборвалась расстрелом Р. на румынском фронте. (См. „Нам. бор.“).

Рудзук, Ян Эрнестович (авторизованная биография), вышел из рядов революционного пролетариата Прибалтики. Он родился 3/16 августа 1887 г. в маленьком хуторе курситенской волости гольдингенского уезда, в прежней царской Курляндии, в семье рабочего-батрака.

В истории революционного движения в царской России пролетариат Прибалтийского края занимал одно из передовых мест. В условиях быстро развивающегося капитализма, ускоренной пролетаризации деревни, вековой ненависти латышского крестьянства к феодальному немецкому баронству, национального антагонизма между экономически преобладающей немецкой и зарождающейся латышской буржуазией, революционного массового движения рабочих в городах и батрачества в деревне, высоко развитого классового самосознания и вовлечения в революционную борьбу и подпольные революционные организации подлинных рабочих и батраческих масс—передовой отряд рабочего класса в Прибалтике выдвинул в 1903—1905 г.г. целое поколение закаленных революционеров, среди них также молодого Р., по партийной кличке „Либих“.

Рабочий класс Прибалтики образовался и объединялся под влиянием особых исторических и экономических факторов. Латышское крестьянство, попавшее поочередно в феодальное рабство завоевателей-крестоносцев, в крепостную зависимость немецкого баронства, под власть шведских и польских королей и русских царей, было „освобождено“ еще в 1819 г. от крепостной зависимости, при чем прибалтийские бароны заодно „освободили“ крестьян и от земли. Главная масса крестьян была превращена в безземельное батрачество.

Образование класса наемных сельских рабочих-батраков способствовало созданию революционного промышленного пролетариата. Быстрый подъем в 80-х и 90-х г.г. в промышленном и торговом развитии края, обусловленный приморским его положением, наличием пролетарских кадров, притоком иностранных капиталов, развитием железнодорожных путей, превратил Прибалтику в промышленный фабрично-заводской край с целым рядом крупных промышленных городов.

Р. в ранней молодости начал трудовую жизнь. В семье батрака, где трудясь с восхода солнца до поздней ночи, работают и дети и старики. Р. до 14-летнего возраста служил пастухом у деревенского кулака. Будучи еще мальчиком-пастухом, он полностью испытал все лишения и горечь подневольной жизни. Он провел две зимы в приходской школе и выучился первоначальной грамоте. Школа и грамота открыли Р. путь сначала к книгам, а потом и к газетам. Отец отдал его, 15 летнего подростка, в батраки к латышскому кулаку-землеладельцу, так наз. „серому барону“. Хозяин оказался настоящим кулаком-эксплуататором. Р. имел не одно столкновение с хозяином, всячески притеснявшим своих рабочих.

1898 год ознаменовался первым массовым движением латышского рабочего класса. В Либаве и Риге возникли забастовки на некоторых крупнейших заводах. Рабочие выставили экономические требования. Забастовочным движением руководили первые, только что образовавшиеся нелегальные с.-д. кружки. Вызванные войска открыли стрельбу по забастовавшим рабочим „Феникса“ в Риге, собравшимся на митинг. Рабочие отытели всеобщей забастовкой. разгромом домов буржуазии и избиванием агентов полиции. Под влиянием этих событий рабочие и крестьяне стали подниматься, в городах и сельских местностях, на борьбу, на протесты, на еще мало-сознательные и неорганизованные выступления: не посещали церквей, отказывались принимать назначенных консисторией пасторов, пели в церквях революционные песни, не снимали перед начальством шапок. По всей Прибалтике прокатилась волна „нового течения“ („яуна сграв“) политически близкого к социал-демократии.

Грубые выходки кулака-хозяина вызвали молодого Р. на борьбу и сопротивление. После одного более серьезного столкновения со своим хозяином Р., тогда 16-ти лет от роду, бросил работу и уехал без паспорта и денег в

Ригу. Этот его решительный и самостоятельный шаг, совершенный наперекор желанию отца, оказался решающим в его личной жизни. В городе началась для Р. совершенно новая жизнь рабочего-революционера, открылись пред ним новые идейные горизонты.

Но город принял молодого протестанта весьма сурово. Приходилось Р. трудно: нужно было найти работу, но без паспорта, без знакомых и друзей это оказалось почти невозможным. После долгой борьбы с нуждой, удалось, наконец, получить работу по мостке в лиц. Этот труд нищенски оплачивался. Потом Р. устроился помощником у садовника. Жизнь в городе дала Р. возможность познакомиться с культурой буржуазной цивилизации. Он набросился на весьма скромную, по цензурным условиям, прогрессивную литературу того времени („Ежемесячник“, „Денас Лапа“, оппозиционную беллетристику). Он старался посещать общества, собрания, библиотеки. Это был первоначальный еще идеологически неопределенный, период вхождения молодого Р. в орбиту революционной борьбы, выражавшейся в 1903—1904 гг. в нарастании массового движения рабочих—забастовках на фабриках и заводах, вывозе из фабрик на тачке нежелательных инженеров и мастеров, конфликтах на почве зарплаты, в оживлении в легальных рабочих обществах (взаимопомощи похоронных касс, культурно-просветительных, ремесленных), в росте протеста либеральной части латышской буржуазии, в придуманной борьбе печати левого направления. Революционная массовая борьба рабочих стала реальным фактом. Нелегальные с.-д. организации в 1904 г. развили в Риге и в провинции широкую агитацию, стали охватывать рабочие массы, создавать по предприятиям, фабрикам и заводам сеть кружков из членов партии.

Отец выслал, наконец, паспорт, и Р. поступил на инструментальный завод акц о-ва „Отто Эрбе“, где сначала подвозил уголь к кочеварке а потом стал калильщиком. Поступление на завод является вторым решающим моментом в жизни Р. Завод превратил его в настоящего пролетария и связал с подпольной организацией социал-демократов большевиков. Среди рабочих на заводе уже существовали нелегальные с.-д. кружки, настроение рабочей массы было ярко революционное. Рига выросла в крупный промышленный центр: число рабочих в предприятиях превысило 50 тысяч человек. Если прибавить к

ним рабочих в ж.-д. мастерских и в мелких заведениях, а также членов их семей, то огромное большинство населения города составит рабочий класс.

В Риге подпольно существовал ряд крупных революционных организаций: латышская с.-д. рабочая партия, большевики (рижский комитет Р. ДРП), меньшевики (рижская группа РСДРП), латышский с.-д. союз (с-ры), русские соц.-революционеры, еврейский с.-д. Бунд, группы польских и литовских социал-демократов. Более значительными были организации латышской с.-д. партии и большевиков. Подпольные организации к концу 1904 г. имелись почти на всех предприятиях. Существовали студенческие и ученические с.-д. организации. Большевиками были организованы солдатские с.-д. ячейки в гарнизоне и Усть Двинской крепости. Латышская с.-д. партия широко развила нелегальную работу в деревне среди сельского батрачества и малоземельного крестьянства.

Надвигалась революция 1905 г. Январский расстрел рабочих в Петербурге вызвал бурный протест рабочих масс в Прибалтике и особенно в Риге. 13 января царскими войсками, ротой унтер-офицерского батальона, была расстреляна рабочая демонстрация в Риге, при чем было убито 250 рабочих и работниц. В городе была объявлена генеральная забастовка, произошли траурные демонстрации и митинги протеста. Это открытое мужественное выступление рабочих масс и расстрел товарищей глубоко потрясли молодого Р. Вместе с другими рабочими он участвовал в рабочих пикетах, демонстрациях и митингах, распространял подпольную литературу. Большевицкий рижский комитет РСДРП постановил готовиться к вооруженной борьбе. Была поставлена техника по изготовлению бомб, но она накануне 1-го мая провалилась от случайного взрыва снаряда в лаборатории.

На заводе Р. познакомился с членами подпольного кружка с.-д. большевиков. В этот кружок весной 1905 г. вступил Р., став членом подпольной организации Александровского района РСДРП (большев.). В этот район входили крупнейшие фабрики и заводы: вагоностроительный „Феникс“, машиностроительные Фельзера, Этна, Пирвица. Всеобщей Компании Электричества, Вальцверка, велосипедная фабрика Лейтнера, красивая Даншгера, инструментальный завод „Отто Эрбе“, джутовая мануфактура и др. Р. попал в самый передовой и революционный район рабочей Риги

Революция 1905 г. развязала все революционные и оппозиционные силы. Появилась легальная марксистская литература: сборник „Дарбс“, революционные стихи поэта Райниса, в Пегербурге начала выходить на латышском языке резко оппозиционная газета „Пэтербургас Авиэс“, получили широкое распространение легальные марксистские издания русских издат: „Буревестник“, „Молот“ и др. С жадностью Р. стал изучать по этим первым источникам основы марксизма. Не удовлетворяясь легальной марксистской литературой, Р. посвятил свободное от работы на заводе и в партии время на пополнение своего общего образования. Он завел целую библиотеку по наиболее важным вопросам.

Вступление Р. в нелегальную организацию с.-д. большевиков обеспечило ему усвоение основных принципов ленинской тактики. Большевики по ряду важнейших принципиальных и тактических вопросов вели упорную идейную борьбу с с.-д. националами. По вопросам федеративного или территориального принципов объединения, национальной культуры, пролетарской тактики в революции, отношения к буржуазии и буржуазным партиям, тактики в декабрьские дни 1905 г.— по всем этим проблемам Р. приходилось выступать против оппортунистической линии с.-д. националов и отстаивать тактическую позицию большевиков.

Большевистская с.-д. организация в Риге не имела подготовленного кадра латышских агитаторов и пропагандистов. Не имелось также литературы и листовок на латышском языке. Р. был включен в пропагандистскую коллегию Александровского района. В „русской“ большевистской организации Р. получил возможность вплотную подойти к основным принципиальным и дискуссионным вопросам с.-д. тактики и теории. Р. стал изучать „Кто чем живет“, „Эрфуртскую программу“ и др., а из большевистской литературы: „Что делать“, „Вперед“, „Шаг вперед два назад“. В пропагандистской коллегии Р. познакомился с основами политэкономии, изучал программные и тактические вопросы. Р. читал „Развитие капитализма в России“, „Монистический взгляд на историю“, „Очерки реалистич. мировоззрения“, „Город и деревня“ и др.

Большевистская организация в начале 1905 г. сколотила первый кадр агитаторов латышской-большевиков. В числе их находился также Р. Его посылали на фабрики и заводы, на митинги, в клубы,

на кружки и на лесные собрания. 1 мая 1905 г. было отпраздновано организацией в лесу, в 10 верстах от Риги по митавскому шоссе. Это было первое присутствие Р. на большом нелегальном общегородском собрании. Весной 1905 г. была поставлена с.-д. большевиками первая нелегальная типография с латышским шрифтом Р. приходилось разносить отпечатанные листовки и разбрасывать их по заводам. Скоро стал выходить нелегальный печатный орган „Сарканайс Карогс“ (Красное Знамя). Большевистская с.-д. организация к лету 1905 г. привлекла в свои ряды значительные массы рабочих, солдат, студентов и ученичества. Если в латышской с.-д. организации и имелось численно больше рабочих, зато большевистская организация проводила последовательную революционную тактику.

В наступившей летом 1905 г. волне экономических забастовок Р. принимал ближайшее участие. Забастовали также рабочие на заводе „Орто Эрбе“. Объявили забастовки рабочие на многих фабриках в районе. Р. по поручению партии выступал уже как организатор забастовок, как руководитель движения. Бурный 1905 год сопровождался громадным количеством лесных собраний, тайных заседаний, конспиративных встреч и поручений. Р. в качестве партийного агитатора появлялся на многих нелегальных собраниях в окрестностях Риги, произносил речи, выступал с докладами, боролся за ленинскую линию. Первое его публичное выступление состоялось осенью 1905 г. за городом в „Вилла Нова“, при чем в дискуссии с.-д. националы потерпели определенное поражение. Несмотря на усиленную полицейскую и жандармскую слежку, Р. под кличкой „Либиха“ оставался неуязвимым. Молодой рабочий „Либих“ стал известен в рабочих кварталах; повсеместно разыскивала „Либиха“ охранка, но безуспешно. Арестованных товарищей охранники расспрашивали о „Либихе“, но обнаружить его не удавалось.

В рижской организации с.-д. большевиков в 1905 г. вместе с Р. работали: Бородин („Кирилл“), Ульрих („Мефодий“), Степанов („Тимофей“), Франц („Иван“), Рубинштейн („Семен“), Липшиц („Виктор“), Бранденбургский („Валериан“), Кобозев („Фом“), братья Германы („Николай“ и „Петр“), брат и сестра Файнманы („Валерий“ и „Анюта“) Овечкин („Алексей“), Мендер („Степан“), Павловский („Толстой“), Кальнин („Юрий“), Грушецкий („Мартын“), Скрипник и др. Молодой Р. („Либих“), пройдя суровую школу

партийного активиста, а потом профессионала, остался верен ленинизму. Из перечисленных же некоторые отошли от большевистской партии, а другие прямо переключались в стан ее врагов: студент рижского политехникума Александр Рубинштейн (А. Штейн) сделался редактором „Социалист. Вестника“, а Ф. Мендер перешел к меньшевикам.

Наступили дни октябрьского манифеста 1905 г. Сдерживаемые полицейскими мерами и расстрелами, рабочие хлынули на улицы. Р. по поручению партии самым активным образом участвовал во всех событиях этого исторического этапа революции. Р. стал выступать уже на открытых рабочих митингах на Грizenберге, в обществе „Аусеклис“, в партийном клубе, на митингах, устраиваемых на заводах и фабриках. Большевики призывали рабочих к самоворужению, к борьбе против „черной сотни“, к неверию в царские посулы, к всеобщей забастовке, к свержению на баррикадах царской власти. При участии Р. была партией проведена первая легальная кампания по организации профессиональных союзов. В Лифляндии общее число бастовавших фабричных рабочих в 1905 году составило 268.567 чел., а в Московской губ — 285.769 чел. Так высоко в Прибалтике поднялась волна революционной борьбы.

Октябрьский манифест сменила самая ужасная реакция. Партия еще глубже ушла в подполье. Р. стал партийным работником-профессионалом. Терпя лишения, постоянно рискуя свободой и жизнью, Р. продолжал трудное дело нелегального сплочения и сохранения расстроенных рабочих рядов. На собрании партактива осенью 1905 г. на Курмановской ул. присутствующие, под впечатлением ложного слуха о приближении черной сотни и полиции, выкинулись из окон клуба во двор. Р. и некоторые другие товарищи спокойно остались в зале. Собрание надо было перенести в другое помещение.

Особенно свирепствовала реакция в латышской деревне, куда царским правительством был направлен генерал Орлов с карательными отрядами. Революция 1905 г. подняла не только рабочих, но и батраков и беднейших крестьян, выступавших против баронов. Теперь пылали крестьянские дома и сжигался крестьянский скарб. Ленин в юбилейном № 100 нелегальной „Циня“ писал: „Латышский пролетариат более всех помог поднять движение на высшую ступень, на ступень восстания. Он несомненно больше всех других втянул в

грандиозную революционную борьбу против царизма и помещиков латышский сельский пролетариат и латышское крестьянство“.

Бесчисленные аресты вырвали из рядов борющихся много партийных работников. Р. не был схвачен и продолжал работу в подполье. В 1906 г. он был кооптирован в рижский комитет РСДРП (б) и в центральную пропагандистскую коллегию. В это трудное для подпольщика время Р. сумел правильно сочетать революционные принципы с революционной тактикой: продолжая подпольную партийную работу, он в то же время мобилизовал массы вокруг куцых легальных возможностей того времени. Он из подполья организовал легальные рабочие просветительные и проч. общества, руководя ими и направляя их деятельность в революционное русло. Он стремился также углубить свою теоретическую подготовку, изучая дарвинизм, философские системы, диалектический материализм. В то же время Р. стал ответственным организатором революционно-ученичества и бурсаков в Риге. Покойный Декснис (Латвис), сын священника, много помогал Р. в этой работе. Осенью 1906 г., в виду решений Стокгольмского съезда РСДРП и июльского 1906 г. съезда латышской с.-д. партии об объединении, произошло слияние на началах территориального объединения организаций РСДРП и латышской с.-д. партии.

По поручению ЦК соц.-дем. Латышского края Р. в январе 1907 г. был командирован в Виндаву для восстановления разгромленной охранкой нелегальной с.-д. организации. Переодевшись в форму ученика Рижского мореходного училища, Р. перебирается в Виндаву и принимает на себя руководство этой организацией. Р. работает здесь до июня 1907 года. Но охранка уже добралась до организации. Арестованный ею член виндавского комитета с.-д. партии Целава становится провокатором; он выдает Р. и всю подпольную с.-д. организацию.

Арестовали Р. два известных своими зверствами палача—начальник уездной виндавской полиции, барон Ропп, и его помощник—Адольфи. Расстрел во время „бегства“ арестованного—такова была их система. Они оба были агентами добровольной дворянской полиции, помогавшей „законным властям“ бороться с бунтовщиками революционерами. Р. угрожала смертельная опасность—быть расстрелянным палачами где нибудь в дороге, в лесу, во время „бегства“.

Но предварительно барон Ропп отправил Р. в свой специально приспособленный «дом пыток» в Поппенском лесничестве его имения, в глухом дондангенском у. Здесь Р. подвергли нечеловеческим истязаниям.

Когда Р. после перенесенных мук и истязаний не мог двигаться и пешком итти в Митаву, барон Ропп приказал пристрелить арестованного в дороге. Но это преступление не удалось совершить; слух о приближении дружины революционеров-боевиков испугал барона, и он вызвал на подмогу отряд солдат. Между начальником отряда и кровавым бароном произошла на почве служебного подчинения размолвка. Конвоировавшие Р. в Митаву солдаты отказались исполнить приказ барона Роппа о расстреле арестованного. Благодаря этой случайности Р. остался в живых. После годичного заключения в Виндаве, Митаве и Риге, Р. предстал пред рижским военным судом по обвинению по 100 и 101 ст. уг. ул. за попытку вооруженного ниспровержения царизма. Провокатор выдал охранке оружие организации, и Р., как главный организатор и представитель ЦК, был привлечен по «смертным» статьям. Смерть опять нависла над головой Р. Военный суд однако, не мог констатировать факта вооруженных действий, и Р. был осужден на 15 лет каторги, каковой срок был сокращен до 10 лет, в виду несовершеннолетия осужденного.

Р., как «здорового» каторжанина, наметили к отправке в Восточную Сибирь, на постройку Амурской жел. дороги. Но это распоряжение было впоследствии отменено. Каторжная тюрьма, сначала Рижский Централ, где Р. пробыл 1 1/2 года, а потом Бутырки в Москве, куда Р. был переведен, стала местом его дальнейшего самообразования. Долгие томительные тюремные годы Р. посвятил неустанной работе над своим образованием. Он пользовался тюремной библиотекой, книгами, присылаемыми с воли и позавидованными у товарищей по заключению. Он усердно изучал общеобразовательные предметы, французский, английский и немецкий языки, а главное — закончил свое теоретическое марксистское образование. В тюрьме и на каторге Р. не раз имел столкновения с администрацией. Он участвовал в голодовках, протестах, отдельных выступлениях. Он работал также в тюремных мастерских. Его крепкое телосложение предохранило его от опаснейших тюремных болезней. Товарищи по каторге умирали от чахотки, суставного ревматизма, фи-

зического истощения. Р. благополучно выдержал это, длившееся почти 10 лет, бесчеловеческое мученье. Царизм мстил ему за стойкую борьбу на воле. Тюрьма изнурила и ослабила организм Р., и он в последний год заключения заболел туберкулезом. На каторге Р. пробыл почти весь срок своего 10-летнего заключения. За месяц до истечения срока каторги и отправки в Сибирь на поселение Р. был освобожден Февральской революцией.

Освобожденный революцией из каторги, Р. с прежней энергией, во всеоружии марксизма и революционного опыта, окунулся в партийную работу. Он в 1917 г. сделался раз'ездным инструктором московского сов. раб. депутатов, потом избирается членом президиума и секретарем моск. профсоюза текстильщиков и членом президиума моск. совета профсоюзов. В то же время Р. назначается членом президиума МСНХ и членом президиума ВСНХ. Начиная с VIII с'езда РКП(б), Р. участвует делегатом на всех партийных с'ездах партии. В 1920 г. его избирают членом ЦК партии, с какого времени он неизменно избирается в его состав. Почти одновременно Р. избирается членом президиума и генеральным секретарем ВЦСПС. Его избирают председ. ЦК профсоюза железнодорожн. (Цектрана) и членом президиума ЦИК СССР. Некоторое время в 1919 г. Р. состоит председ. Главвода. В 1923 г. он избирается секретарем ЦК РКП, каковой пост Р. занимает до 1924 г. В 1922 г. Р. участвует в составе советской делегации на Генуэзской конференции. В 1921—24 гг. он состоит председ. Средне Азиатского бюро ВКП(б). Выработанные Р. и принятые в 1920 г. V Всероссий. конференцией профсоюзов тезисы доклада о производственных задачах профсоюзов легли в основу дискуссионной платформы Ленина и решения X с'езда партии.

В 1924 г. Р. назначается народным комиссаром путей сообщения. С назначением в 1926 г. замест. председ. СНК и СТО СССР Р. непосредственно переходит на руководство хозяйственным строительством и индустриализацией страны. Он назначается председ. финансово-валютной комиссии СТО. Под его непосредственным руководством разрешаются ответственнейшие проблемы хозяйственного развития Союза ССР. В 1926 г. Р. избирается из кандидатов в постоянные члены Политбюро ЦК ВКП(б).

И. Гермак.

Рыков, Алексей Иванович, род. 13 февраля 1881 г. в г. Саратове. Отец его — крестьянин Вятской губ., яранск у., слободы Кукарки, занимается ранее земледелием, затем торговлей в Саратове, наконец, поехал на заработки в Мерв и там умер от холеры, оставив семью из 6 человек, частью от первого, частью от второго брака Р. в это время еще не исполнилось 8 лет. Детство прошло в большой нужде. Мачеха могла прокормить только своих родных детей. Старшая сестра, Клавдия Ивановна, служившая в конторе Ряз.-Уральск ж. д. и занимавшаяся частными уроками, взяла на свое попечение мальчика и помогла ему поступить в гимназию. а затем, когда 13-летний Р. был переведен в старшие классы гимназии, он уже сам зарабатывал частными уроками. Любимыми предметами Р. в гимназические годы были — математика, физика и естественные науки. Уже с 4 класса он выбросил за борт все божественное, перестал ходить в церковь и исповедываться, к большому огорчению благонамеренного школьного начальства, весьма ценившего Р. за блестящие успехи. С годами, однако, отношения юноши-революционера со школьным начальством обострились, в связи с чем он неоднократно стоял перед угрозой исключения из гимназии. Спасали его только успехи в занятиях.

Накануне выпускных экзаменов у Рыковых был обыск, не давший результатов, благодаря находчивости А. И., в то время спрятавшего нелегальную литературу. Но знаменитая „четверка“ „за посещение“ лишила Р возможности поступить в столичные университеты, и в 1900 г. он принужден был поехать заканчивать свое образование в Казань, где и поступил на юридический факультет университета.

Годы юности Р. совпали с периодом массового подъема рабочего движения в России, которое всколыхнуло и молодежь. Саратов в то время был „сылным городом“, куда направляли „политических“ рабочих и студентов, и где особенно процветали кружки революционного направления. В них не только читали Михайловского, Писарева, Чернышевского, но даже начали изучать и Маркса. В нелегальных кружках Р. ознакомился с историей революционного движения в России и революционной литературой, прочел впервые сочинения Карла Маркса и главные работы по рабочему вопросу и профессиональному движению Зап. Европы. Он участвовал и в нелегальном журнале, издававшемся в Саратове. Кружком, в котором прини-

мал деятельное участие Р., руководил Ракитинков, игравший впоследствии видную роль в партии социалистов-революционеров, а на изучение крестьянского движения натолкнуло Р. знакомство со старым народовольцем Вал. Балмашевым (с сыном его Степаном, убитым в 1902 году министром внутр дел Сипягина, Р. был в приятельских отношениях).

Работа гимназиста Р в революционных организациях Саратова определила и дальнейшую его судьбу. Поступив в казанский университет, 19-летний студент Р. сразу входит в местный комитет с.-д. партии, руководит рабочими кружками, одновременно работая также и в студенческом комитете. Такой напряженной революционной работе в Казани Р. смог посвятить только короткое время, так как в марте 1901 г. были разгромлены рабочая и студенческая организации, и Р. был отослан на 9-месячный „отдых“ в казанскую тюрьму, а затем, в ожидании приговора департамента полиции, был отправлен на родину в Саратов под гласный надзор полиции.

Саратов к 1902 г. сделался своего рода „российским центром“, где с.-д. и с.-р. велась широкая политическая агитация в рабочих массах Р., работавший в с.-д. комитете, сделал попытку создать объединенную революционную организацию. Но после оформления эсеровской партии эта организация распалась по инициативе Р., который был последовательным искровцем. Как один из организаторов первомайской демонстрации 1902 г., подвергшейся нападению черной сотни, жандармов и полиции, Р. был избит и, весь в крови, едва успел вбежать в чей-то двор, перелезть через забор и спастись от ареста.

Вскоре, в связи с казанским делом, из департамента полиции прибыл приговор о ссылке Р. в Архангельскую губернию. Р. предпочел перейти на нелегальное положение, в котором он находился до 1917 года, перекочевывая из одного города в другой, из одной тюрьмы в другую и весьма часто меняя паспорта. Сам он позднее в одном из писем так описывает этот период своей жизни: „Не успел я сесть на студенческую скамью, как попал в каталажку. С тех пор прошло 12 лет, но из них я около 5½ лет в этой каталажке прожил. Кроме того, три раза путешествовал этапом в ссылку, которой тоже посвятил три года своей жизни. В краткие просветы „свободы“ предо мной, как в кинематографе, мелькали села, города, люди и события, и я все время куда-то устремляюсь на извозчиках, лошадях,

пароходах. Не было квартиры, на которой я прожил бы более двух месяцев. Дожил я до 30 лет и не знаю, как выправлять себе паспорт. Понятия не имею, что такое снять где-то постоянную квартиру.

Из русского бюро „Искры“ в Киеве Р. получил „явку“ для нелегального перехода границы и направился в Женеву. Здесь у Р. установилась личная связь с Лениным и другими марксистами литературной и организационной групп искровцев за границей. Через два месяца с нелегальным паспортом, адресами и явками, полученными в Женеве, Р. снова возвращается на нелегальную работу в Россию. Его тянуло в увлекательные и страшные будни подпольной революционной работы. По возвращении из-за границы он начал работать в Северном комитете с.-д. партии, который распространял свою деятельность, главным образом, на Ярославскую и Костромскую губернии. Там он руководит работой местных с.-д. организаций в Ярославле, Костроме, Рыбинске, Кинешме и других. После провала в Ярославле начались аресты, и Р. перешел на работу в с.-д. комитет в Нижнем-Новгороде. В 1904 г. ему удалось провести большую стачку на Сормовском заводе с довольно успешными результатами. Вслед за этим он был направлен партией как выдающийся партийный организатор в Москву, так как там к тому времени произошел крупный разгром с.-д. организации. Р. быстро восстановил организацию и вскоре из совершенно разгромленной московской с.-д. организации под руководством Р. превращается в одну из самых крупных организаций с.-д. партии. Р. собрал вокруг с.-д. комитета большую часть разрозненных, не связанных между собою с.-д. кружков и групп, восстановил работу в рабочих районах и сам вел непосредственную работу среди рабочих Сокольнического и Лефортовского районов. Он устанавливает тесную связь московского с.-д. комитета с литераторами-марксистами. Группа литераторов со Скворцовым-Степановым, Покровским, Рожковым, Фриче и др. приступила тогда к изданию марксистского журнала. Оживление рабочего движения по всей России, приведшее к событиям 9 января, выразилось в целом ряде стачек в Москве, а расстрел 9 января привел к первым баррикадам в Замоскворечьи.

В марте 1905 г. Р. был избран как ответственный организатор и руководитель московского с.-д. комитета на 3-й съезд партии большевиков в Лондоне, где Р. избирается в ЦК партии. С тех пор,

с небольшим перерывом, Р. является членом ЦК сначала Р. С.-Д. Р. П. (б), а потом ВКП (б).

Вернувшись в Россию после Лондонского съезда, Р. стал во главе петербургского к-та, но 14 мая во время заседания весь комитет был арестован. Р. подлежал ссылке на 9 лет, но по манифесту 17 октября 1905 года освобождается из тюрьмы и входит в состав петербургского сов. рабочих депутатов, а после разгрома его вынужден был в конце 1905 года уехать в Москву. В Москве Р. жил под именем фельдшера Мих. Алекс. Сухорученко и руководил подготовкой к IV объединительному Стокгольмскому съезду, работая в тесном контакте с Лениным, который однажды приезжал в Москву и виделся там с Р. В середине 1906 г. Р. выезжает в Одессу для борьбы с меньшевиками и организует там большевистские ячейки. Подвергшись обыску, он скрывается в Москве, но весьма скоро его арестовывают и высылают в Пинегу Архангельской губ. на три года. Из ссылки Р. бежал обратно в Москву и здесь снова работает в московской организации и руководит областным комитетом промышленной области. В это время, благодаря своему личному, близкому знакомству с революционером Шмидтом, Р. принял непосредственное участие в передаче для революционной работы партии большого наследства, полученного Шмидтом после смерти его отца-фабриканта. 1 мая 1907 года Р. был предан провокаторшей Путьтой, опять арестован и, впрямь до выяснения „дела“, просидел в Каменщиках (Таганская тюрьма) 17 месяцев. Только 28 июня 1908 г. он был приговорен к высылке, после зачета тюремного заключения, в Самару на 2 года.

Ленин вызвал Р. за границу, в виду назревшего конфликта в с.-д. партии между большевиками и меньшевиками, предлагавшими ликвидировать подпольную организацию. За границей Р. было поручено вести переговоры со всеми партийными течениями и группами о создании единого блока против ликвидаторства. Летом 1909 года Р. возвращается в Россию, сразу попадает под наблюдение охраны и 7 сентября подвергается аресту в Москве, где проживал под именем харьковского мещанина И. Билецкого. Просидев 3 месяца за проживание по фальшивому паспорту, Р. высылается на 3 года в Архангельскую губ., в Усть-Цильму на р. Печоре. Вследствие болезни полиция временно оставила Р. в Пинеге, откуда он опять бежал за границу и направился по спе-

циальному вызову Ленина в Париж, где тогда находился большевистский центр. В августе 1911 г. Р. возвратился в Россию для подготовки новой партийной конференции, но уже по дороге с вокзала в Москве Р. опять был арестован и просидел 9 месяцев в тюрьме, а оттуда опять водворен в третий раз встречающуюся на его жизненном пути Пинегу для отбытия трехлетнего срока ссылки. Вынужденное бездействие Р. заполнял чтением, а затем участием в газетке „Архангельск“ в качестве репортера. „Я все время читаю ученые книжки, журналы и массу газет, особенно газет, так как русская жизнь начала улыбаться и приходит в движение“, пишет он из Пинеги — издавляя, остро ощущая подъем новой волны рабочего движения в 1912 г. Но, вернувшись в 1913 г. в Петербург, Р. натолкнулся на полное перерождение многих прежних партийных работников, отошедших, под влиянием реакции, от активной революционной работы и отдавшихся устройству „приличного семейного очага“. „Новый образ жизни и цель личных и частных интересов“, пишет Р., „пробили брешь даже в формально большевистских головах и создали совершенно новые переживания и новую психику. Рабочие остались чужды этой трансформации нашей интеллигенции и стихийно, по инстинкту, оказывают им оппозицию“.

Переехав в Москву, Р. опять руководит работой большевистской партийной организации. Но уже в июле 1913 г. он был снова арестован и сослан на 4 года в Нарымский край, куда и был отправлен из Москвы в середине ноября этапным порядком, частью в ручных кандалах. Несмотря на строжайший надзор, Р. в сентябре 1915 г. бежал из ссылки, сначала по Оби, затем по Иртышу, Тоболу и Туре, и пробрался таким путем в Самару. На свободе пришлось ему быть немного, так как в октябре того же года (1915) он был задержан, пробыл в тюрьме 7 месяцев и опять отправлен в Нарымский край, где и остался до революции.

С самого начала войны Р. защищал последовательную интернационалистическую пораженческую позицию. Он ни на минуту не поддавался оборонческим настроениям и патриотической горячке, которые в первые годы войны захватили даже и часть ссыльных. Р. руководит противовоенными кружками, в которых проводил циммервальдскую точку зрения, и благодаря огромной энергии привлекает на свою сторону многих сочувствующих в Нарым рабочих. Тяжесть

ссылки все усиливалась, и это повлекло за собой эпидемию самоубийств среди ссыльных. Р., совместно со своей женой Ниной Семеновной и близкими товарищами, энергично повел борьбу с различными упадочными явлениями отчаяния среди ссыльных. Стоя во главе местной большевистской фракции, он развил широкую политическую деятельность и наладил связь ссылкой с российским партийным центром и с за границей, откуда Ленин старался держать его в курсе партийной политики. Когда пришла весть о Февральской революции, была получена телеграмма от томского общественного комитета, предлагавшая освободить 700 человек ссыльных по указанию Р. и двух других его товарищей и отправить их на родину.

Р. уехал из Нарыма с последней группой ссыльных и направился в Москву. Партия делегировала его в Моск. сов. рабочих депутатов и очень скоро он был избран в президиум совета. Здесь он принял особенно близкое участие в разборе конфликтов фабрикантов с рабочими (арест рабочими одного из крупнейших фабрикантов—Второва, Орехово-Зуевский конфликт и т. д.). По его инициативе Моск. сов. за 2—3 месяца до Октября секвестровал и национализировал Ликинскую мануфактуру и передал заведывание ею рабочему правлению. В Моск. совете, в большинстве состоявшем из с.-д. меньшевиков и с.-р., Р. проводил большевистскую точку зрения и, например, организовал против воли большинства совета грандиозную стачку трамвайных служащих и однодневную всеобщую забастовку в Москве в знак протеста против августовского „государственного совещания“, созданного в Москве правительством Керенского. По его же докладу о политическом положении России пленум Моск. совета отверг резолюцию меньшевиков и эсеров и принял направленную против Керенского платформу большевиков. В Октябре Р. был одним из организаторов и руководителей вооруженного восстания (см. *Россия — Октябрьская революция*) и при создании Сов. нар. комиссаров вошел в его состав в качестве наркома Внутр. В виду продовольственной разрухи, на Р. была возложена обязанность наладить дело подвоза провианта к Москве. В феврале 1918 года он отправился в хлебородные местности: в Тулу, Орел, Тамбов, Поволжье, Харьков, организовал продвижение застрявших хлебных эшелонов и несколько улучшил регулярное поступление провианта.

Еще в 1918 г., в период колоссальнойшей разрухи, правительство поручает Р. руководство Высшим советом народного хозяйства. Под его руководством была произведена национализация промышленности и создана государственная монополия в распределении производимых товаров. Наступившая гражданская война потребовала планомерного снабжения борющейся на многочисленных фронтах Красной армии. В виду недостатка продовольствия и обмундирования для армии и рабочих, в июле 1919 года было создано специальное учреждение для координирования действий ВСНХ и хозяйственных органов и организации бесперебойного снабжения Красной армии. Р. был поставлен во главе этого дела, как „чрезвычайный уполномоченный СТО по снабжению Красной армии и флота“ (Чусоснабарм). Благодаря энергии Р. из всех складов и хранилищ было извлечено все, что только можно было использовать для вооружения революции и снабжения армии.

Под его личным руководством были восстановлены и снова заработали главные заводы военной промышленности.

Красная армия стала получать оружие и патроны регулярно и в достаточном количестве.

Когда военная промышленность СССР стала на ноги, под руководством Р. было приступлено к восстановлению и оздоровлению мирной промышленности.

Летом 1921 года, вследствие болезни Ленина, Р. был назначен его заместителем, временно прервав работу в ВСНХ.

В 1923 г. Р. вновь руководит ВСНХ, в качестве его председателя, выполняя одновременно и обязанности зам. председателя Совнаркома. На ряду с этим Р. руководит работой многих комиссий по выработке и введению единого с.-х. налога, повышению заработной платы, трестированию промышленности, по разработке мероприятий, направленных к осуществлению монополии внешней торговли и т. д.

В комиссии под председательством Р. (так назыв. комиссия „по ножицам“) был разработан одобренный партией проект программы экономических мероприятий по снижению цен на промышленные и по поднятию цен на хлеб и другие сельскохозяйственные товары. На основе этой программы удалось быстро ликвидировать кризис сбыта осени 1923 года и обеспечить бурный хозяйственный подъем, начиная уже с 1924—25 года.

Когда умер Ленин, партия выдвинула кандидатуру Р. на пост председателя Совнаркома СССР и РСФСР. Он был избран 2 февраля 1924 г. постановлением ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР. С тех пор Р. руководит работой СНК Союза, а с начала 1926 г. непосредственно руководит и Советом Труда и Оборона. На съездах и сессиях ЦИК и ВЦИК РСФСР, а также на партийных съездах и конференциях Р. выступает с руководящими докладами по общим вопросам внутренней и внешней политики правительства и партии.

Большинство речей его вышли специальными изданиями, из которых особо крупное значение приобрели: доклад на XIV партийной конференции „Деревня, НЭП и кооперация“, отчет правительства на III съезде Советов СССР (вышедший с отдельным предисловием „На переломе“), характеризующие принципиальные особенности наступающего этапа развития СССР, а также доклад на XV партийной конференции „Хозяйственное положение страны и задачи партии“. Эта последняя работа Р. практически намечает политику партии и правительства в деле индустриализации СССР. Подготавливается к изданию полное собрание сочинений Р. Первый том, охватывающий период 1918—1921 г.г., уже издан.

По партийной линии Р., будучи одним из старейших членов ЦК, а с 1919 г. и членом Политбюро ЦК, является непоколебимым и стойким защитником основ ленинизма.

В этом отношении особенно характерны его выступления на XIV партийном съезде (отдельное издание „О новой оппозиции“) и на XV конференции, в которых Р. дал подробную оценку экономической программы оппозиции.

Р. посвящены две большие, помимо мелких, биографии: А. Ломова. „А. И. Рыков“ (1924 г., „Моск. Раб.“) и И. И. Воробьева, В. В. Миллера и А. М. Панкратовой — „А. И. Рыков, его жизнь и деятельность“ (1924 г., „Кр. Новь“).

Р. С. Д.

Рязанов (Гольдендах), Давид Борисович, род. в 1870 г. в Одессе, учился в одесской гимназии, курса не окончил 17 лет примкнул к революционному движению, став в ряды господствовавшего в то время народничества. Почти первым стал в Одессе марксистом. Пользовался большой известностью среди революционной молодежи, особенно благодаря составленному им систематическому каталогу для чтения по всеобщей истории, политической экономии, философии, социологии, истории социализма и ре-

волюционных движений. Каталог охватывал не только книги, но и журнальные статьи почти всех русских журналов. В 1888 и 1890 гг. совершает поездки за границу для более близкого ознакомления с соц.-дем. рабочим движением в разных странах — с одной стороны, а с другой — чтобы разобраться в разногласиях среди представителей различных течений русского революционного движения. Вторая поездка имела и практическую цель — наладить при содействии группы „Освобождение труда“ издание популярной марксистской литературы. При возвращении в Россию после второй поездки Р. был арестован на границе и после предварительного 18-ти месячного заключения был без суда, административным порядком, приговорен к четырехлетнему тюремному заключению с принудительными работами. По отбытии наказания в так наз. „Крестах“, в Петербурге, был выслан под надзор полиции в Кишинев. Только в 1900 г. получил возможность снова поехать за границу где, рядом с практической партийной работой, отдался научным занятиям по марксизму, еще с дней ранней юности страстно его увлекавшим. В 1901 году Р. участвовал на конференции в Женеве, а затем на частичном съезде в Цюрихе. В 1901 г. переехал в Берлин, руководил группой „Борьба“, отложившейся от „Лиги русских с.-д.“ и пропагандировавшей идею объединения всех с.-д. Грянула революция 1905 г. — и Р. очутился в Петербурге, где в продолжение двух лет отдавал все свое время и все свои силы профессиональному рабочему движению. После кратковременного ареста в 1907 году он снова уезжает за границу.

Здесь начинается наиболее плодотворный период исследовательских работ Р. в области марксологии. Получив от Менгеровского комитета поручение собрать документы и написать историю I Интернационала, Р. приступает к длительной работе в архиве германской соц.-демократической партии, затем у Лафаргов, в Graveil, и в Британском музее. По мере того, как разворачивается эта работа, пред ним открываются пробы и ошкбки, допущенные Мерингом в его исторических работах. Задачи Р. расширяются. И если медленно подвигалась его работа по истории I Интернационала, зато он в это время выпустил два тома „Nachlass“ Маркса и Энгельса, введения, послесловия и примечания к которым обнаружили в нем едва ли не лучшего знатока Маркса и Энгельса. В это же время он опубли-

ковал две обратившие на себя всеобщее внимание исторические работы: „Англо-русские отношения в оценке К. Маркса“, и „К. Маркс и русские люди сороковых годов“. В первой из названных работ этот „ортодоксальный“ марксист не побоялся подвергнуть весьма обстоятельной критике взгляды Маркса на историческое развитие России и на внешнюю политику русского царизма. Во второй — собран большой материал по ранней истории социалистической мысли в России. В 1909 г. Р. был лектором в пропагандистской школе „впередовцев“ на Капри, но вскоре отказался от преподавания в виду того, что школа стала фракционной; читал также лекции по профессиональному движению в школе в Лонжюмо (возле Парижа). Участвовал в Циммервальдской конференции, как представитель ЦК партии. После Октябрьской революции он много работал в проф. движении, читал лекции в Свердловск. унив-тете, а затем отдался, гл. обр., научно-исторической работе, организовал „Институт К. Маркса и Ф. Энгельса“, директором которого и состоит в настоящее время, издает сочинения Маркса, Энгельса, Лафарга, Плеханова, „Архив К. Маркса и Ф. Энгельса“ и др.

Из собственных работ Р., следует еще отметить большой том „Очерки по истории марксизма“, в котором собран ряд его исследований, освещающих идеологическую эволюцию основоположников научного социализма историю I Интернационала, отдельные моменты из истории развития в России социалистической мысли вообще и марксизма в частности; далее его книгу „Маркс и Энгельс“, составившуюся из лекций, читанных им на курсах марксизма в Социалистической академии; „Международное товарищество рабочих. I. Возникновение первого Интернационала“ (в I кн. Архива Инст. Маркса и Энгельса, 1924). Из ранних работ Р. большой интерес представляет его книга „Критика проекта программы Росс. соц.-дем. партии, составленной редакцией „Искры“ (1903 г.). (Составл. по сб. *Невского* „Матер.“, „Кал. Комм.“ на 1926 г. и др.).

Ряппо, Ян Петрович (автобиография). Род. я в Лифляндской губ. верского у. казерницкой вол. в 1880 г. Отец и предки мои были крестьяне-хлебопашцы, эстонцы, из крепостных. Волость наша — одна из беднейших во всем уезде. Скудная почва, вечный недород и недоедание заставляли искать заработка на стороне. Нужду в нашей семье усугубляли еще

пьянство отца, больная мать и брат-калека. Все же отец был грамотен, много читал, ненавидел и ругал немецких баронов и пасторов, слыл безбожником во всем приходе и был преследуем местными властями. Эти чувства и настроения завещал он и мне. С малых лет я был втянут в сельскую работу: ходил сначала пастухом, помогал в работах — боронил, пахал, косил, молотил и т. д.

Учился я сначала в местной волостной школе, а затем в верроском городском училище. Год проработал при училище в качестве преподавателя-практиканта. 18 лет поехал учиться в петербургский учительский институт. Но за отсутствием средств к существованию, прервав занятия, поступил на службу на завод Вестингауза, где проработал четыре с половиною года. Одновременно занимался своим самообразованием, сдал „экстерном“ экзамен за курс гимназии и в 1904 г. поступил в петербургский университет. Жил уроками и работами в мастерских Пеймана. В университете занимался на факультетах юридического, историко-филолог. и восточных языков; прослушал курс также в академии востоковедения. Университет окончил в 1909 г. по фак. вост. языков.

Политическое развитие и деятельность моя проходили в Прибалтийском крае, Петербурге, Польше и на юге Украины. Будучи еще в гор. училище в 1896—98 г.г. в Верро, участвовал в организации нелегальных кружков учащейся молодежи. Позже, в 1903—4 г.г., работая у Вестингауза, стал примыкать к группировкам с-ровского характера, а с 1905 г. я входил в комитет эстонской с-ровской организации. Будучи студентом, принимал активное участие в первой русской революции как общественный работник, партийный агитатор и пропагандист и организатор революционного движения в Питере и в Прибалтийском крае.

Был членом комитета эстонской организации с-р, входил в совет старост университета, был председателем эстонского общества студентов. Участвовал в различных демонстрациях и в выборных кампаниях в Гос. Думе; вел борьбу с эстонскими кадетами и с эстонской прогрессивной партией Тенисона. В 1906—7 г.г. переходил от с-ровства к марксизму

и устанавливал связи с с.-д. По окончании университета служил по таможенному ведомству.

Февральская революция 1917 г. застала меня, военно-мобилизованного, на юге в г. Николаеве, где, как член николаевской организации объединенных с.-д., был избран сперва председ. совета военных депутатов, а затем объединенного совета раб. и солд. депутатов. На первом Всероссийском Съезде советов избран членом первого ВЦИК'а. Помимо общественно-партийной работы, все 1917—20 г.г. принимал активное участие в гражданской войне на юге, будучи то командующим боевыми отрядами, то военным комиссаром, то членом Совета обороны, то начальником штабов. Руководил борьбой против немецких оккупантов, германщины и петлюровщины, против англо-французов, греков, Григорьева, Деникина, Махию, Шкуро и повстанцев Одесской и Херсонской губ. Одновременно руководил работой по народному образованию в Николаеве.

В 1920 г. был назначен губвоенкомом Одессы. В этом же году вступил в коммунистическую партию. Избран членом одесского губисполкома в качестве зав. губнаобраза, где повел деятельную работу по организации народного просвещения, по ломке и реорганизации Всероссийского Учительского Союза и Украинской Учит. Спллки в единый союз работников просвещения и соц. культуры. С начала 1921 г. состою замест. народного комиссара просвещения Украины. Будучи в то же время председат. Главпрофобра, пять лет проводил непосредственно реорганизацию системы народного просвещения и реформу высшей школы.

С 1922 г. избирался в члены Всеукраинского Центрального исполнит. комитета. По партийной линии с 1923 г. избирался неоднократно членом ревизионной комиссии парткомов, а в 1925 г. членом харьк. губпарткома.

Оставаясь замест. наркомпроса, состою в настоящее время председателем Главнауки, государств. Научно-методол. комитета и Совета национальных меньшинств. Главная деятельность моя проходит ныне в углублении и укреплении новой советской системы народного просвещения Украины.

Замеченные опечатки.

(Просим исправить в тексте).

Столб.	Стр.	Напечатано	Следует
Т о м XXXII.			
101	6 стр.	Трехини	Трезини
102	29 стр.	Тваренне	Гваренги
102	21 стр.	Томан	Томон

Т о м XL.

Приложение: „Автобиографии революц. деятелей 70—80 гг.“			
63	17 стр.	полк.	полиции
86	22 стр.	в парад	в поход
101	26 стр.	товарищ	сменщик
136	12 стр.	С. А. Жебунев	В. А. Жебунев

Т о м XLI—I ч.

475 4 стр. пропущено:
(192 м.), Нуха (748 м.), и далее по направлению к Шемахе (но не включая ее).

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ^и 7^е переработан. издание

ПОД РЕДАК: (до 33 тома) ПРОФ. В. Я. ЖЕЛЕЗНОВА,
М. М. КОВАЛЕВСКОГО, С. А. МУРОМЦЕВА и КАТИМИРЯЗЕВА.

„Экономическая Жизнь“, 9 января 1925 г., № 7.

Третий выпуск 40-го тома энциклопедического словаря Граната есть достойное продолжение предыдущих. Преследуя цель сделать знание доступным самым широким кругам, Словарь, естественно, больше всего внимания уделяет вопросам, имеющим современное значение. Центральной статьей в третьем выпуске помещена статья Г. Наумова: „О социализации и национализации“. Автор совершенно прав, указывая, что обоим терминам придается различные смыслы, и что очень часто эти два термина смешиваются. Г. Наумов первую часть своей работы посвящает анализу обоих терминов. Давшая часть статьи посвящена изучению происхождения обоих терминов. При изучении сущности социализации автор приводит историю социализации в Австрии, Германии, Венгрии и Англии. Читатель посвящается не только в идеологическую кухню западно-европейского меньшевизма, но и получает возможность на опыте Германии и Австрии убедиться в том, к каким до смешного мизерным результатам в этих странах привели работы специальных комиссий по социализации. До тех пор, пока буржуазия не окрепла, эти комиссии работали, сознательно вводя в заблуждение широкие массы пролетариата относительно истинных побуждений участников комиссий. Когда же буржуазия окрепла при содействии тех же социал-демократов, она попросту эти комиссии ликвидировала. Чрезвычайно ценным является материал, освещающий конкретное содержание работ указанных комиссий. В этих программах ярко выражена меньшевистская идея „мирного востания социализма в капитализм“. Несомненно, статья Наумова является благодарным материалом и подспорьем для изучения вопроса о социализации и национализации. Существенную помощь при этом изучении, несомненно, может оказать и богатейший, приведенный в конце статьи, перечень литературы по указанным вопросам. Как и прежние выпуски, третий выпуск 40-го тома издан спрятно, четко и старательно.“

„Красная Нива“, 11 ноября 1923 г., № 45.

Возрождается издание, представляющее большую культурную ценность. Словарь стал выходить незадолго до войны и обвеян подъемом предреволюционной эпохи. Лозунг его редактора К. А. Тимирязева — демократизация науки — стал руководящим началом для всех его участников и дал России энциклопедию, подобной которой в ней не было и нет даже в Германии, где энциклопедических словарей так много, но где все они, независимо от своих размеров, всегда остаются безжизненными справочниками. По каждому отделу знания дается ряд крупных руководящих статей строго научного характера. Казалось бы, это статьи для немногих. Но рядом в Словаре разбросано множество подсобных статей и заметок, в которых и самый неподготовленный читатель найдет объяснение всего того, что может казаться для него непонятным в основных статьях. Нужно только желание знать, и при помощи таких перекрестных справок каждый может отчетливо усвоить себе содержание и наиболее трудных по предмету статей. Желание это дает талант автор и широкая постановка каждой проблемы.

В вышедшем теперь 39-м томе самая обширная статья (добрая книжка, если перебрать обычным шрифтом в обычном формате) посвящена практическому вопросу большой в настоящее время для России важности — скотоводству, и написана она проф. Богдановым и проф. Придорогиным. К ней примыкает еще одна обширная статья по сельскому хозяйству — „Сельскохозяйственные орудия и машины“ проф. Крыля. По общественным наукам прежде всего прочтутся блестящие статьи М. Н. Покровского „Система вооруженного мира“ и „Смутное время“.

Словарь всегда пользовался значительной популярностью в рабочей среде, и остается только желать, чтобы он был доступен фабричным и сельским библиотекам“.

„Красная Звезда“ Центр. всенн. газета, № 112, 19 мая 1925 г.

...Нельзя не приветствовать мысль редакции — посвятить отдельный том (46-й) своего, столь известного, издания освещению мировой войны с разных сторон. В двух выпусках помещено шесть статей с 52-мя схемами, чертеж. и рис. Статья А. А. Свечина „Общий обзор сухопутных операций“ (138 стр., отличается сжатостью, рельефным описанием событий и ясной, определенной критикой). С отдельными выводами и утверждениями автора можно, конечно, не соглашаться, но они всегда возбуждают интерес и вызывают живую работу мысли. Между пр., после выхода в свет первых 2-х том. германской официальной истории, общепринятое обвинение Мольте в порче первоначального плана Шлиффена подлежит пересмотру. Изменение этого плана, как оказывается, было вызвано коренной переменой обстановки, а именно — получением в 1911 г. в германском генеральном штабе известия о том, что французы, вместо стратег. обороны, предполагают с объявлением войны перейти в общее наступление, нанося главный удар в Лотарингии. „Техник в мировой войне“, статья Е. К. Смысловского, богато иллюстрированная чертежами и рисунками, является кратким, но обстоятельным исследованием всех тех технических средств, которые применялись воюющими странами на суше и на море. В статье „Роль крепостей“ К. И. Величко, описав отдельные крепости, высказывает справедливое мнение, что значение каждой из них зависело, главн. обр., от того, как ею пользовались. В частности „печальная роль, сыгранная русскими крепостями“, объясняется автором: 1) „сумбуром в понятиях“, существовав еще в мирное время и 2) дурным управлением войсками во время войны. Ст. Б. И. Долово-Добровольского „Борьба на морях“ представляет стратегич. и отчасти тактический очерк действий флота. Автор приходит к выводу, что Англия в морском отношении ровно ничего не выиграла от войны, т. к., освободившись от соперничества Германии, она взамен приобрела еще более сильного противника в лице С.-А. Соедин. Штатов. В ст. „Воздушный флот“ С. Н. Покровский разбирает, на основании опыта мировой войны, различные задачи, выпадающие на авиацию. В заключение считаем нужным обратить особое внимание военных кругов на рассмотренный том „Энциклоп. Словаря“, так как они в нем найдут не только общее описание мировой войны, но и специальные исследования многих, выдвинутых ею, вопросов.

пр. анн.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Русского Библиографического Института Гранат

Седьмое издание

до 33 тома ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского, проф. С. А. Муромцева и проф. К. А. Тимирязева.

Первый и второй выпуски II-й части
сорок первого (41) тома.

Союз ССР.

Lexicographis secundus post Herculem labor.
(Скализер).

СОДЕРЖАНИЕ 1-го и 2-го Выпусков II-й ЧАСТИ 41-го ТОМА.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК (продолжение):

Столб.

IV. Сельское хозяйство СССР—проф. А. В. Чайнова 1

Содержание статьи:

I. Естественнo-исторические, демографические и экономич. условия развития сельского хозяйства СССР	1
II. Место сельского хозяйства в системе народного хозяйства СССР	9
1. Земледелие	10
2. Животноводство	25
III. Хозяйственная организация земледелия СССР	33

V. Сельскохозяйственное районирование и сельскохозяйственные районы СССР—проф. А. Н. Челинцева 41

Содержание статьи:

1. Понятие и задачи районирования	41
2. Признаки районирования	43
3. Сельскохозяйственные районы до революции и теперь в СССР	49
4. Динамика сельского хозяйства по районам	66

VI. Промышл. и торговля СССР—А. М. Гинзбурга (Г. Наумова) 133

Содержание статьи:

1. Характер торгово-промышленной системы	133
2. Организация промышленности	151
3. Организация внутренней торговли	165
1. Синдикаты	166
2. Торги	170
3. Комиссариатская организация	173
4. Состояние промышленности и торговли	177
1. Размер производства	177
2. Электрификация	187
3. Финансовое положение промышленности	189
5. Издержки производства и производительность труда	197
6. Движение цен	206
7. Рост торговли и ее характер	214
8. Внешняя торговля	228
9. Частная промышленность	232

VII. Труд в СССР—проф. В. Я. Яроцкого 249

(Продолжение цикла „СССР“ в след. выпуске).

К столб.

Приложения: 1) 25 картограмм к ст. „Сельское хозяйство СССР“ 31/32

2) 3 картограммы к ст. „Сельскохозяйств. районирование и сельскохоз. районы СССР“. 127/128

Общее приложение к циклу „СССР“:

Дейтели СССР и Октябрьской революции.

Автобиографии и авторизованные биографии:

А. С. Мартынов	1	С. И. Миккевич	44
Ф. И. Махарадзе	20	В. М. Молотов	57
Г. Н. Мельничанский	27	Н. И. Муралов	65
И. Л. Мещериков	33	А. Ф. Мясников	67
Н. А. Милютин	37	Н. И. Нариманов	69
В. С. Миккевич-Кансукас	41	В. И. Шевский	74

Вышедшие первые два выпуска 10-го тома знаменитого словаря „Граната“ не содержат таких „гвоздевых“ статей, как вышедший в октябре 39-й том („Скотоводство“—проф. Богданова и проф. Придорогина, „Система вооруженного мира“ и „Смутное время“—М. Н. Псковского). Все же и в этих выпусках имеется ряд прекрасно выполненных и выдержанных в общем для Словаря строго-научном и марксистском духе работ... Вообще, все то, что может послужить хотя бы маленьким кирпичиком в величественном здании новой России, пользуется исключительным вниманием редакторов Словаря... К атому нужно еще добавить, что Словарь, за редкими исключениями (напр., в статье „Сода“), пользуется самыми свежими источниками и материалами... Этот Словарь, безусловно, нужный и могущий принести громадную пользу и передовому крестьянину, и рабочему, и интеллигенту, могущий сослужить большую службу учащимся старших классов школ II ступени, и рабфактовцу, и студенту, выходит всего в количестве 2.550 экземпляров. Конечно, ни рабфактвец, ни студент, ни рабочий, ни крестьянин, а подчас и интеллигент не в состоянии платить за двойной выпуск (не исчерпывающий даже Со) 2 рубля. Но читать Словарь и одновременно пользоваться им, как справочником, они должны. Поэтому,—не должно быть ни одной библиотеки, ни одного клуба, ни одной избы-читальни, которые не являлись бы подписчиками на словарь „Граната“.

«Книгоноша», орган ЦБ Совпартиздат. при Отд. Печ. ЦК РКП, 17/III—1925 г., № 9.

... На коротком расстоянии вышли один за другим—двойной выпуск XI т. и первый выпуск XII тома. Как в том, так и в другом выпуске помещены обстоятельные, умело и толково составленные статьи... Из статей, разбираемых нами выпуском, отметим статью об А. К. Соловьеве, известном революционере 70-х гг., совершившем покушение на Александра II, написанную Верой Фигнер, и удачную характеристику историка С. М. Соловьева, данную Н. А. Рожковым... Удачны статьи проф. Солищева о социальном распределении и социальных классах, снабженные обильными библиографическими данными, и статья В. Я. Яроцкого о социальном страховании и социальном обеспечении. Использован соответствующий материал в статьях проф. Молякова о социальной гигиене и проф. Мензбира о социальной жизни животных. В конце первого выпуска XII тома помещено начало статьи К. М. Тахтарева о социологии.

Особую ценность имеет приложение к 1—2 выпуску XI тома, представляющее ряд таблиц и диаграмм, посвященных современному состоянию важнейших государств. На 88 страницах убористой печати приведены ценнейшие материалы по статистике, экономике, рабочему движению, государствам, устройству и т. д. как СССР, так и главнейших государств мира. Для справок это приложение является весьма незаменимым пособием. Главнейшие данные по послевоенной Европе, Америке и СССР сведены в ясные и отчетливые таблицы и диаграммы, которыми удобно пользоваться для различного рода работ. Такого рода сводка куда выше бесконечных литературных трактатов, где цифровые и фактические данные надо вылавливать и выуживать. Отметим, напр., такие красноречивые документы, как ориентировочную диаграмму о нашем землевладении в 1917 г. и земледельцев в 1922 г., или карту, характеризующую воцарившийся после войны валютный хаос. В общем все это приложение составлено чрезвычайно удачно; определено дает себя чувствовать проделанная большая работа. Издана книжка вполне удовлетворительно. шрифты, даже самые мелкие, отчетливы...”

«Косная печать», орган Отдела Печати ЦК РКП 25/IV—1925 г., № 11.

... Словарь нашел значительное распространение и среди сельских учителей, и среди работников транспорта, и на фабриках и заводах. Незаблго до войны явилась смелая мысль: развернуть объяснения в глубокий научный анализ в объеме университетских курсов, но при этом построить Словарь так, чтобы его статьи могли быть усвоены и очень слабо подготовленным читателем. Образцом стояла Британская Энциклопедия, вылуш 2-м изд. Кембриджским универс., самая обширная в мире, со статьями-монографиями высокой научной ценности, несмотря на строго-научный, часто специальный характер статей, получившая колоссальное рапространение, широко проникшая и в рабочую среду и действительно ставшая „могущественнейшим средством распространения университетского знания в широких слоях населения“, как к этому стремился Кембриджский университет. Мысль встретила большое сочувствие. Во главе редакции нового издания Словаря встал К. А. Тимирязев вместе с другими видными учеными. В Словаре принял участие и В. И. Ленин, давший его читателю основную статью по общественности—„Маркс и марксизм“. Писал и проф. Мечников. По некоторым специальным вопросам писали выдающиеся иностранные ученые и деятели. Для важного крупного вопроса тщательно подбирались автор—наиболее самостоятельный, наиболее глубокий исследователь и мыслитель...

...4-й том дает обзор и анализ „Четырехлетней войны и ее эпохи“, вышедшие выпуски дают разносторонний обзор военных действий, разработанный известными специалистами.

В. А. Невский, „Как находить нужную книгу“. Госуд. Издат. 1925 г.

„Энциклопедический Словарь бр. Гранат является лучшим энциклопедическим словарем нашего времени: он один из самых полных словарей, не загроможден мелочами, которые очень редко кому требуются; на каждое слово в Словаре дана более или менее обстоятельная статья или заметка, написанная хорошим литературным языком; сведения, даваемые Словарем, весьма свежие“.

«Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 20 октября 1923 г., № 240.

„Редакция Словаря последовательно проводит и в новых томах систему, принятую ею с самого начала издания,—систему чередования обширных руководящих статей и мелких справочных заметок, что делает Словарь одновременно ценным пособием для самообразования, богатой по темам книгой для чтения и тщательным справочником“.

«Ценнейшим материалом в выпус. томе (1—2 в. 40 т.) являются статистические таблицы, данные в приложения. Эти таблицы охватывают собой статистические данные о современном состоянии важнейших государств, при чем в них собран и богатый материал, рисующий последствия войны во всех отраслях народного хозяйства главнейших стран. Эти таблицы иллюстрированы хорошими и показа-тельными диаграммами. К этому же тому в качестве приложения добавлена глава об административном делении Союза Советских Социалистических Республик. И эта глава богато иллюстрирована статисти-ческими таблицами, при чем самыми интересными следует признать таблицы, рисующие состояние землевладения и землепользования в 1917 году. Таблицы составлены по отдельным губерниям. К этой главе приложена чрезвычайно показательная и поучительная ориентировочная диаграмма о землевла-дении в 1917 г. и землепользовании в 1922 году. Сопоставление этих двух диаграмм дает хотя и при-близительное, но вполне четкое представление о том значении, какое имела для отдельных районов Советского Союза земельная революция, произведенная Октябрем. Кроме того, в этом же томе мы найдем ряд статистических таблиц, рисующих положение народного хозяйства Советского Союза, ча-стично за период в начале войны до 1923 г., частично за более короткие сроки вплоть до 1924 г.

Вышедший из печати том, как и все предыдущие тома, является, несомненно, крупным при-обретением, дающим возможность каждому почерпнуть ряд ценнейших сведений, а тем самым и обога-тить свой умственный кругозор».

«Вестник Просвещения», журн. (изд. «Нов. Москва») № 2—3, 1925 г.

«По мере усиления работы по лабораторному или дальноному методу роль справочника в школьной практике выступает все яснее, и все сильнее растет потребность в специально составлен-ной для этой цели книге, соответствующей тому или другому уровню самостоятельной работы. При таких условиях хорошим пособием для лабораторной работы может служить I—II вып. 40 т. «Энцикл. Сл.», как по своему размеру, так и по умелому, интересному подбору материала, извлеченного из центр. ряда разл. новейших, как русских, так и нем., англ., и др. спец. сборн. и исследований. На 83 стр. прилож. в 119 табл. и ряде диаграмм дан четкий сравнит.-статистич. обзор соврем. состояния важней-ших государств. 1-я часть этого обзора посвящена иностр. госудам, 2-я часть—СССР. Здесь показана территория и насел. за 1923 г., администр. деление на I в 1924 г., деление по естеств. районам и нации, состав по переп. 1920 г. След. таблица определяет потерю русской армии в войну 1914—1917 гг. и раз-вертывает картину землевладения 1917 г. и землепользования 1922 г., дающую представление о значении земельного переворота, произвед. Октябрьской революцией, при чем не только во всей территории, но и для отдельных районов Европ. России, что особенно важно при краеведческой работе школ.

...Для школ 2-й ступени, рабфачов, техникумов, переходящих на новые методы работы по обществоведению, это очень удобное пособие с свежим и проверенным материалом. Полезно оно и для библиотек и клубов».

«Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 28 ноября 1924 г. № 272.

«В новом выпуске Энциклопедического Словаря Гранат (1—2 вып. 40 тома) прежде всего при-влекает внимание обширное приложение, составляющее лишь часть широко планированного обзора современного состояния важнейших государств. Первая часть его заключает сравнительно-статистиче-ский обзор иностранных государств и С.С.Р. В ряду довольно многочисленных книг и брошюр по статистике мирового хозяйства за время войны, вышедших за последние 2 года, настоящий обзор вы-годно выдается своей компактностью, продуманным и очень интересным подбором материала и све-жестью данных. Его 119 таблиц легко обозримо, по обилию сведений не уступают иной книге, увелича-я место места положению рабочего класса и, помимо экономики, дают любопытную статистику по зволюции парламентского представительства на западе (табл. 63—83). Но самым главным преимуществом настоящего обзора является то, что он дан в энциклопедическом словаре, в котором по каждой стране имеются обширные статьи, освещающие все их экономическое развитие.

К «Обзору» приложен ряд диаграмм. Самая поучительная—диаграмма землевладения в 1917 г. и землепользования в 1922 г. по главным районам Европейской России. В крупных чертах она набрас-ывает яркую картину того, что дала революция крестьянству, как распределены отобранные у поме-щиков земли, и как сильно выросла площадь крестьянского землепользования по ряду наиболее важ-ных в сельскохозяйственном отношении районов».

«Правда», 4/XI, 1923, № 251.

«Настоящий Энциклопедический Словарь в значительной мере является созданием Климента Аркадьевича Тимирязева. Он был одним из главных редакторов издания, руководил в нем самым об-ширным отделом—отделом точных наук, сам написал все основные статьи по биологии, наиболее важ-ные статьи по ботанике, обогатил Словарь серией художественно написанных характеристик ботаников, биологов и химиков, с особым вниманием и симпатией останавливаясь на «вольных каменщиках науки», на так-наз. дилетантах, служивших науке не по казенному назначению. Ему же принадлежат и общие статьи, освещающие развитие точного знания, его методы и условия его прогресса. Естественно, что при таком руководящем редакторе, девизом Словаря стало: «позитивизм—в философии, дарви-низм—в биологии, марксизм—в обществоведении». Естественно, что он привлек к себе лучшие силы марксизма, что по отделу русской истории в нам с самого начала принимал ближайшее участие М. Н. Покровский, что основную статью «Маркс и марксизм» взял на себя написать В. И. Ленин.

Новые тома Словаря составляются по той же программе, проникнуты тем же стремлением сделать научное знание достоянием каждого грамотного человека и ведутся в том же направлении, как и ранее вышедшая часть издания».

Редакция и экспедиция Энциклопедического Словаря Библиографического Института Гранат: Москва, Тверской бульвар, д. 25. Телеф. 2-06-04.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ^и 7^e переработан. издание

ПОД РЕДАК: (до 33 тома) ПРОФ. В. Я. ЖЕЛЕЗНОВА,
М. М. КОВАЛЕВСКОГО, С. А. МУРОМЦЕВА и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ОТЗЫВОВ ПЕЧАТИ ОБ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ГРАНАТ.

„Экономическая Жизнь“, 9 января 1925 г., № 7.

„Третий выпуск 40-го тома энциклопедич. словаря Граната есть достойное продолжение предыдущих. Преследуя цель сделать знание доступным самым широким кругам, Словарь, естественно, больше всего внимания уделяет вопросам, имеющим современное значение. Центральной статьей в третьем выпуске помещена статья Г. Наумова: „О социализации и национализации“. Автор совершенно прав, указывая, что обоим терминам придаются различные смыслы, и что очень часто эти два термина смешиваются. Г. Наумов первую часть своей работы посвящает анализу обоих терминов. Дальнейшая часть статьи посвящена изучению происхождения обоих терминов. При изучении сущности социализации автор приводит историю социализации в Австрии, Германии, Венгрии и Англии. Читатель посвящаясь не только в идеологическую кухню западноевропейского меньшевизма, но и получает возможность на опыте Германии и Австрии убедиться в том, к каким до смешного мизерным результатам в этих странах привели работы специальных комиссий по социализации. До тех пор, пока буржуазия не окрепла, эти комиссии работали, сознательно вводя в заблуждение широкие массы пролетариата относительно истинных побуждений участников комиссий. Когда же буржуазия окрепла при содействии тех же социал-демократов, она попросту эти комиссии ликвидировала. Чрезвычайно ценным является материал, освещающий конкретное содержание работ указанных комиссий. В этих программах ярко выражена меньшевистская идея „мирного востания социализма в капитализм“. Несомненно, статья Наумова является благодарным материалом и подспорьем для изучения вопроса о социализации и национализации. Существенную помощь при этом изучении, несомненно, может оказать и богатейший, приведенный в конце статьи, перечень литературы по указанным вопросам. Как и прежние выпуски, третий выпуск 40-го тома издан опрятно, четко и старательно.“

„Красная Нива“, 11 ноября 1923 г., № 45.

„Возрождается издание, представляющее большую культурную ценность. Словарь стал выходить незадолго до войны и обвеян под'емом предреволюционной эпохи. Лозунг его редактора К. А. Тимирязева — демократизация науки — стал руководящим началом для всех его участников и дал России энциклопедию, подобной которой в ней не было и нет даже в Германии, где энциклопедических словарей так много, но где все они, независимо от своих размеров, всегда остаются безжизненными справочниками. По каждому отделу знания дается ряд крупных руководящих статей строго научного характера. Казалось бы, это статьи для немногих. Но рядом в Словаре разбросано множество побочных статей и заметок, в которых и самый неподготовленный читатель найдет объяснение всего того, что может оказаться для него непонятным в основных статьях. Нужно только желание знать, и при помощи таких перекрестных справок каждый может отчетливо усвоить себе содержание и наиболее трудных по предмету статей. Желание это дают талант автора и широкая постановка каждой проблемы.“

В вышедшем теперь 39-м томе самая обширная статья (взобрав книжка, если перебрать обычным шрифтом в обычном формате) посвящена практическому вопросу большой в настоящее время для России важности — скотоводству, и написана она проф. Богдановым и проф. Придорогиным. К ней примыкает еще одна обширная статья по сельскому хозяйству — „Сельскохозяйственные орудия и машины“ проф. Крыля. По общественным наукам прежде всего прочтутся блестящие статьи М. Н. Покровского „Система вооруженного мира“ и „Смутное время“.

Словарь всегда пользовался значительной популярностью в рабочей среде, и остается только желать, чтобы он был доступен фабричным и сельским библиотекам.“

„Красная Звезда“ Центр. военн. газета, № 112, 19 мая 1925 г.

... Нельзя не приветствовать мысль редакции посвятить отдельный том (46-й) своего, сто лет известного, издания освещению мировой войны с разных сторон. В двух выпусках помещено шесть статей с 52-мя схемами, чертеж и рис. Статья А. А. Свечина „Общий обзор сухопутных операций“ (138 стр., отличается сжатым, рельефным описанием событий и ясной, определенной критикой. С отдельными выводами и утверждениями автора можно, конечно, не соглашаться, но они всегда возбуждают интерес и вызывают живую работу мысли. Между пр., после выхода в свет первых 2-х том. германской официальной истории, общепринятое обвинение Мольте в порче первоначального плана Шлиффена подлежит пересмотру. Изменение этого плана, как оказывается, было вызвано коренной переменой обстановки, а именно — получением в 1911 г. в германском генеральном штабе известия о том, что французы, вместо стратег. обороны, предполагают с объявлением войны перейти в общее наступление, нанося главный удар в Лотарингии. „Техника в мировой войне“, статья Е. К. Смысловского, богато иллюстрированная чертежами и рисунками, является четким, но обстоятельным исследованием всех тех технических средств, которые применялись воюющими странами на суше и на море. В статье „Роль крепостей К. И. Величия, описав отдельные крепости, высказывает справедливое мнение, что значение каждой из них зависело, главн. обр., от того, как ею пользовались. В частности „печальная роль, сыгранная русскими крепостями“, объясняется автором: 1) „сумбуром в понятиях“, существовавшая еще в мирное время 2) дурным управлением войсками во время войны. Ст. Б. И. Делива „Добровольское“ „Варьба на морях представляет стратегич. и отчасти тактический очерк действий флота. Автор приходит к выводу, что Англия в морском отношении ровно ничего не выиграла от войны, т. к., освободившись от соперничества Германии, она взамен приобрела еще более сильного противника в лице С.-А. Соедин. Штатов. В ст. „Воздушный флот“ С. Н. Покровский разбирает, на основании опыта мировой войны, различные задачи, выпадающие на авиацию. В заключение считаем нужным обратить особое внимание военных кругов на рассмотренный том „Энциклоп. Словаря“, так как они в нем найдут не только общее описание мировой войны, но и специальные исследования многих, выдвинутых ею, вопросов.“

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Русского Библиографического Института Гранат.

Седьмое, совершенно переработанное издание, 11-е стереотипное
ДО 33-го ТОМА ПОД РЕДАКЦИЕЙ

проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалев-
ского, проф. С. А. Муромцева и проф. К. А. Тимирязева.

Третий и четвертый выпуски
II части сорок первого (41) тома.

Союз ССР.

Lexicographis secundus post Herculem labor
(Скалпер).

РЕДАКЦИЯ И ЭКСПЕДИЦИЯ „РУССКОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ГРАНАТ“.
МОСКВА, Тверской бульвар, 25.

СОДЕРЖАНИЕ 3—4 ВЫПУСКОВ II ЧАСТИ 41 ТОМА.

Стлб.

Союз Советских Социалистических Республик.

(Продолжение).

VII. Труд в СССР—проф. В. Я. Лроцкого 249

Содержание статьи:

2. Рабочий класс в период военного коммунизма	253
3. Рабочий класс при новой экономич. политике	269
4. Рост фабр.-заводск. пролетариата и его удельного веса	275
5. Рабочий день в СССР	280
6. Заработная плата в СССР	284
7. Бюджеты рабочих	304
8. Профессиональные союзы	313
9. Коллективные договоры	323
10. Безработица в СССР	336
11. Социальное страхование	340
12. Трудовое законодательство в СССР	346
а) Декреты Октября	346
б) Кодекс законов о труде 1918 г.	353
в) Кодекс законов о труде 1922 г.	360

VIII. Земельное законодательство СССР—проф. Н. П. Рудина 369

Содержание статьи:

1. Главные этапы советского землеустройства	369
2. Основы земельн. законодат-ва СССР	376
3. Право трудового землепользования	381
4. Суб'екты права трудового землепользования	383
5. Порядки трудового землепользования	391
6. Городские земли	398
7. Государств. земельные имущества	400
8. Землеустройство	402
9. Рассмотрение земельных споров	429
10. Государств. запись землепользований	432
11. Переселение и расселение	435
12. Органы земельного управления	438
13. Финансирование земельных мероприятий	441
14. Особенности зем. законод. автономных и союзн. республ. СССР	443
15. Политика в области земельн. устройства	447

IX. Финансы СССР проф.—Л. П. Юровского 451

Содержание статьи:

1. Ф. России накануне войны	451
2. Ф. России во время войны и при Временном Правит.	476
3. Фин. хозяйство после Октябрьск. революции. Эпоха военного коммунизма	483
4. Фин. хозяйство эпохи новой экономич. политики	491
5. Современная фин. система СССР	501

Общее приложение к циклу „СССР“:

Деятели СССР и Октябрьской революции.

Автобиографии и авторизованные биографии:

Муралов, Н. И.	65	Покровский, М. Н.	118
Мясников, А. Ф.	67	Преображенский, Е. А.	120
Нариманов, Н. Н.	69	Пятаков, Г. Л.	133
Невский, В. И.	74	Радек, К. Б.	138
Ольминский, М. С.	82	Раковский, Х. Г.	169
Орахелашвили, М. Д.	85	Раскольников, Ф. Ф.	187
Орджоникидзе, Г. К.	86	Рейснер, М. А.	197
Осинский, Н. (Оболенский, В. В.)	89	Розмирович, Е. Ф.	206
Павлович, М. Л.	98	Рудзутак, Я. Э.	213
Пестковский, С. С.	110	Рыков, А. И.	223
Петровский, Г. И.	114	Ряппо, Я. П.	232

„Красная газета“, веч. вып. 19 декабря 1924 г., № 290.

Вышедшие первые два выпуска 40-го тома знаменитого словаря „Граната“ не содержат таких „гвоздевых“ статей, как вышедший в октябре 39-й том („Скотоводство“—проф. Богданова и проф. Придорогина, „Система вооруженного мира“ и „Смутное время“—М. Н. Покровского). Все же и в этих выпусках имеется ряд прекрасно выполненных и выдержанных в обычном для Словаря строго-научном и марксистском духе работ... Вообще, все то, что может послужить хотя бы маленьким кирпичиком в величественном здании новой России, пользуется исключительным вниманием редактора Словаря... К этому нужно еще добавить, что Словарь, за редкими исключениями (напр. в статье „Седа“), пользуется самыми свежими источниками и материалами... Этот Словарь, безусловно, нужный и могущий принести громадную пользу и первому крестьянину, и рабочему, и интеллигенту, могущий сослужить большую службу учащимся старших классов школ II ступени, и рабфаковцу, и студенту, выходит всего в количестве 2.550 экземпляров. Конечно, ни рабфаковец, ни студент, ни рабочий, ни крестьянин, а подчас и интеллигент не в состоянии платить за двойной выпуск (не исчерпывающий даже 50) 2 рубля. Но читать Словарь и одновременно пользоваться им, как справочником, они должны. Поэтому,—не должно быть ни одной библиотеки, ни одного клуба, ни одной избы-читальни, которые не являлись бы подписчиками на словарь „Граната“.

„Книгоноша“, орган ЦБ Совпартиздат. при Отд. Печ. ЦК РКП, 17/III—1925 г., № 9.

... На коротком расстоянии вышли один за другим—двойной выпуск XL т. и первый выпуск XLI тома. Как в том, так и в другом выпуске помещены обстоятельные, умело и толково составленные статьи... Из статей, разбираемых нами выпусков, отметим статью об А. К. Соловьеве, известном революционере 70-х гг., совершившем покушение на Александра II, написанную Верой Фигнер, и удачную характеристику историка С. М. Соловьева, данную Н. А. Рожковым... Удачны статьи проф. Солнцева о социальном распределении и социальных классах, снабженные обильными библиографическими данными, и статья В. Я. Ярецкого о социальном страховании и социальном обеспечении. Использован соответствующий материал в статьях проф. Молькова о социальной гигиене и проф. Мензбира о социальной жизни животных. В конце первого выпуска XLI тома помещено начало статьи К. М. Тахтарева о социологии.

Особую ценность имеет приложение к 1—2 выпуску XL тома, представляющее ряд таблиц и диаграмм, посвященных современному состоянию важнейших государств. На 88 страницах убористой печати приведены ценнейшие материалы по статистике, экономике, рабочему движению, государству, устройству и т. д. как СССР, так и главнейших государств мира. Для справок это приложение является таким незаменимым пособием. Главнейшие данные по послевоенной Европе, Америке и СССР сведены в «смысл и отчетливые таблицы и диаграммы, которыми весьма удобно пользоваться для различного рода работ. Такого рода сводка куда выше бесконечных литературных трактатов, где цифровые и фактические данные надо вылавливать и выуживать. Отметим, напр., такие красноречивые документы, как ориентировочную диаграмму о нашем землевлении в 1917 г. и землепользовании в 1922 г., или карту, характеризующую воцарившийся после войны валютный хаос. В общем все это приложение составлено чрезвычайно удачно; определенно дает себя чувствовать проделанная большая работа. Издана книжка вполне удовлетворительно: шрифты, даже самые мелкие, отчетливы...”

„Красная печать“, орган Отдела Печати ЦК РКП 25/IV—1925 г., № 11.

... Словарь нашел значительное распространение и среди сельских учителей, и среди работников транспорта, и на фабриках и заводах. Незаволго до войны явилась смелая мысль: развернуть объяснения в глубокий научный анализ в объеме университетских курсов, но при этом построить Словарь так, чтобы его статьи могли быть усвоены и очень слабо подготовленным читателем. Образцом стояла Британская Энциклопедия, выпуск 2-м изд. Кембриджский университет, самая обширная в мире, со статьями-монографиями высокой научной ценности, несмотря на строго-научный, часто специальный характер статей, получившая колоссальное распространение, широко проникшая и в рабочую среду и действительно ставшая „могущественнейшим средством распространения университетского знания в широких слоях населения“. Как к этому стремился Кембриджский университет. Мысль встретила большое сочувствие. Во главе редакции нового издания Словаря встал К. А. Тимирязев вместе с другими видными учеными. В Словаре принял участие и В. И. Ленин, давший его читателям основную статью по общественности—„Маркс и марксизм“. Писал и проф. Мечников. По некоторым специальным вопросам писали выдающиеся иностранные ученые и деятели. Для каждого крупного вопроса тщательно подбирались авторы—наиболее самостоятельный, наиболее глубокий исследователь и мыслитель...

...4-й том дает обзор и анализ „Четырехлетней войны и ее эпохи“, вышедшие выпуски дают равносторонний обзор военных действий, разработанный известными специалистами.

В. А. Невский, „Как находить нужную книгу“. Госуд. Издат. 1925 г.

„Энциклопедический Словарь бр. Гранат является лучшим энциклопедическим словарем нашего времени: он один из самых полных словарей, не загроможден мелочами, которые очень редко кому требуются; на каждое слово в Словаре дана более или менее обстоятельная статья или заметка, написанная хоршим литературным языком; сведения, даваемые Словарем, весьма свежие“.

„Вестник ЦИК СССР и ВЦИК“, 30 октября 1923 г., № 240.

„Редакция Словаря последовательно проводит и в новых томах систему, принятую ею с самого начала издания,—систему чередования обширных руководящих статей и мелких справочных заметок, что делает Словарь одновременно ценным пособием для самообразования, богатой по темам книгой для чтения и тщательным справочником“.

«Ценнейшим материалом в выпущ. томе (1—2 в. 40 т.) являются статистические таблицы, данные и приложения. Эти таблицы охватывают собой статистические данные о современном состоянии важнейших государств, при чем в них собран и богатый материал, рисующий последствия войны во всех отраслях народного хозяйства главных стран. Эти таблицы иллюстрированы хорошими и показательными диаграммами. К этому же тому в качестве приложения добавлена глава об административном делении Союза Советских Социалистических Республик. И эта глава богато иллюстрирована статистическими таблицами, при чем самыми интересными следует признать таблицы, рисующие состояние землевладения и землепользования в 1917 году. Таблицы составлены по отдельным губерниям. К этой главе приложена чрезвычайно показательная и поучительная ориентировочная диаграмма о землевладении в 1917 г. и землепользовании в 1922 году. Сопоставление этих двух диаграмм дает хотя и приблизительное, но вполне четкое представление о том значении, какое имела для отдельных районов Советского Союза земельная революция, произведенная Октябрьем. Кроме того, в этом же томе мы найдем ряд статистических таблиц, рисующих положение народного хозяйства Советского Союза, частично за период в начале войны до 1923 г., частично за более короткие сроки вплоть до 1924 г.

Вышедший из печати том, как и все предыдущие тома, является, несомненно, крупным приобретением, дающим возможность каждому почерпнуть ряд ценнейших сведений, а тем самым и обогатить свой умственный кругозор».

„Вестник Просвещения“, журн. (изд. „Нов. Москва“) № 2—3, 1925 г.

«По мере усиления работы по лабораторному или дальноновскому методу роль справочника в школьной практике выступает все яснее, и все сильнее растет потребность в специально составленной для этой цели книге, соответствующей тому или другому уровню самостоятельной работы. При таких условиях хорошим пособием для лабораторной работы может служить 1—II вып. 40 т. „Энцикл. Сл.“, как по своему размеру, так и по умелому, интересному подбору материала, извлеченного из целого ряда разл. новейших, как русских, так и нем., англ., и др. спец. сборн. и исследований. На 83 стр. прилож. в 119 табл. и ряде диаграмм дан четкий сравнит.-статистич. обзор соврем. состояния важнейших государств. 1-я часть этого обзора посвящена иностр. госуд-ам, 2-я часть—СССР. Здесь показана территория и насел. за 1923 г., администр. деление на I в 1924 г., деление по естеств. районам и нац. состав по переп. 1920 г. След. таблица определяет потерю русской армии в войну 1914—1917 гг. и развертывает картину землевладения 1917 г. и землепользования 1922 г., дающую представление о значении земельного переворота, произвед. Октябрьской революцией, при чем не только во всей территории, но и для отдельных районов Европ. России, что особенно важно при краеведческой работе школ.

...Для школ 2-й ступени, рабфаков, техникумов, переходящих на новые методы работы по обществоведению, это очень удобное пособие с свежим и проверенным материалом. Полезно оно и для библиотек и клубов».

„Известия ЦИК СССР и ВЦИК“, 23 ноября 1924 г. № 272.

«В новом выпуске Энциклопедического Словаря Гранат (1—2 вып. 40 тома) прежде всего привлекает внимание обширное приложение, составляющее лишь часть широко планированного обзора современного состояния важнейших государств. Первая часть его заключает сравнительно-статистический обзор иностранных государств и СССР. В ряду довольно многочисленных книг и брошюр по статистике мирового хозяйства за время войны, вышедших за последние 2 года, настоящий обзор выгодно выдвигается своей компактностью, продуманным и очень интересным подбором материала и свежестью данных. Его 119 таблиц легко обозримы, по обилию сведений не уступают иной книге, уделяют много места положению рабочего класса и, помимо экономики, дают любопытную статистику по эволюции парламентского представительства на западе (табл. 63—83). Но самым главным преимуществом настоящего обзора является то, что он дан в энциклопедическом словаре, в котором по каждой стране имеются обширные статьи, освещающие все их экономические развитие.

К „Обзору“ приложен ряд диаграмм. Самая показательная—диаграмма землевладения в 1917 г. и землепользования в 1922 г. по главным районам Европейской России. В крупных чертах она набрасывает яркую картину того, что дала революция крестьянству, как распределены отобранные у помещиков земля, и как сильно выросла площадь крестьянского землепользования по ряду наиболее важных в сельскохозяйственном отношении районов».

„Правда“, 4/XI, 1923, № 251.

«Настоящий Энциклопедический Словарь в значительной мере является созданием Климента Аркадьевича Тимирязева. Он был одним из главных редакторов издания, руководил в нем самым обширным отделом—отделом точных наук, сам написал все основные статьи по биологии, наиболее важные статьи по ботанике, обогатил Словарь серией художественно написанных характеристик ботаников, биологов и химиков, с особым вниманием и симпатией останавливаясь на „вольных каменишках науки“, на так-наз. дилетантах, служащих науке не по казенному назначению. Ему же принадлежат и общие статьи, освещающие развитие точного знания, его методы и условия его прогресса. Естественно, что при таком руководящем редакторе, девизом Словаря стало: „позитивизм—в философии, дарвинизм—в биологии, марксизм—в обществоведении“. Естественно, что он привлек к себе лучшие силы марксизма, что по отряду русской истории в нем с самого начала принимал ближайшее участие М. Н. Покровский, что основную статью „Маркс и марксизм“ взял на себя написать В. И. Ленин.

Новые тома Словаря составляются по той же программе, проникнуты тем же стремлением сделать научное знание достоянием каждого грамотного человека и ведутся в том же направлении, как в ранее вышедшая часть издания».

Редакция и экспедиция Энциклопедического Словаря Библиографического Института Гранат: Москва, Тверской бульвар, д. 25. Телеф. 2-06-04.

☆

100
100
100

2015147694